
АСТАРАНОЙ ЧУНУРНОЙ ДОГИ
Звёзды горских евреев
АЛМАНАХ

\\\

АСТАРАҺОЈ ҶУҺУРҺОЈ ДОҒИ

ЗВЕЗДЫ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

АЛМАНАХ ӘН ДӘСТӘЈ НҮВҮСДӘҚОРҺОЈ ҶУҺУРОЈ ДОГИ

АЛЬМАНАХ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

В Альманах вошли произведения поэтов и писателей горских евреев – членов Союза писателей из Израиля, Азербайджана, Дагестана, России, Америки, Канады и Германии. Сборник также состоит из произведений несправедливо забытых авторов, на которых воспитывалось не одно поколение любителей горско-еврейской прозы и поэзии. В Альманахе «ЗВЕЗДЫ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ» - «АСТАРАҺОЈ ҸУҺУРҺОЈ ДОГИ» представлены – публикации, проза и поэзия на языке горских евреев (широһо ə зуһун ҹуһури), на русском, азербайджанском (азəрбајдҹан дилиндə поезијасы), английском и на языке иврит (שירים ופרוזה בשפה העברית) .

Главный редактор издания:

Эльдар Гуршумов – председатель Всемирного Союза Писателей Горских Евреев (ВСПГЕ). *(Рəһбəр Ҹəһм нүвүсһој ҹуһурој доги ən дүнјоһ)*

Редакторы:

Фрида Юсуфова – зам. пред. ВСПГЕ (мавин ən рəхбəр Сојуз),
Дима Мордэхай Раханаев – ответственный секретарь ВСПГЕ (ҹовобдоһ *секретар ən Сојуз)*
Соломон Агабабаев – помощник председателя ВСПГЕ (кумəкчи ən рəһбəр Сојуз)

Корректоры:
Джуури, азербайджанский Эльдар Гуршумов
Русский, иврит Дима Мордэхай Раханаев

Компьютерная графика, верстка, дизайн: Эльнара Гиладова и Алекс Николаев

Подписано в печат с готовых диапозитивов 07.12.2018.
Бумага офсетная. Формат 70 + 100 1\16
Печать офсетная.

Израиль

ҺӘР АСТАРА

Шоһирбәндә точә сәри,
Һәр Астарај чуһур догиш!
Вәкирмәндә боčә нәри,
Әри мүздһој ӊүмүрбогиш,
Һәр Астарај чуһур догиш!

Рәӊми дүһо нәрмәлүни,
Үшүг буһо дәрчәлүни,
Офто нүһо кәрмәлүни,
Әри ризһој ӊүмүрбогиш,
Һәр Астарај чуһур догиш!

Тилисимә бурракори,
Судумирә дурракори
Сәдиг дирә сурра кори,
Әри дузһој ӊүмүрбогиш,
Һәр Астарај чуһур догиш!

Сифирлүјә гучоглуни,
Нүвүслүјә гучоглуни,
Гәлхәндлүјә Шоһдоглуни,
Әри гузһој ӊүмүрбогиш,
Һәр Астарај чуһур догиш!

Әз Худоји хушунәји,
Соj китобһо гушунәји,
Ә вәлк тарих нушунәји,
Әри бүстһој ӊүмүрбогиш,
Һәр Астарај чуһур догиш!

Пәнчәj дәсjү гәләмлүни,
Чарһој сәсjү ӊиломлүни,
Ковләj нәфсjү ӊәләмлүни,
Әри рузһој ӊүмүрбогиш,
Һәр Астарај чуһур-догиш!

Сәдигә бор дорәкори,
Садана ӊор дорәкори,
Әлдара шор дорәкори,
Әри ӊәзһој ӊүмүрбогиш,
Һәр Астарај чуһур-догиш!

Әлдар Гуршумов

ЈӘ-ДҮ КӘЛМӘ КОФ

Һәзизә хундәкорһо! Ә јә дүлвәбәрә хошлүтәјә һәвәсиһој оһилјәтирәвоз и күзәтлүјә 2-мүн алманах чуһурһој догирә әри күнчундә ә чәнди имконлүә инсонһо суроглу мундумкәш, бәһәрлүјә нәтичәһоју ә бәхширә дәһәмлүјә додһој хүшдәрәвоз, рузикорһој зиндәкунирә дијәштәш ә нурһо чарундә, әји кәрәлүјә вә һәсәллүјә Хори – бәбә-кәләбәбәһојму, чәнд чиро фикирһојмәрә хәјоллү, гулһојмәрә гәнәтлү вә арзуһојмәрә чәһмәтәлү нушу дорә, мәлһәмјәти инсонјәтирә ә растлүјә сәдигирәвоз әри әз Тироһо вәкирлү вәкүрдә, ә Худолүјә – фојдәлүјә рәһһој хушбәхтиһо нә мозолмәндиһо ә динчијә ковләјирәвоз һәм имидлү вә һәмикә сабурлү вәнкәсди! Һәзизә хундәкорһо! Јәкимүнә чаплүјә алманах «Астарајму» коминики, әдәбијјәтчиһој чәһми нүвүсдәкорһој-чуһурһој доги Израил, ә 2001-мүн сал, руј үшүтә винирәбуһо вәһдә, әз әлифбој «Гүбәји» һич јә кәлмә кофәш букә јәкиш ә јор дәшәндә нә војисдәбу. Митанүм куфдирә, ки әз 1924-мүн салавоз сәр күрдә, ә сәр һовунсүзә зуһун сугдә дәдәји мә, ә чәнд чироја дәкишуки бириһо лүгәтһорәвоз, ә дүнјоһ күрүкмиш нә буһо түндлүбәндә гозиһој хуб нә бирәни ә әнкүллүјә мүшкүләт офдорә бәгдә, әдәј әз рәһмлүјә бәндәһој әни Бәбәмәндә Худој һәг, суроглүјә мәлһәмиһој чорәјирә ә сабурсүзи хүшдәрәвоз, јә шир дәдәјә хојуһо һәјилә хуно тәшнәлү күзәт сохдә! Һәзизә хундәкорһо! Әри әни товнә ә нүвбәти ичлас чәһми нүвүсдәкорһој-чуһурһој доги ән Израил, ә 2004-мүн сал, ә мәһ март и мәсәләј ән лүгәтәш иму ә тәшнәјирәвоз мүзакирә (анализ) сохдә, ә јә Худолүјә гәрор оморә, ә пишој һүрмәтлүјә хәлг иму дијәштәш әри үзјог вәдирәморә чәһди инсонјәтимурә ә лојигирәвоз бурбундим вә ә әлифбој «Гүбәји»рәвоз һәмишә ә һәр чикә ә козитһо, журналһо вә әри таза китобһорә вәдәшәндә гәрор гобул сохдим:

АЛӘФБИ-ЂӘРФНОМӘ
АЛФАВИТЫ

ӘЛИФБОЊОЈ «ГУБӘЈИ» НӘ «ДЕРБӘНДИ» ӘН ЧУЊУРЊОЈ ДОГИ

СООТВЕТСТВИЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ ФОНЕМ ЯЗЫКА ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

ӘЛИФБОЊОЈ «ГУБӘЈИ»
АЛФАВИТ ЯЗЫКА ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ ВЫХОДЦЕВ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА НА ОСНОВЕ КИРИЛЛИЦЫ

(создан в 1939 г., считается неофициальным, состоит из 30 букв и "К")

Аа а	Ӏ,ӏ, иы	Бб бэ	Вв вэ	Гг гэ	Ғғ гъ	Дд Дэ	Ее еэ
Зз зэ	Ии, ы и,ы	Йй; Jj юу	Кк ка	Ӄк г	Лл эл	Мм Эм	Нн эн
Оо о	Пп пэ	Рр эр	Сс эс	Тт тэ	Уу у	Үү Ую	Фф фэ
Хх ха	Ҳҳ ҳэ	Ҳ̄ҳ̄ хэ	Чч чэ	Ӌч дж	Шш шэ	Әә Э	

ӘЛИФБОҲОJ «ДЕРБӘНДИ» (ХЬЭРФНОМЕЙ ТАТИ)
АЛФАВИТ ЯЗЫКА ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ
ДАГЕСТАНСКАЯ ГРАФИКА НА ОСНОВЕ КИРИЛЛИЦЫ

(создан в 1938 г., считается официальным, состоит из 38 букв)

Аа а	Бб бэ	Вв вэ	Гг гэ	Ӏь,гь гь	Ӏъ,гъ Гъ	Ӏ,гӀ гӀ	Дд дэ
Ее е;э	Ёё ё	Жж кэ;дж	Зз зэ	Ии и	Йй Й	Кк ка	Ӏл ль
Мм эм	Нн эн	Оо о	Пп пэ	Рр р	Сс Эс	Тт гэ	Ӳ У
Ӳь,уь ую	Фф фэ	Хх ха	Ҳь,хь хь	Цц цэ	Чч Чэ	Шш шэ	Цщ ща
		эхдэ, *эрмэ зн.* ъ,ы,ь	Ээ э	Ою ю	Яя Я		

Ә гәриш дү әлифбо ә дәрә нүвүсдәмһо тәфәһәтә митанит очуг хуб хундә:

1. **Гь - Г**; 2. **Э - Ә**; 3. **Ж - Ӌ**; 4. **Уь - Ӳ**; 5. **Гь - Ӏ**; 6. **ГӀ - Ӏ**; 7. **Г - К**; 8. **Хь – Ҳ**.

Әзи чәдвәл бәгшәј сәрбәтлү вичирә оморәниһо јә чәнд һәрфһо: **«ь», «ъ»** вә ә тәркиб әлифбој урисиһо дәриһо һәрфһо: **«ё», «я», «ю», «ж», «щ», ы, «ц»** ә кәрәкә вәһдә, нүвүсдәкорһорә воисдән вәхт митанүт (ә график ән урисирәвоз) истифадә сохдә. Әјинчикә имбу јә чәнд мәсәлһо овурдә: **Јор - Ёр, бијо - биё, мәјо - мәё, Јашар - Яшар, јаралү - яралү, үјунчог - уюнчог, Јумту - Юмту, јү-ю** вә дијәш амбартәјә кофһорә имбу әјор дәшәндә. Зуһун дәдәјимурә һәр

тәрәфлү тәһлил сохдәнки ә пишојму амбара гәјгулүјә чәтинињо вәдирәмокәш, дијә һич чиро пәсәвотә рәһ әниму нитанү бирә. Ә дүјәки кумәки бурбундә, әз дүли-чуни, фурәгүсдә һәмәлһорә ә һәгглүјә растирәвоз зутәтә күнчундә кәрәки. Ишму данусдәнит, ки әз 1939-мүн салиһорәвоз ә Догисту, ә шәһәр Махачкала, әз тараф ән һүкумәт ә график урисирәвоз тәсдиг бириһо әлифбо тә имоһојиш әдәј ә чәтинирәвоз хундә оморәни. Мәрә воисдә әришму јә чәнд чиро мәсәлһо кәшүм:

Элифбой Дербенди:	**Әлифбој Гүбәји:**
Гъуьзуьргуьлгьо	Гүзүркүлһо
МуьгӀуьжуьзгьо	Мүһҷүзһо
Жуьр-бәжуьргьо	Чүр-бәчүрһо
Гъуьлгъуьлегьо	Гүлгүләһо
Бебелейме	Бәбәләјмә
Мэхьтеллуьгьо	Мәһтәллүһо
ГӀонилугъгьо	Һонилугһо
МэгӀэнигьо	Мәһәниһо
Хьэримлугъгьо	Һәримлугһо
БэгӀэдетигьо	Бәһәдәтиһо
Хьэлэгъогъол	Һәләгогол

Ә һозор салиһорәвоз Кәләтәјму тәјтә нәсилһојмурә сабурһорә дошдә-дошдә, әкәр, ә мозолмәндә гәдүшлүјә Хориһој Кәләбәбәһо чүтам оморә вәдирәморәткә, һә һочуш ә сабурәвоз үшүгмәндә нурлүјәти зуһун дәдәјирә ә руј бүтүн һәилом сәпәләнмиш бирәтһо чәһмәтмәт ән сүрхијәти һоворә хунош, овә хунош, јә кијикә нунә хунош һәм мәлһәмлү вә һәмикә һәсәллү митанүт! Әз 2003-мүн сал сәр күрдә тәјтә имбуризинә 2016-мүн сал ә тарих чуһурһој доги ингәдәр амбара китобһо руј үшүгә нә винири. Әри мәдәнијјәт оморәниһо нәсилһој чуһурһој доги әзи зијодтә кәлә бәхшиш нитанү бирәш. Ә хотурәј оморәниһо тазајә алманахһој «Астарахој чуһурһој доги» киро, тә 30 шоһир нә нүвүчорә комини ки монуһо бирә, һәилом хүшдәрә дәкиш сохдәкорһорә шәјирһо нә нүвүчошурә јә чикә кура сохдә ә комијутермә ә диск вәчирәм ки, ә кәрәклү бошуһо вәһдәһо истифадә сохим куфдирә. Һәзизә хундәкорһо! Дүлһошмурә һәмишә кәрмлү митанит дошдә ки, јә үзкәјә милләтһорә хуно мәһ0донлүјә ширинә кәлмәһојму әз ләһәһо ә һозор-һозор салиһорәвоз шинирә мијов куфдирә. Ә бүтүн әзини чәһми дүнјоһ сој мигдоријәтимуш әкәр ә 200 һозорһо расирә данусдәникәш, ә чунә дорәкорә кәлә һилом бәхшәлүјә Худој һәгг, һофт бо шүкүр кәрдо ки, и чүклә хәлгләјмәрә академикһош, кениралһош, прфессорһош, духдирһош, мәһлүмһош, мүһәндисһош, бәстәкорһош, шоһирһош, нүвүсдәкорһош, мәһнихунһош, кенералһош, рәһбәриһош, мозолмәндиһош вә хушбәхтиһош бәхш дорәи киро, имуш бүтүн һүмүр бијо әнчәг вә әнчәг һә ә Тироһо нәхш зәриһо сәдиглүјәтә никә рәһһорә вичирә әзир рәһмлүмәндә гәнәтһој ән Офуррәкор Чәннәтлүјә бочлу вә точлу бошим! Худо һәрмәһ ишму бирәји ә зијодијә алманахһој «Астарахој чуһурһој доги»му гисмәтлү мундәји, кифләтһошмурәвос һәм мүһкәмлүјә чунсогломлү вә һәмикәјкә мозолмәндәлүјә парчонбәндлү зиһисошит!!!

"""
Суд бирәнки әри сәдиг нә әлчәг,
Чорәj инсон ә дәс ХУДО дә әнчәг!
"""
Әкәр вojисдәкә бәхтәвәр боши,
Шикojәт нијо бу әз зиндокуниш.
Әрковон пирирә шор күрдә хоши,
Ђәсәлмәнд бијо бу ћәз мундәкуниш!
"""
Офтоји ћәсмурә үшүг дорәи,
Чумћо ә нурәвоз пур мидав бирәш.
Хори ә фурм ћәрүс ухшәр норәи,
Мәнзәрәj чәннәтә кур нидав дирәш.
"""
Күвәнмиш нә бош тү ә сәс-күj надан,
Jә корә тә әхир ниданү дирәш.
Чәћмәтә инчимиш сохдкә у садан,
Ә ћәр тин дүшмәнү миданү бирәш.
"""
Кипәрә ХУДОлу ә сәр дәкүрдә,
Тә кәj ки, хубирә әз дәс нә норит,
Коф-кәләч шәрћћорә әјор нә күрдә,
Тирорә моч сохдә, ә пәмбә дорит!
"""
Хубә кор милләтә әз дәстү мәшән,
Ә сәјәг jә богбон бог-богчә дәшән.
Чәћмәтиш салбәсал бор чикә амбар.
Ћүкм Худош чәннәтлү имбу, ој Әлдар!

Әлдар Гуршум

Әлифбој Гүбәjирә әвәз сохућо jә әлифбојкәрә сурог сохдә кәрәк нисди. 80% нүвүчојму әји әлифборәвоз әдәј нүвүсдә. Әри jә таза әлифборә әз бим вомухдә чућуфој догирә нә ә богчәћо, нә ә школәћо, нә ә үзкә чикәjкәћо ћич чиро имкон нисди. Әри әни товнә ћисдићојмурә әз дәс вәдәшәндә кәрәк нисди. Бил кәләтәћој ән ћәр хунә ә ћәjилћо нә нәвәћој хүшдә әз дүли-чуни зућун дәдәjирә вомухут!

Әкәр и хубә мозолмәндә корә ә ћәдәт вәнкәсдимкә, Офуррәкор – ХУДОj ћилом, нәсил-бә-нәсил, әз чућуфој-догиму рази мундә, ћәмишә имурә әри ћәсәлмәндә зиндәкуни винирә сәдиглүjә гисмәт мијүлү!!!

Әлдар Гуршумов – ***Рәћбәр Чәћм***
Нүвүсћој Чућуфој-доги ән Дүнjоћ. (Председатель Всемирного Союза Писателей Горских Евреев)
Главный редактор алманаха

Гуршумов Әлдар кук Пинһос (07.12.1940)

Ә Чәһмнүвүсдәкорһој Израил нән Азәрбајчан дәри. Әз 2003-мүн салавоз Рәһбәр нүвүсдәкорһој чуһурһој-доги ән һиломи. 30 шоһирһо нә нүвүсһо ә харичи үлкәһо, 60-икәјкә ә Израил зүһүсдәнүт. Ә гәриш ән 16 сал, 21 шоһирһојму һиломә дәкиш сохдәт. ХУДО рәһмәт сохо!!! Әлдар Гуршумов ә хубә дијор Азәрбајчан, ә Гирмизинә Гәсәбәј ән рајон ән Гүбә ә дүнјоһ омори. Әри тар зәрәји киро 5-сали мусиги мәктәбирә, әри ә вокалиш нән композиториш киро хәлг кон-серваторијәсирә, јәкикәјикә дү факултет — физика нә математикај педогожи института варасди. Ә мед. училеш нубо дори, ә мәһлүмһорә (ә ишколоһо нубо дорокорһорә) тәкмилләшдирмиш сохдәниһо институтут шәһәр ән Боку кәләј кафедра, директор ишколәј шәви нән гијаби, ә директорлуг коллективиһорәвоз сәс нүвүсдәј ән фонд дөвләт радио нә телевизор Аз. ССР кәләји редактор, Азәрбајчан азад бирә бәгдә, ә Гоби нә Һүвсән гәсәбәси директор хүсуси сәнг вәдәшәшдәниһо (даш карханасы) сahә кор сохди. Әз 20-салаји ә телевизор нә радио консертһоју дорә омори. Имоһојиш ә радијој Азәрбајчан нүвүсдә мәһәниһоју әдәј сәсләнмиш бирәни.

Ә 1998-мүн салиш әз Москов ә Израил омори. 6-донәјкә китобщојуш вәдиромори: "Сүрхә нимазһој ән Тәлһүм" (700 сәһифә), "Тәлһә һәрсһој дәдәј" (814 сәһифә), "Худолујә чәркәһо" (864 сәһифә), "70 васал ә 70 сал" (906 сәһифә), "Рүбаиһо" (816 сәһифә). "Бәндәһо" (1000 сәһифә). 7-мүн китобуш һәзүр имбу әри 2017-мүн сал (905 сәһифә), шәјирһој хүшдәрә хундәниһо Аудио диск вәдирәмори. Ә шәһәр Ришон-ле-Цион зиһисдәнки ә Универститут Бар-Улан әз мусиги-тар нубо дори, һәмчин ә оркестер тар зәри вә нүвүсдә мәһәниһој хүшдәрә нә мәһниһо, тәснифһо, мугомһој ән Азәрбајчана ә консертһо ә һәвәсәвоз хунди.

Израили нум Вәтәнмәш

Азәрбајчан рәһ дориһо — Израили нум Вәтәнмәш,
Ә коф ХУДО чәһд нориһо — Израили нум Вәтәнмәш!

Ә руј дүнјоһ зу чар бири сибдорлүјә богһој Гүбә,
Әз Мишибәнд Тиројиһо — Израили нум Вәтәнмәш!

Бирорбәндлү чикә күрди мусулмуһо ә дүл чуһур,
Чүн Саломон-чоројиһо — Израили нум Вәтәнмәш!

Әз бим диплом сәнәһәтһо дәр вокунди шәһәр Боку,
Әз бәхширә бул шориһо — Израили нум Вәтәнмәш!

Гирмизинә Гәсәбәрә вәкир дошди зуһун иврит,
Әз хәт гәләм-пиројиһо — Израили нум Вәтәнмәш!

Ә нәзники ӄовлә имбу сугдә хоӄһој ән Гарабаг,
Әз ухшәри руј хориһо — Израили нум Вәтәнмәш!

Ә никәрәј овһој Гуджол шушдәт ћәмис Нисонурә,
Гоголһорә фирсориһо — Израили нум Вәтәнмәш!

Ћәм Низами, ћәм Физули кәлмәбәндлү күшди шәрҧә,
Чунәј бәдә водориһо — Израили нум Вәтәнмәш!

Гәсд-гурбуни тәрс Ишмәҧил сәдиг ћишди Овроһомә,
Әз синәмиш кор-бориһо — Израили нум Вәтәнмәш!

Әз залумһој унчош-инчош ћич шүбһәлү мәбош, Әлдар,
Дүшмәнә сәхд додориһо — Израили нум Вәтәнмәш!

Әј нәчоги

Јә мәћәлиш нә оморәј ә хушәјмә, әј нәчоги,
Чун согирә дәпарундәј әз кишәјмә, әј нәчоги!

Нәћәләти әдәм хундә әри сәнгә ћор-вичдонтү,
Вирәсур бош јәболугә әз ләшәјмә, әј нәчоги!

Сәбәб бирәј әри мичәј ћозор чүрә ћәзоб-губһо,
Сәс оһ-војһо чикә ӄүрди ә ӄушәјмә, әј нәчоги!

Омунмәрә ћол нә мунди әз амбара гәм фубәрдә,
Дәрд ћиломә тији мәсох ә пишојмә, әј нәчоги!

Үшүгмәнди Вәтәнмәни – јарашуги ән тәбиәт,
Чәјроиһорә гујлу мәјил әз вишәјмә, әј нәчоги!

Тәмарузә ћәсрәтлүнүм әри ћәсәл-шәкәрбәнди,
Дәћәм – ләзәт нәс чусдәнүм әз нушәјмә, әј нәчоги!

Әз хотурәј сәдиг мундә ә бүӄүр чум бәдә ћәчәл,
Ӄурундирә зијод мәсох ә дүшәјмә, әј нәчоги!

Әз су-јәлов гәрги тәнү кусовлүјә руј вәӄүрдә;
Аташбәндлү кип мәвәпич ә мошәјмә, әј ночоги!

Рузбәрузлу нибу бәрдә гумор-нәрдә әз сој дү-бир,
Ћәләчиӄәр-гур имбоши әз гушәјмә, әј нәчоги!

Шоһирмәндә Әлдар хәлгүм, әз сүрхә бәхш Кәлә ХУДО,
Ћич нә буӄә хәчәләт кәш әз пишәјмә, әј нәчоги!

Вишә

Чү рач варајусди лүкәһој ән дор,
Маралһо, чәјрәнһо – јарашуг вишә!
Јә дор күл овурди, јә дорикә бор,
Булшәјһој тән хори – сәрмәшуг вишә,
Маралһо, чәјрәнһо – јарашуг вишә!

Һәрдән војисдәнүт пар зәнүт гушһо,
Һәрдән ә дүләсди мундәнүт гушһо,
Һәрдән ә хорәвоз хундәнүт гушһо,
Һәр овоз дорәкор јә ошуг вишә,
Маралһо, чәјрәнһо – јарашуг вишә!

Инчо ҕәдәт нисди сокит хисирә,
Инчо гудуз мијни пәләнкә, ширә
Инчо зиндәкуни әдәј дүширә,
Ә хунә бәмзәри – бун-очуг вишә,
Маралһо, чәјрәнһо – јарашуг вишә!

Ә човгун, ә кәрми бирәҥнәји тән,
Кучлүһо зәҥифә сохдәни дән-дән,
Һәчи хутә бирәт лап әз бинәдән,
Ркһмсүзә гонунһо јә сундуг вишә,
Маралһо, чәјрәнһо – јарашуг вишә!

Овчи әнкүшд дәсә сәхд шиширәнки,
Куллә тә дүл чәјрон рәҥ кәширәнки,
Кәрмә хун, бугбәндлү, ләхтә зәрәнки,
Әлдариш мукују: – Чү јәзуг вишә,
Маралһо, чәјрәнһо – јарашуг вишә!

Ҕәрс вәкуфдә

Фәргү нисди јә чоһили, јә пири,
Әз шәрҧ бала ҕәрс вәкуфдә чум дәдәј!
Әз дүләсди нимәлитә фәгири,
Сәр-синәрә гәсдлү куфдә, һәм әдәј,
Әз шәрҧ бала ҕәрс вәкуфдә чум дәдәј!

Хубиһоју әз хәрәбһо кәмтәји,
Никиһоју әз ҕәзобһо гәмтәји,

Сәс-тикијү әз дәб зилһо бәмтәји,
Сәр-синәрә гәсдлү куфдә, һәм әдәј,
Әз шәрһ бала ҕәрс вәкуфдә чум дәдәј!

Дог кәшири рукәруку һачи дан,
Зәһм ҕәшири – үкәј дурку һачи дан,
Әз бәд шири – гәзәббурбу һачи дан,
Сәр-синәрә гәсдлү куфдә, һәм әдәј,
Әз шәрһ бала ҕәрс вәкуфдә чум дәдәј!

Фикир-хәјол фирогунди рујурәш,
Шидрај кәмәр саравунди бујурәш,
Сипирә вәрф варавунди мујурәш,
Сәр-синәрә гәсдлү куфдә, һәм әдәј,
Әз шәрһ бала ҕәрс вәкуфдә чум дәдәј!

Боләј ҕәјб-ҕор сухундәни тән-дүләш,
Ә шоһ дамар духундәни әнкүләш,
Ә хок хори расундәни кәкүләш,
Сәр-синәрә гәсдлү куфдә, һәм әдәј,
Әз шәрһ бала ҕәрс вәкуфдә чум дәдәј!

Һәләмәһәл овһол нибу азараш,
Чорәбәндлү мәлһәм мәбу ә јараш,
Сурлу буһо һәг-ћисоби Әлдараш,
Сәр-синәрә гәсдлү куфдә, һәм әдәј,
Әз шәрһ бала ҕәрс вәкуфдә чум дәдәј!

"""

Ја бәндәјүм, сәр дәдәјәш,
Нүш, тимор сох сәр дәдәјәш,
Кук-духдәрјү рујә чарундкә,
Ки мокуну дәр дәдәјәш?

Кузәтлүнүм

Ә гуг кәллај Синај вәрүм,
Воровһорәш кузәтлүнүм!
Ә кәф пәнчәј ХУДО дәрүм,
Дировһорәш кузәтлүнүм!

Ә әшгәвоз нүвүсдәнүм,
Мүһбәтлүрәш кузәтлүнүм!
Ә бәхшәвоз зүһүсдәнүм,
Мүһләтлүрәш кузәтлүнүм!

Ә војкәһо гисмәт мундәм,
Мунуһорәш кузәтлүнүм!
Ә тар зәрә, ћәсрәт хундәм,
Хунуһорәш кузәтлүнүм!

Қофһој шәјир әз сүрх парусд,
Парнуһорәш кузәтлүнүм!
Синә һәшдан ә сејф чарусд,
Чарнуһорәш кузәтлүнүм!

Бәхилһорә вир-сур дирүм,
Вүнүһорәш кузәтлүнүм!
Ә од норә мә ћәзүрүм,
Бүнүһорәш кузәтлүнүм!

Јәршолојим – шоһ дамари,
Гул-гәнәтәш кузәтлүнүм!
Шоһирмәнди – ћәсмуј-пари,
Рәћ чәннәтәш кузәтлүнүм!

Әлдар, тәјтә һәлә дәрди,
Шолијәћәш кузәтлүнүм!
Офуррәкор – Кәлә Мәрди,
Мошијәћәш кузәтлүнүм!

Дүшмәз аралы

Үкәј фикир чашдырмасын ағлыны,
Шуша Јурддан дүшә билмәз аралы!
Өлүвајлар нуш еләмәз јағлыны,
Зәһәр гатсын һәр үрәји јаралы,
Шуша Јурддан дүшә билмәз аралы!

Нечә дәһи оғуллары јетириб,
Гарабаға јарашығы кәтириб,
Мәғрур-мәғрур гочаглары итириб,
Әвәз етсин һәр үрәји јаралы,
Шуша Јурддан дүшә билмәз аралы!

Дағларынын бүкүлмәјән дизи вар,
Торпағында Бүлбүлүмүн изи вар,
Јад көзүнә батырасы бизи вар,
Гисас алсын һәр үрәји јаралы,
Шуша Јурддан дүшә билмәз аралы!

Шух марала тән охшајыр дурушда,
Аздырмасын нәфси гәпик-гуруш да,
Дүшмән үстә ад газансын вурушда,
Pаһат јатсын һәр үрәји јаралы,
Шуша Јурддан дүшә билмәз аралы!

Далғаларын адәтидир – шар бағлар,
Сарајлары әвәз едир – чардағлар,
Һәсрәтиндән каман ағлар, тар ағлар
Шән охусун һәр үрәји јаралы,
Шуша Јурддан дүшә билмәз аралы!

Бошбогазлар јерсиз јува салыбдыр,
Доғмалылар орда-бурда галыбдыр,
Әлдар вә'ди Танрымыздан алыбдыр,
Әмр көзләсин һәр үрәји јаралы,
Шуша Јурддан дүшә билмәз аралы!

Азәрбајчан бирләшәндә

Һәр әскәрә баш әјәрәм Азәрбајчан бирләшәндә,
Памбыг илә даш дәләрәм Азәрбајчан бирләшәндә!

Ширинлији балдан умар арзуларын бар-бәһәри,
Торпағына хош кәләрәм Азәрбајчан бирләшәндә!

Шеирләрлә учалдарам бу шәрәфин гүдрәтини,
Синәми там бош едәрәм Азәрбајчан бирләшәндә!

Дар күн көрмәз – Шаһ Исмајыл Хәтаидән дәрс аланлар,
Руһуну да шад биләрәм Азәрбајчан бирләшәндә!

Одлар јурду нур сәпәндә - Күнәш тәки өз елинә,
Хошбәхтлији нуш диләрәм Азәрбајчан бирләшәндә!

Севинчими ашдырачаг тоја-бәндли көз јашларым,
Бәдхаһлара чох күләрәм Азәрбајчан бирләшәндә!

Доғулдуғум Вәтәнимчүн бир әскәрәм – гәләмимлә,
Дүшмән бағрын шух дидәрәм Азәрбајчан бирләшәндә!

Фүзулитәк зөвг алачаг – Низамидән бәһрәләнән,
Бу адәти туш күдәрәм Азәрбајчан бирләшәндә!

Һагг – әдаләт һөкм сүрәчәк Машиjахын кәлишиjлә,
Көj Хәзәрдә мәст үзәрәм Азәрбаjчан бирләшәндә!

Короглунун гылынчы да өз гынында jашар, Әлдар,
Чәннәтә дә пак кедәрәм Азәрбаjчан бирләшәндә.

Физулидән аjыб олар

Бөнүврәдән адәт үзрә сәһәр сүбһдән сөкүләр дан,
Талеһ үчүн шәрәфбәндли әкиз кәләр шүһрәт вә шан.

Көлкәсиндән узаглашмыр өз бәхтини сынаjанлар,
Мин дәрд илә үзләшәрләр халг ичиндә шәри jаjан.

Гочаланда учалығы баjраг илә тән тутанлар,
Истедадын зирвәсини кәнч jашындан едәр бәjан.

Мәгамында гиjмәтлидир тажаланмыш саманлар да,
Бриллиант тәк парламасын гызылыны алмаз сажан.

Jараданын бахышында өз әһдини позан jердә,
Варлығынын һарамыjла су ичимдә батар мажан.

Харигәләр jараданда әсли илә бәһәрләнән,
Абыр-ары сүпүрәчәк әмәлиндән усанмаjан.

Башгасынын бирчә күнү чалаг олмаз саф өмрүнә,
Сағламлығы саз оланлар дурнасажаг учар һәр ан.

Мәчнунларын сырасында из салмағла фәхр етмә сән,
Мәһәббәтин кешиjиндә Шаһдаг кими арха дажан.

Jарымчыгбәнд дүчарлашар гаранлығын зүлмәтинә,
Пешманчылыг чәкмәjәчәк сәнәтини нурлу сажан.

Ара-сыра шеjр гошмаға, Елдар, һәвәс көстәрсән дә,
Физулидән аjыб олар гәзәл jазсан утанмадан!

Азәрбаjчан

Шаһ әмәлим бир сирр деjил ашкарлығын нишанында,
Доғулдуғум Вәтәнимдир – Ана jурдум Азәрбаj\ан!
ХУДАмыза шүкр етмәкдир агибәти ад-санын да,

Ибраһимтәк садигбәндләр торпаг үчүн кечир чандан,
Доғулдугум Вәтәнимдир – Ана јурдум Азәрбајчан!

Рәһбәрлијин арзулары күч кәтирир биләкләрә,
Низаминин кәламлары гида верир диләкләрә,
Үзәјирин бәсдәләри шәфа сәпир үрәкләрә,
Муғамлары аләм үзрә газандырыр һәм ад, һәм сан,
Доғулдугум Вәтәнимдир – Ана јурдум Азәрбајчан!

Гара гызыл мәшһурлашыр дилдән-дилә әсрләрлә,
Азадлығы керчәкләшир елдән-елә нәсилләрлә,
Көзәл Бакы чәннәтләшир илдән-илә фәсилләрлә,
Кәләчәји чох парлагдыр, јашадыгча нурлу чаһан,
Доғулдугум Вәтәнимдир – Ана јурдум Азәрбајчан!

Харигәләр јарадылыр Сумгајытда, һәм Кәнчәдә,
Һејдәрбаба гајғысы вар һәр гочаја, һәр кәнчә дә,
Тарихләрдән силинмәздир Хочалыда ишкәнчә дә,
Һәрарәтли ишыг дәрир һәм Күнәшдән, һәм дә Ајдан,
Доғулдугум Вәтәнимдир – Ана јурдум Азәрбајчан!

Гарабағын бајрамына сәбр етмәјә мүһләти вар,
Хошбәхтликлә бәһрәләнән әбәдилик шүһрәти вар,
Поладдан да мөһкәм олан, әјилмәјән гүдрәти вар,
Шәрәфинә ара вермир халг севинчи һеч бир заман,
Доғулдугум Вәтәнимдир – Ана јурдум Азәрбајчан!

Кен дүнјада мәшһурлашыб Јәһудиләр Гәсәбәси,
Јерә-көјә сығышмајыр өвладларын гәләбәси,
Израилдән далғаланыр Әлдарын да шән нәғмәси,
Оғлу тәки өјүнүрәм, варлығына дејәрәк: - Чан!
Доғулдугум Вәтәнимдир – Ана јурдум Азәрбајчан!

Дүшмән

Хочалыја кәдәр олдун,
Гәлби дашдан олан дүшмән!
Вәһшидән дә бетәр олдун,
Сачы башдан јолан дүшмән!

Гар-јағышын гытлығындан,
Чијәринин чатлығындан,
Гураглығын учбатындан,
Гангал тәки солан дүшмән!

Рүсвајлыға јесир ғалмыш,
Намәрдлијә әсир ғалмыш,
Бөтүвлүјә кәсир ғалмыш,
Һәгигәти данан дүшмән!

Бөһтанлары арашдырыб,
Көзү ода ғарышдырыб,
Өз әлијлә алышдырыб,
Аловуна јанан дүшмән.

Үзкә јурда мәскән дејән,
Милләтинә Вәтән дејән,
Өлүмүнү јетән дејән,
Варлығына јалан дүшмән!

Ғарабағын һајындадыр,
Гулдурларын пајындадыр,
Көчмишләрин сајындадыр,
Башын тора салан дүшмән!

Сәһибијлә өјүнмәкдән,
Илан тәки сүрүнмәкдән,
Әлдар дејир: - Көч мүлкүмдән,
Чәһәндәмдә долан дүшмән!
"""
Бир бәндәјәм тохујајдым,
Дүшмәнә тор тохујајдым.
Азәрбајҹан муғамыны
Хоҳалыда охујајдым!
,,,
Пәләнклә үзләшсә мешәдә азан,
Нә молла лазымдыр, нә ғәбир газан!
"""
Думанлы дағларын ғарлы башында,
Ачылмаз сирри вар ғара дашын да.
"""
Сынајанда досту, јары
Һаггы данма сафдан сары.
"""
Садигбәндли гул олмасан Аллаһа,
Күл-чәннәтә бел бағлама бир даһа!

Certificate
תעודה
На Святой Земле Израиля
В Президентском лесу
Посажено дерево
в честь
Эльдара Гуршумова
AZIZ
Февраль 2018
Keren Kayemeth Leisrael • Jewish National Fund • קרן קיימת לישראל

Векилов Вагиф Самедоглу – поэт, драматург, общественный деятель. Родился 5 июня 1939 года. По образованию музыкант. Пришел в литературу в начале 60-х годов. В 1968 и 1972 гг. вышли два его маленьких сборника стихов «Телеграмма с дороги» и «Судьба дня». Он стал литературным гуру для нескольких поколений азербайджанских поэтов-модернистов 70-80 гг. Однако, официальная критика яростно осудила молодого поэта из-за несоответствия формы, образов, темы стихов политически-идеологическим рецептам. После этого наступило его молчание и он начал писать в «стол». Через 24 года, после обретения Азербайджаном независимости, в 1996 году вышла егосамая внушительная книга «Здесь я, Господи..». Книга стала событием в культурной жизни страны.

В 1999 году вышел сборник стихов «Далекий зеленый остров». В.Самедоглу является автором свыше десятка пьес. В Москве, Турции, Грузии, Америке вышли сборники стихов В.Самедоглу. Является народным поэтом Азербайджана. Член Союза Писателей Азербайджана и Израилья В конце 80-х гг. активно участвовал в народно-освободительном движении. Он был удостоен государственных орденов: «Шохрат» , «Шараф», «Истиглал» (Независимость). Являлся депутатом Азербайджанского Парламента (Милли Меджлиса) двух созывов. Был представителем Азербайджана в Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ).

«На чистый лист ложится стих...»

***

Море затихло, уснули волны...
Пора! Есть остров средь водной шири,
Упасть ничком на песчаный берег,
Не ведать совсем ничего о мире...

Господи! Чьи облака проплыли?
Зачем пролетела та птица мимо?
Одну дал мне жизнь, сотворив поэтом,
С болью и горечью нестерпимой.

***

Уже не верилось вполне-
Внезапно сам увидел море.
В действительности - не во сне-
Костер горел на косогоре.

Дуб тень отбрасывал на землю-
Я видел это наяву,
И до оскомины зелёный

Впитался цвет листка в траву.
В тот день - он ясен был и тих-
На озеро садились утки…
Как много, слава Богу, их-
Существ- еще живых и чутких.

***

Хочу уйти, но вновь спешу обратно,
Жизнь сузилась до комнаты теперь.
Куда бежать и где искать мне выход?
Захлопнулась меж мной и миром дверь.

Но свет дрожащий лампы этой старой
Тенями полнит тесное жильё.
И слово «жизнь» из строк моих изымет
Господь - и молвит строго: «Не твоё».

***

В пустыне сохнет тамариск-
О, как живое уязвимо!
Как в песне, мой костёр горит,
Глаза твои застало дымом.

Напев тоскливый, влажный зов
Очей - древней земных обличий…
Волк - одиночка вдалеке,
Давай к огню его покличем!

Молю тебя, Господь, услышь –
Пока и угли не остынут,
Не дай чужому забрести,
Пусть дождь не хлынет над пустыней.

И нос дразнящий дым костра
Смешался с горечью полынной,
В тень песни падаем ничком,
В мотив, как жизнь сама, недлинный.

***

А может, вновь не загорится
Теперь погосшее окно?
О, сколько в нем мсчезло света:
Средь бела дня – совсем темно.

И чьи-то руки задрожали,
И поселился в ком-то страх…
В о тьме – сплошной скалы надгробье:
Победу торжествует прах.

И в небе журавлиный клин
Сулит не встречу – расставанье,
Неотоснившиеся сны
Подвержены истолкованью.

Свободной речи дар утерян,
И звуку звуком не помочь.
Не останавливаясь, годы
Вновь мимо нас уходят прочь.

***

Дым поднимается над крышей,
Дым разъедает мне глаза…
Н о поэтическое слово,
Изъяв из строк, понять нельзя.

Вот над забором дым клубится,
Как призрак скрытого огня.
Как мог ты, Господи, позволить
Моим стихам судить меня?

И снова едкий запах гари,
От влажных дров по саду чад…
Стою и всё в костёр кидаю,
И грусть, и радость в нём горят.

***

Забытых глаз необщность выраженья
Пытаюсь оживить в воображенье…
Никак н е удаётся это, к счастью.
И в пямять сеть забросив, жду улова:

Уплывшее отыщется ли слово?
Никак не удаётся это, к счастью.
И от себя сбежал я, и от света,
И вопрошаю Бога – есть Ты? Где Ты?
Живому не узнать ответа, к счастью…

Перевод А. Турбиной

Агарунов Яков Михайлович - советский партийный деятель, организатор нефтяной промышленности, писатель. **(1907-1992)**

Агарунов Яков Михайлович родился 25 апреля 1907 года в посёлке Еврейская Слобода в семье садовода. В течение шести лет учился в традиционной еврейской школе, а в 1915-1919 гг. - параллельно и в русской школе. Среднее образование получил на рабфаках Москвы и Баку (1925-1928гг.). Окончил исторический факультет Бакинского педагогического института и Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б).

С 1920 г. Я.Агарунов - один из первых среди горских евреев комсомольских активистов. Принимал активное участие в работе самодеятельного драмкружка под руководством Якова Бирарова. В 1924-1925 гг. перевел с азербайджанского на язык горских евреев пьесу Узеира Гаджибекова «Аршин мал алан».

С 1932 г. в аппарате ЦК КП(б) Азербайджана. В 1934-1938 гг. был главным редактором газеты «Коммунист» (на еврейско-татском языке), одновременно занимал должность заместителя директора Азербайджанского государственного издательства, курируя издание всех книг на еврейско-татском языке (художественных, пропагандистских и учебных).

С 1938 г. Яков Агарунов - 1-ый секретарь Орджоникидзевского райкома партии. В то время трест «Орджоникидзенефть» - один из основных нефтяных трестов Баку - долгое время не выполнял плана добычи нефти. Здесь ярко проявились организаторские способности Я.Агарунова. В течение полутора лет этот трест не только был выведен из прорыва, но и стал передовым нефтяным районом всей страны, завоевав переходящее Красное Знамя. Большая группа работников нефтяной промышленности района была награждена орденами и медалями.

В начале 1941 года Яков Агарунов был выдвинут на должность секретаря Бакинского городского комитета партии по нефтяной промышленности. В первый же год войны бакинские нефтяники, несмотря на все трудности, вызванные войной, дали стране 23,5 миллионов тонн нефти. Это была рекордная цифра за всю историю нефтяной промышленности республики. Никогда раньше и никогда позже Баку не добывал+ столько нефти.

Осенью 1942 года, когда над Баку нависла реальная угроза оккупации после захвата немцами нефтяных районов Северного Кавказа, более 10 тысяч бакинских нефтяников были перебазированы на освоение нефтяной целины в районы Поволжья и Урала. Поскольку Куйбышевская область являлась ведущим перспективным районом Второго

Баку, туда были направлены более 5 тысяч бакинских специалистов. Яков Агарунов был назначен секретарем Куйбышевского областного комитета партии по нефтяной промышленности. В первый же год (1943 г.) нефтяники Куйбышева увеличили добычу на 42%. С именем Якова Агарунова связано также открытие впервые в СССР в июне 1944 года нефти из девонских отложений. 9 июня 1944 года, первая в СССР девонская фонтанная скважина №41 была сдана в эксплуатацию с дебитом 212 тонн чистой нефти в сутки. Куйбышевская область, нефтяной промышленностью которой руководил Яков Агарунов, была единственной в стране, которая в условиях Второй мировой войны не снизила добычи нефти, а увеличило ее в пять раз по сравнению с довоенным 1940-ым годом, а в 1947 году – в девять раз. Яков Агарунов за плодотворную работу в Куйбышевской области был награжден Орденом Ленина.

В декабре 1947 года Якова Агарунова вновь вернули в Баку секретарем Бакинского городского комитета партии по нефтяной промышленности. С 1963 года вплоть до ухода на пенсию (1971 г.) он работал заместителем директора Всесоюзного научно-исследовательского института по технике безопасности нефтяной промышленности. За время своей работы Яков Агарунов неоднократно избирался членом руководящих республиканских партийных и советских органов. Был членом ЦК КП Азербайджана, депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР. Избирался делегатом многих партийных конференций и съездов, был делегатом с решающим голосом 18 съезда ВКП(б) в 1939 году. Был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, "Знак Почета", медалями, а также был удостоен звания "Почетный нефтяник СССР". Но и после ухода на пенсию (он был персональным пенсионером союзного значения) Я.М.Агарунов продолжал заниматься разносторонней общественной и публицистической деятельностью. За свою многолетнюю активную общественно-политическую работу в 1978 и 1988 гг. был награжден Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Я.Агарунов был одним из зачинателей еврейско-татской литературы. Его стихотворение «Ковтэр» («Голубь», 1920) считается первым поэтическим произведением на татском языке. В том же году для любительской молодежной труппы Агарунов написал сатирическую комедию «Падшох, рабби ва-ошир» («Царь, раввин и богач»).

В последующие годы Я.Агарунов стал известен как крупный горско-еврейский поэт и драматург. Его пьеса «Тахзир кини» («Чья вина?», другое название «Слезы радости»; 1928) неоднократно ставилась на сценах Баку и Дербента. Используя поэтику фольклора, Агарунов пытался наполнить свои произведения актуальным, в духе официальной политики, общественным содержанием. Значительный отклик вызвало стихотворение «Духдар доги» («Горская девушка», 1928).

В апреле 1929г. в Баку проходила Вторая Всесоюзная конференции по культурному строительству среди горских евреев, специально созванная для решения вопроса татского алфавита. Я.Агарунов возглавлял группу составителей татского алфавита на основе латиницы.

Автор мемуаров «Нефть и Победа» (Баку, 1991), «Большая судьба маленького народа» (М., 1995), «Как создавалась татская литература» ((отрывки на еврейско-татском языке опубликованы в альманахе «Ватан советиму», 1974-77.

«Әкәр коф нүгрәикә, кәм коф сохдәи – сүрхи».

ӘРИ ШУШӘН

Рафдәт хәјли рузһо вә салһо, мә пир бирәм.
Кирошдәт поизһо, васалһо, мә сир бирәм.

Һәвдәһ сали түдур бирә рафдәј, әз јон мә,
Оммо һич вәхдиш нә вәдарафдәј әз јор мә.

Түһәмишә ә јор мәни,
Түһәмишә ә јон мәни.

Чәнд салһои мә әри түхундәм гәдиш.
Ә кәсһорәвоз түрә нә сохдәм дәкиш.

Ә тәһноиә, тәнки, чәтини гоил бирәм,
Ә нум түһүрмәт түлоеој гәлпи нә зәрәм.

Түһәмишә ә јор мәни,
Түһәмишә ә јон мәни.

Рафдүт хәјли рузһо вә салһо, мә пир бирәм.
Кирошдүт поизһо, васалһо, мә сир бирәм.

Изму кузәт сохдәнүм нәфәс әхирирә,
Мәш түрә хуно мивинүм кур сур хорирә.

Түһәмишә ә јор мәни,
Түһәмишә ә јон мәни.

Ә СОГИ ДӘДӘЈҺО

Вәкирит, дусдһо, пәјләһорә ә соги дәдәјһо,
Ә соги әни јәшмогбузијә, назлү хонумһо,
Ә соги әни ћәјомәндһо, зәнһој һинәрмәнд
Чурутмиш сохдәнүтһо рузһорә әри фәрзәнд.

Ә соги дәдәјһо, чәркәј кукһо кәлә сохдәтһо,
Ә соги дәдәјһо, әз кукиш хуб духдәр зәндәтһо,
Ә соги дәдәјһо, әз һинәрмәнди кук вә духдәр
Дијәш бәхдәвәр, мәтрәбәдәр, буһолу бирәтһо.

Ә соги дәдәјһо, ә әлмонәј тобиһ бирәтһо,

Ә соги дәдәjhо, нәвә вә нишрә дирәтһо,
Ә соги дәдәjhо, әз бигәдүри овлод-фәрзәнд
Ә чоһили муj сәрә сипи сохдәтһо.

Ә соги дәдәjһош, әз дүнjоһ кукурлу рафдәтһо,
Ә соги дәдәjһош, әри руj кук ћәсрәт мундәтһо,
Ә соги дәдәjhо, ә мүрдәкиш зиндә һисдүтһо,
Әз сүгди, миһрибони, вәкири, мәрди фәрзәндһо.

Ә һәммә зуһунһо, ә һәр дәвр, дәдәj – ватани,
Ватана фурухуһо – ә дәдәj хүшдә хоһини.
Дусдһо, хурим и пәjләһорә ә шори Ватан,
Ә соги сәнуђојә, ћололә ширә дәдәjhо.

АГАРУНОВ МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ

(04.12.1936) – Член Союза писателей горских-евреев в Израиле. Кандидат химических наук, профессор. Родился в Баку. Окончил химический факультет Московского Государственного университета. Автор 300 публикаций и научных статей в зарубежных изданиях Америки, России, Германии и Голландии, Азербайджана, Израиля. Публикуется на интернет сайтах, в газетах: «Новости недели», «Секрет», «Вести», «Кавказская газета», «Новый Рубеж» (США). Изучает историю и культуру горских евреев. Участник международных конгрессов, научных конференций, посвященных истории и культуре горских евреев. В 2004 году репатриировался с семьей в Израиль, живет в городе Бать-Ям. Является членом Президиума Всемирного Конгресса горских евреев, Правления Международной Ассоциации «Азербайджан-Израиль», а также редколлегии «Кавказской газеты". В 1997 году утвержден в звании профессора Международной Экознергететической Академии. Автор 3-х словарей.

НЕ СТАЛО ВАГИФА...

Не стало Вагифа. Не стало моего замечательного друга юношеских лет Вагифа Самедоглу.

Когда эту печальную весть сообщили мне утром 28 января из Баку по телефону, не было никаких сил выразить свою скорбь на своей страничке в Фейсбуке, чтобы сообщить своим близким. В течение нескольких последующих дней читаю выражения соболезнования по поводу этого скорбного сообщения, а сам не могу писать – не поднимается рука. Не поднимается рука писать о том, что нет уже Вагифа среди нас.

А перед глазами проплывают отдельные картины из далекого нашего прошлого. Как мы – старшеклассники - по его инициативе прыгали с парашютной вышки на бакинском бульваре, какие другие выходки сочинял он с непредсказуемыми последствиями. Вспоминаются тяжелые дни 1956 года, когда Вагиф сдавал выпускные экзамены в конце мая, в то время как его отец, великий Самед Вургун, находился на смертном одре. А когда нам сообщили о кончине Самеда Вургуна, мы все, его друзья из Дома артистов с улицы Нижне-бульварной, спускались по Красноармейской улице, впоследствии ставшей носить имя Самеда, к Векиловым домой. И вдруг резко стало смеркаться, и пошел дождь. Наш общий товарищ Алтай Халыков, не сдерживая слез, воскликнул: «Даже небо плачет!». ...Я хорошо знал всех трех детей Самеда Вургуна – Юсифа, Айбениз и Вагифа

Но дружил я именно с Вагифом. Не помню, когда, в какие годы он появился впервые в нашем дворе. Наш дом, нынешний адрес которого - дом № 96 по ул. Самеда Вургуна, назывался «Домом артистов». И это было действительно так. Он был построен в 1948 году, и проживала в нем элита азербайджанской творческой интеллигенции: Рашид Бейбутов, Афрасияб Бадалбейли, Фикрет Амиров, Джовдет Гаджиев, Барат Шекинская, Алескер Алекперов, Ашраф Аббасов, Джахангир Джахангиров... Перечислять могу долго. Повторяю – это был цвет представителей азербайджанской театральной и музыкальной культуры. Но не только: у нас проживали и известные художники и скульпторы – Газанфар Халыков, Микаил Абдуллаев, Фуад Абдурахманов. А потому в гостях у наших именитых соседей часто бывали и другие замечательные представители искусства Азербайджана: Чингиз Садыхов, Тофик Кулиев, Алиовсад Садыхов, Гурбан

Пиримов, Ахсан Дадашев и др. Многие приходили со своими детьми. Вот так и завязалась наша дружба и с Вагифом Векиловым, и с Васифом Адыгезаловым и с его братом Рауфом, Надиром Садыховым, Айдыном Ибрагимовым, Рафиком и Бабеком Курбановыми – сыновьями Османа Сарывелли и др.

После окончания школы встречи наши, безусловно, стали реже. Встречались, в основном, на спектаклях и концертах, которыми так славился всегда наш родной Баку. Вагиф после кончины отца вдруг как-то сразу стал взрослым, серьезным. Вот эта взрослость и серьезность удивительно сочетались всегда в нем с детскостью и непосредственностью. Эти его особенности, эти вроде бы несовместимые черточки его характера всегда и отличали его до самого конца его жизни. Об этом писали и те, которые знали его гораздо меньше меня.

Я читал все его книги, в том числе и его воспоминания. Как-то я сказал ему, что слегка обижен за то, что нигде в этих своих воспоминаниях не пишет о своей дружбе с ребятами нашего двора. Вагиф в это время надписывал свои книги на презентации

в Иерусалиме. Он поднял голову и так удивленно ответил: «Обо всем же не напишешь!». Вот тогда я и подумал: «А ведь он прав. Сколько из своих воспоминаний написано и мной! И сколько еще хочется написать, но обо всем, как сказал Вагиф, не напишешь же».

У него была феноменальная память. Он вдруг заявил мне: «А я ведь хорошо помню твои дни рождения в вашем доме. Запомнил еще и потому, что они были 5 декабря, а это в те времена был выходной день – День сталинской конституции».
В такие же декабрьские дни, но уже теперь, в 2013 году, Вагиф с женой вновь был в Израиле. 5 декабря он не сумел прийти ко мне: в этот день состоялся очередной сеанс его химиотерапии. А жаль. У меня в моей скромной съемной квартире в Тель-Авиве собрались друзья и коллеги из «АЗИЗа» и клуба писателей «Миравари». Но 6 декабря Вагиф с Нушабой-ханум все же ко мне заехали. Мы сидели вчетвером – два старых бакинских друга со своими женами. Это было здорово. И я, и Вагиф были счастливы. Вагиф даже позволил себе пригубить полрюмки хорошего шотландского виски. «Ох, как хорошо, - сказал он. – Такое тепло разлилось по телу!», Ему на самом деле было хорошо. Он и здесь, в Израиле, был среди друзей.

С горечью вспоминаю уже и встречу ровно через год – 6 декабря 2014 года, когда мы в одной из центральных клиник Тель-Авива вручали ему членский билет Федерации союзов писателей Израиля. Интересно, правда? Всего чуть более полутора лет назад он стал приезжать в Израиль. Но руководство союза израильских писателей - выходцев с Кавказа обратилась с инициативой в свою Федерацию союзов писателей о приеме Вагифа Самедоглу в свои ряды. Это - за его выступления в прессе и в Интернете о нашей стране, о своей любви к ней, проявившейся после подробного ознакомления с Израилем, в первую очередь с Тель-Авивом и Иерусалимом, за удивительно трогательные встречи с ее интеллигенцией и за участие в творческих вечерах, передачу своих литературных произведений в библиотеки нашей страны. И все это - в период тяжелейшей его болезни. Да, мужеству его можно только поражаться. В эти дни своего последнего приезда в Израиль Вагиф выглядел уже не так, чтобы можно было принимать гостей. И хотя, чтобы участвовать в этот торжестве, приехали из других городов Израиля и Председатель Союза

писателей-выходцев с Кавказа, и наши бакинские поэты, но по просьбе его супруги присутствовали лишь только я как его старый друг и член союза писателей Израиля, а также наш известный политолог Арье Гут, который практически все приезды Вагифа ни единого дня не оставлял его без своего внимания.

Тогда мы записали на магнитофон его слова благодарности. Надо отметить, что его речь в этом узком кругу и при таком состоянии его здоровья все равно звучала официально и торжественно. Еще раз повторяю: мужества ему было не занимать. Лишь только как-то не очень заметно он высказал нам –

своим друзьям: «Очень надеялся на полное выздоровление. Выходит, и израильским врачам не все подвластно». Это было второе запомнившееся мне его высказывание, указывающее на то, как страстно он хотел жить. Первый раз он это выразил так еще в прошлом году. На улице Алленби в Тель-Авиве мы садились в такси. После того, как в машину уселись наши жены Туран-ханум и Нушаба-ханум, и Вагиф уже собирался тоже сесть, но вдруг отвел меня чуточку в сторонку и сказал тихо, но с какой-то надеждой в глазах: «Ты знаешь, что я хочу пожелать и тебе и себе? Чтобы мы с тобой дожили хотя бы до 2018-2019 года и еще не раз бы встречались на этой земле!». Я не нашелся, что ответить на это его страстное пожелание.

Да, он страстно хотел жить. И мужественно, на самом деле мужественно боролся с болезнью. Врачи сами были удивлены тому, как им удалось настолько продлить ему жизнь при такой запущенной болезни. Этому способствовало, думаю, не только их умение лечить, но и собственное мужество Вагифа Самедоглу.

С первых же дней своего первого приезда в Израиль Вагиф делился со мной своими впечатлениями. Он говорил: «Я просто влюблен в эту страну». Он с удовольствием любил посидеть в кафе на тель-авивской улице Дизенгоф перед прекрасным торговым центром, называемым еще и «каньоном». Особенно полюбился ему в древнем городе Яффа также и «блошиный рынок», прозванный на иврите «Пишпишим». Среди торговцев этого рынка множество израильских арабов. Вагиф там приобрел целую коллекцию тросточек для ходьбы. Восторгался еще и видом на Средиземное море с балкона своей гостиницы. Но я заметил ему, что он видел далеко не все, и очень просил его посетить Иерусалим и побывать у Западной стены легендарного Иерусалимского храма, так называемой «Стены плача». Он согласился. Тогда организовал ему экскурсионную поездку со своим добрым знакомым прекрасным русскоязычным израильским гидом Константином Заринным. Самому мне было тяжело совершать еще раз такую поездку. А вот Вагиф Самедоглу, несмотря на уже ослабленное здоровье, с огромным удовольствием отправился в эту интереснейшую ознакомительную поездку по древним библейским, христианским и мусульманским святым местам Израиля. Сопровождали его с супругой Нушабой-ханум моя сестра Эльмира и ее муж Николай Ханукаев, в прошлом артист Театра оперы и балета в Баку. Костя, его гид, потом рассказывал мне о том впечатлении, которое произвел на него наш удивительный знаменитый земляк Вагиф Самедоглу. Вагифу трудно было идти пешком до самой «Стены плача». Пошла его супруга вместе с сопровождающими, где и помолилась на территории женской половины возле этой древней святой Храмовой стены. А Вагиф вместе с Костей сидел неподалеку в кафе, где во время весьма интересной, но уже для самого гида, беседы подарил ему свою книгу с дарственной надписью. Гид, будучи, насколько мне известно, вообще, поклонником

творчества азербайджанских русскоязычных писателей, с гордостью сообщил мне об этом ценным для него литературном сувенире.

И вот теперь Вагифа не стало...Наступает весна, приближается «гырхы» Вагифа, так называемые «сороковины». И вот, будто легкий весенний ветер перелистывает то в одну, то в другую сторону страницы раскрытой книги, лежащей забытой кем-то на скамейке бакинского бульвара, так же точно мелькают картинки моих воспоминаний о наших с ним встречах. Но вижу я эти картинки не в хронологическом порядке, а так, как развертываются на ветру страницы книги. Вдруг вспомнилось, как представлял Вагиф меня, тогда еще школьника, своему отцу, сказав, кто я и чей я сын. На что Самед Вургун ответил с неожиданным для меня некоторым почтением: «О! У меня в партбилете стоит подпись твоего отца!». Я так был окрылен! «Папа, - вскричал я, забегая домой, - ты представляешь, мне Самед Вургун сказал, что у него в партийном билете стоит твоя подпись!». Отец это, конечно, знал. И потому безо всякого удивления ответил, что он ведь был первым секретарем городского райкома партии Баку, и потому у многих деятелей культуры Азербайджана, чьи творческие центры находились в его районе, стоит его подпись в их партийных документах.

Вдруг вспомнил также и перый после отъезда в Израиль свой приезд в Баку. Зашел в фотоателье возле здания бакинской консерватории, чтобы получить заказанные фотографии, и вдруг слышу громкий радостный возглас: «Миша!» и тут же оказываюсь в широких объятиях Вагифа. Вспоминаю, как оторопело и удивленно наблюдали за этой сценой радостной встречи двух старых друзей работники фотоателье и спутники Вагифа, находившиеся там же. Вот в этом был весь Вагиф, даже не смотря на то, что он в то время был депутатом Милли Меджлиса. А еще я на всю жизнь запомнил встречу в Иерусалиме Вагифа со своим старым другом Александром Гричем. В один из приездов Вагифа в Израиль я, извиняясь перед ним, сказал, что не смогу завтра с ним встретиться, так как должен присутствовать в Иерусалиме на презентации книг приехавшего из Америки бакинца Александра Грича. «Как, Саша Грич здесь?! – воскликнул Вагиф, – Я обязательно должен быть там!». И он приехал, и он выступил перед присутствующими. Но перед выходом к трибуне он, как обычно, в своей собственной полушутливой, полугрустной манере сказал несколько слов. «Ранее, - сказал он, - я очень любил пиво и с удовольствием ел раков. И вот теперь «рак» с удовольствием поедает меня». Нет, он не жаловался. Он как бы извинялся за то, что ему трудно говорить. Но выступал он долго, подробно, захватив вниманием весь зал. Говорил он так, как умел говорить только он: с какой-то особой присущей лишь ему волнительной хрипотцой в голосе. И этим самым еще больше завораживал слушателей.

«Мои друзья из бакинских евреев, - сказал Вагиф, - научили меня одной фразе, которая почему-то врезалась в память: «Ле-шана абаа бе-Йерушалайим». Простите, может, я не совсем верно ее произношу. Это сейчас я знаю ее точный перевод: «В будущем году – в Иерусалиме». А тогда я понимал ее так: «Все равно мы когда-нибудь обязательно встретимся в Иерусалиме». Нас с Сашей связывает долгая творческая дружба, я могу долго и много о ней рассказывать, о совместных встречах с известными азербайджанскими поэтами – Анаром, Фикретом Годжа, Сулейманом Рустамом, да и не только с азербайджанскими, например, с Борисом Пастернаком и другими. То было интересное время, непростое, сложное, зачастую с материальными затруднениями для творческих работников, но интересное, оставившее в нашей памяти и в нашем творчестве свой след на всю жизнь». Вагиф Самедоглу рассказал также и о своих встречах со знаменитыми личностями, в том числе и с Ильей Эренбургом. На пре-зентации оба поэта присутствовали со своими женами Вагиф

Самедоглу – с Нушабой-Ханум, и Александр Грич с супругой Людмилой. И Вагиф полушутя добавил: «Супруга Александра Грича работала в Литфонде, а Литфонд был наш бог, царь и кормилец. Только там мы могли получить творческий отпуск, материальную поддержку. И это также способствовало нашему частому общению с Сашей». Вагиф Самедоглу приехал в Иерусалим, чтобы присутствовать на творческом вечере друга. Но получилось так, что ему самому пришлось в окружении десятков людей подписывать свои авторские книги присутствующим гостям. Некоторые из них он подарил и библиотеке, где проходила презентация. «Когда Саша уезжал, - продолжил затем Вагиф Самедоглу, - я вспомнил ту самую фразу и сказал: «Ле-шана абаа бе-Йерушалайим», что в моем восприятии означало – «Все равно мы обязательно встретимся в Иерусалиме». И вот эта встреча произошла. Ни я, ни Саша не предполагали об этом. Но таковы судьбы людей!». Да, не стало Вагифа. Одна из книг о нем названа его словами «После меня останется только море...». Нет, Вагиф, нет. Ты оставил нам свое замечательное творческое наследие. Ты оставил нам свои книги, свои мысли и даже, представь себе, свои философские и слегка шутливые афоризмы. А еще – твои дочери, также влюбленные в свою Родину, которым ты завещал продолжить и приумножить твое наследие.

.Высокий слог в поэзии

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) ввела язык горских евреев в Атлас языков, находящихся под угрозой исчезновения. Я посетил Московский офис ЮНЕСКО, беседовал с его руководителем и коллегами. Состоялась серьезная дискуссия. Не буду вдаваться в подробности, так как не эта тема является основой моего сегодняшнего повествования. Но всё же отмечу, что я доказывал и приводил подтверждающие примеры того, что мы сами, горские евреи, делаем для сохранения нашего языка и его дальнейшего развития. Подарил им свой объемный словарь для передачи в их центральную библиотеку в Париже, а также томик стихотворений Эльдара Гуршумова, который был у меня с собой.

А от них получил я программу ЮНЕСКО по сохранению языков малых народов, находящихся на грани исчезновения. Одним из пунктов там отмечена необходимость создания аудиозаписей носителей языка, чтобы не только в печатном виде сохранять наши тексты, но и то, как звучат слова на языках, на которые следует сегодня обращать пристальное внимание. И это сейчас оказалось, по мнению многих, наиболее важной задачей в сохранении языков мира. Конечно, в первую очередь по такому актуальному вопросу следует обращаться к нашим замечательным поэтам и писателям, к тем, кто не только

Конечно, в первую очередь по такому актуальному вопросу следует обращаться к нашим замечательным поэтам и писателям, к тем, кто не только замечательно владеет слогом, но и в совершенстве владеет родной речью. Вот тогда я и вспомнил, что очень удачно у меня с собой тогда оказалась одна из ранее изданных книг Эльдара Гуршумова.

И вот недавно я получил в дар очередной, уже пятый по счету сборник стихотворений поэта Эльдара Гуршумова. Как и предыдущие, он содержит стихи на двух языках – азербайджанском и горско-еврейском. Но в связи с вышеизложенным мне хочется сделать упор именно на поэзии, стихах на нашем языке, на языке джуури.

Эльдар Гуршумов является председателем Союза горско-еврейских писателей Израиля. Это еще раз говорит о его серьезном и внимательном отношении к такому важному сегодня делу, как забота о дальнейшем развитии культуры родного народа, где бы сегодня ни жили его представители, к сохранению его самобытного языка. Причем – литературного языка. Ведь сам он пишет, используя, как принято говорить, высокий поэтический слог. Те, кто знаком с его поэзией, кто читал его стихи, те, кто слушал его самого, его выступления на родном языке, всегда отмечали именно этот высокий слог его речи.

Я писал рецензии на некоторые ранее изданные сборники его стихов. Могу только вкратце сообщить о некоторых интересных моментах из нового, пятого по счету сборника. Новый сборник содержит рубаи и четверостишия на обоих языках. Более 3000 рубаи и более 2000 четверостиший. Конечно, я не читал их все подряд. Но когда открываешь любую страницу и глаз останавливается на одном каком-нибудь куплете, то сразу задумываешься: а кого это поэт имел в виду? Или же: неужели и это пришлось испытать поэту? Иногда радуешься его назиданиям, иногда переживаешь, а может, это ко мне он обращается. Есть такой метод – открыть любимую книгу на какой-либо странице, чтобы предсказать самому себе: «вот что прочту, то и сбудется». Мне почему-то показалось, что новый гуршумовский сборник как раз и является таким предсказателем или же – таким назидателем к какому-либо событию. Если я захотел бы приводить примеры из того, что я сам прочел, то это было бы нелогично, так как у каждого из нас есть свои собственные задумки, свои собственные сомнения. Я пожелал бы всем читающим на нашем языке иметь этот пятый том поэзии Эльдара Гуршумова у себя дома, чтобы иногда в него заглядывать и удивляться: «Как ему удалось написать о том, что для меня так важно именно сегодня!» В этом удивительная его сила и обаяние. Но главное, что мне хочется сказать в связи с тем, что я держу новый сборник его стихов, так это то, что выпуска в печать его произведений сегодня уже недостаточно. Сегодня надо записывать в исполнении автора тексты его произведений, чтобы сохранить для будущих поколений высокий слог родного языка.

Э 75-сали профессор Михаил Агарунов кэширэ омори.

Хизгил Давидович Авшалумов

Хизгил Давидович Авшалумов (16 января 1913 — 17 сентября 2001) — советский прозаик, поэт, драматург. Писал на горско-еврейском и русском языках. Лауреат премии имени С. Стальского.[1]

Хизгил Авшалумов родился в селе Нюгди (пригород города Дербента, Дагестан) в семье крестьянина, по одним сведениям, в 1913 году, по другим — в 1916-м. Работал корреспондентом областной горско-еврейской газете «Захметкеш» («Труженик»). Позже учился в совпартшколе.

С 1938 по 1941 годы — научный сотрудник Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. За этот период им собрано значительное количество произведений горских евреев фольклора разных жанров (фольклора горских евреев), которые вошли в подготовленный им первый сборник горско-еврейского фольклора (1940), с обстоятельным предисловием к нему, а также — русско-(горско-еврейский) терминологический словарь (1940).

В 1939 году опубликовал в первом татском литературном альманахе свою первую повесть «Влюбленные». В 1940 году вышла повесть «Бастуни джовонхо» («Победа молодых»). Авшалумов занимался также переводческой деятельностью. В 1940 году в его переводе Дагестанское книжное издательство выпустило избранные произведения Низами Гянджеви. В этом же году он вступил в СП СССР.

Участник Великой Отечественной войны. Воевал на Северо-кавказском и Белорусском фронтах, был заместителем командира кавалерийского сабельного эскадрона казачьего полка, дважды ранен, контужен. День Победы встретил в Берлине. Демобилизовавшись, работал корреспондентом республиканской газеты «Дагестанская правда», позже консультантом и секретарём правления Союза писателей Дагестана.

В 1953 году окончил исторический факультет Дагестанского педагогического института в Махачкале. В 1960—1991 годах работал редактором журнала «Ватан советиму» («Наша Советская Родина»), где публиковал рассказы о жизни горских евреев: «Анжал занхо» («Смерть женам»), «Шюваран ди хову» («Двоеженец»).

В большинстве своих рассказов и новелл (о Шими Дербенди) Х. Авшалумов выступает как сатирик и юморист. Шими Дербенди воплощает образ типичного представителя горско-еврейского народа. На протяжении многих лет новеллы о хитроумном Шими Дербенди печатались на страницах республиканских газет. Некоторые из них были опубликованы в журнале «Советская литература», а также изданы за рубежом на немецком, английском, французском и испанском языках. Большой цикл новелл был опубликован в журнале «Наш современник» (1969, № 7).

В повестях «Возмездие», «Фамильная арка», «Сказание о любви» писатель отразил обычаи, традиции и быт своего народа на фоне драматических событий дореволюционного и советского периода.

Выпустил нескольких поэтических сборников, в том числе для детей. В сборник «Гюльбоор» вошли стихи и одноименная поэма о судьбе женщины — горской еврейки, Герое Социалистического Труда Гюльбоор Давыдовой.

Его перу принадлежат четыре полноактные пьесы, в том числе первая татская музыкальная комедия «Кишди хьомоли» («Кушак бездетности») и историческая драма «Толмач имама Шамиля» (последняя ставилась на сценах государственных кумыкского (1966) и лезгинского (1987) театров, а также пьесы «Шими Дербенди» и «Любовь в опасности».

Дочь писателя, Людмила Авшалумова, работала в Дагестанском государственном университете, после 1994 года была членом Госсовета Дагестана трёх созывов[ш]. Как говорится в Краткой еврейской энциклопедии, после распада Советского Союза в 1991 году отец и дочь присоединились к прокоммунистической оппозиции в России[ш].

Хизгил Авшалумов умер 17 сентября 2001, похоронен на иудейском кладбище в Махачкале. Его именем названа улица в городе Дербенте, в его родном селении Нюгди школа носит его имя, есть там и его музей.

КАК Я ВОСКРЕС

Я умер. Но умер не наяву, а во сне и поэтому видел, чувствовал и слышал все, что происходило со мной и вокруг меня. Едва неумолимый ангел смерти – Азраил вместе с последним вздохом отнял мою душу, меня раздели догола и сняли с кровати (покойнику, мол, незачем без дела валяться в постели). Тело мое еще не остыло, когда его положили на голый пол в одном из углов комнаты (теперь все равно никакая хворь к нему не пристанет).

Угол завесили белой простыней (неприлично ведь взрослому мужчине, если он даже мертв, растянуться нагишом на виду у всех). У моего изголовья поставили священный огонь - зажженную лампу.

Потом меня тщательно омыли горячей водой (видимо, в рай не пускают без предварительной санобработки), завернули в белоснежный саван.

После всех этих и других процедур, предусмотренных обрядом (знаете, иногда живому легче попасть на прием к начальнику-бюрократу, чем покойнику в свою яму), меня положили на погребальные носилки, покрыли черной материей и быстро понесли на кладбище. Впереди процессии шли мои сестры, тетки, двоюродные и троюродные сестры моей бабушки (жена осталась с детьми дома, она от горя не в состоянии была двигаться). Все мои родственницы рвали на себе волосы, царапали себе лица, прыгали и громко причитали. Выше всех прыгала, несмотря на свои шестьдесят лет, и громче всех причитала моя мачеха. Пусть, мол, люди знают, что она, мачеха, тяжелее всех переживает кончину своего пасынка.

И, глядя на мачеху, я невольно вспомнил свое безрадостное детство: как она из-за лишнего куска хлеба била меня смертным боем и как за малейшую провинность щипала и кусала меня.

"Эх, мачеха, мачеха! – думал я с горечью. – Если бы ты с таким же усердием работала в колхозе, с каким колотила меня твое имя давно занесли бы на Доску почета". Но я смотрел на все происходящее беспристрастно, равнодушно, как и полагается мертвому. Однако, когда со своих носилок, покачивающихся на плечах моих шагающих друзей, как на волнах, я бросил прощальный взгляд на родной город, освещенный лучами предзакатного солнца, меня охватили невыразимая тоска и волнение. Он, этот город, был мне дорог и мил. Здесь я вырос, познал волнения первой любви. Город из года в год рос и хорошел на моих глазах. Многие здания в нем были выстроены при моем участии, и я смотрел на них, как смотрит старый садовник на деревья, посаженные и выращенные его заботливыми руками (при жизни я был бригадиром одной из строительных бригад). Горькая, но полынь, жгучая, как молния, мысль о том, что я на веки вечные расстаюсь со своим городом, детьми, женой, что я умираю, не дожив до старости, возмутила меня, все во мне восстало.

Мне пришлось призвать на помощь всю свою волю, чтобы подавить в себе эти земные переходящие чувства и покориться своей участи, памятуя, что покойник должен вести себя, как жених перед венцом, – тише воды, ниже травы, иначе потеряет уважение со стороны живых. Все шло чинно и строго, как полагается по обряду. Похоронная процессия вступила на кладбище. Носилки со мной осторожно сняли с плеч и бережно положили у свежевырытой могилы, откуда несло сыростью и тленом. Кругом возвышались надгробные камни и безымянные холмики, застывшие в скорбном молчании. Они наводили меня на грустные мысли. Невольно приходили на память печальные строки величайшего из поэтов Омвра Хаяма:

Друг мой, в могилу скоро ляжешь ты,
Где света нет, любви и красоты.
Слушай, эту тайну никому не открывай,
– Не расцветают вновь увядшие цветы.

..

Я ждал: вот-вот снимут меня с носилок, положат в яму, и мир с голубым небом, горячим солнцем и мерцающими звездами навсегда захлопнется передо мною. Но в это время, чей то голос объявил об открытии траурного митинга по поводу моих похорон. От имени коллектива и профсоюзной организации СМУ дали слово пожилому мастеру Дада Бадаеву, бригадиру второй строительной бригады, с которой соревновалась моя бригада. Грусть моя несколько смягчилась, когда я услышал его знакомый и сердечный голос. Я не сомневался, что этот седой человек с добрыми глазами скажет обо мне людям несколько задушевных слов...

Но какой же удар я испытал, когда увидел, что он вытащил из кармана несколько листков, напечатанных на машинке, и, запинаясь, начал читать, впиваясь близорукими глазами в текст:

"За последние годы у нас повсеместно широким фронтом развернулось жилищно-бытовое строительство... Наш боевой девиз – строить быстро, дешево и высококачественно..." Дальше оратор сообщил похоронной процессии о производственных показателях нашей строительной организации, доложил, где и что она строила за последние годы, упомянул несколько передовиков производства, в том числе и меня. Обо мне он сказал, что я "ловко орудуя мастерком и свободной левой рукой, в одну смену перекрывал по две с лишним нормы". Старик и сам, видно, чувствовал, что говорит не то. Он с досадой дергал головой, хмурился, кряхтел, но продолжал читать речь, написанную, видимо, для него каким-то административным

сухарем. В конце своего выступления он бросил все-таки в мою сторону поспешный взгляд, но, боясь надолго оторваться от бумаги, продолжал чтение:
– Дорогой Хизгил! Пусть трехэтажный двадцати квартирный дом, который мы строим со всеми коммунальными удобствами на улице Веселые ребята, будет памятником тебе за твой доблестный труд в нашем коллективе. Спи спокойно, дорогой... Прощай и до свидания!.. Я незаметно обвел взглядом лица столпившихся на кладбище людей. Нарушив приличествующую моменту скорбь, они – о, ужас! – весело улыбались.
Один коротконогий, большеголовый, пучеглазый толстяк без всякого стеснения хихикал так, будто его щекотали. От досады и возмущения я чуть не повернулся на носилках. "Ну, зачем доброму Дада Бадаеву потребовалось выступать с этим отчетным докладом на моих похоронах? – сокрушался я. – Неужели в дни большой радости или большого горя у каждого из нас не найдется несколько сердечных слов?.. А какое же горе больше, чем смерть друга, товарища?.. Ведь в человеческом языке столько славных, верных слов. Неужели я только занимался в своей жизни тем, что "ловко орудовал мастерком и сжимал кирпич левой рукой?" Разве не был я любящим мужем, нежным отцом, верным другом, разве не было у меня радостей и горестей, мечтаний и стремлений?! Почему обо всем этом не сказали ни слова"?
Толстяк, придерживая обеими руками свой тугой живот, точно боясь уронить его, уже не хихикал, а хохотал.

Вдруг и мне самому стало смешно. Сперва тихо, а потом все громче и громче начал я хохотать. Все мое тело содрогалось от смеха. Как я ни старался сдержать себя, ничего не выходило. (Что это за порядок, если покойники начнут смеяться над живыми, – до сих пор всегда было наоборот). От моего громкого, раскатистого смеха черное покрывало над носилками колыхалось все сильнее, как от крепкого ветра. К удивлению всех, я вдруг ожил, встал и сбросил с себя мрачное покрывало.

Я слышал, что смех излечивает от многих болезней, а на этот раз смех излечил меня от самой страшной шутки – смерти. Проснувшись в то утро, я сказал жене:
– Знаешь, если я умру раньше тебя, пусть над моей могилой не устраивают митинга.

Ӯ мэчлис шоҳиро кэшира омори

Амалдан Кукуллу – самобытный философ, поэт, сказочник, фольклорис более 10 изданных книг, как на родном – джугури (древний фарси), так и на русском язы образованию – журналист.

.

С юношеского возраста Амалдан Кукуллу посвятил свою сбору, изучению и обработке эпоса джугури – горских Обучаясь на факультете журналистики Росто государственного университета, впервые на официальном Амалдан Кукуллу обратился к теме горско-еврейского фол которому в 1969 г. посвятил свою дипломную работу, пос был рекомендован в аспирантуру Института востоковеден СССР.

Биография Амалдана Кукуллу

1935 год, январь, 03 число – дата рождения, г. Хасавюрт, Дагестан, Россия.

1955 год – работа корреспондентом в СМИ Дагестана. Первые публикации в республиканской газете "Ватан". Начало регулярных экспедиций по целенаправленному сбору устного народного творчества горских евреев в местах их традиционного расселения на Кавказе.

1962 год – поступление на факультет ИФФ Дагестанского государственного университета.

1963 год – выход в свет первой книги "Рысь-брысь", - М., "Детский мир".

1963 год – публикация фельетона "Козни хитрого Амала". Критика "формализма" в творчестве Амалдана Кукуллу. Отказ о приеме в члены Союза писателей Дагестана.

1963 год – перевод на факультет журналистики Ростовского государственного университета. Публикации стихов в газетах "Дагестанская правда", в журнале "Дон".

1965 год – выход в свет книги стихов "Выбор пути". - М., "Советский писатель". Публикации стихов в газетах "Правда", "Известия".

1965 год – переезд в Москву. Брак с Мирой Гадальевной Насимовой. Через год – рождение сына.

1966 год – выход в свет книги стихов на горско-еврейском языке "Одоми ве дерёгь". - Махачкала, "Дагестанское книжное издательство".

1968 год – выход в свет книги рассказов на горско-еврейском языке "Синимеши". - Махачкала, "Дагучпедгиз".

1969 год – защита дипломной работы по теме: "Татские сказки и истории-ческая действительность по периодам (иранский период)". Первое офици-альное

признание в СССР существования горско-еврейского фольклора.
1972 год – выход в свет книги сказок "Упрямый воробей" и "Расскажи мне папа". - М., "Малыш".
1974 год – выход в свет книги сказок "Золотой сундук", - М., "Наука".
1978 год – начало издания литературного альманаха "С РУССКОЙ ГОЛГОФЫ", - М., Самиздат.
1983 год – обыск на квартире, изъятие органами КГБ части фольклорных материалов, заключение в Бутырскую тюрьму.
1991 год – образование авторжуркнигиздат "Амалданик"
1991 год – выход в свет книги стихов "Легенда о песне" и "Мое продолжение", - М., "Амалданик".
1995 год – выход в свет сборника стихов и песен защитника джугурского народа Мордехая Бен Авшалома (1850-1925), - М., "Амалданик".
1997 год – выход в свет мультиязычной книги пословиц и поговорок джугури "Эхо минувших и зов грядущих эпох", - М., "Амалданик".
2000 год, май, 25 число – дата смерти, г. Москва, Россия. Похоронен на Востряковском кладбище.

(Лирическая поэма)

Скажите мне: «Сейчас который год?!
И кем сегодня был я вдруг разбужен»?!
Чтобы дойти до детства моего
Мне за вершины гор спуститься нужно.

Там встретят одногодки охмелев,
Осевшие на поприщах семейных
Уже детьми дошкольных, школьных лет, -
С какой-то новой, очень новой сменой.

И всякий, верно, искренне уронит:
«Ну, где ж ты пропадал так долго, друг»?!
А жены их, стоявшие в сторонке,
Похожи так на сгорбленных старух.

А я писал им некогда записки,
И был влюблен. О, чисто как влюблен!
Вчера от них еще не пахло мисками,
И запахом застиранных пелен.

Которым я лишь за одно мгновенье,
За кроткий профиль – жизнь готов отдать.
Но как я упустил в своем забвении,
Что катятся, что не стоят года.

Что жизнь летит и мимо и не мимо,
И что кого-то с духовым везут,
Что старики спешат неумолимо
С чонгуров ощипать всю грусть и зуд.

«Что, хватит?! Что, дурнейшая примета»?!
И в этом самом выспреннем году
Вернулся в город детства я поэтом
И по нему восторженно иду.

Томный озерный блеск меня встречает –
(О святость не подделанных минут!)
И приглашенье в каждом доме к чаю,
К хинкалу, приглашенье и к вину.

Не откажи! Не смей в отказе горцу!
Не изменяй обычаям в пути, –
Отказ расценит горец очень горько, –
А значит нужно в каждый дом зайти.

И я невольно думаю от роду,
И это входит в плоть, и вглубь меня:
Обычай этот моего народа
Большим народам нужно перенять.

Как сон, и как прозрачность юных грез –
Ухватку русскую и русские удачи,
И отсветы над реками берез.
…И дальше, дальше, – вот дом ашуга,
Безвестного ашуга на земле.

Меня встречает он, как будто друга,
Как сверстника далеких тяжких лет
И угощает, и сопит он грузно,
И все косит на инструмент глаза.

АБРАМОВ ХАНАНИЛ ИЗРОЕВИЧ

(08.03.1930) – член Союза писателей Израиля. Родился в поселке Еврейская Слобода Кубинского района Азербайджанская ССР. Окончил факультет истории и теории изобразительного искусства Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина, по специальности – искусствовед. Работал заведующим отделом Кубинского горисполкома и отделом кадров и организационно-инструкторской работы Кубинского райкома комсомола; инспектором районного отдела культпросвет работы; директором Дома Культуры и Кубинского филиала Центрального Государственного архива «Октябрьской революции» Азербайджанской ССР; председателем исполкома Совета Народных депутатов поселка Красная Слобода. В 1990 году с семьей репатриировался в Израиль (г. Кирият-Ата). Х.И.Абрамов участник второй международной «переклички» проекта Ф.Юсуфовой, Л.Юсуфовой и Б.Тенцера телевидения RTN США «Контакт». Автор книг «Горские евреи Кубы», «Краткий словарь иудаизма» и «Краткая энциклопедия горских евреев» - пока единственная книга в своем роде. В неё вошли более пятисот статей с именами славных и достойных сынов и дочерей горско-еврейского народа, проживающих в разных странах мира. Х.И. Абрамов готовит к печати свою очередную книгу, она называется «Еврейство».

ЕВРЕИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Статья из будущей книги "Еврейство".

Ташкент – город в Средней Азии был столицей Узбекской ССР. В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, как и многие другие города Средней Азии и Сибири этот город стал убежищем для многих граждан, оккупированных немцами территорий Советского Союза. Этот город был глубоким тылом, куда не доходило эхо войны. Некоторые граждане нееврейской национальности часто на вопрос: "Воевали ли евреи в войне?" с презрением и сарказмом, без угрызений совести отвечали: "Да, воевали, только в Ташкенте". Это часто вызывало общий смех. Рассказывали множество анекдотов о том, как евреи под разными предлогами якобы увиливали от войны. По этой причине многие воины- евреи, которые были даже отмечены наградами, старались скрыть свое еврейство. Были часты случаи, когда героя воина – еврея выдавали за представителя другой национальности или народности Советского Союза. Обратимся к документальным фактам.

Во Второй мировой войне в армиях антигитлеровской коалиции число евреев составляло 1500000 человек. Из них в Советской армии евреев сражалось 500000, в армии США – 550000, в армии Польши – 150 000, в армии Англии – 62000, во французской армии – 35000, из подмандатной Англии Палестины в армии – 32000, в армии Канады – 17000, в голландской армии – 7000, в греческой армии – 13000, в армии Южной Африки – 10000, в армии Чехословакии – 7000, в армии Бельгии – 6000, в армии Югославии – 5000, в армии Австралии – 4000. Кроме того, тысячи евреев воевали в составе партизанских отрядов на территории европейских стран. Из них свыше 250000 бойцов – евреев погибли или скончались от ран.

По предложению премьер-министра Черчилля в составе армии Великобритании была сформирована отдельная Еврейская бригада, и Черчилль особо выделил роль воинов – евреев в войне.

В годы войны в армии США 26 евреев получили звание генерала. Президент США Рузвельт сказал: "Отвага и героизм нынешнего поколения евреев украшают славное боевое прошлое Америки".

На территории Советского Союза до войны проживало 4900000 евреев. В рядах Советской армии воевали 500000 воинов – евреев, которые служили во всех рядах войск, из них почти 250000 человек были награждены орденами и медалями, почти столько же не вернулись с войны.

В СССР Постановлением Центрального Исполнительного Комитета от 16 апреля 1934 года была учреждена высшая степень воинского отличия за совершение подвига – Герой Советского Союза. Это почетное звание было присвоено 157 воинам евреям, космонавту Б.В. Волынову после войны. По количеству Героев по национальному признаку евреи занимают пятое место, а в процентном отношении, в расчете на душу населения – второе. Трое были дважды удостоены этого звания. 14 евреев – воинов – полные кавалеры Ордена Славы. Звание генералов и адмиралов носили 400 евреев. Евреями были 92 общевойсковых генерала, 26 генералов авиации, 33 артиллерии, 24 генерала танковых войск, 14 инженерных войск, 7 генералов войск связи, 15 технических войск, 18 генералов инженеров авиационных служб, 15 генералов инженеров артиллеристской службы, 9 генералов инженеров танковых служб, 34 генерала инженера технической службы, 25 интендантской службы, 36 генералов медицинской службы, 10 ветеринарной службы, 6 генералов юстиции, 12 госбезопасности, 5 адмиралов, 9 адмиралов инженеров.

В четырех еврейских семьях было по два генерала, четверо воинов – евреев повторили подвиг А.Матросова, закрыв своим телом амбразуру неприятеля. 14 летчиков – евреев повторили подвиг А.Гастелло, направив свои самолеты на немецкие военные эшелоны, четыре летчика – еврея совершили воздушный таран. В годы войны 12 евреев были руководителями подполья и партизанского движения, шестеро евреев были выдающимися разведчиками.

Надо отметить, что в бывшем Советском Союзе всячески старались отрицать и скрывать правду об участии и героизме в войне воинов – евреев в годы Великой Отечественной войны. Образ героя, воина – еврея не показывали в кинофильмах, не отражали в повестях и романах, а наоборот, распространялось невероятное количество анекдотов, оскорбляющих честь и достоинство воинов – евреев.

Однажды известный писатель Анатолий Алексин при встрече с известным полководцем Г.К.Жуковым спросил: "Правда, что евреи воевали в войне?", на что маршал ответил: "Еще как воевали!"

Большую роль в разгроме немецко-фашистских захватчиков сыграли евреи – труженики тыла. В высший руководящий состав военной промышленности входили три министра и шесть заместителей министра, которые были евреями. Из них: трижды Герой Социалистического труда, генерал-полковник инженерно-технической службы Б.Л.Ванников – министр боеприпасов, С.З.Гинзбург – министр строительства, Герой Социалистического труда, генерал-майор инженерно-технической службы И.М.Залцман – министр танковой промышленности. Сотни крупных предприятий военной промышленности управлялись специалистами – евреями.

В создании новых боевых самолетов большой вклад внесли конструкторы – евреи. В том числе – дважды Герой Социалистического труда С.А.Лавочкин, Герой

Социалистического труда М.И.Гуревич, конструктор авиационного вооружения, дважды Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской премии и лауреат пяти Государственных премий А.Э.Нудельман, авиаконструктор М.Л.Мил создал первые модели вертолетов. Неоценимы заслуги в создании различных видов вооружения академика, трижды Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской премии, трехкратного лауреата Государственных премий Я.Б.Зельдовича, академика, трижды Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской премии, четырехкратного лауреата Государственной премии В.Б.Харитона, академика, Героя Социалистического труда, лауреата Нобелевской премии, лауреата Ленинской премии, трехкратного лауреата Государственных премий Л.Д.Ландау и многих других.

Среди выдающихся специалистов по производству вооружения для армии 10 евреев были удостоены звания Героя Социалистического труда, многие стали лауреатами Ленинской и государственных премий и т.д.

Сотни тысяч евреев трудились в тылу ради общей победы над фашисткой Германией.

Вот краткий ответ юдофобам!

Статья написана на основе книг: А.Пейсаховича и Л. Дубосарского "Вклад еврейского народа в разгром фашистской Германии", Израиль, 1995 и сборника статей "Живая Память -2", Израиль, 2002.

В статье Павла Песати говорится, что при составлении списка евреев – героев генералов и адмиралов использованы документы Центрального архива Советской армии в городе Подольске и Центрального военно-морского архива в городе Гатчине.

Еврейская национальность воинов установлена на основе тщательного исследования официальных советских документов.

Памятник Науму Авшалумову офицеру Красной Армии погибшему смертью храбрых в районе Зволена.

Извещение. Солдат Юсуф Хаимишиевич Абрамов пропал б/вести в сентябре 1941 г. на боевом посту в районе Зволена.

Амиров Лазарь (1936 – 2007, г. Махачкала)

Поэт, драматург, переводчик, лингвист. Среднетехническое образование. Работал токарем, художником-оформителем, был внештатным корреспондентом разных газет в Дагестане. Выпустил ряд сборников стихов: "Кизиловый костер" (1968), "Сердце отдаю тебе" (1977), "Есть на свете любовь" (1995), сборник сказок, пословиц и поговорок горских евреев "Ларец мудрости" (1995). Готовится к печати "Русско-горско-еврейский словарь" (38000 слов), сборник стихов и переводов "Восставшие из пепла" и сборник пословиц и поговорок "Источник разума", сказки горских евреев "Волшебный светильник". Автор драматического произведения. Амиров Л.В. репатриировался в Израиль в 1995 году. Член Союза писателей горских евреев Израиля.

О поэтическом творчестве Лазаря Амирова знают многие, а вот о других его талантах – единицы. Лазарь был художником, он прекрасно рисовал. А еще он собирал горско-еврейский фольклор и вместе с Аширом Захаровым издал сборник сказок «Ларец мудрости». Много лет собирал словарь, но, к сожалению, работа осталась неоконченной. Лазарь Амиров был поэтом-лириком. В его творческом методе преобладали светлые тона, несмотря на то что в жизни мы заставали его чаще в состоянии грусти.

ШТОРМ

(Талантливому поэту Эльдару Гуршумову)

Неделю ночами я читал книгу – «Божественные Синагоги Талхума – Тапра», наслаждаясь строками и разнообразными формами стихов и поэм горско-еврейского поэта Эльдара Гуршумова. Я понял, что передо мной современный поэт-новатор, которого я не встречал в нашей горско-еврейской поэзии за всю свою долгую литературную жизнь.

Бушует шторм над морем вольно
Слетают чайки со скалы,
Где злобно бьются лбами волны
У древних стен Нарын – Калы.

И, помогая шторму, тучи
Всё заволакивают высь,
То, обнимаясь с горной кручей,
То, с кручи опускаясь вниз.

А ветер, глядя, словно кречет,
Свистя и поднимая вой,
Летит прохожему навстречу,
Чтобы вступить в неравный бой.

Но человек идёт, смеётся
И ветру подставляет грудь,
Как будто не гроза, а солнце
Ему указывает путь!

Лазарь Амиров – поэт, членом Союза писателей Израиля,
«Кавказская газета», декабрь, 2005

ДОЖДИНКИ

Дождинки танцуют лезгинку,
Дождинки танцуют фокстрот,
Дождинки – природы слезинки –
Стучатся у наших ворот.

Мы им раскрываем калитки
И просим к пахучим цветам,
Но эти прозрачные нитки
Бегут за ручьём по пятам.

Одни по пути погибают
И с паром уносятся ввысь,
Другие ручей огибают
И мимо него пробегают
Разыскивать лучшую жизнь.

Дождинки, дождинки, дождинки,
Мы тоже танцуем лезгинку,
Мы тоже танцуем фокстрот,
Но мы не роняем слезинки
Напрасно у чьих-то ворот.

***

Темной ночи башлык я срываю с плеча
И взамен него бурку зари надеваю.
Так всегда, когда в песнях тебя воспеваю,
Темной ночи башлык я срываю с плеча.
Ты – улыбка моя или, может, печаль?
Что здесь истинно, я, дорогая, не знаю.
Темной ночи башлык я срываю с плеча
И взамен него бурку зари надеваю.

***

Пусть окно твоей сакли мне светит в пути,
Чтобы стать маяком в моей трудной дороге.
Хоть со злобою тьму ночь бросает под ноги –
Пусть окно твоей сакли мне светит в пути.

Я сейчас вдалеке, но вернусь, и к груди
Притяну я с любовью тебя на пороге…
Пусть окно твоей сакли мне светит в пути,
Чтобы стать маяком в моей трудной дороге.
"""

Я солнце взял и в грудь свою вложил,
Чтоб сердце заменило людям солнце.
Чтоб мальчуган, сидящий у оконца,
Не знал сиротства, в горести не жил!..
Я солнце взял и в грудь свою вложил,
Чтоб кораблям, плывущим ночью в море,
Светил я сердцем в сумрачном просторе
Не час, не два, а сколько хватит сил!..
Я солнце взял и в грудь свою вложил,
Чтоб сквозь пургу, метели и бураны,
Сквозь все дожди и серые туманы
Пронёс его и с ним для счастья жил!

12 марта 1965.

Перевод Галины Агароновой

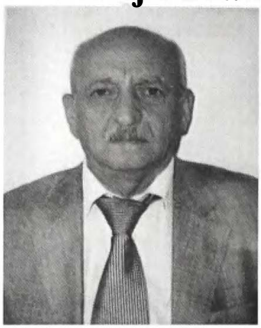
***

Не говорю об этом только всуе
Иль просто зря, что ровно десять лет
С Танахом я знакомился в России,
Где на него возложен был запрет.
И каждый день, таясь чужого ока
И едких взглядов прочих там глупцов,
Я изучал, закрыв покрепче окна,
Законы наших предков и отцов.
Но шли года. Вдруг, поборов двуличье,
Тоску по месту жительства и страх,
Приехал я с семьей в страну величья,
Где есть Всевышний и его Танах.
Здесь проще всё. Здесь нет чужого взора,
Запретов, что издали подлецы.
Здесь я хожу всегда свободно с Торой,
Как шли когда-то прадеды, отцы.
Здесь так привольно, радостно, красиво,
А главное, неведом в жизни страх,
Как это было в прошлом там, в России,
Когда читал с оглядкой я Танах.

10августа 1996.

Перевод Галины Агароновой

Әлијев Вагиф Садыг оғлы - (11.22.1947)Азәрбайчан

республикасынын Оғуз – Варташен шәһәриндә лүнјаја кәлмишдир. 1970-чи илдә Бакыда халг тәсәрүфаты институтунун иггисадијат факултәсини битирмишдир. Јүксәк вәзифәләрдә ишлә-дикдән сонра, 2002-чи илдә аиләси илә бирликдә Израил дијарына кәлмишдир. Һал-һазырда Тел-Авив шәһәриндә јашајыр. Тәләбәлик вахтларындан шејр јазмаға башламышдыр. Тәһсили баша вурдугдан сонра бөјүк вәзифәдә ишләдији үчүн шејр јазмаға фасилә вермишди. Израилә кәлдикдән сонра истедадлы лирик шаир бөјүк руһ јүксәкли- ји илә бир-бириндән көзәл олан шејрләр јазмагы давам етдирир. Һал-һазырда чох бөјүк һөрмәт саһиби олан көркәмли шаһир Израилдә дағ јәһудиләри јазарлар бирлијинин үзвүдүр. Ишыг үзүнү көрмүш 3 китабын мүәллифидир. Азәрбајчанда јашадығы мүддәтдә дә јаздығы шејрләри мәтбуат гәзетләриндә чап олунурду. Чох бөјүк һәвәслә 4-чү китабын үзәриндә чалышыр. Истедадлы шаиримизә чан сағлығы, узун өмүр, аилә хошбәхтлији вә јарадычылығында мүвәффәгијјәтләр арзулајырыг!

Ал чанымы

Сән Аллаһын бәласысан,
Јохса шејтан баласысан.
Хумар-хумар бахышынла,
Бу чанымы алачагсан?

Бир күлүсән санки јазын,
Нә көзәлдир хош авазын.
Валлаһ мәни өлдүрәчәк,
Бу кедишлә шивә-назын.

Нә кечәм вар, нә күндүзум,
Даһа јохдур мәндә дөзүм!
Тәр чичәји бу јашымда,
Һеч вахт әлим кәлмәз үзум.

Нијјәтини сыздырма, кәл,
Дүз јолумдан аздырма, кәл.
Мәһәббәтин аловунда,
Үрәјими гыздырма, кәл.

Бу дүнјада көзүм јохдур,
Ојунларын һәлә чохдур?
Сәни көрчәк олурам лал,
Данышмага дилим јохдур.

Киришмәрәм мүшкулинә,
Һәдәф олмам мән күлүшә.
Мәчнун кими дәли едиб,
Салма мәни дилә-дишә.

Күнәш гүрдә бата-батда,
Бәхт улдузу јата-јатда,
Нә салмысан ода мәни,
Өмүр боша чата-чатда.

Һансы јолу сечим кедим?
Јүз өлчүм бир бичиб кедим?
Галыб чарә бир аллаһа,
Гоншулугдан көчүб кедим?

Аллаһ гору нәфисими,
О көзәлә һәвәсими,
Гуртар мәни бу севдадан,
Ал чанымы, нәфәсими!

Анадыр

Институтда охудуғум илләрдә Мәнә вә дикәр гоһумлара Аналыг Гајғысыны көстәрән Набат халаја

Һеч данышмаз өзүндән,
Дојмаг олмур сөзүндән.
Нур төкүлүр елә бил,
О, меһрибан үзүндән.

Өзү ширин ады тәк,
Чох хејирхаһ о, мәләк.
Һамынын гајғысыны,
Чәкәр, едәр о, көмәк.

Чох јахшы овгаты вар,
Нә биширсә дады вар.
Гоһумларын ичиндә,
Онун башда ады вар.

Дилимиздә халадыр,
Халалар бир јанадыр.
Һамыја доғма, әзиз,
Хала јох, о, анадыр.

Гәзәл

Истәјин гәлбимә вурмагды јара,
Инчидиб сән мәни кедирсән һара?

Көнлүндән нәләрикечирирсән сән,
Дејисән ки, бир күн мәнә јалвара.
Күсүб ккмәјинә нәдир бәһанә?
Јохса гәсдин мәни чәкмәкди дара?

Өзүнә наһагдан һагг газандырыб
Тутмагды көнлүмү човғуна, дара.

Гәлбләри сындырмаг чох асан олур,
Шәрлә сағалмыр вурулан јара.

Нә едим, кери јә гајтарым сәни,
Сөз дә тәсирсизди, кәлмәјир кара.
Урәк дә мәнимлә барыша билмир,
Көмәк едән лә јох дүзәлсин ара.

Meh

Баһарда чох көзәлди
ачылан һәр бир сәһәр.
Көнүлләри охшајан
күләк әсәр, meh әсәр.
Саф дујғлар јарадар
урәкләрдә сәрин meh.
Отларын үзәриндә
инчи тәк көрүнкр шеh.
Истәмәз ки, бу күләк,
әсә мөһкәм, күчлү, бәрк.
Күлләрин, чичәкләрин
ләчкләри ола тәрк.
Тохунмаг истәмәз о
чичәкләрин хктринә.
Бүрүјәр дөрд бир јанын

гызыл күлүн әтринә.
Дојмаг олмур алдыгча
синә долусу нәфәс.
Гушлар да чох севинир
көр нечә дә салыб сәс.
О јени бир гүввә, күч,
о руһ верир бәдәнә.
Вурулурсан даһа чох
севдијин бу Вәтәнә!

Лејла

Һамы чох истәјир чох
Көзәл, көјчәк Лејланы.
Онун кими дилавәр
Ширин-шәкәр гыз һаны?

Бир нөгсаны јохду ки,
Сөз тапыбан дејәсән.
О гәдәр ширинди ки,
Аз галырсан јејесән.

Көмәк лазым оланда
Јујуруб дада јетир.
Нәнәси Меһрибан да
Дејир, өзүнү јетир.

Лејла кими чох севир
Илк өнчә анасыны.
Сонра да һамыдан чох
О Әзиз бабасыны.

Гәзәл

Бәнзәрсән әтирли гызыл күлә сән,
Кирмисән гәлбимә килә-килә сән.

Күнәш тәк гаршыма һәр күн чых мәним,
Үзүмә, көзүмә һеј нур чилә сән.

Сәнсизлијә табым, дөзүмүм јохду,
Гәсдән көрүнмүрсән билә-билә сән.

Исләрдим севдамыз чох кизли галсын
Салмысан ешгими дилдән-дилә сән.

Наз илә сүздүрүб о көзләрини,
Алырсан чанымы күлә-күлә сән.

Көнлүмдән бир кечир чырнадым сәни,
Галасан көз јашын силә-силә сән.

Ај Вагиф, көзәл вар зарафат билмир,
Јолуну кәл азыб, чыхма зилә сән.

Гәзәл

Илләр јаман тез өтдү,чатдым мән аһыл јаша,
Ағартды сачларымы, гыров салды бу баша.

Сон заманлар Әзраыл ишарәјлә билдирир,
Кифајәтдир, бәсдир етдин бу дүнјаја тамаша.

Көнүл истәр јенә дә даһа да чох јашасын,
Севдији дилбәријлә бу һәјатда чүт гоша.

Гурбанлыг гојун тәки көзләјирәм һөкмүнү,
Күчүм јох Әзрајылла бу мејданда саваша.

Билир буну дост, таныш, дејилмәмиш сөзүм чох,
Өзүмлә апарырам о дүнјаја бир баша.

Вагиф, сөјлә кәнчләрә инди вачиб сөзүнү; -
Верилән бу аз өмрү, гојмајын кетсин боша!

Алачаглар биздән једди гатыны

Ермәнини ләнәтләјиб сөјән јох,
"Көзүн үстә гашын да вар" дејән јох.
Дүнја сусуб, көзүн дөјүб дурубду,
Һеч һәјачан тәбилини дөјән јох.

Шәр гүввәләр тутуб дуруб мејданы,
Дост сечибләр өзләринә шејтаны.
Түкәнмәјир бу милләтин елә һеј,

Заман-заман јаланлары, бөһтаны.

Кимә дејәк, дәрдимизи анлаја,
Күнаһкара чәза верә, данлаја.
Јығышдыра әл-ајағын чәлладын,
Гулағындан бәрк јапышыб дамлаја.

Јенәдәми биз јашајаг јанашы,
Нечә силәк, тәмизләјәк јаддашы?
Үрәкләри парчалајыр инди дә
Шәһидләрә ахыдылан көз јашы!

Дөрдлүкләр

1

Вичдан сусуб дајанарса бир анлыг,
Баш галдырар үрәкләрдә јаманлыг.
Бу дүнјаны фәлакәтә апарар
Чох чәкмәз ки нанкорлугла, наданлыг.

2

Инчитмә кәл, һеч бир кәси дилиндән,
Хејирхаһлыг кәлсин даим әлиндән.
Бу һәјатда мәрдимазар, надүрүст
Ајры дүшәр обасындан, елиндән.

3

Јахшылыг етдинсә, кәл салма көздән,
Гызышма дејилмиш мәнасыз сөздән.
Биринин күнаһын үст-басдыр едиб
Сәјлә һамарлама чалышыб үздән.

4

Поладдан дејилдир инсанда бәдән,
Бәзән сындырыг ону һеч нәдән.
Күнаһкар өзүмүз биз ола-ола,
Шикајәт едирик һеј зәманәдән.

5

Киши олан, шәрләјәрми гадыны,
Етсә буну, бәднам едәр адыны.
Олар бизә бәхш едибди һәвәслә,
Бу дүнјанын ләззәтини, дадыны.

6

Мәкәр дәрд әлиндән гачмагмы олар?
Гырылмыш ганадла учмагмы олар?
Әкәр о гыз сәнә биканәдирсә,
Она өз ешгини ачмагмы олар?

7

Севәнләр кәлмәсин һич вахт пис көзә,
Нә јерсиз гынаға, нә јерсиз сөзө.

Гаршыја һәр чыхан чәтинликләрә,
Мөһкәм таб кәтирә, бирликдә дөзә.

8

Гырылмышса багда, багчада ағач,
Бир күн кәсиминә вериләр рәвач.
Әзәлдән өзүнүн гејдинә гал ки,
Сонрадан дәрдинә ахтарма әлач.

9

Өзүнү лајыглы билирсә бир әр,
Севиб ханымыны даим әзизләр.
Гадын дашыјрса Ана адыны,
Она вермәлијик ән јүксәк дәјәр.

10

Күнү хош кечәрсә инсанын һәр күн,
Өзүнү о хошбәхт биләр бүсбүтүн.
Нә едәк, нә сајаг әл-әлә верәк,
Бу дүнјаны хошбәхт јашатмаг үчүн.

11

Диндирмә гәмлини,јан өтүб чых, кет
Соргу-суал едиб, нә ону инчит.
Истәсән јахшылыг едәсән она,
Варса чәтинлији дадына тез чат.

12

Аллаһын билмирик лап чох сиррини,
Түкәнән билмирик онун сәбрини.
Дүшмән лазым дејил бу мүсәлмана,
Гырырлар һеч нәдән бири-бирини.

13

Һәјатда јолуну азарса инсан,
Сәадәти һеч вахт о тапмаз асан.
Ел үчүн јашајыб, јарадан һәр кәс
Газанар өзүнә шәрәфли ад-сан.

14

Хош ниҹҹәтлә јаша өмрүн ичини,
Гәлбиндә арзулар һеч вахт солмасын.
Һалал зәһмәтинлә газан рузуну
Үзүндә хәчаләт тәри олмасын.

Certificate
На Святой Земле Израиля
В Президентском лесу
Посажено дерево
в честь
Вагифа Алиева
Февраль 2018
Keyemeth Leisrael • Jewish National Fund •

Алхасова Лиора Семеновна

родилась 17.04.1959 года в городе Нальчике, КБ АССР. После окончания школы работала медрегистратором. В 1981 году окончила с отличием медучилище и начала работать в процедурном кабинете поликлиники №3. В 1982 году с отличием окончила курсы косметологов в городе Ростове и работала косметологом. В 1984 году с отличием окончила курсы повышения квалификации косметологов при Московской международной лаборатории и до 1991 года, до отъезда в Израиль, работала косметологом.

В Израиле Лиора Алхасова подтвердила диплом косметолога при Министерстве труда. Работала физиотерапевтом, учителем в спецшколе города Нативот до закрытия школы.

В настоящее время работает служащей в железнодорожной компании Израиля. Имеет детей и внуков.

Стихи и рассказы пишет с юности, печаталась в местной печати и посещала курсы журналистики. Сборник стихов и рассказов и повесть – «Бриллиант в медной оправе», готовит к изданию. Лиора Алхасова с 2014 – член Союза писателей Израиля.

ДОРОГОЙ МОЙ ДОКТОР

Автор статьи – Лиора Алхасова

Наш милый доктор всех лечила и милосердию учила. Как много миру Ты дала, любви, и света, и тепла!

В 1971 году в г. Нальчик в Доме Советов состоялось награждение достойнейших граждан Республики за различные трудовые достижения. Среди них была врач-физиотерапевт Алхасова Лидия Ихиловна. Ей было присвоено высокое звание – Заслуженного врача КБ АССР, а высококвалифицированную, своевременную помощь, гуманное и бескорыстное отношение к людям.

Доктор Алхасова Лидия родилась 13 мая 1924 года в г. Нальчике, в очень дружной, интеллигентной семье. Ее мама, Тирцо Львовна – дочь коммерсанта, окончила гимназию, свободно владела четырьмя языками – русским, немецким, ивритом (язык Торы) и горским. Родители Лидия были людьми образованными и религиозными. Они читали Тору, увлекались классической литературой, были ответственными и организованными людьми.

Отец – Алхасов Ихиил Яковлевич – сын раввина. Учился на дому, владел многими языками. На протяжении десятков лет успешно занимался бизнесом. Лидия при рождении была названа Лией. Росла Лия очень любознательной девочкой. В возрасте семи лет пошла в школу. Училась с большим интересом, ей легко давались все школьные предметы. Окончив школу с отличием, она решила пойти в ВУЗ, но наступили очень тяжёлые времена для всей страны – грянула Великая Отечественная война 1941 года. В семье на то время было шестеро детей, эту прекрасную дружную семью лишения войны, сплотили ещё больше. Дружбу и уважение они пронесли через всю жизнь, она продолжается между детьми, внуками и по сей день.

Родные часто вспоминали те тяжелые военные времена, тот суровый январь

1942 года, когда всех евреев жителей города Нальчика согнали на центральную площадь и приговорили к расстрелу. Расстрел назначили на 11 часов дня. Казалось, к великому горю, судьба евреев предрешена, но в 10 часов Советская Армия освободила город от захватчиков, и народ был спасен.

По окончании войны Лия вместе с родной сестрой Шифро поступает в Махачкалинский Медицинский институт. Шифро, буквально впервые недели переводится в Сельхозинститут. (Впоследствии на протяжении всей своей жизни она занимала высокие посты). Не смотря на трудные, послевоенные годы, огромное желание учиться и получить выбранную по любви профессию помогает молодой студентке Лии преодолеть все препятствия.

Будучи студенткой 2-го курса, Лия едет на зимние каникулы к старшей сестре Зине, которая со своим супругом прокурором Гилядовым жила в Советском районе КБ АССР.

Приехав к сестре, застаёт её в родовой деятельности. Успешно приняв роды и проведя все необходимые послеродовые процедуры, Лия возвращается домой и продолжает учебу. (Сегодня этот младенец и есть известный рав Мордехай Гилядов, который служит в Синагоге горских евреев Нацерета в Израиле).

По окончании института молодой доктор Алхасова Лия направляется для прохождения практики в Хасавьюрт, Новолакского района. На всю округу она была единственным врачом детско-женской консультации. В очень короткий срок она обучилась нескольким языкам, население прониклось к ней доверием, несмотря на её молодость и небольшой стаж
работы. После стольких лет Алхасова Лия стала единственным районным врачом. Приходилось проводить сложные процедуры на месте, в соответствии с жизненными показаниями, полагаясь только на знания, приобретенные в институте. Д-р Алхасова Лия за короткий период практической врачебной деятельности приобрела огромный врачебный опыт и уверенность во многих специальностях врачебной практики – в дерматологии, в кардиологии, нейрохирургии, проводила операции, принимала роды, общаясь с пациентами на их родном языке.

И когда подошло время возвращения домой, после двухгодичной практики, местные жители и их руководящие органы, не позволили молодому доктору вернуться домой, и она продолжила свою практику.

Несмотря на тяжелые условия, Лия осталась работать еще на два года. Единственным транспортом у Лии была лошадь, с помощью которой она добиралась, до каждого больного в любое время дня и ночи, не зависимо от погодных условий.

Пациенты с благодарностью, уважением и любовью относились к молодому доктору.
Лия грамотно, ответственно относилась к работе, и была просто мудрым психологом. Люди обращались к ней даже по личным вопросам.

По окончании интернатуры доктор Лия, возвращается в родной город Нальчик и продолжает свою трудовую деятельность. Время работы в г. Нальчике пришлось на тяжелые сталинские времена. Пациенты без стеснения подчеркивали её еврейскую принадлежность. И вот теперь, она себя почувствовала
отверженной и поняла, что означает пятая графа. И ей пришлось сменить исконное еврейское имя Лия – на Лидию.

По возвращении в Нальчик Лидия Ихиловна выходит замуж за Алхасова Семена, человека мудрого, ответственного, обладающего силой духа и воли, человека мужественного. Все эти качества помогли приобрести Семену глубокие знания и два

высших образования – юридическое, и инженера текстильной промышленности.

Часто я на каникулах ходила с мамой по вызовам. Зашли в один дом – проживают мать и сын. Вся мебель – две кровати, стол и два стула. Доктор осмотрела больного, открыла кошелек, положила 15 рублей на стол на лечение, и дала соответствующее назначение патронажной сестре. У мальчика был туберкулёз. В скором времени ребёнок поправился.

С течением времени пациенты проникались к доктору огромным уважением и безграничным доверием. В каждом доме где являялась участковым врачом Лидия Ихиловна, её называли «мой дорогой доктор». Она мужественно и бескорыстно боролась за жизнь и здоровье каждого пациента.

И вот однажды на ее участке одна из пациенток перенесла инфаркт, осложнение дало на ноги. Больная нуждалась в специальном уходе, но доктор Лидия за короткий срок подняла ее на ноги, проведя на дому консилиум и найдя верный способ лечения. Через несколько месяцев женщина стала ходить.

Ни один консилиум или сложный врачебный случай не проходил без участия доктора Лидии. Мнение Лидии Ихиловны почти всегда был решающим. Также она была внештатным сотрудником по устранению конфликтов. Когда в республике стали открывать физиотерапевтическую службу и решать, кого же послать на обучение в г. Казань, в Министерстве здравоохранения кандидатуру Алхасовой Лидии Ихиловны приняли единогласно, невзирая на еврейскую принадлежность. В течение шести месяцев доктор Лидия блестяще освоила новый профиль и, вернувшись, стала обучать молодых докторов физиотерапии. За большой стаж трудовой деятельности доктор Лидия снискала огромное уважение, доверие и любовь населения, Лидия Ихиловна Алхасова была солдат труда, душа народа и врач от Бога!

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ

В Израиле, в центре Тель-Авива
Жила семья из матери и сына
В квартире скромной, очень небольшой.
Любила сына мать всем сердцем, всей душой.
Лишь для него для одного Сара жила, дышала,
И каждый миг при виде сына
Сердце матери невольно сильно трепетало.
А Хаим-сын рос, славный, очень славный малый,
Купаясь в материнской ласке и почти
Не замечая, матери.
К тому же рос он с комплексом большим –
У матери стеклянный глаз один.
Вот горе и беда, и вот досада –
У всех друзей вокруг есть мама с папой,
У многих и большие семьи есть,

Что даже всю семью не счесть,
А у него лишь мать – вот вся его семья.
И Хаим рос, своей семьи панически стеснялся,
В дом приглашать друзей, приятелей, подруг
Он избегал, остерегался.
Но, тем не менее, Хаим рос отменным малым,
В труде, учёбе был успешным, право.
Учителя пророчили большую будущность ему
И небеспочвенно надежды возлагали.
А Сара-мать все знанья, все труды свои
вложила в сына – не напрасно,
Её труды ей принесли огромные плоды.
Окончив школу с лёгкостью, успешно,
Он сразу же поступил в университет,
И параллельно с учебою был принят
В одну из крупных фирм израильских,
Которая являлась филиалом
Американской фирмы,
И успешно закончив университет,
Остался на работе в американской фирме,
И уехал в Америку.
Сара верила и надеялась,
Что сын возьмёт её с собой – но напрасно.
А время шло. Хаим в работу окунулся,
Делами фирмы он серьёзно занимался,
И бизнес рос и процветал,
А вот о матери он совершенно ничего не знал.
Вдруг позвонили Хаиму из дома.
Один из родственников сообщает,
Что его мать давно, серьёзно
Больна, находится в больнице,
Ей очень плохо, нужен ей уход особый,
А главное, что нужно – это сын,
Родной и близкий человек,
Боится, что его уж не дождётся,
Думает – уходит скоро,
«Какой, какой короткий её век...»
Задумался тут Хаим-сын,
Как Тут, в Америке, болезнь совсем некстати,
Как сложно все дела оставить,
Как некогда ему сейчас,
Но получив звонок уж во второй раз,
Уж делать нечего – в дорогу он собрался.
Приехал он на седьмой день,

Когда кончались похороны и помины,
Кто-то из родственников проводил мать Хаима
В последний путь, и не забыл он
Сына в этом упрекнуть.
Возвратившись, домой в Америку,
Он получил потрясшее его письмо
От Матери: «Здравствуй мой родной
И самый близкий, дорогой мой человек,
В моей Ты жизни был и сын, и царь и господин,
Во всех лицах – Ты один.
Когда ты был ещё совсем мал,
И грудь материнскую сосал,
Не было года от роду Тебе,
Мы ехали с отцом Твоим на свадьбу,
Произошла страшная авария,
Отец Твой был за рулём и вмиг погиб
Ты окровавлен был и левый глаз выбит.
Как много я тогда перестрадала,
Но какое счастье,
Что я тебя крепко удержала,
И дважды не подумавши, тогда
Свой левый глаз Тебе я отдала,
Какое было наслажденье видеть,
Что глаз прижился после пересадки,
Хоть и не быстро, не в одно мгновенье.
Но Ты, мой сын, всегда меня панически стеснялся,
Друзей в дом приводить Ты не решался.
Но если б только знал, мой сын родной,
Какой ценой ты мне достался.
Для матери нет больше ценности на свете, чем её дети.
Когда прочтёшь моё письмо, меня с Тобой уже не будет.
Моя душа Тебе по Жизни путеводной звездою будет,
Я буду охранять тебя всегда, я мать Твоя,
Ты моя плоть, моя душа, мои глаза.
Прочтя от матери письмо, Хаим вдруг разумом прозрел,
Как на сто лет он повзрослел, поняв всё вдруг,
Что вовремя он матерью своей не дорожил, не замечал,
И понял лишь тогда, когда её он потерял.
Бывает так порой, что мы живём,
И рядом с кем живём, не замечаем,
И не храним, но потерявши – плачем.

СОСНА

У опушки красивая и пышная сосна росла.
И кроной, и стволом, всем видом собственным своим
Глаза прохожих радовала несказанно.
И каждый, мимо по лесу идущий
Задерживал свой взгляд на этой красоте.
Была сосна влюблённою в саму себя,
И старый и могучий лес сосну любил,
Он охранял её, берёг от злых людей, от чёрных сил.

Вот летним вечером гурьбою дети по лесу ходили,
Увидели сосну и любовались ею,
И, нарядив её, как ёлку новогоднюю,
Они вокруг неё всё хоровод водили.
Стала сосна ещё прекрасней, веселее,
Притягивала взоры как магнит.
Зашёл в тот лес и лекарь старый,
Увидел ту сосну, и ветку оторвал,

Сказал: из ветки сделаю я ценное лекарство,
Отвары для здоровья тела и души,
Для взрослых и для детворы.
Так время долгое для леса проходило.
Иные времена в лесу том наступили.
Пришёл охотник молодой,
Не понимал красот природы той,
И не совсем дружил он с головой...
Срубил под корень ту сосну, ту красоту,
Всевышнего творенье,
И леса старого живое украшенье.
Ошибка молодости – долго он о ней жалел,
Что наскоро бездумно зло он совершил,
Но поздно, лес ему ошибок не простил.

У опушки красивая и пышная сосна росла.
И кроной, и стволом, всем видом собственным своим
Глаза прохожих радовала несказанно.
И каждый, мимо по лесу идущий
Задерживал свой взгляд на этой красоте.
Была сосна влюблённою в саму себя,
И старый и могучий лес сосну любил,
Он охранял её, берёг от злых людей, от чёрных сил.

АГАРУНОВА ЛИЗА (04.12.1989) – родилась в городе Грозном. В 2000 г. репатриировалась в Израиль (город Акко). Стихи пишет с детских лет. Публикует свои стихи, рассказы и песни на интернет сайтах. Закончила факультета Массовых Коммуникаций Открытого Университета Израиля.

Печаталась в литературных публицистических альманахах; «Творческий Акко», «Пером и кистью» (ред. Г.Брегин), «Наша звезда Астарайму» (ред. Б. Ханукаев и М. Гаврилов), «Мирвори» (Е.Мишиев), «Антология поэзии горских евреев (гл. ред. Э.Гуршумов и ред. Ф.Юсуфова.)

ОСТАВЛЮ ЗА СОБОЙ СЛОВА

Оставлю за собой слова
Теряя маску счастья где-то.
Судьба актёра, жизнь моя,
Но жизнь актёра – смерть поэта.

Оставлю след в сердцах людей,
Уйду от них в архивы жизни,
В осколках солнечных лучей,
Моя печаль и боль повиснет.

Смотря в хрустальные глаза,
Что к этой жизни безразличны,
Увижу, в них горит слеза,
О, эта боль мне так привычна.

В стеклянных ритмах серых дней,
В железном сердце билось чувство,
И словно пламенный ручей,
Разбило сердце мне искусство.

И вновь поток не нужных слов,
Уложит чувства все в куплеты,
Судьба, печаль, тоска, любовь,
И все повержены запреты.

Но боль, словами не стереть,
Обратно сердце мне не склеить
И вечным пламенем гореть,
Страдать, надеяться и верить.

Что те потоки тайных строк,
На миг помогут мне забыться,
Лететь в мечтах сквозь гладь дорог,
Взлететь на небо, и разбиться.

И потеряться в облаках,
В лазурном небе раствориться,
Остаться жить, в своих словах,
В которых боль моя продлится...

МЁРТВЫЙ ГОРОД

Посвящается г. Грозному

Мой любимый, мёртвый город,
Со слезами на глазах,
Вспоминаю дрожь и холод,
Проживаю вновь тот страх.

Вижу прошлое в "картинках",
Жизнь усталую свою,
Мой любимый мёртвый город,
Забери печаль мою.

Что мне сделать, чтоб исправить?
Что мне сделать, чтоб помочь?
Мой любимый, мёртвый город,
Я к тебе, в слепую ночь.

Буду ждать, пока с осколков,
Ты восстанешь, город вновь,
Оживи мой мёртвый город,
Пробуди в сердцах любовь.

ОСКОЛКИ ОСЕНИ

Ищу осколки осени,
По улицам бродя,
Но не осталось признаков,
Вчерашнего дождя.

И листья ветром унесло,
К далёким берегам,
Тропинку снегом замело,
Бьёт холод по рукам.

Ищу осколки нежных дней,
Их осень забрала,
И навсегда в душе теперь,
Зимы холодной мгла.

А я кричала осени:
"Пожалуйста, постой,
Не забирай мою любовь,
Оставь её со мной"

Но осень не откликнулась,
И в прошлое ушла,
Зачем такою нежною,
Тогда она была?

Надеждою помучила,
И бросила гореть,
Как жаль, теперь из памяти,
Её мне не стереть.

Теперь в осколках осени,
Теряюсь я сама,
Укрыв слезами горькими,
Дороги и дома.

"JE T'AIME"*

Я о любви сказать пыталась,
Но голос мой от страха нем,
И всё что сделать мне осталось,
В письме писать тебе: "Je t'aime"..
Но на письмо ты не ответишь,
А может вовсе не прочтёшь,
У дома ты меня не встретишь,
С собою в даль не позовёшь.
Я без тебя жить не готова,
Ведь не нужна тебе совсем,
Оставлю за собой два слова,
Два слова на листе - Je t'aime...

*Je t'aime- "Я люблю тебя"- *(франц.)*

АГАРУНОВ АНТОН (АЗАРИЯ) (21.12.1934) – член Союза писателей Азербайджана и Союза писателей Израиля. Родился в поселке Сабунчи г. Баку. Стихи пишет на родном горско-еврейском и на азербайджанском языке. Окончил Новочеркасский институт, по профессии инженер – гидротехник. В 1990 г. с семьей репатриировался в Израиль (г.Акко). Его стихи и прозу можно прочитать в газете «Бирлик» (Азербаджан). Автор сборников стихов и поэм: «Родина моего детства», «Земля отцов», «Слова, идущие от сердца», «Мне 70 лет», «Во имя блага», «Подарок друзьям в год моего 75-летия» и музыкальные диски на его стихи. А.Г.Агарунов автор проектов «Официальный визит в Азербайджан»; «Евреи Азербайджана. История и современность»; «Евреи Дагестана. История и современность» – посетив эти страны с официальным визитом, он издал со своими коллегами Х. Рафаэль и Ф. Юсуфовой одноименные книги.

Гәрхундум һәлә

Јә чәнд ӈүмүрикәш зиһүсдүмкә мә,
Гәрдиһој хәлгмәрә дорә ниданүм.
Бәхш мисохум күл-гүзүркүлһојмәрә,
Јәкәм кәм имбисдо гәрдиһо әзмә.

Гәрхундум у дәсһој духдирһорә мә,
Һовој Вәтәнмәрә, дусди хәлгмәрә.
Гәрхундум у ширин зуһун хәлгмәрә,
Нивәрвсу, данит, гәрдијо һәлә.

Хубә дусдһојмәрә амбар гәрхундум,
Вәтәнмәрә хок-сәнгүрә гәрхундум.
Әз бирор зијодтә дусд бу дусдһорә.
Ӈәрс чум әнуһорә һәлә гәрхундум.

Әј Вәтән ӈәјили, Вәтән колуди,
Бијо һәчи сохим нә муним гәрди.
Бил ә сәр хоришму вокунум сүфрә,
Сохим хубә шори тә сәбәһ бирә.

Јә кәмикәш вәхт ди мәрә, ој ӈәчәл,
Бил гәрдијојмәрә дүм, бәгдә бәр,
Ӈиломә әшгүрә гәрхундум һәлә,
Бил һәг-ӈисоб сохум, бәгдә бәр мәрә

Шоһир һисдһо ћәрмәћмә

Коһ вомундәт, коһ ӈосинүт,
Әз нүвүсдә лап визорут.
Коһ ошугут, коһ шоһирүт,
Шоһир һисдһо ћәрмәћһојмә.

Ә һәр шори коф үшу һисд,
Әз күзәлһо нүвүсдә һисд,
Әруј хори нум үшү һисд,
Шоһир һисдһо ћәрмәћһојмә.

Чәтиниһо амбар дирәт,
Әри хәлгһо шори хосдәт,
Тарихә хуб – дуз бурбундәт,
Шрһир һисдһо ћәрмәћһојмә.

Вәтәнә лап хуб хосдәнүт,
Әз хуби хәлг нүвүсдәнүт,
Хуб коф кујут, јә устајүт,
Шоһир һисдһо ћәрмәћһојмә.

Антониш дә ә у дәстә,
Гәләм сүрхи ә дәсјү дә,
Шәјр-гәзәлү дәс-бә-дәс дә,
Нән шоһир һисдһо ћәрмәћһојмә.

Әри чововнһо нәсиһәтһо

Дорит и ӈиломә, әзи хубтә ӈилом дијә офдә нијов,
Данит гәдүр һәр рузә, рузһош мурав бәгдә вокошдә нијов.

Хој хәлгтүрә әз дүли-чуни, хәлги түрә сохуһо вәкир,
Хәлг хүшдәрә ки нә хосдкә һич вәхти бәхтәвәр бирә нидов.

Дорит коф сохдәнимһо ширинә – ӈәсәлә зуһунә,
Вомухит ә ӈәјилһо, у зәћмәтһошму әз јор нивадаров.

Бәбә-дәдәјә әз дүл хој, уһо ә ӈилом овурди түрә,
Ә бәбә-дәдәј ћүрмәтсүзи сохуһо, рузһојү хуб нијов.

Хој хәлгтүрә әз дүли-чуни, хәлги түрә сохуһо вәкир,
Хәлг хүшдәрә ки нә хосдкә һич вәхти бәхтәвәр бирә нидов.

Дорит кофъ сохдәнимһо ширинә – ӈәсәлә зуһунә,
Вомухит ә ӈәјилһо, у зәһмәтһошму әз јор нивадаров.

Бәбә-дәдәјә әз дүл хој, уһо ә ӈилом овурди түрә,
Ә бәбә-дәдәј һүрмәтсүзи сохуһо, рузһојуъ хуб нијов.

Чәнд гәдәр човони тү, гәдүр човонитүрә бијо дани,
Јә вәхт имбу пир имбоши, човониһојтү ә јортү нијов.

Хој јортүрә ә әшг-мәһәббәтбвоз, рузһојтү хуб кирору,
Јор вәфосүз бисдокә, ә виһдәј әну һич кәс ниворов.

Хосдәји јарашуг зиндәкунини, әшгсүз ӈилом дуркуни,
У јор әз әшг хүшдә ӈәз нә вәкүрдкә, рузһој мәрд хәрәб муров.

Вәтән дүјмүн дәдәји, урә әз јор вәдәшәндә ниимбу,
Гәдүр дәдәјә ки нә данусдкә, Вәтән һич ә јору нијов.

Антон шори әри човонһо и нәсиһәтһорә нүвүсди,
Надана човон бисдокә нәсиһәтһо һич ә вәчју нијов.

Ә у догһо

Мә хундәнки сәсә дори ә сәсмә,
Чү ширин бу мә кәшдәмһо у догһо.
Рач хонумһо кура бири ә сәрмә,
Намусмә бу, гејрәтмә бу у догһо.

Ә кунәјһо кировундәм рузмәрә,
Ә дәрәһо хуб-хуб зәрәм сазмәрә,
Кәлә сохдәм өрдәкмәрә, гозмәрә,
Чү ширин бу мә кәшдәмһо у догһо.

Мә вәрафдәм лап ә кәлләј ән догһо,
Вирихдәм ә пәсәј чејрон-маралһо,
Воруш бири нә тәрсирәм әз сајлһо,
Чү ширин бу мә кәшдәмһо у догһо.

Руз васал ә богһо вокунди күлһо,
У вәхти хәндүсди руј ән инсонһо.
Гисмәт бирә Антон ишмурә вино,
Чү ширин бу мә кәшдәмһо у догһо

Бәнәвшә

Тү чү рачә күли, оj бәнәвшә,
Буjтү лов бири ә чүл, ә вишә.
Мүчүнүм түрә, мүкүрүм дәстә,
Бәнәвшә, бәнәвшә, оj бәнәвшә.
Бәнәвшә, бәнәвшә, оj бәнәвшә.

Түрә күл куjум, нобкә гүзүлкүл,
Әз буjтү мәст бирә һәр әшглүjә дүл,
Сәрә тик күрдәни ә тәһәр сүнбүл,
Бәнәвшә, бәнәвшә, оj бәнәвшә.
Бәнәвшә, бәнәвшә, оj бәнәвшә.

Рач күлһоjи тү ә гәриш күлһо,
Әз тү мәһәни хундәнүт гушһо.
Гүзүлкүлһо мәчнун бирәт ә чүлһо,
Бәнәвшә, бәнәвшә, оj бәнәвшә.
Бәнәвшә, бәнәвшә, оj бәнәвшә.

Мәкәш фикир, хәjолһо

Jә ворворирә хуно омо кирошд рузһоj һүмүрмә,
Нә данусдүм әрчү һәчи зәрд бисдо күлһоj боrһojмә.

Һәчи дан әдәм зиһисдә, и әхир ән һүмүрмәни,
Мәһлүми, дижә нихуну ә дүл дәһо у сурмәни.

Jәбojкәш миданүсдимкә дирә кирошдә рузһорә,
Имбәгшүрүм урә ә һүмүрмә мундиһо салһорә.

Пәшму имбисдорум әрчү ки, ширин бу рузһоj човони,
Чүн... ә һүмүр рәһо дорәм бәһизи хубә корһорә.

Имоj ә хәjолмә мунди у jәдикорһоj ән дүлмә,
Һәм шори, һәм дәрд-гәм, һәм бәхтәвәрә хубә рузһojмә.

Антон вәхттү расири, мәкәш дижә фикир, хәjолһо,
Һәм рафдәни, ов чүтарз рафдәкәj әз никәрәһо.

АБРАМОВА БАТСИОН (БӘСТИ-ГӘЛБИНУР) **(01.09.1953)** – әз дәдәј бири ә дијор Азәрбајчон һисдиһо Гирмизи Гәсәбәј ән рајон Гүбә. Ә Чәһм нүвүсдәкорһој чүһурһој доги ән Израил дәри. Ә 1974-мүн сал ә харичи зүһүнһо киро педогожи институт ән Азәрбајчонә варасди. Ә 1991-мүн сал ә кифләтәвоз ә Израил омори.

Ә Гиват-Олга зүһүсдә. Ә Израил дүјмүн али тәһсил вәкүрди. Ә шәһәр Хедерә ә болнисәј Гилел-Јаффә әдәј психиатор кор сохдә. Нүвүсдә широпһоју әдәј ә гозитһо нә алманахһо әз 2006-мүн саловоз чап бирә. Јәкимүнчә китобу ә нуминәј "Гәләм"әвоз дүл ҕәзизә хундәкорһорә амбар шор сохди. Имоһој дүјмүн китобу "Дәдәј" руј үшүгә винири. Јә кәм бәгдәјкә сәјмүн китобуш ә ҕәзизмәндә хундәкорһој мозолмәндүлјә милләтмә мирасү.

Нәварасдә симфонијә

Нум дәдәјә зәвәрдәс ки,
Чикәјүрә ә сәр дәс ки.
Тү ә у зән сох ки ћүрмәт,
Ћүрмәттүрәш дору чәһмәт.

Пролог

Ә сәр ән рәћ јә кәлә дор,
Ришә шәнди, шәх појисди,
Мүрди, рафди у кошдәкор,
Омо, ћәлә дор појисди.

Гул-будогә лов сохдә дор,
Сојә шәнди ә ћәр јон.
Кумәк бирә ә рәћкирор,
Ә мәћ васал, ә ћәминон.

Мәћ појизи, дорһо
Әз ранк ә ранк бири.
Чиро бирә әз лүкәһо,
Ә зир појһо дүзмиш бири.

Ә мәћ вассал и кәлә дор,
Әз әшг офто, әз әшг хори,
Сәрмәст бирә кәшдәбу бор,
Гәл дәшәндә ә гәл хори.

Чун вәкүрдә әз офтоји,
Куч вәкүрдә у әз хори,
Нә шәв, нә руз вичирәбу,
Ширәһорә вәчирәбу.

Диглә-диглә ширә дорә,
Тумурчугһо вокундәбу.
Кәлә сохдә у вәлкһорә,
Гул-гәнәдә лов сохдәбу.

Вәлкһо гимәт дорә -дорә,
Урә ҳәзиз күрдәнбүрүт.
Варавундә һәр лүкәрә,
Ә у мүһбәт дорәнбүрүт.

...Зомон јомон омонсүзи,
Чәнд гәд сурү човобсүзи.
Зәһмәткәш бу и дор, әхи
Гәдүрмәнд бу и дор, әхи.

Ә шәхтәј вәрф расирәнки,
И пирә дор чү бисдоки,
Иһтиборсүз вәдирәмо,
Залуми сохд әји вәлкһо?

Ә и сузов, ә и шәхтә,
И пирә дор ә дур кәшдә?
Ә вәкүрдә ширәј хүшдә,
У вәлкһорә тәшнә һишдә?

Чәнд васалә, зимистурә,
Кировунди хүрд нә бирә.
Ә ворвори, бирәнгинә,
Сәхд појисди, нори синә.

У нәсда ки, бәкә, вәлкһо
Доһом нидү ә и дәрдһо?
Әрчү нәдо бәгдә чикә,
Бурбундә у һич јә күнчә?

Әчә мунди у мәһәббәт,
Әчә мунди у муд сәвки?

Нә вомунди ә дор чирәт,
Нә вомунди ә вәлк вәлки.

Һәм ворвори, һәм хиники,
И вәлкһорә биһол сохди.
Һәчиш и дор лап хиники?
И вәлкһорә чү һол сохди?

И вәлкһо ки точ сәрү бу,
Ә чофоjу вәрзирәнбу.
Ә чирjәтү jарашуг бу,
Ә чүм чәһмәт jә jә үшүг бу.

Чүтам бәгдә и кәлә дор
Рузкорһорә винирәкор,
У рузһорә гәдүр нә до,
И дорһорә күмәксүз но?

Омо, вәлкһо бу гиjрәтмәнд,
Хосдәдүл бу, һәм һәjәмәнд.
Чофоjүрә гимәт норә,
Дирәнбүрүт зәһмәт дорә.

Воjисдәнбу и вәлкһорә
Ә у дәдәj сәдиг мунут.
Вир нә сохут һәлгәj дорә,
Әз наз дәдәj пәс нә мунут

И вәлкһорә воjисдәнбу
Ә күк хүшдә гәним нәбу.
Гәнәт зәрә уһо тәһно,
Нә офдонүт ә зир поjһо.

Дор нә данусд гимәт дорә,
Кировундә һол вәлкһорә.
Ә сәнг чарусд у мәһәли,
Пәсә поjисд ә чәтини.

Ә кәширә зәһмәт хүшдә
Рәһм хүшдәрә дор сохдә.
Ә бирәһнәjи рази бисдо,
Әз күрдә рәһ дур бисдо.

Дүлү сухдми һич и дорә,
Кујит јәбо, әј инсонһо,
Винирәнки у вәлкһорә,
Ә гәд кулһо, ә зир појһо?

Епилог

Ђәсму фирәһ, ђәсму кәлә,
Хушәши у ә јә гәлә.
Ки, дошдәни боглүјә,
Пәһәнүјә бәсдә сурә.

Ә һүндүри ән булудһо,
Гәнәд зәрә унчо гушһо.
Фуравунут бәлкә хәбәр,
Әз у дурә сәхдә сурһо.

Ђәсму мәскән ән гартали,
Ђәсму мәскән ән морчикә.
Гушикә тү, бијо дани
Ә унчикә офдә чикә.

Гуш бирә һич ђәсонт нисди,
У кор дәдәјү лап чәтини.
Чофојүрә гәдәр нисди,
Ђәмәлһојү чомәрдини.

Дундуг-дундуг чүп вәчирә,
Лула бофдә, бинә күрдә.
Чәнд гәдәјкә зәһмәт дирә,
Тәјтә бәђә чәкә күрдә.

Дундуг-дундуг ов овурдә,
Дундуг-дундуг чи овурдә,
Бала дошдә, кәлә сохдә,
Кумәк бирә, рәһә офдә.

Руз бирәни, бәђә вәчә
Ә гәд хојә күрдә чәкә.
Омо, тә у јә мүрг бирә,
Әз дәдәј һә гәјгу дирә.

Әз тараф чәп – Шабтај Агарунов, Әлдар Гуршумов нә Бәсти Агарунова.

Ћәвәл ә гәд лулај хүшдә
Кәрми дорә гуш әз чәндәк.
Бәћәћорә кәркәч сохдә,
Вәдәшәндә әз зир чәндәк.

Бәћәш дијә јә гуш бирә
Гәнәдћојү хуб лов бирә.
Әзунбәгдә пар зәрәни,
Ә руј ћәсму сәр зәрәни.

Дәдәјә гуш дүлшор бирә,
Чүклә мүргә дирәнкә у
Ә тәћноји гәнәд зәрә,
Ә и кәлә коврә ћәсму.

У хушбәхтә јә дәдәји,
Ђәјил әз у дуллу нисди.
Балајүрәш јә дәстәји,
У дәстәрәш рәћү нисди.

Абрамов Соломон Яковлевич

(31.05.140) Член Союза писателе горских-евреев в Израиле. Родился в городе Баку. Окончив школу на Золотую медаль. Окончил институт пищевой промышленности и институт Стандартизации в Москве. Ленинградский Инженерно-педагогических институт. Работал, инженер референтом руководителя пищевой отросли, начальником отдела Госстандарта, начальником отдела Республиканского Методического Центра качества, Совмина, зам. директора фирмы и ведущим специалистом концерна ТИС-Азербайджан. Был лектором общества "Знание", преподавал в «Университете Качества». Опубликовал ряд методик, книг по стандартизации, отмечен Госстандартом ССР. Публиковался в научных изданиях Азербайджана. Репатриировался с семьей в Израиль в 1995 г. (г.Хадера). его публикации в «Говлеи», «Эпоха», «Наш дом Израиль», «На-Шарон», «Хронометр». знакомит своих читателей с наиболее важными событиями из жизни общины горских евреев и ее выдающимися представителями. Является постоянным корреспондентом «Кавказкой Газеты» и "Эпоха". Автор книге

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, ЗНАКОМЬТЕСЬ С ПРЕКРАСНОЙ НОВОСТЬЮ!

Автор – Соломон Абрамов, Член союза писателей Израиль, Хадера, 15.04.16.

В этом году крупнейшая международная рейтинговая кампания Dun & Bradstreet (США) впервые включила русскоязычного адвоката Яшара Якоби (Якубова) в рейтинг лучших уголовных адвокатов Израиля. Эта кампания основана в 1841 году и сейчас является абсолютным мировым лидером в области сбора и обработки информации о юридических лицах. Сотрудниками кампании в разное время являлись будущие Президенты США: Авраам Линкольн, Улис Грант...Помимо рейтинга Dun & Bradstreet адвокат Якоби включен 10-ым израильским телеканалом в список лучших адвокатов Израиля.

Согласно этим рейтингам Яшар Якоби является лучшим русскоязычным адвокатом Израиля в своей области.

Яшар Якоби – единственный русскоязычный адвокат в обоих рейтингах. Яшар Сасунович Якоби (Якубов) родился в г.Баку – столице Азербайджана в 1968 году. После службы в армии и завершения двух курсов обучения на мехмате в АГУ, вместе с родителями переехал на постоянное место жительство в Израиль в 1990 году. После года работы на заводе в 1991 поступил в Тель-Авивский университет на экономический факультет. Через год перешел на юридический и в 1999 году получил диплом юриста. С тех пор работает адвокатом, является членом Израильской коллегии адвокатов с 1999 года. Входит в международное обшество МЕНСА", объединяющее людей с высоким интеллектом, чей Ю в
двух верхних процентах по отношению к общему населению.

О его работе написаны положительные отзывы в местных газетах: "Новости недели" и "Йедиот ахронот" в 2002-2005 годах. На счету Яшара Якоби много блестяще выигранных дел: количество оправдательных приговоров у Яшара Якоби значитель

Яшар Сасунович Якоби (Якубов)

но выше среднестатистического по стране. Его приглашают постоянно рассказывать о своих победах второй, девятый и десятый израильские телеканалы. На русском языке и на иврите о нем пишет пресса.

Эту новость комментирует сам Яшар Якоби: "Очень важно, когда твой профессионализм оценивает такая кампания как Dun & Bradstreet, которая при составлении рейтинга глубоко исследует каждого кандидата. Ее представители разговаривают с коллегами адвокатов, с прокурорами, клиентами, в некоторых случаях, и с полицейскими, и только тщательно изучив вопрос, выносят свое решение. Свои успехи я объясняю тем, что во время процессов сочетаю полное погружение в детали дела клиента с мгновенными озарениями и умением импровизировать и реагировать на поведение участников процесса. Еще одно важное качество адвоката, по моему мнению, сражаться за клиента, не давать ему падать духом и быть на его стороне, в то время, когда весь мир против него".

В 2000 году в г.Лос-Анжелес (США) у Яшара родился сын Даниэль Якоби. В настоящее время он учится в Тель-Авиве. Отличник учебы, ходит в разные спортивные и научные кружки. И нет сомнения в том, что, как и все потомство большой Якубовской семьи, дедушки профессора Сасуна Якубовича Якубова, он тоже порадует всех любящих его. Действительно – "гены неоспоримы". Но трудолюбие и талант необходимы.

Когда я заканчивал эту статью, мне подвернулся журнал "STMEGI" N5 (июнь 2015, стр.4) с очерком Ханы Рафаэль "Заседание Всемирного союза горско-еврейских писателей" с двумя хорошими фотографиями писателей совместно с Президентом Гильдии адвокатов России Гасаном Мирзоевым, автором 300 книг. 27 апреля он целый день провел с нами на заседании в Тель-Авиве и в заключение добавил: "Я горд тем, что состою во Всемирном союзе горско-еврейских писателей".

И я, очень уважая и любя всю талантливую семью профессора Сасуна Якубовича, желаю, чтобы Яшар Якоби стал нашим первым генералом юстиции Израиля!

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА МАТЕРЕЙ НАШИХ. НАШИ МАТЕРИ ЗАОЧНО ЗНАЛИ ДРУГ ДРУГА, НО НЕ ВИДЕЛИСЬ ДО ЭТОГО.

Посвящается памяти моей матери Якубовой Софии и матери Сасуна Якубова – Ханы Сары.

Автор – Соломон Абрамов, Член союза писателей Израиль, Хадера 10 апреля 2016 г.

Действие происходило в Баку, в нагорной парковой зоне, над бульваром в бакинской "кремлевской" больнице лечкомиссии, в которую прием был ограниченным, не общедоступным.

Здесь были лучшие врачи, медоборудование и обслуживание. Это медицинское учреждение отличалось особой, до боли в глазах, стерильной чистотой, белизной, шиком и блеском, необычайным убранством. Полы были сплошь устланы коврами, на стенах много ценных авторских картин и все вокруг напоминало музей. Окна смотрели на Каспийское море, был слышен шум прибоя, доносился запах моря, и слышалось пение птиц за окном. Замысловатые цветущие газоны и все вокруг радовало глаз и способствовало скорейшему выздоровлению. Все было как в восточных сказках – цвело и благоухало. Палаты были одно или двухместные. Контингент лечившихся и работники, в основном все знали друг друга и всегда встречались как близкие люди. И вот в один из вечеров привезли немолодую уже женщину Хану Сару Якубову, которая почувствовала дома себя нехорошо, и поместили в двухместную палату, вторая кровать уже была занята другой женщиной, ее ровесницей. После осмотра врачом и приема лекарств, женщины уснули.

Рано утром с восходом первых лучей солнца они проснулись и поздоровались.

– Сабаһыныз хәjр, бачы, нечәсиз?

Агибәтиниз хәjр. Дүнәндән бир аз jхшыjм.

Сид нечәсиз? Мән дә белә, дунәндән бир аз jхшыjм.

Они продолжали неторопливую ознакомительную беседу, еще не зная ни имен, ни фамилий друг друга.

Сара снова обращается к своей соседке:

– Сиз бура нечә кәлмисиниз? Jолдашыныза кәрә, jохса нечә? Jох чаваб верди гонену. Мән өзүм әмәкдар муәллимәм, 35ил мәктәбин мүдиријәм, Али советин депутатыәм...Амма сиз бачычан кимә көрә бурадасыныз? Мән оғлума көрә. О профессордур. Академиәда ишләjир.

Между ними установилась небольшая пауза. И в это время открывается дверь, и с добрейшей улыбкой входит молоденькая, красивая медсестра. Поздоровавшись, она сначала обратилась к старшей: "Сиз Сараханум Якубова саат 11-дә 5 чи кабинетә һәкимә кетмәлисиниз, сиз Софиәханум Якубова саат 12 дә һәмән евбинетә кетмәлисиниз. Мән кәмәрәм сизи апармаға". Сказав это, сестричка также с улыбкой на лице, ушла. Женщины внимательно смотрели друг на друга. И вдруг София спрашивает Сару: "Түд еде j ән Сасуни?" "Әри", – отвечает та. И в свою очередь спрашивает мою мать: "Мү һәмәj ән профессор Володеj, дедеj Соломон? Әри чүоб дорej дедеj мә. Сара нә Софиә чалгирдәт һәкиро, әз шори хандустет".

Вот такая интересная встреча произошла в начале дня, а вечером Сасун Якубович со своей семьей, а я со своей пришли навестить своих матерей. Все встретились и были приятно удивлены такой встрече и смеялись, как она произошла.

С тех пор прошло не менее 30-ти лет. С грустью вспоминая о своих матерях, мы с Сасуном Якубовичем решили написать такой рассказ-

воспоминание о них. Он на азербайджанском, а я на русском языках в Натании в доме Якубовых.

Соломон Абрамов член Союза писателей Израиля. Сасун Якубов - профессор.

P.S. Это будет подарком от Союза писателей к 80-летию Сасуну Якубову и мне к 75-летию.

К 80-ЛЕТИЮ САСУНА ЯКУБОВИЧА ЯКУБОВА

Автор – Соломон Абрамов, Член союза писателей Израиль, Хадера.

Семью профессора Сасуна Якубовича Якубова я знаю не первый десяток лет. Это известная и уважаемая в Баку и в Израиле семья ученых и интеллигентов, достойная подражания. Мой брат, профессор Владимир Якубов, проживающий ныне в Москве, и работающий в техническом университете, более полувека дружит с Сасуном Якубовичем и питает к нему очень теплые чувства.

О Сасуне Якубове писали очень много, в том числе и я, поэтому трудно придумать что-то новое. Родился он в октябре 1935 года в Баку. В этом году ему исполняется 80 лет, с чем его мы все и поздравляем.

Детство его прошло в тяжелые предвоенные и военные годы. Его семью горе не обошло стороной. Отец Сасуна, уроженец города Куба, Якубов Якуб, погиб при защите города Смоленска, оставив вдовой 28-летнюю жену Хану (Сару), и сиротами троих детей. Тяжелое бремя легло на плечи молодой вдовы. Как необразованной женщине одной вырастить троих детей и вывести их на правильную дорогу? Она трудилась в поте лица, не жалея себя и не зная ни отдыха, ни покоя, чтобы дать детям достойную жизнь. Но беда опять пришла в их дом: в марте 1945-го, под колесами грузовика погибает ее шестилетний сын Яша. Тяжело было горе матери, но она совладала с этим. Неимоверные труды ее не прошли даром. Она вырастила дочь Наиму и сына Сасуна, дала им высшее образование.

Сасун Якубов в 1953 году поступил на физико-математический факультет Азгосуниверситета и после окончания с 1958 по 1990 гг. работал в научно-исследовательском институте математики и механики.

В 1962 г. в Баку защитил кандидатскую, а в 1969 в Воронеже, в возрасте 34 лет, докторскую диссертацию на соискание ученой степени физико-математических наук. В 1976 г. в возрасте 40 лет, получил диплом профессора.

С 1974 по 1981гг. работал в педагогическом институте и был научным руководителем 25 будущих кандидатов и руководителем трех докторов наук. В настоящее время его ученики работают в десяти странах мира. Ими написано более 100 научных статей, опубликованных в США, Германии и других странах. Две первые его книги изданы в Баку, а две последующие в США на английском языке. Четвертая книга написана в соавторстве со старшим сыном Якубовым Якубом Сасуновичем, также доктором физико-математических наук, профессором Тель-Авивского университета. Книги свои Сасун посвятил памяти матери, которую очень любил и уважал.

Сасун Якубович неоднократно принимал участие в научных конференциях, симпозиумах в Советском Союзе и за рубежом. Дважды был участником международных конгрессов математиков в Москве, был в Алжире, и уже, будучи израильтянином, в Турции.

"Вот более 40 лет Сасун Якубов является лидером в области теоретической математики", - писал о нем и Гектор О. Факторини, профессор департамента математики в Лос-Анжелесе.

В 1990г. С.Якубов принимает нелегкое решение переехать на постоянное место жительства со всей семьей в Израиль. С 1991 по 1995гг. работал научным сотрудником

при филиале Хайфского университета в городе Афула, а с 1995 по 2003гг. преподавал в Хайфском университете. С 2003 года он профессор на пенсии, но занятий наукой не оставляет, работает со свои старшим сыном. Сасун Якуюов с семей

В Америке издается многотомный энциклопедический справочник "Who is who in the world" ("Кто есть кто в мире"). Он содержит данные об известных людях, достигших больших высот в разных областях жизни.

В одном из изданий этой книги есть справка о С.Я.Якубове и Я.С.Якубове. Отец гордится, что сын - профессор, ведет интенсивную научную работу с учеными специалистами разных стран. Очень скромный и интеллигентный Сасун Якубович – прекрасный заботливый отец, педагог и воспитатель. Как было сказано выше, его старший сын пошел по стопам отца. Дочь после окончания факультета прикладной математики АГУ жила со своей семьей в Америке, а теперь в Израиле. Младший сын после окончания юридического факультета Тель-Авивского университета работает адвокатом.

Сасун Якуюов с семей

О супруге Сасуна Якубовича хочется сказать особо. По профессии она инженер. Эстер-Малка окончила Азербайджанский институт нефти и химии, что само по себе редкое явление. Я, как бакинец, знаю, что женщин-выпускниц этого вуза можно сосчитать по пальцам. И в личном плане она – явление уникальное – жена профессора, мать профессора и женщин-выпускниц этого вуза можно сосчитать по пальцам. И в личном плане она – явление уникальное – жена профессора, мать профессора и сестра профессора Давыдова Шимту, о присвоении звания которому "Заслуженный художник России", писали российские газеты. Возраст прекрасного союза Сасуна и Эстер-Малки – 55 лет. Счастья и здоровья вам на долгие годы. Я считаю, что эта семья – гордость нашей общины, и о ней должны знать все горские евреи мира.

АБРАМОВА ШУШАНА (ШУШАНА АВИ) **(09.11.1962)** – член Союза писателей горских-евреев в Израиле. Родилась в поселке Сабунчи, города Баку (Азербайджан). В школе писала фельетоны и рассказы, увлекалась рисованием. Окончила дошкольный техникум. В 1999 г. с семьей репатриировалась в Израиль (г. Акко). С новым вдохновением начала писать стихи, которые публикуются на интернет сайтах и издаются в литературнопублицистичес- ком альманахе выходцев с Кавказа «Мирвори». Её стихи были опубликованы в антологии "Звезды горских евреев". Готовит к изданию новую книгу.

Баку

По городу скучаю своему.
Тоскует дом по моему теплу.
Ведь, только там, где тихо и спокойно,
В воспоминаниях душу отведу.

В Баку тепло мне даже от луны.
Смотрю на звёзды, как в пчелиный рой.
Весь небосвод на зеркало морское
Любуется, как дева под чадрой.

Затронет душу - тар и команча –
Печальный, умилительный мугам.
И, кипарисы стройные под звуки,
Раскачиваясь, изгибают стан.

Как прежде, по бульвару бродят люди.
Свидетель встреч – «Жемчужина» стоит.
С навесом, как раздутый келагай,
Гостей шашлычным запахом манит.

Как жаль, что уезжаю слишком рано,
Оставив в сердце память о Баку.
И, жаль, что запах моря и шафрана,
Забрать с собой никак я не могу.

Путешествие по Эрец Исраэль

Страна контрастов – Эрец Исраэль -
Стоит на стыке разных континентов.
От Самарии – горных Галилей,

До Негева – пустынных километров.

К Рош-А-Никра фуникулёр помчал
Дотронуться до северной границы.
В горе туннель – подарок англичан,
Отточенные скалы, как страницы.

Несётся с севера река «Йордан»,
Проходит через озеро «Кинерет».
На камнях заповедника «Тель Дан» -
Хозяйка Саламандра спинку греет.

Там перелётным птицам - тёплый стан:
На арках Ханаанских врат – гнездовья.
Селение и название речки «Дан» -
Царь Ахава, всем даровал раздолье.

Историей оставлен всюду след…
В пещерах сталактитовых и гротах.
В руинах Храма таится секрет...
В развалинах, едва заметны тропы.

Вода из недр, словно эликсир.
Купальни уготованы природой.
В «Хамат-Гадер» на отдых, как на пир
Стремятся, невзирая на погоду.

В Кейсарии положено начало
Движению христианства в этот мир.
Веков загадка: чаша «Грааля».
Из коей – втайне Иисус испил.

Деревня «Друзов» на горе «Кармель»-
Селение для малого народа.
Обычаем, религией своей
Основана – Сирийским древним родом.

Наследие ЮНЕСКО – Акко порт,
Где были Бонапарт и оттоманы.
Встречаются здесь Запад и Восток.
От турков в память – пушки и хамамы.

Здесь – крестоносцев крепость монолитом
Что, мощной грудью волны отбивает.

И, монастырь от – «Орден Кармелитов»
Лабиринты тамплиеров открывает.

На всю страну – богатство трёх морей.
Во всех есть красота и дар небесный...
На море «Мёртвом» – айсберги солей.
Порт в «Средиземном». В «Красном» – риф чудесный.

Иерусалим – под именем – «Шалем»,
Для трёх религий – мудрый прародитель.
За крепостью Давида сей "ЭДЕН".
Захватчикам, царям была обитель.

В камнях и храмах затаилась Эра.
Оставлен след победы Маккавеев.
Здесь – гроб Господень, и мечеть Омара.
На Стенах плача слёзы всех евреев.

Воистину, волшебная страна!
Из праха лет восстало государство!
Прогрессу не мешает старина.
Без прошлого – нет будущего царства!

P.S --XIX-XVIII века до н.э. - Иерусалим упоминается в египетских папирусах под именем "Рушалимум Примерно к той же эпохе относится рассказ Торы (Пятикнижия Моисеева), упоминающий Иерусалим под именем "Шалем"

Посвящение солдату Моисееву.

На стене висит портрет солдата.
Улыбается небритое лицо.
Пальцы на прикладе автомата
Так и, не надевшие кольцо.

Мама, в своих воспоминаниях.
Тихо шепчет над фотоальбомом...
То, улыбка на губах мелькает,
То, обида душит горло - комом.

-- Вот - малыш, как вишенки глазами.
А, на этом фото - всей семьёй.
Здесь - пикник с хорошими друзьями
Он, в обнимку со своей сестрой.

В памяти, былое возродится.
Повернуть бы - это время вспять.
Незаметно вырос сын в красавца,
Хоть бы раз, его к груди прижать.

В думах, мама смотрит на дорогу.
Жизнь так пролетела, словно миг.
Гена с рюкзаком уж, у порога
Шевелюру всю свою остриг.

Над землёй кружатся вертолёты.
К долгу - призывает всех страна.
-"Мама - не волнуйся. Буду не в пехоте,
Я же в лучшем танке – «Меркава»! («מרקבה»)

Грянул залп, и, встрепенулись горы.
Навернулась на глаза слеза.
Не слышны ни крики и, ни стоны,
Только - голуби взлетели в небеса.

Море

Луна над морем необъятным
Посеребрит тропу игриво.
Но, ей на лика - ветер пьяный
Нагонит облака ревниво.

В объятия к берегу накатят,
Плеская волны, как в огне.
Проблеском золота обхватит,
Прибой роскошный на заре.

На берегу, как на тетрадке.
Рисую всё, что в ум придёт.
Волна, со мной играя в прятки,
Пушистой пеной всё сотрёт.

Между собой - базарят чайки.
Похож на смех или, на звон.
Любуются на рыбок стайки.
Или, как пляшет "Посейдон".

Влюблённые придут на берег,
Раздвинут взором горизонт.
Уйдут на остров все, кто верит.
Там заживут, как Робинзон.

АГАБАБАЕВ ВЛАДИМИР (АТНИЭЛЬ) ЭМАНУИЛОВИЧ (12.03.1934) – родился в поселке Красная Слобода Кубинского района Азербайджанской республики. Окончил Военную Академию СССР – юрист правовед, имеет медали «За отличную службу в пограничных войсках», за оказание помощи МВД Азербайджана, благодарность от Председателя Президиума Верховного Совета Аз. ССР. Службу проходил на Украине, в Грузии, Азербайджане и Армении. С 1962 по 1972 год был переводчиком и военным экспертом Советских делегаций за рубежом. Ушёл в отставку в звании высшего офицера. Историк, публицист, критик. Публикуется в переодической печати. В 1991 году эмигрировал в США штат Коннектикут город Стэнфорд. Член Союза писателей горских-евреев в Израле.

Тӳ жуур, мә жуур, мэсох имурэ бийобур

Тот, кто родом из Еврейской (в советские времена Красной) Слободы, никогда не забудет аромат кубинских садов. Чистый воздух, прохладный ветерок со стороны горы Шахдаг, а главное: своих соплеменников — добродушных, гостеприимных, а порой и острых на язык горских евреев. Достаточно вспомнить прозвища, которые они давали друг другу. Каждая семья была уникальна, обладала специфическими особенностями, а в целом они имели много общего.

Об одной горско-еврейской семье и повествует этот рассказ.

МОЯ (ПРЕ) - КРАСНАЯ СЛОБОДА

Летом одна тысяча н-ского года Рафаил сидел около наследственного дома в центре своей малой исторической родины. Думал о том, что его жизнь также богата возрастом, как старое дерево, под которым он сидел. Весной дерево обрастало зелёными листьями и удивительно красивыми цветами, несколько удлинёнными и розового цвета. Цветы эти, почему-то назывались «чёртовы пальцы». Был знойный день, и мысли Рафаила вяло уносили его в прошлое. Он смутно вспоминал свою бабушку Мэмэй, прозванную за красоту Гойчэк Мэмэй. Она была самой заботливой, как он считал, бабушкой в мире. В полудремоте мысли перескакивали с одних воспоминаний на другие. Вспомнил первую жену Тирсо, с которой он прожил семнадцать лет и имел двух дочерей. Жили дружно и хорошо. Но, как говорится, человек предполагает, а Б-г располагает. Изгибы судьбы могут быть причудливыми, и никто не знает, куда они заведут. Однажды, он поехал в город Буйнакск (бывший Темир-хан Шура) по своим торговым делам. Остановился у своего друга Милиха. Там он увидел худенькую,

угловатую и молчаливую девочку Мирвори. Она стеснялась гостя, не разговаривала с ним, да и он не обратил на неё никакого внимания. Только мозг зафиксировал, что девочка присутствовала в доме. Поездки были нечастыми. Всё изменилось через несколько лет. Была сильная жара, но вечера в Слободе были прохладными из-за дувших с Шахдага ветров. В это лето Милих со всей семьёй приехал к Рафаилу отдохнуть. Благо, дом был большим, и места было достаточно. Вскоре Рафаил обратил внимание на то, что «гадкий утёнок превратился в красивого лебедя». Мирвори выросла, плечи округлились, красивые чёрные волосы ниспадали на её спину. Смуглая кожа стала

перламутровой как мирвори (жемчужина), чёрные глаза сверкали по-особенному. Девочке, едва исполнилось четырнадцать лет, и почти сорокалетний мужчина почувствовал стеснение в груди. Жена Рафаила Турундж и их дочери, тепло встретили гостей, а вскоре и подружились. Когда лето прошло и гости уехали, то Турундж заметила, что муж несколько замкнулся в себе. Всё время о чём-то думал, и печаль не сходила с его лица. Заметив эти изменения, она обратилась к мужу:– Скажи, какая печаль тебя терзает, о чём ты всё время думаешь? Скажи, я всё пойму. Ничего не ответил Рафаил, и лишь тяжёлый вздох услышала жена. Только спустя некоторое время Рафаил решился и обратился к жене:– Мы с тобой прожили немало лет. Жили в согласии и взаимопонимании. Я даже думать не могу о том, чтобы сделать тебе больно, поэтому прошу выслушать меня и ответить честно. У Турундж защемило сердце, но она сразу, не задумываясь, ответила: – Мы всегда понимали друг друга, надеюсь понять и сейчас, говори. Тогда Рафаил излил свою душу и рассказал о наболевшем: – Ты знаешь, что я всегда любил и люблю одну женщину — и это ты. А сейчас случилось со мной то, от чего я мучаюсь и не могу себя одолеть. – Да скажи ты, наконец, не мучай ни себя, ни меня. Тогда Рафаил решился и рассказал о Мирвори в восторженных тонах. Рассказал также и о своих думах. Турундж долго смотрела на мужа задумчивым взглядом, затем ответила: – Коррой Худорэ дануста ни бу. Я тебе отвечу через несколько дней. Какими днями, были эти дни? Ответить трудно. В душе покоя не было. Турундж, кроме всего прочего, прекрасно понимала, как мучается муж. Но и свою душевную боль, она не могла унять. Об уходе от своего мужа, не могло быть и речи. С другой стороны двоежёнство не столь уж редкий случай. Это практикуется даже у них, в Слободе. К тому же она знает о Мирвори не понаслышке. В жизненных реалиях она видела Мирвори, к которой относилась как к дочке. Мысли были разные. В конечном счёте взвесив за и против, она решила покориться судьбе и лишь молилась за всех близких её людей. Просила Всевышнего, чтобы он подсказал ей верный путь. После всех раздумий, придя к определённому выводу, Турундж, в отсутствии дочерей обратилась к мужу: – В нашей совместной жизни было всякое, но главное наше взаимопонимание. Я не против Мирвори, и более или менее знаю её характер. Мы с тобой знаем, кто её предки, старшие. Как говорится в нашем народе, «Одомирэ эз кэлэтэ мишинохут» (человека познают по его предкам). Турундж, очень хотела знать, какую роль отводит ей муж. На этот вопрос Рафаил ответил не задумываясь:– Особо ничего не изменится в нашем доме. Ты это ты, всё будет как всегда. Что касается Мирвори, то она будет для тебя, как одна из дочерей. Спасибо тебе, что сняла камень с моей души. Спасибо, родная. А, какой камень повис на душе у Турундж, Рафаил не думал.Таким образом супруги пришли к обоюдному согласию. Прошло время раздумий и сватовства, время «ктуба» и «бени гору», то есть всё пошло по накатанному плану. После пышной свадьбы все выглядели усталыми. Новые родственники убедились, что Мирвори в надёжных руках, что Турундж приняла её хорошо, уехали со спокойным сердцем. Пройдёт много-много лет и Мирвори, будучи уже в пожилом возрасте будет с юмором рассказывать об этом своим внукам. – Я вышла замуж совсем молоденькой девочкой. К Турундж, относилась как к своей маме, жили в одном доме. Рафаил отпустил бороду. Тогда многие ходили с бородой. Он, иногда, даже щекотал меня своей бородой. Целыми днями я играла с дочерьми мужа, особенно любили мы играть в «диглявози» - игра в камушки. Всё было хорошо. Но наступил день, когда Турундж не стало. Это были печальные дни.

***Подобные воспоминания приходили в голову Рафаила, в тот знойный день, когда он сидел под деревом около своего дома.

Воспоминания прервались, когда пришли друзья. После душистого чая «мэхмэри», после игры в нарды, сели за стол. За обедом пили араги, но не ту водку, которую продавали в магазине, а свой, изготовленный своими руками самогон из ягод тутовника. К этому, описываемому дню Рафаил имел ещё семеро детей. Четверо из них, обрели свои семьи. И судьба каждого была по-своему интересна. Больше всего, Рафаила интересовала судьба старшего сына Пардила, которого он отправил в Москву «зарабатывать большие деньги». Оставим Рафаила с его воспоминаниями доживать свой век, и перенесёмся на много лет вперёд. Послушаем рассказ самого Пардила о том, как он зарабатывал «большие деньги» и как проходила его жизнь. Итак: В Москву я приехал за «длинным» рублём. Кошелёк мой, нельзя было назвать тяжёлым или полным. К тому же, с русским языком я не был на ты. Значит, надо было найти работу. Долго искал, но не находил. Жить стало трудно. Я знал, что отец всегда протянет руку помощи, но я стыдился обращаться к нему. Он ведь не знал общую обстановку в Москве, и поэтому не смог бы понять, как в таком большом городе нет работы для молодого человека. Жил я случайными заработками.

Словом, как-то жил. Из опыта жизни в Москве, я вынес одну любопытную деталь. Если я хотел просить помощи или совета, или просто излить свою душу, то натыкался на массу вопросов. Советую, этого никогда не делать. – Почему? – Задаётся вопрос. – Вот-вот и ты спрашиваешь почему? Да потому, что если рассказываю, что работал, а потом потерял её, то сразу начинаются вопросы: Как? Почему? И в конечном итоге окажется, что я же и виноват – не так работал, или не так разговаривал с хозяином. А ещё: вот если бы ты..., и начинаются общие ничего не значащие советы. Затем, советчик преисполненный собственной значимостью, очень и очень доволен собой. А я чувствую себя виноватым и униженным, и жалею, что вообще открыл рот. У меня есть опыт, я не раз был наказан за это. Хотите, расскажу: – Иду как-то по Москве. Ищу, эту самую работу. На душе мрачновато, в животе бурчит, шаги тяжёлые. Шагаю в глубокой задумчивости. Вдруг, кто-то опустил руку на моё плечо. Смотрю лицо родное, хоть и не знакомое. Дело в том, что если рыбак рыбака узнаёт издалека, то джууро узнают друг друга по вполне определённым своим признакам. И если разговаривают, то с родным акцентом. – Земляк, отчего у тебя такая унылая физиономия? А-а, понимаю... – протянул
незнакомец.– Что ты понимаешь? – Спросил я, боясь расспросов. – У тебя неприятности? – Нет-нет, у меня нет неприятностей. – У тебя они есть, по твоему виду видно. – Ничего страшного. – Ответил я. – Как ничего страшного? Посмотри на себя в зеркало, – сказал незнакомец. Охая и ахая, он зацокал языком. – Кто т вои предки? Как зовут? Из каких мест? Вопросы сыпались как горох. Но и я, как всякий еврей, стал отвечать вопрос на вопрос. Он представился как Год сын Ифиила. Мама, у него, русская, а папа горский еврей выходец из города Куба. Обменявшись ответами, Год предложил: – Давай-ка зайдём ко мне домой. Я живу недалеко, посидим, поговорим. Не каждый день встречаешь земляка. Я согласился, и мы пошли к нему. Он, действительно жил недалеко. Дверь он открыл своим ключом, правда, сначала позвонив в дверной звонок. Меня удивила его встреча с женой. Когда мы вошли в квартиру, жена бросилась ему на шею, и они обнимались и целовались, позабыв о госте. Я стоял как вкопанный у порога. Такой встречи супругов в наших семьях на Красной Слободе не было и наверно не будет. Жена Года – женщина маленького роста, слегка полноватая, с русыми волосами. После бурной встречи с мужем, она удостоила меня взглядом, на лице появилась непонятная гримаса. Видимо, оценив меня, равнодушно произнесла: – Ну, проходи, садись. Я огляделся, мы

были в небольшой комнатке, из которой был вход в другую, такую же комнатку. Я сел на краешек стула, у пустого
стола. Хозяин присел напротив меня и начал разговор: – Ай-яй-яй, ну-ка расскажи, как это ты остался без работы? – Нечего рассказывать. –
Буркнул я. – Как так нечего? Ты посмотри на свой вид. Ты всё-таки расскажи, тебе же будет легче. – И что-нибудь измениться? – Задал вопрос я. – Ты меня обижаешь, разве я не еврей? Давай рассказывай! – Потребовал он. Я смотрел на пустой стол и думал, что в моей родной слободе, так гостей не встречают. Гостю давали отдышаться, выпить горячий «мэхмэри» чай, и только потом разговаривали. Правда, ещё рассказывали про родственников. А здесь не думают даже подавать стакан чаю. Вместо этого, непонятная «беседа» типа: Может быть, ты плохо работал, а хозяин выгнал тебя? – Откуда мне знать, ведь я давно не работаю. – А может ты всё время опаздывал на работу? – Как я мог опаздывать на работу, если я её не имел? – Ты хорошо выполнял поручения хозяина? Я понял, что Год сел на своего конька, и разговор бесполезный, и он слышит, только то, что он хочет слышать. Наш разговор напоминал беседу глухого с немым. А Год, как бы решая ребус или загадку, задумался, а потом продолжил: – А хозяин был еврей? Я понял, что лучше подыграть Году, чем пытаться что-либо объяснить. Он просто искал причину моего «ухода» с работы, и хотел, во чтобы то ни стало, найти её. Я ответил: –Нет, он точно не еврей. – Может он обанкротился – Нет, дела у него шли хорошо. – Тогда, я понимаю. Ты просил его прибавить тебе зарплату? Хозяева этого не любят. – Нет-нет. – Ты плохо отзывался о нём, и это стало ему известно? – Нет, такого не было. – Твёрдо отвечал я. – Может ты плохо смотрел на него? – Не знаю, может быть. – Ответил я и попал в точку. Он приобрёл довольный вид и сказал: – Теперь я всё понял. Всему есть причина. Твоя беда в тебе самом. Наконец я тебя понял, ищи причину в себе. Ты сам во всём виноват. Разговор был окончен, я очень устал от беседы, встал, и уныло сказав:– Прощай. – Вышел из комнаты. Мне было так плохо, что хотелось действительно излить душу. Поэтому я решил позвонить другу детства, с которым жили по соседству, вместе учились в школе, а потом я уехал в Москву, а он остался. Звали его Симон. По телефону всё рассказал ему (почти повторил все вопросы года). Симон посочувствовал мне и думаю, его охватила любопытство, так как он сказал: – Да-а, значит, есть такая глубокая причина, что ты остался без работы – Симон, прошу тебя… Но Симон, не слушая его, продолжал:– А, ты поздравлял его с праздниками? Вопросы сыпались как из рога изобилия, и вдруг я услышал горестные нотки: – Пардиил, я работал подмастерьем у сапожника Ягутиила. Всё было хорошо, я стал почти мастером, но вчера он выгнал меня с работы. Я даже не знаю, зачем и почему. – А всё-таки, за что, по-твоему. – Спросил я. – Конечно, есть причина. Зря не выгоняют. – Сказал я, и тут понял, что если не остановлюсь, то буду задавать те же вопросы, которые задавали мне. Но, тем не менее, мы продолжали доводить дело до истинной причины. И я с удовольствием установил её. Я выяснил,
что последнее время, у Симона наблюдался нервный тик левого глаза. И это стала причиной, для хозяина, и он выгнал беднягу с работы. Значит дело, то есть причина в самом Симоне. Главное установить причину, а они кроются в самом человеке. В силу всех обстоятельств, я задал себе вопрос: «Зачем я на чужбине? Что меня держит здесь?». Вспомнил прекрасную свою слободу, эту

чудесную землю, каждый метр которой мне так дорог. Где живут
милые, очаровательные люди, где не надо было задавать вопрос «Эз кийойи ту?» Вспоминая это, мне само собой в голове появились слова:

Вдали от джууро:

Каждый день тебя ищу я,
Нахожусь вдали от тебя я.
Спрашивал себя на чужбине я,
Почему вдали нахожусь я.
Звуки журчания в голове у меня,
Звуки Кудиал-Чая слышаться мне.
И опять спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.

Сажусь ли я,
Встаю ли я,
Вновь и вновь спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.
Звуки журчания в голове у меня,
Звуки Кудиал-Чая слышаться мне.
И опять спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.

Сажусь ли я,
Встаю ли я,
Вновь и вновь спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.

Сажусь ли я,
Встаю ли я,
Зелёные нивы пожелтели для меня,
Цветы поникли для меня.
Задаюсь вопросом я
Цветы поникли для меня.

Задаюсь вопросом я,
Вновь и вновь спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.
Вновь и вновь спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.

Улыбки нет на лице у меня,
Слёзы из глаз льются у меня.
Почему вдали нахожусь я
Воспоминания терзают меня,

Улыбки нет на лице у меня,
Слёзы из глаз льются у меня.
Воспоминания терзают меня,
Почему вдали нахожусь я

Задаюсь вопросом я,
Вновь и вновь спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.
Вновь и вновь спрашиваю я
,
Почему вдали нахожусь я.
Улыбки нет на лице у меня,
Слёзы из глаз льются у меня.
Воспоминания терзают меня,
Почему в вдали нахожусь я

Задаюсь вопросом я,
Вновь и вновь спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.
Вновь и вновь спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.

Улыбки нет на лице у меня,
Слёзы из глаз льются у меня.
Воспоминания терзают меня,
Почему вдали нахожусь я

Задаюсь вопросом я,
Вновь и вновь спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.
Вновь и вновь спрашиваю я
,
Почему вдали нахожусь я.
Улыбки нет на лице у меня,
Слёзы из глаз льются у меня.
Воспоминания терзают меня,
Почему в вдали нахожусь я

Задаюсь вопросом я,
Вновь и вновь спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.

Вновь и вновь спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.

Улыбки нет на лице у меня,
Слёзы из глаз льются у меня.
Воспоминания терзают меня,
Почему вдали нахожусь я

Задаюсь вопросом я,
Вновь и вновь спрашиваю я,
Почему вдали нахожусь я.
Вновь и вновь спрашиваю я
,
Почему вдали нахожусь я.
Улыбки нет на лице у меня,
Слёзы из глаз льются у меня.
Воспоминания терзают меня,
Почему в вдали нахожусь я.

Воспоминания терзают меня, Почему вдали нахожусь я. Эти слова не выросли до стихов, но они изливали тоску по родной земле. Не каждый человек поэт, Но каждый человек способен выразить свои естественные глубокие чувства. Именно в силу охвативших чувств, Пардил не выдержав и созвонившись с родными, вернулся в отчий дом. Его встречали с большой радостью, и он считал себя счастливым человеком. Но как говорится: «Человек предполагает, а Создатель располагает». Недолго длилось счастье, пришла повестка из Военного Комиссариата. Его призывали на службу в армию.
Пришлось опять прощаться со свободой. Надо сменить привычную одежду, на военную форму, а лёгкую обувь на кирзовые сапоги. Но сначала была унизительная медицинская проверка – медосмотр. Коммисия состояла не только из военных офицеров, но и из гражданских врачей-женщин. Перед ними надо было стоять, в чём мать родила. Пардил, в таком виде ещё нигде не показывался. А дома его не видели, даже в нижнем белье. Поэтому, он от стыда не знал, куда прятать глаза. От смущения некоторые хихикали, перемигивались, но все чувствовали неловкость. Затем был переезд в теплушках, к месту подготовки молодых солдат. Это место было на Украине. Солдаты были разных национальностей и из отдалённых местностей. Некоторые из них, совершенно не владели русским языком. Непонятно почему, но их называли не «чукчами», а «чучмеками». Непосредственно солдатами командовали сержанты и старшины.
Последних рядовые называли «кусочниками», затем шли офицеры, командиры взводов, рот, батальонов и так далее. Молодые солдаты должны были запоминать имена командиров, но это было нелегким делом. Так как имена были непривычными и поэтому их неправильно произносили, искажали, не там где нужно ставили ударение. А такая фамилия, как Наливайко вызывал смех. Смешные имена есть и у горских евреев. Например: « кутэха шовол» и подобные. Но это не имена, а прозвища. Привлекло внимание то, что среди них не было Абрам, Ёвдо и других. Трудно было запомнить фамилию сержанта. Все знали, что заканчивалась она на «швили», а какой «швили»,

никто не знал. К слову сказать, не в лучшем положении и молоденькие лейтенанты, недавно закончившие Военное Училище. Они хотя и были командирами взводов, по возрасту ушли недалеко от подчинённых. Запомнился один из них – Мустафаев.
Интересно было, как он представился личному составу своего взвода. – Ада, вы знаете, откуда я? Знайте, я из Баку, даглинский, слышали? Мы всегда дрались с другими улицами и били их. Поэтому, вы должны слушаться меня! Если вдруг нет!? Вот тебе на! Буду наказывать! После такого выступления, «блатной» лейтенант стал знакомиться с подчинёнными. Чтобы запомнить имена подчинённых, Мустафаев давал тетрадь для записи фамилий и имён. Кроме того, он вписывал туда особые приметы солдат.
Например: Шевчук – прямой с голубыми глазами. Костелевой – много костей, худой и так далее. Рядом с именем Пардила записал: губалы, джувуд баласы, надо дать ему пулемёт. Таким образом, после принятия присяги, Пардил стал пулемётчиком, а это было тяжёлой ношей. Еврей Пардил, хорошо помнил совет отца «Нет худа без добра». И думал, если ношение пулемёта, это худо, то, во-первых: не на всю жизнь, а во-вторых: полученная закалка и есть добро. И действительно, к окончанию военной службы, он выглядел здоровым,+ красивым парнем. Напутствия родителей запали ему в ушу. Пардил, был дисциплинированным воином. Никогда не курил, и поэтому вместо мохорки, получал, пусть смехотворную, но всё-таки некую сумму – три рубля. Получил звание ефрейтора. За два месяца до окончания «учебки», для снайперов, к ним был прикомандирован старшина родом из Украины. Знакомясь с солдатами, он спросил черноволосового и с горбатым носом Пардила: – А ты чучмек откуда и кто? Получив ответ, старшина сказал: – Ты что, еврей? Да ещё с каких-то гор? Ты всё равно жидовская морда! Слова эти, были очень обидными и сильно ранили Пардила. Но чем он мог ответить? Единственное, что он сделал, так это, после отбоя выплакаться в туалетной комнате. В это время, туда зашёл рядовой Иманов Рафик. Азербайджанец, уроженец райцентра Закаталы. До службы в армии, он успел поработать дровосеком. На «горбу» перенёс немало тяжестей. А здесь, в армии одружился с Пардилем и называл его земляком. Узнав причину обиды, сказал: – Не плачь! Я отомщу, этому старшине, пусть он плачет! Зная несдержанность характера друга, Пардил испугался за него. Ведь мог изувечить старшину, сам был бы жестоко наказан за это. На эти опасения Рафик ответил: – Мне очень хочется побить старшину. Хоть он и боксёр, но я непобедимый борец.
Всю жизнь занимаюсь борьбой. Я придумал что делать. Не беспокойся земляк. Я скажу командиру роты, что я боксёр и старшина боксёр и можно устроить соревнование. А во время соревнования Всевышний поможет мне. Сказано – сделано. Командиру идея понравилась. Была договоренность с городским клубом, приглашён судья, устроен ринг. Иманов получил полный инструктаж о правилах боксёрского боя, то есть азбучные истины, очень полезные начинающему боксёра. Наступ Приглашённый судья вызвал боксёров на ринг. Старшина стоял спокойно, уверенно, свысока смотрел на соперника. И Иманов, крепыш с налитыми кровью глазами и с большим желанием победить, стоял в углу. После импровизированного гонга, начался бой. Старшина, действуя по правилам, двинулся к Иманову. А тот, подняв руки бросился на соперника. Бедный старшина! Он получил град ударов, по всем немыслимым местам. Такого боя ещё никто и никогда не видел. Это был бой без правил. ил заветны Рафик бил и бил, а старшине оставалось только прикрываться. Судья остановил встречу и сделал замечание Иманову. Но, Рафик не внял замечаниям, и во втором раунде повторилось, то же, самое. Судья был вынужден остановить бой и снять Иманова с ринга.

На старшину, жалко было смотреть. Лицо в ссадинах и синяках, струйки крови стекали вниз. А, на лице Иманова было торжество: – Ну что, друг Пардил, видел что я с ним сделал? Я отомстил за тебя, но боксом я больше заниматься не буду. Я люблю борьбу. Таким был друг горского еврея, азербайджанец Рафик Иманов. О нём хочется сказать много тёплых слов. Остановимся на одном эпизоде связанном со знанием русского языка Рафика. В этом случае, уже Пардил выручал друга. Начало службы в армии. Иманова спрашивают его фамилию, а он не понимает и говорит: – Дрова да, понял? Дрова понёс. – И дальше в этом же духе. Видя, что никто ничего не понимает, Пардил пришёл на помощь, и перевёл все вопросы и ответы. После того дня, командир разговаривал с Имановым, только через Пардила. Однажды,
Войсковую руки бросился на соперника. Бедный старшина! Он получил град ударов, по всем немыслимым местам. Такого боя ещё никто и никогда не видел. Это был бой без правил. Рафик бил и бил, а старшине оставалось только прикрываться. Судья остановил встречу и сделал замечание Иманову. Но, Рафик не внял замечаниям, и во втором раунде повторилось, то же, самое. Судья был вынужден остановить бой и снять Иманова с ринга. На старшину, жалко было смотреть. Лицо в ссадинах и синяках, струйки крови стекали вниз. А, на лице Иманова было торжество: – Ну что, друг Пардил, видел что я с ним сделал? Я отомстил за тебя, но боксом я больше заниматься не буду. Я люблю борьбу. Таким был друг горского еврея, азербайджанец Рафик Иманов. О нём хочется сказать много тёплых слов. Остановимся на одно сказать много тёплых слов. Остановимся на одном эпизоде связанном со знанием русского языка Рафика. В этом случае, уже Пардил выручал друга. Начало службы в армии. Иманова спрашивают его фамилию, а он не понимает и говорит: – Дрова да, понял? Дрова понёс. – И дальше в этом же духе. Видя, что никто ничего не понимает.
Пардил пришёл на помощь, и перевёл все вопросы и ответы. После того дня, командир разговаривал с Имановым, только через Пардила. Однажды, войсковую часть посетила инспекционная проверка во главе с генералом Баграмяном. Он, обходя строй, выборочно останавливался около офицера или рядового, задавал вопросы и высказывал одобрение или порицание. И надо было так случиться, что его внимание привлёк здоровяк Иманов.
или порицание. И надо было так случиться, что его внимание привлёк здоровяк Иманов.
Он что-то спросил, и по лепету Рафика понял, что тот азербайджанец и поговорил с ним на его родном азербайджанском языке. Во время разговора, смеялся, а потом обернувшись к командиру сказал:– Хороший у вас боец, рядовой Иманов. Он знает, как надо вести себя в бою, знает свои задания и действия. После окончания проверки, ближе к отъезду комиссии, Пардил узнал, что генерал просто выручил его друга. Тот отвечал невпопад, а многого просто не знал. Генерал Баграмян родился и вырос в армянском селе Азербайджана, и поэтому хорошо знал азербайджанский язык. Слушая Рафика, просто пожалел земляка. Всему приходит конец. Закончилась солдатская служба, но гражданская жизнь была недолгой. Пардилу захотелось офицерской службы. Он отправляется в Киев, поступать в Высшее Военно-Конструкторское Училище, (училище, на правах института). Но не был принят из-за пятой графы в паспор Пришлось Пардилу поступать в среднее военное училище. Туда принимали даже.., евреев (какая горькая ирония). Окончив училище, он тридцать лет прослужил во многих местах Советского Союза и вернулся в родные пенаты. Получил пенсию, квартиру и стал жить гражданской жизнью. Его любовь к прекрасной Красной Слободе, к её людям, к природе, к маленькой речке Кудиал-Чай, заставила его вернуться. За истекшее время многое изменилось – не было любимых родителей, ушли из жизни некоторые друзья

детства. Многое изменилось. Появились новые дома, новые люди, а особенно радовало то, что молодёжь чтила и уважала традиции предков, и сохраняла дух народа горских евреев. Несмотря на возможные раздоры, в зависимости от конкретных характеров, горские евреи крепки своей монолитностью. Тем более, что за нами своё, воспетое нашими предками, наше еврейское государство – ИЗРАИЛЬ, родной и любимый Йерушалаим. Тора позволяла полигамию, в семьях некоторых персонажей имелись больше одной жены. Например: Яков имел четыре жены. В своей книге «Горские евреи Кубы» автор, светлой ему памяти, Хананиил Абрамов пишет: «Редки случаи, когда мужчины, в некоторых случаях, гласно имели двух жён. В таких случаях жёны дружили между собой и имели равные права». В Вавилонском талмуде имеется притча, в которой сказано: «У человека было две жены «молодая и старая». Молодая выдёргивала у него седые волосы, а старая чёрные. В конце концов, несчастный остался совсем без волос.

БЕ ШАНА А-БАА, БЕ ЙЕРУШАЛАИМ!!! ОБ АНТОЛОГИИ

, только при определённой затрате сил, упорства и энергии!

Творчество Эльдара Гуршумова удивляет и радует своей эмоциональностью, словами, проникающими в душу. Читая его стихи, чувствуешь и горечь потерь, и радость жизни, и гордость за замечательных наших соплеменников, которым посвящены стихи. Замечателен стих «ћэр Астара». Мне, далеко немолодому человеку, кажется, что я опять оказался в Кубе или на Красной Слободе, вижу родных (не только по признаку родства),
смотрю в нашем клубе спектакли, артистами которого наши горские евреи. Пьесы тоже, написаны нашими близкими и знакомыми, и многое, многое другое.

Как всегда блистательна и человечна Фрида Юсуфова – человек широкого творчества (не могу перечислить всю многогранность – об этом сказано в книге).

Получил книгу Астарahой джуhyphoj доги. Прочитав и перечитав её, у меня возникла масса положительных эмоций. Особое удовольствие вызывает деятельность Союза Горских Евреев Израиля, сумевшие найти, рассмотреть и воспринять творчество немолодых и молодых авторов, (а ведь, их свыше ста человек). Я и моё окружение, в широком плане, выражают свою признательность председателю Союза – Эльдар-муаллиму Гуршумову и активному члену Союза – Фриде-ханум Юсуфовой. При их полном участии и инициативе. Антология появилась на свет. Столь благодарная работа могла появиться Трудно вообразить, как один человек может охватить такой широкий спектр. Воистину «kopћoй Худорэ – тануста нибу». Действительно, она наша звезда. Совместно с ней, на звёздную дорогу вступила и молодая писательница Шошана Юсуфова. Желаю успехов и расцвета в её творчестве.

Среди авторов много известных (извините, всех не перечислить) и малоизвестных горских евреев. Очень нравится раздел «В память – Joровурдћо». Никто не забыт, ничто не забыто.

Речь идёт о наследии, которое мы получили от достойных людей. Читателей радует единство, помогающее нашему народу чувствовать гордость за своих замечательных людей – звёзд горских евреев.

Желаем всем долгой творческой жизни!

С уважением Агабабаев Владимир с семьёй.

США Стемфорд – апрель. 2010год.

АГАРОНОВА ГАЛИНА

(23.02.1954 г.) – руководитель Ашдодского филиала Израильской Независимой Академии Развития Наук доктор философии Галина Агаронова. В 2011 году Центр «Содружество» Ассоциации Творческих Работников наградил литературного критика Галину Агаронову Золотой медалью «За вклад сохранение и развитие русской культуры и искусства в Израиле».

Репатриировалась в Израиль в 1991 году. По специальности – инженер пищевой промышленности. Проработала 15 лет зам. начальником общепита, читала курс кулинарии в проф. тех. училище в городе Грозном.

Начала публиковаться с 1978 года на страницах газет Северного Кавказа, центральных газет и журналов.

Печаталась в местных газетах и журналах Северного Кавказа. Многие работы публикует под своим псевдонимом Ангелина Гроз.

Дипломированный литературный критик. (Диплом Израильского Центра науки в г. Ашдоде). С 2009 года – присвоена квалификация литературного критика.

Член Союза писателей Израиля, доктор философии, академик ИНАРН (Израильской Независимой Академии Развития Наук), автор нескольких монографий, более десяти книг: поэзии и прозы. Произведения Галины печатались в газетах: «Литературная газета», «Новости недели», «Вести», «Наша страна», «Кавказская газета». В альманахе «Наша страна» (кавказский альманах), в журналах: «Юность», «Роза ветров», «Хронометр», «Начало», «Русское эхо». Её произведения публиковались в Германии, Дании, Америке, России, на Кавказе. Живет в городе Ашдоде, заведовала редакцией литературно-художественного журнала «Русское эхо», главным редактором которого являлся Григорий Борисович Окунь. Помимо стихов и прозы занимается переводами с родного языка.

Написала ряд интересных публицистических статей. Её стихи положены на музыку Иосифом Мирензоном, (Сборник: «Тебе я звезды подарю» 2000 г.) и исполняются на творческих вечерах. На её слова сочинила музыку Ирина Прудникова и Бени Мошиях. Перевела с горско-еврейского языка известных поэтов: Симаха Шейду, Алексея Якубова. Есть переводы чеченских и фарсидских сказок на русский язык.

С 1991 года до 2015 года вышло в свет: два поэтических сборника "Ветер перемен", "Трепет сердца"; книга прозы "Безмятежная пристань"; кулинарная книга "Пальчики оближешь".

В течение нескольких лет освещает процессы, происходящие в русской литературе Израиля, рассматривая текущую журнальную и книжную продукцию. В 2008 году вышла в свет первая книга литературно-критических статей «Дорога на Парнас». В 2011 г. двухтомник критических этюдов – «Как оседлать Пегаса».

Двухтомник "Как оседлать Пегаса" и двухтомник "Наедине с музой" прошли литературный конкурс и куплены американским проектом "Эмигрантская литература", попав в американский каталог.

Работы были опубликованы в Париже. России, на Кавказе, в Германии, Америке, Канаде. Организовала Литературно-музыкальный Салон Григория Борисовича Окуня в 2007 г., хозяйкой которого является. В течение десяти лет прошло 590 вечеров-встреч с художниками, писателями, артистами, музыкантами, врачами из разных уголков Израиля и из других стран (США, Россия, Германия, Канада)

Является ответственным секретарём Израильских журналов **«Наука»** и **«Мысль»**, заведует отделом литературной критики.

Не удовлетворяясь лишь оценкой и истолкованием произведения, в своих рецензиях в качестве очередной задачи ставит суждение о самой жизни и её процессах, составленное на основе свидетельств художника, изображенных им картин. Так обнаруживалась подлинная глубина жизненного содержания книги.

Критика в практической деятельности служит средством познания жизни и воздействия на неё. Обращаясь к читателю, не только растолковывает ему произведение, но вовлекает в живой процесс совместного осмысления прочитанного, дав возможность заново пережить художественные впечатления, но на новом уровне понимания.

Работает в таких жанрах, как статья, рецензия, обзор, эссе, литературный портрет, полемическая реплика, библиографическая заметка. Многие лирические произведения насыщены философским и психологическим смыслом.

Защитила диссертацию на тему: "Феномен русской литературы Израиля рубежа веков". Присвоена квалификация доктора философских наук.

В Академии находится на должности научного секретаря.

В 2015 году Галина Агаронова являлась научным руководителем на соискание научной степени доктора наук Ларисы Красильниковой по теме: "Изобразительное искусство Израиля рубежа веков. Наследие и современность".

ОТРАЖЁННЫЙ СВЕТ ПАМЯТИ

Даруй свет, и тьма исчезнет сама собой. **Эразм Роттердамский (1469-1536).**

Чувство вины за всё совершаемое вокруг – это чувство свободного человека.

Николай Бердяев.

...А народа жизнь бессмертна, что бы ни было бы с ним. **Николай Тихонов.**

Передо мной новая **книга** "Община горских евреев Чечни" (Израиль, издательский дом "Мирвори", 2012 г. - 232 с.) израильского публициста, Михаила Елизарова, дающая силы обрести цельность души, быть самим собой; об исторической памяти и надежде восстановить свой дом, в котором мудрец станет цениться выше богача, а праведник выше вельможи.

Сюжет монографии основан на реальных событиях, подлинных человеческих страстях и раздумьях. Мы выбираем свою судьбу или судьба выбирает нас? Что побудило Михаила Елизарова с прибыльной специальностью мастера бытового обслуживания более 30 лет собирать материалы по истории горско-еврейской

общины г. Грозного, что искала его беспокойная, жаждущая справедливости душа?

Речь человека, родившегося на Кавказе, отличается гулкостью, открытостью, лёгкостью, ровностью интонации, она напоминает золотых дел мастеров и ювелиров, которые работают с драгоценной породой, богатой сверкающими камнями. Привыкший мыслить он, не позволяет себе прервать чёткость мысли. Точно так же, смешивая краски, художник достигает небывалой прозрачности цвета и небывалой яркости.

История горско-еврейской общины Грозного описана с самого начала ее зарождения – с первой половины XIX века. Причем все это подается на фоне истории самого города Грозного. Вырос город Грозный из крепости Грозная, построенной в 1818 году. В 1869 году ему было присвоено звание города. Горские евреи имели еврейский квартал. В 1900 году для евреев была построена большая купольная синагога из кирпича.

Приводится большое количество исторических фотографий, найденных автором уникальных правительственных и административных документов, подтверждающих результаты исследований автора. Поражают документальные демографические данные о количестве горских евреев, местах их проживания, перемещениях в общине с приведенными картами-схемами. Читателя ожидает увлекательнейший рассказ о перипетиях в жизни горских евреев, о взаимоотношениях с местными и российскими властями. Драматические события установления советской власти на этой территории так подробно описаны, что читатель как бы сам принимает участие в них.

Монография наделена временным и пространственным бытием. И потому обозрима. Изображаемое пространство способно уподобляться току времени. Обращение к памяти персонажа как внутреннему пространству для развёртывания событий очень важно; прерывистый, обратный ход сюжетного времени мотивируется не авторской инициативой, а психологией припоминания – синхронный репортаж из души героя.

Благодаря устранению автора как рассказывающего лица широкие возможности открываются перед монтажом – пространственно-временной мозаикой. Фигура литератора имеет право говорить с читателем от собственного имени, но только определённым, санкционированным вкусом эпохи, образом. Пребывание автора в своём городе в горячей точке позволило ему обстоятельнее и полнее раскрыть животрепещущую тему, обнажить кровоточащую рану многострадального народа.

Живший заботами и страданиями горско-еврейского народа М. Елизаров находил высший авторитет для осмысления событий в своей душе.

...Непрерывный поток беженцев из города Грозного, душевная и физическая боль и трагедия народа, - эта тема побудила его к написанию книги. Он искренно и задушевно пишет о величии духа граждан Чечни.

Автор не обременяет себя стараниями об изысканности стиля письма. То, перед чем другие отступают или надламываются, для него служит новым побуждением, разжигающим его порывы. Открытая душа подчиняет себе и

внутренний и внешний мир человека. У писателя яростный порыв действовать во имя справедливости, того, в чём душа находит удовлетворение.

Писатель усиливает впечатление, сделав пережитое сначала зрительным, потом ещё и слуховым. Звуки города в руинах с многочисленными выбоинами – следами бомбардировок – рождают зрительный образ поверженного очага.

... Больно и трудно рассказывать об этом.... В 1995 году после короткого затишья вновь началась бомбардировка. Испуганные люди, расталкивая друг друга, устремились к подвалам, чтобы хоть как-то укрыться. Василий Богатырёв стоя у входа в подвал, пропускал вперёд стариков, женщин и детей. И вдруг раздалась автоматная очередь. Стреляли по бегущим людям. Несколько осколков попали в спину Василия. *Его безжизненное окровавленное тело затащили в подвал. Жена и дети не могли поверить в случившееся.... Мать Василия, узнав от людей, что с сыном произошла беда, помчалась к его дому. Задыхаясь, вбежала в квартиру, увидела тело сына, упала возле него на колени, прорыдав несколько часов, она вдруг умолкла, уронила голову ему на грудь и умерла...*

Как сказал Шарль Рише: *"Сущность войны заключается в том, что торжествует всегда не тот, кто прав, а тот, кто сильнее".*

Я читала со слезами на глазах, так как каждый уголок родной земли вставал в моей памяти, и если бы не обстоятельства, то никогда не покинула бы родину своих предков, где прошло моё детство и юность. Эхо чеченских боев, вопреки моим мыслям, докатилось и до нашей страны, отозвавшись слезами боли и отчаяния во многих израильских домах. Каждому известно, что в войне всякая победа есть поражение.

Корни всех важных событий, происходящих сегодня – уходят в прошлое. Без знания прошедшего нельзя управлять настоящим.

М. Елизаров - враг всяческого многословия. Он прямо движется к существу дела, мгновенно фиксируя каждое ощущение во впечатляющих штрихах.

В своей монографии М. Елизаров опирается на достоверные факты, которые находились в его поле зрения, на собственные впечатления и воспоминания.

Живописуя характеры горского народа, автор побуждает людей мыслить и чувствовать, сопереживать и делать выводы. Он начал писать книгу, когда впервые ощутил в себе потребность рассказать о своём городе – широкому кругу читателей, предпочтительно тем из них, кто никогда не слышал и не сталкивался с представителями этого народа.

Далеко не везде глаз стороннего наблюдателя выхватывает их как нечто целое из толпы и определяет их тем странным названием, под которым они вошли в историю – «горские евреи», евреи-горцы. В Израиле они занимают место где-то посередине между «русим», выходцами из Советского Союза, и «сфарадим», не менее многотысячной массой людей, прибывших из стран Востока. Горские евреи – это простые люди, привыкшие с уважением относиться к своим собственным авторитетам, происходящие из известных и

заслуженных семей. Они отличаются храбростью, предприимчивостью, прекрасно владеют оружием, хорошо ездят верхом.

Очень важен в книге сквозной философский мотив – идея связи времён. В художественном плане эта идея реализуется в монографии как взаимопроникновение конкретно-исторического и общечеловеческого. Слово М. Елизарова говорит о чувстве собственного достоинства, о справедливости, дружелюбии, широте взгляда, решительности и отваге. Его мысли, выраженные в произведении, пробуждают живой и пристальный интерес в сердце каждого человека. Он создал подлинный документ эпохи, начиная с царских времен, сталинских репрессий и заканчивая последней чеченской войной, длившейся десятилетия.

Монография остро воспринимается благодаря жизненности представленных в книге характеров. Многие страницы книги появились из давних записей и дневников, которые автор тщательно сберёг со времен своей юности. Живописуя характеры горского народа, автор побуждает людей мыслить и чувствовать, сопереживать и делать выводы.

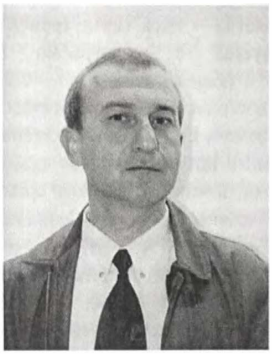
М. Елизаров стремится показать исторический процесс формирования национального самосознания в условиях фактического национального неравенства малых народов в дореволюционной России и обстановкой двоемыслия в наши дни. С большим мастерством описаны особенности жизни и быта горских евреев, что придает повествованию исторический национальный колорит.

"Община горских евреев Чечни" – этнографический материал, повествующий о горских евреях. В книгу положена монография об истории, быте, традициях и культуре, известных людях и важных событиях происшедших в жизни горских евреев Чечни.

...Если читатель, закрыв книгу, продолжает думать о судьбах героев, домысливать их поступки, сопоставлять какие-то факты своей биографии с судьбой героев, значит, автор попал в точку и его произведение имеет право на плодотворное существование.

Галина Агаронова d-r философии от пресс-службы.

АБРАМОВ ХАИМ – АЛЕКСАНДР (07.04.1956 – 26.11Ю2007)

Родился в г. Дербенте Республика Дагестан. Окончил Саратовский мединский институт по специальности хирург. Стихи стал писать после окончания службы. В 1995г. эмигрировал в Израиль. В 2002г. защитил диплом врача хируруга. Работал в Хайфской больнице Рамбам. В 2007г.был принят в союз писателей горских евреев выходцев из Кавказа. После тяжелой болезни в течении трех месяцев ушел из жизни.Свои стихи он опубликовать не успел. Благодаря Гуршумову Эльдару Пинхасовичу Председателю Союза писателей выходцев из Кавказа, стихи Абрамова Хаима Александра были опубликованы. Родные и близкие выражают большую благодарность Эльдару Гуршумову за поддержку и публикаций его стихов.

Семья Абрамовых.

ПАМЯТИ МАМЫ

Я хочу посадить над тобою плакучую иву,
Чтобы выплакать боль не хватает мне слёз.
Не поддался я просто слепому порыву,
Ива – символ печали, разлуки и грёз.

Пусть она над тобою склонится ветвями,
Пусть пошепчется нежно, помолчит, погрустит.
Пусть напомнит о нас – дочерях с сыновьями,
И поплакав за нас, в тишине скорбит.

Пусть ива тебе будет верной подругою,
В день осенний тебя от дождя защитит,
От палящего солнца укроет листвою,
Плиту золочённую, черный гранит.

Спи спокойно, пусть будет земля тебе пухом.
Да вознесёшься ты облаком высоко к небесам.
И витаешь над нами праведным духом,
Вселяя надежду нам и твердость сердцам.

СОМНЕНИЕ

Видно дело к старости пошло.
Коль обиды гложут душу.

Уже исчерчено морщинами чело.
Да пробивается седина наружу.

Как же ты, о молодость смогла,
Разорвать так рано дружбу.
Выходит, меня ты предала.
Такова тебе цена за службу.

Я как мог тобою дорожил.
Свято соблюдал и чтил приличья.
В твоих глазах себя не расточил.
И не страдал от мании – величья.

О молодость, твой шаг не справедлив.
Так поступить ты не имела права.
Где ж этика твоя, не предупредив,
Поступок твой как горькая отрава.

А я делал ставку на тебя,
Рассчитывал на твоё участие.
С любимой под венец вступая,
Войти в храм Божий для причастия.

Держа свечу у алтаря,
Поднять вуаль её величия,
Где счастьем светится заря,
И слёз полны глаза девичьи.

На радость всем друзьям зажить,
Познать любовь души не чая.
Даст Бог детишек бы нажить,
О молодость, с тобой шагая.

Свои все тайные мечты,
Все сокровенные надежды.
Я связывал с тобой, а ты?..
Оставила на краю беды.

Ты отвернулась от меня,
Решила так со мной расстаться.
И я решил на зло тебе,
На веки холостым остаться.

Исповедь!

Прости, за то, что тебя встретил,
Прости, за то, что полюбил,
Прости, за годы долгой встречи,
Прости, за свет, что не иролил.

Прости, что обманывал бывало,
Прости, что частенко изменял.
Прости, что тебя мне не хватало,
Прости, что тебя в других искал.

Встреча с прекрасным

Увидев тебя, словно дите, я обрадуюсь
Позабыв на мгновенье обо всем навсегда.
Я тобой никогда-никогда не нарадуюсь.
Так, останься, прошу, будем вместе всегда.

Образуется все, только мало терпенья,
Искупить эту боль вряд ли мне суждено.
Дай испить мне ещо раз из чаши сомненья,
Чтоб посять разумное в твоем сердце зерно.

Посвящаю Мише.

Мы рождаемся, не знаем, что нас ждет какая учесть
Что заложено Всевышним, что уготовано судьбою
Все пытабтся пророчить, разве можно это вычесть
Но каждый из нас шагает, не протоптанной тропою.

И не знаешь, где споткнешься, чем дорога обернется,
Где бы шаг ускорить надо, где наоборот остановиться.
Где найдешь, где потеряешь, чем фортуна повернется,
Если бы знать все заранее, то не стоило бы родиться.

К "Л"

Ты моя таинственная жрице,
Я покорный раб любви твоей.

Никому с тобо. Не сравниться,
В безумстве пламенных страстей.

Ты само творение природы,
Клеопатро из глубин веков.
Ни властны но тобою голы,
Ты блудная избраннице богов.

Не пишу я больше о любви

Не пишу я больше о любви,
Даже в знаменательные даты.
Долгими ночами здесь вдали
Снятся мне размолвки и разлады.

Я прошел севозь ужас этих дней,
Чтобы удержать жену и сыне.
Если слышу голоса детей,
Опускаю голову постыдно.

Восемь лет я одинок как перст,
Сердце там в Саратовской глубинке.
Так и несу по жизни свой я ерест,
Пока не протрубят по мне поминки.

Не пишу я больше о любви,
Эту боль не высказать словами,
Лишь кусаю губы до крови,
Чтобы сердце не залить слезами.

РАЗБИТУЮ ВАЗУ СКЛЕИТЬ МОЖНО,
НО ПРЕЖНЕЙ СДЕЛАТЬ УЖЕ НЕЛЬЗЯ!

Артист и Муза

Под зановес не надо сожаления,
На сцене этой свое ты отыграл.
Окончен бал, довольно представления
Спасибо Музе, что жил, любил, страдал.

Спасибо за счастливые мгновение,
Да, Муза воскищалася тобой.
То были взлеты, вот и падения,
И Муза помахала вслед рукой.

Сурова Муза, но видно справедлива,
Не рождаются таланты без труда.
Лишь пробиваясь к цели терпеливо,
Путь освещает заветная звезда.

И ты светился, был ее кумиром,
Еще поднимут в твою честь тосты.
Ступай артист в дорогу с миром,
И за собою не сжигай мосты.

О, Молодость!

Вернулась молодость ко мне
Лаского сказала – здравствуй!
И растворилась в тишине
Шепнув на ухо "разделай и властвуй."

Я не отвернулась от тебя,
Порою в Солнечной системе.
Затмение находит на меня,
И я становлюсь невидимою всеми.

Таковы капризы Бытия,
Пока идут часы вселенной.
Не происходит ничего за – зря,
Безумной нашей жизни тленной

Мы повторяем путь звезды,
Мы светимся в любви сгорая.
Идя по млечному пути,
Другим дорогу уступая.

Так было, будет вновь и вновь,
Кружит земная калесница.
Пока теплится в жилах кровь,
В глазах все Молодость искрится.

Прощание с "Л"

Улетела от тебя синица,
Далеко за тридевять морей.
И закрылоась чудесная страница,
Тех сладостных неповторимых дней.

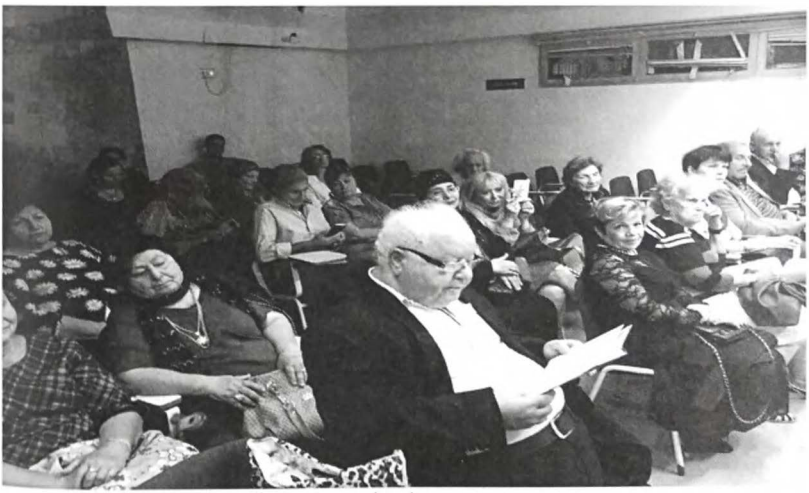
Но не стоит сожалеть об этом,
Не бывает худо без добра.
Как сказал мудрец – "пройдет и это,"
Вновь придет сердечная пора.

Мудрость жизни годами прибывляет,
У разбитой не останешься черты.
Свято место пусто не бывает,
Да природа не терпит пустоты.

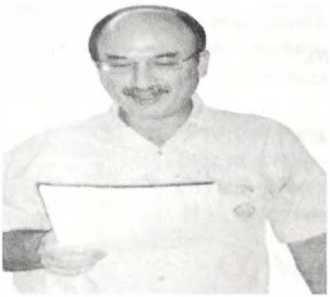
Весной Амуры стрелы выпускоют,
Все живое жапедает ласки и тепла.
И быть может ты стрелой Амура,
Р анеш в сердце белого орла.

И закружит в миг корусель свиданий,
Вновь от счастья пойдет кругом голова.
Любви не ведомы тропы расставаний,
Бурьлном зарастабт верности слова.

Так ведь забудешь про ту синицу,
Даже звали как не вспомнишь ты.
И сотрешь как печальную страницу,
Из памяты своей его черты.

Ә мәчлис шоһирһо кәшнрә омори

Агарунов Шабтай бен Ханука

родился 20 сентября 1961г. в Азербайджане, в Красной Слободе г. Куба. После окончания средней школы в 1978 г. поступил на фельдшерский факультет Медицинского училища города Баку и в 1984 году закончил её.

В 1980-1982 гг. служил в рядах Советской Армии, а затем с 1984 года по 1990 год служил фельдшером в Каспийской флотилии ВМФ.

С 1990 г., уволившись из рядов ВМФ, приступил к работе в нейрохирургическом центре в г. Баку, где и работал до репатриации в Израиль.

В 1991 г. репатриировался с семьей в Израиль. Живёт в г. Бат-Ям. Чтобы работать по специальности, прошел все ступени обучения и все необходимые экзамены. Сегодня он - дипломированный медбрат(ах мусмах), работает в операционном отделении больницы им. Вольфсон города Холон.

В 2006 году окончил факультет управления системой здравоохранения академического колледжа Иудеи и Самарии в г. Ариель.

Литературой увлекался всегда. Стихи писал со школьных лет на двух языках - на азербайджанском и на горско-еврейском.

С июня 2007 года член союза писателей, выходцев с Кавказа в Израиле.

Публикуется в алманахе «Мирвори» и «Кавказская газета». А также публиковался в антология «Астарahoj чуhyphoj доги"(Звёзды горских евреев).

Шабтай Агарунов автор книги стихов на горско-еврейском языке «Дәдәjлүjә дүнjоjмә» (Мой мир с мамой) и аудио антология «Имид» (Надежда»).

С января 2012 года член союза писателей Азербайджана.

Вәхд

Мә әдәм вирихдә hә ә пәсәj вәхд
Нәсданум поjундә jәнчигир урә.
Мәрә әдәj сохдә hәмишә гуj вәхд,
hашданки мәдиров әз мүвәh дурә.

Ингәдә мәтләбhо ә дүлмә дәри,
Воjисдә әри хәлг jә мирос бинүм.
Вәхд ә тәhәр чоллод ә сәр сәр вәри,
hәр мәтләб дүрүст бу, ә вирих дәрүм.

Инсон hисд вәхд кәшдә, чүнки вәхд кәми,
Инсон hисд буш-буши вәхдjүрә күшдә.
Мәрә hисдиhо вәхд кәми, сәхд кәми,
Мәрә вәхд кәрәки, вәхд, вәхд нәс hишдә.

Гүбәјмә Гүбә

Јә тараф тү вишә, јәки никәрә,
Әз һәр чикә гиног вокундә дәрә,
Ошуг мәјду күрдә саз зәрә-зәрә,
Әчәји түрә тој Гүбәјмә, Гүбә.

Әдәј дәкиш бирә рузбәруз, сал-сал,
Појизтүш сәфолу ә тәһәр васал,
Түрә Гызбәнәвшә, Шоһдоги, Гудјал,
Әчәји түрә тој Гүбәјмә, Гүбә.

Шориһо тији бу һәр вәхд ә сәр тү,
Ҕәрүси, гүдүши винү һәр дәр тү,
"Вагзалы" вәчәјүт бил кук-духдәр тү,
Әчәји түрә тој Гүбәјмә, Гүбә.

Чәјронһо кәшдәнүт ә сәр догһој тү,
Сәјмәјә бәһәрһо бәхшәј богһој тү,
Дүлә сәрин сохдә ов билогһој тү,
Әчәји түрә тој Гүбәјмә, Гүбә.

Түрә вәри рача, товушә чирјәт,
Инсон ошуг бирә, бәсдәни мүһбәт.
Тү тилсим Шәбәтәј, дор урә әлбәт,
Әчәји түрә тој Гүбәјмә, Гүбә.
18-19.10.2011

Ә духдәр

Бијо мәпој назлү-назлү ә бинә,
Ингәдә дог мә кәш ә чун, ә синә,
Мә вәрдүшүм ә руј винүм шәхинә,
Түсүз ҕилом сијә пәрдә, ә духдәр,
Тү ә дүл мәдәшән дәрдә, ә духдәр.

Түрә кузәт сохдум, тү нә омори,
И хосдә дүлмәрә лап чәзон дори,
Әрчү һишдә мәрә һәсрәт ән шори?
Түсүз ҕилом сијә пәрдә, ә духдәр,
Тү ә дүл мәдәшән дәрдә, ә духдәр.

Ә ҕәрәј хәлг нә сох мәрә бијобур,
Бовор сох, нә мунди дијә һич сабур,
Ој мәһримә, имид мәрә тү мәбур,

Түсүз һилом сијә пәрдә, ә духдәр,
Ту ә дүл мәдәшән дәрдә, ә духдәр.

Ту михиси, мә мидиром ә хов ту,
Мә мәкүрүм әшглү мочә әз лов ту,
Бил сухуну хосдә дүлә әлов ту,
Түсүз һилом сијә пәрдә, ә духдәр,
Ту ә дүл мәдәшән дәрдә, ә духдәр.

Јор, нијофди әзмә хубтә һич вәхдиш,
Мәнүм ә һүмүртү мозолиш, бәхтиш,
Шәбәтәјүм, мидүм түрә хушбәхтиш,
Түсүз һилом сијә пәрдә, ә духдәр,
Ту ә дүл мәдәшән дәрдә, ә духдәр.

Әз һ,үмүр Шоһдог

Әри 70 сали бүзүркәјә шоһир, һүрмәтлүјә
Кук хәлг иму Әлдар Гуршумов

Әз һ,әјили ә һәвәс шәјр дәбирәјт,
Әз һ,әјили ә дәс гәләм вәкүрдит.
Кофһој дүлә ә сәр вәрәг вәчирәјт,
Ә дәсдәј шоһирһо чикәрә күрдит.

Кирошдә рәһ сук нә бири јә вәхдиш,
Нәхоһһош нә бири һич кәм әз һ,әрә.
Әри рәһ вокундә сохдәткәш сәхдиш,
Имоһој дирәнүт һәммә рәһбәрә.

Гүбә ә хәритә һисдикәш јә хол,
У ишмурә нәфәс дори, дүл нә чун.
Әз мәнзәрәј Шоһдог, әз зүм-зүм Гудјол,
Тар ә дәс вәчәсди, кофһо ә зуһун.

Шоһ широһо сәрвәт әгүл әз бинә,
Ә пишој хәлг сүрхә сундугә норит.
Битәв һ,үмүр дошдә зуһунә, динә,
Зуһун дәдәјирә гимәтә дорит.

Һич вәхд пуч нәс бирә кәширә чофо,
Чүнки әз дүлини нүвүсдә һәр шәјр.

Хундәкор әз хундә вәкүрдә софо,
Нум шоһирә күрдә ә һүрмәт, ә хәјр.
.
Рәһһо очуг бисдо әри чуһурһо,
Ә Сион пој дәно кәләтә, һәјил.
Ә инчо винирүт нәзники дурһо,
Кавказиш мәскән күрд ә гәд Исројил.

Чүрһәт һәр кәс нисди сохдә рәһбәри,
Талантһорә кәшдә ә һәрәј чәһмәт.
Әкәр шоһир Каваз ә Вәтән дәри,
Ундә пуч нә бири кәширә зәһмәт.

Ә дүнјоһ ән широ ишму зирвәлү,
Әри хәлг һүрмәтит, һәм нурлу чирог,
Әришму чунсоги, Әлдар Гүбәлү,
Јә бәхшә хосдәнүи әз һүмүр Шоһдог!
7 декабр, 2010, Бат-Јам

Пәнчәрә

Ә һәнк кузки вәшәрг дорә
Пәнчәрә.
Шоһид кәлә корһо бирә
Пәнчәрә.

Руз әз чүшмә нур кәширә,
Әри утог чирог бирә,
Үшүг дорә, үшүг дирә
Пәнчәрә.

Мәнк шәвирә сохдә гиног,
Шәвиш мидү үшүг утог,
Астарара сохдә "дог-дог"
Пәнчәрә.

Сурһо дошдә тарафдору,
Сәһнә бирә тараф буру,
Ә һәрәј дү һилом бору
Пәнчәрә.

Кәдә-духдәр ошуг бирә,

Дүл һәрдүшү үшүг дирә,
Ә рәһ сәвки очуг бирә
Пәнчәрә.

Имбисдокә чонлу әкәр,
Әз дирәјү вир мисохд сәр,
Әз чәнд сурһо мидо хәбәр
Пәнчәрә.

Вәхд бирәни сәнгәш дирә
Ә конәјү күләш дирә,
Бәдәш дирә, шорәш дирә,
Пәнчәрә.

Октјабр, 2008

Чуһурһој-доги

Чуһурһо, чуһурһо, чуһурһој доги,
Һә гәриб бисторит ә руј ән хори.
Әришму дүл хосдә әнчәг чунсоги,
Худој һәгг ишмурә чиро рәһ дори.

Гисмәт бәбә-дәдәј, ән бирор-хәһәр,
Ә микләј ән рәһһој дүнјо домунди.
Руј рујә нәс дирә, дүл хурдә сәһәр,
Һә әз кузәт сохдә чүмиш вомунди.

Насда кура бирә әјәки һәлә,
Һәр инсон сохдәни кор-пишәјүрә.
Зәһмәт кәширәкор ән хунә кәлә,
Әзир јүк дәшәнди дүш-ләшәјүрә.

Имбуми ә дүнјо һич әзини кор,
Чуһурһој догиму һәммә чәһм бошут?
Дүлә војисдәни, мүвәһ, сох бовор,
Ђәзизһо әјәки рујбәруј нүшүт.

Әчәји тү

Ә һәр чикә кәшдәм түрә,
Әчәји тү, ә мәһримә?
Ә кон дүлмә дошдәм түрә,
Әчәји тү, ә мәһримә

Шəвhо hич хов нисди мəрə,
Əшг, сəвкитү бəсди мəрə,
Инсофлу бош, дəс ди мəрə,
Əчəji тү, ə мəhримə?

И ошугə бимор дирət,
Күлhој богчə бимор бирət,
И ћол инсон нə винирət,
Əчəji тү, ə мəhримə?

Əhəнк бүлбүл əз əшгтү сүст,
Əз хəјолтү руз нисд дүрүст,
Түсүз дəгəм гүмүр hич нист,
Əчəji тү, ə мəhримə?

Əрчү сохдə ə чун гəсдə,
Руј чарундə, гəhр бəсдə,
Чүмhо кəшдə, куш ə сəс дə,
Əчəji тү, ə мəhримə?

Шəбətəјүм, əз əшг хəстə,
Мəhил дүлə hə кирисдə,
Əз əшгтү дүл ə ћəвəс дə,
Əчəji тү, ə мəhримə?

Јə бəндəji

Əри бүзүркəjə шоћир, ћүрмətлүjə кук хəлг иму
Əлдар Гуршумов

"Јə бəндəjүм...." Əлдар Гуршумов

Јə бəндəjүм Гүбəji,
Ə həр чикə Гүбəji.
Ə Исроил зиһисдкəш,
Дүлү тараф Гүбəji.

Јə бəндəji Тəлћүми,
Нимаз ə нум Тəлћүми.
Јəкимүн китоб шоћир
Ə нум Нимаз Тəлћүми.

Јə бəндəjү ћəрəкət,
Hə сохдəни ћəрəкət.

Кәширә чофоһојү
Овурдәни бәрәкәт.

Јә бәндәјү шоһири,
Һәр руј ҕиломә дири.
Дүјмүн китоб үшүг ди,
Шоһир Әлдар шор бири.

Јә бәндәјү мүгәнни,
Овоз сәслү мүгәнни.
Тар ә дәсјү вәчәсдә,
Ә ләҕәјү мәҕәни.

Јә мәндәјү хундәкор,
Мәчлисһорә бәрдәкор.
Хәлг шинохдә Әлдара
Нүвүсдәкор, хундәкор.

Јә бәндәјү Худолу,
Сифир вәки, Тиролу.
У ә одој шоһирһо
Һәм сәдиги, һәм одлу.

Јә бәндәјү нум урә,
Ҕүрмәт урә, нум урә.
Ә сүрхә ҕәрфһорәвоз
У нүвүсди нумјүрә.

Јә бәндәји имиди,
Ә сәбәҕи имиди.
Әри зуһунә дошдә
Шоһирә сәхд имиди.

Јә бәндәји шәләлү,
Битәв ҕүмүр шәләлү,
Күрдә дәс кумокирә
Кәсә сохдә ләләлү.

Јә бәндәји коф урә,
Әлдар кују кофјүрә.
Сәјмүн китоб ә рәҕ дә,
Худо ҕүмүр до урә!

Март - 2008

Абрамов Борис родился 2-го июня 1934 г. в г. Баку Азербайджан- ской ССР. Окончил Всесоюзный заочный институт пищевой промышленности в г. Москве в 1965 г. – квалификация – экономист. Был долгие годы зам. Директором Бакинского комбината хлебопродуктов № 1

11 января 1989 г. был награжден медалью "Ветеран труда"

Его статей были опубликованы в газете "Баку" выходящим на русском языке.

Репатриировался в государство Израиль 6 декабря 1990 года. Проживает в г. Тель-авив.

Женат, имеет троих детей.

Является членом Союза писателей горских евреев Израиля.

В 2015 г. выпустил книгу – Эхо предков – воспоминания потомков.

Сон и явь

В один прекрасный летний день солнце освешало комнату ярким желтоватым светом, который переливаясь играл на стенах.

Я лежал на кровати думал-птицы это вольнолюбивая стая, дар природы, его-санитары и если бы человек имел крылья, он бы отправился в путе-шествие по небу, потерял бы свои привычки к материальным вещам и посетил бы места, где прошли лучшие годы жизни от детства до зрелого возраста.

Тут я ощутил, что мое тело поднимает какя-то сила и я мгновенно превратился в птицу.

Взмахнув крыльями и вылетев из комнаты, с высоты птичьего полета весь Баку - один из красивейших, интерна-циональных городов лежал подо мной.

Вот и крыша злополучного 4-х этажного дома, где в юности мы с друзьями соорудили нечто наподобие воздушного шара, используя крепдишин. Мы начитавшись о том, что в Африке угнетают негров были полны желания помочь им в их борьбе за свободу.

Однако наши мечты не были осушествлены из-за ссоры, который увидев наше "изобретение" – сказал нам, как же вы полетите, это насмешка на воздушный шар вы, что ребята хотите разбиться!

На пути полета возникает сад им. Джафара Джабарлы одного из выдающихся азербайджанского драматурга.

В саду был расположен летний кинотеатр в котором в период прокатаиндийских фильмов нельзя было приобрести биле из-за не-бывалого наплыва зрителей.

Со всего города в сад приходили музыканты азербайджанских народных инструментов, где заключались договора о проведение свадебных торжествах.

А вот один из лучших в то время в Союзе кинотеатр им. Низами, На фасаде которого ежедневно располагались сотни почтовых голубей.

В просторных фойе были обурудованы буфет, книжный киоск, а также зрителей встречала яркая реклама, на котором была запечет- лена девушка с улыбкой державшая в руке плитку шоколада, А ни- же текст – ты будешь рад если купишь шоколад.

В зале перед сеансами играл эстрадный оркестр, мы подростки сидя в передних рядах на виду у музыкантов надкусывали лимоны, наблюдая это у них мгновенно появлялась слюна, и слаженность. Игры оркестра нарушался.

На горизонте виден седой Каспий, на своем веку это море видело многие события прошедших лет.

Когда то оно носило имя Хазарское. От нижней Волги до Кавка- за и северного причерноморья существовал могучий, процветающей Хазарской каганет, государственной религией который был иудаизм.

Жемчужиной Бакинской бухты является Приморский бульвар, место отдыха и развлечения горожан, там же находится одна из дос-топримечательности – парашутная вышка высотой почти до 80 метров. Многочисленные зрители с азартом и восторгом следили за тем, как на парашюте прикрепленной к тросу вышки спускался очередной смельчак на землю.

Не далеко от парашутной вышки, почти каждый вечер располо- гался духовой оркестр МВД, под музыку которого десятки пар кружились в танце.

А вот и 2-х этажная городская купальня, стоимость входа составляла 30 копеек.

Купальня была разделена на мужскую и женскую половину.

Для детей и подростков, которые не могли еще плавать, в море была опущена на цепях решетчатый бассейн в виде коробки 50 на 20 метров изготовленная из деревянных брусьев, вода плавающим там подросткам доходила до груди.

Для тех, кто мог плавать был установлен трамплин, для прыжков в открытое море и лестницы для спуска в воду.

На 2-ом этаже располагалась загоралка, где для этого были уста-новлены лежаки. Рядом с купальней располагался яхт-клуб при виде которого вспрминались слова поэта-белеет парус олинокий в тумане море голубом, что бросил он в краю родном.

А вот и мелькомбинат расположеный на Зыхе, где прошли годы моей трудовой деятельности в должности зам-директора.

В свое время комбинат занимал третье место в Союзе по выпуску муки.

В 90 годы вечерний центр Баку – это улица Низами (Торговая) выглядела как Париж во время показа высокой моды.

Тогда горожане гордо демонстрировали самые известные пресс-тижные торговые марки.

Конечно нынешний Баку разросся и похорошел, стал еще красивее чем прежде, но один нюанс – нет того колорита, который ощушался в те годы, может это связано с тем, что многие коренные Бакинцы разъехались по всему миру.

Но мы не теряем связей с Азербайджаном потому, что мы роди- лись и выросли на этой земле.

Большую работу в области культуры и спорта проводит Международная ассоциация " Израиль – Азербайджан АЗ-ИЗ."

Прости мой друг – я как призрак лечу в дальние края к себе на Родину в Израиль.

Иерусалим столица Еврейского государства, город трех религий, священный город всех евреев где бы они не проживали, мечта наших предков, которые всегда повторяли – имбуруз а инджои, сабях о хори бабао а Ерушалайм, что в переводе означает – сегодня здесь, а завтра на земле наших предков в Иерусалиме.

Стена плача у которого евреи оплакивают разрушение 2-го храма.

Мечта евреев это возведение 2-го храма и я уверен она осущес- твится.

Вера – это мощная сила открывающие все врата.Если устремле- ние – ключ от всех врат, то двигательная сила устремления – вера не-поколибимая, вера в возможность того, к чему устремляется сердце.

Я стар – я заслал стрелы птиц в поднебесье, их трудный пизыв разбудил меня.

Жизнь прекрасна и удивительна, лет до ста двадцати нам без ста-рости.

Мои воспоминания о Баку

Борис Бениаминович Абрамов – Тель-Авив, Израиль

Тебя, прекрасней мой Баку
Не встретил на своем веку,
Навечно я пленен тобой,
Красавец – город мой родной!
Поэт С. Шмулярова.

События, которые описываются в этих воспоминаниях, произош- ли, в период моего детства, отрочества и зрелого возраста, вплоть моего отьезда в декабре 1990 года в Израиль.

Я родился 2 июня 1934 года в г. Баку, место жительства – ул. Первомайская, дом №170.

Наш дом в Баку славился гостеприимством, двери нашей квартиры никогда не были закрыты, кто только к нам не приходил; соседи, родственники, а также близкие товарищи моего отца. Опишу один из характерных эпизодов. К нам часто приходили друзья отца. Это были Шальми Мордехай, Авадьяев Бениамин (Бениамин Амолдан), Рафаил, Сухман (Хушк), Шафадь/ и другие, их имена я не помню.

В один из дней они пришли к нам домой, неся с собой четверть с вином, привезенным из Кубы, Красной Слободы.

Мать как всегда накрыла стол и положила приготовленный рис и голубцы - "Ош, йэрпэги" и так мимоходом сказала ему: " Э Бинемиайило чи нэ хурдэт" – "Бениами, дети еще не обедали", она имела в виду меня и сестру Розу, на что отец сказал ей: "Э Мозолут турэ гушт нисди!? – Вэги чи сох...эри айило" – Мазалут, у тебя мясо нет, что ли, возьми и приготовь для детей.

Наш отрезок улицы от угла Карганова до улицы Самеда Вургуна –это незабываемый колорит интер Национального Баку. Никто не спрашивал, какой человек Национальности, люди просто говорили: я – ба-кинец.

В нашем трехэтажном доме проживали: азербайджанцы, евреи, ар- мяне, русские, полька и немка, ее в годы войны с маленьким ребен- ком сослали в Казахстан, несмотря на то, что ее муж был офицером Советской армии.

Почти каждый день с наступлением сумерек соседки выходит из своих квартир на площадку, и каждая говорила о своей семейной жиз ни. Мужчин на этихвечерахне было. Первой начинала беседу Гильшад Керимова, она приходилась двоюродной сестрой знаменитому композитору и дирижеру Нязи. Она всегда с гордостью говорила о своих сыновьях, один из которых Сабир был доктор наук, а младший Надыр – заместитель редактора газеты "Бакы".

Затем продолжала беседу соседка - армянка, которая говорила, что настоящие армяни – это, те, кто родились в Турции. Кстати, ее муж был буровым мастером.

В те годы, да и в последующие, эта специальность прилично оплачивалась. Так и велась это беседа, и как всегда, моя мать, молча, слушала всех, а соседки говорили ей: "Мазалут, у тебя
семеро детейты мать –героиня, как ты одна смогла с ними управиться?" На это мать отвечала им, что надо любить своих детей и тогда все будет в порядке! А ей было чем гордиться. Двое старших сыновей были офицерами Советской Армии, а остальные дети окончили техникумы и институты.

Напротив нашего дома был дом по улице Первомайской №173, которая раньше, при царском режиме, называлась Султановская, тогда там располагался публичный дом. Все квартиры в этом доме были однокомнатные, за исключением двух-трех двухкомнатных квартир.

Дом был двухэтажный с двумя параллельно расположенными лестницами, по которым можно было подняться на второй этаж. В этом доме жил гармонист Сема, который устраивал концерты. Все соседи танцевали, пели.

Веселью не было конца. Рядом был дом №175, так называемый Шарифовский, где родился и вырос юморист, народный артист России Евгений Петросян.

Нижи этого дома в тупике на 2-ом этаже жил Али, пекарь.

Он, выйдя на пенсию, установил во дворе столик, почти каждую неделю накрывал его скатертью и расставлял на нем спиртное и разные закуски. Он сам устраивался на ступкньках в парадном и ждал. Как только появлялся сосед с улицы, которого он знал в лицо, Али подзывал его к себе и предлагал выпить и закусить. Когда сосед отказывал- ся, говоря, что он идет на работу, Али с укоризной отвеяал ему: "Слушай, не обижайся, я от чистого сердца предлагаю! Выпей на здоровье и иди с Б-гом на работу". Соседу ничего не оставалось делать, как выпить, закусить и, поблагодарив, уйти. А Али тем временем, наливал в рюмку спиртное и ждал нового соседа с улицы.

Его супруга с балкона 2-го этажа дома говорила ему: "Али, ты сумасшедший! Что ты делаешь?" На что Али отвечал ей "Послушай, женщи-на, что ты понимаешь в этом деле? Человек проходит мимо ме ня идет на работу, а я ему приготовил рюмочку водочки, прекрасную закуску. Я им говорю – пейте на здоровье, мои сынки, и дай вам Б-г всего наилучшево, то есть им хорошо и мне хорошо! Поняла ты это, старуха?" Напротив жил его закадычный друг, все на улице звали его "Гырмызы помидор" - красный помидор. Можеть быть из-за того,что его щеки был всегда красноватого цвета. Это было его прозвище. Так вот, этот самый старик по прозвищу "Красный помидор" в 6 часов утра из своего окна, расположенного на втором этаже дома, кричал: "Али, а Али дур етим (вставай, сирота), идем на утренною молитву!"

Естественно от этого крика соседи просыпались. Сколько раз они говорили ему, что в 6 утра все ещо спят, а он кричит и зовет Али! Ни какие просьбы не помогали, он все равно продолжал кричать.

В жтом и заключадась вся прелесть восточного колорита, соседи смирились с этими криками. Тетя Бронья, жена бывшего капитана ГАИ, как-то выйдя на улицу, все происходило во время войны, увидела, как ее сосед Кафар разрисовал стены ее дома, выходящие на улицу, карикатурами немецких вождей, Броня подбоченившись, подошла к нему и сказала: "Кафар , что ты рисуешь? Ведь если, не дай Б-г, Немцы придут, то они нас расстреляют!"

С нашей площадки трехэтажного дома была видна вся улица Ви- дади, и мы иногда наблюдали такую сцену. Женщина, жившая в од-ноэтажном доме, кричит, а к кому она обращается, нам не видно: "Зуунту бурра биево! Гэрмэ мурэ, хиникэ мурэ асэрту! – Язык твой чтобы поразило! Чтобы твою голову осыпали горячим и холодным пеплом!" Все это услышанное вызывало у нас смех. С этой же площадки нашего дома соседка Зоя кричала в сторону расположенного напротив нас дома на улиые Видади своей двоюродной сестре Ялте до тех пор, пока та, выйдя на балкон не начинала кричать ей в ответ слышу! И так они обменивались между собой своими семейными новостями.

К нашему лому примыкал дом №169, на третьем этаже которого проживал Леня. Окно его квартиры выходило на крышу нашево дома, откуда открывался обзор на расположенный по ул. Видади 5-ти этажный дом. Леня часто с этого окна стрелял из пневматического ружья, шариками, скатанными из кира, в окна этого дома.

Так он познакомился с живущей там девушкой. А через несколько месяцев они сыграли свадьбу.

Недалеко от нашего дома в тупике располагались одноэтажные и двухэтажные дома. В одном из этих домов жил Кямал, который почти каждую неделю в воскресенье устраивал встречу любителей пива.

Каждий, кто приходил туда, приносил с собой пиво, а иногда и леща. Как-то раз Кямал увидел, как его сосед Кафар вносит в свой гараж, сделанный из железа, несколько лещей нанизанных на бечевку. Он попросил своих друзей подобрать ключ к замку от гараха и когда ключ был ему доставлен, он открыл гараж, вынес оттуда трех лещей.

На другой день он устроилвнеочередной "Вечер любителей пива" и выложил на стол трех лещей. В разгарвечеренки появился Кафар, увидев его, Кямал пригласил Кафара к столу выпить пиво.Ничего не подозревая Кафар подошел к столу и тут Кямал сказал, что пока Кафара не было, они слышали какой то шум который раздавался из его гаража, может быть, там завелись крысы. Кафар молча, подошел к своему гаражу и, открыв дверь, воскликнул: - Кямал, это ты взял лещей!? Все собравшиеся засмеялись. Закрыв дверь гаража, Кафар промолвил: - Ладно, попробуем этих лещей. На этом инцидент был исчерпан.

Как то я вышел из дома на улицу и вижу дым над одноэтажным домом №166, где проживали семьи Рабаевых и Гавриловых. Я побежал во двор, и передо мной открылась ужасная картина. Вся квартира Рабаевых полыхала пламенем. Никого из соседей не было.

Я услышал крики, раздающиеся из квартиры, и понял, что там старик, отец семейства, который к тому же был инвалидом. Я, не теряя времени, бросился в квартиру и увидел старика, который сидел на стуле и не двигался. Огон подходит уже к нам, я взял его за руки, приподнял и мы дви-нулись к выходу. У входа нас уже встретили подоспевшие соседи и сыновья Рабаева. Они обняли меня, сказали: - Спасибо – ты спас нашего отца! В настоящее время его сын Борис живет в Израиле, в городе Хадера. В те годы на нашей улице проживало много интеллигентных семей. Так наш сосед Эйбат Пашаев был профессором аз. языка и литературы в Азербайджанском Государственном педагогическом институте им. В.И.Ленина. Другая наша соседка Ила аккомпанировала на рояле ведущим солистом Азербайджанского Ордена Ленина театра оперы и балета имени М.Ф.Ахундова, Рядом с нашим домом жила семья.
Сафаровых, глава семьи был профессором физи-коматематеческих наук, его сын пошел по стопам своего отца, он был доктором наук. Недалеко от нас жил и работал спецкором Аз. ТАГА (Азербайджанское телеграфное агентство), Давид Кон (Дима Корш) он долгие годы работал ведущим 9-го канала на Израильском телевидении. На доме по улице Первомайской №189 была

установлена мемориальная доска с надрисью: "В этом доме родился и вырос Ванников Борис Львович, трижды Герой Социалистического труда, дважды Лауреат Сталинской премии генерал-полковник, нарком Во-оруженных сил СССР".

Большой популярностью пользовался летний кинотеатр "Вэтэн", Расположенный на улице Карганова угол Мирза Ага Алиева. Большинство жителей нашей улицы не пропускали ни одного индийского фильма. Однако всех желающих не мог вместить маленький зал кинотеатра, поэтому некоторые устраивались на крышах близко рас-положенных домов. Долгие годы меня связывала большая дружба и взаимное уважение друг у другу с Героем Советского Союза Моисеем Давидовичем Шахновичем, директором крупного гастронома, расположенного по ул. Карганова, к тому же он был Председателем общины европейских евреев. В то время 1970-79 я работал зам директором Бакинского коибината хлебопродуктов №1. Каждый раз перед еврейской Пасхой М.Д. Шахнович звонил мне и просил, когда приедет экспедитор от райпищеторга "26 Бакинких комиссаров" за мукой помочь ему, потому что эта мука нужна для выпечки мацы. В чем состояла его просьба. Наш комбинат выпускал для розничной торговли 2-х килограммовые пачки муки, так вот тогда, когда приезжали экспедиторы из райпищеторга, им отпускали 2-х килограммовую фасованную муку, а М.Д.Шахнович просил отпустить муку и 70-ти килограммовых мешках.

По прибытии экспедитопра, я вместе с ним подходил к завскладом и просил его, ввиду исключения, отпустить муку в мкшках, обьясняя для чего мне это надо, на что завскладом отвечал: "Баш үстә...". Мука выгружа-лась в синагоге, которая была расположена по ул. Карганова угол ул. Первоиайской. После выпечки мацы там же она реализовывалась населению. М. Д. Шахнович звонил мне и говорил: "От имени еврейского народа большое тебе спасибо!" Эти слова благодарности соревали мое сердце.

В Баку всегда одевались роскошно. Все модные новинки сначала появлялись здесь и потом в Москве. В те годы в Баку
училось много иностранных студентов, которые привозили импортные вещи, а также аппаратуру и продукты. А из Баку сигареты, мохер и джинсы поступали в Москву. Вечерный центр Баку – это улица Низами (Торговая) выглядела как Париж во время поеазов высокой моды. Горажане гордо демонстрировали самые известные и престижные торговые марки. Вот такие воспоминания остались у меня о моей родной ул. Первомайской и о городе Баку тех лет.

Эпилог из книги "Эхо предков – Воспоминания потомков

События которые произошли на Еврейской Слободе г. Кубы, это отголоски того, что происходило в то время, во всех уголках мира.

Гражданская война в России, революция в Германии, и т.д. Несмотря на тяжелое положение, которое сложилось в Еврейской Слободе, горские евреи помогали друг другу и не дошли до братского кровопролития, которое не состоялось. Это был результат обоюдного решения со стороны Еврейского Национального комитета и красногвардейцами.

То, что совершили наши деды, и отцы в период 1917-1918 г. не пропало даром. После установления Советской власти в Азербайджане наши земляки, как малый народ, достигли больших высот в свете образования и культуры, во всех областях, науки, искусства, промышленности. Так одним из гениев мировой медицины стал академик **Гавриил Абрамович Илизаров**, Герой Соцтруда, награжденный многими орденами и медалями разных стран мира. В 1971- ом годы в г. Кургане был открыт научно-исследовательский Институт, ныне Российский научный центр "Восстановительная трвматология и ортопедия" который возглавил Г.А.Илизаров. Теперь Центр носит его имя.

Танхо Селимович Израилов – художественный руководитель и главный балетмейстр ансамбля "Лезгинка", народный артист СССР.

Можно с уверенностью сказать, что в становлении Армии Обороны Израиля большую роль сыграли горские евреи, один из них – генерал Иекутиэль Адам.

Гасан-Год Борисович Мирзоев – профессор по кафедере адвока- туры, нотариата, академик Международной академии информатизации, Академик Российской академии естественных наук, академик Российской академии адвокатуры, Почетный доктор, профессор Бридчпортского Университета, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры, председатель Координационного совета Общероссийской общественной организации "Юристы за прав и достойную жизнь человека" первый вицепрезидент Федерального Союза адвокатов России, Член Союза писателей России и Израилья. Член Совета при Президенте РФ по вопросом совершенствования правосудия. Действительный член (академик) Академии народов мира "Элита"!!!

Агарунов Петр(Хаим) Рафаилович (годы жизни: 1 января 1930 - 16 октября 2006) родился в Кубе 1 января 1930 года. Окончил Всесоюзный Государственный институт кинематографии (ВГИК), а также театральный институт. В 1960 году воссоздал и стал директором Дербентского Народного горско-еврейского театра, на сценах которого ставились такие спектакли как «Пери Ханум», «Ашуг Гариб», «Лсли и Керем», «Лейли и Меджнун», «Аршин Мал Алан» в переводах на язык горских евреев. Работал на киностудии «Азербайджанфильм», а затем в Таджикистане, где был избран секретарем Союза кинематографистов Таджикистана. Был директором, редактором более 150-ти документальных, музыкальных телефильмов, заместителем директора четырех полнометражных художественных фильмов. Награжден знаком «Отличный работник Гостелерадио СССР». В марте 1995 года репатриировался в Израиль.

Петр Агарунов более тридцати последних лет собирал сведения о замечательных представителях из среды горских евреев: об ученых, поэтах, писателях, кавалерах государственных наград, руководителях крупных производств и пр. Эта трудная по исполнению работа, эта его благородная деятельность сыграла огромную роль в повышении имиджа родного народа. Много ученых, корреспондентов, авторы различных книг о горских евреях успешно пользовались этим источником ценнейшей информации. В последние годы принимал самое активное участие в работе редакции «Кавказской газеты».

В рамках «Дней культуры горских евреев в Израиле» 2008 году в городе Хадере состоялось открытие мемориальной доски видному деятелю культуры Петру (Хайму) Агарунову (См. на фото). На торжественной церемонии присутствовали: мэр Хадеры, зам. меры и депутаты муниципалитетов различных городов Израиля, делегация Азербайджана во главе с депутатом Мелли Меджлиса (парламента) Евдой Абрамовым, представители многих общественных организаций США, Канады, России и Израиля. Были возложенны цветы от международного благотворительного горско-еврейского фонда «СТМЭГИ» и международной ассоциации «Израиль-Азербайджан» (АзИз).

Театр и сказки

Роль сценического искусства в становлении разных культур и формировании национальной идентичности

Театральное искусство горских евреев

«... театр занимает особое место в истории искусства горских евреев. Истоки зарождения уходят в далекий декабрь 1903, когда в дербентской горско-еврейской школе А.Агарунов инсценировал переведенный с иврита рассказ Н.Шойковича «Ожог за ожог» и поставил его в честь свадьбы учителя этой школы Нагдимуна бен Симона....» (из воспоминаний П.Агарунова)

ОТ ИСТОКОВ И ДО НАШИХ ДНЕЙ

Было бы преувеличением сказать, что театральное искусство горских евреев имеет давние традиции и насчитывает не одно поколение профессиональных артистов и деятелей культуры. Как и у любого малого народа, оно развивалось благодаря индивидуальному творчеству, благо, у евреев недостатка в талантах никогда не было. На всех народных торжествах и праздниках наравне с музыкантами, певцами и ашугами не меньшей популярностью пользовались «маскарабозы» - острословы, балагуры и пародисты, которые не только поднимали настроение людей, но в юмористической форме, передразнивая, отображали события, происходящие в общине.

Повторяю, никаких театральных традиций в царской России до революции у горских евреев не было, а были более или менее грамотные люди, среди которых выделялись ашуги, сочинители стихов, рассказчики, чтецы, певцы, танцоры, музыканты-самоучки. В стихах и рассказах люди нередко выражали свою жизненную безысходность и горькую долю, однако чаще в них звучала вечная тема любви. И, конечно же, присущий горским евреям юмор.

Так в дореволюционной Еврейской Слободе города Кубы огромной популярностью пользовались ашуги Рафоил и Беньмин-Давид - зурначи, музыканты Мардахай, Мелкей-гаиш и другие. Если не все, то, по крайней мере, многие из этих талантливых людей стремились к самовыражению, стараясь показать, как они жили и живут. Чтобы люди могли, как в зеркале, увидеть себя, свое окружение, свою жизнь, своих друзей и своих врагов.

НАРОДНЫЙ ТЕАТР ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТАТЬ В ИЗРАИЛЕ

В работе Дагестанского театра, наряду с актерами старшего поколения (Ахсо Шалумовой, Истирмалка Пейсаховой, Годом Сафоновым) выступала талантливая молодежь: певец и блистательный актер Абрам Авдалимов, Шори Нахшунов, Бикель Мататова, Михаил (Попо) Гаврилов, Полина Фараджева, Год (Шенде) Годов, Мушаил Илизаров и другие. Ведущими солистами оркестра в разное время были Саади Заманов и Исраил Израилов.

В создании репертуара и становлении театра бесценна заслуга прекрасного поэта и драматурга Сергея (Сион) Давыдовича Изгяева, замечательного писателя и драматурга Миши Юсуфовича Бахшиева, блистательного Народного писателя Дагестана, одного из ведущих литераторов республики, фельетониста, этнографа, драматурга Хизгила

Давыдовича Авшалумова. Немалую моральную и материальную поддержку театру оказывали директор дербентского комбината "Бытобслуживания" Зимро Рахамилов, директор красильно-оперативной фабрики Севи Пейсахов, заведующий ателье "Индпошива" Давид Давидов и другие.

Особая заслуга в создании и поддержке театра принадлежит председателям горско-еврейских колхозов. Хочу отметить и такой факт, что по решению руководителей города Дербента и руководства республики финансовые органы не взимали ни одной копейки из дохода театра. Театр просуществовал до второй половины 1964 года, и в связи с финансовыми трудностями был расформирован. Имеющиеся костюмы, реквизит и бутафория были распределены между тремя колхозами. Но вскоре решением Министерства культуры Дагестана был создан дербентский горско-еврейский Народный театр, которому выделялись денежные средства из фонда министерства. Роль режиссера народного театра долгие годы выполнял заслуженный работник культуры Дагестана, прекрасный актер и певец Абрам Авдалимов. После его болезни и ухода из театра режиссером стал один из актеров Роман Изьяев. Им были возобновлены многие постановки прошлых лет. Кроме того, он поставил комедию Хизгила Авшалумова «Шими Дербенди». За период работы театра званию заслуженных артистов Дагестана были удостоены Ахсо Шалумова и Бикель Мататова, а Роман Изьяев был награжден орденом «Знак почета». Базой для работы как межколхозного, так и Народного театра был клуб колхоза «Дружба», а затем дербентский Дома культуры. Спектакли проходили в арендованных залах лезгинского театра (340 мест) и Клуба железнодорожников (800мест). Как правило, залы были переполнены, впрочем, как и во время гастролей в Кубе, Грозном, Нальчике, Махачкале, Буйнакске и Хасавюрте.Дербентский горско-еврейский Народный театр и по сей день продолжает работать, хотя многие его актеры уже живут в Израиле.

РЕПЕРТУАР ГОРСКО-ЕВРЕЙСКИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

№	показ постановок	название спектаклей	авторы	места постановок
1	1918	История Эстер	Я. Рабинович	Баку, Куба
2	1920	Бар Кохба	Пер. с иврита	Дербент
3	1928	Уриэль Акоста	Пер. с иврита	Дербент
4	1928	Амнун и Тамар	Пер. с иврита	Дербент
5	1924	Два старьевщика	Ю. Семенов	Дербент
6	1924	Амельдана илчи	Ю. Семенов	Куба, Баку Дер.
7	1920-1932	Иуда и Сусана	Я. Бираров	Куба
8	1920-1932	Яшар (Я.Бираров)	Дж. Джабарлы	Куба
9	1924-1941	Аршин-малалан	Уз. Гаджибеков	Куба, Дер.
10	1932-1941	Севиль	Дж. Джабарлы	Дербент
11	1932-1941	Айдын	Дж. Джабарлы	Дербент
12	1932-1941	Хаят	М. Ибрагимов	Дербент

13	1932-1961	Мешади Ибад	Уз. Гаджибеков	Дербент
14	1932-1961	Ашуг Гариб	Уз. Гаджибеков	Дербент
15	1932-1961	Асли ве Керим	Уз. Гаджибеков	Дербент
16	1960-1964	Лейли и Меджнун	Уз. Гаджибеков	Дербент
17	1936 по н.в.	Беш манатлыг гелин	М.С. Ордубади	Дербент
18	1960-1970	Солгун чичеклер	Дж. Джабарлы	Дербент
19	1936-1941	Намус	А. Ширванзаде	Дербент
20	1934 по н.в	Махсум	Ю. Семенов	Куба, Дер.
21	1936-1960	Оди Гюзел	Б. Гаврилов	Дербент
22	1936-1960	Пери ханум	Б. Гаврилов	Дербент
23	1936-1941	Земля	М. Бахшиев	Дербент
24	1937-1941	Победа героев	М. Бахшиев	Дербент
25	1932-1965	Хоин	Ю. Семенов	Куба, Дер.
26	1932-1936	Тигу	И. Ханухов	Куба
27	1936-1940	Слезы радости	Я. Агарунов	Куба, Дер.
28	1930-1943	Пешмуни не хундаи	Р. Агарунов	Куба
29	1938-1941	Хомбол ве Шах Аббас	М. Бахшиев	Дербент
30	1936-1941	Мещане	М. Горький	Дербент
31	1936-1941	Платон Кречет	Корнейчук	Дербент
32	1936-1941	Без вины виноватые	Островский	Дербент
33	1936-1941	Разбойники	Шиллер	Дербент
34	1935	Два брата	Ю. Семенов	Дербент
35	1935	Кордон	Ю. Семенов	Дербент
36	1941	Кызбурун	Ш. Ашуров	Дербент
37	1962-1970	Сестра	С. Изгияев	Дербент
38	1962 по н.в.	Кушак бездетный	Х. Авшалумов	Дербент
39	1970 по н.в	Шими Дербенди	Х. Авшалумов	Дербент

Актеры – горские евреи в других театрах: Агарунов Семен – долгие годы работал в азербайджанском театре музыкальной комедии и в Государственном академическом драматическом театре им. Азизбекова. Шамуилов Роман в настоящее время работает актером Краснодарского драматического театра.

Горские евреи – работники кинематографии: Евдаев Данил Самойлович – киностудия "Азербайджан-фильм", зам. директора киностудии и директор фильма; Баязов Семен Израевич – директор фильма к/с "Азербайджан-фильм"; Мушаилова Иирина – ВГИК – организатор кинопроизводства; Фараджев Владимир – ВГИК – сценарист; Агарунов Петр – ВГИК – организатор кинопроизводства; Насимов Борис – ВГИК – кинооператор; Абрамов Лева – ВГИК – кинооператор; Шабатаев Зорик – ВГИК – кинооператор, кинорежиссер; Ханухов Яков – высшие курсы кинорежиссеров в Москве; Ефим Абрамов – ВГИК – кинооператор, кинорежиссер; Исаков Соломон – ВГИК – организатор кинопроизводства

АЛХАЗОВА ЭСФИРА - родилась в г. Грозном, Россия в семье юриста Эдвина Алхазова, человека духовно возвышенного и строгими моральными устоями, давший образование и достойное воспитание утончённого вкуса. Возвышенное духовное восприятие к окружающему её Миру положительно сказалось на творчестве. "Муза с лёгкостью игривой". Сборник стихотворений. Издание второе, эксклюзивное рассчитано на определённый круг читателей. Издание первое " Рапсодия любви" книга издана в 2006 г. на русском и болгарском языке, по настоянию друзей автора болгарской элитой г. Русе. В прекрасном переводе на болгарский язык известной болгарской поэтессой Милой Лазаревой.

Не случайно высказывание композитора Марии Иордановойо том, что она была привлечена мелодией и музыкальным ритмом стихотворений и работала над созданием музыки с лёгкостью и удовольствием. Мария Иорданова написала музыку к стихотворениям: "Осень", "Ива", "По полю полюшку".

Песни, прозвучавшие в исполнении Марии Иордановой во время презентации. Песни были, тепло приняты, как и сама книга, болгарским читателем. Книга "Рапсодия любви" была представлена Живодаром Душковым (историк, поэт, писатель) отметил, что поэтесса постигла высшего и тонкого поэтического высказывания. Также приятно радует благородное старорусское обращение на Вы. Стихотворения Эсфири Алхазовой отличаются неповторимым своим особенным авторским почерком, словно возвращают нас к классическому звучанию XIX столетию и его утончённого вкуса. Как бы ни была близка по звучанию поэзия к классическому русскому XIX столетию, поэзия автора радует своим стилем, душой и индивидуальностью.

Автор работает над новой книгой - "Рассказы".

Желаем автору новых творческих успехов.

От редакции Издательство "Примакс"

Главный редактор редакции; Марио Мокрев. Болгария, город Русе. 2016 г.

МОИСЕЙ

Моисей царицею Египетской спасён;
Баловень судьбы в палатах царских он.
Жрецов учения к его услугам;
Обучен многим и высоким он наукам.

В Египте мор и тяжкий стон,
Народ Израиля пленён.
И рабства ноша тяжела;
Не щадит она ни сына, ни отца....
Но Моисей взял на себя народа бремя,
И наступило перелома время;

В ореоле своей он славы,
Уж не ради собственной забавы;

Народ он вёл через пустыню сорок лет,
Искоренить от рабства нанесённый след.
Всевышний их спасал в пути;
Спокойствие и Родину найти.

И вот пристанище нашли они,
На Иорданском берегу реки.
Моисей уединился и горячо молился;
И на Синае Господь ему явился.

Десять заповедей для народа дал;
Моисей их в Пятикнижие записал.
Тот народ Всевышний избранным назвал,
И заповеди те, народ в столетья исполнял.

Пятикнижие пророка Моисея,
Любовью к Господу тронуло и сердце фарисея.
С тех далёких лет уж так ведётся;
День спасения Песахом зовётся.

ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА

Израиль мой в лазури неба отражённый;
Стою перед тобой заворожённый.
Приют отцов моих Священный;
Всевышним край Благословенный.

Снов лёгких, поэтов вдохновенья,
В веках волнуешь ты воображенья,
Картин передо мной проходит череда;
С ним связана счастливая судьба.

Отцов моих, постигших совершенство.
В любви к Всевышнему и действо:
Путь караванный проложен в дали;
В землю Святую Праотцы вошли.

Под пальмами шатров цветной узор
Раскинутых, уж ловит взор.

Костры искрясь, взлетают к небесам,
Стада разбросаны то тут, то там.

Сиянья ночи уж покров ложится,
И бледный лик луны струится....
Хор певчих птиц перекликается с пустыней
И летопись веков поведает нам ныне;

Как Пурима кружится весёлый карнавал,
Как царь Давид победы здесь стяжал,
И Храм воздвиг царь Соломон Великий.
И слышу я Праотцев молитвы шёпот тихий.

ЕВРЕЙКА

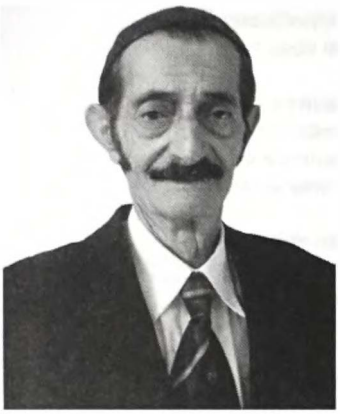
Еврейка с чёрными глазами,
С походкой лёгкой как у лани
Чистой, преданной душой,
Любила как никто другой.

Своей богиней видел он
Тебя, царь мудрый Соломон.
Царь Персии тобой пленён,
Тебя царицей сделал он.

Король Испании у ног твоих,
Любовь дала ты за двоих.
Пример ты чести, вдохновенья,
Супругу, детям в поколенья.

В ярком отражении Святой,
Гордый, нежный образ твой.
Но в блеске, чудных твоих глаз
Навек вселился смерти страх...

С тех незапамятных времён,
Когда издал указы фараон.
И Бабий Яр, крестовые походы;
Памяти твоей не смыли годы.
Еврейка с чёрными глазами,
С походкой лёгкой как у лани.

БабиевЗарбоил – родился в 1930 г. в селении Хошмензиль Дербентского района, Дагестанской Республики. Народный поэт, музыкант и сказитель по призванию, виноградарь – садовод по профессии. Окончил сельскохозяйственный техникум в городе Дербент. За время своей долгой трудовой деятельности и добросовестного труда был удостоен многими наградами, грамотами и поощрениями от республики Дагестан, Российской Федерации и ЦК Комсомола. В 1980 г. с семьей репатриировался в Израиль (г.Хадера). Прекрасно играет на «Сазе» – народном инструменте. Поэзией увлекается с юности. Пишет свои произведения на двух языках – родном горско-еврейском и азербайджанском. Зарбоил хранитель древней культуры и истории своего народа. В его домашнем архиве хранятся исторические документы, письма и старинные фото. Книга стихов, поэм и сказаний готовится к печати. Он член Союза писателей горских-евреев в Израиле.

Поэт добро не забудет

1.
Эз голути Кавказ, учмиш бире Буьлдуьруьм*.
Э мэйдуи Ватан, тек-гуре нис дануьсденуьм.
Э дервозей Сиони, эритуь дугlо хосдэнуьм.
Э и дем бош шолиехьме, шогьир фурмуш нисоху.

2.
Эз се сала эголути етим домундум э луле.
Чуьн гъуш Нуьвехь гьич не зерэм гьэнет ме.
Эз бехшгьой Худо, шогьир хелги бирем ме.
Шогьир эпмэге зай* сохде, фурмуш нисоху.

3.
Шогьируьм эри войгей-дуьл кеширем жофо.
Э дуьниёгь тек-оморэи, не вэгуьрдем софо.
Туь гьисди шолиехь деври э пишой Худо.
Уьзиёгь Ватан сох шогьире, фурмуш нисоху.

4.
Шогьир Хушмензилли э дес седефлуь сазме,
Ватан Бэбэгьойму вокурд лоле-зугьунме.
Э кон-дуьл войге дэ, хелгьэ дуьм едигор ме.
Шогьир жугьобдор омонэти фурмуш нисоху.

5.
Чуьн Шелмуь седойтуь* беёни, э Ватан хоси.
Хуше широгьо эй хунд, эз регьэмгьой софи

Эри тегӏрифи нум Гермон, э мегӏни хелгьи,
Эри тегӏрифи нум Гермон, э мегӏни хелгьи,
Шогьир жугьобдор гьэлеми, фурмуш нисоху.

6.

Шивдей Исроэли гӏэсуьл эз нум Егьэгьуь,
Гіуьзет суьрхи буьлуьид сохди эй нумтуь.
Худо товуши до, э гьер рафде рехьгьойтуь.
Шогьир жугьобдор Турои, фурмуш нисоху.

"Ёровурди шогьир"–

Посвящается Герою Соц.труда Гюльбоор

Ой, Гьезерет!
Э мемлекет е жуьфд бала овурдум,
Мундум угьул бала-бала гуре ме.
Э гӏэрс чумево, гіьмуьрэ сер расундум,
Мундум угьул бала-бала гуре ме.
Ой, Гьезерет!
Рафденитге, мугум, эглен мебош, жон бала,
Э сер дуьл дедей моров мелхьмсуз яра.
Не тебиб, жерэхь, Рамбом нийофу чоре,
Мундум угьул бала-бала гуре ме.
Ой, Гьезерет!
Хьэез сохденуьм вокурде дерди – гьэм дуьле.
Суьрмесуьз мест сохди гьэм у сие чуме.
Демуьр гъопу гьисдигеш деёгъ мескенме,
Мундум угъул бала-бала гуре ме.
Ой, Гьезерет!
Гуьлбогьорум, бегьерлуь гуьл бисдорум.
Богъ дешендуьм, мейвой юре нечуьруьм.
Э гьовхой гіорил е жуьфд бала вир сохдум,
Мундум угъул бала-бала гуре ме.
Ой, Гьезерет!
Шогьир мугу беди, нишон гьер гьэриби.
Эз у вини Рут-Нэгӏми, рузгоргьой гьэми.
Чарунденге руе Хьэно, э дервозей Циои.
Гьич не мунд у, бала-бала гуре ме

Тарлан гъэнет чаланде Ветэне

Эри 40-сали эз дедей хьэсуьл оморэи Герман Захарьяев.

1.

Герман гъуненде Ветэне.
Чихин пишвозе-пишвозе!

Безетин хунчелер гьэмише.
Чихин пишвозе-пишвозе!
2.
Чуьнки, бизе улди арха, дягь.
Ата-юрта ачди гапи язмаутаг.
Кавказ алемини этди уягь.
Чихин пишвозе-пишвозе!
3.
Гуьллуь-Азербеджан дияриндэн.
Давуд-кими Хиврон догъдэн.
Мусиги чалин, Цион чогьиндэн.
Чихин пишвозе-пишвозе!
4.
Сейль эдендэ етмиш яшинде,
Шагьир убае етишди бу седа.
Седефли сазим гелди хушавозе,
Чихин шагьирле, пишвозе-пишвозе!
5.
Рав Яангилдэн гьолди бу несиат,
Дербент шгьэриндэн ачди гьэнет.
"Илагьиди", Германе верэн девлет.
Лаигьди чихег пишвозе-пишвозе!
6.
Ягьуб кими вор хуш дидарли.
Юсиф кими вор ниети чагьли.
Аллагь этсин уну баши тажли.
Лайигь дэег пишвозе-пишвозе!
7.
Суьлейман кими жаван яшинде,
Гъэддэм гьуйдун Цион юлунде.
Деягьин улсун Муса тавратиде.
Дилег эдэг пишвозе-пишвозе!
8.
Гъурбети пой этмэз Тари бизе,
Юсиф тек лаигьди Сабир сизе.
Арха-дэёгь вермэ хоин регьибе.
Биз дурег шад пишвозе-пишвозе!
9.
Будур шогьир урбани дилеги,
Яратен этсин 24 Небие тайи.
Алам билир, севирсен бир Аллагьи.
100 яшинде дурег пишвозе-пишвозе!
10.
Шогьир Зарбоил тутенде гьэлем.

Гьич язмез давот уьсде ялан.
Нессилине дилэг, Яратеннен.

1.

Гіуьмуьр расиригеш э сер хуш негирошди,
Э рузгор огьили-пири эме деш кори сохди.
Несиатгьойтуь э дуьлмэ е гІэлэм бесди.
Чуь гуюм мигьрибоне, мэлуле, Дэдэйме,
Чуьн овгьой зуьмзуьми темизэ Дэдэйме!

2.

Гирошдэ гъэмкине рузгор фурмуш нис бирэ.
Гьэр сироттуьре дирэнуьм э ёрме офдорэ.
Э ватан Бэбэгьо ферзендгьо зу дэгиш бирэ.
Хьэе-хьуьрмэт не мунди, мэлуле Дэдэйме.
Чуьн овгьой зуьмзуьми темизэ Дэдэйме!

3.

Эзтуь бешбетэр эйфрзенд бирэм мигьрибон.
Генэ жофогьой Бэбэре жар нис зерэ беён.
Чуьнки бирэт лелэвуьрдгьо э хосе Ватан.
Чуь гуюм этуь бён бу гьэмэ, мэлуле Дэдэйме.
Чуьн овгьой зуьмзуьми тэмизе Дэдэйме!

4.

Гьлбэт жофой Дэдэй гурунди эздогъ в гьое.
Ховсуьзе шевгьо тировунди, э гъэд мугъоре.
Ширине ненуйгьой-хоши хунди э сер гуфере.
Эри беслэмиш сохдэи бала мэлуле Дэдэйме.
Чуьн овгьой зуьмзуьми тэмизе Дэдэйме!

5.

Эз эвед-нэдоге инсоне Худо, е бэхш эн ники.
Э муьрсево мирав гІуьмуьр те рузгор пири.
Шогьир Зарбоил э гІуьлом чуьн тхьно дори.
Эри вегирдэ софо э Ватан, мэлуле Дэдэйме.
Чуьн овгьой зуьмзуьми тэмизе Дэдэйме!

6.

Данендэгьой гІуьлом эзу бесди э торих.
Муьзд Дэдэе ферзенд не дорэнге э руй хори.
Эме бэён бисдо торих, э тэхьно етегь-хони.
Мибисдори Лугьмон хьэкими, мэлуле Дэдэйме.
Чуьн овгьой зуьмзуьми тэмизе Дэдэйме!

СОЛОМОН БЕН-ЭМАНУЭЛЬ (АГАБАБАЕВ) (31.03.1948) – член Союза писателей Израиля. Родился в поселке Красная Слобода Кубинского района Азербайджанской ССР.

Окончил музыкальное училище им. Асафа Зейналлы и Азерб. Институт Нефти и Химии.

Во время службы в Краснознамённой Каспийской Флотилии выступал в Ансамбле «Песни и Пляски»

Соломон Бен-Эмануэль работал в ансамбле музыкального коллектива "Дан Улдузу" ("Утренняя Звезда"), под руководством Гюлары Алиевой; в цыганском коллективе «Любимые ритмы» (рук. М.Шишков); в Художественном Фонде Азербайджана – фотографом, по фотосъёмке произведений искусств.

В 1990 г. репатриировался с семьей в Израиль.

Литература, является постоянным спутником Соломона Бен-Эмануэля, начиная со школьной скамьи. Его рассказы и повести публикуются в газете "Секрет" (ред. В.Плетинский, Израиль) и "Новый рубеж" (ред. Н.Евдаев, США).

Рассказ Соломона Бен-Эмануэль – "Замена в оркестре" - вошел в Антологию поэзии и прозы "Звезды горских евреев" – "Астараһоһ чуһуроһ доги" (2009-год под редакцией Э.Гуршумова и Ф.Юсуфовой).

14-го июня 2015-го года в городе Кирьят-Бялик (Израиль) состоялся музыкально-литературный фестиваль имени Хаима Нахмана Бялика, на котором Соломон Бен-Эмануэль завоевал первое место за поэтическую прозу "Ода Женщине" прочитанной со сцены самим автором. Представитель жюри и один

из организаторов фестиваля Ефим Хаят вручил писателю кубок и диплом лауреата музыкально- литературного фестиваля имени Хаима Нахмана Бялика.

НАШИ НЕВИДИМЫЕ ШРАМЫ, РУБЦЫ, РАНЫ...

«Я знаю, как болит душа».

Люба Ратман.

Раннее утро. Мы спим в одной комнате. Папа, мой средний брат Хизгиль и я, Шолом. Раздался длинный, тревожащий звонок в дверь. Мы проснулись практически сразу. Папа, будто ожидая чего-то подобного, быстро оделся и открыл дверь. На пороге стояла папина сестра. Холодным, лишённых всяких эмоций тоном сказала: – Она хочет вас видеть. По папиному лицу пробежала быстрая тень. – Быстро одевайтесь и поедем. – Сказал он и отвернулся. Я понял, что видеть нас хочет моя старшая и единственная сестра. Наша семья – это папа, мама, старший брат Зоволу, сестра Ляля (так мы её

называли), средний брат Хизгиль и я, Шолом, самый младший. Через несколько минут мы уже сидели в такси и в полном молчании ехали в больницу. Буквально три-четыре дня назад нашей общей любимице стало плохо, и её госпитализировали с диагнозом аппендицит. Все ночи мама проводила с ней в больнице, а этой ночью и тётя осталась с ними. Такси остановился у ворот лечебницы, и до нужного больничного корпуса надо было пройти некоторое расстояние. Мы шли молча, не разговаривая, вдруг тётя начала что-то горестно причитать. Меня это раздражало, но не настораживало. Папа правой рукой стал тереть глаза и качать головой, якобы говоря «нет, нет, нет». Я обратил внимание, что все мы не смотрим друг на друга. Мне показалось, что каждый из нас чувствует какую-то вину. Вошли в корпус, поднялись на второй этаж. Широкий и как будто пустой коридор, посередине которого стояла кровать. Рядом с кроватью сидит мама, в глазах надежда и ожидание чуда. Хизгиль вдруг побежал к маме. Папа, держась за сердце, спотыкаясь, прибавил шагу. Тётя монотонно причитала. Я, пока ни во что не врубающийся балбес, почувствовал ноющую боль в области груди. Сейчас я могу сказать, что это ощущение можно выразить словами: «*Я знаю, как болит душа*». Подойдя ближе, я понял, что мы потеряли нашу любимицу Лялечку. Она, совершенно бледная, такая родная, такая близкая, лежала не шевелясь. Глаза – полуоткрыты, лицо с выражением страдания и муки. Стоны и рыдания, исходящие из нас, превратили только что пустующий коридор в скопление любопытствующих людей. Нам было не до них. Срочно вызвали Зоволу. Он приехал со своей семьёй, но, к сожалению, на похороны не успел. Военное начальство его вовремя не отпустило. Невозможно было передать словами нашу безутешность. Мы все чувствовали, и каждый из нас мог сказать: «*Я знаю, как* болит *душа*».

В наших сердцах кипело негодование. Каждый из нас думал: «Разве можно было забирать у нас любимого человека? Молодая мать троих детей, не сделавшая за свою жизнь никому и ничего плохого. За что? Что за несправедливость? Кому нужна была эта жертва? Неужели лично я сделал что-то такое, что Всевышний наказал меня таким образом? Нет, нет – это просто глупый сон. О, Боже, разбуди меня! Разбуди! Разбуди меня!!!» Мы каждый день ходили в синагогу, читали «Кадиш», но ничего не менялось, её с нами не было, она не возвращалась. Чуда не было. Я слепо верил, что седьмой и тридцатый (почему-то называющийся сороковым) дни не зря существуют. Именно в эти дни произойдёт чудо, и мы снова обретём нашу Лялечку. Но чуда не было. Была боль, чувство утраты и ощущение беззащитности, безысходности и обиды. Существует образное выражение «не могу есть» – оно верно. Потребность в еде исчезла вообще, съесть что-нибудь казалось кощунством. Женщины плакали денно и нощно, тем самым разрывая наши сердца. Мужчины плакали редко, но душевная боль не оставляла ни на секунду. Переживая собственную боль, мы и не заметили перемен в здоровье нашего папы. А у него на седьмой день после нашего горя случился первый инфаркт. Именно в то время, когда мы были на кладбище. Свой удар папа перенёс на ногах, иногда держался за сердце, а на вопрос о самочувствии отвечал; "всё нормально". Ровно в тридцатый день нашего папу ударил второй, обширный инфаркт. О, Боже, разве можно так? Не отнимай его у нас. Пожалуйста! Папа лежал на кровати в той самой комнате, где мы спали в тот самый роковой день, когда Всевышний забрал нашу любимицу. Мама и папины сёстры всегда находились рядом, а мы, его дети, ночевали у родственников. Начались визиты врачей, а они разные, с разными характерами, разными намерениями. В то время был в Баку некий профессор кардиологии, Иса-заде, честно говоря, воспоминания о нём, самые что ни на есть неприятные. С большим трудом, через одного влиятельного человека, по большой протекции нашли к нему путь. Мне

поручили привезти его к папе. Профессор сам назначил время, и отметил, что каждая минута - это чья-то жизнь и опоздание к нему недопустимо. В половине пятого я уже стоял у его кооперативного дома в центре города. Постояв полчаса, я ровно в пять, как и было договорено, позвонил в профессорскую дверь. Открыла её миловидная женщина, я спросил, дома ли профессор. Она оглядела меня презрительно и процедила: – Жди внизу. Его ещё нет. Я не боялся пропустить его, так как мне его хорошо и точно описали. Минут через сорок-сорок пять во двор дома въехала белая «Волга, ГАЗ-24», очень редкая машина в семидесятом году. Профессор вышел, на мой "Добрый вечер" сделал рукой останавливающий жест. Открыл дверь своего гаража и загнал туда автомобиль. Подозвал меня пальцем и нервно произнёс: – А на чём ты собираешься меня везти? Где машина?

– Сейчас, сейчас, – торопливо ответил я, – одна минута, и такси будет здесь. – Я поднимаюсь домой, и если, спустившись, я не увижу такси – ты больше не увидишь меня. – И высоко подняв голову, вошёл в подъезд. Бросаюсь на улицу, никакую машину поймать не удаётся. Пять минут, десять – нет ничего, и всё тут. Каждые две-три минуты забегаю во двор, боясь пропустить профессора. Наконец, удалось поймать далеко не новый "Москвич". Умоляю водителя, молодого парня азербайджанца, подождать и обещаю заплатить столько, сколько он запросит. Сказать к его чести, много денег он не запросил. Ждали не менее получаса. Парнишка-водитель посматривал на часы, но зная, что надо отвезти врача к тяжело больному, ждал. Выходит врач: – На этой машине собираешься везти меня? Пришлось просить его и объяснять, что в час пик найти машину трудно. Он показал рукой на заднюю дверь, я открыл её, и он уселся на заднее сидение. Мы поехали. Вся поездка занимала минут десять- пятнадцать. По дороге профессор спросил: – А ты знаешь, сколько стоит мой визит? Он назвал сумму такую, что у меня отнялся язык, но здоровье папы не измерялось какими-то бумажками. Мы хотели продлить папе жизнь. Доехали, доктор обратился к водителю:

– Ты будешь ждать! – Сказал профессор и вышел из машины. Шофер вопросительно посмотрел на меня. Я, конечно, отпустил его, но предварительно расплатился. Поднялись домой, не успели войти, как профессор бравым голосом начал «лечение»: - Ну, где наш больной? А, это ты? Какой же ты больной? Ты прекрасно выглядишь, вот я сейчас выпишу тебе лекарства, и через неделю будешь бегать. Чтобы не гневить профессора, быстро спускаюсь вниз, ловлю такси. К счастью, поймал машину, практически сразу. Через пять минут маститый врач спустился. Когда я вручил ему деньги, взгляд его потеплел. Водитель, получив свою долю, резво увёз врача. Выписанные профессором лекарства, у нас уже были, их назначал ещё врач из местной поликлиники. Они мало помогали, но в случае с профессором мы надеялись на психологический момент. Всё-таки маститый врач с высоким званием, думали, что это как-то повлияет на самочувствие папы. Случайно узнали, что есть один доктор, по фамилии Кнабенгоф. Он без каких-либо званий, работает в одной из загородных больниц и имеет большой врачебный опыт. Мы разузнали его адрес, и мой брат Хизгиль поехал за ним. Дверь открыл ему сам доктор. Пожилой человек с суровым неулыбчивым лицом. Брат объяснил ситуацию, тот внимательно выслушал: – Хоть мы с вами не договаривались заранее, но медлить нельзя. Дайте мне пару минут, и мы поедем. Брат хотел уже бежать ловить такси.

– А вы куда? – Поинтересовался доктор. – Какое такси? От меня до метро пять минут ходу, и от вашей станции метро, как я понял, идти

пару минут. Так что ждите меня здесь. По дороге доктор задал кучу вопросов о состоянии папы. Приехали домой, доктор Кнабенгоф помыл руки и вошёл в комнату к папе. Взял папу за руку:

–Рассказывайте. – Тихо попросил он. Папа стал говорить, он говорил так, как будто разговаривает с самым лучшим своим другом. Папа говорил о том, что чувствует. Нет не о болезни, а о своих переживаниях. Он, скорее даже не рассказывал, а жаловался. И жаловался так, как жалуются Б-гу. Доктор ни разу не перебил его. Лицо врача выражало сострадание и желание помочь. – Дорогой мой, – начал он, – я вам помогу, но и вы должны помочь мне и себе. Я могу запретить вам смотреть телевизор, читать газеты, много разговаривать, но я не могу запретить вам думать. Ваше горе безмерно, но все любящие и любимые люди нуждаются в вас. Сейчас вы нужны им как никогда. Помогите всем нам. Я сделаю всё для вашего выздоровления.

Так, или примерно так, доктор Кнабенгоф разговаривал с папой. К концу визита папино лицо просветлело, он с благодарностью и кухне: –надеждой смотрел на доктора. Перед уходом доктор тихо сказал на кухне: – Я не люблю юлить и скажу прямо: к моему величайшему сожалению, этому человеку, так сильно любящему своих родных, осталось жить не более двух недель. Брать деньги за визит категорически отказывался, но мы настояли. Нам казалось, что это как-то поможет выздоровлению. Каждое утро, когда я приходил домой, папа просил меня купить ему газет, я спускался в киоск и покупал их. Это, повторяю, случалось каждое утро. Однажды, выйдя из метро, я вспомнил, что надо купит папе газет.

Ансамбль «Дан улдузу» из Баку, 1971 год. За фортепиано, пятая справа, руководитель оркестра Гюляра Алиева. Справа первый Соломон Бен Эмануэль–автор рассказа.

Поднимаюсь с кучей газет домой; дойдя до второго этажа, я услышал громкий женский плач. Я всё понял. Прошли точь в точь две недели со дня визита, я считаю, одного из лучших врачей. Папа пережил свою дочь ровно на два месяца. Пустота в сердце поселилась надолго. Такая боль не отпускает никогда. «*Я знаю, как болит душа*». Как она ноет. Как она щемит. Как она плачет. Беззвучно. Беззащитно. Безысходно. Для неё нет времени. Она помнит всё и всегда. И каждый раз, даже если прошли десятилетия, переживает так, как переживала в самые первые шоковые минуты. Эти потери не могли не сказаться на мамином здоровье. Давление её стало зашкаливать. Мысли о

безвременно ушедших близких людях покоя не давали. Мы, три брата, молили Всевышнего дать нам передышку. Наша мольба была услышана. Прошло несколько лет. К этому времени мой брат Хизгиль и я обзавелись своими семьями. Мама с Хизгилем и его семьёй жила в одном районе нашего города, а я с женой и детьми - в другом. Зоволу к тому времени, тоже переехал в Баку. Жили мы обычной жизнью. Встречались по праздникам, в дни рождения. Вроде бы жизнь вошла в своё русло, но.., но только внешне. В те минуты, когда мы вспоминали наши близкие, оставившие нас волею каких-то небесных сил, нам становилось невмоготу. Однажды позвонил Хизгиль и сказал, что маме плохо, и мне надо приехать. Я приехал; мама лежала в кровати. Лицо её выражало и боль, и страдание, но не за себя, а за нас. Болезнь долго примеривалась к ней и нашла момент, когда вцепилась мёртвой хваткой. Я хорошо помню, что когда у мамы поднималось давление, она боялась только одного - чтобы инсульт не обезобразил её. Становилось больно от подобных опасений. Теперь и мы боялись и не хотели этого. Мы искали хороших врачей и находили их, но медицина тех лет не в состоянии была не только излечить болезнь, но и хотя бы облегчить страдания мамы. У меня был товарищ, Низами, окончивший мединститут, и инсульт входил в его специализацию. Мама его хорошо знала, и когда я его привёл, смотрела не него, как на Бога. Конечно же, и он ничего сделать не мог, но, по крайней мере, несколько дней маме было лучше. Каждый из нас старался сделать всё для облегчения маминых страданий. Вся нагрузка была на Хизгиле, он всегда был рядом с ней, и первую помощь оказывал именно он. Зоволу и я очень ему за это благодарны. Незадолго до этого мы решили уехать на постоянное жительство в Израиль. Документы на выезд были готовы. У нас оставалась надежда, что израильская медицина вылечит нашу маму. Настал день, когда надо было приобрести билеты в Тель-Авив, в московском израильском консульстве. В Москве я остановился у нашей двоюродной сестры. Утром, когда я собирался ехать в консульство, раздался телефонный звонок. Звонил Зоволу:

– Родной мой, – обратился он ко мне, – крепись, мамы больше нет.

«Я знаю, как болит душа».

*«**Я** знаю, как болит душа». «**Я знаю, как болит душа».***

История в фотографиях

Фрагмент дома Асафа Огоббо, построенного в начале 20-го века.. Фото - август 2013 год.

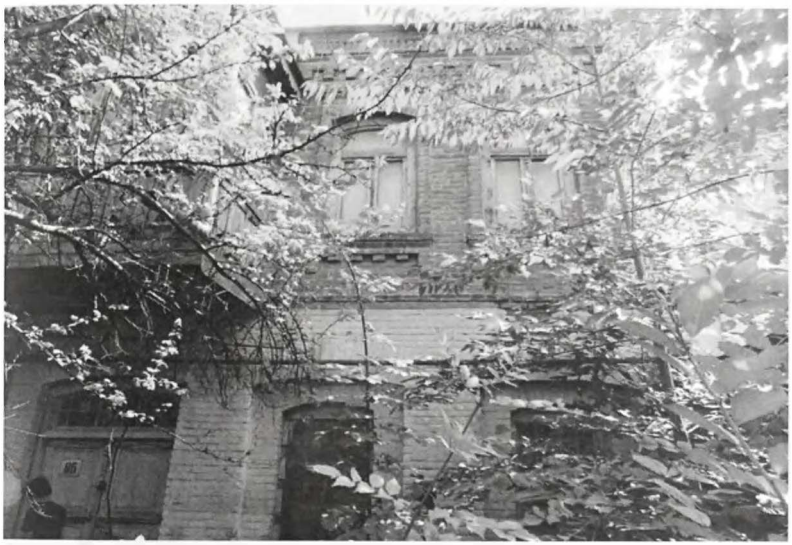

В семьях братьев бытует рассказ о том, как один из них, будучи в Средней Азии у одного местного Хана, удачно совершил торг. При уходе обратил внимание на ковёр в прихожей. Как знаток он понял, что это ценный ковёр и попросил хозяина продать его. В

ответ хан со смехом сказал: «забери эту грязь даром, мы вытираем об него ноги». Ковёр был доставлен домой, выстиран в Кудиал-чае и предстал в своём настоящем виде – красивом и очень дорогом.

Интересен эпизод подтверждающий успешность торговлю братьев за границей. В 1980 г. один из коллег стоматологов по работе правнука Ихиила Огоббо Эрика

Дом Нуваха и Ихиила Агабабаевых в наши дни. 08.07.13 г.

Агабабаева рассказал случай. Он, этот коллега, будучи в Стамбуле видел дом, на котором была выложена надпись «Agababaev Ihiil».

Видел он этот дом проезжая мимо на такси и не догадался спросить адрес у таксиста. Жаль! Братья имели счета в заграничных банках, но, к сожалению, банковские документы затеряны после смерти Ихиила Огоббо. Братья жили в собственных домах, построенных в конце 19-го начале 20-го веков. Точной даты постройки дома Нуваха Огоббо, а также Ихиила Огоббо не установлено. Во время ремонта дома одного из этих домов были найдены строительные материалы из листового железа, на которых было клеймо: «Уральский металлургический завод. 1862 год».

Слева от входа жила семья Нуваха, справа семья Ихиила.

Дом находится в центре Красной Слободы, в окружении домов, в которых жили близкие и далёкие родственники. Дом имеет большой двор водопроводом. Недалеко, на следующем углу было помещение клуба. Там же демонстрировались кинофильмы и ставили пьесы, в том числе на языке джуури. Одним из авторов некоторых пьес являлся брат зятя Ихиила Огоббо – Исак Хануков. Прямо, против этого дома Асафом Огоббо был постороен трёхэтажный дом. При советской власти дом был конфискован.

Братья были не только знатоками ковров и успешными купцами, но и хорошими воспитателями своих потомков. Своим примеров они преподносили детям уроки духовности, соблюдения еврейских ценностей и традиций. Уроки не прошли даром. Среди рода много замечательных людей. Некоторые из них вошли в книги, светлой

памяти. Ханашила Абрамова «Энциклопедия горских евреев», а также «Горские евреи Кубы». О них печатали в периодических изданиях. Они включены в антологию «Звёзды горских евреев» (главный редактор Эльдар Гуршумов, редактор и корректор Фрида Юсуфова – Израиль). Характерно, что некоторые профессии стали преемственными. Агабаба сын Нуваха в молодом возрасте увлёкся фотографированием. Открыв в начале XX века в городской части Кубы фотоателье, затем переехал в Баку, где преуспел в своём деле. В Баку он открыл фотостудию на известной Торговой улице, недалеко от улицы Карганова на которой проживало много горских евреев. Власти стали преследовать его, как единоличника-кулака. Его спас от карательных органов Мир-Джафар Багиров, будущий секретарь ЦККП Азербайджана. В то время Багиров работал начальником районного отдела партии в Кубе. Агабаба вынужден был искать себе убежище. Он нашёл его в собственном доме Мир-Джафара, который не только укрыл его, но и помог затем уехать в Москву и устроиться работать на заводе в Краснопресненском районе. Необходимо отметить, что Багиров хорошо относился к горским евреям, знал семью Агабабаевых.

Друзья после завершения строительства трёхэтажного Дома в Еврейской Слободе, г.Куба, 1908 г.

Прожив несколько лет в Москве, Агабаба с семьёй возвратился в отчий дом на Красную Слободу. Здесь он продолжил своё дело. десятилетий Тэлхум в Кубе, работал, фотографировал не только горожан, но и жителей близлежащих населённых пунктов. Агабаба начал фотодело передал его сыну Талхуму , а тот в свою очередь своему сыну Мише. Таким образом, чуть менее века люди пользовались услугами потомков Нуваха Агабабаева.

Среди потомков Асафа Огоббо имеются медики узких различных специальностей, были хорошими специалистами и все имели высшее образование. Сын Асафа Год был кардиологом, работал кардиологом в бригаде скорой медицинской помощи. Благодаря знаниям и быстротой действий Год спас жизнь многих пациентов (мы знаем, что при болезнях сердца помощь надо оказывать в очень короткое время). У Года было сильно развито чувство сострадания. По его стезе пошли сыновья. Валерий работал кардиологом в Баку, затем эмигрировал в США. Илья терапевт, живёт с семьёй и работает в Грузии. Старший брат Года – Ярухам дал своим детям высшее образование, в первую очередь, медицинское. Старший сын Ифраим долгое время являлся главным врачом на Красной Слободе. Сограждане знали о его безотказности в помощи больным и поэтому ночные вызовы к пациентам были обычным явлением. Больные тянулись « к нашему доктору», высоко ценили на только его профессионализм, но и доброту и сопереживание. Брат Ифраима – Манашир получив высшее образование, много лет работал заведующим аптекой на Красной Слободе, а переехав в Баку, заведующим аптекой в 7-м микрорайоне. Клиенты обращались к нему с уважением. Получали от него полную информацию о лекарствах и болезнях. Стоматологами стали Славик, внук Агабаба и Эрик, внук Имониила. Славик несколько лет работал в Кубе. Эрик работал в Баку и преподавал в Медицинском институте. Оба эмигрировали в США. Через несколько лет Эрик был признан лучшим стоматологом штата Коннектикут за 2005-2006 годы и занесён в книгу почета библиотеки Белого Дома в Вашингтоне.

Один из сыновей Ярухама Асаф был умелым строителем зданий. В знак уважения все родственники называли его Бэбэ Асаф, за готовность помочь любому жаждущему. В роду также были и профессиональные экономисты. Среди них выделялись главные бухгалтеры дети Агабаба Шимту и Зарахийо. Одной из типичных «еврейских» профессий считается портняжное дело. Мастерами этого дела в нашем роду являлись Имониил (Эмануил) сын Ихиила Огоббо. Головные уборы его изготовления имели широкий спрос не только в городе, но и в провинциях. «Непревзойдённый мастер своего дела» - так охарактеризовал Имонила Агабабаева Хананиил Абрамов в своей книге «Горские евреи Кубы».Потомки рода принимали участие в развитии разных областей искусства. Внося вклад в повышение уровня культуры своего, ранее униженного и отсталого, народа. В области драматургии они одними из первых создали драмкружок на Красной Слободе, в которой принимали активное участие. Из-за отсутствия сцены и зала театральные постановки проводились на третьем этаже частного дома Асафа Огоббо Впоследствии, одну из синагог переоборудовали под зрительный зал, который называли клубом. Он находился на углу дороги ведущей в город Кусары и улицей Ленина, напротив дома Асафа Огоббо. По пьесе Исака Ханукова шла пьеса «Алахдот ве хасидо». Спектакли шли не только по пьесам горских евреев. Ставились пьесы или их отрывки из них азербайджанских драматургов. В 1946 году клуб преобразовали в Дом Культуры.

На фото: Миша Шамаилов муж Розы дочери Ихиила Огоббо. Рафоил Шамаилов брат Миши Шамаилова. Турундж Хануков дочь Ихиила Огоббо. Шоми Хануков её муж. Исак Хануков - журналист, драматург.

Слева направо, сидят. 1-ый ряд: Рафаил Рафиев, Гамуил Гилилов, Биняху Агарунов, Рафаил Гоголчи, Мушку Гайши, Али Турторги, Шоми Хануков Сидят, 2-ой ряд: Мозол, Зоволу Рабинович, Рафаэль Агарунов, Натан Шаулов, Исак Хануков, Турундж Ханукова, Зоов Яшая. Стоят: Песах Аширов, Хагай, Натансон Авшалумов, Миша Шамаилов, Яшая Яшаев, (не установлено), Рафаил Шамаилов, Хагай Абрамов.

Внук Ихиила Огоббо – Соломон Бен-Эмануэль (Агабабаев), член Союза Писателей Израиля, музыкант проработавший во многих музыкальных коллективах, в том числе, известном Бакинском коллективе «Дан Улдузу» (Утренняя Звезда). Работал фотографом по съёмке художественных произведений в Худ. Фонде Азербайджана. Репатриировался в Израиль. Печатается в израильской газете «Секрет», в американской «Новый рубеж» и интернет сайтах. Вошёл в Антологию «Звёзды горских евреев» (Астарой джуурой доги). Автор книг «Бакинцы и другие», «Ну и ну…», аудио книги «Жизнь – она разная». Сын врача и публициста Валерия Агабабаева (печатается в газете «Новый рубеж») – Руслан Агабабаев был солистом в одном из оркестров Баку. Эмигрировал в Нью-Йорк, стал популярным композитором, джазовым пианистом, частый гость на телевидении (канал РТН).

Был приглашён и присутствовал на вечере приёма Ильхама Алиева в президенты.

В области кинематографии известен внук Ихиила Огоббо – Яков (Яша) Хануков. Он окончил высшие режиссёрские курсы в Москве. Работал на «Мосфильме» с режиссёром Пырьевым. Их совместная работа «Братья Карамазовы. По своей режиссуре снял ряд документальных фильмов, а также художественный фильм «Вальс». Эмигрировал в США, где занялся бизнесом.

Война 1941 – 1945 годов была долгой и кровопролитной. Несколько сотен горских евреев не вернулись с фронта. Не было семьи без потерь. Не избежали этой беды и Агабабаевы. В таких случаях присылались «похоронки», так их называли в народе, а официально – «Информация о потере (потерях). В них сообщалось о причине выбытия из списков части – «убит» или «пропал без вести». Семья Ихиила Агабабаева дважды получила такую «информацию». В бою «пропал без вести» отец четырёх детей от трёх до тринадцати лет Уриил. Другая «информация», причина - убит – двадцатилетний Изиль-Изил, не женившийся по молодости. В те страшные годы Агабабаевы помогали не только фронту, но и тылу. Некоторые эвакуированные евреи Украины нашли приют на Красной Слободе.

Һикмәт Бунјатов Сабир

оғлу 29 ијул 1960-чы илдә Бакы шәһәриндә анадан олмушдур.

1977 – чи илдә Бакы 190 № ли шәһәр орта мәктәбини битириб. 1978-чи илдән 1995-чи илә гәдәр Бакы шәһәринин стаматоложи мәркәзиндә диш техники вәзифәсиндә ишләмишдир.

О, 1987-чи илдә Бакы шәһәр политехник техникомуну битириб. Бүтүн өмрү боју бир чох мусиги ансанбылларында нағара аләтиндә маһир бир ифачы кими өзүнү танытдырмышдыр. Онда Азәрбајчан поезијасына һәвәс һәлә орта мәктәбдә охудуғу илләрдә јаранмыш вә сонрадан өзүдә шеир јазмаға сәј көстәрмишдир.

О, 1995-чи илдән Исраилин Батајам шәһәриндә јашајыр. Үч евлады вар. Һикмәт Бунјатов Исраил јазычылар бирлијинин үзвүдүр. 2 китабын мүәллифидир.

Һикмет

***

Көзүм телефонда галанда,
Үрәјим губар тутанда,
Көзүмдән јаш аханда,
Наләм көјә чыханда,
Кечәм сәһәр оланда,
Беләјәм сәнсиз оланда.

***

Бу дәрддән билмәдим һараја гачым,
Бәлкә дә оланы анана ачым.
Кәдәрим ичимдә алышыб јаныр
Нә о гыз ешидир, нә мәни ганыр.

***

Ат бу тәрслији кәл биз барышаг,
Бир јердә јашајыб күләк, данышаг.

Һичрана дөзүмүм галмајыб даһа,
Үмидлә бахырам һәлә сабаһа...

Сәнсиз јашамағын нә мә'насы вар
Гәсдин өлдүрмәксә тез өлдүр гутар.

***

Кечә дә, күндүз дә һәсрәт ичиндә,
Һәр ахшам јухуда көрүрәм сәни.
Гој күсүлү күнләр архада галсын
Унудаг һәр шеји олуб кечәни.

Севимли илләрә хошбәхт һәјата,
Әввәлки күнләрә сән гајтар мәни.
Нә едим, севкимә инанасан сән,
Гаршында узаныб өлүммү јә'ни.
***

Ким бизи беләчә гарғыды јаман,
Галдым үч өвладын үзүнә һәсрәт.
Бу тале үзүмә олду јаман сәрт
Ким бизим севкијә охуду лә'нәт?
***

Олду севкимизин бу өмрү көдәк,
Валлаһ кам алмадым сәндән дојунча.
Кетдијин о јола зилләниб көзүм
Һәр күн мән бахырам о јол бојунча

Дејирәм, дејирәм гајыдыб кәләр
Јенидән сә'адәт бәхш едәр мәнә/
Шад олуб, севиниб едәрәм нәләр!
Мән гурбан кедәрәм о кәлән күнә.
***

Нә лазым бу тәрслик, һәм дә бу инад
Олаг өвладлара биз гоша ганад.
Јашајыб бизимлә олсунлар хошбәхт
Күлсүн үзләринә һәр ан сә'адәт.
***

Нә мәнә јалан де өзүнү алдат,
Нә ел ичиндә сән мәни алчат.
Јерсиз сөз-сөһбәтләр валлаһ әбәсдир.
Мәни инчитмәјә бу бир һәвәсдир?

О илләр биз идик һамыдан хошбәхт.
Кәл, бу барышыға ејләјәк биз чәһд.
***

Өмрүмү, күнүмү верәрәм сәнә,
Кизләтмә һеч нәји ач сөјлә мәнә.
Ал, бу чанымы гурбанын олсун,
Сәнә арха дајаг һәјанын олсун.

***

Де, бәсдир еjләдин сән мәнә зүлүм.
Jандырма бу гәдәр галачаг күлүм.
Истәрсән әл чәким истә мән өлүм.
Aj мәним һәjатым, aj мәним күлүм.

***

Бир вахт, доғма идиk, инди тамам jад.
Нечә гәрибәдир валлаһ бу һәjат.
Галмышам бир өпүш алмаға һәсрәт.
Онунла бирликдә олмаға һәсрәт.
Етдиjим сәһвләрә инди jанырам.
Кечә дә, күндүз дә ону анырам.
***
Олмушам илк күндән мән сәнә һejран,
Истәсән чанымы верәрәм гурбан.
Jохса инанмырсан, гәсд едим чана
Де, сонра галмазсан сән jана-jана?
***
Нә дедим сән мәни тез атыб кетдин,
Бәлкә дә бунунла арзуна jетдин?
Бил һәр вахт гапылар ачыг үзүнә,
Гаjытсан гул оллам өзүм өзүнә.
***
Ағламаг истиjирәм
Гаранлыг отағда,
Гапы далында.

Ағламаг истиjирәм
Кәләчәjимизин jолунда,
Хошбәхтлик арзусунда
Ағламаг истиjирәм
Сынмаг горхусунда,
Севдиjимин jолунда.

Ағламаjачам хошбәхт олмаjаначан,
Ағламаjачам биркә олмаjаначан.

Сүзүлмәjәчәк көзүмдән jаш,
Бунларын һамысы олмаjаначан.
***
Дәjишди һәjатым, сәни таныjан күндән,
Чәкирәм бәласын, сәнә ашиг олан күндән.

Дәлијәм дәрдиндән, сәни севән күндән.
Касыбын еви јыхылсын, ашиг олан күндән.
***
Танрыдан сәни һәдијјә алдым,
Гара күнләримин әвәзин алдым.
Һәјатын ләззәтин сәндән алдым
Дејәсән, һәмишәлик сәндә галдым.
***
Әзәлдән кәрәк севәјдим сәни,
Һәјаны атыб өпәјдим сәни.
Голларым галхыб тутмады сәни,
Вердим өзкәсинә әлимлә сәни.
***
Билирәм, сабаһ кәләчәксән,
Назымы назла чәкәчәксән.
Бах, белә кечәм узаныр
Ағлым өз өзүнә һалланыр.

Өз аләми дүнјам вар мәним,
Өјаныр дујғуларым кечәләр мәним.
Јанымда јох, баша дүшәним мәним,
Силәјди көз јашым һәр кечә мәним.
***
Фырлансајды дүнја тәрсинә әкәр,
Бачарсајдым севмәји тәзәдән әкәр,
Өпүшә билсәјдим сәнинлә әкәр,
Олардын гыз пајым, чаван олсајдым әкәр.

Үз-үзә, көз-көзә севинирәм сәннән,
Унудурам дәрд-гәми анчаг сәннән,
Һәјатын мә`насын дујурам сәннән,
Хошбәхт олачам, дејәсән, сәннән.
***
Нә гәдәр көрпә идим,
Дејәсән, ширин идим.
Нејним ки, бөјүмәкдә идим,
Анама исә дәрд идим.
Нејним ки, чаван идим,
Ешг бәласына дүчар идим.
"""
Сөз демәјә бичарә идим,
Атамдан ајры идим.
Һәјатдан кәнар идим,
Инсанлыгдан мәһрум идим.

Өзүмә инанмагда идим
Сәни таныдығыма шад идим.
***
Севәним јох, назымы алсын.
Нәнәм јох, гадамы алсын.
Анам јох, үрәјими алсын.
Атам јох, архамда дајансын.
***
Дүшәчәјәмми јадына мән олмајанда,
Көјнәдәчәкми сәни мән олмајанда,
Севәчәксәнми бир дә мән олмајанда,
Дүнја нәчә олачаг мән олмајанда?
***
Нејним ки, олмушам сәнә һејран,
Валлаһ, олардым сәнә гурбан.
Әкәр күлсәјди үзүмә дөврән,
Сәнсиз бәдбәхтәм, инан!
***
Хасиҗҗәтин мәрд кими,
Отурушун кәлин кими,
Јеришин ханым кими,
Сев мәни — мәним кими.

Көзүм дүшдү сәнә тојда,
Ичимдәки дәрд өзүм бојда.
Сев мәни — мәним бојда
Севирәм сәни дүнја бојда.
***
Вурулдум сәнә бир кечә,
Чәкирәм һәсрәтини һәр кечә.
Говушсајдым сәнә бир кечә,
Узанарды кечәләрим һәр кечә.

Көзләрим гаралды гаранлыгдан,
Күнләрим саралды һәјатымдан,
Кечәләр ишыгланмыр тәнһалыгдан,
Дәрдди, гәмди һәјат талејим.
***
Өмрүм лап гысалса да,
Кәләчәјим бәрбат олса да,
Талејим гурбан олса да,
Һәјатымын сону олсада,
Үрәјим лазымын олса да,

Кәл, апар күлүм,
Сон мәнзилим гәбир олса да.

Өз аләми дүнјам вар мәним,
Өјаныр дујғуларым кечәләр мәним.
Јанымда јох, баша дүшәним мәним,
Силәјди көз јашым һәр кечә мәним.

Үз-үзә, көз-көзә севинирәм сәннән,
Унудурам дәрд-гәми анчаг сәннән,
Һәјатын мә`насын дујурам сәннән,
Хошбәхт олачам, дејәсән, сәннән.
***
Нә гәдәр көрпә идим,
Дејәсән, ширин идим.
Нејним ки, бөјүмәкдә идим,
Анама исә дәрд идим.

Нејним ки, чаван идим,
Ешг бәласына дүчар идим.
Сөз демәјә бичарә идим,
Атамдан ајры идим.

Һәјатдан кәнар идим,
Инсанлыгдан мәһрум идим.
Өзүмә инанмагда идим
Сәни таныдығыма шад идим.
***
Кәл көрүшдүјүмүз јерә,
Улдуздар енсин јерә,
Ешгимиз чошсун јенә,
Голларымда исин јенә.

БИНЈӘМИНОВ ШӘЛМҮ (БӘБӘЈХУНӘ)

(1939 – 2000)

Шәлмү Бинјаминов 28 феврал, 1940-мүн сал, ә дијор Азербајчан, ә Гирмизи Гәсәбәј ән рајон Гүбә чумһој хүшдәрә ә үшүгмәндә лүнјоһ вокунди. Нәнәм-нәнуј бәхтәвәрә Дәдәјә ә куфәрәј мозолмәнди шинирә-шинирә ә буј-бјхун расири. Ә 1957-мүн сал школәрә варасди. Ә вәхт хундәји нүвүсдә широһоју ә школә ә дивор гәзити амбар вәдиромори вә һәмикә ә хор солис--тә хуно ә ширинә сәсәвоз рачә мәһнһорә хунди. Ә мәчлисһо, ә шориһо-никиһо ә амбара хоһишһој гиноғһорәвоз нүвүсдә гәзәлһој хүшләрә ә әшгәвоз хунди.

Шоһир Шәлмү (Бәбәјхунә) ә 1974-мүн сал, ә 24-үм октјабр ә Израјил, ә шәһәр Афулә ә кифләтәвоз оморәт. Һә кәнәш шоһир широһо нә гәзәлһој хүшдәрә нүвүсдә-нүвүсдә ә гәриш ән хәлг ә кәлә ћүрмәт лојигмәнд бири. Мәћәни хундәкорһо ә ћәрисиһо к хундә гәзәлһој шоһир Шәлмүрәвоз нум гозонмиш сохдәт. Бүзүркә шоһир ә 2000 сал, ә 5-үм август дүнјоһ хүшдәрә дәкиш сохди. У, һәмишә ә јор хәлг чүћүрһој-доги зиһисдәнини Худо рәһмәт сохо! Рүћү һәмишә шор кәрдо!

ДӘДӘЈ

Һәмишә мидорум мә ћүрмәт түрә,
Имурә ә һ,илом овурдәј , дәдәј.
Әз чуммә рихдиһо нүкә ћәрсһорә
Ә тов гутинәјтү покундәј, дәдәј.

Дирәјкә биморум, аташ вә әмә,
Ә бинәј болнәјмә шәв сәбәћ сохдәј.
Әзи дәс – ову дәс вәкүрдәј мәрә,
Һич нә куфдирәј ки вомундәј, дәдәј.

Бәбәсүз мундәки иму, чон дәдәј,
Әриму һәм бәбә, һәм дәдәј бирәј.
Әјормә мундики, бәхшәј чи түрәш
Әри чәнд јәтимһо докундәј, дәдәј.

Чүтар фурмуш сохум никиһојтүрә,
Вәкүрдә курунә шәләһојтүрә,
Әз тән фуроморә булшәј чит түрә
Духдәј ә тән иму вокундәј, дәдәј.

Шәлмүнүм вәкүрди мәрә фикирһо,
Чүтар никиһорә расунум, дәдәј.
Әз дәдәј бирәмһо Вәтәнә хуно,
Ә дүлмә тәвәссәр домундәј, дәдәј.

ӘРЧҮ ФУРМУНДИ МӘРӘ

Һәрбој әз кучәјму кирошдәнки түү,
Ә әшг офдорә дүлмә әз рачи рујтү.
Куфдурум гурбунум әри чумһојтү,
Хәндәјә ловһорә чумунди, духдәр.

Јә салиш нә кирошд һәлә әзу руз,
Хов нәјомә мәрә әз әшгтү шәв-руз.
Шинирәм одохлу бирәј инбуруз,
Бәгдә мәрә әрчү фурмунди, духдәр.

У руз ки, мә әзтү нәзник оморум,
Мукум ә хушбәхтә рузһо офдорум;
Ә әшгтү офдорәм, - әзтү куфдурум
Нәбу јәкикәрә зуһун ди, духдәр.

Нидир сохдәбүрүм – хушбәхт боши түү,
Шәлмүнүм, тәвәссәр ә дүлмә әшг түү,
Имуһој ә кәсһо гисмәтикәш түү,
Ә дүлмә, ә дүлмә домунди, духдәр.

Әз зуһуни јә косибә мәрд

Әз дәсмә бәрдүт түрә,
Ә кәсһо шәндүт түрә,
И ҕилом дуз нибу һич,
Мүјүлүт гәрхунд түрә.

И ҕилом пәнч рузини,
Ку виним ки разини?
Урә нидов јә Шәлмү,
Миданүһо Гозини...
Вурухундәт духдәрә,
Нәјишдүт дәр-пәнчәрә,
Әки кујум и дәрдә,
Зәрәт ә мә хәнчәрә.

ХУДО јәкирә дәвләт,
Јәкирә дори сәрвәт,
Имоһој ишму кујит,
Әмә чү бири гисмәт

Иһилом пәнч рузини,
Ку виним ки разини?
Урә нидов јә Шәлмү,
Мидануһо Гозини...

Мәһәни

Хәјли вәхти әз мә хиник бирәј әрчү?
И дүлтүрә ә јәкикә дорәј әрчү?
Хосдәкорһо һәчи бирә, бирә әрчү?
Сухдә-сухдә норәј, норәј, норәј мәрә.

Әјортүни у руз әмә нүвүсди Тү,
Бәгдә кәнә похли-похли кирисди Тү,
Имуһој ку ә һәрәјму ки һисди Тү,
Сухдә-сухдә норәј, норәј, норәј мәрә.

Данусдәнүм ә күзәлһо бовори нисд,
Бәгдә и дүл, и дүл кәнә әрчү кирисд,
Мә ә говрәш динч нибошум тәјтә Тү һисд,
Сухдә-сухдә норәј, норәј, норәј мәрә.

Јә күш мәрә, јә дор мәрә,
Јә вәнчи-вәнчи сох мәрә,
Әнчәг бијо һәзоб мәди.
Тү Шәлмүрә, Тү Шәлмүрә.

Нә офдум Түрә

Оморум ә Гүбә кирошд чәнд салһо,
Офдум ә хунәј килови бун хокишмурә.
Әз хүрдә пәнчәрә килитә дәрһр,
Һә хәбәр вәкүрдүм нә офдум Түрә.

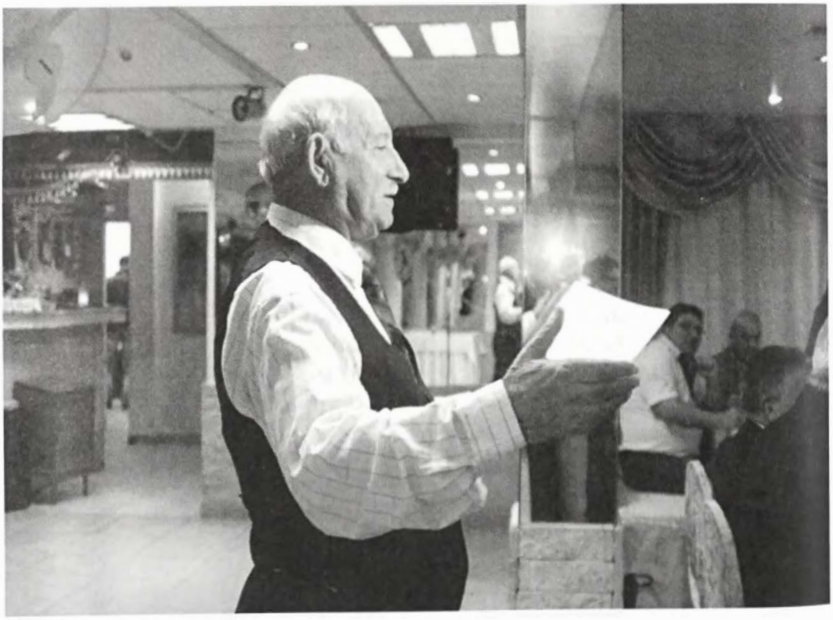
Әз палаша овһо - чәшмәј билогһо,
Воисдәнбу вүнүм чиһрәј рујтүрә.

Әз гәриш духдәрһо, рачә ҕәрүсһо,
Чү мәгбул бисдорум нә офдум Түрә.

Әз никәрәј Гудјол, әз вәрфһој Шоһдог,
Әз дусдһо, ҕовурһош пүрсүрүм Түрә.
Әз вишәһој Гәшрош тә Гәрәбилог,
Һә кәшдүм, һә кәшдүм нә офдум Түрә.

Ә гәд кәлә зәнһо – дәдәјлүјә зәнһо,
Ә дүлмә ҕәрс рихдүм, дирәнкә Түрә.
Кәјнә сипи бисдо шәлгәмә мујһо,
Чү пәшму бисдорум мә офдум Түрә.

У ҕәсрәтә чумһо әз ҕәрәј зәнһо,
Дәниши ә рујмә нә шиноxд мәрә,
Шәлмү, түш пир бирәј, муј сипи сохдәј,
Уш һә кәшди, һә воj зәри нә офди Түрә.

ШОҢИР АНТОН АГАРОНОВ Ә МӘЧЛИС ӘДӘЈ ШИРОҢОЈ ХҮШДӘРӘ ХҮНДӘНИ

БЕНЈАМИНОВ ХАЈАМ КУК ИСРОИЛ (12.01.1957) Ә Чәһм нүвүсдәкорһој чуһурһој-догш ән Израил дәри. Ә дијор ән Азәрбајчон ә Гирмизи Гәсәбәј ән рајон Гүбә әз дәдәј бири. Ишколәрә ә пәнчиһорәвоз варасди. Ә 1975-мүн сал ә кифләтәвоз ә Израил ә шәһәр Кирјат-Јам омори. Ә ЦАХАЛ — ә салдати ән Израил гуллуг сохди. Ә 1992-мүн сал ә Америка — ә шәһәр ән Бруклин рафди. Широрһорә ә зуһун ән дәдәји нән зуһун мусулминәји нүвүсдә. Ә чәнд широрһоју мусиги нүвүсдә омори. Нүвүсдәһоју ә козитһо нә алманахһо чап бири. Имоһој әдәј дүјмүн китоб хүшдәрә ә чап һәзүр сохдә.

Инсан

Демә һәр мәрдә намәрд, сөзү јох онун,
Бәлкә фәләк ојнадыр, фикри чох онун,
Ачылыб, бағланыр кетдијин јолун,
Һавасы дәјишир сөзүн, сағ-солун.

Улу бабалардан галыбдыр гијмәт,
Чандан чин јараныр, чанандан һәсрәт,
Чатанлар чатыр, алсалар һөрмәт,
Вар олсун, ај киши, сөзүн, әл-голун.

Дүнја јаранса да су, атәш үстә,
Кәлиб кечәр, Хәјјам, чанлар үчүн дә,
Олса да доғру-јалан варлы сөзүн дә,
Кечәр јахшы-јаман әввәлин, сонун!

Короғлу

Јә һәјил әз дәдәј омо ә һилом...
Чәтинә вәхтһо бу, әри Короғлу.
Чи чәм әри хурдә, әри вокундә,
Зәһмәтү анбар бу, султанлу, шоһлу.

Рузһо омо кирошд, сал томом бисдо,
Вәчи һовур-һәрмәһ, дәстәлү дусдһо,
Шоһһо, хонһо офдо, султанһо офдо,
Чикә дәкиш бисдо, Чәнлибел бисдо.

Рафд, кәшд һиломә ә кәлә мәрди,
Вини түфәнкә, ков офдорәнки,

Гилинч офдо әз дәс, зомонә бәрди,
Шәнд мол-дәвләтә, Рөвшән бу нуму.

Чиро бисдо әзјәки дусд-ошинәһо,
Дусдһо, ћовурһо, Хәјјам, зәнһо-шүвәрһо,
Вачарусд Ченлибел, мунд әзу нумһо,
Шәһәр бу тәһәр лов бисдо туму...

Нијә лазым

Вермә чаныны, еј чан, һәр јетәнә нијә лазым,
Кечсә өмрүн чанан илә, чан верәнә нијә лазым.

Дедин, һәр үрәјин өз көнлү, өз севкиси вар,
Чошмаса шәлалә тәк, чајын мәнә нијә лазым.

Чәксән илләр бојү бу һәјатын әзијјәтин,
Хош күнүн олмаса дәрд, гәм јенә нијә лазым.

Гыз, оғлан бөјүдүб тәк галсан гочаланда,
Чәкдијин зәћмәт кетсә һәдәр, сәнә нијә лазым.

Дост-ашинә тутмаз јерин, һәр арзусун, диләјин
Хәјанәт ејләсә чан, Хәјјам, һәр кәләнә нијә лазым.

Зомонә

Вәхт омо кирошд, ә кориш рафдим,
Кор сохдә-сохдә план дит муку.
Бәгдә хәбәр омо, гилијә рәћһо,
Вәкундә омо, һә кәшдит муку.

Мас-һахнаса дорим, у интерес бу,
Хунәш висдорә ћич чәтин нәбу,
Ә гәдү кәләһо, чүкләһо дәбу,
Чикә дәкишбисдо, мизиһит муку.

Гүбә, Боку, Москов варасд күл-килов,
Јерпәги, олү, беш-бармаг, пилов,
Израил, Хајфа, пәсә-пишо ов, –
Һәрчү дуз имбу, һә хисит муку.

Америка, Нију-Јорк һә кәшдә-кәшдә,
Хунәһорә дәкиш һә сохдә-сохдә,
Вини Хәјјам ћиломәш, данусд, зиһисдә
ћәсонд нисд, вәхтә кировнит муқу...

Гочалыг

Гочалыға гәдәм гојур чаванлыг,
Дејишир һавасы, һалы торпағын...
Кими хәстә кедир, јери гаранлыг
Чана чан версә дә баһарын, јајын!

Кечди о хош күнләр, кечди заманлар,
Даим дөвран едир јахшы-јаманлар,
Чанлы тәбиҗҗәтдән, варлы дөвранлар
Учалдыр, азалдыр күчү инсанын!

Дејирләр бир вахт кәләр јер күрәсиндә,
Инсан азад јашар өз өлкәсиндә,
Ајлы - Күнәшин дә өз дөвләтиндә,
Нурун сачар, улдуз тәки, дүнјанын!

Демә, Хәјјам, бу һәјатын сону јох,
Мәнәм-мәнәм дејәнләрин сајы чох,
Кечәр бу заманә, кәләр јајлы ох,
Илаһи, сөјлә бир һаны дәрманын!

Уста вар

Уста вар өјрәдиб, чана чан верәр,
Уста вар ган едиб, белин сындырар.
Јемәк, ичмәк верәр, нәфәсин кәсәр,
Һәјат – ичи долу чүрбәчүр чанлар!

Күч

Күләшмә бир даһа һәр јетән илә,
Чәксә имтаһана һәр күчлү сәни.
Алданыб, инансан һәр ширин дилә,
Күлә дөндәрәчәк јанан гәлбини!

Бahар

Фәсилләр кечәрсән, чатмазсан илә,
Күчдән күчү алыб сән били-билә,
Рәнк алыр, рәнк верир чан тәбиjjәтә,
Дөвләти төкәнмир, кедир шөһрәтә!

ХУДО

Чүрбәчүр ћәмәлһо ә ћилом чәһтлү,
Хәлгә ә руj хори лов сохди ХУДО.
Вәчирәт бәһәрә вәхтлү- бивәхтлү,
Дәкиш бирә зомон әз һозор тубо!

Мүрд

Jә руз jә суал до балajмә мәрә,
Инсонһо ә ћилом әричү мүрдә?
Әз jә кил оморә, әз jә кил рафдә,
Уһорә нәчоги, нәкуми күрдә?

Әз Дәдәj бирәнүт соғ вә саламат,
Фәләк ә бәхт үшү сохдә хәjонәт,
Әз пәнчә парусдә сугдә әмонәт,
Кордәми, кулләми чунә вәкүрдә?

Ә ћәjил, ә човон, ә пир дәнүшдә,
Бәндәми, ХУДОми уһорә күшдә,
Бәлкә фәләкһоjи ә гәсд вәхүшдә,
Куш әдәj шинирә, ә чум тә нур дә.

И вәћдә сәс омо әз ћәсмуj – шонлу,
Пирәнгинәһо чәсд – һово думонлу,
Сајл воно, ворвори гәзәб сохд –хунлу,
Зә, вәнкәсд дорһорә – jәлов дәкүрдә!..

Хәjjам муку, бала, шинири, дири,
Ђилом әз дәвр Одом ә дәб бәнд бири,
Әнчәг инсонjәти – сүрхә вәкири,
Түш вомух соғ ћүмүр һә хүрдә-хүрдә!

Гуршумов Бәһруз (Сосун)

(27.12.1928 – 10.12.2006)

Ә Гирмизи Гәсәбәј Гүбә рајону ән республикәј Азәрбајчон әз дәдәј бири. Университетә нә мед. институтә варасда 2 Али тәһсиллү диплом вәкүрди. Бүтүн һүмүр хүшдә духдир кор сохди. Тә ә пенсијә вәдироморә 17 сал ә саноторијај Назирләр Совети, ә Загулба мүавин кәләји духдир кор сохди.

Ә универстит тәләбәј Сәмәд Вургун бири. Нүвүсдә шәјрһоју ә гозитһој ән Азәрбајчон чап бири. Ә зүһүн дәдәји нүвүсдәһоју сал-бә-сал ә Махачкала ә алманах " Ватан Совети" чап бири.

Ә 2006-үмүн сал ҕилом хүшдәрә ә шәһәр Боку дәкиш сохди. Рүһү шор кәрдә!!!

Богбон

Богбон сәхд фикир до ә таза сибдор,
Һорој зә човонә, куфди: ој бирор:

Тү урә хуб кошдәј, мә сохдәм шори,
Сәниһәт богбони лап хубә кори.

У сибдор буј шәндә – марају васал,
Күлһоју лов бирә – сиб имбу һәр сал.

Одохлујтү унчо бирәнкә сәхд кәрм,
Мухуну әј куктү у нәнуј-нәнәм.

Бирортү әз школә оморә мундә,
Минүшү ә унчо әј китоб хундә.

Һәр руз ә күллүјә лүкәһој әну,
Бүлбүлһо күрд бирә, мәһни мухуну.

Бирор, әрәг рихдәј, кәширәј чофо,
Тү хуб дор сибдорә, мивини софо.

Һәрки јә дор кошдкә, сәбәһ урә дан,
Ә тәһәр ән чәннәт марају Ватан.

ГҮБӘЈМӘШ

Чор тарафү боғ-боғчәји бәһәрлү,
Богбонлүјә һ,әдәтлүни Гүбәјмәш.
Әри кәшдә һ,әсб кәрәки јәһәрлү,
Зомонлүјә сәһ,әтлүни Гүбәјмәш.

Гәлхәнд-бәндә гимәт дорәт Шоһдогә,
Һәр һәминон вәрфәлүни Гүбәјмәш.
Чум кәрәки томош сохи јәјлогә,
Сәр јә фәсил сәрфәлүни Гүбәјмәш.

13 Нимаз чикә күрди јә вәхтһо,
Ә Тироһо сәдиглүни Гүбәјмәш.
Шори рихди әз мозолһо нә бәхтһо,
Ә һ,ориһо дәгиглүни Гүбәјмәш.

Әз дү-јәки ләзәт дорә дәһ,әмһо,
Хубәлүјә боботлүни Гүбәјмәш.
Сифирмәндлү һ,үзәт норә шәһ,әмһо,
ХУДОлүјә шоботлүни Гүбәјмәш.

Кук-духдәрә хәндәјә лов дирәји,
Һәм мүһбәтлү, һәм чонлүни Гүбәјмәш.
Тәһ,әрифјү ә дүнјоһ лов бирәји,
Һәм шүһрәтлү, һәм шонлүни Гүбәјмәш.

Әри хәлгһо чун-һозори хојуһо,
Шәв-рузлүјә дәс-нунлүни Гүбәјмәш.
Духдирирә чүн шоһири војуһо,
Бәһрузлүјә – Сосунлүни Гүбәјмәш!

Ә ЈӘРШОЛОЈИМ

Әз дүли, әз чуни париш мизәнүм,
Зу гисмәт бошумкә ә Јәршолојим.
Ә тәһәр ән Әлдар тариш мизәнүм,
Зу гисмәт бошумкә ә Јәршолојим!

Мивичүм јорбијор дәбәһојмурә,
Мәкүрүм шорбијор нүкәһојмурә,
Мивүнүм хориһој бәбәһојмурә,
Зу гисмәт бошумкә ә Јәршолојим!

Офто кәрми мидү әз сухдәј јәлов,
Шәггәһо моруху әз хәндәһој лов,
Ә чумһо нур мијов әз бәргһој тов-тов,
Зу гисмәт бошумкә ә Јәршолојим!

Һич дујмиш нимунум әз ләззәт дүнјоһ,
Ловолу моч мәкрүм әз «дувор кирјәһ»,
Сад чорә мијофум әз «мүрдә дәрјоһ»,
Зу гисмәт бошумкә ә Јәршолојим!

Аккорәш микәшдүм Хајфарә хуно,
Милләтәш михојум тајфарә хуно,
Јә саләш мизүһүм һәфтәрә хуно,
Зу гисмәт бошумкә ә Јәршолојим!

Ә шәрбәт мичарү сәринә овмә,
Овроһом дананһо мијов ә ховмә,
Дүшмәрә гәрг мијлү зәрә буховмә,
Зу гисмәт бошумкә ә Јәршолојим!

Мошијәһ маравну һилом хүшдәрә,
Бәдхоһә залумһо митав хүшк зәрә,
Сосунум, мозоллу мијнүм пүшк мәрә,
Зу гисмәт бошумкә ә Јәршолојим!

Әз тү дирәм

Мозолмәнди ә сәр расди вәбирә,
Шори дүлә әз тү дирәм, ә јормә.
Ә дәс нәчог јә карасди нә бирә,
Ә әһволу нидав мундә бовормә,
Шори дүлә әз тү дирәм, ә јормә.

Күлһо әдәј ә богчәјму хәндүсдә,
Шәрһо әдәј ә хосдәјмү фәнд чусдә,
Бәдһо әдәј әз хубиму ләнкүсдә,
Хүшкијәти гисмәт нибу ә дормә,
Шори дүлә әз тү дирәм, ә јормә.

Әз хундәји дү дипломә вәкүрдәј,
Әз данани сәр нәдана дәкүрдәј,
Јә саданаш һич ә вәчтү нә күрдәј,

Ә руј кузки суjбәндлүни һомормә,
Шори дүлә әз түдирәм, ә jормә.

Әчiә рафдүм ә гәд чуммә дәри түү,
Әз сәдиги ә гуг сәрмә вәри түү,
Ә мәjдуj әшг һүнәрлүjә нәри түү,
Ә фурм Бәһруз бәнд бирәji ә ҳормә,
Шори дүлә әз түдирәм, ә jормә.
***
Әз сәртү jә муjлә кәм бирә чикә,
Нихojум шорирәш, нихojум шәнәш.
Ә дүлмә jә түллә дәбирә чикә,
Мә түрә хосдәji - мухojум кәнәш!
***
Асда вәхүшдәji, асда нүшдәji,
Jә ҳилом вор-дәвләт нә вәчирәм мәш.
Соги чун балаһо - дәрдә күшдәji,
Әнчәг әз бәл ХУДО вәпичирәм мәш.
***
Ә гәд дәсдәвәнкмә мәкуjит гәмәш,
Гисосә ә дүлмә ниданүм дошдә.
Хосдәji чүникә мәкуjит ә мәш,
Сог ҳүмүр әзу рәһ әдәм кирошдә.
***
Әз дүли бәнд бирә, кәj ки бәдини,
Суphoj мәһәббәтә гәдәриш нисди.
Чү фojдә, әз ловһо хәндәш вәдини,
Ошуг бошуһорә кәдәриш һисди.
***
Гозончтү бисдокәш әз полад, һовун,
Ә миһточ ән хәһәр, бирор мәвәмун.
***
Әз дәрдтү мүрүһо дәдәjә хуно,
Jә мүргиш ә сәртү нисоху муно!
***
Овозәj мүрдәji дорәji дәрдә,
Кәвүлү нә буһош бијо дү гәрдә.
***
Ворушбәнд рихдәji кофһоj гәләтә,
Ә мирод нирасү әз боф кәләтә.

***
Jарашуг чироji ә фәсил киро,
ХУДО гимәт дорә ә ҳәсүл киро.

***

Согломи ћол-әћвол кәј сәрин мибу,
Динчирә нә дирә хов ширин нибу.
***

Парчоћ ән ћоширћо ћисдикәш әкәм,
Ә дүнјоћ дүјмүнбош ки омо бәкәм?
***

ћүмүрә вәрзундкәш – садибисд вәчи,
Әз ћилом сиројиш бирәкор әчи?
***

Ә дәфтәр нә гәләм бисдокә тәмәћ
Шоћир чар низәнү әри нур сәбәћ.
"""

Садана әз хүшдә ћә пәс-пәс дирә,
Сур дүлә дорућо пәшму нәс бирә.
"""

Ә гәриш мәћәлә богчә дәшән тү,
Дәрдәчәр мундәрә әз јор мәшән тү.
"""

Әз хүшдә мугојәт бисдорикә тү,
ХУДО садибисдә бәхш мидү әтү.
"""

Чорәјү нисдикә әз дәвләт вәчи,
Әз ХУДО зијодтә Холубәнд әчи?
"""

Әри шоћир бирә әз дүли-чуни,
Амбара китобћо тү бијо хуни.
"""

Дузирә ә зућун әз ћәгдәш дәјил,
Кор-бор имбурузә ә бәгдәш мәјил..
"""

Пишово нә рафдкә јә духдир әкәр,
Әз кијов суј нидү дәћәм ән шәкәр.
"""

Бирорбәнд фәм сохдә оћвол јәтәнәш,
Зућундә кәрәки чәћмәт Вәтәнәш.
"""

Согломи ән инсон әкәр ћәрчүни,
Әз пишәј духдири зијодтә чүни?

ГУРШУМОВ МАРИК КУК ХӘЈИМ

(30.05.1952) – Ә дијор Азәрбајчон ә Гирмизи Гәсәбај ән рајон ән Гүбә әз дәдәј бири. Ишколәрә ә пәнчиһорәвоз варасди. Широһорә ә зуһун ән дәдәји нән зуһун ән мусулмунәји нүвүсдә. Мәҳнихунһо мәҳәниһо нә гәзәлһојүрә ә мәчлисһо нә консертһо хундәнүт. Ә 1995-мүн сал ә Израил ә шәһәр ән Мигдалемик ә кифләтәвоз омори. Марик һәмикә ә тәрчүмәрәвоз мәшгул бирә. Сәмәд Вур-гунә, Сүлејман Рүстәмә нә јәккәһорә тәрчүмә сохди.

Ә Чаҳм нүвүсдәкорһој чуһурһој-доги ән Израил дә. Һә кәнәш Марик имоһој әдәј ә Боку зиһисдә. Ә козитһо нә алманахһо әдәј чап сохдә нүвүсһој хүшдәрә. Һәмикә ә и зурпһо бијо дүјүмүн таза китобу вәдиров.

Сәмәд Вургун

Әри 100 сали (1906 – 2006)

Пәнчоһ сала мозол-бәхтә –
Ђүмүрә сохд вәхтсүз гурбун.
Сад салаји бирә вәхтә
Хәлг миҳид сохд Сәмәд Вургун!

"Гисориһо" сад күл дәчи,
Ә зир појтү зиндә-зиндә.
Куфди Вагиф, куфди һәчи,
"Мүһбәт ишму ә дүлмә дә".

Јә диһ нә мунд ә гәд Вәтән,
Ә појәдә һә кәшди Тү.
Сә фәрзәндә ә сәр кәрдән
Ә сәр дәсһојтү һә дошди Тү.

Хори Муган ә бәһс домунд,
Муку: - појтү мозолмәнди.
Чү һәјф, бәһәр ә дор вомунд,
Раси, офдо чәнди-чәнди

Војисдәнбу хәлгтү шор бу,
Вәкирлү бу ә гәд хәлгһо.
Војисдәнбу күл нә дор бу ,
Ә зәвәсәр савза вәлкһо.

Кн мукуфди һәчи чојил
Әз һәрәј хәлг имбоши кәм.
Дүлү шор бу оһил, һәјил,
Хундә-хундә сәс үшү бәм.

Сәмәд Вургун – кук Азәри,
Кәлә шоир нүвүсдәкор.
Ә руј хори "дастан" нори,
Һәр кәлмәрә күрдәм әјор.

Пәнчоһ сали ә "Гәсәбә",
Ә гәриш бог һәјкәл вәри.
Рүһтү шори һәјил, бәбә
Тә сад сали күлһо нори.

Шејирә куј, поемарә,
Чәнд мәһнирә, чәнд мугама...
Ә сәр синә норә тарә,
Әлдар сәс до бәнд мугама!..

"Гәнәд зән војәјмә, гәнәд
Сәнгәлугә рәһ әчә бәрд?
Ә сәр дүштү бәрди курунд,
Бәхтәвәри әри хәлг мунд.

Әз китобһо рихдә-рихдә,
"Коф воруши" ә сәр күрси.
Шоһирһорә вихдә-вихдә,
Сәмәд Вургун ә сад вәрзи!

Ә кәнд омо сәмәд Вургун,
Гәл күрд јүрә оһилә зән.
Муку: әтү чунмә гурбун,
Чү зу офдо ә мујтү дән?

Гимиш сохдә ә һүмүр-чун,
Тү нә рафди әкн духдир.
Сәмәд куфди ә Вәтән мун,
Ә гүрбәт нәһ, ә Вәтән мир!

Ә бог-богчә вургун бирәј,
Ә мүһбәт дүл вургун бирәј,

ГУРШУМОВ МАРИК КУК ХӘЈИМ

(30.05.1952) – Ә дијор Азәрбајчон ә Гирмизи Гәсәбәј ән рајон ән Гүбә әз дәдәј бири. Ишколәрә ә пәнчиһорәвоз варасди. Широһорә ә зуһун ән дәдәји нән зуһун ән мусулмунәји нүвүсдә. Мәһнихунһо мәһәниһо нә гәзәлһојүрә ә мәчлисһо нә консертһо хундәнүт. Ә 1995-мүн сал ә Израил ә шәһәр ән Мигдалемик ә кифләтәвоз омори. Марик һәмикә ә тәрчүмәрәвоз мәшгул бирә. Сәмәд Вур-гунә, Сүлејман Рүстәмә нә јәккәһорә тәрчүмә сохди.

Ә Ч̣әһм нүвүсдәкорһој чуһурһој-доги ән Израил дә. Һә кәнәш Марик имоһој әдәј ә Боку зиһисдә. Ә козитһо нә алманахһо әдәј чап сохдә нүвүсһој хүшдәрә. Һәмикә ә и зурнһо бијо дүјүмүн таза китобу вәдиров.

Сәмәд Вургун

Әри 100 сали (1906 – 2006)

Пәнчоһ сала мозол-бәхтә –
Ђүмүрә сохд вәхтсүз гурбун.
Сад салаји бирә вәхтә
Хәлг миһид сохд Сәмәд Вургун!

"Гисориһо" сад күл дәчи,
Ә зир појтү зиндә-зиндә.
Куфди Вагиф, куфди һәчи,
"Мүһбәт ишму ә дүлмә дә".

Ја диһ нә мунд ә гәд Вәтән,
Ә појәдә һә кәшди Тү.
Сә фәрзәндә ә сәр кәрдән
Ә сәр дәсһојтү һә дошди Тү.

Хори Муган ә бәһс домунд,
Муку: - појтү мозолмәнди.
Чү һәјф, бәһәр ә дор вомунд,
Раси, офдо чәнди-чәнди

Војисдәнбу хәлгтү шор бу,
Вәкирлү бу ә гәд хәлгһо.
Војисдәнбу күл нә дор бу ,
Ә зәвәсәр савза вәлкһо.

Ки мукуфди һәчи чојил
Әз һәрәј хәлг имбоши кәм.
Дүлү шор бу оһил, һәјил,
Хундә-хундә сәс үшү бәм.

Сәмәд Вургун – кук Азәри,
Кәлә шоир нүвүсдәкор.
Ә руј хори "дастан" нори,
Һәр кәлмәрә күрдәм әјор.

Пәнчоһ сали ә "Гәсәбә",
Ә гәриш бог һәјкәл вәри.
Рүһтү шори һәјил, бәбә
Тә сад сали күлһо нори.

Шејирә куј, поемарә,
Чәнд мәһнирә, чәнд мугама...
Ә сәр синә норә тарә,
Әлдар сәс до бәнд мугама!..

"Гәнәд зән војәјмә, гәнәд
Сәнгәлугә рәһ әчә бәрд?
Ә сәр дүштү бәрди курунд,
Бәхтәвәри әри хәлг мунд.

Әз китобһо рихдә-рихдә,
"Коф воруши" ә сәр күрси.
Шоһирһорә вихдә-вихдә,
Сәмәд Вургун ә сад вәрзи!

Ә кәнд омо сәмәд Вургун,
Гәл күрд јүрә оһилә зән.
Муку: әтү чунмә гурбун,
Чү зу офдо ә мујтү дән?

Гимиш сохдә ә һүмүр-чун,
Тү нә рафди әки духдир.
Сәмәд куфди ә Вәтән мун,
Ә гүрбәт нәһ, ә Вәтән мир!

Ә бог-богчә вургун бирәј,
Ә мүһбәт дүл вургун бирәј,

Ә бәхт иму офдорәjһо
Шоир Сәмәд Вургун бирәj.

Чү дәнишүм мә ә Шоһдог,
Әз вәрф сәртү бирәм ночог.
Чум Гүбәjмә ә рәһ дәмунд,
Ә сәр догһо омо и "дог."

Бијо кирор әз рәһ Ширвон,
Әри норә пој hојтү чон!
Ә дәс туфәнк hә пој, дәниш.
Нә шән куллә ә сәр чеjрон.

Чү куфдирә ә мәнк һилом,
Кәj импоjу и чәнк һилом?
Мәтләб зәнчи мунд ә Москов,
Кәj импоjу и дәнк һилом?

Мәһни ә лов хәлгһо вәри,
Фурмиш нибу сохдә түрә.
Сәмәд Вургун күлһо нори,
Муно сохдә Араз-Күрә.

Ә Бокуjму бијо дәниш,
Вургун имбу – Сәмәд Вургун!
Әз умоjнә бири дәкиш,
"Бог Сәмәд"ә әjү бурбун.

Һовоз дүлмә ә зир гәләм
Ән кофһојтү боглу бири.
Умоjнәһо һүкмәт бәкәм
Әз хофһојтү доглу бири!

Ә богһоjму кәм нисд бәһәр,
Тү jә тәки Сәмәд Вургун!
Вәкир сохдә бирор-хәһәр,
Чәкә-чәки Сәмәд Вургун!

Ә дәс вәки гәләмтүрә,
Ворвори ди һәләмтүрә.
Вәтән Морик – Азәрбаjчан
Воjә сохдә һәләм түрә.

Пәнчоһ сала мозол-бәхтә
Ъүмүрә сохд вәхтсүз гурбунэ
Сад салаји бирә вәхтә
Хәлг миһид сохд, Сәмәд Вургун!

Азәрбајчан сәргуз појисд,
Ә һәјкәлтү сәр зә хәлгмә.
Рузһој васал һәммә војисд,
Шејр кујут кәлмә-кәлмә.

Ә Гобустон мунди чилгә,
Чумәрәһи марал-чејрон,
Ъәрс рухундут диглә-диглә,
Хәлг миһид сохд Сямяд Вургун!

"""
Ә нум ХУДО бәнд бирә,
Әдәм хушбәхт зүһүсдә.
Јә шоһирүм куфдирә,
Әдәм шәјр нүвүсдә.
"""
Ә руј Хори һәрчү һисд,
ХУДО дорә имконәш.
Әри салһој садибисд,
Соги кәрдо инсонәш.
"""
Јә бәндәјүм дәр мизә,
Шәр ә рујтү дәр мизә.
Кәлмә ширин нә бирәш,
Ә пишојтү сәр ки зә?
"""
Јә бәндәјүм сәрдәки,
Кипә бошку сәрдәки.
Әри зијод зиһисдәш
Ә дәс инсон чү дә ки?
"""
Јә бәндәјүм һә шән ки.
Нум ХУДОрә һә шән ки.
Ә дәс гәләм күрдәнкиш,
Дүл Морикә чү тәнки?

Борис Гаврилович Гаврилов (1908 — 1990) — горско-еврейский писатель, первый учитель татского (горско-еврейского) языка и создатель школы, составитель первых грамматики, учебников и словаря татского языка[Ш].

Родился в семье наёмного рабочего. С 1915 г. учился в ешиве у раввина Шоулу. Выросший среди русских, хорошо владел русским языком; после 1917 г. учился в русской школе.

В 1926 г. поступил на рабфак индустриального института (Ленинград), но был отчислен через несколько месяцев из-за анонимных писем, сообщавших, что он сын кулака. Вернувшись в Дербент, поменял фамилию на Гаврилов (по имени отца).

Весной 1927 г. переехал в Маджалис (Кайтагский район), где создал татскую школу, в которой преподавал с августа 1927 г. вместе с женой Ольгой, студенткой Дербентского педагогического техникума. Составил программу обучения, словарь и учебники на татском (горско-еврейском) языке.

В 1930 г. переведён в Дербент в открывшуюся первую татскую (горско-еврейскую) школу имени Арона Эрлиха. Работая в школе, заочно окончил педагогический техникум в Дербенте. В 1930-е годы написал грамматику, фонетику и морфологию татского (горско-еврейского) языка, которые были изданы в 1940—1941 годах. С 1930 г. был также корреспондентом первой татской газеты «Захметкеш».

С первых дней Великой Отечественной войны ушёл добровольцем на фронт[2]; демобилизовался в конце 1946 года, вернулся в Дербент.

До 1947 г. работал директором татской школы имени Кагановича. Позднее занимал различные руководящие должности. В 1989 году, после возрождения национальных школ, подготовил «Букварь» для первого класса на татском (горско-еврейском) языке, который был издан в 1990 году, а также «Татско-русский, русско-татский словарь»]

Отец — Гавриил Ермияев, родом из Кубы (Азербайджан).

Сын — Михаил, педагог, журналист, главный редактор газеты «Ватан» и «Кавказской газеты», поэт. Его сын: Семён, поэт

Первые стихи опубликовал в газете «Захметкеш» («Труженик») в конце 1920-х годов[3]; печатал в ней стихи и небольшие рассказы в 1930-е годы[4].

С конца 1920-х годов собирал фольклор татов Кайтагского района. В Маджалисе со слов гармониста Якуба записал поэму «Гейдар и Марал» выполнил её литературную обработку.

С 1938 году в связи с переводом письменности народностей Дагестана на русский алфавит на основе кириллицы[4][5] подготовил и издал «Азбуку»,

«Грамматику татского языка» и «Орфографический словарь татского языка». Алфавит, предложенный Б. Гавриловым, принят за основу татского (горско-еврейского) литературного языка.

В послевоенные годы в татском альманахе «Ватан Советиму» («Наша Советская Родина») публиковал стихи, рассказы, пьесы, переводы. Издал три сборника стихов; в 1980 г. «Антологию татской (горско-еврейской) поэзии».

В стихах Бориса Гаврилова читатель может почувствовать его поэтическое вдохновение, его прекрасное владение родным языком... В поэтическом творчестве он проявил незаурядные способности.

— Хизгил Авшалумов, народный писатель Дагестана (из предисловия к сборнику стихов Б. Гаврилова)

Пери-Ханум (драма, 1932) — поставлена в татском государственном театре (Дербент) в 1938 г.[6], в репертуаре до 1990 года.

ДЕРБЕНД

Унжо, э гъуллугъ бугьо жиге,
Э гьирогъ дерйогь, э сер жигъ- жигьэ.
Вокурдейм комбинат, е ченд завод,
Шегьереш унжо сохдейм рач обод.

Дешендейм богъгьой онгури-сиби,
Агьроном колхозиш – кук косиби.
Зу вир бири юхсули эз шегьер,
Богъгьош доренуьт лап раче бегьер.

Тенге кучегьо, хунегьой гуьли,
Эз минжи шегьер бегьем нисд бири.
Вокурдейм хунегьо е ченд жерге,
Э жигей эз бун дебугьо держе.

Пире Каспий, бугьо туьнд, бисабур,
Гуйге гьони данусди гедуьр.
Э гЮвгьой Волга сохде бэхили,
Каспиш мидуь гувот электри.

Шогьоди эй расди гьер риз ве бенд,
Гьисди гъэдимие боругьой Дербенд.
ГЮэле веригьо э гьуьндири догъ,
Минорет – деригьо э мензерей богь.

ГАВРИЛОВ МИХАИЛ БОРИСОВИЧ (1926 - 2015) – член Союза писателей Израиля. Родился в г. Дербент Дагестанская АССР. Окончил исторический факультет Дагестанского государственного университета. Поэт и прозаик, его стихи регулярно печатались в альманахе "Ватан Советиму". Автор сборника литературных произведений на русском языке и на языке горских евреев – "Гэрд ферзенди" ("Сыновний долг"), "Ригаз чушме" ("Лучи солнца"). В 1994 году репатриировался с семьей в Израиль (г. Ор-Акива). Был председателем Союза писателей горских евреев – выходцев с Кавказа в Израиле, а с ноября 2000 года до мая 2003 года был первым редактором газеты горских евреев Израиля "Кавказская газета", где печатались его стихи, собранные им старинные пословицы и поговорки. С 2003 живет в Дербенте. М.Б.Гаврилов – Заслуженный Работник культуры Дагестана, редактор отдела республиканской газеты "Ватан" и сайта на языке горских евреев с Дагестанской графикой. http://vatan.etnosmi.ru/.

ЖУГЬУРУН ДОГЪИГЬО ГУФДИРЕНУЬТ: «КЕМИ МИСГЪОЛЮ, ОМО БУГЬОЛУЬНИ» («Мал золотник, да дорог»)

Чуьтам гуфдире омориге э верэгьгьой гозит иму «Ватан» э гIэрей чуькле хэлгь иму – жугьурун догьигьо кем не дебирет ведилуье одомигьо, гьумолетгьо, неки э Дербенд, гьемчуьн эжеш не зигьисдетге чуькле хэлгь иму: э Буйнакск, Хасавюрт, Махачкала, Менжелис, Гъуьбе, Грозный, Нальчик, Муьшкуьр, Эгьлеби, Хошмензил ве э де мескенгьойгеш. Сур нисд, ки и чуькле хэлгь имуре не бири гуфдире соводию (грамотность), мугьумлуьию (музыкальность) ве омбаре жиргьой культуреиш. Оммо дуз нибу эгерде вегирде серт не бири гуфдире, чуьнки эки рабигьо хунде варасдетгьо э зугьун иврити (Турои) дануьсдет хунде, нуьвуьсде, унегуьре угьоре соводсуьз гуфдире нибу. Енебуге э товун мугъумлуьи (музыкальность) гереки э герде вегирде, ки э Софун Кавказ дануьсдет, иллогьки э шоригьо, гуьнжуьнде ве э тегьер гьушегьо мэгIнигьо хунде, э хуьшдени Дербенд э вэхд гIэруьсигьо хэгьергилигьой гIэруьс – сэгьдуьшгьо э тегьер гьушегьо хундет мэгIнигьо.

Э Менжелис зигьисди аргьэнчи (гармонист) Якуб, комики дануьсденбу гъушегьо гуьнжуьнде хунде э шоригьо ве гьемчуьн гуьнжуьнденбу десдониш чуьн «Гьейдер ве Марал». Э Дорум Кавказ, иллогьки э Гъуьбе, жовоне кукгьо не духдергьо кура бире э «сер джии» (зеленая поляна) э тегьер гьушегьо михундуьт мэгIнигьо, комигьоки омбаргьошу бируьт эз хэлгьлуье мэгIнигьой азербайджани.

Гьеле э миглей наздегьимуьн девр, меселен э 1840-50 муьн салгьо э Гъуьбе э гъумолет Илизаровгьо хьэсуьл оморени кук – Рафоил – Илизир, комики э 10-12 сали эз гъэмишгьо гьуьч сохде зурнов сер гирденбу эри зере – гуьнжуьнде мугъумгьо. Рафоил-Илизир оморе э жовони расиренге, дануьсденбу э расде зурновевоз дуз зере мугъумлуье гьовогьоре. Унегуьре уре э вэхд гIэруьсигьо текелиф сохде мигьишдуьт э сер бун

варафде мугъумгьо зере э зурновевоз, у вэхдигьо э гIэрей хэлгь жугьургьой догъигьой Гъуьбе ужире гIэдот дебу, эри э гIэруьси текелиф сохде эз бун сэхьиб гIэруьси мигьишдуьт э зурновевоз мугъумгьо зере, ягIни миданит текелиф бире э гIэруьси.

Э гIэрей е-дуь сал Рафоил-Илизир хуте бирени тар-комонче зереш ве эз у бэгьдо хьэрекет сохдени эри мугъумлуье гьовогьо гуьнжундеш. Меселен, вежесденигьо гьоворе – Харсе, комиреки мэгIлуьмлуье хореограф Танхо Израилов дешендебу э гIэрей вежесдеи ансамбль хуьшде «Лезгинка», гуьнжуьндебу Рафоил – Илизир ве эз у бэгьэй Рафоил – Илизир гуьнжуьнди е чендигьойгеш.

Рафоил-Илизир э мугъум зере хуте сохдени гIэилгьой хуьшдереш: меселен Мердэхэй кук Рафоил-Илизир дануьсденбу зере э е ченжире карасдигьой мугъуми: э ногъоре, гъуше-ногъоре, тефд, гармонь ве диеш. Эз гьечуьревоз Рафоил-Илизир зурновчи (ужире лэгьэм вебу э сер эну) бирени сер гъумолет мугъумлуьгьо (начало музыкального рода).

Гьевели гIуьломлуье довгIо сер гирденге, Мердэхэй кук Рофоил-Илизир бу 20-сале. Уре берденуьт э довгIо, эжеки у офдорени э есири э еки эз лагергьой Германие. Чор салиге бэгьдо Германие есиригьоре азад сохденге Мердэхэй вогошдени э хуне – Еврейски слобода ве гье эзу вэхдевоз гармоне нисе шенде эз дес ве бирени жире-бежире мугъумлуь (музыкант).

Э чум Мердэхэй офдорени е раче жовоне духдер Гъуьбеи, комики хьэрекет сохденбу эри э гармонь зере. Мердэхэй у духере хосде биренуьт зен не шуьвер ве гье эз у вэхдевоз Мердэхэй сер гирдени зен хуьшдере – Мелкере эри гармонь зере хуте сохде. Гьемрузине жофо дорени бараси хуьшдере: Мелке бирени неки хубе гармонист, гьемчуьн гьевели зен Азербайджан-гармонь зерегор. Мелке э гармонь зереиревоз вежесдеш вежесденбу. Гъэишгьой гармоне э сер душ кеширенбу гуфдире хэлгь э сер Мелке веноребируьт лэгъэм «Мелке-гъэиш».

Э 1934-муьн сал Мелке э келе барасиревоз бирмундени хуьшдере, чуьн гармонист-вежесдегор э сегьней Тбилиси. Э 1936-муьн сал Мелке дануьсди мерэгьлуь сохде ленинградигьоре. Э 1938 ве 1940-муьн салгьо Мелке бэхш вегирди э декадей искусствой Азербайджан э Москов, эжеки мерэгьлуь сохди гьемме томоше сохдегоргьоре ве гьемчуьн Сталинеш.

Мелке не Мердэхэй дануьсдет сенигIэт искусствои хуьшдере доре э дес кукгьой хуьшде Довид не Хьэнуько. Довид те Буьзуьрге довгIой Ватани бу солист эн филармонией Азербайджан. Буьзуьрге довгIой Ватани сер гирденге Довиде огол зеренуьт эри э солдати берде. У Мелке дедей хуьшдере гъэл гирде гуфдирени: «Дедей, ме дануьсденуьм, ки ме эз у хунризе мейдуй довгIои нивогордуьм гуфдире. Минет сохденуьм эз ишму и чуькле бирорлеймере – Хьэнукоре гармонь зере хуте сохит ве гармонь мереш дит э дес ю, у гармонь зеренге ишму гьери миданит ме э гIэрешму деруьм».

Гьелбет, Довид ю гуфдирере хуно эз у мейдуй бесхуни нисе вогошде. Мелке не Мердэхэй метлеб Довиде веревунде хуте сохденуьт чуьклеи кук хуьшдере Хьэнукоре гармонь зере ве доренуьт э дес ю гармонь бирор юре Довиде, комики чуьн буьзуьрге карасди мугъуми дебири э дес ю те песини рузгьой гIуьмуьр ю. Хьэнуько бирени неки еки эз хубе гармонь зерегоргьо, у бирени Хьэнуько – ногъэре зерегор, комиреки эз гIэилиревоз хуте биребу, Хьэнуько – мэгIнихун, Хьэнуько – нубодорегор ве диеш. Гьеле э 1952-муьн сал э Боку гирошдебу олимпиадей ногъэре зерегоргьо. Ногъэрере гьеммише зеренбируьт э дуь чубугъгьлегьоревоз, оммо э у олимпиаде жовоне Хьэнуько суьфделе ногьорере зерени э десевоз ве гьечу зерени, ки дирегоргьо не шинрегоргьо муьгIуьжуьзлуь мунде гIэжоиби биренуьт. Э ужире ногъэре зереревоз Хьэнуько бесгунлуь бире вегирдени екимуьн жигере э келе бэхшгьоревоз.

Омбаре шорн – нпкигьоре, концертгьоре э Боку э гармонь зерей Хьэнуькоревоз гирошдн. Хэнуько неки хубе гармонист бире бу, у гьемчуьн дануьсденбу мугъумгьош нуьвуьсде, мсселен э 1963-муьн сал э театр э нум Станиславски не Немирович-Данченко гирошденбу эхири (заключительный) концерт. Э гІэрей 26 десдегьой вежесдегоргьо, Азербайджан бирмундебу композициере «Хьофд бироргьо» мугъум комиреки нуьвуьсдебу Хьэнуько Илизаров. Гъумолет мугъумлуьгьо, сер коминиреки гирдебу Рафоил-Илизир зурновчи э Хьэнуько невеюревоз сэхд нисе бире. Изму э Америке эз Боку оморе духдер Хьэнуько Тереза, комики э Азербайджан бу мэгІлуьмлуье солисткей филармонией Азербайджан, гуьнжуьнди ансамбль «Тереза» э комики бэхш вегирденуьт дуь кукгьой Тереза Роберт не Марк, комигьоки зеренуьт э жире-бе-жире карасдигьой мугъуми, гьемчуьн невей Хьэнуко-ведилуье солист э ионике э Азербайджански эстрадни оркестр Руслан Агабабаев.

Эз угьо бэгъэй э Исроил эз Гъуьбе оморе и ченд салгьо зигьисдени хэгьерзорей Хьэнуко Чимназ, комики усдой эн мугъэмгьо хундеини ве бэхш вегирдени э концертгьо, гІэруьсигьо. Чимназ э гирошде салгьо бири бэхшвегир эн бэхьсбери мэгІнихуш – мугъэмгьо ве ченд гиле берди у бэхьсгьоре, чуьнки рэхьбери энуре холую-Хьэнуько сохди. Усдолуье мугъум зерегор – Хьэнуько и ченд сали не дери э гІэрей хэлгь иму. У э вилеет Исроил муьрди. Хьэнуько не деригеш мугъуьмлуье гъумолет Рафоил-Илнзир зурновчи эдей довом доре, тегьер очугъэ чуьшме ригазгьой хуьшдере шенди э сер хори ве эдей товушире довом доре э жофой невегьо-нишрегьой хуьшдеревоз, эри комигьоки хосденим жунсогъи ве гІуьмуьрдурази.

Куба. Еврейская Слобода., 1896 г., проводы Хицила Елизарова (свекр мэлкэ Гъэиш) в царскую армию (стоит справа)

ГАВРИЛОВ СЕМЁН (24.05.1952) – член Союза писателей горских-евреев в Израиле, прозаик и поэт. Родился в г. Дербент Даг.АССР. Окончил Дагестанский госуниверситет, математический факультет и Краснодарский политехнический институт, технологический факультет. Литературным творчеством занимается со школьной скамьи, пишет стихи, прозу, публицистику. С 1990 г. по 1992 г. работал ответственным секретарём газеты «Ватан». Публиковался в местной и республиканской периодической печати, в журнале «Юность». В 1992 г. репатриировался с семьей в Израиль (г. Хадера). Публикуется в журнале «Русское эхо» и в альманахе «Мирвори». С.Гаврилов автор книг «Сказки гончарного круга», «Огонь свечи». Имеет постоянно действующие Интернет-стр. на литературных сайтах «Стихи.ру» и «Точка зрения».

Две Родины

Две Родины, две жизни у меня...
в Дербенте вырос и учился жить,
и память добрую о нем храня,
я продолжаю отчий дом любить...

Здесь первые шаги и первый друг,
и первая любовь, и радуг краски,
о Родине, о красоте вокруг
писал я и стихи мои, и сказки...

Крутым был поворот моей судьбы,
две Родины, две жизни у меня,
в другой стране исполнились мечты,
там вырастил детей и внуков я...

Страна меня как сына приняла,
Израиль указал мне жизни путь,
вернув мне веру, взяв под сень крыла...
смогу ли долг когда-нибудь вернуть?..

Две Матери, две Родины мои,
но жизнь одна - судьбу благодарю,
и перед ней склоняясь до земли,
признаюсь - вас обеих я люблю...

Мгновение и вечность

Мгновение и вечность -
.....и в них вся жизнь,

здесь боли бесконечность
.....и явь, и миражи...
тревоги и печали -
.....судьбы каприз,
полеты и падения,
.....и шторм, и бриз...

Мгновение и вечность -
.....в них бег часов,
в них злоба и сердечность
.....коротких слов,
в них улиц разделённость
.....и краткость тупика,
и юности влюбленность -
.....поющая строка...

Мгновение и вечность -
.....полет мечты,
мгновение и вечность -
.....в них я и ты...
мгновение и вечность -
.....Любви венец,
короткое касание
.....для двух сердец...

Мгновение и вечность -
.....мне друг и враг,
здесь строгая беспечность
.....и первый шаг...
рассветы и закаты,
.....и песнь дождя...
Мгновение и вечность -
.....в них жизнь моя...

Осколками надежд...

Осколками разбившихся надежд
усыпан путь... порезы, шрамы, боли,
обрывки окровавленных одежд
и грубые шершавые мозоли...

но мы идем, ведь где-то там вдали
ждет новый день, и новые надежды...
но снова улетают журавли,
в руках синица... снова боль, как прежде...

и вот тогда, уставши от потерь,
смиряемся и тянем понемногу,
и смотрим, как плененный дикий зверь,
за горизонт... но нет туда дороги...

и мы уже не верим в чудеса
и сказки вызывают лишь улыбку...
но только тот взмывает в небеса,
кто не боится совершить ошибку...

Бродяга ветер.

Бродяга ветер ночью влез в окно,
по комнатам прошелся еле слышно,
но видя, что уснули все давно,
притих в углу, от игр утомившись...

Он целый день носился по полям,
с лучами солнца в салочки играя,
чубы курчавил в роще тополям
и лил дожди, посевы орошая...

Бродяга ветер, он порою тих
и нежен, словно ласковый ребенок,
но чаще беспокоен он и лих,
проказничает, словно бы чертенок...

А иногда бывает зол и груб,
качая море и гоняя тучи,
пугая мир ужасным воем труб,
как-будто говоря "я всех могучей"...

Ну а сегодня он притих в углу -
устал от шалостей дневных проказник,
и замышляет новую игру,
обычный день мой превращая в праздник...

Когда затихнут звуки...

Когда затихнут звуки в темноте
и ночь неслышная по комнатам пройдется,
вдруг память детства в хрупкой тишине
нежданная во сны мои ворвется.

И вспомнится мне старый общий двор,
друзья - мальчишки, альчики и прятки,

и этот бесконечно-вечный спор -
"чьи победят?..." - остался он загадкой...

Услышу голос мамы в тишине,
что песни пел мне... "Как живешь, родная?
Прости, но в этой жуткой суете
писать тебе, увы, не успеваю...

Я помню твои добрые глаза
и рук тепло, что нежно-осторожны"...
чу, побежала глупая слеза...
"приеду летом навестить...возможно..."
Когда затихнут звуки в темноте
и ночь неслышная пройдет по дому,
я, позабыв о вечной суете,
вернусь к себе тропинкою знакомой...

И снова о любви...

Уют опостылевший комнат,
в тумане зеркал миражи,
лишь сны позабытые помнят -
в любви начиналась здесь жизнь...

Здесь жили и шепот признаний,
огонь поцелуев в ночи
и жар осторожных касаний,
и трепет лиловый свечи...

Сюда, позабыв про усталость,
спешила когда-то Душа,
как часто тогда забывалось,
что нужно порою дышать...

Но что-то с годами случилось,
в тумане зеркал миражи,
наверное сердце остыло -
в нем холод обиды и лжи...

Ушли повзрослевшие дети
и в доме давно не поют,
здесь сны позабытые - ветер
и комнат застывший уют...

Когда бы мог...

Когда бы мог, поднялся в небеса
и полетел бы в горный край родимый...
склонился б у пристанища отца
и поклонился в ноги маме милой...

Когда бы мог, вновь встретил бы рассвет
и солнце за седым Хазарским морем...
поднялся к крепости, что бережёт от бед,
Дербент родной, живущий на просторе...

Когда бы мог, по улицам прошёл,
где детство босоногое промчалось,
к порогу отчему, куда я в Жизнь ушёл -
там навсегда Душа моя осталась...

Мой город древний, добрый мой Дербент,
к тебе стремлюсь всем сердцем, всей Душою...
ты вечно молод через сотни лет,
пусть далеко я, но всегда с тобою...

Где силы взять?..

Где силы взять мне, чтобы не сломаться
под тяжкими ударами судьбы,
не стать рабом и сильным оставаться
в день горя и печали, в день беды?..

Где силы взять, чтоб снова подниматься,
когда к земле придавит меня боль,
и чтоб гордыне глупой не поддаться,
и чтоб не потеряться, "вжившись в роль"?..

Где силы взять, чтоб не судить ошибки
других, ведь часто ошибаюсь сам,
и чтобы слышать в звуках вечной скрипки
и смех, и плач, и верить в чудеса?..

Где силы взять, чтобы любить всем сердцем,
не слепнуть перед блеском мишуры
и чтоб не стать изгоем, иноверцем,
и, не сломавшись, "выйти из игры"?..

ГАВРИЛОВ ВЛАДИСЛАВ (23.05.1979) – родился в г. Дербент Дагестанская АССР. В 1992 году с родителями репатриировался в Израиль. После окончания школы служил в Израильской Армии – офицер ЦАХАЛЯ. Поэзией увлекается с юных лет, его любимые поэты – Пушкин, Лермонтов, Цветаева, Ахматова. На портале сайта Стихи.Ру – «Весна Поэтов», можно ознакомиться с его произведениями. Владислав, человек поэтической натуры, уверен, что влияние деда и отца, научили его усидчивости, стремлению к знаниям, а их мудрость, справедливость и философское мышление, дали ему силу и уверенность в борьбе с самим собой, желание перевернуть мир. Отзывчивость и душевная доброта – матери, привили ему – веру, надежду и любовь.

«Я НЕ ПОСТИГ И НЕ ОБРЁЛ, СЕБЯ ИСКАЛ – ТЕПЕРЬ НАШЁЛ»!

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Повещается… Всем тем, кто не вернулся…

Вот закончилась ночь под чужою луной, всё спокойно.
И один только дождь бьёт по крышам сгоревших домов.
Я немного устал, и рассвет наступает, невольно,
Я не вижу давно по ночам никаких, мама, снов.

А вчера тут был бой и осколки, и пламя, и слёзы
Въелись в память мою и, наверно, уже навсегда
Где увижу теперь докрасна раскалённые розы,
Вспомню лица друзей, в чьих глазах замерла пустота.

Ты не верь никому, я с тобою навеки останусь,
И быть может сейчас, разделяют нас чьи-то долги.
Я вернусь, чтоб сказать, чтоб сказать, что я снова
прощаюсь,
Ждать так долго меня и надеяться можешь ли ты.

Ты не плачь, не волнуйся и верь, что наступит победа,
И тогда на границах опять зазвучит тишина.
Может быть, и не мной поднят флаг, устремившийся в небо,

Но ты жди, оставайся лишь матери долгу верна.
Мама знай, я тогда поступить тут не смог бы иначе,
Я уверен, поймёшь и когда-нибудь всё же простишь.
Мама, знаю, сейчас прочитав, ты всё это заплачешь.
Вот и всё – ухожу, обнимаю, целую. Крепись.

ЧТО СО МНОЙ?

Что со мной? Может быть дождь?
Может быть это, промёрзшая мгла?
Ведь от себя никуда не уйдёшь.
Ты бы хотела, если б могла?

Ты бы хотела уйти, убежать,
Через завесу ночного дождя?
Ты бы хотела меня вечно ждать?
Или уйти, так и не приходя?

Вновь я стою в одиночестве нем,
И в зеркалах вижу лишь, серебро.
Плачет душа из-за каменных стен.
Ей обломили второё крыло.

Что теперь делать? Скажи мне, ответь.
Как улететь без второго крыла?
Как мне замёрзшее сердце согреть?
Ты бы хотела, если б могла?

***

Знаю, что ты тоже, где-то стоишь,
И дожидаешься времени встреч.
Знаю, что ты без меня не взлетишь,
Всю теплоту, собираясь беречь.

ТЫ УБЕГАЕШЬ

Тёплая осень, письмом на столе,
И поезда, как прощальные строки,
Сердце разбитое тает в окне,

Ты убегаешь – глаза одиноки.
Через толпу всё таких же, как ты,
Тех, что хотят от любви захлебнуться.
Я потеряю твои здесь следы.
Чувства, которые вновь не вернуться.
Каждое утро теперь, я один,
После забытого сна, просыпаясь,
Вижу стекло всё узором из льдин,
И вспоминаю, как ты улыбалась.
Как на рассвете открыв лишь глаза,
Ты вся желала моих ощущений.
Нам, увы, вместе не взмыть в небеса,
В памяти только, осколки мгновений.
Нет, не вернуть мне наверно тебя,
Глупое сердце желает волнений,
Тёплым дыханьем в окне февраля,
Каждое утро ищу я видений.

МНЕ ОСТАЛОСЬ...

«Есть два пути избавить вас от страдания: быстрая смерть и продолжительная любовь» –
Фридрих Вильгельм Ницше.

Теперь мне осталось лишь смерти просить,
Стремительно-быстрой, стремительно-скорой.
Теперь мне осталось Тебя лишь молить,
Упав на колени, сей ночью бессонной.

Но если Тебе моя смерть не к чему,
Любви у Тебя попрошу, продолженья.
Пусть лучше погибну в её я плену,
Постигнувший мир, как в минуты рожденья.

Но если уже и любить, не дано,
И смерти стремительной ждать подаянья,
Остаться живым, без любви суждено,
Избавиться нет мне пути от страданья.

ГИЛИ ПОЛИНА (ЛИНА КАШТАН) **(14.03.1968)** – член Союза писателей Израиля. Родилась в городе Баку. Окончила биофак Дагестанского Государственного Университета. Прозой и поэзией увлекается с юности. Свои произведения печатала на страницах научных изданий, в местной периодической печати в газете «Аргументы и факты Дагестана», «Литературное обозрение», и др. В Израиль репатриировалась 2002 году с семьей (г.Кирьят-Ям). Ее рассказы и повести можно прочитать на страницах альманаха Хайфовского литературного объединения. Научно психологический роман Гили Полины «Проклятие Бекара» и книга «Ненависть», готовятся изданию.

КОРОТКИЙ МИГ СЧАСТЬЯ

Мы открываем глаза – и перед нашим взором предстаёт мир! Этот мир мы только что безжалостно вырвали из окружающей нас действительности. Он, этот мир, безусловно, обязан очаровывать нас, сражать чем-то, загадочным и притягательным, восторгать кем-то, очень талантливым и совершенным.

Этот мир вдруг открывается нам загадочной улыбкой соседнего дома, кустарниками напротив нашего окна, торопливо перебегавшей через проезжую часть улицы облезлой кошкой. Всё улыбается нам, как старым знакомым. А ведь так оно и есть! Мы – старые знакомые в этом переменчивом мире. В мире, имеющем две составляющие.

Первое составляющее – это мы, люди. Второе – это всё остальное. Почему так непропорционально и несправедливо всё поделено? Не знаю! Но думаю, что подсказало этот расклад нечто, расположенное внутри нас, осуждающее нас самих. И, как ни прискорбно это сознавать, но именно «всё остальное» этого мира остаётся более или менее неизменным. И лишь мы, люди, меняемся ежедневно, ежесекундно, каждый миг нашего существования.

Мигом управлять трудно, почти невозможно. Он держит нас цепко и безжалостно. А когда отпускает, мы улетаем в глубины вселенной, мечемся, тратим себя вновь и вновь часто лишь для того, чтобы найти дорогу назад. Дорогу, чтобы ощутить ещё раз тот короткий миг, данный нам как испытание. Короткий миг счастья, который мы иногда называем жизнью.

За что это нам дано? Это награда или наказание? Для того, чтобы совершать подвиги, или для того, чтобы грешить с упоением, ненасытностью и потом удивляться самим себе? Или же отдать себя сполна этому короткому мигу, раствориться в нём, отдать свою душу всем и каждому, не получив ничего взамен? И, окончательно опустошённым, скрыться в запредельном времени, и не возвращаться уже никогда?

Но, так или иначе, у каждого пришедшего сюда – свой путь и свой неповторимый миг. Как писал когда-то поэт-песенник Леонид Дербенёв:

Призрачно всё в этом мире бушующем.
Есть только миг – за него и держись!
Есть только миг между прошлым и будущим.
Именно он называется жизнь!

Вечный покой сердце вряд ли обрадует.
Вечный покой – для седых пирамид!
А для звезды, что сорвалась и падает,
Есть только миг, ослепительный миг!

Пусть этот мир вдаль летит сквозь столетия!
Но не всегда по дороге мне с ним.
Чем дорожу, чем рискую на свете я?
Мигом одним, только мигом одним!

Счастье дано повстречать – иль беду ещё...
Есть только миг – за него и держись!
Есть только миг между прошлым и будущим.
Именно он называет

***

Встреча... Дружба... Любовь... Вечные и старые понятия! Но они сегодня тоже играют в жизни человека важную роль. И каждый из нас вправе сказать: «Он мой! Только мой!», или же: «Я люблю его!», или же: «Я ненавижу его!»... Но в любом случае какое-то время мы – связаны и неразделимы. Какое-то время мы должны смириться друг с другом, принимая или не принимая от другого человека такое сотрудничество. Никто из нас не вправе отказываться от этого подарка. От этого самого желанного или не желанного мимолётного вздоха счастья, который совмещает в себе всё: тоску, восторг, боль и сладость существования. Мы – для него, и он – для нас.

Когда мы это поймём, то вместим в себе вселенную, дадим ей любить нас. Мы станем теми, кем должны быть изначально, – самими собой.

А пока мы разрываемся, уличаем себя во лжи, живём, прожигаем бесцельно каждый отведённый нам день. Истина существования так близка и проста, настолько очевидна, что мы не можем её найти, даже теряя на эти поиски всё отведённое нам время.

Мы, рождённые созидать, разрушаем мир вокруг себя, уничтожаем всё, до чего дотрагиваются наши руки, во что вкладываются наши идеи. Каждый из нас – как двуликая энергия, дающая свет и поглощающая его. Но почти нет никого, кто бы мог управлять ею. Нет, не совсем так! Всё же есть совсем немногие, кому дано это сделать! Но они упорно отказываются быть теми, кем рождены.

И, возможно, именно это губит нас. Наш мир и наши души...

***

Оглянись! Ты не похож ни на кого из тех, кто рядом с тобой, далеко от тебя или против тебя. Но почему-то на свет, который ты изливаешь вокруг себя, идут другие. Им тепло, им хорошо рядом с тобой, они питаются энергией, которой ты, сам того не замечая, одариваешь их. Они благодарны тебе! Всё их существо говорит об этом. Ты принимаешь это и ... через какое-то время вычеркиваешь их из себя.

Теперь ты снова – один на один с самим собой, растерянный и обуреваемый мыслями, которые не возвышают, а гнетут. Наступает время – и приходит совсем иная мысль, которая с каждым разом становиться всё сильнее и настойчивее: мысль о своей никчёмности. Когда она стойко укрепилась в тебе, ты теряешь свою ауру, свет, в котором так нуждаются другие. Проходит время – и ты становишься – как все.

Что привело тебя к этому состоянию? Отказ от собственной сущности. Почему? Попробуй заглянуть в себя. Попробуй узнать, что позволяет человеку...светить. Почему он награждён и наказан одновременно? Что является источником его света?

Ты пришёл в этот мир и полюбил его с болью в сердце. Ты полюбил в нём всё: гонки облаков по небу, сырой дождь, шторм на море, закаты и блеск звёзд. Ты вобрал в себя запах цветущих деревьев, сухой морозный воздух, стремительный полёт птиц и падение осенних листьев. Тоска и тайна ночей вливались в тебя с каждым твоим вздохом и застывали в твоём сердце тонкой и звенящей струной печали.

Всё отразилось в твоей душе и переполнило твоё сердце. Ещё чуть-чуть – и ты не удержишь лавины чувств, распирающей тебя изнутри. Нужен выход – и ты его находишь. Вдыхаешь и выплёскиваешь всё в Слова, Песню, Музыку, Нежность, Любовь, Совет, Мысль... Облекаешь всё своими чувствами, согреваешь светом души своей. Вдыхаешь вновь и... становишься опустошённым, бесконечно одиноким. В стихотворении полувековой давности Кайсына Кулиева «Музыка», которое нам известно в великолепном переводе Якова Козловского переданы чувства, переживания, изложенные мною выше...

Печальна и чиста,
Как жизнь – людьми любима,
Как жизнь – ты не проста,
Как жизнь – непостижима,
Музыка!..

На свете каждый миг
Мелодия родится,
Ты – сладостный язык
Дождя, ручья и птицы,

Музыка!

Ты – и весенний гром,
И хлябь ночей ненастных,
Ты стала языком
Счастливых и несчастных,
Музыка!

Ты – немота светил,
Молчание тумана,
Боль тех, кто долго жил,
И тех, кто умер рано,
Музыка!

Пусть в мире прижилась
Лишь часть твоих мелодий,
Твоя безмерна власть
Над теми, кто свободен,
Музыка

***

Но часто вместе с музыкой приходит тоска. Она укачивает тебя и поёт свои песни, гладит сердце грустью и слезами разочарования. Одиночество и оторванность становятся твоими спутниками. Они шепчут тебе на ухо горести и спрашивают: «Долго ли ещё страдать?». И ты понимаешь, что твой удел – страдание. Слушать тишину ночи и, не сдерживая слёз, уходить мысленно во вселенную, заточённую внутри тебя. Испугавшись глубины и бесконечности, просить свободы от самого себя. И думать лишь о том дне, когда вырвешься и закроешь глаза. Навсегда! Отказавшись от него – мига, дарованного тебе свыше.

Одно лишь слово заполняет твой мозг, одна мысль становится преобладающей. Ты говоришь о ней, ты зовёшь её. И тут же передёргиваешься, потому что твоё сердце начинает колоться в бешеном ритме, радуясь и боясь её. Вот тут ты и подходишь очень близко к той границе, перейдя которую можешь совершить самую большую ошибку. Эта граница настолько узка и остра, что каждый раз, когда ты стоишь у неё и раздумываешь, хочешь ли перейти её или нет, ты ранишь себя. Ты стоишь перед выбором, перешагнуть ли, уйти ли, оставив всех, кого любишь. Знаешь, в ком нуждаешься ты, или тех, кто нуждается в тебе, или же вернуться к ним и начать новый этап. Снова вдыхать запах цветов, прочувствовать до кончиков пальцев жизнь, наполняющую тебя живительной силой: любящим взглядом твоего ребёнка, улыбкой прохожего, тёплым плечом друга, шумным утром, криком соседа за окном, падающей звездой и просто любовью, которую дарят тебя те, кто ждёт твоего света

ДАНИЛОВ ДАНИЛ (ГЕОКЧАЛЫ) (1934 – 2015) член Союза писателей Израиля. Родился в г. Геокчай Азербайджанской ССР. Окончил литературный факультет АПИ им. Ленина в Баку. Преподавал, был инструктором молодежи профтехучилище г. Геокчай. В 1994 г. с семьей репатриировался в Израиль (г. Акко). Стихи пишет с юности. Автор сборника стихов "Анамын сэси" - "Голос матери", публикуется в альманахе «Мирвори» и «Кавказская газета».

БАҸЫ, - ҸАН БАҸЫ!!!...

Фәридә ханымын 60-јашы мүнасибәтилә:
Сәнин 60 јашын, мүбарәк олсун, Үрәјин һәр заман, севинчлә долсун...
Јазыб јарадасан, һәр заман – һәр ан, Сәнә көмәк олсун, бизи јарадан...!

Еј – әзиз сәнәткар, меһрибан бачым,
Лаигдир адына мән шеир јазым...
Сәнә шаир дејим, рәссаммы дејим,
Гәлбимдән кечәни сәнә сөјләјим;
Сәнин алтмыш јашын мүбарәк олсун,
Үрәјин һәр заман севинчлә долсун...

Бир рәссам кими мәтинсән – мәтин,
Һәр кәсә бәллидир сәнин сәнәтин...
Евләри бәзәјир күллү халчалар;
Онун һәр күлүндә бармаг изин вар...
Јаздығын шеирләр көнүл охшајыр,
Севинчдән бу гәлбим һеј ашыр дашыр...

Сәнин сәнәтинә һејранам бачым,
Лаигдир адына мән дастан јазым...
Шаирә бачымлә фәхр едирәм мән;
Сәнәткар бачымы чох севирәм мән...
Јаз – јарат, а бачым, дүшмә һәвәсдән
Халгымыз зөвг алсын әсәрләриндән...

Гој сәнин евиндә тој-бајрам олсун,
Данил дә о тојда шејр охусун.
Ај мәним зәһмәткәш, меһрибан бачым,
Күн олсун, јенә дә нәнә оласан,
Нәвәләр шанына шејр јазасан,
Маһир рәссам кими зәфәр чаласан!!!...

ӘЈ ВӘТӘН

Мән сәнин оғлунам, Вәтән, әј Вәтән,
Сәнилә фәхр едир, севинирәм мән...
Сәнли күнләрими унутмарам мән...
Мән вәчдә кәлирәм мәһәббәтиндән...

Һарада олсам да сәнинләјәм мән,
Көнүл ајрылармы өз севдијиндән?
Чәннәттәк бахырам чөлә-чәмәнә,
Вургунам, Вургун тәк, еј Вәтән сәнә...

Шанын-шөһрәтин вар дүнја үзүндә,
Боллу сәрвәтин вар хырман дүзүндә;
Памбыг тарлаларын - әмәјимиздир,
Бугда зәмиләрин - чөрәјимиздир...

Нур верән көзүмсән, Вәтән, әј Вәтән!
Ән ширин сөзүмсән, Вәтән, әј Вәтән!
Данил Көјчајлыјам, будур сон сөзүм,
Сән мәним өзүмсән, Вәтән, әј Вәтән!

КӨЗ ЈАШЫМЛА ЈУЈАРАМ...

Сәнин көрүшүнә һәр кәләндә мән,
Ајрыла билмирәм, а гардаш, сәндән...
Јадындамы, мәни көрмәјәндә сән,
Һарда олсам да мән, һәмән тапардын,
Һалымдан-ишимдән хәбәр тутардын...

Мән ата көрмәдим, сән гардаш кими,
Мән гардаш көрмәдим, сән ата кими...
Бу хошбәхт күнләри сән вердин мәнә,
Бу күндә, а гардаш, мәһтачам сәнә...
Нә гәдәр сағам мән, борчлујам сәнә...

Артыг илләр өтүб, гочалмышам мән,
Мүггәддәс адыны учалтмышам мән...
Мән һарда олсам да сән мәнимләсән;
Јәнә дә дајағым, сән-сән, а гардаш...
Јәнилмәз бајрағым сән-сән, а гардаш...

О сәнли күнләри унутмарам мән,
Сәнин јохлугуна инамырам мән...
Санырам һардаса сәфәрдәсән сән;
Јәнә дә тәзликлә көрәрәм сәни,
Бағрыма тез басыб, өпәрәм сәни...

Тәзликлә көрүшә кәләрәм, гардаш,
Сәнин әвәзинә мән өләрдим каш...
Гардаш дејиб, һөнкүр-һөнкүр ағларам,
Су олмаса, инан мәнә, а гардаш,
Баш дашыны көз јашымла јујарам...

ОХУ, НАМИГ, ОХУ

Мүғәни достум, Идирисов Намига, итһаф едирәм...

Тојлара-мәчлисә јарашыг верән,
Инсана зөвг верән, севинч бәхш едән;
Сәнин күләр үзүн – хош нәфәсиндир,
Шәлалә тәк ахан о шән сәсиндир...

Шәнләнир һәр тојда гоча да, кәнч дә,
Сәсләндир маһныны, Намиг дәјәндә...
Севинч әршә галхыр, һамы әл чалыр;
Севән үрәкләрдә сәнәт учалыр...

Сәнәтә мәһәббәт – халгына һөрмәт,
Бах будур әдаләт – бах будур шөһрәт...
Сәсләнән маһнынын һәр бир сөзүндә,
Санки бир һикмәт вар, Намиг, сәсиндә...

Јашыл мәшәләрин – уча дағларын,
Губанын алмасы – Көјчајын нарын;
Әтрини дујурам сән охујанда,
Гој сәсин јајылсын Милдә – Муғанда...

Халгымын евиндә тој – бајрам олсун,
О тојда – шәнликдә Намиг охусун...
Тәрифә лаигдир бу көзәл инсан;
Данил маһны јазсын достуна һәр ан..

Вячеслав Давыдов (Барух) – родился 6 октября 1946 года в Москве. По профессии музыкант, доктор искусствоведения. Литературой серьезно увлекся в 22 года, работал в жанрах прозы, поэзии, драматургии, а также в области журналистики. Имеет многочисленные публикации в российской и русскоязычной периодической печати. В Израиль репатриировался вместе с семьей в 1991 году. В настоящее время живет в Беэр-Шеве, где является членом литобъединения «Негев». С 1999 года – член Союза писателей Израиля, с 2003 года состоял в редколлегии «Кавказской газеты». Печатался в альманахах «Роза ветров», «Хронометр», «Возвращение в Сион», «Наше слово», «Поэты Офакима», «Горизонт», «Талисман пустыни», «Мирвори» и др. Выпустил четыре книги стихов: «Союз двух муз» (1996), «Россия издалека» (1998), «На своей земле» (2001), «Лирика» (2017). Издал два сборника пьес: «Это Израиль!» (2011) и «Вождь против фюрера» (2016). Во второй сборник вошли две пьесы, посвященные жизни горских евреев в Израиле: «Развод по-кавказски» (поставлена на сцене Кавказского театра в Хадере)) и «Время жениться». Выпустил также книгу «Воин, общественник, поэт», посвященную ветерану войны С.Н.Юханову (2013), книгу автобиографической прозы «Со мною ты, юность моя» (2014), сборник статей, рассказов и рецензий «О людях, об искусстве, о себе» (2015) и ряд сборников путевых очерков.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ПЕВЦА

(К 75-летию Муслима Магомаева)

Могила. И памятник рядом большой.
Вознесся в Баку в поединке со смертью.
Стоит он – Муслим во весь рост, как живой,
И будто поет он сейчас на концерте.

Ему бы исполнилось семьдесят пять,
И мог еще жить он, всех радуя пеньем.
Но сердце боролось с болезнью, - как знать?
Простились с великим певцом, к сожаленью.

Муслим, как король, на эстраде царил, -
Брал в плен нас он голосом мощным, бесценным.
Свои людям чудные песни дарил,
И ярко блистал он на оперной сцене!

Без этого голоса мы не могли
Представить жизнь нашу, - его так любили!
И разве был брежневский социализм?

В эпоху Муслима тогда мы все жили
Певца в этом мире теперь уже нет,
Но голос и песни по-прежнему с нами.
Как солнце, дарить и тепло нам, и свет
Они будут больше и больше с годами!

ЛЕРМОНТОВ НА КАВКАЗ

Пятигорск. Я стою у подножья
Машука, где гранит-обелиск...
Было л ь то провидение Божье
Иль слепой, неоправданный риск?

В белый домик с волненьем ступаю,
Где томился ты духом борьбы,
И невольно опять представляю
Я трагичность твоей всей судьбы.

Привлекли тебя горы Кавказа, -
Породнился могучий твой дух
С высотой, где, не дрогнув ни разу,
Пуль жужжаньем ласкал ты свой слух!

Но, презрев все людские пороки,
Гордо скрыл ты свой голос в тиши.
И горит в поэтических строках
Жар твоей исполинской души!

Почему и теперь неразлучны
С теми песнями мы, что неслись
Из груди твоей, так нам созвучны,
Будто только вчера родились?

Потому что бежал ты покоя
И туда смелый взгляд устремлял,
Где вздымалась волна за волною,
Где, ревя, бушевал дикий шквал!

Ухожу я. Прощай, белый домик, -
Для поэта последний приют.
Но твой, Лермонтов, маленький томик
Я беру в долгий жизненный путь

МЫ ПОБЕДИМ!

На бой вновь наши призваны солдаты.
К войне мы в Газе перешли от слов.
Но разве прекращался бой когда-то?
То потухал, то вспыхивал он вновь.

Но сколько можно жить под вой сирены?
Терпеть обстрелы частые извне?
Был наш Сдерот ареной для мишени.
Теперь весь Юг во взрывах и огне.

Хамас и не скрывает злобной цели:
Лишить нас данной свыше нам земли.
Наносит раны, чтоб погибло тело, -
Уж восемь лет ракеты смерть несли.

Но нет, не из пугливых мы, евреи, -
Нам силы, мужества не занимать!
Давно всем показали Маккавеи,
Как мы с врагом умеем воевать!

Хоть есть у нас права на оборону,
Мир поднял лай с арабским воплем в тон.
И в том душонки подлой их основа:
Евреев можно бить, а их – не тронь!

Без гибели людей нет войн в помине, -
Победа дорого дается нам.
Но в жертвах в Газе сам Хамас повинен,
Живым щитом народ свой, сделав там!

Дай Бог нам воли, чтоб сраженье это
Мог до конца вести Иерусалим.
Другой у нас альтернативы нету, -
И страстно верю я: мы победим!

ПАМЯТИ ВЕТЕРАНА ВОЙНЫ С.Н.ЮХАНОВА

Как горько сознавать, что Соломона
Теперь на свете с нами больше нет.

Из сердца рвутся звуки плача, стона,
Что друга потерял, кого знал столько лет!

Как ветеран войны, он шел к Победе,
Участвуя в боях за Сталинград,
Освобождал Одессу, презирая беды,
На улицах сражаясь, как солдат.

Ее почетным гражданином станет
Кавказа славный и достойный сын,
С Израилем потом судьбу он свяжет
В восторге от его чудес, святынь.

Он нес добро и состраданье людям,
Даря любовь им и надежды свет.
Его, как оптимиста, не забудем,
Был весельчак он, балагур, поэт.

Прощайте, Соломон, мой друг прекрасный, -
Всем нам Вас будет очень не хватать.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Если будет Россия, значит, буду и я. – Е.Е.

Ушел поэт. Ушел от нас навеки,
Кто долго частью нашей жизни был,
Кто столько лет во имя человека
Поэзии по-рыцарски служил.

А ведь поэт как будто бы недавно
На встречу в Беэр-Шеву приезжал.
Осталось фото: утомленный явно,
Всем существом добро он излучал.

Носил шестидесятника он званье,
И был еще бунтарь и скандалист.
Любил быть в центре общего вниманья, -
И гром оваций знал, и дикий свист.

Он смело рассказал о Бабьем Яре, -
Трагедию скрывали столько лет...
Со всех сторон посыпались удары:
Поэт в России больше, чем поэт!

Сам Шостакович поддержал поэта
Тринадцатой симфонией своей, -
Премьеру всё ж не удалось запретом
Сорвать антисемитам всех мастей!

Потом на ввод советских танков в Прагу
Ответит гневными стихами он.
И требовалось мужество, отвага,
Чтоб тот разбой навек был заклеймён!

И пусть вдали он от родной стихии
Немало лет за рубежом прожил,
По-настоящему любил одну Россию,
Которой жар души весь посвятил!

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ СИМХИ АШУРОВА

Сегодня горе нас объединило, -
Покинул навсегда Симха наш круг.
Стоим, скорбя, сейчас мы у могилы, -
Он был большой художник, чуткий друг.

В своих картинах чудных, восхищаясь,
Воспел он родину свою – Дербент.
Красою горских женщин восторгаясь,
Возвел их на почетный постамент.

А сколько книг оформил, как художник, -
Их невозможно все пересчитать,
И в ярких красках, красоты заложник,
Умел людей, природу рисовать.

И расцвели его талант и Муза
В Израиле, в который был влюблен.
Как председатель нашего Союза,
Помог здесь многим живописцам он.

Всю жизнь Симха служил с высоким чувством
Прекрасному, горя огнем творца.
И, преклоняясь пред его искусством,
Мы память сохраним о нем в сердцах!

ДАДАШЕВ МИХАИЛ (00.00.1936) – член Союза писателей Израиля и России. Родился в в городе Дербент (Дагестан). Заслуженный экономист Республики Дагестан. Живет в Москве. Окончил экономический факультет Московского Государственного университета. Работал заведующим отделом газеты «Знамя коммунизма», отмечен почетными грамотами Министерства финансов СССР, Российской Федерации и республики Дагестан. Литератор, прозаик по призванию, экономист по профессии. Составитель «Татско-русского и русско-татского словаря». Автор книг «Судьба», «Полонез любви», «Суета сует», а роман «Маковый след» – историческое повествование о разгроме еврейского селения Аба-Сова.

БИРОРГЪО

Э гӀуьзет шасд сал биреи эз хьуькуьмэт
Советире бине нореи э Догьисту.

Екимуьн серне

Вэхд эн васал бу. Доргъо сер гирдебируьт эри чуьме лов сохдэ. Богьгъо ве богьчегъо пур бируьт савзе ве ранге-берангие гуьлгьой васали. Гъушгъо, э чуьшмей васали ве ранге-беранге гуьлгъоошугъ бирэ, сэр гирдебируьт эри хундэ мугъумлуье мэгӀнигьошуре, мигуиге хори-гьовош эдембируьт шори сохдэ, э васалевоз эеки омори гуфдире азади ве дусди эри хэлгь, комиреки овурди тозе хьуькуьмет Совети.

Гъэчэгъэ гуьркгъо эз ело, хунхуре талавурчигъой Деникин ве англичангъо эз елойге э гьэриш эн и песини дуь сал э могьлугъ шегьер омбаре гьэзобгъо гировундебируьт: хунегьошуре талаш, молгъэрере эз дес ишу векенде ве э гӀэруьс – духлер гуж сохдебируьт. Эз гиснеи ве нечогьигьо косиб-кусуб эдембируьт эз дес рафде, небу ужире хуне, эз комики е-дуь мито неведебердебируьтгьо. Кими вэгӀдо муьрдегьоре э хьэётгьо енебуге э гьомборгьо гъовре мисохдуьт, чуьнки эз куче гирошде нисе бирембу эз гӀэре недоре шенде оморембируьтгьо гунилегьо ве эз терс гъэчэгьгьо э одомигъо хьэлово биреи.

Э пушой гьопу, нечогъэ одоми бэгъдовой е-дуь мегь э хьэлов домундеи вэхизуьгьоре хуно, омунсуьз, сердуллу, десгьоре э сер зани веноре, нуьшдебу Шенде. Эзи е мегь пушо, дедей энугьо, эрию е чоре небире, муьрдебу.

Шенде е бисдпенж сале кук бу, буй-балай ю гьуьндуьр, фирегье сифет, тенге пушони, гъолинде ловгьо, муйгьой ю сип-сиегь, гъир-гъир бу. Зиёди рачиш небуге, бирачиш небу. Эз дур э и обурлуье одомигьо ухшеш зерембу. Оммо уре шиноздегоргьо, гьеммеш дануьсдембируьт, ки Шенде гьич эз лой эну одомигьош нерафди гуфдире.

Э фикиргъо, хэёлгъо дери Шендере хэбер нисе бире, чуьтам э ён ю Оврум лелешу оморе нуьшдениеге. ГӀошире одоми сэхъиб эн келе богъгъо нен ветэгъэгъо, у гьевел эз куче гирошденге, коргьой гуюгъоре хуно, сенгъгъой кучеш лерзиребируьт. Чуь кориге гъемогъой омо нуьшд э ён бирорзерей хуьшде ве сер гирд уре эри дуьлолхоини доре.

– Туь имогъоиш, бирорзере, э дерд ве гъэм дери?

Хуьшдере хурди-нуьшди гуфдире, эзу кор е кор нисе бире, хелефме. Чуь биё сохде биёв?! Гьеммей эни гIуьломиш муьрденигьои. Э дерд ве фикиревоз муьрдере дуьборе зинде сохде нисе бире. Меш данусденуьм, деде муьрде эри одоми омбар гурунди.

Туь данустеники, е падшогъе кук мере э пушой чумгъойме зеруьт куьшд. Ме чуь биё сохум? Чуь сохум, эдее тоб дореныьм, зугъун мере гIэнж гирдем, гоф мере, сес мере нешиновут гуфдире. Ижире земонеи гъеймогъой. Бэхд иму э бедбэхди чарусди. Э ёр ме оморе-дироморенге, ки имбуруз-себэхь эхир имуш пуч-гьич, гьилим-гьоволим мибу гуфдире, э жендекме лерз офдоре, муй тенме биз-биз бире, у э серме оморе гъозиегьо эз ёрме фурмиш бирени рафде. Эгъ, мозоллуье зиндегуниму... Фикиргъой Шенде э лой гофгьой лелешу небу, унегуьре у гофгъой энуре гуш нисе гирдембу. Оммо песини гофгъоре шиновусд. "Мозоллуье зиндегуни?!" Бири ми Шендере шоре, хубе, мозоллуье зиндегуни!...

Ю бошгу, гьеле жогьили. Оммо дедешу?! У гьич е хубе руз недири э и гIуьлом, е шори, ники недири. Тешне, темеруз рафди у эзи гIуьлом... Имогьой эричуь омори лелей Оврум? Эри дульсухуни сохдэ? Енебуге э гофигере, е коригере дери э дуьль ю? Е кор гьисди э хьисобевоз. Коргьой э метелегьо гуфдиренигьоре хуно: "Холере дерд юни."

У эри эй ю сарф бугьо кор хьофд рузине рэхъэш мирав.

Расди лелей Оврум чуь кориге и песини вэхдгьо Шендере эз ёр ведешенде фурмуш не сохде: пул дори, эри ю тозе парталгьо, мэхьсгьо восдори, хотур юре эй е кориш не гьишде, мигуиге уре ширини зери вогосунде э бирорзере. Эри эну ихдилотгьо мисохд э товун ю гешдигьо шегьергьо. Оммо Шенде кими вэгIдо омбор мэхьтел мундембу э и песини менэхьэфигьой лелешу, чуьнки у лап хуб дануьсдембу хосиетгьой лелешуре. Унегуьре у эз зир лов хэндуьсдени ве теклиф сохде «гъуногъэ" э хуне не деберде. Чуь соху огол зере? Э хуне уре гьичиш неде, песде дуьл эну коргьош нисди уре гьсйсэгIэт. Хьофди дедешу варасде бэгьдо, дие Ошир – чуьклеи бирор энуш не оморе экин эну. Угьо сэхд гъэгьри бирет дуь эз еки.

Имогьой пенж мегьи Шенде э ежигеш кор не сохдембу, унегуьре эдембу хуьшдере хурде-нуьшде. Э чуь-жо бурав, чуь соху? Э кучегьош гьейсэгIэт гъэтмэгьэришини, е шинохэ одоми ниофи. Шенде эри хуьщде рэхь неофде, э гьэриш тэхьное хуне эдей, коргьой гуюгьоре хуно, "гьуй зере гешде».

Оврум е денуьшдее, обурлуье, пура пенжогь сале мерд бу, гъэйчи зере сиегье рушгьо. Э хубе вэгIдогьой хуьшде э дэ шегьергьойге рафденге у вокурдембу европейский костюм, крахмал зере сипре руйшеини э галастукевоз, э пойгьой хуьшде – ковшгьой офицери. Э гьэд шегьерки рач-раче чухой мовут енебуге гъобой ластик ве бугьолуье килэхь бухореи э сер ю. Буй етир французи э Дербенд суьфде эз Оврум омори. Ю нешиновусдеки, уре «Модний Оврум» гуфдирембируьт, оммо э руй ю эз хьэлежигери екиш е гофиш нигуфди.

Эз зир хэсде гъошгьо чуькле чумлегьой эну дениширембируьт э одоми э уьктеми, текебури не гьэгьревоз. ТэгIрифи гьэйлей эн Оврум, гьеммей ю э суьрх не нуьгьререво3 нэхуьч вэчире бугьо, эз лэгIэй хэлгъ шегьер не вздарафдембу. Гуфдиренуьт э сереботи эну гьэйле е косиб те муьрде куфде омори, юре темэхь бире, гьэйлере дуьздире воисденге.

Лелей Оврум вегирдени эз сер хуъшде килэхь бухорере, норени э сер зани, гъэйлере эз лэгIэ ведешенде, чаруьсдени э лой бирорзере, гене чуьниге эри гуфдире. Оммо Шенде, гьетте у килэхьэ вегирде, мугу эзу:

– Э лелей Оврум, э герми чуьшме меденишит, гьеле хиники, кулоки, килэхьэ венит, хиники нерасуь э ишму...

– Эгь, герми мере. Эдей сухденуьм, э дуьлме гIэтош дери. Дердгьо-фикиргьойме эдете сухунде, шенденуьт мере, хэлефме, – У десе э сер дуьл хуьшде веноре, совусдени.
– Визор оморем, муше хуно, эри пэхъни бире эдее луле гешденуьм эз дес эни большевикгьо. Туь эн ме кес нисди, бирорзереймени, унегуьре эдее гуфдиренуьм э туь: мере унгъэде эз большевикгьо гъэгър оморени, ме угьоре э лов суьгьре тону дирируьмге, гьич «огь" несохде, мизенуьм мидешенуьм э гъэд ю.
Оврум муьшде гирде, дендунэгьижи сохдени, гьеле-буле гирдере хуно, песде э лой бирорзере чаруьсде, пуьрсирени:
– Ме э туь гуфдиремгьо гоф э ёр туь мунди?
– Ме э е жигеш нисе рафденуьм, – евошлей, сере гъуз гирде, жугьоб дорени Шенде.
– Чуь-чуь? Бегем туьре, гъуше хуно азад, тенги-михьтожи недире, зигьисде не воисде?
Бегем хори бебегьо эзи большевикгьо тапталамиш сохдигьо, вачарундигьо хори зобуни? Э негьогь не гуфдире, ки: "Жогьили – неданики" гуфдире. Туь иловлей туьре не диреге, не шиновусдеге, мере семе гуш вени дие. Ме э и гIуьлом негешде, недире жиге нисди; эз Ёрушолеим сер гирде те Варшава не Лондон вадарафде, э гьемме шегьергьо гешдем. Ме дирем, дануьсденуьм хубе зиндегуни чуьниге, чуьжире биреге... Э инжо дие берекет недомунди эриму.
Чорей Оврум мибисдоге, у гьейсэгIэт мивэхуьшд э пой не и гофгьоре, евош-евош нэгI, э хьэроевоз, шивен сохдеревоз, мигуфди. Оммо у хуьшдере э гужевоз хомуш сохде, э ён гуш бирорзере гъуз бире, евошлей мугу:
– Туъ дануьсдени себэхьине руз Догьисту чуьжире иибуге? Хэребее, торике руз мибу. Инжо дие эри чум вокурде, зигьисде минкини нибу. Э гофме дениш, хэлефме, те гьеле минкин гьисдигьо, сер имуре вегирим вирихуним эзинжо.
Шенде гье гьечу сергъуз, чуьтам нуьшдебуге, эз жигей хуьшде нежуьмуьсд. Чуьнки у, ю хуьшдениюш, не дануьсдембу чуь сохуге, э гоф энки бовор сохуге, э гоф эн лелешу енебуге эн Ошир бирор ю. Оммо лелешу гуфдирембугьо гофгьо эз товуней э е вилеетиге рафдеи, гьич эз дуьли эну небу. Чуь сохде унжо у, косибе, пулсуьзе одоми?
Оврум диренге гьовой энуре, гене сер гирдени нубой энуре эри хунде, соки, «эсер венгесде" бирорзерере.
– Туь ебо фикир сох, виниш: эз дес ки пуч бири гье э гъэдлей Дербенд хэйли одомигьо, эричуь куьшде омо ри фэгьире Бирор э гIэилгьоревоз, э зеневоз? Чуь тэхсир вебу э сер гIзилгъо нен зен эну? Бошгу, гуюм вэхуьшди э гуьрдлеме э руй келей большевикгьо гуфдири эз товуней зобуне зиндегуни хуьшде, гIэилгьой юре эри хурде хурек нисди, эри вокурде партал нисди гуфдире. Гье эри эни гоф?! Ки восдори эз десме хунегьоре, богъгьо ве ветэгьэгьой мере? Бегем большевикгьо неовурди э сер хэлгь и гьэзобгьоре? Туь гьейсэгIэт, кура одочире хуно, бел кире гириге не дануьсде!— Оврум, туьндлемиш бире, кеке-кеке, хьэрой сохдере хуно, гуфдирени. – Э дес ки дери богъгьо не ветэгъэгьой эн Ахундовгьо, Хануховгьо, Гайдаровгьо, Дадашовгьо? Ки зигьисде э хунегьой энугьо? Большевикгьо! Ченд гIоширгьо, революция биренге, вирихдет, рафдет э де вилеетгьойге? Туь гьечи дануьсдени угьо эз иму хэрте бу? НэгI! Те серме э герденме веригьо, те э жунме жуьргIэт деригьо, ме и гьэгьре э угьо нидегьилуьм, Ме э угьо мибирмунум, ме войгей мере сохденге, эжиге овурденге, мивини, э ме бэхили сохдегоргьош мибу. Богъгьо-хунегьой мере вегирдетгеш, гьеле зирме, худоре шуъкуьр, пури, десе э куьф зеруьмге, сес миёв. Туь энме кес нисди, дуьл иму биё эри еки суху. Иму э эзини вэхд биё экин еки бошим. Эзини гьэтмэгьэрише мэхьэл эриму дуь эз еки дур бире дес нисе доре... – Оврум екем хомуш бире, зиёд сохдени, – э у гIэре туьш э меревоз мидебоши э гIэрей обурлуье, вегирлуье одомигьо, мизигьи одомире хуно. Оммо инжиге, дуьргердо, офдоре муьрдигеш, екиреш эз туь хэбер нибу.

ДАДАШЕВ БОРИС (29.12.60.) – член Союза писателей горских-евреев в Израиле. Родился в г. Грозном, Чечено-ингушской АССР. Окончил Грозненский нефтяной институт по специальности инженер-механик нефтяных и газовых скважин, а также институт общественных профессий по специальности журналистика. Стихи начал писать со школьных лет. Первые публикации в периодической печати г. Грозный и г. Небит-Даг (Туркменской ССР). В Израиль репатриировался с семьей в январе 1992 года. Живет в Ашкелоне. Печатается в израильских литературных журналах, альманахах и антологиях «Юг», «Наша звезда», «120 поэтов русскоязычного Израиля», а также за рубежом – в России (серия поэтических сборников «Свеча», ежегодники «Год поэзии», антология современной мировой поэзии на русском языке «Земляки») и Финляндии (литературный альманах мировой русскоязычной диаспоры «Под небом единым»). Борис Дадашев автор книги стихов «Интонации». В настоящее время готовится к изданию его следующая книга.

Баку

По городу скучаю своему.
Тоскует дом по моему теплу.
Ведь, только там, где тихо и спокойно,
В воспоминаниях душу отведу.

В Баку тепло мне даже от луны.
Смотрю на звёзды, как в пчелиный рой.
Весь небосвод на зеркало морское
Любуется, как дева под чадрой.

Затронет душу - тар и команча –
Печальный, умилительный мугам.
И, кипарисы стройные под звуки,
Раскачиваясь, изгибают стан.

Как прежде, по бульвару бродят люди.
Свидетель встреч – «Жемчужина» стоит.
С навесом, как раздутый келагай,
Гостей шашлычным запахом манит.

Как жаль, что уезжаю слишком рано,
Оставив в сердце память о Баку.
И, жаль, что запах моря и шафрана,
Забрать с собой никак я не могу.

Путешествие по Эрец Исраэль

Страна контрастов – Эрец Исраэль -
Стоит на стыке разных континентов.
От Самарии – горных Галилей,
До Негева – пустынных километров.

К Рош-А-Никра фуникулёр помчал
Дотронуться до северной границы.
В горе туннель – подарок англичан,
Отточенные скалы, как страницы.

Несётся с севера река «Йордан»,
Проходит через озеро «Кинерет».
На камнях заповедника «Тель Дан» -
Хозяйка Саламандра спинку греет.

Там перелётным птицам - тёплый стан:
На арках Ханаанских врат – гнездовья.
Селение и название речки «Дан» -
Царь Ахава, всем даровал раздолье.

Историей оставлен всюду след...
В пещерах сталактитовых и гротах.
В руинах Храма таится секрет...
В развалинах, едва заметны тропы.

Вода из недр, словно эликсир.
Купальни уготованы природой.
В «Хамат-Гадер» на отдых, как на пир
Стремятся, невзирая на погоду.

В Кейсарии положено начало
Движению христианства в этот мир.
Веков загадка: чаша «Грааля».
Из коей – втайне Иисус испил.

Деревня «Друзов» на горе «Кармель»-
Селение для малого народа.
Обычаем, религией своей
Основана – Сирийским древним родом.

Наследие ЮНЕСКО – Акко порт,

Где были Бонапарт и оттоманы.
Встречаются здесь Запад и Восток.
От турков в память – пушки и хамамы.

Здесь – крестоносцев крепость монолитом
Что, мощной грудью волны отбивает.
И, монастырь от – «Орден Кармелитов»
Лабиринты тамплиеров открывает.

На всю страну – богатство трёх морей.
Во всех есть красота и дар небесный...
На море «Мёртвом» – айсберги солей.
Порт в «Средиземном». В «Красном» – риф чудесный.

Иерусалим – под именем – «Шалем»,
Для трёх религий – мудрый прародитель.
За крепостью Давида сей "ЭДЕН".
Захватчикам, царям была обитель.

В камнях и храмах затаилась Эра.
Оставлен след победы Маккавеев.
Здесь – гроб Господень, и мечеть Омара.
На Стенах плача слёзы всех евреев.

Воистину, волшебная страна!
Из праха лет восстало государство!
Прогрессу не мешает старина.
Без прошлого – нет будущего царства!

P.S --XIX-XVIII века до н.э. - Иерусалим упоминается в египетских папирусах под именем "Рушалимум". Примерно к той же эпохе относится рассказ Торы (Пятикнижия Моисеева), упоминающий Иерусалим под именем "Шалем"

Посвящение солдату Израильской армии

Гене Моисееву.

На стене висит портрет солдата.
Улыбается небритое лицо.
Пальцы на прикладе автомата
Так и, не надевшие кольцо.

Мама, в своих воспоминаниях.
Тихо шепчет над фотоальбомом...
То, улыбка на губах мелькает,
То, обида душит горло - комом.

-- Вот - малыш, как вишенки глазами.
А, на этом фото - всей семьёй.
Здесь - пикник с хорошими друзьями
Он, в обнимку со своей сестрой.

В памяти, былое возродится.
Повернуть бы - это время вспять.
Незаметно вырос сын в красавца,
Хоть бы раз, его к груди прижать.

В думах, мама смотрит на дорогу.
Жизнь так пролетела, словно миг.
Гена с рюкзаком уж, у порога
Шевелюру всю свою остриг.

Над землёй кружатся вертолёты.
К долгу - призывает всех страна.
-"Мама - не волнуйся. Буду не в пехоте,
Я же в лучшем танке – «Меркава»! («מרקבה»)

Грянул залп, и, встрепенулись горы.
Навернулась на глаза слеза.
Не слышны ни крики и, ни стоны,
Только - голуби взлетели в небеса.

Море

Луна над морем необъятным
Посеребрит тропу игриво.
Но, ей на лика - ветер пьяный
Нагонит облака ревниво.

В объятия к берегу накатят,
Плеская волны, как в огне.
Проблеском золота обхватит,
Прибой роскошный на заре.

На берегу, как на тетрадке.
Рисую всё, что в ум придёт.
Волна, со мной играя в прятки,
Пушистой пеной всё сотрёт.

Между собой - базарят чайки.
Похож на смех или, на звон.

Любуются на рыбок стайки.
Или, как пляшет "Посейдон".

Влюблённые придут на берег,
Раздвинут взором горизонт.
Уйдут на остров все, кто верит.
Там заживут, как Робинзон.

Остров

На далёком острове - лёгкий бриз.
Необузданно дика природа.
Набросал создатель свой эскиз,
Манит сумасшедшая свобода.

Прочь воспоминания, ностальгия.
Мысли развевает запах моря.
Время в белой магии застыло.
Жить бы здесь - без суеты и горя.

Мирным организмом остров дышит.
Крабы зарываются в песок.
Насекомыми, зверьём всё кишит,
В океане - маленький кусок.

Маяка здесь нет. Нет и причала.
Мир свой обособлен от людей.
Духи ореолом обвенчали,
Сберегли бы от чужих страстей.

Если вдруг, придут сюда пришельцы...
Закружит всё в дикий ураган.
Узаконят новые владельцы -
Эту землю, жизнь и капитал.

И, начнётся поиск Эльдорадо -
Рудники - на золото и медь.
Отовсюду с мира дипломаты,
Принесут на остров злость и месть.
Здесь, неспешно протекали годы.
Остров не простит и, не поймёт.
Уходя в забвении под воды.

Он, навеки - вечные замрёт.

ДАНИЛОВА СВЕТЛАНА

Родилась в г. Нальчике (Россия, Кабардино-Балкария) в 1940 году. По образованию кандидат исторических наук, педагог, журналист.

В 1990 году избиралась депутатом Верховного Совета КБР. С 1988 по 2001 возглавляла еврейский общественно-культурный центр "ТОВУШИ" (КБР). С. Данилова занималась вопросами защиты прав и национального достоинства евреев Кабардино-Балкарии, Чечни. Способствовала срочному выезду евреев из Грозного в период войны в 1994, 1996гг. в Израиль. Организовала выпуск газеты " Евреи Северного Кавказа".

С. Данилова была членом Совета по правам человека при Президенте КБР, участвовала в еврейских съездах страны, была избрана в Президиум Конфедераци еврейских организаций и общин.

Светлана Данилова автор книг "Спешите делать добро ", " История и этнография горских евреев Северного Кавказа в документах 1829-1917гг ",

"Горские евреи Кабардино-Балкарии ", "Черкесы в Израиле", "Исход горских евреев: разрушение гармонии миров" ,в 2005 году издана книга "Сердца, дарящие тепло" , в 2012 г. вышла книга " Разорванный круг ". Более 20 лет изучает историю Холокоста евреев Северного Кавказа, собирает воспоминания людей , переживших войну. Имеет благодарственные письма от Фонда визуальной истории "ШОАХ" Стивина Спилберга и от президента фонда Майкла Беренбаума. С 2001 года Данилова живёт в США, занимается волонтёрской деятельностью, организовала выпуск журнала "ТОВУШИ-СВЕТ". В 2005 году издана книга "Сердца, дарящие тепло" , в 2012 г. вышла книга " Разорванный круг ".

Победа одного человека

В городе Нальчике жил удивительный человек,я его часто вспоминаю. Захар Ильич Ильягуев. В 70-е годы он вёл борьбу против официальной политики антисемитизма. З.И. Ильягуев писал во все инстанции, в редакции газет" Правда", "Труд", "Советская Россия", " Известия", в журналы "Вокруг света", "Крокодил", писал на телевидение, обращался к генеральным секретарям ЦК компартии, в Антисионистский комитет .С чем же обращался Захар Ильич, что не давало этому пожилому человеку спать, что волновало его душу?

Захар Ильич рассказывал мне , что после разрыва дипломатических отношений СССР с Израилем в 1967 году в газетах и журналах появились карикатуры на Израиль с символом еарейского народа. Он писал в Москву: " Кровь шести миллионов истерзанных евреев под шестиугольной звездой кровоточит ". " Я в своих письмах , - говорил Захар Ильич, -доказывал недопустимость оскорбления национальных чувств народа,- ведь это фашистское наследие". На эту борьбу уходили годы. Он принес мне, в еврейский центр ответы на его письма.

Из издательства ЦК КПСС " Правда " отвечает Ю.Новиков:

" Мы консультировались в соответствующих инстанциях ".

Из этого ответа всё ясно... И как можно после этого отрицать , что антисемитизм был свыше? Редактор газеты "Труд" А. Алексеев ответил: -" Уважаемый З.И. Ильягуев! Рисунок направлен не против еврейского народа, а против правящих кругов Израиля, которые проводят агресивную внешнюю политику. Хотим заметить, что шестиконечная звезда символ сионистов ".

А вот ответ М.Виленского, редактора иностранного отдела журнала " Крокодил " (15.02. 1978)

"- Наши карикатуристы рисовали шестиконечную звезду не как религиозный символ, а как часть национального флага. Теперь же мы решили воздержаться и от этого и писать слово Израиль вместо шестиконечной звезды ". Редакция газеты "Правда"рекомендовала всем художникам -карикатуристам не злоупотреблять, изображая шестиконечную звезду". Это была победа! Победа одного человека против политнки сильного государства. З.И. Ильягуев обращается в Министерство иностраных дел: -" Сколько можно поливать грязью, вызывать ненависть к государству Израиль? Стойкость и мужество еврейского народа в неравной борьбе вселили надежду в сердца евреев мира. Наконец евреи приобрели свою Родину. Иерусалим- единственная святыня евреев, где бы они не жили. Москва , Кремль дорогирусским.Париж-французам.Мекка мусульманам. Сколькоможно преставлять Израиль монстром?" Злободнекно звучат эти слова. Ильягуев обращался в Антисионисткий комитет, к генералу Д. Драгунскому: "- Генерал, антиемитизм придуман не сегодня и не вами. Арабские террористы убивают в Израиле детей, но вас это не волнует. Генерал, евреи едут в Израиль, чтобы дать покой своим детям . внукам от статей, подобных вашим". Он называет комитет штабом антисемитизма. В одном из писем, Захар Ильич подвергает критики творчество карикатуриста Бориса Ефимова, называя его фамилию Фридлянд. Ильягуеву пишут, чтобы он не отравлял себе старость. Да, З.И. Ильягуев был пожилым человеком, ему приказывали замолчать, угрожали, делали у него обыск, арестовывали, не имея на то санкции прокурора, но он говорил: "- Я одинокий человек, и ничего не боюсь. Моя смерть принесет мне больше пользы, чем моё существование".

Где же истоки этого несгибаемого человеческого, и в данном случае еврейского духа? Захар Ильич родился в 1904 году в г. Дербенте, воспитан в религиозной горско-еврейской семье садавода-виноградаря.Дед и отец в свое время ездили в Иерусалим.Захар Ильич знал иврит. Он участник Великой Отечественной войны. С 1953 года жил в Нальчике. Он многим помог выехать в Израиль, и это в то время, когда сделать алию было сложно. Он часто приходил ко мне в еврейский центр. Очень жаль, что я не могла проводить его в последний путь. Еврейская община г. Нальчика проводила его с честью. Я часто вспоминаю его. Преклоняюсь перед его мужестом этого человека, он был сильным духом человек.

Мир вашему дому

Вот уже 14 лет я живу в Нью-Йорке, но большую часть своей жизни я прожила среди мусульман-черкесов-кабардинцев. Мои предки – пять поколений, которых я знаю, также прожили среди мусульман. Но, к сожалению, нет дня, чтобы не стреляли, не убивали в этом прекрасном крае России, на Северном Кавказе. Кто хотя бы раз побывал на курортах этого региона, на всю жизнь запомнил удивительнейший уголок

планеты Земля. Снежные вершины Великого Кавказского горного массива, водопады, озёра, альпийские луга. Сюда приезжали поэты, этнографы, путешественники, туристы и альпинисты, здоровые люди и очень больные, которые поправляли своё здоровье благодаря нарзановым источникам и лечебным грязям. Больно и обидно писать о том, что там сегодня происходит. Больно, потому что я родом из этого края, больно потому что хоть и малочисленная община горских евреев, но продолжает там жить Но в 90-е годы , с развалом бывшего СССР, начался исход горских евреев с Северного Кавказа. В основном, исчезали еврейские общины. Евреи уехали не от народов, а от произвола, который царил везде. Простые люди говорили нам- с вашим отъездом исчезает берекет(благославение). Известно,что евреи барометр, если они массово покидают нажитое место, на смену мирной жизни приходит война. Вслед за евреями уезжают русские, армяне, молодёжь коренных народов, но вот вопрос - куда им бежать? У евреев, Слава Б-гу, есть Израиль, а куда ехать другим?
Мудрость людей в том, чтобы находить общий язык, создавать условия для общего проживания.

И в Торе и в Коране написано, что спасение одной жизни- - есть спасение всего человечества и неважно какой ты национальности, неважно мусульманин ты, христианин или иудей.

Современный писатель Казбич-Чеченский- мусульманин, писал в своей статье-"... когда люди появились на свет, Господин Вселенной дал каждому народу свой язык, свою землю, свою культуру и традиции, иникто на земле кроме самого Господина миров не в праве их отнимать и подменять фальшивыми ценностями. "

Эта статья крик моей души. Мне больно, потому, что мои друзья русские, кабардинцы, балкарцы, осетины, чеченцы, ингуши, народы Дагестана живут там. Я живу в Нью-Йорке, но поверьте, у меня болит душа за Кавказ. Там могилы моих родителей, там-мои друзья мусульмае, русские, которые для меня родные люди. Сегодня в страны мира пришла идеология экстримизма. И если мы не хотим вернуться в каменный век , мы должны уметь жить в мире, в понимании, в терпимости. За столетия совместного проживания у нас много общего. Живя веками на Кавказе, горские евреи выработали похожие с соседними народами традиции, обычаи, обряды, восприняли общекавказскую одежду, украшения, но при этом оставались верными своим предкам-вероисповиданию, оставаясь евреями. Наше старшее поколение прекрасно знали языки кабардинцев и балкарцев и это помагало вместе жить. Черкесы , приезжая в город, останавливались в еврейских домах, так как знали, что горские евреи не употребляют свинину, что уклад жизни очень похож. Мы живем по Адату, а это неписанный Кодекс чести и достоинства, передаваемый из поколения в поколение. В Адате отражены нормы и правила поведения, семейные и бытовые отношения. Даже живя, здесь в США, мы продолжаем жить по адату. Стараемся, чтобы наши дети не забывали наши обычаи- уважение к старшим, забота и ответственность за детей всей общины, гостеприимство, взаимопомощь. Если Вы попадете на еврейскую свадьбу в любом городе Израиля, США, Австрии, Германии, вы увидете , что все танцуют кавказские танцы.

В республике Кабардино-Балкарии нас считали своими. Конечно, были разные периоды взаимоотношений. Наша жизнь на Северном Кавказе всегда зависела от того, кто возглавлял - от отношения князя к евреям, от первого человека в период коммунистов, который стоял у власти, от Президента в настоящее время. Но в самое тяжелое время, в годы фашисткой оккупации, простые люди- кабардинцы и балкарцы,

повторяю-мусульмане, спасли нашу горско-еврейскую общину от полного уничтожения. Они прятали в своих домах горских евреев, рискуя своей жизнью. Даже полицаи доказывали , что мы коренной народ, тем самым оттодвинули срок расстрела , а Армия успела освободить республику от фашистов. Такое забыть нельзя. И мы благодарны этим народам . И в Торе и в Коране написано, что спасение одной жизни-есть спасение одной жизни- есть спасение всего человечества и неважно какой ты национальности, неважно мусульманин ты или иудей. Современный писатель Казбич-Чеченский-мусульманин, писал в своей статье-"... когда люди появились на свет, Господин Вселенной дал каждому народу свой язык, свою землю, свою культуру и традиции, никто на земле кроме самого Господина миров не в праве их отнимать и подменять фальшивыми ценностями. "

И если мы не хотим вернуться в каменный век , мы должны уметь жить в мире, в понимании, в терпимости. Хотелось бы обратиться к людям:
Мир вашему дому. Шолом-Салам!

Шоһирһој Чуһурһооj-доги ə шəһəр Тəл-Авив ə мəчлис кура бирəт.

ЕЛИЗАРОВ МИХАИЛ (МОИСЕЙ) (28.07.1949) – член Союза писателей горских-евреев в Израиле. Родился в городе Грозный. Окончил Красноярский техникум бытового обслуживания по специальности модельер закройщик. Прозаик и публицист. Окончил факультет военной журналистики в высшей партийной школе в Москве. Многие годы собирает материалы по истории города Грозный и данные по истории горско-еврейской общины этого города. Член редколлегии «Кавказкая газета». Публикуется на страницах газет «Пульс», «Известия hа-Шарон», «Коль hа-Шарон», «Новый рубеж», «Международная еврейская газета» и альманаха «Мирвори». Автор сборника рассказов и очерков «Исповедь беженца».

по - кавказский.

Отшумела холодная зима, наступила яркая кавказская весна. Как только пригревает солнышко, раньше всех "выползают" из своих домов, чтобы погреть свои старые кости, столетние слободские деды- хранители народных преданий и волнующих остросюжетных легенд.

Главным местом слободки считается синагогальная площадь, которой возвышается новая, недавно отстроенная двухэтажная синагога с высокими решетчатыми окнами. Ее было видно со всех уголков грозненской горско-еврейской слободы. У входа в синагогу- палисадник с ровными высокими тополями, покрывающими площадь тенью своих величественных крон в солнечную погоду. На площадь смотрят мясные и бакалейные лавки, мастерские мелких кустарей и ремесленников. В часы досуга, перед молитвой, старики собираются у входа в синагогу, усаживаются возле ограды на длинные гладкие скамейки, опершись на свои крючковатые палки, стоящие перед ними, дремотно жмурят глаза или переговариваются друг с другом вполголоса. О чем они только здесь не говорят, о важных и мелких событиях, о городских и слободских новостях... Все они знают и очень любят не по- мужски посплетничать... Вот худенький ветхий старичок Закой. Он утверждает, что молодая женщина Авшаг недавно родила мальчика неизвестно чьей крови. Его перебивает дед Гомуиль, который точно знает, что молодая вдова Зулфо, сразу же после годовщины смерти мужа собирается вновь выйти замуж, а детей передать на попечение родителей покойного... Ну а старик Истохор тут же поведал о том, что вековечные кровники из двух слободских родов, не уважив решения совета седых стариков - джаамата, не желают мириться, а наоборот продолжают вражду... Чего только не услышишь здесь от стариков, если посидишь с ними и почтительно помолчишь. Здесь на синагогальной площади в кругу этих стариков часто даже решаются судьбы людей, вне зависимости от их возраста и общественного положения. Вот идет Зарбоиль, глава общины и религиозного совета - джаамат и подходит к старикам. Его можно узнать издалека – он всегда очень красиво и даже с шиком одет. Вот и сегодня на нем

коричневая рубаха, сшитая по покрою бешмета, с воротником- стойкой, двумя накладными карманами, двойными манжетами. Рубаха надета на выпуск и подпоясана узким кожаным ремнем (гаишь), украшенным серебряными галунами. Темно-синие брюки-галифе заправлены в добротные яловые сапоги, на голове из коричнево-золотистого каракуля папаха. Его статность и опрятность вызывает уважение слободчан. - Рузе хайр бу! (Хорошего и удачного дня!) - обратился он к сидящим и каждому подал руку. Те, кто по моложе, поднялись ему навстречу, а "столетние" деды, сохраняя спокойствие и достоинство, продолжали сидеть на своих местах. -Вы слышали,- продолжил Зарбоиль,- молодая жена Иликая ушла от него и требует, чтобы он дал ей развод "гит", как полагается по нашим законам. Старики зашевелились на своих местах, известие взволновало всех. -Надо срочно созвать джаамат и обсудить этот вопрос,- раздраженным голосом произнес кто-то. -Нынче молодежь слишком распустилась,- добавил другой,- многие девушки не покрывают голову платком и ходят на виду у мужчин с открытыми волосами! А платья с укороченными рукавами? Куда смотрят их родители? - А молодые парни! Курят в субботний день, редко ходят в синагогу(нимаз), не молятся Б-гу. Скоро и джаамат, и нас, стариков, признавать перестанут!- подключился третий. -Позор! Позор!- раздались старческие голоса со всех сторон. – Тогда зачем мы здесь мы здесь нужны, если не наведем порядок!- возмущались седобородые хозяева слободки, ревниво оберегающие свою честь и достоинство. –Чьи парни? Какие девушки? Кто их родители? -Да кто их разберет!? Сейчас все стали умными, грамотными, а вот Тору – правильно читать не могут... Солнце клонилось к западу, наступало время предвечерней молитвы(Минха). Из-за угла показался раби Давид, и сторож широко распахнул двери синагоги (нимаза). Старики тяжело поднялись со своих мест и, опираясь на свои посохи обеими руками, направились вслед за раби. Казалось,
они немного угомонились, но это только на время молитвы... Ранним утром, сразу же после положенной утреней молитвы, все проследовали в пристройку к синагоге, где слободчане обычно собирались для решения общинных вопросов. Хотя население слободки состояло из множества фамилий, родов (тейпов), многие людские судьбы решались здесь, на общинном религиозном суде. Все или почти все, что скажут здесь, будет беспрекословно принято и безоговорочно выполнено всеми - старыми и малыми. Сегодня помещение было заполнено до предела: старики, старухи, мужчины и женщины разного возраста и даже девушки- все пришли сегодня на синагогальную площадь. Каждому хотелось услышать обсуждение и
принятие решения религиозного еврейского суда, ведь обсуждаться будет дело о разводе супругов Иликая и Руты, а такие события в слободке случаются нечасто. В пристройке царила атмосфера строгости и собранности. За массивным столом, покрытым алым бархатом, восседали старейшины и уважаемые люди слободки. В центре – раби Давид, справа от него - глава общины Зарбоиль, слева – уважаемый, грамотный Ручиль, а по краям еще четверо - все избранные народом, знающие, опытные, много раз принимавшие правильное и приемлемое

для обеих сторон решение даже в очень сложных вопросах. Безусловно, этим уважаемым, умудренным жизненным опытом мужчинам трудно понять чувства, любовь и все прочее, что кружит голову молодым. Главное в их понимании – чтобы в семье был достаток и крыша над головой. В зале наступила тишина, все замерли в ожидании, а когда со своего места поднялся высокий статный раби Давид, казалось, даже перестали дышать. - Дочь моя,- подняв белые лохматые брови, обратился он к Рут,- расскажи, что привело тебя в суд старейшин? Молодая женщина, не поднимая глаз, судорожно мяла в руках край платка. - Дочь моя, говори, мы слушаем тебя. Подняв голову, Рут увидела полный, набитый народом зал, у нее потемнело в глазах, и мигом забылись все те слова, которые она собиралась сказать. Словно сквозь туман увидела она яркий стол и всех сидящих и строго смотрящих на нее мужчин. Слезы текли по ее нежным щекам, она ничего не могла сказать, будто огромный каменный ком застрял в ее горле. Ей было страшно, горько и обидно.

-Ну что ты молчишь, Рут,- не выдержал кто- то из толпы,- расскажи! Расскажи им, как тебя в 15 лет мачеха за большой калым отдала замуж за Иликая, который был старше твоего покойного отца.

-Да, расскажи,- поддержал женский голос, как ты честно жила в доме Иликая. Расскажи, как быть второй женой. Расскажи, ничего не тая. пусть наши старейшины знают, в каком бесправном положении живут многие наши девушки! Да разве ж они этого не знают? В зале поднялся шум, галдели все: одним хотелось защитить Рут, другие кричали про попирание законов Торы и законов горцев. Но поднялся раби Давид, и все мигом замолчали. –Дочь моя,- еще раз спокойно обратился он к Рут,- говори. Мы слушаем тебя. Рут взяла себя в руки, но прямо заговорить с джааматом так и не решилась, а обратилась к суду через пришедшую ей на помощь пожилую женщину Новоит, бывшую когда- то подругой ее покойной матери. - Не губите мою молодость, почтенные люди,- повторила Новоит слова Рут,- больше 10 лет назад меня выдали замуж, и я стала второй женой Иликая. Вы все знаете трагическую судьбу моей семьи. Совсем молодой от тифа умерла мать, отец женился второй раз на Зарлу. У них родились свои дети, а я в отцовском доме жила как служанка. Спасибо моей бабушке Сенем. Пока она была здорова, то оберегала меня, жалела. Но через пять лет после смерти матери погиб мой отец, и бабушка от горя слегла. Она и сейчас лежит, прикованная болезнью к постели. А моя мачеха Зарлу договорилась с Томор- первой женой Иликая, взяла большой калым и отдала меня второй женой. Вы все знаете, сколько мне пришлось терпеть унижений. А потом Томор заболела. Она болела долго и тяжело, а я ухаживала за ней, как за близким человеком, пока болезнь не свела ее в могилу. У Иликая и Томор не было детей, поэтому они и взяли меня, в надежде на то, что будут дети… Не хочу брать на душу: муж относится ко мне хорошо, не обижает… Но я не могу больше оставаться в его доме, тоска и печаль съедает мне сердце! Порою даже не хочется жить! Я ушла от мужа, чтобы спасти свою жизнь! Умоляю вас, у меня никого нет, так защитите вы меня. Почтенные люди, уважаемый джаамат , не роняйте вашей чести, не водворяйте силой закона, меня

обратно в дом мужа. Неужели мне не суждено иметь хоть немножко человеческого счастья? Иногда мои мысли так мучительны, что я перестаю себя чувствовать живой, будто я повисла между жизнью и смертью. Каждый день мне приходит в голову мысль: облить себя фитогенном (керосином) и поджечь, чем так жить! Вот моя правда!- горячо и страстно за Руты повторила Навоит. Приложив к глазам концы головного платка, Руты горько плакала, она подняла покрасневшие от слез и горькой обиды глаза и ждала новых вопросов. В зале плакали все женщины, мужчины насупившись, молчали. Воцарилось глубокое молчание.

-Скажи, уважаемый Иликай,- нарушил тишину голос раби Давида,- согласен ли ты дать развод своей законной жене? Иликай встал, кашлянул, провел рукой по своим длинным усам, поправил ремень на рубахе и твердо ответил: " Нет!" - Значит, ты не хочешь разрушать свою семью?- переспросил раби Давид, погладив свою белую бороду, и посмотрел по сторонам на лица религиозных присяжных. Иликай был человеком состоятельным, в общине обычно держал себя как равный, ко всем относился уважительно, невзирая на материальное положение человека, всем старикам оказывал уважение и почет. За это его почитали и уважали в общине. Другое дело сейчас: он стоял, склонив голову перед джааматом – блюстителями обычаев дедов и отцов. -Нет!- неожиданно строго сказал он, обводя взглядом всех собравшихся. – Не дам я ей развод! Пусть возвращается домой, иначе останется брошенной на позор. Никто не может жениться на ней без гита (развода), и она останется моей законной женой. Вышла она замуж по всем горско- еврейским обычаям, калым мной уплачен большой, один из самых крупных в общине. Все свои супружеские обязательства я выполнял… Во время речи Иликая его законная жена ни разу не подняла голову. Две крупные слезы, как льдинки, застыли в уголках ее больших черных глаз. Милое личико ее, то краснело, то бледнело до синевы. Вдруг она похолодевшими пальцами схватила руку Новоит и, дрожа всем телом, прошептала:- Неужели моим позором он надеется отомстить судьбе за свою неудавшуюся жизнь?

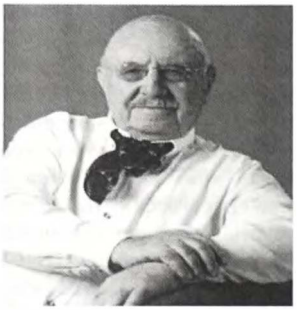
Зал молчал. Даже раби Давид, многое повидавший на своем веку и решивший в своей общине немало подобных дел, восседал в задумчивости. Слово попросил Шавадие, один из участников суда. Он встал, покрутил толстой шеей, расстегнул верхнюю пуговицу рубахи, поправил ремень и как можно спокойнее произнес: -Мы все знаем Иликая как порядочного человека, хорошего семьянина и законопослушного мужчину нашей общины. Иликай уважаемый человек в нашем городе, в достатке содержит свою семью, помогает близким и бедным, не обижает свою жену. У него есть хороший дом, и в доме есть все. Скажите, люди, что еще нужно женщине для хорошей и счастливой жизни? Иликай не хочет давать развод своей жене. Руты ни с того, ни с сего ушла от него. Она оскорбила наши законы и обычаи, оскорбила достоинство своего мужа! Доброта и порядочность Иликая нам всем известны, и я думаю, что Руты должна вернуться домой, к мужу, не позорить его и не прекословить ему, как подобает порядочной жене!

- Нет! Нет! Нет!- вдруг закричала рыдающая Руты и задышала так, будто ей не хватало воздуха. В зале снова все зашумели и заспорили, а за столом тихо переговаривались члены джаамата. Встал раби Давид, сразу все замолчали и в воцарившейся тишине басовитым голосом произнес: - Дочь моя! Твой муж не согласен дать тебе развод, он хочет сохранить свою семью, свой дом. А поскольку мы не можем его обвинить в недостойных поступках и действиях против тебя, мы не можем расторгнуть данное вам кетибо (брачное свидетельство). Вернись к мужу, и живите в мире и согласии. Ты молодая, умная, порядочная женщина, вернись домой, и пусть все ваши разногласия уйдут с появлением наследника. Омин! В зале снова наступила тишина. Из глаз Руты текли слезы, глядя на нее, плакали все женщины. Они сочувствовали ей, но открыто возразить, никто не смел. Закон есть закон! Потихоньку помещение пустело, люди расходились по домам, Новоит вывела, поддерживая под руку, рыдающую Рут. Последние покинули пристройку Иликай, старейшины и джаамат во главе с раби Давидом. Судьба семьи Иликая была решена. Согласившись с уговорами бабушки, Рут вернулась в дом мужа. Через полгода, умерла бабушка Сэнэм. Похоронив бабушку, единственного близкого и родного ей человека, Рут сильно изменилась, а потом вдруг исчезла. Через несколько дней в низовьях реки

Сунжи, чеченские ребята нашли труп утонувшей женщины, по амулетам и одежде догадались, что она из горско- еврейской общины, сообщили в Грозный. Иликай и несколько его друзей поехали и привезли бедную Рут, похоронили ее по всем законам на еврейском кладбище. Так и осталось, не известно утопилась ли Рут или утонула в разлившейся от осенних дождей Сунже.

Ә МӘҸЛИС ШОЊИРЊО КӘШИРӘ ОМОРИ

Ноберт Евдаев.

Родился в 1929 году в городе Баку.Окончил Институт иностранных языков и переехал в Москву, где получил второе высшее техническое образование, а после трудился в должности технического советника в различных иностранных кампаниях, работающих в СССР. В студенческие годы увлекался джазом и живописью, играл в джазовых коллективах, занимался историей западноевропейского искусства.С 1956 года работал над переводами и публикациями в области современных технологий. (автор нескольких книг и технического справочника). В 1989 году переехал в США, где является председателем Фонда азербайджанского землячества (AZEM) — общества выходцев из Азербайджана, проживающих в США.С 2003 года является учредителем и главным редактором газеты «Новый рубеж», издаваемой на русском и английском языках. Организовал ряд мероприятий по пропаганде в Америке культуры Азербайджана. Продолжает заниматься живописью и поэзией. Некоторые из его живописных работ находятся в частных коллекциях в России, США и Израиле. Он член Союза художников и Объединения журналистов Азербайджана.13 марта 2006 года по указу Президента Азербайджана был награждён медалью Азербайджана «Тарагги»

Из сборника "Бакинские ритмы"

Довоенное время

Апшерона принцессы и принцы,
Не забыть мне цветенье акации,
Каждый знает, что всюду бакинцы
Называются с гордостью – нация.
Парашютная вышка над нами,
Как проросший гигант с подземелья,
Мейхана наполняла стихами
Наше сердце - божественным зельем.
Респектабельный парк Ротэ Фанэ
Был окутан маёвочным флёром,
А немой в черно-белом экране
Танцевал под бренчанье тапёра.
Фикус, слоники грубой поделки -
Признак сытости, благополучия.
Репродукторов черных тарелки
Доносили нам звуки хрипучие.
По доске рассыпаются зары,
"Шешу беш" - и азарт нарастает.
Фрукты свежие, только с базара
Мэхмэри, армуды заполняет.

Море в штиле, как в лучшем сценарии,
И моряна не дует без дела.
Олеандры цветут на бульваре,
Осы льнут к лепесткам запотелым.
То был голос прибрежного шума,
Альбатрос там вещал незабвенно.
Тот, кто голову ел от кутума,
Возвратится в Баку непременно.

"Верните нас домой, в Баку"

Верните нас домой, в Баку
В прозрачнорозовую давность.
В купальню, Шихову Косу,
Морской бульвар, новрузбайрамность.
Туда, где жили мы в ладу,
Где всюду – дружеские руки,
Там в Губернаторском саду
Оркестра духового звуки.
Там круглый год тепло, весна,

Там нас встречал всегда приветно
Английский парк, где ель, сосна...
Росли мы с ними незаметно.
Пришла война, "Девятый вал",
Кубинка, голод, маскировки.
"Пятьсотвесёлый" прибывал,
Неся с фронтов беды осколки.
Курили «Приму», редко «Кент»;
«Свободу» слушали ночами,
А «пятый» шел в Арменикенд,
Нафаршировaн ширмачами.
Баку наш – маленький НьюЙорк,
Всегда будил воображенье,
От Южных ярких звезд восторг,
И в плоских крышах отраженье.
Мы макинтоши в те года
Считали символом прогресса,
А для свиданий, как всегда,
Часы в стене АэСПээСа.
Чем дальше, тем моложе сны,
Судьба нас лихо разбросала...
Рыдал Будаговский базар
У Сабунчинского вокзала.

В Баку верните нас из строк
По призрачным ступеням трапа
Туда, в загадочный Восток,
С акцентом современным Запад

ЗАГУЛЬБИНСКОЕ ДЕТСТВО

В мире самое жаркое ме
Здесь песок нестерпимо жжет ноги.
Загульбинское яркое детство
В лаг сто, ерях пионерских, убогих.

Муштровали нас шагом военным,
Где-то окриком, где-то по-строже,
А под солнцем жары откровенной
Волдыри наполнялись под кожей.

Воздух с моря здесь пряный, восточный,
Здесь с собой соревнуются ветры,
В загульбинские темные ночи
Забавлялись войной до рассвета.

Туалеты для позы орлиной,
Умывальники дышат сосками,
А за патиной ночи недлинной
Декорацией звезды мерцали.

Нас готовили с детства в вассалы:
Мы салют отдавали портрету.
Пионерские песни - кристаллы,
Соловьи загульбинского лета.

Рядом скалы рисуют коллажи,
Окаймляя красивым узором.
Загульбинские жаркие пляжи,
Рядом с важным высоким забором.

Кто куда разлетелись навеки -
Мы ведь гнезд поколений транжиры.
Загульбинских творений чуреки
Заедали мы сочным инжиром.

Если б вдруг в волшебство я поверил,
И года отсчитались бы сами,

Загульбинские детские двери
Я открыл бы своими руками.

Бакинский вокзал

Здравствуй, старый Бакинский вокзал,
Здравствуй, знойное жаркое лето.
Я, конечно, тебя не узнал
Изменился за время за это.

Здесь цветами встречали гостей,
Наслаждались перронною негой,
Обнимались до хруста костей
Под дождем и в жару, и под снегом.

В горд детства доставил экспресс,
Проносясь сквозь года лихолетий
В закоулки дворовых чудес,
В детский уличный звон междометий.

Расскажи мне, порывистый Норд,
Как в согласии жили мы вместе,
И из окон мажорных аккорд
Разливался раскатистой песней.

Здесь моя зарождалась судьба
В недрах стен известкового камня.
Помню, вяло тащилась арба
В дебрях счастья любви и страданья.

Парусиновой обуви треск
И «апаша» распахнутый ворот
Подавил лимузиновый блеск
И гламурно сияющий город.

Громких чаек крикливый напев.
Старый берег украшен причалом.
Я, на край его тихо присев,
Зацелован был бьющимся валом.

И услышал укор плоских крыш,
Что живу километров за тыщу,
Где у сердца досадная тишь...
Нет, не предал тебя.

Мария Евдаева – член Союза писателей Израиля. Родилась в Красной Слободе (Азербайджан) – 30 октября 1979. В Израиле с 2000 года. После службы в армии в 2005 году поступила на подготовительное отделение Бар Иланского университета, а в 2006г., а затем на биологический факультет Хайфского Технион. Является сотрудником лаборатории клинической биохимии.

В 2015 году вышла в свет дебютная книга израильской поэтессы и писательницы Марии Евдаевой. Роман « Обратная сторона радуги » – удивительно емкое, динамичное повествование об истории израильской семьи. История начинается на палубе парохода «Эксодус», везущего беженцев из восточной Европы в Палестину от немецких зверств под снаряды британских орудий, и продолжена в последующих поколениях родившихся и выросших на обожженной солнцем и пропитанной кровью и потом земле Израиля.

Это подлинная семейная сага, в которой читатель найдет и любовные коллизии, и политические баталии, и отголоски трагедии Холокоста…

Холодная зима

Одна иллюзия связана из ангорки, другая включается в сеть,
Третья с остервенением бьет в окно и по крыше.
Из всех допустимых желаний превалирует уцелеть,
Пока сквозь ревущие ветры никто тебя не услышит.

Обледеневший термометр стальными ногтями откроет вино.
А в кухне с утра пьяный лорд читает стихи пьяной вишне.
Дорога к спасительному глинтвейну свободна, но
Проклятая деликатность... Как бы не стать невзначай третьей лишней.

Сдавшись последним, в бездну свалился старик - здравый смысл,
Среди двух миров застыл уголок кровати.
Остались пальто и Бродский дожидаться весны.
И, как ни странно, для полного счастья этого хватит.

Монумент Кеннета Трейстера в Майами 3

Странный глухой щелчок, это время попало в ловушку,
Мечется в клетке и медленно сходит с ума.

Через застывшие лица проглядываются души
И все ощутимее чувство, как каменею сама.

Мы на одной волне, на канате надрывного нерва,
Как колыбель нас качает одна рука.
Вокруг не двадцатый век и не двадцать первый,
Лишь притаились лилии, траурный цвет молока.

Траурно-белым короткая жизнь отмечена,
Но ты же везунчик, ты же рожден в любви.
И, застывая под солнцем у моря в вечности,
Шепчу исступленно: Ну, пожалуйста, оживи.

Огромных глаза. 8 (О.Мандельштам)
Невыразимая печаль открыла

Невыразимая печаль открыла два огромных глаза.
И замерла в послушной позе, откинув руку на рояль.
Художник думал - в небесах, наверно вспыхнул свет и сразу
Родился образ, а за ним - невыразимая печаль.

Он рисовал её портрет забытой северной крестьянкой
И босоногой танцовщицей с мадридской пёстрой мостовой
И загоревшейся звездой и львицей с царственной осанкой
И упивался красотой и вспоминал, что он- живой.

Она расчетливо - мудра на время уступала счастью,
Но по-английски уходя, не разрушала все мосты.
Художник уходил в отрыв, но знал, что над собой не властен,
Ему не светит никогда со счастьем перейти на ты.

Невыразимая печаль, его загадочная муза.
Терзала серде, он шептал – «Ну что ж её так долго нет...»
Под нежный аккомпанемент застывшего в палитре блюза,
Под ливень и «Still loving you» он рисовал её портрет.

А помнишь, как мы воровали у солнца фотоны,
Чтобы на миг ненавистный рассвет отсрочить?
Город послушно внимал нашим новым законам
Город стоял, безмолвен и обесточен.

А помнишь как ты положил мне на крылья ладони
Слегка обожженные сломанными лучами,
Как мы понимая- сейчас нас никто не тронет
Стояли обнявшись и вдохновенно молчали.

А хочешь, мы ночью войдем в этот город снова?
Должно же в конце концов в нем что то случаться.
Ты, как всегда скрупулезно учтешь все основы,
А я не смогу удержаться от импровизаций.

Я возьму на себя всех влюбленных, а ты любимых,
Тебе среди них, признаюсь, будет комфортно.
Сойдемся в рандомной точке, соединим их,
Тех двоих, что держали и растворимся в воздушных волнах.

Счастливые устремимся вперед, обгоняя полночь,
Убеждая друг друга, что все еще слишком рано.
Спрыгнем на землю и призовем на помощь
Старый испытанный фокус ангелов-хулиганов.

Хроники любви

Действие первое 2930 год от Сотворения Мира, Иудея

Удачным решением споров в народе прослыв мудрецом,
На этом, увы, навсегда распрощался я с юностью.
Однако, секреты основ бытия я постиг не во всем,
Хотя и к лицу им божественная непредсказуемость.

Но как же орел по бескрайнему небу паря
Преследует странную цель, с нею странную мысль возбуждая.
И если по камню узоры рисует змея
Чего она ищет там, как ни старался б я, вряд ли узнаю.

Далекий корабль так послушно скользит по волнам,
Как сердце влюбленного млеет пред томными ласками.
Вот если б познать мне их сладость...
-Ну что еще там!!?
-Мой господин, к вам едет царица савская.

180 год от Зажжения Олимпийского Огня, Эллада

Алкей:
Не бывает счастливых поэтов.
И надежды, сразить её, нет.
Жарким словом, изящным куплетом,
Коль любимая - тоже поэт.

Я, как лодка, попавшая в бурю,
К сердцу милой ищу путь средь волн.
Не по штилю, по счастью тоскую,
Помоги мне в пути, Посейдон!
Сапфо:
Сей порыв сердце мне не тревожит -
Слишком приторна сладость речей.
Страстью вы пленены, а я все же,
Не имею доверия к ней.
Алкей:
Но зачем же мятежную душу
Рвут как парус шальные ветра.
Слова, данного ей не нарушу
И сражаюсь с волной до утра.

1029 год от Хиджры, Агра

-Друг мой, а что ж этой ночью так сильно светло?
-Ваше величество, утро, луч солнца в опочивальне.
-Кто тот несчастный старик, что глядит на меня сквозь стекло?
-Ваше величество, это стекло зеркальное.
-Правда?...
...Послушай, как громко кричит этот слон...
...Пронзительно, жалобно... Да что же все это значит...
...Он мне мешает, убейте его потом...
...Стойте, безумцы! Опомнитесь, он же плачет...
...Плачет и он, мой надежный, преданный зверь...
Вот что, мой друг, мы построим ей целый замок.
В путь отправляйся сегодня, казны не жалей,
Только найди мне лучший на свете мрамор.

1749 г.от Рождества Христова, Венеция

Я не щажу, это скучно.
Я не люблю, это больно.

Счастье- всего лишь случай,
В котором мне все дозволено
Сомкнуты тихо двери
Союзниками побега.
Того кто в любовь не верил
В альфе нашла омега.

Судьба над тобой смеется-
В бегах от церковной знати
Вернуться уже не придется,
Videre Napoli и хватит.

Останутся лишь три слова-
Тенью идущих по свету-
Ты многих забыл, Казанова,
Забудешь и Генриетту.

Великая Депрессия, Техас,

А знаешь, однажды все наши враги уйдут.
В тираж, за кулисы, растают, развоплотятся.
Освободятся блаженно от всех этих пут,
Тогда их потомки уже не сочтут за труд
И воздадут нам. Не долгожданный покой, а овации.

Наши темные стороны романтизируют до конца
И возможно однажды мир начнет считать нас героями,
Визиткой Великой депрессии грамотно рвущей сердца;
Эти роли, конечно сыграют два сексапильных юнца
В перерыв между теннисом, алгеброй и анатомией.

Наша задача - эффектный выход из темноты.
Тяга к прекрасному губит людей - это главное!
Мы- навсегда воплощение ваше мечты
И наш прыжок из изгоев в любимцы толпы-
Дело нелегкое, но даже отчасти забавное.

Чертов техасский рейнджер уже заряжает кольт.
Еще четверть часа до абсолютного счастья.
Бонни Паркер. Клайд Бэрроу. Тридцать четвертый год.
Точка. Да... я же люблю тебя... вот...
Здесь и сейчас, пока мы

Ефимов - Иосиф (1942-2015)

Награжден (29.09.2012) орденом «Дружбы народов» за строительство газопровода «Союз». Ефимов родился в 1942 году, в Красной Слободе Азербайджана. Окончил курсы киномеха-ников. Впоследствии приобрел ещё много специальностей: работал на стройке, затем сварщиком по ремонту паровых котлов, сварщиком и контролёром по сварке и монтажу магистральных газонефтепроводов международного значения, прорабом, водителем-санитаром скорой помощи. Объездил весь бывший Советский Союз. С 1990 года проживал с семьёй во Франкфурта Майне. Всю жизнь интересовался историей своего народа.

Как отмечает информационный центр горских евреев «Исроиль», Ефимов собрал немало документов, фотографий. Свои знания хочет оставить потомкам, поэтому взялся за написание ряда исторических очерков-воспоминаний,

Гуршумов Эльдар Пинхасович !

Дорогой учитель, земляк и наставник !
Гордость горских евреев всей планеты !
Мы с женой до сих пор под впечатлением нашей встречи на концерте в Ор-Акиве.
И с не терпением ждём Вашего решения, насчёт документов и высылаем Вам фото на память нашей встречи.
С внучкой Малькэй *Гаиш* Илизаровой. Посылаю Вам мой рассказ воспоминание далекого детства. Не где не публиковал только отрывки про фронтовиков в СТМЕГИ.
С глубоким Уважением к Вам и Вашему творчеству - семья Ефимова .

"В Кубе деревня Красная Слобода Родина моя"

Вспоминание : Не забываемые каникулы далекого детства !

Удивительно, что бы что-то сопоставить, проанализировать и прийти к истине должно пройти много времени, тогда каждый миг увиденного и услышанного в прошлом ляжет в строку с аннализом, что и как было.., Вот уже восьмой раз справляли день победы, Было 1953 год а многие одно сельчане не теряли надежды на чудо. Что вот откроется дверь их сын, дочь, отец, или дедушка, появится у порога жив и не вредим. И такое было, в нескольких семьях потерявших всякую надежду. Всему вина эти душераздирающие слова "Без вести пропал".

Вспоминая своё детство я хочу рассказать о Всех наших родственниках участников и не вернувшихся с войны. Итак я в первые самостоятельно за время летних каникул в

поселке красная свобода (До 1926 года Еврейская слобода) города Куба Азербайджана (Где я и мой предки родились и выросли.) нарушив наказ старших пошел пешком через старый мост (Постройке 1910 года тринадцать пролетов 275 метров в длину и восемь метров в ширину мост такой подобной конструкций единственный в Азербайджане. в город Куба ("Гэлэ"Крепость) По ново построенными 1950 г. прекрасными ступенькам соединяющие поселок с городом. Гуляю по городу в центре был автовокзал и старый рынок буквально через дорогу, типичный восточный рынок (Далее в жизни мне приходилось бывать на старых рынках г. Баку и даже в древнем Хорезме в старой Хиве Шёлковый путь и везде они идентичны) где ремесленники на глазах творили чудеса и тут-же старались продать свои изделия из меди в основном. Это кувшины для воды и напитков не обычной формы (Сову) которые были в каждой семье кастрюли (Газгу) разных размеров и форм покрытые оловом (Гэляй доре). Глиняные отжигом разно видность не пересчитать от чашек до огромных чанов некоторые разу-крашенные узорами покрыты глазурью. Изделия из дерева коляска детская (Гуфора) причудливо раз-украшены и коженые чарыки с загнутым носом со шнурками (Тириёх) которые запомнились в них многие ходили тогда. Много кузнечных мастерских один из кузнецов тут же подковывал лошадь. И много много разных лавок с пряностями и сладостями . Фрукты и ягоды продавали ведрами с запряженных телег. Были и чеканщики мелодичные удары молоточков до сей поры в ушах звенит добрыми воспоминаниями о далеком прошлом . Ведь мне уже семьдесят а тогда было всего одиннадцать. Насмотревшись от души я купил на глазах приготовленную сладкую лепешку "букмэ" пошел к спуску в поселок другой дорогой смотрел скучные витрины маленьких магазинов.

И вдруг вижу фотоателье небольшая витрина за ней сидел фотограф (Я не подозревал что это мой дядя Талхум.) Держа в руке острый карандаш чертил по негативу какие то каракули и в основном на лице. (Ретушировал) Я так за смотрелся (Потому что фото было моим хобби) и не заметил как ко мне подошел сзади брат моей бабули Шушан Бат Нувах Огоббо Бен Нувах "Оо гэдей мерд инчо чу сохта затэхной, ки овурди туря". И завел меня в фотографию мне было всё очень интересно. Фотография принадлежала ему выглядел он как капитан дальнего плавания белые волосы и строгая белая борода с ним работали, сын Тальхум , внук Миши а дальнейшем всей семьёй. Немного справки: как позже я узнал что его отец а мне прадедушка Нувах Бен Огоббо Президент религиозной общины поселка 1860=1922 гг. с очередной купеческой поездки в начале века привёз фотоаппарат со всеми принадлежностями (Я думаю это был первый и единственный фото-аппарат в то время в поселке Еврейская слобода.) Увлечение пра-дедушки передалось сыну и так далее на всю жизнь всей семьёй, профессионально занимающийся фотографией.) Осмотрев все уголки обо-рудование я обратил внимание на разные костюмы висевшие в раздевалке для подготовки к съемке среди них детские костюмчики, разные головные уборы, галстуки и военный китель с наградами (много лет спустя я собирал материалы о погибших родственниках на войне и участников из нашего рода, какова было моё удивление увидеть фотографию дяди Агабабаева Талхума Бен Агабаба в кителе с наградами) тот самый наверное который мне запомнился в фото мастерской и награды его заслуженные в тяжелых боях, гв.сержант советской армий, фотокорреспондент полевой фронтовой газеты "ЗА РОДИНУ" Скромнейший человек, война его застала на острове Дага Эстония, а потом блокадный Ленинград и все невзгоды того времени до конца войны. Более шести лет протянулось служба. Даже не все его дети знали, что папа был на войне и бил фашистов. Он сам об этом не когда не говорил. Даже свой боевой китель использовал как реквизит

в фото ателье. Поменял мир 27:03:1994 г. Похоронен в Израиле Пообещав дедушки Огобо, что прямиком иду в низ домой , он мне поверил и отпустил. Сказал проверю. Спускался я по дороге выложенной камнем зигзагом для сокращения угла подъёма (основная дорога соединяющая Ростов-Баку.) с краю дороги я обратил внимание на огромную трубу из дерева (Как деревянная бочка без выпуклости и большого диаметра где то больше полтора метра стянутая часто металлическими хомутами) Во многих местах из неё фонтанировала вода. (далее в жизни я работал с трубами малого и большого диаметра водопроводов, нефтепроводов, газопроводов и даже аммиакопровода.) Ничего подобного я в жизни не видел длинные до трех метров обработанные подогнанные один к другому как в бочке и стянуты хомутами доски, на торцевых стыковках досок были хомуты по шире что бы стянуть обе стороны. Насколько я понял это был водопровод от речки Гудиалчай в город под давлением из компрессорной на водонапорную башню города. (Река Гудиалчай берет свое начало от тающего ледника у вершин Большого Кавказа и завершает путь в Каспийском море.) От маленькой ГЕС которая была в конце старого моста. Одно только Каму я не рассказывал про деревянную трубу большого диаметра увиденную на спуске "Гэлэ"меня поднимали на смех, не может быть такого- фантазер. Это надо было видеть может я плохой рассказчик но думаю многие слободинцы помнят вечно мокрую дорогу подъем на Кубу (Гэлэ). На другом конце моста со стороны поселка (Легэй курпи) место где позже будет установлен монумент участникам войнам Красно-слободинцам не вернувшемся со второй мировой войны. Место от куда уходили на воину. Почти все уходящие оставляли автограф и дату на каменном парапете вдоль моста с правой стороны. Многолюдно бывало здесь когда приезжали канатоходцы давали концерты с медведем вес поселок собирался здесь. А в по вседневные дни приходили сюда зерно на мельницу молоть, керосин, мыло и свечи покупать.

В самом посёлке было очень скучно, мы дети пропадали на речке собирали красивые камушки удачей было если найти камушек с дыркой белого цвета такие камушки завязывали на решетках окон как талисман, или рыли яму где тут же появлялась вода прозрачная как слеза холодная вот тебе и новый родник (Билог). Брали два камушка маленький и большой привязывали шпагат с крючками и бросали в реку с наживкой конечно немного погодя вот и улов- маленькие речные форели (Гурзум никэрэй) . Или по деревьям лазили кто выше взберётся. Рядом с домом было старое здание синагоги (В настоящее время Ешива где учатся молодежь поселка.) в котором находился ковровый цех много женщин и девушек поселка работали там. Часто просил охранников разрешение посмотреть как творят шедевры наши односельчани. Но больше всего любил наблюдать как пекут хлеб, (Нун тэнюй) в неделю один раз в каждом доме пекли хлеб у нас это могли делать все женщины. Ещё очень любил наблюдать как кирпичи готовят и там-же отжигают, часами мог смотреть как перекладывали высохшие после формовки глиняные серые болванки в пирамиду с зазорами обкладывали бревнами и поджигали когда всё остывало через пару дней разбирали пирамиду а там все они обожженные по красневшие готовые для постройки нового дома. (кирпичный завод был чуть по ходу новой дороги и моста на Гусары) Но это ещё будет через три года 1956 году. Тогда дорога была около клуба крутая до 34 градусов доходила. По ней ходили на работу колхозники поселка на (Сурт). Пастухи по ней гоняли скот на пастбище, почти в каждом дворе была корова. Со своей тётей Ёвдит Бад Шамегиё она была "солдаткой" с единствен-ной дочкой Соней не дождавшись мужа с войны Илиева Исроиля Бен Или 1919 г. рождения (Участник Финской войны) извещение пропал без вести от 10.1941г. так всю оставшуюся жизнь осталась одна.

Много раз она брала меня с собой на работу она работала тогда в колхозе, однажды помню собирали пшеницу первый урожай и тут же перемололи обветрили (Брали зерна на вытянутую руку в подносе верх и потихоньку сыпали в низ зерна подали прямо а шелуху ветер уносит в сторону) Так собрав горстку тут-же поджарили на костре и каждому досталось попробовать новый урожай. Коллектив колхоза была как одна семья они обращались между собой как близкие родственники брат-сестра (бирор - хаар - дэдэй - холу - холэ). Обедали тоже кто что принес с собой клали на общую скатерть.

В нашей семье была еще одна "солдатка" Малькэ Бад Гилил сестра дедушки Шамягиё Бен Гилил (Младшая дочь Архитектора и строителя Гилиля Бен Хаима) и тоже с дочкой Моруса осталась одна на всю жизнь, муж Садыхов Ёв Бенсионович 1912 года рождения без вести пропал 03.1942 г. Но она ходила работать по найму в город. Проживали мы все в месте в дедушкином доме построенным его отцом и дедом одной семьёй. Обе наше солдатки посветили свою оставшуюся жизнь воспитанию внуков от дочерей. Я был такой любопытный тётя Ёвдит брала меня с собой по всюду однажды с её колхозной бригадой ездили на помощь в поселок Гара-джонлу на два дня, они опаздывали с уборкой урожая там проживало очень много наших горских , пока взрослые зерно собирали в копна складывали мы дети ежевику. Ещё брала меня с собой в город Гусары к родственникам тоже на два дня. Там на берегу реки Кусарчай огромный родник был Гарабулаг вода ледяная в знойную жару лета а на другой стороне дороги знакомые жили тётя меня водила смотреть как они дома ковры ткут я тогда удивлялся красотой полуфабрикатов и представлял себе как они будут выглядеть готовыми. Красоту орнамента и красок можно было сравнить с шедеврами мировой живописи. Как можно такие шедевры для кого то делать, когда сами жили копейки получая за свой труд, я много вопросов задавал не по возрасту и следил за проворливыми пальчиками девочек моего возраста и думал я бы так не смог. Там почти в каждом доме стоял станок. На один ковер 2/3 метра уходило говорят почти пол года представьте себе в месяц всего один квадратный метр в миллион узелков наверное. То что я там видел до сей поры мелькает перед глазами как прекрасный сон . Тётя накупила там мясо говядины баранины прямо на бойне которая была рядом и вернулись в Кубу. образования внук был осужден за фарцовство в Москве за время учёбы во ВГИКе. У дяди (Лелей) моей бабули Шушан . Ихиила Бен Агабаба двое сыновей не вернулись с войны без вести пропал 10:1943 г. Агабабаев Урил Бен Ихиил 1907 г.р. Призван Джапаридзевским Р.В.К. г. Баку ул. Дмитрова 62. Супруга с четырьмя детьми осталась одна вырастила и подняла их. И Агабабаев Изил Бен Ихиил 1924 г.р. Место последней службы Штаб 37 Гв сд Рядовой убит 30:10:1944 г. Есть ли перечислять наших родственников тех кто не вернулся с фронтовых дорог то надо обязательно сказать о тёти (Амэшка) моего отца. Агаронова Мальке Бад Ифраим супруг Агаронов Илья Моисеевич один из первых горских евреев с высшим инженерном образованием в начале 20-го века. Хозяин двух огромных домов по ул. Дмитрова 75 (Бабаевские называли в народе) председатель религиозной общины г. Баку. У них было пятеро детей из них два сына оба по исполнению 18-ти ушли на войну. На обоих получили извещение "Без вести пропал" После постоянных запросов посылаимые Евой Ильиничной только 1978 г. получили ответ от красного креста что младший Агарунов Семён Ильич 1926 г. р. убит 5-го февраля 1945 г. За три месяца до победы под Гданьском в Польше похоронен в братской могиле. А старшего уже я разыскал в новых списках Мемориала 2010 году мл. лейтенант Агоронов Ариель Ильич 1923 г. р. умер от ран 18.09.1942 г. в мед-санбате 311 под Сталин-градом похоронен в братской могиле станице Клетское. Кто знал что простой юноша 18-ти лет от роду в течений года станет офицером это

лишний раз доказывает что был очень способным с отличием окончил школу. На надгробном камне Семёна фамилия искажена написали Агромов в место Агоронов, а у Ариель имя написано Арисль. Я думаю тот кто это зделал он старался менять нацианальность. Но на первую страницу этого списка стоит мой дядя мамин брат Хаимов Ариэль Бен Шамягиё 20:01:1924 г. р. Его восемнадцатилетнего забрали когда мне было восемь дней от роду. Вы наверное догадались что с восми дневным делают да я стал евреем. В этот день было 1-го Тишри 5703 год по еврейскому календарю. По его рассказу попал он сразу в За-кавказский Военный Округ на учебу в Ш.М.А.С. (Школа младших авиаспециалистов) А потом боевое крещение в первый день. На фронт попал командиром отделения в кузове машины которая нас везла к при фронтовом полосе было всего одна встроенная скамейка и как командир я его занель по дороге подсели старо служащие и один наверное самый шустрый подошел ко мне и говорит "Ты салага необстрелянный должен сидеть в низу" заняв моё место на скамейке. Как только он сел тут же получил шальную пулю в затылок и замертво упал. Ребята сказали "Алёша ты заново родился". Страху натерпелся с первого дня. Очень многое было по фронтовым дорогам. И хорошее и плохое. Нашли меня среди мертвых через два дня ближайший госпиталь не имел хирурга так вражеские пули прижились в груди. Вернулся 1946 году из за длительного лечения от полученных ранений и контузий, на груди близко к сердцу носил до конца жизни пять немецких пуль которых врачи не рисковали удалить. Покинул нас на 56-ом году жизни. А папин брат по матери Рахамимов Селюм Бен Юшваг 1920 г.р. скончался США 24:03:1996 года и похоронен в Нью-Йорке.

В самое пекло попали в окружений во время атаки думали конец собрали документы и закопали на кладбище между двумя заметными памятниками, нас было четверо всю ночь ползли добрались до леса после не ожиданной перестрелки потерял товарищей я остался один ожидая смерть, всю ночь без сознания провалялся в лесу, утром одна украинка собирая хворость обнаружила меня рискуя жизнью привела меня в свой погреб. На следующий день немцы зная свой конец собрали всех детей в деревни и закрыли в товарном вагоне для отправки в Германию среди них была внучка моей спасительницы. Как только стемнело мы втроем хозяйка с дочкой и я пошли на ж.д. пути разыскали вагон проломили с низу доски вытащили внучку и ещё троих детей спрятав их в быстро выкопанной яме в лесу. Утром поезд ушел как не в чём не бывало. А через неделю и наши войска подоспели и погнали врага до самого Берлина. На оснований выкопанных наших документов были включены в список павших воинов освободите-лей Украины. Женщины которая меня спасла и которую я спас разыскали меня аж через 24 года после войны я был пригашен как Почетный Гражданин Украины на свою собственную могилу, моей спасительнице было 90 лет показывая на женщину которая меня обнимала говорит это моя внучка которую ты спас. А извещение получали с душераздирающи-ми словами "Без вести пропал" Мы обязаны их всех знать поимённо -это наша история. Это наши предки. Я вам рассказал про одну среднию семью а в поселке было тысяча таких семей из десяти фронтавиков родственников вернулись только трое.

ВЕЧНАЯ СЛАВА ПАВШИМ ГЕРОЯМ ФРОНТОВИКАМ,

Менухат бэ ган эдэн. Я благодарен судьбе что моё детство прошло с такими замечательными людьми о которых я с превеликим довольствием сейчас пишу вспоминая то далекое без-возвратное детство.

Илишајев Човоил (Худадатова)

11 декабр 1850-мүн сал ә Гырмызы Гәсәбә (Краснаја Слобода) ән Гүбә ә Азәрбајчон әз дәдәј бири. 8 класса варасда бәгдә бәбәшү Худадатов Ћәкәј ћилом хүшдәрә дәкиш сохди. Руз ә туку кор сохди, шәв ә школа рафди, 9-10-11 класса хунди. Ћәвдәсала ә шүвәр рафди. 3 ћәјил бирә бәгдә ә Боку оморәт. Шәш ћәјилә кәлә сохдә бәгдә , ә 1992-мүн сал ә Израил оморәт ә шәһәр Ор-Акива. Әз ћәјили ихдилотћо нә широћо нүвүсди. Кәширә чәтиниһорә ә гәләм вәкүрдә чикә, әри Вәтән, әри дәдәј, әри дусди-дүрүсди, әри покмәндәј софиһо, әри гисмәтлүјә әшг-мүһбәт, әри човонһорә үкүд дорәниһо әгүлмәндә мәсләһәтћо војкәһој хүшдәрә ә дүлдинчијә чәһмәт расунди. Широћојү ә алманахћо, ә журналћо, ә козитћо чап бири. Ә 2016-мүн сал "Әз дүл оморәниһо кофћо" китобу руј үшүгә винири. Имоћој әдәј 2-мүн китобә ћәзүр сохдә.

Әз 2016-мүн салавоз ә чәркәј нүвүсдәкорћој чүһүрћој-доги бәхтәвәрә чикәј хүшдәрә күрди.

ӘЗ ДҮЛ ОМӘРӘНИҺО КОФҺО
СЛОВА ИДУЩИЕ ОТ СЕРДЦА

Һүрмәтлүә хундәкорһо! Мәрә воисдәни јә чәнд коф әз хүшдә нүвүсүм.

Мә Човоһил Илишаева (Худадатова) 11 декабр 1950-сал ә Гырмызы Гәсәбә (Краснаја Слобода) ән Гүбә ә Азербајчан әз дәдәј бирәм.

Бу хубо рузһо, кәјфә рузһо, ә әрк бәбәрәвоз әдәмбүрүм кәлә бирә.

Бәбәјмә ә Гүбә ә Рајкомтуфаг кор сохдәнбу. Ревизор бу, тукуһорә ривиз сохдәнбу, ә Гырмызы Гәсәбә кор сохдәнбу, ә кәнтһој Гүбәш рафдәнбу.

Бәбәј мә Худадатов Ћәгәј 1915 сал әз дәдәј бири. 1966 сал әз һилом рафди. Дәдәј мәрә хостәнки 5 һәјил бу бәбәј мәрә. Дәдәј ән һәјилһо мәнуһо бирәбу. Дәдәј мә ә сәр пәнч һәјил рафдәбу. Чәтинә салһо бу у вәхт, дәһ сал бәбәј мә әз дәдәј мә кәлә бу.

Дәдәј мә чофокәшә сәдигә зәни, әз 13-салајилә чофә кәшири, ә колхуз кор сохди. Хушәһој онгур вәчири, әри солдатһо чуруб нә әлчәк бофди, ә әртил холинчәи кор сохди, әз һәјили холинчә бофди.

Бәбәј мә мәнуһо бирәнки һофт һәјиликә иму бирим. Сәдигә дәдәј мә, чофој дуваздаһ һәјилә кәшири.

Иму әз бәбәјәтим мундәнки ән чуклә һәјил дәһ мәһә бу.

1966 сал мә һәштүмүн класса варастәбүрүм, әдәмбүрүм ә Боку ә хундәи рафдә.

Нијәт мә бу әри хундә.

Јә руз пишо әз рафдәјмә ә хундәји, бәбәј мә ә кәнт рафд. – "Јә кори мәрә, варасум бијом," – куфти. Тукурә мијост ривиз сохдә, рафт дијә нә вокошт ә хунә.

Бәбәј мә һич рушват нә вәкүрди. Әри ән у күшдүт бәбәј имурә. Хундәјимә ә јос чаруст, си руз вој зәрүм.

Кәләји һәјил дәдәј мә мә бүрүм. Мәрә дәшәндүт ә туку әри кор сохдә. Руз кор сохдум, шәв ә школә рафдум, 9-10-11 класса хундум.

Һәвдәһсәла бирәнки хостут мәрә, 10-11 класса ә хунәј гәбилә хундум. Сә һәјил бисто мәрә. Бәгдә ә битәв кифләтовоз ә Боку рафдим.

Шəш һ,əjилə кəлə сохдим. Чəтиниһош бисдо имурə. Ə 1992-мүн сал ə Исроил оморим, ə шəһəр Ор-Акива зиһисдəним.

Jəтим һишди

Ə сəр дузи пojисди тү, чон бəбə,
Сəдигирə вojисди тү, чон бəбə.

Ə буз тəпик рафдəjитү дəрд овурд,
Ћол-əһволтү ə руj иму зəрд овурд.

Ə дəс залум домунди тү ə сəр кор,
Əз михəнəт нə мунди тү хəбəрдор.

Ə чəнкəво гобул бисдо шолумтү,
Ə гəсдəво чунə висдо залумтү.

Ə фурм шəһəм ћəлим дирим нəрирə,
Əз могбуни ə дүл зəрим шəрирə.

Ə вojəвоз ћəрмəһ мундим чəһмəлү,
Хүшдəн Худо руj нə бурбунд рəһмəлү.

Ћəзијəтəтə гобул сохдим əриму,
Ə боляһоj тəлһи чарусд сəр иму.

Гəлəм сүрхи jарашуг бу ə дəстү,
Нə данусдим кəj пojисдкə нəфəстү

Кук-духдəрə вəкүрдəји ə кишə,
Рүһəjтүрə шор хосдəним һəмишə!.

Ə хов рафдə əз хəлолуш ən Гүбə,
Човоһилə jəтим һишди, чон бəбə!

,,,
Jə бəндəjүм вəбирүм,
Ə тəхт точиш вəбирүм.
Əз əрк, əз наз мундəји,
Дəһəм бəбəш нə дирүм.

,,,
Jə бəндəjүм һə дəрди,
Бəбəсүзə һə дəрди.
Һəчи дан ки, ə говрə

Бəхт-мозоляш дəбəрди!

,,,

Əj дəдəjмə, дəдəjмə,
Əритүни годоjмə.
Түh,əзизə чунмəни,
Түбəрəкəт нунмəни.
Шори дүлə ћəвəс ди,
Зу бəр мəрə ə jасли,
Рачə хунəj h,əjили.
Ə вojкəjмə мəjили.
Ђəрсhoj чумə нə рихдəм,
Əлифборə вомухдəм.
Тə түəз кор оморə,
Ə сəр ћəммə чум норə,
Унчо вози мисохум,
Хуб мухурум, мүхүсүм.

ОМО РАСИ РУЗ ЋОМУНУ

Омо раси руз Ћомуну,
Дүлə шорунд ћəз Нисону.
Булə дəрдhoj ən Əлəхдод,
Руз-бə-рузлу бисто зиjод.

Ћəсидо сохд ћə гол-мəгол,
Əри товнəj сəђəр гогол.
Муку гобhoрə ди гəлəj,
Ə jон шүвəр ən Əнтəлəj.

Əз чəђд Годлəj ən Ћədəсо
Ћəзүр бисдо булə мосə.
Ə сəр шилћон чи чəнч чиро,
Мəрд ən хунə хунд əз Тиро!

Шəв мəђлүмə ə точ варафд,
Ћəмис ə лүлəгуз дарафд.
Хурдə чикə ош-jəрпəгиш,
Сирог нə мунд əз лəг-лəгиш!

Истир Худадатова дәдәј Човоһил Илишајеви.

У әз човоннрәвоз һәм рачә мәһниһо хундә, һәм хуб вәчәсдә, һәмикә ә әдәбијәтәвоз мәшгул бирә вә рачә широһо вә ихдилотһо нүвүсдә. Јә ихдилотә ә дәрә миданит хундә:

КИРОШДӘ РУЗҺО

Иму јәтим мундәнки, кәлә бирор мә Сијин шәш сала бу, чүклә бирормә Мәрдәхәј чор сала. Дәдәј му әрәги кәширәнбу, ә колхуз кор сохдәнбу, хушәј онгур вәчирәнбу, ә хунә чәтинә вәһдәһо бу, һәрки ә јә чирово доланмиш бирәнбу, әри дошдә јәтимһорә.

Бирорһој мә ә вишә рафдәт һүзүм овурдәт. Мә 11 сала ә дәдәјмурәвоз ә хушәһој онгурә вәчирә рафдәм. Кәлә бирормә Сијин һофтүмүн класса вараста бәгдә ә Боку ә хундәји рафдәбу, әнергетическиј техникомә варастә бәгдә, јә сал кор сохд.

18 сала бирә бәгдә, 1939 сал доброволни нүвүст хүшдәрә рафт ә салдати, ә дәһвој филландијәш дарафт, сог вәдиромо. Солдати дүсали бу. Дү мәһ мундәбу әри дү салју варастә. Гитлер ә дәһво вәхушд, ә сәр Сојуз ә 22 ијун шәв, сәһәт јәки ә сәр казармаһошү бомба шәндүт. Әз 1000 салдат, 28 салдат вирихдә данустүт. Брестскиј област ә сәрһәт бирәбу.

Әриму јә чүклә когозлә нүвүстәбу:

- Мә вирихдә данустүм, ә ләһәј дәр хисирәбирим куфдирә. Ә зири палтарһоровоз бирим, бәгдә ә Сталиновоз, әз зир хо+ри ә телефоновоз коф сохдим. Партал партизани дорут имурә, ә вишәһо дәрим. Имурә әз һовоји тәрси – бомбаһо ворушә хуно ә сәр иму әдәј тији бирә.

1942 салиш когоз омо, ә 1943 сал дијә когоз нә омо.

Мәрдәхәј чүкләји бирормә 10 класса варастә бәгдә, ә Гүбә почталијони кор сохд.

1939 сал гунши ә сәр иму чугули сохд, милисијәрә овурд ә сәр хунәјму. Оморут хунәрә кәшдүт. Хүмһој әрәгирә күрдүт, нүвүстүт. 4000 һозор пуләш бәрдүт әз хунә. Пулһо ән Сијин бу. У ә Боку кор сохдәнки пулләһој хүшдәрә ә хунә кура сохләбу норә.

Дәдәј му муку:

- Пулләһо ән салдати.

Уһо куфтурут:

- Салдат омокә, мијов әз бонк мәкүрү...

Сијин дијә нә омо. Пулһош мунд әришу.

Мә 7 класса варасдә бәгдә ә әртил дарафдүм. Шәв ә школә хундум, руз кор сохтум. Мә тәјтә 9 класса варастә дәһво сәр күрд.

Мәрдәхәј 1942 сал әдәм бу әз кор оморә. Ә пишој хунәј му одомиһо әдәм бу локһо-окоп вәкәндә. Мәрдәхәјә+ дирәнкә муку:

- Түш мундәј...!?

Сәбәһмиси нүвүстүт әчикәј јәкикә. Әз у рушват восторут, фирсорут бирор мәрә ә салдати ә тараф Крым ә Керч. Ә 1943 сал ә Крым әдәм бу сәхтә дәһво кирошдә, әз хиники појһој јүрә бәјә зәрәбу, нәхүһојү офдорәбу, ә госпитал Махачкала дәкәшдәбу. Дәдәј мурә сәһиб нә бисто ә әки јү әри рафдә. Вогунһо әри солдатһо бу.

Сә мәһ ә госпитал домундә бәгдә Мәрдәхәјә вәдәшәндүт әз госпитал, бәрдүт ә дәһәво. Ә хотур комсомоли ә хунә рәһә нә дорут. Комсомол ни имбистокә рәһә мидорим гуфтурут.

Ә у бәјәзәрә поjhорәвоз кәнә бәрдүт ә Керч.

Ә 1943 сал jә когоз омо әриму:

- Имурә әдәј ә парахутово ә Крым бәрдә. Сәбәһмиси сәс лов бисто ки, парахутhорә һәммәрә бомбардуман сохдәт нимистhо.

Дижә когоз нә омо. Чәнгәдә әрзәһо дәшәнд дәдәј му, човоби дорут – "Пропал без вести".

Мәш ә мәһәл дәһәво, руз ә әртил кор сохдәм, тәјтә сәһәт сәсә чигәт, чуруб бофтәм. Ә тараф Зир-Зәһмәт колхузhо, әкинhо, хармонhо бу. Мә ә дәдәјмурәвоз рафдәмбүрүм ә хушә вәчирә.

Ә мәһәл дәһәво холинчә дижә ә пул нә рафт. Дижә холинчә нә бофтум, әри салдатhо чуруб, әлчәг бофтум. Ә мәһи 13 чүфд чуруб нормә бу. Чуфтү - 6 монәт мә бофдәмбүрүм. Мәһи 30 чүфд бофдәмбүрүм, бәрдәмбурум шәв ә хунә, тә сәһәт сәсә бофдәмбүрүм, дү норма дорәмбүрүм.

Дәдәјмуш ә консерви завод кор сохдәнбу, дуланмиши иму хәрәб нә бу, әз товнәј хурдә имү чәтини нә кәширәјм. Кифләт бирәкорhо киснә. Әз дүләпәсәи бирорhој мә шәвруз әдәмбирим кирисдә.

МАРДАХАЙ И СИИН НИСАНОВЫ: ОНИ УШЛИ МОЛОДЫМИ

Солдаты, оставшиеся на полях сражений, сколько их - молодых душ погубила эта треклятая война. Скольких и до сегодняшнего дня оплакивают дочери и сестры. Они ушли в расцвете лет, так и познав радости жизни.

Проводя мероприятия и видеорепортажи по теме проекта «Память» по городам Израиля, ко мне часто обращаются люди с просьбой поместить фото их родственников – ветеранов и участников войны в Фото-Экспозицию «Горские евреи в ВОВ». Или просто просят приехать к ним в гости, чтобы написать статью.

И когда мне удается возможность посетить эти семьи, из семейных архивов достаются черно-белые фотографии, ордена и медали, военные документы и письма с фронта. Вместе с членами этой семьи мы стараемся воссоздать события давно минувших

дней, вспомнить о тех, кому не удалось дожить до наших дней и остаться в памяти народной навечно молодыми.

О своих двух братьях Мардахае и Сиине, мне рассказала их сестра Эстер Худадатова из г. Ор-Акивы. Она поведала мне печальную историю их короткой жизни. Они родились в Еврейской – Красной Слободе, г. Кубы. Старший брат: Сиин Ихилович, 1920 г.р. по окончанию семи классов поступил учиться в энергетический техникум. До призыва в армию он год проработал электриком. С первых дней 2-ой Мировой войны, в 1939 г. он попал на войну в Финляндии. Оттуда уже же был переправлен на Украину.

В июне 1941 г. Сиин Нисанов был среди защитников Брестской крепости. С фронта от него пришло всего несколько писем, в первом из них он сообщает родным, как чудом спася от массированной бомбежки. В тот день из 1000 солдат Красной Армии, выжило всего 28 человек. Тем, кто выжили, повезло.

Во время сна, когда фашисты начали сбрасывать на казармы бомбы, они лежали у входной двери и смогли во время в нижнем белье выбежать наружу.

В последнем письме солдат пишет, что находиться 242 дня в лесу у партизан: «Нас продолжают регулярно бомбить, бомбы падают как дождь...».

После 1943 г. от него больше не было никаких известий. Лишь только после нескольких запросов его сестра и мать получили извещение, что Сиин Нисанов пропал без вести. Такова судьба 23-летнего солдата Великой Отечественной войны.

Не менее трагична судьба и младшего его брата - Мардахая Ихиловича Нисанова, 1922 г.р. Юноша работал почтальоном в Красной Слободе и видел слёзы радости и печали, солдатских матерей и вдов, которые почти каждый день получали с фронта: письма и извещения - похоронки.

В 1942 г. Мардахай возвращаясь, домой столкнулся с соседом, который стал выговаривать ему со злобой: Все твои ровесники воюют, а почему ты не на фронте?
Так Мардахая, имеющего «бронь», т.е. освобождение от призыва на войну арестовали и отправили на фронт вместе другого молодого человека, за которого дали взятку. Когда милиционеры пришли за ним, они устроили обыск, и забрали накопленные старшим братом деньги. Мать стала умолять и просить их этого не делать, ведь старший её сын Сиин на войне.

Во время ожесточенных боев в Крыму, на подступах к г. Керчи, Мардахай был ранен и попал в Махачкалинский госпиталь. У солдата были отморожены ноги. Он сообщил семье, что находится в Дагестане, и просил мать приехать. Но у той не было возможности навестить сына. Так, не дождавшись, матери, после излечения, юноша был направлен вновь в свою часть в Крым. Как и старший брат Сиин, с 1943 г. от него не было никаких известий.

Два брата: Сиин и Мардахай – два солдата 2-ой Мировой войны. Они смотрятся юными подростками с фотографии 75-летней давности: с надеждой на счастливое будущее. Их лица навсегда остались молодыми. Не дожившие до Дня Победы, не познавшие радости жизни. Солдатская мать до конца своих дней надеялась, что они вернутся домой. Но, увы, Пурим их так и не дождалась...

Jə бəндəjум дир висдорум,
Шорə əз бəхт дир висдорум.
Шоһирмəндə Исдирүмкəш,
Руз нə дирə, пир бисдорум!

Сергей Изгияев – горско-еврейский поэт и переводчик

12.08.2012, 06:24 - Сергей Давидович Изгияев родился в ноябре 1922 года в Дербенте. Писать стихи начал еще в ранней юности, а когда ему исполнилось 17 лет областная газета «Красная звезда» (на языке горских евреев) уже напечатала большую подборку стихов.
С 1940 по 1946 годы Сергей Изгияев находился на военной службе, где продолжал писать и печатался в армейской прессе. После демобилизации заочно закончил педучилище, и некоторое время работал на местном радио.
В 1947 году Изгияев принял участие в I съезде молодых писателей Дагестана.
Получив высшее образование, с 1961 года Сергей Изгияев занимает руководящие посты в республике.
Как сообщает информационный центр горских евреев «Исроиль», в 1963 году Изгияев был принят в Союз писателей СССР.
Умер поэт в июле 1972 года, не дожив до 50 лет. При жизни поэта вышли в свет пять сборников стихов, поэм и пьес, еще два вышли после его смерти: «Мы защитники мира», «Песни молодости», «Думы поэта», «Разговор с сердцем», «Судьба и любовь», «Обычай у нас такой», «Стихи и поэмы».
Стихи Изгияева С.Д. положены на музыку талантливыми композиторами: Ш.Ашировым, Юно Авшалумовым, Бобо Кулиевым.
Автор пьес: "Двоюродная сестра", "Семья Беньямина", "Молодость бригадира".
Изгияев С.Д. – талантливый переводчик, перевел на родной горско-еврейский язык либретто оперы "Лейли и Меджнун" Узеира Гаджибекова, стихи М.Ю. Лермонтова, С.Стальского, Гамзата Цадаса, Расула Гамзатова и других поэтов. **(1922 – 1972)**

ОДОХЛУ

Эй ме кес бири, чуьн е кук, туь жовон,
Оммо диренге, гЬодоти э инсон,
Чумгьо демунде, сохдени дуьл гумон,
Бируьм шенлуь ме эз туь, одохлу.

Песде вохурде, гоф мисохд зуруниш,
Кем-кем мибисдо войгегьой очмиш.
Бирден э гьечи бисдорум ме соймиш.
Гене нн бири туь энме, одохлу.

Дие шенлуь, нигорен ме нисдуьм.
Метлеб эн туьре гьемере данусдум,
Севгили гуфдире, мэ туьре хосдуьм,
Бирей эриме имугьой одохлу.

МЕРЕ ДИРЕ, ОХ МЕКЕШ

Гъэдуьр мере не данусди э вэхд ю,
Имугьойле, мере дире, ох мекеш.
Бегем у мерд, туф шэнугьо э бэхд ю,
Гьич песово мивогорду ебойгеш?

Бируьм эй туь кумек кемер, гІуьмуьр,
Гуьл дес бируьм.., не данусди туь гъэдуьр,
Рузгьо эйме сиегь бируьт, чуьн куьмуьр
Имугьойле, мере дире, ох мекеш.

Мибисдо вэхд миохдум ме сэхд минет.
"Сабуре дор, хотур ги туь э кифлет".
Неданусди чуьни дусди ве муьгьбет.
Имугьойле, мере дире, ох мекеш.

Бегем зурбо дегиш бирейм имугьой?
Беге у вэхд не бируьм ме эй туь той?
Бура, бура! Де нигуьюм: "Дусд ме пой!"
Нэгьогъ гьони, чум доноре, ох мекеш.

***

Э асдара мичарусдум,
Э синей туь миверафдуьм.
Чуьн е ригаз мибисдорум,
Э гед дуьл туь мидарафдуьм.

Бурмундумге гьинормендн,
Белкем э ме чум донори.
Ве увэхди э ме муьди,
ГІэзизе йор, туь бисдори.

БЕБЕ Э СЕР ГЪОВРЕЙ КУК

Гlэзизе балайме, форигъэт дегештей,
Хок туьре гьэл гуьрде, бебере туь гьишдей.

Гирошди гlуьмуьрме. Бэхдме бу э туь бенд.
Эз бебе зу муьрде нисд гуьнжо э ферзэнд.

Гирошдем лепуьргьой се жире довгlоре,
Ме дирем ченд гьозор леш бире жунгьоре.

Увэхди ме бируьм дуьл сенгьи, довомлуь,
Имугьой э пири-дердименд ве гьэмлуь.

Небирей туь нечогь, чоресуьз эй мунде.
Нихосди зиёди э хьэлов домунде.

Э тегьер жейрон догь мигешди гьемише,
Туь сохде возигьо эйму бу томоше.

Небирей туь домор, недирей туь кифлет.
У рузе эй дире чум бебе мунд хьэсрет.

Хосде ёр инжиге оморе пэхьники.
Эжигей шоре лов,бирени тирьеки.

Гьони у дохьоргьо, бердейгьо туь геле,
Э тегьер эн дульме эдете чат зере.

Эжигей чуй чупу вегуьрде желд туьфенг,
Догьгьоре туь дошдей, дуьшмере дорей мерг.

Имуьгьой у догьгьо гьем луьхьуьф-хьэловут,
Гьемиге эри туь гьэроул эн ховуьт.

Бист сали и рэхьэ зерену̀м пойзени.
Егилеш бебере туь огол не зери.

Инсонгьо!Шиновит сес пире бебере!
Инсонгьо!Мегьилит де бире довгlоре!

Мегьилит бебегьо э и рэхь офдонут!
Довгlохогь ки гьисдге миденим э тобут!

Перевод на русский язык:

ОТЕЦ НА МОГИЛЕ СЫНА

Среди частокола кладбищенских плит
Старик над сыновьей могилой стоит.
Вот сколько уж лет средь камней он угрюмо маячит,
Вот сколько уж лет грустно шепчет и плачет:
– Зачем я, отец, пережил тебя, младшего сына,
И небо зачем над кладбищем такое прозрачное, синее?
Зачем ты к слезам моим тих и безмолвен?
Зачем так недвижен? Зачем так безмолвен?
Тебя пережил я, и в том мое страшное горе,
Как много на свете нелепиц и глупого вздора,
Как много... Как много... Ты был беспокойным мальчишкой.
Смеялся запоем, запоем читал свои книжки,
С ружьем уходил на волков и оленей,
Всё делал с задором, охотно, без лени.
Встречался тайком ты с девчонкой любимой.
Теперь она дымом крадется к тебе нелюдимо.
И бродит, как тень, средь могил, беспощадно полегших,
И кто ее знает: труднее теперь ей иль легче,
Садится на холмик твой чуть заметный, земной.
Вдовой она стала, не бывши и часа женой.
Виной тому – в стонах прошедшая стала война,
О, лучше б в могиле сыновьей лежала она!

Хана Рафаил (әз чәп 4-мүн) ә нүвүсдәкорhоj шоhирhоj догирәвоз ә jә чикә

ИБРАГИМОВ ШАИН (КӨЈЧАЈЛЫ)
(23.2.1955) – член Союза писателей Израиля. Родился в городе Геокчай. Окончил музыкальную школу по классу «тар». Свои стихи пишет с юности на двух языках – на азербайджанском и на языке горских евреев. Шаин – бард и поэт обладает голосом бас-баритон, автор музыкальных дисков и произведений на его стихи, таких как – «Голос Родины», «Юсиф вэ Зулейха», «Войстэну мээни хунум». Является автором книги стихов «Честь символа», она посвящена нашему народу – мудрым и отважным сынам нашей Родины.

МӘШ КӘЛӘ МӘРД БИСДОРУМ

Һачу танки чинор дорум
Салһо кирошт пир бисдорум.
Мә әз һәсму ғуч исторум,
Әз хәлг тәшвоһо исторум,
Мәш кәлә мәрд бисдорум.

Ширвон, Ғүбә, Оғуз, Дәрбәнд
Бисдәрум мә әјеки бәнд.
Зомон мәрә ә дурһо шәнд,
Һич вәхт нәкос нә бисдорум
Мәш кәлә мәрд бисдорум.

Әз дүл хундум мәғниһорә,
Муғамһорә, дәстkahһорә
Нүвүсдәки, ғәзәлһорә.
Мә әз ғилом ком исторум,
Мәш кәлә мәрд бисдорум.

Бисдорум мә худобәнди,
Туробәнди, ғәсулбәнди.
Әз гофһојмә вирихт чәнди.
Нәвопчурум, нәофторум,
Әз мозол зәвәр бисторум.
Мәш кәлә мәрд бисдорум.

Әз дуруһо сахд тәрсүрүм,
Әз мүхәннәти ләрзүрүм.
Писүм, хүбүм мә һәрчүнүм
Дуз рәх рафдум, дуз бисдорум.
Мәш кәлә мәрд бисдорум.

НӘ ЈАХШЫКИ ҺӘГИГӘТСӘН

Әсли – Азәри, Гуғуш – бөјүк Иран мүғәнниси (1950-мај)

Илләр боју севәрәк динләдим сәсини,
Ајрылмадан севдим ајрылыг нәғмәсини.
Инандым руһуннан гопан о сәсин,
Мәһәббәтинә, сәдагәтинә, шикајәтинә,
Бирдә гәмли һәјат һекајәтинә,
Нәғмәләрини һәјата
Сәсини ај ишығына бәнзәтдим
Јени нәғмәләрини динләмәкчүн,
Үрәјими илләр боју көзләтдим,
Заман кәлди девран дөндү
Башланды фәләк адлы јәхлуғун
Мин бир һијләси.
Донду додагларында милјонларын
Азадлыг кәлмәси.
Күнаһсыз гу гушу•
Јараланды севәнләринин көнүл гушу.
Ајлары, илләри јашадын нечә,
Күнәшли күндүзләрин олду бир кечә.
Сусмадан дөздүн јарым ғәринәдән једди ил артыг.
Башга бир өлкәдә јашадығыны сандыг.
Јени әсрдән вәтәндән узагларда јашајырсан,
Дүнјанын ән ағыр јүкүнү үрәјиндә дашыјырсан.
Мән дијари гүрбәтдә тәк биринин мүғәнниси,
Сән мүһачирәтдә милјонларын севимлиси.
Мәндә сәнин кими солахај
Ад күнүндү кәлән ај,
Дүшүнүб, дашыныб ара сыра јазырсан јазы.
Нечә халғын милләтин
Севимли мүбариз гызы
Дүнја бир немәтдирсә

Вәтәндир онсун дузу.
Севиб, севиләнләрин
Һәсрәтли көнүлләрин дан улдузу.
Севирсән, севилирсән.
Бу күндә нәғмәләри
Үрәкдән сөјләјирсән.
Бири варды бири јох Иранда
Сәнки нағыл дејилсән.
Сән бир Иран ғадыны,
Ханымларын ханымы
Вәтәнинин нәфәси
Милјәнларын һаг сәси!

Апрел - ијун 2009

гу гушу* - говорящая птичка (фарс. яз.)

БӘЛКӘДӘ ЧОХ ЧӘТИН БИР СУАЛЫН ЧАВАБЫ

Уғрунда өлмәк истәмәм,
Уғрунда јүз дәфә мин дәфә
Өлүмә кедиб дөнмәк истәрәм.
Сәни јашатмагчүн јашамагчүн,
Сәни учсуз бучагасыз кајинатын
Јанан нөктәсиндә
Көјләрә һәсрәт чәкән
Тәнһа инсанлыг арасында
Кah өлү, кah дири,
Кah рәнкли, кah рәнксиз,
Кah сәсли, кah сәссиз
Дүнјамызын јарысында
Јалгыз гојмаг истәмәм.
Уғрунда өлмәк истәмәм
Уғрунда сәни јашатмагчүн
Јашамаг, јашамаг, јашамаг, истәрәм!

,,,

Јә бәндәјүм мидав дирәш,
Нурлујә чум мидав дирәш.
Әз бәл Худо күрдә чикә,
Шаһинә дәрд нидав бирәш!

,,,

Сифир-Тиро вәкүрдәји ә кишә ,
Рәһм Худорә ә чум дирәм һәмишә.

Исаков Владимир Румивомич

Исаков Владимир Рувимович родился 8 декабря 1947 года в Днепропетровске в семье военного врача. Член Союза писателей Израиля, автор книг: «Солнце прошлого», 2007 г., «Когда уходит молчь...», 2015 г.

Окончил Азербайджанский институт нефти и химии по специальности инженер-электрик, работал техником, инженером, был заведующий научной лаборатории в системе ПО "Баккондиционер". Параллельно всерьез увлекся литературой: его стихи, пародии, рецензии, публицистика публиковались в периодической печати, толстых литературных журналах, сборниках.

В 1995 году переехал с семьей в Великий Новгород, где в настоящее время работает начальником и главным редактором пресс-центра НовГУ. Одновременно преподает на кафедре журналистики, публикуется в качестве независимого журналиста в местной и московской прессе, а также в интернет-СМИ. Член Союза журналистов России.

Активист общественной деятельности: председатель комиссии по информационной политике Общественной палаты Новгородской области.

Когда смешались времена

Я задержалась в девятнадцатом,
Колье... Корсеты... Веера...
И кажется еще вчера
В саду дышала вашим лацканом.

Марина Паскуль, Новгородская область сюжетом я,

Когда, схвативши за рукав,
Под накрахмаленной манжетой я
Дышала, запонку лизав.
Но вот дошла я и до хлястика,
Когда уже не смотришь вверх.
Такая здесь пошла фантастика!..
Стоп! Это – двадцать первый

Галера и вера

В стихах важны сочувствие и мера.
И точность, и раскованность нужны.

Я каторжник, и движется галера,
Поскольку группы мышц напряжены.

Анатолий Пискунов, Москва

В стихах нужна консервативность такта,
Нельзя в поэзии то так, то сяк.
Я каторжник, но не уйти от факта,
Что нужен согласованный напряг.

Но тут средь мышц возникла групповуха,
Напряг пошел какой-то невпопад.
Вперед, назад... Но я – заложник духа,
Хотя и каторжник, негоже мне назад!

Не отступлюсь, назвался я поэтом!
Лишь мера мне нужна. Не «ох!», не «ах!»,
А точность и заряженность, при этом
Раскованность, хотя я в кандалах.

В большой успех необходима вера,
Здесь ни при чём фортуна и судьба...
А то, что еле движется галера, –
Что ж вы хотите от труда раба?

Разговор по душам

О, дайте карандаш мне и бумагу,
Я дружеский вам напишу сонет.
Я создана для бархата и плахи.
Ведь потому считаюсь я – поэт.

Вера Хромых, Москва

Я положила голову на плаху, –
Такое мне приснилось, не шучу.
«О, дайте карандаш мне и бумагу! –
Вдруг заявляю громко палачу. –

И прежде, чем мне голову утратить,
Я о любви сонет вам напишу!
Но постелите бархатную скатерть
На этот пень корявый, я прошу!

Ведь я – поэт, тончайшая натура,
А вы стоите с грубым топором…
Такого слова, как «литература»,
Небось не знали? Чувствую нутром!»

Палач в ответ: «Ну, что вы, Бога ради!
Но вот сонет… тем паче о любви…»
И, протянув топор, в лихом отпаде
Встал на колени и сказал: «Руби!»

Чувства пи-тая…

Простите мне, милая Тая,
Но слово в душе не тая,
Я о вас постоянно мечтая
Счастливее сделать рад, милая Тая.
Но сердце ваше не тая
Меня убивает, как волчья стая
Добычу в диких горах Алтая.

Виталий Шишпанов, Череповец

Шалтай-Болтай сидел на стене.
Шалтай-Болтай свалился во сне…

Самуил Маршак

Я, вечера бобылём коротая,
И за столом бутерброд уплетая,
Лучше сказать, всухомятку глотая,
Вас вспоминаю, о, милая Тая!

А перед сном фолианты листая,
Нет, не читая, а только мечтая,
Как я, легко телеса заплетая,
Все повторяю: «О, милая Тая!»

Но вот во сне, всё на свете сметая,
Перелетаю я в горы Алтая,
Где на меня волчья кинулась стая,
Злобно хватая: «А вот тебе Тая!»

И отбиваясь, ногами болтая,
Будто бы в роли Шалтая-Болтая,
В страхе упал я с дивана, болтая:
«То, что во сне вы, спасибо вам, Тая!»

Как любить горизонтали
И про небо не забыть?

Растительные признания

Ты найди себе парня попроще,
Чтоб он был честный муж, верный друг.
Я женюсь на берёзке из рощи,
И в друзья себе выберу луг.

Валерий Малкин, Тюменская область

Ты найди себе доброго мужа,
Чтобы верность хранил, с нею честь.
А вот я тебе вовсе не нужен,
Ведь во мне всякой дури – не счесть!

Я с берёзкой живу, хоть не в браке:
Мне бы сок да держаться за сук!
А когда всё ж доходит до драки,
То сбегаю на дружеский луг.

Я к растеньям тянусь – без предела,
Здесь, наверно, души произвол.
А недавно почувствовал: тело
Распрямляет и ветви, и ствол…

И скажу тебе прямо, без скрипа:
Я не прост, и уж точно не глуп.
Если дружбы ты
хочешь, я – липа,
Если замуж ты
хочешь, я – дуб!

ИсаковЕвгений Герцелевич – член Союза писателей Израиля. Мастер спорта по футболу. Родился 02.11.46. в г. Грозном. В 1947 семья переехал в Хасавюрт. В 1964 окончил среднюю школу, работал в Рембыттехнике. Армейская служба прошла во Владикавказе, г. Оржоникидзе.

С детских лет занимался спортом, играл за сборную Дагестана. Поступил в институт физкультуры в г. Москве на заочное отделение на кафедру футбола. После окончания института работал тренером команды г. Хасавюрт и Кызылюрт, а впоследствии стал работать детским тренером по футболу.

В 1989г. Приехал в Москву. Работал в команде мастеров футбола – в высшей, первой и второй лигах. Прошёл все посты – от администратора до директора клуба. В настоящее время на пенсии.

Сын, Рудольф, работает в Министерстве экономии. Дочь, Любовь, которая носит имя матери, работает косметологом. А самая младшая, Виктория Исакова, успешная актриса театра и кино, лауреат премии Правительства РФ, премий «Чайка», «Триумф» и «Золотой орёл».

Исаков Евгений творчеством занимается всю свою жизнь. Серьёзно занялся поэзией 20 лет назад. В поэтическом сборнике Евгения, изданном в 2016 году, стихи о матери, исторические поэмы: «О Шамиле», «О Шалияхе», юмористические стихи и много стихов на тему лирики.

Евгений Исаков

Мой милый друг! Когда конверт откроешь,
Пусть не дрожит листок в твоей руке.
Не надо грусти! Я всегда с тобою,
Плыви достойно в жизненной реке.

Ах, как тебя мне хочется поздравить.
Хочу тебе я счастья пожелать,
От всех волнений и забот избавить,
И все цветы одной тебе отдать.

Пусть будет новогодний праздник ярким,
И радость пусть невзгодам вопреки,
Пусть от вина и танцев станет жарко,
И пусть не будет места для тоски.

Двенадцать скоро. Нужно торопиться.
В минуты эти вспомни обо мне.
Пусть дед мороз в окно твоё стучится,
Неся подарки как в волшебном сне.

Снегурочка взмахнёт косою с бантом.
Уж Новый год, курантам бить пора.
И ночь, как балерина на пуантах,
Закружит бал до самого утра

декабрь 1987 г.

ВНУЧКЕ

Жизнь уходит медленно, но верно.
Только не об этом грусть моя,
И, конечно, счастлив я безмерно,
Что любил и был любимым я!

Я грущу о молодости славной,
О судьбе, что не была легка.
Жаль, что не достиг я цели главной,
Все уносит времени река.

Счастлив я, что подрастает внучка
С именем аварским Биличо!
И мои седины гладит ручкой,
Оседлавши дедово плечо.

Помню обо всех ушедших рано
Близких и любимых мной людей,
Их я вспоминать не перестану,
Каждый - это часть души моей.

И, наверно, нужно жить надеждой,
Что любовь и радость впереди,
Но и помнить все, что было прежде
Память сердца пусть стучит в груди.

Счастлив я, что жизнью не обижен,
Что красивых вырастил детей,
Сколько внуков я еще увижу?
Сколько предстоит счастливых дней?

А когда я по призыву с неба,
Окажусь в неведомой стране,
На могильный камень корку хлеба
И стакан воды поставьте мне!

ОСЕННЕЕ ТАНГО

Помнишь осенний сквер,
Желтой листвы шуршанье?
Злым языкам не верь,
Незачем нам прощанье.

Жду я тебя всегда,
Жду с самых давних пор,
Пусть обойдет беда,
Нашего детства двор.

Трепетные слова
И обещанье встречи
Дождик шептал едва
В этот осенний вечер.

Время стрелой летит.
Где ты, любовь, теперь?
Желтой листвой шуршит
Хмурый осенний сквер.

Сентябрь, 1995 г.

МОЙ ДАГЕСТАН

Я прихожу на берег моря,
Где под ногой шуршит песок,
Шумит волна, с волною споря,
И солнцем озарен восток.

И стоит небу проясниться,
Как море станет голубым,
И ветру не зачем сердиться.
Реветь над Каспием седым.

Мой Дагестан красив как прежде,
Одетый в зелени наряд.
Я уезжал, храня надежду,
Что я еще вернусь назад.

И вновь места родные вижу,
Предгорья, где течет Сулак
.

Я не был здесь судьбой обижен,
Все для меня тут добрый знак.

И от садов Табасарана
До хасавюртовских полей
Я славлю землю Дагестана
Как память юности моей.

Апрель 1999 г.

* * *

Пол неба золотом пылало
Мир просыпался ото сна
К песку прибрежному устало
Бежала за волной волна.

«Откуда Вы - спросил песок-
-К вершинам горным прикатили»?
Журчали волны: «Там мы были,
Где по утрам горит Восток!

Мы много дней уже бежим
От самых берегов Ирана
Манят нас горы Дагестана
И мы остаться здесь хотим.

Нам пели ветры на просторе
Душой прекрасен здесь народ
И Каспий - ласковое море,
И чуден синий небосвод».

Песок ответил: «Оставайтесь
И, уплывая, возвращайтесь
Вершин причудливый зигзаг
И звездной ночи полумрак
Вас неизменно будут ждать,
И с Вами о любви шептать».

ИСАКОВ - МИЗРАХИ МАТАТИЈА (1929 - 2013) – член Союза журналистов СССР и Союза писателей Израиля. Родился в Кубинском уезде поселка Еврейская Слобода Азербайджанской ССР. Окончил филфак Азербайджанского госуниверситета им. С.М. Кирова. Возможно, встреча М.Исакова с поэтом Азербайджана С.Вургуном, в 1947 г. в г.Баку на съезде молодых поэтов, и его напутственное слово, дали Мататию путевку в жизнь. Проработал в редакции районных газет «Гызыл Куба» и «Шафаг» более сорока лет. Печатался в республиканских газетах и журналах. В 1992 г. репатриировался с семьей в Израиль (г.Акко). Автор сборников стихов изданных в Израиле - «Я смотрю на красоту», «Кубинец – из династии раввинов», «Прошедшая молодость», «Мне 75 лет», «Не могу найти».

НАСДАНУМ

Әзи дүнjоһ дәс вәкүрдә насданум,
Човон бирә вәхтсүз мүрдә насданум.

Чән кук, духдәр, ширин нәвә һисд мәрә,
Мә уһорә шәндә рафдә насданум.

Нүвүсдәнүм кәм-кәм хубә шәjирһо,
Әзи күлһо дәстә күрдә насданум.

Ә дүлмә дәри әри Шоһдог нәгмәһо,
Мә Гүбәсүз дијә мундә насданум.

Ђәзизә Русланә, рачә Русланә,
Әз ширини хурдә, шәндә насданум.

Тәфлин бирәj ән Матанә нә дирә,
Чиро бошум әзи дүнjоһ насданум.

Мәтәтијо jә руз мурав әз ђилом,
Чү мисоху дустһо бәгдә насданум.

75 НӘБИРӘ

Ә дустһо, бирорһо әки күjүм мә,
Ә дүлмә дәриһо сурә, насданум.
Кәмәрмә хүрд бири, дүлмә поисди,
Тәгсиркор киникә һәлә, насданум.

Әри jә ђәзизә - балаjмә Руслан,
Ә хори бәбәһо чорә, насданум.

Амбар дәкиш бирәј, лап залум бирәј,
Әрчү һәчи бисдо Чалә, насданум.

Әзтү кошдәјһо у күллүјә богчә,
Јә реjһан, гызылкүл чирә, насданум.

Тү гәһри бисдори хејли вәхти ки,
У рач сифәттүрә дирә, насданум.

75 нәбирә, ә Мәтәтијо,
Әрчү тү вир сохдәј сәрә, насданум.

БҮЗУРМӘНД МИСОХУМ

Јә руз ә и дүнјоһ омо јә ҳәил,
Чәҳмәт кура бисдо, мило сохд раби.
Һәммә ә сүфрә нүшд, бәгдә јә кәмләј,
Лә ҳәләј ҳәиләш сохдут шороби.
Һәммә шори сохдә хурдут ә соги,
Човонһој ширвони, чуһурһој доги.
У раби дуз омо ә јон ҳәиллә,
Куфди ки, ә китү омори ләлә.
Нум кәләбәбәрә бүзүрмәнд сохош,
Урә хуно сәрлү, иһтиборлү бош.
Худо, тирој Миши, тирој бәбәһо,
Әтү кумәк кәрдо. Кордош сад сала.
Рәһһојтү үшүглү, мозолмәнд кәрдош,
Нум тү Матан бисдо имуһој, бала!
Кирошд чәнд-чәнд салһо, дәдәј ҳәјил А...
Куфди нәс воисдә һич мәрә и нум.
Хосдәнүм ҳәзизә нум ҳәилмәрә,
Дијә дәкиш сохдә рач Гоби минум.
...Матан кәлә бисдо, әгүллү бисдо,
Нә вәкүрд һич зомон и таза нумә.
И хәрәбә кофһо, хәрәбә корһо,
Әз күлләш зәбуни куфди әримә.
Мәрә шинохдәнүт чәҳмәт чуһурһо:
Нәвәј Мәтәтијо – Исаков Матан.
Нум кәләбәбәрә мә вир нисохум,
Бүзүрмәнд мисохум һәр вәхд, һәр зомон.
Тонишһо, гоһумһо һороj нәс зәрә
Матана Гоби, Саша, Онекин,
Ћовурһо, һәрмәһһо куфдирәнүт ки,
Нум Матан әриму дијәш һисд ширин.

ВӘТӘН һӘСРӘТИ

Көзәл Губа, мәним ана Вәтәним,
Шаир гәлбим һәр ан сәни арзулар.
Орда олан гоһумлара, достлара,
Исраилин торпағындан салам вар.

О јерләрин һәсрәтини чәкирәм,
Һәр ананда үрәјимә хал дүшүр.
Һәрдән хәјалларым гара бахтымла,
Сөнән кәнчлик илләримлә көрүшүр.

Мән "Гырмызы гәсәбә"дә бөјүдүм,
Ширин-ширин хатирәм вар о јердә.
Инди үрәк бир көзәлсиз јашајыр,
Өмүр сүрүр бир думанлы шәһәрдә.

Каш Губаја бир дә јолум дүшәјди,
Мешәләрдән, јајлағлардан кечәјдим.
Мејвә долу баг-бағчаны сејр едиб,
Сәрин-сәрин булағлардан ичәјдим.

Һајыф узагдајам, вахт кәләр бир күн,
Анамын гәбрини охшатмаг үчүн,
Мәзары јанында ујумаг үчүн,
Гүрбәт елдән дөнәчәјәм Вәтәнә!

ТАПА+ БИЛМИРӘМ

Өтән кәнчлијими хатырлајырам,
Итән кәнчлијими хатырлајырам,
Сөнән кәнчлијими хатырлајырам,
Тапа билмирәм, тапа билмирәм.

Сиз мәндән нә гәдәр узагдасыныз,
Һәјатда галмышам инди мән јалгыз,
Мәнә јахын дурмур, бир назәндә гыз,
Одур, кәнчлијими ахтарырам мән.
Тапа билмирәм, тапа билмирәм.

Ачдығым чығырлар дагларда галыб,
Нечә ајаг изим багларда галыб,
Севки мәктубларым Томорда галыб,
Итән кәнчлијими ахтарырам мән.

ИСАКОВ БЕНЬЯМИН НАХУМОВИЧ (18.07.1937) – член Союза писателей Израиля. Родился в поселке Красная Слобода Кубинского района Азербайджанской республики. Поэт, начал писать на азербайджанском языке, печатался в Азербайджанской периодической печати. Кумиром для него являлся народный поэт Азербайджана Самед Вургун. В 1999 году репатриировался в Израиль, живет в Натании. Свои стихи, посвященные своему народу, городу детства Кубе, земле Израиля, пишет на языке горских евреев и на азербайджанском языке. Является автором популярной песни «Сие чумо» («Черные глаза»). Написал поэму об Иосифе Кобзоне. Автор сборника стихов «Никəрəj гудијал» («Река Гудиял»).

ЧҮТАМИ ГҮБӘЈМУ

Ә гәләм күрдәкор, коф нүвүсдәкор,
Чүтами Гүбәјму, күјит әримә.
Бәлкә тү нүвүси, чон Јаша бирор,
Әхи ә унчоји јә нимәј дүлмә.

Чүтами у тәпә – һүндүрә тәпә,
Доһор Бәһәз кәнә кирисдәними?
Кәнә рихдәними вәрф ләпә-ләпә,
Чилидә билогһо вәрф бәсдәними?

Һәсрәтмә амбари, дәрдмә гәдәрсүз,
У овһој ән Гудјал һәрсһој чуммәни.
Чү күјү, чү дану әз дәрд хәбәрсүз,
Гүбә Вәтәнмәни, Гүбә чунмәни.

ПУЧӘ ДҮНЈО

Ки омори, ки рафди,
Бинәдән һичи дүнјо.
Ә һәр дүл дәрд дарафди,
Әхирү пучи дүнјо.

Ә чәји тү, ә күлмә,
Јаралүни и дүлмә,
Әдәј рафдә һүмүрмә,
Түсүз бирачи дүнјо.

Јусиф түрә хуб хосдә,
Год мәһәни нүвүсдә.
Бинјами хосди дусдә,

Тәмизи, рачи дүнjо.

Әрәги ху, шороб ху,
Әхирү пучи дүнjо.
Нә мол мундә, нә дүвләт,
Рафдәни, күчи дүнjо.

JОРШОЛОЈИМ

Вәчири, чәһм сохди Исроилә тү,
Әз дәрд, гәм варасдим, ә Joршолојим.
Һәмишә хуб кәрдо һәр мәһшовојтү,
Түсүз имуш нисдим, ә Joршолојим.

Сухундут, дог дорут, күшдүт имурә
Ә аташ дәшәндүт чум дирә-дирә.
Ә һәр кучә мәјит, ә һәр дәр кирјә
Воj зәрим, кириздим, ә Joршолојим.

Милләт Исроилә лов сохдәбүрүт,
Һәрки ә jә чикә вирихдәбүрүт.
Ә Худо шүкүр ки, и рузә дүрүт,
Ә дүлһо пиj бәсдим ә Joршолојим.

Имоһоj әкитү Бинjами нүшди,
Шориһо омори, дәрлһо кирошди,
Jәтимә, jәсирә куч дори, дошди
Варасдим әз дәрд, гәм, ә Joршолојим.

НИКӘРӘJ ГУДJОЛ

Ә никәрәj Гудjол, бәхшләмиш сох тү,
Рәһмә дураз офдо, мә чүтам сохум.
Әз һәjли бәсдәjи дүлмә ә дүлтү,
Тү һәрс тиjи мәсох, мә бијо сухум.

Ловтү фурамори jәтимә хуно,
Һаштанки, кук шәнди рафди дәдәjә.
Мијом, тү бовор сох, мә һәминонһо,
Һәлә ки, мә согум мәвокун сијә.

Ә у һүндүрә дог гәдәгә зән ки,
Әзу чилидә вәрф фүрсү әримә.
Һәрдән гәбәр бирә дүлмә сухдәнки,
Хурум, сәрин бисто бәлкә и дүлмә.

Һәр кофә куфдирә нәстанүм, Гудјол,
Түки, танустәни сурһој дүлмәрә.
Худо доқә мәрә јәнчигир мочол,
Мукујум әри түдәрди-сәр мәрә.

Јә ә түиһтибор сохдәм ә һилом,
Палаша овһој түә хунмә дәри.
Әлбәт, јә руз инбу һүмүрмә томом,
Ә рафд рәһһој түмәрәш инбәри.

СИЈӘ ЧУМҺО

Руј түовуш дорә у мәнкә хуно,
Ошуг бирәм ә түә, ә сијә чумһо.
Бијо мәкүш мәрә тәхсирмә нисти,
Бәкә сәнги дүлтү, ә сијә чумһо.
Тәкрор
Мәкүш мәрә – мәкүш мәрә тәхсирмә нисди,
Ә духдәрһо әз әвәлиш и һәдәт һисди.
Түчун Худо гәриш мәбош ә һәрәј дусти,
Мә миром әри түә, ә сијә чумһо.

Мәјил бурав әз дәс и ширинә чун,
Инсофу бирәкор һич нисоз хун.
Воисдәни бошум әритү гурбун,
Дустогум ә дәс түә, ә сијә чумһо.
Тәкрор
Мәкүш мәрә – мәкүш мәрә тәхсирмә нисди,
Ә духдәрһо әз әвәлиш и һәдәт һисди.
Түчун Худо гәриш мәбош ә һәрәј дусти,
Мә миром әри түә, ә сијә чумһо.

Вәсси мәди мәрә ингәдә чофо,
Гәст сохдәј ә чунмә, түә бијбофо,
Кори нәс сохдәкә ә түи кофһо,
Бәхт мәни чумһој түә, ә сијә чумһо.
Тәкрор
Мәкүш мәрә – мәкүш мәрә тәхсирмә нисди,
Ә духдәрһо әз әвәлиш и һәдәт һисди.
Түчун Худо гәриш мәбош ә һәрәј дусти,
Мә миром әри түә, ә сијә чумһо.

Ифраим Доғи (15.10.1927) Ә Чәһм иүвүсһој чу-hурһој доғи дәри. Ифраим Доғи – кук Рәһәмим Дәнәг ә Республи- кај Азәрбајчан һисдиһо Варташен (имојнә Оғуз) шәһәри әз дәдәј бири. Ә 1936-үмүн сал ә 9-сала бирәки әз бәбә јетим мунди. Ә ку-мәки Худорәвоз кәлә бирә, Хәлг тәсәрүфати института варасди. 42-сал ә јә чәнд тәшкилотһо кор сохди. Ә комсомол комитәси шө- бә мүлири, ә Рајком партија тәлиматчы, шәһәр вә рајон Советиһо-рә катиби бири. Әхиринчи салһо Статистика идорәјирә рәһбәрү бири. Әз 6-һәјилү 4-у Али тәһсил вәкүрләт. Әз 1960-үмүн сал тәј- тә имоһој 5-китобу руј үшүгә винири. Ә 2006-үмүн сал 112-сәһи-фәлү "һәјат тәранәләри" шәјирһо, 2007-үмүн сал 270-сәһифәлү "һәјат хәтирәләри", 2011-үмүн сал 100-сәһифәлј "Гәрибәдир һә-јат" шәјирһо, 2014-үмүн сал 174-сәһифәлү "Әз нәсилһојму", 2015- үмүн сал 120-сәһифәлү "Мүбаризәдир һәјат" чап бири. Амбартәки шәјирһо ә рајон козети чап бири. Һүрмәтлүјә шоһир әз 1995-үмүн саловоз ә Израил ә кифләтәвоз оморәт, ә шәһәр Аждод әдәт зиһисдәнүт.

Һәзизә Дәдәј

Шоһир әри хәлг кузкини
У рәһ бурбундә дузкуни
И. Д.

Оj сәдигә Инсон, Һәзизә Дәдәj,
Һиломи әримә, чофокәш Дәдәj.
Тү мәрә ширинә чун, чикәрмәни,
Ә дүнjо овурдәj, нур, чирогмәни.

Чүм вокундәм , түрә дирәм,чон Дәдәj,
Синәjтүрә чикә сохдәj әримә.
Шөвһо нә хисирәj лај-лај куфдирәj,
Шир дорәj, чун норәj шөв-руз әримә.

Дәм-ләһзә һә хурдә дорәj, хорундәj,
Кәлә сохдәj зури ә поj пojундәj.
Коф вомухдәj, зуһун Дәдәji, мәрә,
Һәзобһо кәширәj, һич нә вомундәj.

Ә jәрмәни күрдәj мәрә пojундәj,
Вүрүхүндәj шәггә зәрәj хәндүсдәj.
Шори сохдәj рәһә сәрбәсд рафдаки,
Нә куфдирәj дијә вәсси вомундәj.

Дәдәj нур чироги, ҳәзизи, сәшгу
Үлвини, нурлуни ә чумһо, туш кү.
Әз Дәдәj зәвәртә ниданү бирә,
Jә инсон, jә мәхлуг, ки бирә бошкү.

Дәдәj мүгәддәси, сәдиг, үлвини,
Әри һәммә ҳәзиз, надир мнчини.
Гәрд ән урә һич кәс нидану дорә,
Әхи У, дүнjоjи, нури, үммани!

Зуһун Дәдәji

Дәдәj jәки-jәки кофлә вомухдә.
Шор бирә һәр дүшү әз дүл ә jәки
Ә һәр коф дәбирә нәфәс Дәдәji,
Уни, ширин бирә зуһун Дәдәji!

Ә зуһун Дәдәjовоз корлә данусдә,
Вомухдә чүлама нүшдә, вәхүшдә.
Пүрсирә һәр чирә хосдә вомуху,
Шори, хәндә бирә һәр кофләһоji,
Амбар ширин бирә зуһун Дәдәji!

Раби Миши совор, ҳәjил бирәки,
Зуһун Дәдәjирә вомухд пәһники.
Ә һәрс Дәдәjовоз гejрәтлү бисдо,
Бәгдә ә сәр омо Дәдәj хосдәji,
Амбар зәвәр бисдо зуһун Дәдәji!

Чәнд зуһун данусдә кәлә һүрмәти,
Әри инсон нүми, сани, шөһрәти.
Һәр зуһун данусдә jә дәр вокундә,
Вомухдә зуһунһо лап чәнд гәдәри,
Оммо, ширин бирә зуһун Дәдәji.

Расо

Васал оморәнкә вокундә күлһо,
Виниш чи соф бирә урә нәфәси.
Ширинә арзуһо норә ә дүлһо,
Мәҳниһо овурдә кушһорә сәси.

Кирошдә рузһорә овурдә ә jәр,

Сухундә дүлмәрә гушһо хундәки.
Дәрдһо таза бирә офдәрә ә јәр,
Вәкүрдә дәрд мәрә тәһно бирәки.

Богчәһо-богһорә дирәнкә күлсүз,
Офдорә гулһојмә ә бүкүр јәки.
Вокундә күлһорә дирәнкә овсүз,
Пур бирә чүмһојмә һәр дү ә јәки.

Омори рафдикәш чәнд салһо васал,
Гушһо мәһниһорә нә хунди һәдәр.
Амбар винирәткәш чәнд хубә васал,
Әз дүл нәсә рафда күрүнә кәдәр.

Васалһо бијорә һәмишә шори,
Соги-саламати, лап аламати.
Бәнөвшәһо вокуно, кәрдо дүлшори,
Гушһо мәһни хуно, мугом, һејроти.

Васалһо нә кәрдо мәһнисүз, күлсүз,
Бүлбүлһо күл вино, ә мурад расо!
Мәһниһо нә кәрдо фәрәһсүз, дүлсүз,
Догиш гәмә бино, ә мурад расо!

Шор бисдорум

Әри һүрмәтлүјә шоир Әлдар Күршүмов

Мә Ифрәим Догинүм,
Шоир ән дөвр чогинүм,
Војисд күрүм дәстүрәш,
Војисд шүнүм сәстүрәш.

Ђүмүрә бәрг зүһүсдәј,
Әз дүли хәлг нүвүсдәј.
Тиромәндә хошум мәш,
Кош, гуногтү бошум мәш...

Редактор Јонатана,
У, хубмәндә һәтонә,
"Гафгаз" һисдһо козити -
Сәһиб кәлә шөһрәти!

Сад нөмрәји ән козит -
Сәлт кәлә бу чүн миһид.

"Јоршәлојим" шеиртүш
Вәбу ә зир шәкилтүш.

Чәнд бо хундә шеирәш,
Муно сохдум шоирәш.
Бәхтәш бәхшә висдорум,
Мозоллуш шор бисдорум!

Рафдүм

Әрн вәхтсүз рафда күкмә

Ә дүнјо оморүм - шори бијорум,
Мәш ћәким бошум ки, шәфо бијорум.
Зу бисдо гисмәтмә - әз дүнјо рафда,
Чи данум чунбәрә ћәчәл мијорум.

Сухундәм ћәммәрә, Бәбә-Дәдәјә,
Сохдәм рузћошүрә ћүмүрлүг сијә.
Рафдајмә әришү зүлмәти бисдо,
Митирә дошдијо ћәрс чүми дијә.

Худојму әримә ћочу нүвүсди;
У чирә нүвүсә чорәји нисди.
Ә дүнјо ћич јә чиш нисди әбәди,
Әз ћилом рафдәји ћәммәрә ћисди.

Ћәзројил рәћм нә сохд, чунмәрә ћисдо,
Вахтсүзә рафдајмә фачиә бисдо.
Хосдәнбүрүм мунум әри ћәјилћо,
Худо нә дошд мәрә, кумәк нә бисдо.

Әдәј рафдәнүм

Јә вәћдә мә јәтим, сәћибсүз бирәм,
Зулумћо, чофоћо, тәнкићо дирәм.
Худо кумәк бисдо, зәвәр сохд мәрә,
Чәнд салћо хубә руз, шори винирәм.

Салћо зури кирошд, чарусд мозолмә,
Вәкүрд мәрә гәмлү, сијә күзормә.
Офдорәм ә дәс-пој бисдорум зәлил,
Ћәсрәт мундум әри рафда рузћојмә.

Худојму бәһзирә нур, гәнәт дорә,
Бәһзирә һәм зүлмәт, һәм зилләт дорә.
Бәһзирә гызылкүл, бәнөвшә дорә,
Бәһзирә дәсирә тәлүһо зәрә.

Әдәј рафдәнүм мәш, чүмһојмә торки,
Руј сипи рафдәнүм, данусдәнүм ки,
Мәнзилмә нәзники, кәм мунди расүм,
Ә хәјәлһоровоз мундәм ә јәки.

Данусдәним, һәммә ә и рәһ дәри,
Ћүрмәтсүзиш мундә данит һәдәри.
Хосдәнүм әз дүнјо обурлу бурам,
Обурлушки рафдә јә кәлә кори.

Худојму зәвәри , оводу кәрдо,
Дүнјо хуб саламат, ишүглү кәрдо.
Догирә хосдәји ә сәр бијово,
Ә дүнјо шориһо әбәди кәрдо.

Огуз шәһәри

Рачлүјә дијори Огуз шәһәри,
Һозор салһо рафди, гәдими јоши.
Виниткә Огузә чилам шәһәри,
Худорә бәхшини, дүлшор имбошит.

Һәр тарафи доги, сигә вишәји,
Соаза мәнзәриј, лап һејрәтлүни.
Виниткә миданит чи томошәји,
Чәннәт дијорини, тәравәтлүни.

Асмуји тәмизи, һовоји меһлү,
Сәриг бирә амбар овбилогһоји.
Күлһоји зәрифи, хунчәји шеһлү,
Инсонә руһ дорә борлү богһоји.

Дорһо рујә асму зәвәр варафди,
Чәнд салһо шәхтәһо, боранһо дири.
Огуз човон бири, Доги шор бири,
Сеһирлү мәкани Худојму дори!

Ширин Ильяс-оглы Сумалиев (Илья Ширин)

родился 10 февраля 1926 года в городе Варташене (ныне Огуз). В 1939-м окончил семь классов неполной средней школы Варташена. Затем переехал в город Евлах и с 1963 года жил в Баку. Получив среднее и высшее экономи- ческое образование, в 1951 году начинает трудовую деятельность в должности инженера-экономиста в городе Кировабаде (Гянджа) в тресте Кировабаднефтераз- ведка. Илья Ширин прошел все ступени роста молодого специалиста, достигнув долж- ности главного бухгалтера и начальника контрольного ревизионного управления в Министерстве сельского строительства и в Главном управлении мелиоративного строительства Азербайджанской ССР. В 1991 году в возрасте 65 лет вышел на пенсию. Затем работал финансовым советником во вновь созданных торгово-промышленных фирмах в Баку. С марта 1996 года живет в Нью-Йорке. Илья Ширин начинает работать над ранее собранным материалом по истории общины горских евреев Варташена. Под названием «Край роз на подоле Шахда- га» в 2005 и 2007 годах книга издается в Баку и в Израиле на русском языке. В связи с 90-летием Ильи Ширин его сыновья Илья и Юнис в Израиле переве- ли эту книгу на иврит и издали тиражом в 200 экземпляров. Далее писатель начинает проявлять интерес к изучению основ иудаизма. Он убежден в том, что основа основ не только монотеистической религии, но и основа литературы находится в иудаизме. Он начинает сравнивать произведения средневековых поэтов и писателей Ближнего и Среднего Востока с Кетувим – третьей группой священной книги Танах, которая состоит из поэтических и исторических произведений иудейских царей, поэтов и философов.

ТОРА НА ЛИТЕРАТУРУ

БЛИЖНЕГО ИСРЕДНЕГО ВОСТОКА

Баку Ширваннешр - 2013

В колыбели человеческой цивилизации - Ближнем и Среднем Востоке искусство, наука и культура развивались с древнейших периодов, достигнув мира, завоевав прочное место в истории цивилизации, обогатила кладовую мировой культуры редкостными произведениями. Литература Ближнего и Среднего Востока не только упрочила свои позиции, но и стала крупным источником для развития мировой культуры, периодически внося в нее литературные жемчужины.

Ближний и Средний Восток создали и оставили для истории бесценные труды и архитектурные памятники.

Все три религии - иудаизм, христианство и ислам, зародились на Ближнем и Среднем Востоке на основе принципов (философии) ЕДИНОБ-ЖИЯ (МОНОТЕИЗМА), являющегося продуктом древней человеческой цивилизации. Созданные в разные периоды на основе прогрессивных идеалов эти религии не только положили конец

бытовавшим прежде идолопоклонничеству, зороастризму, но и имели огромное значение для общественно - политического развития общества. Сюжетная линия произведений и зарождения иудаизма и истории развития еврейского народа связана религиозными культами. Рождение пророков, их философские мысли, открытие новых общественных и правовых законов, формирование государственного устройства и управление им, сочинение поэтических произведений подчинялось борьбе с идолопоклонничеством и другими религиозными течениями, завершая воцарение идеи ЕДИНОБЖИЯ (МОНОТЕИЗМА), вышедшие из бени-израильских племен пророки, ученные и другие прогрессивно мыслящие личности брали за основу Товрат* (пять книг пророка Мусы*). Кроме этого бени-израильские племена объединились и сформировались как единая нация, создали на Востоке мощную империю - Государство Израиль. И на основе прогрессивных мыслей , в полной мере обобщив и сформировав исторические и другие поэтические, правовые и философские произведения, выдали Танахи - священную книгу иудаизма. Сборник письменности евреев - Священная книга, появившаяся благодаря вдохновению от ВСЕВЫШНЕГО. Традиционно ТАНАХ делится на Тору , Невиим и Кетувим. На ибрани* (еврейский язык) книга называется "ТАНАХ". Слово ТАНАХ представляет собою начальные буквы названий трех разделов еврейского Священного писания: Тора, Невиим, Кетувим(на иврите буквы Х и К дают единое звучание "kat).

Первым и основным письменным документом еврейства является "Тора" - пять книг пророка Моисея. Слово "Тора" позаимствовано от слова "ораа" из Ибрани(еврейского языка) и означает "инструкция". На Ибрани эти пять книг в то же время называются ХУМАШ. Взято оно из слова Хамеш, на древнееврейском языке означающее "пять". Определенную часть Тору составляют "законы". Израильское государство подвергалось захвату различных народов: арабов, римлян, греков, турок, англичан.После покорения евреев, эти народы использовали Тору в своих целях и присвоили ее законы, представляя их миру под видом "Культитура Греции и "Законы Римской империи".

В распространении традиций "Хамсе" среди поэтов и писателей Ближнего и Среднего Востока не обошлось без влияния "ХУМАШ".

Вторая группа книги ТАНАХ - "Невиим" состоит из основных восьми книг и вобрала в себя религиозные и исторические произведения пророков. Последняя, восьмая книга, состоит из двенадцати книг и называется "малой книгой пророков".

Третья группа книги ТАНАХ - "Кетувим" состоит из одиннадцати книг, вобрав в себя поэтические произведения и исторические труды.

Основные поэтические произведения: Забур, Песнь песней, этические вопросы и книга Ваиз пророка Сулеймана, книга Эюба, элегии, история Юсуфа и его братьев, апогрифы и другие поэтические произведения. Мы остановимся на основных поэтических произведениях.

Кетувим - поэтические произведения

Забур - книга пророка Давуда - Талаим-Забур - поэтическая книга. Написанная на музыку , она состоит из ста пятидесяти псалмов. Забур - сборник восхвалений и молитв в "Священной книге» ТАНАХ. Все восхваления и молитвы написаны в поэтической форме. По содержанию они различны: восхваления ВСЕВЫШНЕМУ, защита, молитвы для избавления, мольбы о прощении, благодарность ВСЕВЫШНЕМУ, молитвы о покаянии и т.д. В них отражены радость, скорбь, безнадежность и гнев автора.

Пророк Давуд обладал красивым голосом, он играл на киноре(арфе), читал стихи из Забура.В классической поэзии Востока выражение «Ляхни-Давуд»(голос

Давуда)указывает на на красивый и обаятельный голос. Это выражение можно встретить и в настоящее время.

1 псалом

(1) Счастлив человек, который не ходил по совету нечестивых и на пути грешников не стоял, и в собрании легкомысленных не сидел.
(2) Только к Торе Г-сподней влечение его, и Тору Его изучает он днем и ночью.
(3) И будет он, как дерево, посаженное при потоках вод, которое плод свой дает во время свое и чей лист не вянет; и во всем, что ни сделает он, преуспеет.
(4) Не таковы нечестивые, но как мякина (они), которую развевает ветер.
(5) Поэтому не устоят нечестивые на суде и грешники – в общине праведников,
(6) Ибо знает Г-сподь путь праведников, а путь нечестивых сгинет.

2 псалом

(1) Почему волнуются народы и племена замышляют тщетное?
(2) Встают цари земли и властелины совещаются вместе – против Г-спода и против помазанника Его:
(3) "Разорвем узы их и сбросим с себя путы их!"
(4) Сидящий в небесах усмехается, Г-сподь насмехается над ними.
(5) Тогда заговорит Он с ними в гневе Своем и в ярости Своей напугает их.
(6) Ведь Я поставил царя Моего над Цийоном, горой святой Моей!
(7) Расскажу о решении: Г-сподь сказал мне: сын Мой ты, сегодня Я родил тебя.
(8) Проси Меня, и Я дам народы в наследие тебе, и во владение тебе – края земли.
(9) Сокрушишь их жезлом железным, как сосуд горшечника, разобьешь их.
(10) А ныне, цари, образумьтесь! Внимайте назиданию, судьи земли!
(11) Служите Г-споду в страхе и радуйтесь в трепете.
(12) Вооружитесь чистотой, чтобы не разгневался Он и чтобы не погибнуть вам в пути, ибо еще – и разгорится гнев Его. Счастливы все, полагающиеся на Него!

6 псалом

(1) Руководителю: на негинот, на шеминит; псалом Давида.
(2) Г-споди, не в гневе Твоем наказывай меня и не в ярости Твоей карай меня.
(3) Помилуй меня, Г-споди, потому что несчастен я, излечи меня, Г-споди, потому что содрогаются кости мои.
(4) И душа моя потрясена сильно.
(5) А Ты, Г-споди, доколе? Вернись, Г-споди, спаси душу мою, избавь меня ради милости Твоей. (6) Ибо нет в смерти памяти о Тебе (открыто не смогу упоминать Тебя), в преисподней кто будет благодарить Тебя?
(7) Устал я в стенании моем, омываю каждую ночь ложе мое, истаивает от слез моих постель моя.
(8) Истлело от огорчения око мое, вырвано оно из-за всех врагов моих.
(9) Удалитесь от меня, все творящие беззаконие, ибо услышал Г-сподь голос плача моего. (10) Услышал Г-сподь мольбу мою, Г-сподь примет молитву мою.
(11) Пристыжены и поражены будут сильно все враги мои, отступят и пристыжены будут мгновенно.

Примечания редактора:
Товрат - Тора (арабское наречие)
Муса – Моисей (арабское наречие)
Ибрани – иврит (арабское наречие)
Забур – книга псалмов Давида(арабское наречие)
Давуд – Давид царь (арабское наречие)

Этические вопросы (афоризмы)

В пору мудрости и в среднем возрасте Сулейман написал поэтическую книгу, состоящую почти из трех тысяч афоризмов (этических вопросов).

Книга Сулеймана – сборник этических и нравственных назиданий (инструкций) в виде вопросов и глубокомысленных слов.

Этические вопросы повествуют о семье и дружеских отношениях, трудовой и общественной жизни. Основные темы: мудрость и невежество, добро и зло, глубокомысленные слова, богатство и бедность, радость и горе, тяжелый труд и бедствие. Забур легендарного военачальника и поэта Давуда отражает все периоды его жизни, борьбу до последнего конца.Поэтому книга Забур на протяжении веков и до сегодняшнего дня остаётся источником мужества, служит еврейскому и другим народам. Филосов и ученый Иосиф Телушкин пишет: - Теилим(Забур) Давуда до сего дня остаётся самой знаменитой и богатой из всех поэм, написанных на религиозные темы. Написано мудро, поэтически просто, Теилим (Забур) не имеет себе равных в мире. Эти книги так вросли в мировую культуру, что многие писатели и музыканты до сих пор не знают, что определённая их часть вошла в ТАНАХ (ТОВРАТ)

Љјуба Јусуфова ә Израиль. Әз тараф чәп 4-мүн пәјисди.

ИЛЬЯСОВ ПАВЕЛ (31.07.1948) – член Союза писателей горских-евреев в Израиле. Родился в городе Грозном. В школьные годы и будучи студентом, был членом редколлегии. Окончил Грозненский Нефтяной институт. Работал оператором, а затем инженером в нефтеперерабатывающей промышленности. Был редактором заводской многотиражной газеты. В 1974 году переехал в Баку, работал в системе Миннефтихимпрома. Окончил курсы рабкоров, был внештатным корреспондентом газеты «Вышка». В 1990 году репатриировался в Израиль с семьей (г.Наария). Павел работает на заводе. Окончил двухгодичные курсы по еврейской философии, еврейской истории и иудаики. Имеет диплом института гуманистического иудаизма.

А мне сказали, что ты еврей

Туманным осенним утром 1977-го года бригада наладчиков из управления Кавказ - энерго монтаж встретилась на железно-дорожном вокзале Баку. День выдался пасмурным. Моросил дождь, все шесть человек пришли в плащах "балонья" с зонтиками, кто с чемоданом, а кто с большой дорожной сумкой. Предстояла командированная поездка на гидроэлектростанцию по названием "Белый уголь", которая находилась в районе Кавказских Минеральных Вод., в непосредственной близости от города Ессентуки и в восьми километрах от города Кисловодск. Электростанция была построена на реке Подкумок в 1903 году и являлась первой промышленной ГЭС в Российской империи. Её мощность изначально составляя 990 лошадиных сил а максимальное напряжение до восьми тысяч ватт. Электростанция снабжала энергией четыре курортных города Кавказских Минеральных Вод: Пятигорск, Железноводск, Ессентуки и Кисловодск. В те времена в этих городах было установлено четыреста уличных фонарей. А в Кисловодске и Пятигорске появились трамвайные линии, что тогда являлось чудом техники. Энергия этой станции приводила в движение и насосы, которые качали целебную минеральную воду в резервуары, затем и в ванны местных санаториев.

В годы второй мировой войны гидроэлектростанция была практически вся разрушена, после восстановления в 1947 году она вновь дала ток. В 1977 году, после длительных проливных дождей, относительно небольшая река Подкумок, вышла из берега и почти полностью уничтожила головное сооружение станции. Пришли в негодность турбины, трансформаторы подстанции, магниты электропередач, коммуникации автоматики, контрольно измерительные и регулирующие приборы. В управлении Кавказэнергомонтаж в срочном порядке были составлены проекты укрепления берегов реки Подкумок, полной реконструкции машинного отделения станции с одновременной заменой старых поперечно лопастных турбин на новые, с более высокой мощностью; также была разработана современная система автоматики и специальной аварийной зщиты.

На железнодорожную станцию Кавминводы мы прибыли к вечеру следующего дня. Нас встретил заместитель начальника ГЭС, он усадил нас в микроавтобус. Меньше, чем через час неас уже размещали в комнаты санатория "Долина нарзанов". Здравница располагалось в живописном месте , между городами Ессентуки и Кисловодск. На

следующий день прибыла бригада пуск-наладчиков из Ростова на-Дону, они расположились по соседству с нами.

Восстановительные работы шли полным ходом. Основную работу по укреплению берегов реки Подкумок, строительство нового здания, отделочные работы выполняло местное специальное СТУ. Работали также все сотрудники ГЭС, выполняя комплексные задачи: складирование и погрузка материалов и оборудования, помощь отделочникам, уборка территории и стройплощадки. Нам выделили бытовое помещение вместе со штатными работниками электростанции из ближайших городов и посёлков. Местные жители довольно гостеприимные, доброжелательные и, с детства, привыкшие к курортникам, люди. Большинство из них сдают свои дома для отдыха в курортный сезон. Сюда приезжают люди, страдающие болезнями желудочного тракта или сердечнососудистой системы. Нарзанные источники в долине реки Подкумок залегают на относительно небольшой глубине от пяти до десяти метров. Поэтому у многих во дворе собственного дома имеется колодец с целебной водой.

Мы познакомились поочередно со всеми местными сотрудниками ГЭС, в те времена как правило, многие интересовались не только семейным положением, должностью и образованием, но и национальностью. Я перезнакомился со всеми и на вопрос национальности отвечал, что я еврей. Национальный состав работников электростанции оказался очень разнообразным: осетины, греки, карачаевцы, абазинцы, армяне. Русские же различали себя на особые группы. Как я узнал позже, в их число входили так называемые богустанцы – казаки, поселившиеся вдоль богустанского хребта; бекеши , происхождение которых казалось туманным.

В обеденный перерыв нам доставляли горячее питание. И в этот час принято было, обсуждать все наболевшее в те времена как в Ставропольском Крае, так и в других регионах бывшего СССР. Оказалось, что за ходом восстановительных работ в поселке «Белый уголь» постоянно следил сам Михаил Сергеевич Горбачев, в то время занимавший пост первого секретаря ставропольского крайкома партии.

Среди всей пёстрой палитры работников евреем оказался один я. Как ни странно, антисемитизма не ощущал, но нелепых и черносотенских вопросов задавали уйму. Например: это правда, что евреи на пасху пьют христианскую кровь; почему евреи не работают в колхозах; евреи умные потому, что пьют растворённое золото. На все вопросы я старался отшучиваться типа: - Положи золото в чай, выпей, может быть, станешь умнее. Или же объективные обстоятельные ответы : евреи древний народ, творцы самой библии, следовательно корни христианства и мусульманства уходят глубоко в иудаизм. Недели через две, я почувствовал, что ко мне со стороны этих людей сложилось особое отношение. В целом этот коллектив рабочих состоял из малообразованных и замкнутых на курортном бизнесе людей. Для них толкование многих религиозных вопросов было новым и необычным явлением. В те времена это противоречило коммунистической идеологии и атеистической морали. Если между кем-то возникали споры на любую тему, то в конечном итоге спрашивали мое мнение. Таким образом, я обрел роль арбитра.

После обеда по традиции было принято играть в карты большим коллективом по пять копеек на банк. Эта игра имела необычное название «Сека». За время перерыва можно было выиграть или проиграть не более одного рубля.

Как-то раз, уже на заключительном этапе командировки, в обеденный перерыв, во время картежной перепалки в бытовое помещение вошла женщина. На вид ей было лет сорок пять, среднего роста, черты лица её мне показались явно нерусскими. На ней было

дорогое пальто «джерси на поролоне» бордового цвета, черные сапоги с шикарной высокой шнуровкой(последний писк моды). Розовый мохеровый шарф окаймлял её светлое лицо. Из-под высокой вязаной шапки ниспадали красивые гладкие черные волосы. Её карие глаза, ярко накрашенные губы, буквально заворожили всех нас. Плюс ко всему, нежный, мягкий аромат духов «Фиджи» создавал манящую ауру вокруг этой загадочной феи. Как ни странно, она мягкой походкой подошла именно ко мне и энергичным сиплым голосом произнесла: - «Молодой человек, можно с вами переговорить всего несколько минут?» Я посмотрел на всех, положил карты на стол, встал, и мы с ней прошли в другую комнату. Женщина, переминая свои алые губы, резко перекинув свою лакированную сумку на другое плечо, тихо заговорила: «Вы знаете, мы продаем дом из двух этажей, с большим подвалом, есть сад пять соток, отдельная кухня с прихожей. Всегда можно сдавать шесть комнат курортникам, а жить там. Да и просим мы немного всего семьдесят тысяч рублей». Дом, конечно очень хороший, - громко сказал я, - но не у меня, ни у моих родителей, и сестёр таких денег нет. Как нет, - её лицо перекосилось. И также громко и возмущенно воскликнула : - «Ой, а мне сказали, что Вы еврей!». – Это правда, что я еврей, но поверьте, что больше даже пятисот рублей не держал в руках. Обеденный перерыв подошел к концу и все разошлись по своим рабочим местам.

ДЖУУРИ – ЯЗЫК ПЕРВОЙ В МИРЕ ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ.

Начну с того, что сегодня каждый горский еврей может гордиться тем, что его история берет свое начало с так называемого «Ассирийского пленения». Это первая еврейская диаспора, возраст которой без малого 2700 лет.

В 722 году до нашей эры Израиль был оккупирован армией ассирийской империи, самой сильной в древнем мире. Около 30 тысяч еврейских пленников, из числа десяти колен, а это в основном была элитная часть Израильского царства, были депортированы в разные регионы Ассирии. Все пленники были разделены на три, численно не равные, группы. Самая большая из них была переселена на территории древней Парфии, Мидии и страны Кушан сегодня это страны Иран и Афганистан. Вторая часть была переселена в Вавилон-это сегодняшний Ирак. Третья группа пленников, самая элитная, включала родственные семьи Моше Рабейну, была переселена на север империи в Харран, а оттуда в Ширван на территорию сегодняшнего Закавказья. Впоследствии евреи с территории Ширвана начали расселяться вглубь Восточного Кавказа. В книге историка и краеведа Дона Ихилова». «Этногенез и древняя история евреев Кавказа», описаны все подробности трансферта и последующего расселения. Там же есть сведения в период правления, каких царей происходили эти события, а также даты и продолжительность их правления. Дон Ихилов точно определяет место нахождения так называемой Каспианы, страны, которая упоминается в Вавилонском талмуде как местность проживания десяти колен Израйлевых. Ихилов высказывает предположение, что древние наскальные рисунки в пещерах Гобустана, есть творчество предков современных горских евреев. Надо отметить очень важный факт, что современные горские евреи сложились из разных волн еврейской эмиграции на Кавказ. Это волна переселенцев периода Вавилонского пленения. Волна депортированных ультра ортодоксальных евреев из Иерусалима в период падения персидского владычества, волна переселенцев периода западной и восточной Римских империй, византийского и хазарского периодов, также волна еврейских изгнанников из Испании. Об этом говорят многие исторические факты, подробности которые невозможно практически осветить в одной статье. Теперь я

перейду к основной теме публикации-языку евреев Кавказа Джуури или как он именуется в энциклопедии еврейско-татский диалект. Сразу хочу сказать, что из всех языков еврейской диаспоры, а их не менее двадцати пяти самым древним можно считать Джуури. Если взять идиш он сложился в 12-13 веках, ладино 6-7век, а остальные намного позже.

Еврейско-татский язык Джуури, имеет довольно древнюю предысторию, являясь языком первой еврейской диаспоры, он впитал в себя много элементов из разных языков, главным образом иранского, турецкого, арамейского, древнееврейского и арабского.

Известный израильский общественный деятель, исследователь и публицист Б.Маноах (Борис Шальмиев) в своей монографии «Пленники Салманасара» о языке Джуури пишет следующее – «Определение этого языка как татского или еврейско-татского ошибочно. Мы не беремся судить о сходстве еврейского и татского языков в далеком прошлом, но утверждаем, что современный еврейский язык на Кавказе настолько далек от татского, что говорящие на этих языках не понимают друг друга и на 50%. Следует подчеркнуть, что в татском языке нет древнееврейских слов».

Поэтесса, художник журналист, общественный деятель и хранитель традиций горских евреев Фрида Юсуфова в своей замечательной книге «Золотые россыпи – Зархой сурхи», пишет внятно, толково, с понятием и уважением не только к языку, но и к традициям, именам и истории следующее – «Сохранив наш родной язык, сохранив имена, а имена горских евреев почти все из Танаха, мы сохранили себя как народ. Следы нашего горско-еврейского языка в истории и этнографии отслеживаются с древних времен, живя тысячелетиями в галуте, мы сохранили самобытность своего языка, а вместе с ним и самобытность нашего народа».

В книге «История и культура горских евреев Кавказа» - автор доктор Л.Мнкдаш-Шамаилова освещает Джуури довольно объемно и подробно, с присушей для нее глубокой компетентностью, уважением и любовью к своему народу. Цитирую фразу из раздела истории развития языка – «В ходе длительного пребывания на территории современного Ирана и Ирака предки горских евреев, говорившие ранее, вероятнее всего на иврите или арамейском, усваивали иранский язык. При этом, переходя постепенно через промежуточный этап двуязычия на новый для себя иранский язык, они сохранили отдельные фонетические и лексические элементы своего старого языка, то есть с определенной долей уверенности можно утверждать, что субстратом языка горских евреев является иврит либо арамейский язык. Бытующий в народе свой секретный язык, так называемый - зухун имрами - которым иногда пользуются некоторые знающие его горские евреи с целью, чтобы их не понимали окружающие, дает основание сделать предположение, что субстратом языка, возможно, был арамейский».

В книге Дона Ихилова «Этногенез и древняя история горских евреев Кавказа», приводится выдержка из сведений путешественника раннего средневековья Эльдада Данита цитирую - «Этот путешественник застал горских евреев Кавказа, говоривших на языке в котором одновременно на ряду с персидскими словами были слышны слова из древнееврейского и тюркского языков». Путешественник был на Кавказе почти двенадцать веков назад, уже тогда язык Джуури имел такую же форму, как и сегодня. Надо полагать, что язык евреев Кавказа сложился еще на стадии ассирийского пленения, когда наиболее элитная часть пленников попала в район сегодняшнего Ширвана.

В книге, знаменитого Советского археолога М И Артомонова – «История хазар», перечисляется большое количество документов найденных при раскопках в районах поселения хазар, между Черным и Каспийскими морями, эти документы были написаны

на иврите. Верхушка хазар исповедовала иудаизм, письменным и разговорным языком которых был иврит. Однако языком подвластных каганату народов, в основном были тюркские диалекты. По сведениям энциклопедии это были языки – карачаево-балкарский, кумыкский, чувашский, кыпчакский, караимский.

В 1887 году профессор Всеволод Миллер выступил на археологическом съезде с докладом «О происхождении и языке горских евреев», где высказал мнение, что именно предки горских евреев передали свою веру хазарам. Самой основой языка Джуури является один из диалектов персидского языка. Наличие больного количества диалектов в современном персидском языке описывают многие исследователи, даже сегодня их порядка пятидесяти, надо полагать, что и в древности и в средние века их было не меньше.

В книге «Горские евреи» под редакцией В.Дымшица, мы находим много высказываний различных авторов как средневековых, так и современных, о происхождении евреев восточного Кавказа и языке Джуури. Приведу пример одного из таких, можно сказать, бестолковых высказываний – «Отмечается характерное для горских евреев раздвоение исторического сознания - с одной стороны горские евреи это интегральная часть еврейского народа из колена Иудова, с другой потомки десяти колен (Плешники Салманасара) - „ Как говорилось выше евреи восточного Кавказа складывались из разных миграционных волн. В 350 году до нашей эры из Иерусалима была переселена большая группа ультра ортодоксальных раввинов ведущих свое происхождение из колена Иудова. Они организовали восстание против разложившихся персидских правителей, напомню читателю, что в те времена Палестина находилась под властью персидской империи, за что повстанцы были депортированы в так называемую Гирканию. Сегодня этот регион называется иранским Азербайджаном. Эта волна принесла в самую древнюю еврейскую диаспору, святой дух второго храма. Именно они принесли на Кавказ канонизированную тору и новые по тем временам талмудические традиции, а также обогатили язык Джуури словами из иврита. Ультра ортодоксальные раввины из колена Иудова предвидели политические изменения в Палестине, это греко-римскую экспансию, войны, отказ от веры предков и падение второго храма. Именно эта волна повлияла на молитвенную литургию кавказских евреев и молитвенную кафедру развернула лицом на Запад, тем самым выполняя заповедь Моше Рабейну: «Да не возвратись более по этому пути». Все последующие волны еврейских эмигрантов проходили через Кавказ и их путь лежал уже не в Иерусалим, а далее на Запад к обширным пространствам восточной Европы, где на пороге средневековья образовалось большое количество еврейских поселений-местечек.

После падения второго храма в 70 году новой эры большое количество евреев переселилось в города Римской империи, а в последующие века, в северную Африку, Пиренеи, Балканы, Западную Европу, уже в новое время в Америку, Австралию и Южную Африку. В диаспоре складывались как сами общины, так и языковые диалекты, как говорилось выше, сегодня существует 25 еврейских языков диаспоры.

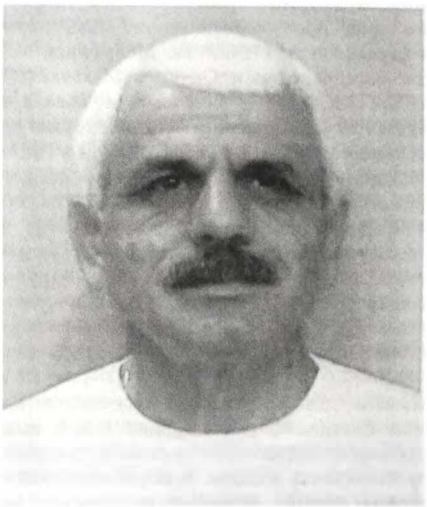
Горские евреи Баку, Ширвана, Кубы, Дербента, Махачкалы, Грозного, Нальчика, а также большого количества селений Дагестана, по исследованиям Ильи Анисимова на начало двадцатого века насчитывалось 88 населенных пунктов. Говорили и говорят сегодня на четырех диалектах языка Джуури. Это кайтагский диалект - на нем говорят северный Дагестан и остальные районы Северного Кавказа к западу от Дагестана.

Дербентский диалект – Южный Дагестан. Кубинский диалект - Северный Азербайджан. Ширванский диалект - Шемаха, Варташен, Муджу, Хафторан.

Во второй половине двадцатого века произошли большие демографические изменения вот, что пишет профессор Еврейской Академии им. Маймонида М.Членов „Опустели почти все насиженные горско-еврейские очаги. Опустела Махачкала, сильно уменьшился в численности еврейский Дербент, около 1500 человек осталось в некогда многолюдной колонке в Нальчике, опустел Огуз, Варташен, держится только Куба, да сколько еще продержится она ,, Возникли новые горско-еврейские центры в Пятигорске, в Москве, в Санкт-Петербурге, ну и конечно в Израиле. Теперь здесь, на исторической Родине, проживает большинство горских евреев, дети, родившиеся и выросшие в еврейском государстве, говорят уже не на русском и не на Джуури, а не иврите! Образование государства Израиль, репатриация евреев на историческую Родину, создало так называемый плавильный котел между иудейскими этническими группами. А этот процесс приводит к потере прежних традиций, прежнего языка и культурного фольклора. Складывается новая израильская формация народа с языком иврит, с культурными общепринятыми израильскими традициями, с современной еврейской кухней.

Однако в Израиле многое делается для сохранения этнического наследия репатриантов. Проводятся фольклорные фестивали, радиостанция РЭКА вещает на разных языках репатриантов из разных стран, создан союз писателей который имеет 12отделений,куда входят и горские евреи писатели и поэты. В Израиле открыт горско-еврейский театр, существуют культурные центры выходцев из Кавказа, большой популярностью в Израиле пользуются рестораны кавказской кухни, где горские евреи повара показывают высокий класс кулинарного искусства.

Для сохранения языка Джуури, по моему мнению, в местах компактного проживания необходимо проводить курсы изучения языка для всех возрастных групп. Израильской молодежи будет намного легче осваивать Джуури, если вернуть письменность букв на иврите, и отказаться от русской письменности, так как это было до революции. Создать единый диалект на основе четырех прежних. Сегодня существуют замечательные словари Я.Агарунова и М.Я.Агарунова, О.Изгияевой, Ф.Юсуфовой, М.Дадашева, – все это наследие должно стать основой для создания Джуури в условиях Израиля, его изучения молодым поколением. Для сохранения и развития языка необходимо добиться открытия кафедры языка Джуури в еврейском университете. Студенты религиозных ешив горские евреи обязаны изучать Джуури, а в дальнейшем стать преподавателями наряду с еврейской историей, торой и другими дисциплинами. Задача не простая, но ее надо решать.

76-

чи

Хајват Ихајев (Јусиф Кәдәрли)

(07.10.54.) Шаир Азәрбајҹан республикасынын Оғуз рајонунда дүнја ја кәлмишдир. 1971-чи илдә һәмин ројонда 26 Бакы комисары адына орта мәктәби битирмишдир. 1972-74-чү илләрдә Хәзәр дәнизиндә кәми моторчусу вәзифәсиндә чалышмышдыр. 1974-чы илләрдә Мурманск вилајәтиндә һәби орду сыраларында хидмәт етмишдир. 1976-82-чи илләрдә Гырғыстан республикасында јашамышдыр. 1985-чи ил-дән е'тибарән евлидир. Шаирин 4 өвлады вә 4 нәвәси вар-дыр. 1995-ил август ајынын 29-дан бәриИзраил дөвләтинин Тел-Авив шәһәриндә јашајыр. Орта мәктәб дөврүн-дән шејр јазмағла мәшғулдур. Онун јаздығы шејрләри рајон гәзетләриндән шејрин һәвәскарларына ардычыллыгла чатдырылмышдыр. Шаирин I-чи "Күлдирә билмәз" китабы 1913-чи илдә ишыг үзү көрмүшдүр. Һал-һазырда өзүнүн 2-чи китабыны чапа һазырлајыр. Шаир Израилдә дағјәһудиләри јазарлар бирлијинин үзвүдүр.

Кәл гүрбәтдән апар мәни

Чәһ-чәһ вуран бүлбүлләрин гызыл рәнкли димдијиндә,
Хәзәр үстә һәзин өтән дурналарын гәнәдиндә,
Башы бәлалы өмрүмүн ачы вә сон күнләриндә,
Јазыб көндәрмишәм Ана! – Кәл гүрбәтдән апар мәни.

Чохму чәкдин интизарым, чохму көзләдин јолларым,
Дустаг идим әзиз Ана! – Бағлыјды әл-ајагларым.
Тәбиәтин һавасына чатмајырды ихтијарым,
Сәнә јалварырам Ана! – Кәл гүрбәтдән апар мәни.

Јадындамы нә демишдин? – Гој башыны синәм үстә,
Анан сәнә лај-лај десин, һәр күн аһәстә-аһәстә.
Сән дә унутдунму мәни, јалварырам дизим үстә,
Ајрылыға тағәтим јох, кәл гүрбәтдән апар мәни.

Лалә тәкин бәјәнмишдим, үрәјимин һакимијди.
Бахышлары чаным јахыр, дәрдләримин мәлһәмијди.
Јарым әғјара верирләр, бир бу бә'ла әскик иди,
Өзүнү јетишдир Ана! – Кәл гүрбәтдән апар мәни.

Мадам ки, өлүм јазылмыш гој өз Вәтәнимдә өләм,
Онсуз да ки, бу бир чаны бир кимсәјә вермәлијәм.
Бир чарә гыл күл үзүнү һеч олмаса бир дә көрәм,
Јалварырам әзиз Ана! – Кәл гүрбәтдән апар мәни.

Елә бир шаир јохдур ки, ана барәдә јазмасын,
Елә китаб тапылмаз ки, анадан мөвзу олмасын,
Јер үзүнүн ганунудур – кимсә анасыз галмасын,
Јалварырам әзиз Ана! – Кәл гүрбәтдән апар мәни.

Мејхана дејәчәм

Ширин мејвә будағы тәк әјилсә дә гәдд-гамәтим,
Солғун пајыз чичәји тәк саралса да сир-сифәтим,
Әкәр карван илә кетсә мәним сојуг, буз чәсәтим,
Иншаллаһ мән һәмин күнү арзума чатдым дејәчәм,
Шејр илә, гәзәл илә сизә мејхана дејәчәм.

Бағрымын башына јағыр чискин јағыш дајанмајыр,
Елә көзәл сәпәләјир јанан чаным раһатлајыр,
Бу күн бәхтим кәтирибдир, мәзарда јағыш олмајыр,
Мадам мәчлисә кәлмишәм, ики кәлмә сөз дејәчәм,
Шејр илә, гәзәл илә сизә мејхана дејәчәм.

Бу күн мерһәмәт күнүдүр, чүнки арзуларым битди,
Ким ки, мәним тәк јашајыб, һәмин о инсан хошбәхтди.
Раһатчана јашајырдым, һејиф дөвран әлдән кетди,
Кәләғајы јоха чыхыб, көрән нәјлә бәзәнәчәм,
Шејр илә, гәзәл илә сизә мејхана дејәчәм.

Һеч билмирәм јухулујам, бәлкә дә мејдән ујмушам,
Меј ахрыма чыхды мәним, ајаг үстә гурумушам,
Мән Оғузлу баласыјам, сөјләмәји унутмушам,
Гәдәһим бошалыб достум, сүзкинән вида дејәчәм,
Шејр илә, гәзәл илә сизә мејхана дејәчәм.

Мән дә Сүлејман мәсәли мүлк-малым гојуб кедәчәм,
Нечә рәнкдә кәләғајы, бир тон да без көтүрәчәм,

Вахтсыз кедән үшүјәни сарыјараг исидәчәм,
Дүнјада мәнә јер јохса, орда малы нејләјәчәм,
Шејр илә, гәзәл илә сизә мејхана дејәчәм.

Билмәз идим дән дүшәчәк бу кәнч јашымда сачыма,
Нәдән белә олмалыјды, нәләр кәлмәди башыма,
Мәрасимә кедәчәкдим, илдырым чахды башыма,
Көрәсән јер гәһәт иди, јохса ки, сәһра дејәчәм,
Шејр илә, гәзәл илә сизә мејхана дејәчәм.

Дајан достум, нөвбә мәним, мән сәһнәнин саһибијәм,
Сөз истәрсән көзүм үстә, синәм долу карханәјәм,
Меј јастығы јаддан чыхыб, она гијмәт вермәлијәм,
Әбәдијјат отағымы мән меј илә бәзәјәчәм,
Шејр илә, гәзәл илә сизә мејхана дејәчәм.

Чискин јағыш јаған кими, хырда-хырда сөз дејәчәм,
Сәрин күләк әсән кими, һәзин-һәзин сөз дејәчәм,
Бурда десәм көз дејәчәк, бир аз о тајда дејәчәм,
Накәм кедән мәһрумларын руһларыны шад едәчәм,
Шејр млә, гәзәл илә сизә мејхана дејәчәм.

21.01.2013

Ајаг алтда тапдаланды

Мүһарибә! – Көзәл дүнја, санки олуб ган чанағы,
Көзәлләрин әвәзинә дөнүб олуб гәм ојлағы.
Кимсә кимәсә күвәнир, јох дәва-дәрман јарағы,
Сонсуз сајды динч әһали күлләләнди, јараланды
Ана-бачы, гыз-кәлинләр ајаг алтда тапдаланды.

Јох гардашлыг, бәрабәрлик кетдикчә гырғын чохалыр,
Гардаш – гардаш син+әсинә топ-түфәнкдән атәш ачыр,
Көјдән јағыш-гар әвәзи кечә-күндүз алов јағыр,
Милјонларла сүдәмәрләр бомбаланды, басталанды,
Ана-бачы, гыз-кәлинләр ајаг алтда тапдаланды.

Бу дүнјанын јох саһиби, рүшвәтхорлар чохалырлар.
Силаһ-сурсат алверилә хәзинәләр артырырлар.
Инсанлыг тамам азалыб, блән-итәни сајмырлар,
Чәмијјәт там зәһәрләнди, күлли-аләм ган ағлады,
Ана-бачы, гыз-кәлинләр ајаг алтда тапдаланды.

Дөрд милјард ил јашы олан дүнјаны инсан дағытды,
Ана көнлүн күл еjләди, башына гара бағлатды,
Төр-төкүнтү дәмирләрдән ачкөзләр силаһ јаратды,
Парлаг күнәш, нурлу сәма башдан-баша там гаралды,
Ана-бачы, гыз-кәлинләр ајаг алтда тапдаланды.

Мүһарибә! – Аман Аллаһ! – Бу ачыја сон јазылсын,
Мүһарибә! – Горхунч тәлә, гоj мүфтә өлүм олмасын,
Силаһлары јандырмајын, азғын сулара атылсын,
Јохса үрәкләр дағылды, чан евләри парчаланды,
Ана-бачы, гыз-кәлинләр ајаг алтда тардаланды.

Көрпәләрин фәрјадындан санки дүнја ләрзә кәлир,
Аналарын ачысындан бүтүн jер-көj силкәләнир,
Гәддар зүлмкардан башга һеч кәс мүһарибә истәмир,
Санки көһнә дүнја тамам од тутараг аловланды,
Ана-бачы, гыз-кәлинләр ајаг алтда тапдаланды.

Мүһарибә! – Сәһв анлајыш, һеч кәсә лазым олмајыр,
Кимисә чөрәк тикәси боғазында буз бағлајыр,
Кимиси дәһшәт кечирир, ајаг үстдә донуб галыр,
Силаһ илә ојун олмаз, көзәл дүнја парчаланды.
Ана-бачы, гыз-кәлинләр ајаг алтда тапдаланды.

Чүнки кәдәр дүнјасыдыр, онун падишаһы мәнәм,
Мүһарибә истәјәнә нифрәт јараданы мәнәм,
Дүнја галхсын нүмајишә, онун чавабдеһи мәнәм,
Гызмар күнәшин алтында нурлу сәма, тале гаралды,
Ана-бачы, гыз-кәлинләр ајаг алтда тапдаланды.

Бабаја рәһмәт

Дүнја сәвиjjәли, дүнjаһ шөһрәтли,
Дәрин дүшүнчәли, һәм дә гүдрәтли,
Һәм әгли, зәкали, бөjүк һөрмәтли,
Инсан тәбәгәли бабаја рәһмәт!

Гардаш гырғынына изин вермәjән,
Милләти өлүмдән хилас еjләjән,
Jурдуну мүстәгил өлкә еjләjән,
Белә дәjанәтли бабаја рәһмәт!

Гаjғыкеш, мәрданә дәрдләрә дөзән,

Вәтәнчүн әлиндән кәләни едән,
Ағлар милләтинин үзүн күлдүрән,
Хатирәси әзиз бабаја рәһмәт!

Бу күн даһимизин сон күнү, сону,
Фәләк дә кејинмиш гара донуну,
Чан фәләк, тулла кәл, бу бәд ојнуну,
Бирликдә кәл дејәк бабаја рәһмәт!

Мән гарәт олунмуш синәси дағлы,
Бу көзәл дүнјаја көзләрим бағлы,
Һәсрәтли көзләрим вар икән јашлы,
Кедирәм демәјә бабаја рәһмәт!

Бүтүн лидерләрдән ирәли кедән,
Дүшмән гаршысында бојун әјмәјән,
Дүнјаја әмин-аманлыг дилә јән,
Лидерләр бабасы һејдәрә рәһмәт!

Јалан дүнја

Һәгигәти, дүз дејәни
Һагсыз јерә вуран дүнја.
Мәрдләрә үз көсдәрмәјиб,
Намәрдә јурд гуран дүнја.

Архасызын көзүн ојан,
Күнаһсызын көнүн сојан,
Јетимләри күнчдә гојан,
Залымлара калан дүнја.

Көјүн, јерин једди гаты,
Билинмәјир әсли-заты,
Дөвләтлијә миник аты,
Касыблара палан дүнја.

Касыб олар баш бәлалы,
Дөвләтлинин вар чәлалы.
Әкәр өлсә мүлки, малы,
Кич өвлада галан дүнја.

Агилләри наданлара,
Јахшылары јаманлара,

Вәтәнини сатанлара,
Мәрди мөһтач гојан дүнја.

Гүрбәти сорма

Салам торпаг! Ган дамарым, үрәјимин ағрылары,
Гәм дијарым, ана јурдум, Кәдәрлинин көз јашлары,
Искәндәрлә Нүшабәнин, Афаг, Низами дијары,
Гулун-көлән олум Вәтән! Кәл гүрбәти сорма мәндән.

Малым-мүлкүм кетди әлдән, салам-әлејк итмәјибдир,
Торпағынын ији мәним һеч бурнумдан кетмәјибдир,
Сәнә олан мәһәббәтим чохалыбдыр, сөнмәјибдир,
Гулун-көлән олум Вәтән! Кәл гүрбәти сорма мәндән.

Каш көзләрим кор олајды – сәндән ајры дүшән күндән,
Дилим һеч сөз тутмајајды, гүрбәт ады чәкән күндән.
Әчзахана бағланајды – дәрдимә ләф диләјәндән,
Гулун-көлән олум Вәтән! Кәл гүрбәти сорма мәндән.

Бағрым башын дағлајыбдыр мусигинин һәззи сәнин,
Шәфигәнин каманчасы, ашигинин сазы сәнин,
Мәни өлүмә апарыр муғаматы Рүбабәнин,
Гулун-көлән олум Вәтән! Кәл гүрбәти сорма мәндән.

Торпағында гарыш-гарыш ајағјалын кәзишәрдим,
Һәр азәри мусигисин һәзин-һәзин динләјәрдим,
Мешәләрдә, чајларында, дағларында сејр едәрдим,
Гулун-көлән олум Вәтән! Кәл гүрбәти сорма мәндән.

Јухум әршә чәкилибдир,чәһәннәмдмр билетим,
Дүнја малы һеч көзүмдә, Азәрбајчандыр сәрвәтим,
Ушаглығым, кәләчәјим, сәнсән мәним мәмләкәтим,
Гулун-көлән олум Вәтән! Кәл гүрбәти сорма мәндән.

Көрдүм көзүмлә

ХОЧАЛЫ ФАЧИӘСИ - 20 ИЛ

Бурда дүшүнәси нә вар? Бу дәһшәтдир, фачиәдир,
Бу вәһшилији төрәдән – Һитлер тәки бир фашистдир.
Инсан әһли олан бәндә санмасын ки, бу әмәлдир.
Бәлкә јухума кирмәјән дәһшәти көрдүм көзүмлә.

Нечә күнаһсыз көрпәләри борулара долдурдулар,
Ики тәрәфдән борунун ағзыны бәрк бағладылар.
Һырылдајыб борулары дәрәләрдән ашырдылар,
Бәлкә јухума кирмәјән дәһшәти көрдүм көзүмлә.

Бәзиси фүрсәт еjләjиб, мешәjлә гачмаг истәди,
Гар, човғунда ајагjалын чаныны хилас еjләди.
Анчаг о рәһмсиз намәрдләр һәр чатаны күлләләди,
Бәлкә јухума кирмәјән дәһшәти көрдүм көзүмлә.

Һеч тарихдә көрүнмәмиш – Хочалынын фачиәси,
Зар ағлатды бу ачыја шәрик олан һәр бир кәси.
Әсир дүшдү јурдумузун гыз-кәлини вә көрпәси,
Бәлкә јухума кирмәјән дәһшәти көрдүм көзүмлә.

Ана көзүнүн өнүндә баласын башын кәсдиләр,
Гејрәтдән узаг олдулар, чохлу тәчавүз етдиләр.
Торпаглара көз тикдиләр, вәһшиликләр чох етдиләр,
Бәлкә јухума кирмәјән дәһшәти көрдүм көзүмлә.

Ушаглар сүд, чөрәк көзләjир, атасы чәбһә јолунда,
Синәсиндән јараланыр бирчә чахмаг ишығында,
Иjирми ил сөһбәт кедир jер үзүндә бу мөвзуда,
Бәлкә јухума кирмәјән дәһшәти көрдүм көзүмлә.

Анамы мәнә гајтар

Кимләр кәлди, кимләр кетди бу дүнjадан о дүнjаjа,
Тале jазым силинмәздир, анам көчүр о дүнjаjа.
Ахы синәм гәмлә долу, бу дәрди jазым hараjа,
ХУДА! Сәндән диләjим вар, өз анамы мәнә гајтар!

Сонсуз сәмада ахтардым, учсуз-бучагсыз сәhрада,
Санки, hаваланмыш идим, кечәләрдим мән дағларда.
Jер күрәсин сеjр еjләдим, көрәсән анам hарада,
Таnры! Мәнә әлин узат, өз анамы мәнә гајтар!

Jаздым ағлаjа-ағлаjа, аһым сәмт алды көjләрә,
Аһу-зарла hеj кәзирәм, дәрдим сөjләjим кимләрә?
Чарәсизәм, доврүн тәбиби, сиррим jајдым елләрә,
Рәһмин кәлсин фәләк мәнә, өз анамы мәнә гајтар!

Синәмдәки зәлзәләнин балы тамам мә'лум деjил,
Чанымдакы од-атәшин дәрәчәси ашикар деjил,

Ичимдәки јараларын сајы кимә мә'лум дејил?
Чәрхи-фәләк, тәрсинә дөн, өз анамы мәнә гајтар!

Әдәрә рафдә

Бибим Никара итһаф етмишәм

Вој-зари зәнүку һәр кәс имбуруз,
И чү зирми-зари әхи имбуруз?
Әз сәр заниһошму күјит дураз руз,
Дәдәјмә әз һилом әдәрә рафдә.

Сәр дүлмә дәкүрди, чүмһојмә бәсдә,
Һәрс чүммә хишк бири, нидам кириздә.
Јарајмә тазаји, насданүм бәсдә,
Тәхт-точмә әз һилом әдәрә рафдә.

Дәрд һисди, дәрмусүз хуб бирә рафдә,
Дәрд һисди, әз јериш том вадарафдә,
Инсон һисд ә гәд дәрд тәмиз фурафдә,
Дәдәјмә әз һилом әдәрә рафдә.

Ә гәд ән гиздирмә дәри бәдәнмә,
Һич нәс фироморә атәш ән чунмә.
Дијә нивәдиров и дәрд әз дүлмә,
Дәдәјмә әз һилом әдәрә рафдә.

Тү чунтү, әз дәсмә нәбу кирит һо!
Әз чунмә мәдиров чи боғиуртиво.
Имбуруз кирисит , еј чун-чикәрһо,
Сипири чүмһојмә әдәрә рафдә.

Сәс кирисдәјмәрә һич кәс нә шинү,
Чүммәрә һәрсирә кимсә нә винү,
Мәш әдәј мүрдәнүм кимсә нә танү,
Дәдәјмә әз һилом әдәрә рафдә.

Јә бојкәш, сад бојкәш воj-зари зәнит,
Мә ә и ћәјфәвоз мимүрүм, күјитк
Тә чүләј дәдәјһо, чи имбу, нә хәндит,
Дәдәјмә әз һилом әдәрә рафдә.

И мәрә һәмәјмә, и чун-чикәрмә,
Јодикор һәмәјмә, әму бәбәјмә,
Падишаһ дәдәјһо, кәлә дәдәјмә,
Имбуруз әз һилом әдәрә рафдә.

Карван һисд, тачирһо әдәрә рафдә,
Карван бәһзиһоји нимәлит рафдә.
Имбуруз ә зирләј гәнәт ХУДОјму
Кариван дәдәјмә әдәрә рафдә.

Һәр кәсә үз тутуб хаһиш едирәм,
Бу күн матәм күнү, кимсә күлмәсин.
Кизли наләләрлә фәрјад едирәм,
Анам көч ејләјир, һәр кәс дил десин.

Илим ағыр кәлди, баһарым солду,
Гәлбим парчаланды, көзләрим долду.
Дөвран нәдән мәни һеј ағлар гојду,
Бу гәза һөкмүнү фәләк сөјләсин.

Ханымлар вә бәјләр, һәм дил дејәнләр,
Ағ бирчәк анаја вида едәнләр,
Бу бөјүк анаја рәһмәт дејәнләр,
Нә олар, бу күнү гара кејинсин.

Атам үчүн

Шәриҗҗәт, тәбибләр, өз өвладларым,
Вә өзүм мин чарә гылдым өзүмә.
Бу дүнјаһ сөјләди: "јох етибарым,
Јох мәндә бир вәфа бахым сөзүнә"

В Президентском лесу, на Святой Земле Израиля, 1918 г.

ИСАЕВ СЕМЕН ИСАЕВИЧ (31.12.1939) – поэт, член Союза писателей Израиля Живу в Нью-Йорке. Родился в Новогоднюю ночь сорокового года прошлого столетия в горско-еврейской семье города Баку. просьбе отца из фронта мама забрала меня к своим родителям в большое село Привольное, где почти все русскоязычное население исповедовало иудаизм. Оно находилось в бывшем ААстрахан-Базарском районе Азербайджана. Там же закончил среднюю школу. Моя мама Бася Шамаевна полвека проработала сестрой хозяйкой в районной глазной больнице. Всей своей жизнью и деятельностью я обязан только ей. Поэтому этот сборник стихов посвятил светлой памяти моей матери. Отец Исаев Исай Самойлович в тридцать лет уже был одним из крупных. деятелей кооперации республики. Год и восемь месяцев он провел в Бакинской тюрьме по народа". Благодаря своей блестящей защите на суде, причем без адвоката, был оправдан не только он, но и его соратники по правлению "Азерритифак".Основными воспитателями были дедушка Шамай, бабушки Шушан и Барьё, а также безграмотный родной дядя Рабо. Именно, благодаря его строгому воспитанию, я не научился ни пить, ни курить, хотя друзья с детства увлекались этими занятиями. Имею два диплома: педагога и журналиста. Стихи ипишу для души. Возможно, они не полностью соответствуют законам поэзии, но я и не считаю себя профессиональным поэтом.

Разговор с матерью

Мамы нет, она ушла,
Полна энергии и сил,
С собою грустно унесла
Свою любовь и яркий пыл.

Она прошла свой тяжкий путь,
Прошла чрез воды и огни.
Она надеялась: поймут
Её родимые сыны.

Вдовой осталась в двадцать шесть,
Верна и мужу, и всем нам,
Одна из тысячи невест
Ждала и верила вестям.

Из года в год она ждала,

Что муж вернется с той войны.
И сколько слез за жизнь слила.
Так, и не поняли сыны.

Они, лишь в детстве ей клялись,
Будут любить ее всю жизнь,
Но повзрослели, разошлись,
Сынов мораль катилась вниз.

А мать кричала им во след:
- Не покидайте в меня!
Они несли ей столько бед,
Чего не сделала война.

Их было двое у нее,
Один ученым даже стал.
К жене забравшись под крыло,
Он заграницу убежал.

Сказав ей гордое "Прощай",
Ушел как будто на войну,
Напрочь забыл родимый край,
Но крепко полюбил жену.

Как будто бы в окопах жил,
Не мог он вырваться из них
И дважды в год набравшись сил,
Писал ей о делах своих.

Писал, как страны объезжал,
Как жил роскошно он с женой,
Как поднимал на пъедестал
Имидж жены своей родной.

А сколько стран объехал он -
И сам наверное не знал.
Как сделать первый миллион -
Он только это понимал.

Не было денег у него,
Чтоб посетить родную мать.
А мать всё сына своёго
Хоть раз мечтала повидать.

Но не страдал, как мать сынок,
Не жаждал встречи, не хотел.
Его жена толкала в бок,
Чтоб мыслить даже и не смел.

Так умерла родная мать -
Тая страдания в груди,
Жизнь протекла ее не всласть,
И все осталось позади.

И я, покорный ваш слуга,
Был не из лучших сыновей.
Жил в отдалении всегда,
Хотя и был я близок к ней.

По перипетиям судьбы
Жизнь моя в трещинах была,
Но мы встречались, как могли
И обсуждали все дела.

Моя беда была, лишь, в том -
Необустроенность семьи.
Не раз ломал свой грешный дом,
А мать несла мои грехи.

Щадил её, не забирал
В свой безобразный горький дом.
Её одну я оставлял,
А сам горел сплошным огнём.

Да что сегодня говорить,
В смерти ее я виноват.
Душа по маме все болит,
А брат давно уже не брат.

И сыном так же он не стал,
Жена ведь стала всем ему.
Он жизнь у матери украл,
Но не понять мне, почему.

Года текут, как ручейки,
Быть может, бурною рекой.
Её любимые сынки
Ценили только свой покой.

Один в излишестве живет.
И в ус не дует, как всегда.
Свое богатство бережет,
И мать, и брат ему – жена.

И в одиночестве умру.
Нам видно Б-ГОМ СУЖДЕНО.
Осталась мать, ты в том краю.
Я ж где-то здесь уйду на дно…

И там, наверно, из глубин,
Ты чувствуешь мою печаль.
А я сегодня тут один
Живу себе, и очень жаль.

Зачем я разум свой терял?
И не берег родную мать.
Себе и брату, всем давал
Жизнь материнскую ломать.

О, светоч ты моих очей,
Мне освещала млечный путь.
Судьбы безжалостный злодей,
Уж завершаю жизнь я тут.

Давно твой край не посещал
И не бродил среди могил.
И каждый раз себя ругал,
Что вот, забрать тебя нет сил.

Мечтал я прах перенести
В ОБЕТОВАННУЮ страну.
Нор дальше, больше той мечты
Ничто я сделать не могу.

Теперь уж точно не смогу,
Посажен словно на иглу.
прости, любимая, прошу!
Жестокость в жизни я терплю.

Мне кажется, что ты жива,
Просто живем мы вдалеке.
И каждый день, поверь мне, я
С тобой общаюсь налегке.

Исаков Рафоил (12.02.1939–22.33.2005)

Ә Азәрбајчан дијариму һисдиһо Губа рајонурә ә Гирмизи Гәсәбәјү әз дәдәј бири. Ишколәрә варасдаји бәгдәш дүлкәр корсохди. Һәлә әзпәнчүмүн синифәвоз широһорә сәр күрди әри нүвүсдә. И широһо ә ишколә ә дивор козитиһо, бәгдәһо ә козитһо сәр күрди әри вәдирәморә. Ҕәзизә хундәкоһо лап амбар әдәнбүрүт тәһәриф дорә нүвүсдә таза-таза лүлвәбәрә широһој Рафоил Исакова. Һәчи бисдоки ә 1977-мүн сал ә кифләт хүшдәрәвоз ә Израил оморәт, ә шәһәр "Кирјат-Ата" зиһисдәт. Бүтјн һүмүр хүшдә ә ләмир јол стансијаси мастер кор сохди. Һә әзунчикәш ә пенсија валарафди. Бүтүн нүһүсдә ширәһој хүшдәрә ә редактор бирәји шоһир Әлдар Гуршумовов ә 2005-чүмүн сал чап бирә руј үшүгә винири ә кумәкјәти кәлә ХУДОј һәггәвоз. Һә ә и вәһдә, китоб вәдирәморә јә һәфтә бәгдә һүрмәтлү-јә шоһирә әз дүлү күрдәни вә сәбәһиня руз һилом хүшдәрә дәкиш сохдәни. Бүзүркә шоһир әз 2003-мүн саловоз ә гәд чәһм нүвүсдәкорһој ән чүһүрһој доги ән Израил добу. Гәјгукәшә хубә бәбә бүһо шоһир Исаков Рафоилә 12 кукһо-духдәрһојү бу. ХУДО рәһмәт сохо. Рүһү шор кәрдо !!!

Чүклә Јершолеим

Гүбә Вәтәнмәни, һәзизә шәһәр,
Вәри ә богһојү ән хубә бәһәр.
Дир лирәнки урә ә јор офдорә,
Кәшдә чикәһојү чү хуб кәјф дорә.

Мә һә әһу чикә әз дәдәј бирәм,
Рузһој човонирә ә унчо дирәм.
Рузһој һәјилимә чү хуб бу уһо,
Поједә рафдәји кәшдәмһо дијһо.

Нимәј ән һүмүрмә унчо варасди,
Чү хубә руз дирәм һәммәлә расди,
Ә рафдә кәндһојмә, ә богһој гиног,
Тут, бәһәли хурдәм ә гәриш ән бог.

Ән хубә кәндмә бу Әлибәј – гышлаг,
Әз јор нивадаров тә мә һисдүм сог.
Әчикәј ов гиног дуг мидо мәрә,
Чү хосдүм, һич вәхтиш нијишд дүлмәрә.

Шәһәрмә Гүбәрә амбар хосдәнүм,

Урә фурмиш сохдә мә һич насдәнүм.
Гүбәрә һәмишә әх лүли хојим,
Һисд әриму чүклә у, - Јоршолеим!

Сохдәнүм бовор

Әри шоһир дустмә Әлдар Гуршумов

Дуст-дустә ә ҕилом һәр вәхт кәрәки,
Бирорә – кумәклү бошим әјәки.
Хубтәјә кофһорәш ошуглу шиним,
Торикә шәвһорәш үшүглү виним.

Овурдәј таза кофә әдәбијәт,
Дорәј шәјрһорә софә гул-гәнәт.
Рүһү ә кәнҕидим – "Нимаз Тәлһүмә"
Тәҕәриф рач дорәј, нум бири урә!

Поэма нүвүсдәј тү әри Заур,
Әз тәкә јә мисвош У, нә бири дур.
Ә нум бәбәј хүшдә дү нимаз вокунл!
Әхирдә виниш ки, ә чү рузиш мунд.

Гәсди зә ә чунуш залумә дүшмә,
И бәдиш гәдәрсүз кор сохд ә ҕүршмә.
Күч бирә әз ҕүкүм ән михәнәти,
Насдәнүм ә ҕилом и чү ҕәдәти?

Рафдәткәш әз ҕилом Заур нә Тәлһүм,
Әлчәгһош зулм мүјнү, ХУДОш мүјлј күм!
"Нимазһој Тәлһүм"әш тәҕәриф дорәј,
Сүрхијә нумһорәш – "ХУДО"лу норәј!!!

Нүвүсдәј китобәш ә нум ән ХУДО!
Ә нәфси дүл кирош, ХУДО түрә до.
Дастанһо мәлһәми әри хундәкор,
Әз дүли, әз чуни амбар рундәј кор.

Бил, ХУДОш кумәк бу тәвәссәр әтү,
Рафоил шәјирәш бәхш до әритү.
Оj Әлдар, рәһтүрәш винирә һомор,
Ә тичә гәләмтүш сохдәнүм бовор!

Севкилимә

Инчи додағынын күлүшүнү мән,
Көзү һејран едән көзүндә көрдүм.
Көнлүмүн – көнлүнә бу мәһәббәти,
О чејран бахышлы үзүндә көрдүм,
О дүз илгарында, сөзүндә көрдүм.

Анама

Ана зәһмәтијлә боја чатмышам,
О зәһмәти мән борчлујам анама.
Өмрүм боју чалышсам да мән амма,
Анам гәдәр бачармарам анама.
Чәфа чәкиб, чәфасыны верәм мән,
Анам кими сачларыма дүшсә дән.

Әри гәбиләјмә

Варасди һүмүрә ә рәһ дү һәјил,
Уһорә расуни ә јә хубә руз.
Тј киснәш мундәјкә куфдирәј бијил,
Ә дәр кәс нә даровт уһо имбуруз.

Дәшәнди ә мирод дү һәјилтүрә,
Әзу дүлпәсәји нә варвсди тү.
Фирсори әз гәнәт бирдән имурә,
Дијәш фикир бисдо и кор әритү.

Фикир мәкәш, дәдәј, һич гәјгу нисди,
Ишмуш кәнә инчо гисмәт имбошит.
Чуммә ә рәһ ишмучор сали һисди,
Ә хори бәбәһо зутәтә бошит.

Дәдәји сохдәј әримә,
Кумәки тү бири әмә.
Шин, ә кофмә тү хуб куш дор,
Тәфәһәт нисд кук нә домор!

Шəjирһој сундигимə

Шəjирһојмə т++əһəрифлү нə бисдокəш,
Мəш нүвүсдүм əз чојили јəвош-јəвош.
Əхир јə руз нүвүсдəһо офдо əјор,
Дүлмə куфди: - Шəjирһорə бијо куш дор:

"Тə кəј иму əји сундуг домундəним,
Кəс нəс хундə ə сəрјəки вомундəним.
Зу вədəшə əз гилијə сундугчəјтү,
Фəм со јəбо, лиһə нисди јə дугчəјтү.

Фикир сох ки, əз гəләмтү јədикорим,
Бəлкə имуш ə јə китоб вədрəморим.
Дарафдимкə ə гəд чəһмət лап хуб имбу,
Хундəкорһош шорлу мундə, пəшму нибу.

Сүрхə кофһо дијə мərə сокит нəһишд,
Шəвһо, рузһо ə бим сад чүр шəјир дəјишд.
Јə кəм бəгдə мə уһорə күрдүм ə дəс,
Зəһмət дирə дуз сохдум ки, хуну һər кəс.

И мəһəли кип-кут бисдо шəхəј ләрзмə,
И дүлләјмəш сокит-сокит куфди əзмə;
"Əфурм зəркəр, тү ə уһо гош зəн һəләм;"
Əзу рузиш дүлə хуно кор сохд – гəләм!

Бəхилə одоми

Бəхилə одоми бирəни зобу,
Ə дүл əну һич вəхд инсоф нидобу.
Ə дүл дусдирəвоз мијов ə јонтү,
Мијов ки, хəрəби соху у этү.
Əзу мугојət бош, хүшдərə тү дор,
Ə у тү һич мəһəл мəсох иһтибор.
Əз руј ə түрəвоз һər вəхт хуб имбу,
Иһтибору һич вəхт ə дүнјоһ нибу.

Əз озуни ћовур һəмишə дур бош,
У корə мисоху һə јəвош-јəвош.
Фүрсət офдорəнки, һисдкə ə сəр чол,
Һүл мизəнү түрə мисоху у кол.

Һич мәһәл ә ӈилом тү ә у сур мәди,
Ә гәрд хосдкә әз тү ә гәрдиш нәди.
Данусдкә у бәхил, пул-мол һисд түрә,
Дижәшдәш зобуни мәкүрү урә.

Фикирмә уники ој дусд, ој бирор,
Әз әзуни бәхил тү хүшдәрә дор.
Нә куј ә у бәхил иһтибору һисд,
Бәхилә одоми һә у кәрдо нисд.

Нүвүсит ә чуһури

Зуһун чуһуриму һич нә бири вир,
Нүвүсим чуһурһо бил нә бошим дир.
Нүвүсим әз Вәтән хубә иһтибор,
Әз хубә һовурһо, әз дәдәј, әз јор.

Нүвүсим әз уһо хубә инсони,
Гәдүр инсонјәти у данусдәни.
Ә ӈилом оморәјм бил дәсбуш нәрајм,
Нум биним әз хүшдә, ә тарих дарајм.

Кујут ки, имурәш нүвүсдәји һисд,
Нә кујут уһорә һич хәјр үшү нисд.
Әзишмуш вәдиров хубә китобһо,
Бил муну јәдикор әз иму уһо.

Нүвүсим мәналү хубә шәјирһо,
Хундәки ушорә сәхд һәвәс дүһо,
Нүвүсим әх Вәтән, әз Јәршолеим,
У шәһәр имурә сәхд кирим гојим!

Губаја гонаг кәлмишәм

Ана Вәтәнимә кәлмишәм гонаг,
Истәкли достлары көрүб шад олаг.
Кәзәк Губамызын алма багларын,
Алаг ләззәтини буз булагларын.

"Бөнүвшә булаг"ын сујундан ичәк,
Чәннәти охшатсын битән күл-чичәк.
Әвәзи олмајан бир мәчлис гураг,
Вәтән шәрәфинә бадә галдыраг.
++
Сејришәк Гәшрашын јашыл мешәсин,
Ешидәк гушларын нәғмәли сәсин.
Чыхаг Гонагкәндин гајаларына,
Тәнкаһалты кәндин кирәк чајына.

Бир дә јада салаг Гусар шәһәрин,
Чыл-чыраг көрүнүр сәфалы јерин.
Ичәк "Гара булаг" сәрин сујундан,
Кабабы чәкдириб, һәм дојаг ондан.

Онсуз да вахт кәләр, көчүб кедәрик,
Халгымла көрүшүб сөһбәт едәрик.
Һөрмәтлә ким јашар бу шән дүнјада,
Тамам саһиб олар лајыглы ада!

Мусиги чал (Гәзәл)

Чал! Бир мусиги чал, гој ачылсын үрәјим,
Мәтләбә јетишсин үрәкдәки диләјим.

Тар, каман сәсилә үрәјим чоша кәлсин,
Јазырам шәјр, һәдәр кетмир һич вахт әмәјим.

Мусиги јарадан, сизә әһсән дејирәм,
Сиз гәм дағыдырсыз, лајыгдыр логман дејим.

Шадлығы севәнләр һәмишә чаван галыр,
Он+лары севирәм, кан сағлығы сөјләјим.

Үрәкләрә фәрәһ бир тар-каман сәсидир,
Севдим ону даим, она көнлүмү верим.

Һарада ешитсән, һансы обада олсан,
Ај Рафаил, сөјлә: - Шадлыгда будур јерим.

+Ихаев Рәшид 15.08.1950

-чи илдә Азәрбајчан республикасынын Евлах шәһәриндә анадан олмушдур. 1968-чи илдә орта мәктәби битирмишдир. ССонра аиләси илә бирликдә Бакы шәһәринә көчмүшдүр. 1970-чи илдә Азәрбајчан Политехник Институтунун сәнајә-мүлки тикинти факултәсинә гәбул олунуб. Һәрби хидмәтдән сонра тәһсилини давам етдириб. 1978-чи илдә Азәрбајчан Иншаат Мүһәндисләр Институту битирибдир. 1992-чи илә гәдәр Азмелоросија Су тәһчисаты тикинтиси назирлијиндә чалышыб. 1995-чи ил апрелин 5-дә Израилә көчмүшдүр.Сагламлыгына көрә пенсија алыр. Кәнчлик илләриндән Тарих вә Әдәбијјатлә даим марагланыб. Илк шејрләри гәзет вә журналларда дәрч олунуб. Јаздыгы гәзәлләри ел шәнликләриндә ифа олунур. Тәзә китапы бу јахынларда ишыг үзү көрәчәкдир.

Израил

1
Амбар дәрди-һәсрәтүрә кәши милләтмә,
Тәјтә вокундә оморә мәрә дәвләтмә.
Чәнгәдә һәрс чумә рихди ә чәнд сад салһо,
Әри хори бәбәһо ә сухдә дүлһо.
Амбар кәши ә сирог тарих милләтә,
Әз јормә нә вадарум хорирә, һәдәтә.
Ә шори руз хүшдә, һәм ә дәрдлү руз хүшдә,
Зүһүсдә хост ә хори бәбәһој хүшдә.
У хоријү шолуми, хәлгју мүгәддәс,
Ә һәммәј һилом дәшәнд сәхтә сәс.
Вокошд Израил иму, вокошд хориму!
Әз кәлә дәрдһо вараст и милләт имү!

2
Чох дәрдин, һәсрәтин чәкди милләтим,
Бәргәрар олунчә мәним дөвләтим.
Көз јашы ахыдыб нечә јүз илдә,
Јашатды тәк сәни јанан бир гәлбдә.
Чох чәкди сынаға тарих милләти,

Јаддан силинмәди ели, адәти.
Севишән күндә дә,дәрдли күндә дә,
Јашамаг арзусу олду Вәтәндә.
Торпағы мүгәддәс, халғы мүгәддәс,
Дүнјаны титрәдиб бир күн салды сәс.
Јаранды Израил! Јаранды Вәтән!
(Јарытды Израил! Јарытды Вәтән!)
Гуртарды халғыны бөјүк һәсрәтдән!

Јерушалаим

Мүгәддәс торпаға, мүгәддәс шәһәр,
Үмидлә бахыр сәнә бөјүк бәшәр.

Сәнсән јер үзүндә ән көзәл инчи,
Израил оғлунун бөјүк севинхи.

Бөјүк бир тарихдир торпағын, барын
Буну тәсдиг едир – "Ағлар диварын".

Илләрин дөзәрәк хош зилләтинә,
Чатдырдын халғыны өз нијјәтинә.

Әзәлдән пајтахтдын! Јенә пајтахтсан,
Дүнјалар ичиндә ән бөјүк тахтсан.

Гурулур, бөјүјүр јенә гүдрәтин,
Бүтүн јер үзүнү тутур шөһрәтин.

Халғымын көзүсән, ширин сөзүсән,
Әтирли бағчада гызыл күлүсән.

Гаршында баш әјир һамы һәр бир ан,
Јашадачаг сәни мүгәддәс заман.

Бејт Мигдаш

Һәр сәбәһһо, пишнәвијо, һәр шәвһо,
Чәнд сад салһоји әри чуһурһо,
И Нимаз үшүг, куч, нәшумо бири,
Хунәј Худо бири әри чуһурһо.

Офуррәкор иму лово сохдәним,

Кәлә хунәјмурә иму хосдәним!
Тү кумәки бош ә милләт иму,
Иму у хунәјмурә духдә хосдәним!

Кәнә бурим унчо чәнд гурбониһо,
Кәнә унчо күјим дуво – ташуво,
Вокорду ә иму кәнә у рузһо,
Унчо кировуним иму шориһо!

Оj Худо Миширәш расун әриму!
У расунди Тироj Түрә әриму!
Поj шори ә шориһо гәриш бошуку,
Поj әз jор вадаров һәммәj дәрдһојму!!!

Дүнја

Дүнја сеһирли бир игамәтсән,
Һәр шејин хирдары тачлар тачысан.

Нә јарадырсанса сирри билинмәз,
Нә әзәли нә дә сону көрүнмәз.

Елә күлдүрәрсән силинәр гәмләр,
Гәм версән јаддаша дүшмәз севинчләр.

Әзәли истәсән баглarсан сона,
Сону чевирәрсән әзәлки дона,

Гаршында әзиләр ханлар-хаганлар,
Гојнуна баш гојар чох инчә чанлар,

Бириси сорүшса гијмәтин нәдир,
Дејәрсән нә версәм сонда бәллидир.

Вердијин гәрары дәјишмәjирсән,
Һеч күзәшт сөзүнү ишләтмәjирсән.

Шикајәт ејләсә кимсә гаршында,
Фырланыр, – дејәрсән дүнја башында. –

Чохлу фикир чәкиб гәм етмәjиниз,
Сиз өз өзүнүзү инчитмәjиниз.

Билин нә вердимсә гисмәт дә одур,
Нә һәјат сүрдүзсә һәдијәм будур!

Ана

Нәдән олду белә тәрк етдин мәни,
Көзүмү јолларда гојдун, ај Ана?
Севинчә бүрүмәк истәдим сәни,
Әбәди јухунла долдун, ај Ана?!

Үрәјим ағлајыр һәсрәтинлә бил,
Һәсрәтдән олармы, Ана әј Ана?
Јухудан кәлиб бир көзләрими сил,
Өвлад ағладармы, Ана әј Ана?

Дәрд-сәрләр ичиндә галмышам сәнсиз,
Чүнки, мәним үчүн сәнсән чох әзиз.
Олсај заманын имканы мәндә,
Сәнә бәхш едәрдим заманы мән дә!

Хатирән көзәлдир јаддан силинмәз,
Ајрылыг чәтиндир сону билинмәз.
Көзләрим ахтарыр һәр јанда сәни,
Елә бир һәсрәтдир сону билинмәз.

Горујан вар

Инсан оғлу гүрурланма, бу дүнјаны јарадан вар,
Заман кәләр инанарсан сечән ағы гарадан вар.

Шаһ јарадар кимисини, кими исә рәјјәт едәр.
Сонда бил ки, һәгигәти һәр јаландан ајыран вар.

Торпаг долу ләли зәрлә, күнәш јохса о парламаз,
Чүнки онда һәм көрүнән-көрүнмәз бир јарадан вар.

Һөкмүндәдир һәр ихтијар, саһибидир һәр аләмин,
Имтаһаны чәтин олур, чыхан донә арадан вар.

Узаг ол сән писликләрдән, јахшылыға еҹләсән дә,
Јахшылыгла учалыға бил ки, сәни апаран вар.

Санма, сән кәл бу дүнјаны кah һәгигәт, кah да јалан,
Рәшид дејәр – һәгигәти һәр јаландан горујан вар.

Дөнмәз бу јолдан

Зүлм етмә ашигә, кәл бир иманә, көзәл
Нахәләф чыхма, кәл әһди пејманә, көзәл.

Савабдыр севән гәлби севиндирсән әјәр,
Инчитсән бил, чәкиләрсән диванә, көзәл.

Демә көзәләм һәр нә истәсәм едәрәм,
Вахт өтәр, өз ишин көрәр заманә, кбзәл.

Севәни сев сән, дәрди-гәми вермә она,
Күнаһдыр олса о, дәли-диванә, көзәл.

Лүтф ет, һәрдән күл чамалын көрсүн, севинсин
Дөндәрмә һәјатын онун зинданә, көзәл.

Ашигиндир сәнин Рәшид сахла јадында,
Дөнмәз бу јолдан дүшсә дә зијанә, көзәл.

Кәл севишәк

Чәкилиб бир кәнара кәл көрүшәк биз севкилим,
Унудуб дәрди, гәми дејәк, күләк биз севкилим.

Өтмәсин бир анымыз, нәшәләниб кејфә бахаг,
Гајытмаз өтән заман, һәр нә етсәк биз көзәлим.

Көрүшәк көздән ираг әтирли бир баг ичиндә,
Етмәсәк аләмә чар, ким биләкәк биз көзәлим.

Вермәјәк гүссәјә имкан, нијә лазым бизә о,
Кечәни сүбһ еләјиб, кәл севинәк биз көзәлим.

Үјма әгјар сөзүнә нијјәти бәлли әзәлдән,
Көрүшүб нијјәтини кәл пуч едәк биз көзәлим.

Өз һөкмүнү верәчәкдир, еј Рәшид, заман бир күн,
Фүрсәти вермә бадә, кәл севишәк биз көзәлим.

Һәсрәтлә көзләр

Мән ашигәм көзәл сәнә, Лејли сәнсән бу дүнјада,
Адым чәкилир һәр јанда, Мәчнун дүшмүр инди јада.

Фәрһад көрсә мәни ағлар, һеч јармазды Бисутуну,
Көр инди нә һаләтдәјәм, чаным кедир сәнә фәда.

Јада сал сән Зүлејханы, нәләр етди о Јусифә,
Агибәти нечә олду, кәл гојма сән мәни дарда.

Гүрурланма һөкүмлүјәм, көзәллијим һәр шеј едәр,
Дүшүн сән кәл пәрванәни, нәдән атды өзүн ода.

Рәшид Садиг өз ешгиндә, дүшсә дә һәр дәрди-сәрә,
Һәсрәтлә көзләр јолуну нә гәдәр чан вардыр чанда.

Кедирәм артыг

Хәбәр чатдырын о көзәл јарә, көчүб бу дүнјаны тәрк едирәм артыг,
Кимсәдән утанмасын севмишәм ону, ешгими һеч кимә вермәрәм артыг.
Өтүб кечән аләмдир билсин көзәллик, гәлбин симасыны көрүб динләсин,
Севдим бунун үчүн, мәндән инчимәсин, гәлбимә һөкм едә билмәрәм артыг,

Чәксәм дә мән чох дәрдләр ешгиндән онун, санмышам јенә дә хошбәхт олмушам,
Чүнки һеч тәрк етмәмиш хәјалы мәни, хәјалы бәхтимдән силмәрәм-артыг.

Гарлы гыштәк кечди өмрүм парлаг өүнәшдән, гәлбим парлаг күлүстан икән,
Бәлаләр чәксәм лә һәр заман сәндән, мән башга өирисини севмәрәм артыг.

Рәшидәм, заман битир, имкан азалыр, титрәјир әлләрим, көзүм гаралыр
Сон арзум чәна зәмин јанындан кечсин, демәсинләр накам кедирәм артыг.

Руһум пәрваз едиб күләр

Гәлбим ағлар дәрд ичиндә севкилимдән јох бир хәбәр,
Көз јашларым дајанмајыр, башым үстүн алыб кәдәр.

Хош күнләрим нә тез кечди, севинчләрим һара кетди,
Көрән нә вазт јарым кәлиб бу һалимдән хәбәр биләр.

Унутдуму көрән мәни, ја да санды буну хәјал,
Хәјалдыса хәјалыјла нә вахт кәлиб мәни көрәр.

Дүшүнмәдим ајрылығы нәдән мәнә нәсиб олду,
Сону нә вахт чатачагдыр, көрән јарым нә вахт кәләр.

Бир кимсәни мән севмәздим, унутмадым мән һеч ону,
Ешг одуна мән јанырам, көрән атәш нә вахт сөнәр.

Әјәр көрсәз хәбәр верин, бир арзусу вар Рәшидин,
Өлсәм, кәлсә гәбрим үстә руһум пәрваз едиб күләр.

Онун диванәсијәм

Севмишәм бир көзәли, онун диванәсијәм,
Сөзү ширин мәзәли, онун диванәсијәм.

Гашлары гәләм хәтли, көзләри санки сәма,
Сачлары кечә бәнизли,онун диванәсијәм.

Бәнизи бир күнәш, нурландырыр һәр бир јаны,
Синәси мәрмәр дашлы, онун диванәсијәм.
Бели инчә ипәкдән, көзү гөнчә чичәкдән,
Јериши сәрв гамәтли, онун диванәсијәм.

Демәјин сөјләдији бир хәјалдыр Рәшидин,
Бахышы хош хәјаллы, онун диванәсијәм.

Һәр ики аләмдә

Ејләмә ешг евими бәрбад, кәл, әј секили чанан өлүрәм,
Салыб дәрдә мәни сајма јад, кәл, әј севкили чанан, блүрәм.

Ујма әғјара, о дејил тај сәнә ја да мәнә, нијә лазым
Заман дөнмәздир, ет мәни шад, кәл, әј севкили чанан, блүрәм.

Көрсәт күл үзүнү көзәлим, чәкилсин зүлмәт, гәлбимә нур сач,
Даһа чәкдирмә мәнә фәрјад, кәл, әј севкили чанан, өлүрәм.

Галмышам чарәсиз, дәрдимә дәрман дедиләр аләмдә сәни,
Инсаф ет, өмрүмә вер имдад, кәл, әј севкили чанан, өлүрәм.

Көрсәјди һалымы һаким ағларды, етмәзди һөкмә риајәт,
Ејлә мәни бу дәрддән азад, кәл, әј севкили чанан, өлүрәм.

Гөjма Рәшиди бичарә, батма күнаһа һәр ики аләмдә,
Кәсилмә сән өмрүмә чәллад, кәл, әj севжили чанан, өлүрәм.

***

Рәниләр бәһс етди, ким даһа көзәл,
Һансымыз сонунчу, һансымыз көзәл,
Био кордан сордулар бәһсә бир чаваб,
Кор деди, гаранлыг һәр шеjдән өзәл.
***
Бир кечә Аj кәлиб елан ejләди,
Дүнjанын ишығы тәк мәнәм деди.
Көрәндә сәһәр Күнәш шүасын,
Утандығындан тез гачыб кизләнди.
***
Дағ үстүндә гүрурланыб бир гаjа,
Деди, дағы мәнәм алдыран саjа.
Дағ бундан һирсләниб ләрзәjә кәлди,
Дағдан гопуб гаjа jерә сәрилди.
***
Даш гаjаjа бир күн инад ejләди,
Мән сәндән чох-чох гүввәлиjәм деди.
Сонра да узагдан сүрәтлә кәлди,
Дәjәрәк гаjаjа о тикәләнди.

Шоһиһһо нә нүвүсһоj чуһуһһоj доги әри мәчлис кировундә ә шәһәр Тел-Авив оморәт.

Үшвәһ Ифраим (10.02.1940) – Ә дијор әи Азәрбајчон һисдиһо Гирмизи Гәсәбәј әи рајон Гүбә әз дәдәј бири. Ә Чәһм нүвүсдәкорһој чуһурһој-доги әи Израил дәри. Ә Боку техником әи факултәј механикирә варасди. Имоһој ә шәһәр Боку зүһүсдә. Ә 2006-мүи сал јәкимүи китобу ("Хунәј бәбә") вәдиромори. Нүвүсдә хубә широһојуә зуһуиһо чикә вәкүрди. Әз човонирәвоз ә мәһәни хундәрәвоз ә гәриш әи милләт мәшһури. Ә шәјрһојуә мусиги нүвүсдә омори Ә 2010-мүи сал дүјмүи китобу руј үшүгә винири. Нүвүсдә дүлвәбәрә рачә мәһниһојуә әз дүјәки фәрлүтәји. Имоһој әдәј ә и пищокиһо сәјмүи китобәш вәдәшәндә. Әри чорүмүи китобуш вәдирәморә амбара һәзүрлуги винири. Јогин ки, ә әхир әи имисал ә сәрбәһәм мијов. ХУДО кумәкү кәрдо!

Кирошд

Бијо гәл дәшәним ә кәрдән јәки,
Кирошдә рузһорә ә јор бијорим.
Нидам вәдәшәндә мә түрә әзјор,
Хун дүлмә ә дамар әи дүлтү дәри.

Ә Вәтән һәјили — Вәтәнмә Гүбә,
Ә сәиг, ә хоккојту бисдорум кәлә.
Ђүмүр човонимә ә гәлту кирошд,
Шоһиди әриму "Гудјол" никәрә.

Күрпиј ту әримә чикәј кәшд бири,
Рузһојмә кирошди, вәхтһо гәд бири.
Дустиһо винирәм әз дүл шор бирәм,
Һәммә әз һүмүрмә уһо вир бири.

Јә мәһәл бәбәлү, дәдәјлү бүрүм,
Ширин бу әримә әз гәм дур бүрүм.
Имоһој һәм јетим, һәм јесирүм мә,
Насданүм әз әтәк, әз гул ки күрүм.

Рузһо кирошдәни чум дирә-дирә.
Мәһһо оморәни сал томом сохдә.
Ниданим појунда јәкирәш әз рәһ,
Ђилом әфсонәји, һүмүрһо кутәһ.

Ә чилидә вәрфој һүндүрә "Шоһ доғ",
Тәшнәји чәнд дүлһо бәнәвшә билог.

Әз ҳәjили дүлмә бәсдә ә ишму,
Ә дүлмә домунди japahoj "Гилгот"!

Ҳejдәр бағы

Бијојт ә томошә ә "Ҳejдәр бағы",
Ә нум кәлә инсон — ә дүнjoh Дahи!
Сог кәрдо Перездент, куфди чәнд соги,
Сәбәб әни korho Год Нисанови!

Чор тараф әни бог үшүг-үшүгмәнк,
Сухдәни үшүгho дорәни бирәнг.
Ә ләҳәhошү лово-тәшво дәри,
Нүшди агсагалho, нүшди кәлә мәрд.

Нисди

Нәбу әзмә бүхтү кири,
Тәхсир, ә дүл, ә тү вәри.
Ҳәрбој jә рач винирәни,
Нәбу аташ күрдә сухи.

Тәбиәтә рачho анбар,
Нәбу сухи ә гәд ән тар.
Дәрдho анбар, гәмho анбар,
Дур бирәjтү анбар хуби.

Ә гәд богho чәнд рачә күл,
Наз yhорә хүррә бүлбүл.
Чәнд пәрвонә ә гәд аташ,
Сухдәт yhош, бисдорут күл.

Чумә вәки тү әз yho,
Гошho зәрди, чум ковyho,
Фәләк нидав сур әзyho,
Гәриб ҳофд сал hорој мунди.

Ини әзмә ә тү кофho,
Көзәл hисди, нисди вәфо,
Чү дәрикә ә дүл yho,
Данү ҳәләм, jәкиш нисди.

Мәни

Әгјара дил вериб унутдун мәни,
Билмәдим нә деди; ким сәнә пәри.
Поздун еһтибары, хар етдин мәни,
Биләндә ағлымы, итирдим сәри.

Нә үчүн ешгимә сән нашы олдун,
Мәндән үз дөндәриб, өзкәни тутдун.
О үтән күнләри нә тез унутдун,
Көрәрәм ахырда пешиман сәни.

Сәнә инанмышдым о илк чағымда,
Сәнсиз зүлмәт олар кечәм, күнүм дә,
Нә күнаһ көрмүшдүн ахы сән мәндә,
Гул етдин өзкәјә, сән сатдын мәни.

Көрпү

Көзүн ајдын олсун, әј мәним халгым,
Бу көһнә көрпүмүз саһмана дүшдү.
Мән гәләм көтүрүм бир шеир јазым,
Өтән хатирәләр јадыма дүшдү.

Тәзәдән гојулду һәр кәрпич дашы,
Көһнә иди көрпү, чох иди јашы.
Дағылыб, төкүлмүш бүтүн һәр јери,
Ики хәлгин јолу — достлуг гардашы.

Севилир ешидән бу шад хәбәри,
Јухудан ојатды бу севинч мәни.
Сәһәрдән ахшама бурда иш кедир,
Јорулмаз билмәјир фәһлә елләри.

Бир вахт бу јерләри мән дә кәзәрдим,
Јахын иди мәнә доғмалар кими
Әсән күләјиндә гәрар тутардым,
Дәјдикчә синәмә јарпаглар кими.

Јахындан, узагдан бура кәләнләр,
Бахыб тамаша ја чох севинирләр.

Сағ олсун Башчымыз — гајғыкеш Рәһбәр,
Белә Президентә чан да дјирләр!

"Гудјал" да ләззәт илә бахыр бу ишә,
"Шаһ" дагы чағырыр кәлсин көрүшә.
Гәлбим дә мин шадлыг, севинч кечирир,
Севәнләр кәләчәк бурда өпүшә!

Түнә шәндими

Әз Сәмәд Вургун тәрчүмә

Кәширә дәрдһорә бүнүм ә гирог,
Намус инсонирә түнә шәндими?
Зуһунмә ә ләһә мијосд дог бирә,
Јорә мәһәббәтә түнә шәндими?
Хүрд сохди гулмәрә, һәм гәнәтмәрә,
Вир сохдум и дузә рафдә рәһмәрә.
Тәрлана хәјол, лачинә дүлмәрә
Фурмундә мәрә нә вочовундими?

Ноләһој ән Вургун варафд ә һәсму,
Әрчу сур пәһәнү сохдәј әз иму.
Ә шүһрәт фурухдә и намус иму,
Ә гәл ән кәсһо түнә дарафдими?

Әрчүзу рафди

Әри вәкирлүјә Тәлһүм Гуршумов

Дәсмә гәләм нә күрд, әдәм ләрзирә,
Һилом вәфосүзи, әдәм тәрсирә.
Әз фикирһо, дәрдһо әдәм пир бирә,
Әрчү әзи һилом һәчи зу рафди?

Үшүгә һиломтү вәхтсүз торик күрд,
Һүндүрә доһорә чү думон вәкүрд.
Јарһој әрзулум ә синә домунд,
Әрчү әзи һилом һәчи зу рафди?

Әритү китобһо амбар нүвүсдүт,
Әритү дәдәјһо амбар кирисдүт,
Әритү хәһәрһо муј сәрә кәндүт,
Әрчү әзи һилом һәчи зу рафди?

Чумһо һәрси мунди, нәсә хүшк бирә,
Дүлһо доһор нисди, мидав һәл бирә

Инсон ә руј хори јәболәј бирә,
Әрчү әз руј һилом һәчи зу рафди?

Чумтүрә әз хори наданһо вәкүрд,
Гызыл күлә ә бог думонһо дәкүрд,
Әзи хәбәр догһо овиҧ нә вәкүрд,
Әрчү әзи һилом һәчи зу рафди?

Нә мунди боворим и чү һиломи,
Шәхтәһо дәр дәкүрд, һәсму думони,
Хәләф рафдә дәдәј рузу думони,
Әрчү әзи һилом һәчи зу рафди?

Рафдиткәш әз һилом јә нумтү мунди,
Мисвојә хубиһо, корһојтү мунди,
Ә дүл чүклә хәлгмә һәмишә мунди,
Әрчү әзи һилом һәчи зу рафди?

Оj дәдәј

Шәв нә хисирәј, руз нә хисирәј,
Сәбәбһорә тү ә чумтү дирәј,
Дәрдиш ә һүмүр анбар винирәј,
Ә һилом нумтү кәләји , дәдәј,
Чунмә чунтүрә гурбу, оj дәдәј!

Лајлаја хундәј әз сухдә Кәрәм,
Әсәр синәјтү мә кәлә бирәм.
Сәр дорд дорикәш нумтүрә күрдәм,
Ә һилом нумтү кәләји, дәдәј,
Чунмә чунтүрә гурбу, оj дәдәј!

Тирјох һовуни ә поj вокундәј,
Дәс дурру сохдәј, поj дурру сохдәј.
Әри һәјилиш муj сипи сохдәј,
Ә һилом нумтү кәләји, дәдәј,
Чунмә чунтүрә гурбу, оj дәдәј.

Әјор овурдә чәфоһојтүрә,
Ки гимәт мүдү зәһмәтһојтүрә,
Вокү ки соху и дәрдһојтүрә,
Ә һилом нумтү кәләји, дәдәј,
Чунмә чунтүрә гурбу, оj дәдәј!

Үшвәҳүм, шинит и кофһојмәрә,
Ә дүлмә дәјишдүт мәтләбһојмәрә,
Чү зу вир сохдум мә дәдәјмәрә,
Ә ҳилом нумтү кәләји, дәдәј,
Чунмә чунтүрә гурбу, ој дәдәј!

Бәбәји - бәбә

Бәбәһо ҳәзизи әри һәр хунә,
Сохдәнүт һүрмәтә, сохдәнүт мунә,
Һәр кәлә, һәр чүклә ә гәд ән хунә,
Сәвкәндһој ән һәммә бәбәји – бәбә!

Нум бәбә кәләји ә руј ән хори,
Ә китоб, ә тарих, ә дастон вәри,
Чәнд арзу, чәнд мәтләб ә дүлү дәри,
Сәһиб әри һәммә бәбәји – бәбә!

Бәбә јә үшиги әри рәһһојму,
Товуш чумһојмуни, гувот дүлһојму,
Усуз һич нихәндү дүлһој јәкиму,
Дузә рәһһој һәммә бәбәји – бәбәји!

Тәјтә јә ҳәјилә тә кәлә сохдә,
Чәнд лово-тәшво әз Худо хосдә.
Шәв тимор мисоху, рузһо моч сохдә,
Әз һәммә ширинтә бәбәји - бәбә!

Имурә ә ҳилом овурдәкори,
Ә хосдә рузһојму расундәкори,
Куфдирәни кумәк офуррәкори,
Кәрәки һәмишә бәбәји - бәбә!

Ә фәрзәндһо дорит һүрмәт бәбәрә,
Вәхт мијов миданит бәбә бирәрә.
Дуз мисоху һәр кор кәрәкиһорә,
Әј Үшвәҳ, шоһ һәммә бәбәји – бәбә!

БОВОР НӘ СОХ

Һич әјәкиш хуби нә сох,
Әји ҳилом бовор нә сох.
Ҳәсбәлүрә поједә сохд,
Әји ҳилом бовор мәсох.

Чү бирәни бош әритү,
Пуллу, моллу, вор-дүвләттлү.
Хори, ћәсму ћәммә әнтү,
Әји ћилом бовор нә сох.

Ћәрки ћисди әхир нисди,
Дүлћо бисдо бисди-бисди,
Чәнд нәсилћо ћәрс рухунди,
Әји ћилом бовор нисди.

Чәндиһорә вәнкәсд әз тәхт,
Нә дәниши ћәлә нисд вәхт,
Рафд әз ћилом уһо бивәхт,
Әји ћилом бовор нисди.

Дуз нә бисдо тирозујү,
Дурку бисдо норә пој,
Чү анбари ћовунћој,
Әји ћилом бовор нисди.

Шоһирһо нә нүвүсһој чүһүрһој догы э пишој мәчлис сәр күрдә кәширә омори.

ИСМАЙЛОВА ДИАНА (29.01.1977) – член Союза писателей Израиля. Родилась в Баку. В 1990 году репатриировалась с родителями в Израиль (г. Акко). Диана – мама, у нее три сына. Первое произведение написала в 16 лет. Любовь к литературе, как нежное напоминание о былых временах, когда жизнь казалась такой уравновешенной, не смотря на юный возраст. Диана автор нескольких романов и повестей. Печатается на интернет сайтах.

ПОХИЩЕННОЕ МГНОВЕНИЕ

В это весеннее утро Альберт Маклейн вместе со своим младшим братом Саймоном, блуждали по роще вблизи дома. Казалось что эти сорванцы не находили себе места, если бы к ним не липли неприятности. Куда они не ринулись, куда бы ни залезли, будь это хвойный лес, озеро, чердак или еще хуже крыша их дома, они всегда непременно вляпались бы во что-то необыкновенное. Они тайно между собой называли свои похождения приключениями.

Вот и сейчас эти нахлынувшие воспоминания вызвали на его лице улыбку. И его вновь перекинуло в тот злосчастный день, его лицо исказилось от боли, от заново пережитой муки своего прошлого. Ему тогда было всего тринадцать лет не более. Они гнались друг за другом по крыше дома, метались то в западную, то в восточную часть крыши, когда Альберт внезапно оступился, споткнувшись и не успев осознать что к чему, он уже летел с криком вниз. Изо всех сил он попытался приземлиться именно на ноги, что ему удачно удалось, и сразу после они у него жутко затряслись. Альберт тут же потерял равновесие и упал спиной на землю. Прежде чем ему что-то довелось понять, о том, что только с ним приключилось, Саймон уже спустился вниз с крыши и, подбежав, попытался помочь ему подняться. Но в ответ старший брат лишь громко провопил. Саймон был на два года младше, но понимал, что с братом произошло что-то ужасное, раз он не может подняться. Он помчался в дом за помощью. Но только успел он коснуться первой ступеньки на пороге к дому, как навстречу к нему кинулась мать, услышав грохот и крик сына. Паула женщина в самом расцвете лет, столь взволнованная и ужасно напуганная мчалась на вой своего дитя. Увидав Альберта, неподвижно распластавшегося на земле, она тут же ахнула, и инстинктивно прижала ладони, сжав их в кулаки к своей груди.

– Боже, ну что же это такое? Как ты только умудрился туда вновь взобраться?

– Мама он был не один, – тут же прослезился Саймон.

– Не оправдывай его поведение, он старший брат и должен знать о последствиях. Он мог бы быть примером, а не соревноваться с тобой, кто глупее не смотря на возраст. Вставай немедленно Альберт и ступай в дом! – наказала строгим тоном она.

– Я... я..., не могу встать мам, – прошипел он в ответ.

– Что, значит, не можешь? А ну прекрати дурачиться сейчас же!

– Я не вру мама! – застонал он, опять попытавшись двинуть ногами.

– О... Господи! – она схватилась ладонями за лицо, сразу побледнела, не веря своим ушам, – что тут произошло?

Она подбежала к сыну и стала нервно ощупывать его ноги, словно не верила его мольбе о том, что ему больно.

– Я упал с крыши...

–Ты что? – вновь ахнула она, подняв свой взор с его ног на лицо.

– Мы играли на крыше, и он оступился мам... – шмыгнул уже в который раз Саймон.

– Где у тебя болит?

– У меня болят..., нет, гудят ноги.

– Я вызову скорую... – глухо произнесла она и направилась бегом в дом.

Уже через десять минут возле дома стояла машина скорой помощи. А спустя пару часов после осмотра, врачи сообщили родителям ребенка о самом неожиданном. У мальчика было несколько переломов. На срочную операцию его увезли сразу после осмотра, но на этом их попытки не были завершены. После операции мальчику потребуется много терпения и усилий, чтобы снова встать твердо на ноги. Паула и Рональд не теряли надежды. Они дали себе слово, что, не смотря на их плачевное финансовое положение, сделают все необходимое, чтобы помочь своему мальчику оправиться.

Шло время, за месяцами месяцы. Альберт старался изо всех сил, пытался перебороть столь характерный ему гнев, а так же усталость, которая ломала его волю изо дня в день. Но, будучи еще не совсем сознательным в столь юном возрасте, быстро сдавался. Его усталость со временем превратилась в упрямый бунт. Вскоре он напрочь отказался от физиотерапии. Бойкотировал всех подряд в своем тесном кругу. Мать, отца, брата, Эмили которой в то время было всего семь лет. Единственной отрадой и спутником его дней был верный друг Эрнест Грин. Они дружили еще с детского сада. Альберту казалось, что его принимает таким, какой он есть только друг. Не пытаясь его изменить, переубедить, заставить, в конце концов, взяться за ум и все исправить пока не стало слишком поздно. Он очень дорожил дружбой с Альбертом и поэтому ему, было, безразлично ходит он или сидит в инвалидной коляске. В его понимании и маленьком мире, в котором он существовал, Альберт был особенным. Ведь главное что он жив, он дышит, он рядом. До него рукой подать. С ним можно поделиться обо всем, рассказать о наболевшем. Можно услышать укоры, осуждения, а иногда и поддержку, на что он был чаще скуп. Но все равно одно его присутствие в жизни друга, уже значило очень много. Ведь только рядом с ним Альберт был настоящим, откровенным, разговорчивым, даже порой веселым. Они и шутили и дурачились по-мальчишески. Никто, да и ничто не было преградой их крепкой связи, которая с годами становилась еще более необходимой и непоколебимой. Так близко к своей обнаженной душе Альберт

никого не подпускал. Но члены его семьи неустанно пытались приблизиться к нему, безуспешно конечно. Но никто, никогда не терял надежду. Он чаще погружался в книгу, в раздумья, нежели способен был хоть раз выслушать своих близких. Его кредо было фыркнуть, нагрубить в ответ, оборвать на полуслове, не дав высказаться, покачав головой, словно глухой.

Он рос, зрел в этой инвалидной коляске, чаще проводил свой досуг в глубоком одиночестве и взаперти. Ни хотел никого слышать и видеть. Тем более, если это соскальзывающее с уст сожаление о его тяжкой ноше. Чаще он отказывался от обеда в семейном кругу, чтоб только избежать жалких взглядов. Хотя на него никто подобно не смотрел, но ему казалось именно так. Альберт очень много читал, поглощая книги с особым интересом. Превращаясь с каждым разом в главного героя, он забывал о боли, о себе, всецело погружаясь в приключения. Захватывающие истории превращались в его ноги и особо иной мир. За все это время он ни разу не впал в глубокую депрессию. Чему был очень рад Эрнест. А в душе Альберт даже становился заядлым романтиком...

Отец его с тех пор очень сильно постарел. Работал он от рассвета до заката, возвращаясь, все чаще без особых сил. Работа на заводе была слишком тяжкой ношей, где порой даже не было возможности отпить воды. За исключением двух перерывов за смену, но оклад оправдывал его усилия. Семья его нуждалась. Паула не могла работать, так как Альберт был, зависим, либо ее материнский инстинкт подсказывал ей, что он не справится. Саймон и Эмили взрослели. Так и шли года. Вскоре Рональда повысили, семья стала жить лучше...

Ə мəчлис нувуchoj Чуhурhoj-доги

ИСМАИЛОВ САДЫК (СОДУГ) ТАЛХУМОВИЧ (09.05.1934). Родился в г. Баку. Окончил Политехнический институт им. Ч. Ильдырыма. Более сорока лет проработал на Бакинском заводе «Металлокульбыт» в должности начальника цеха. В 2008 г. репатриировался в Израиль (г.Акко). Живописью, поэзией и литературой увлекается с юности. С 2002 г. публикует свои произведения в Бакинском альманахе «Мир поэзии» изданный при поддержке еврейского агентства «Хесед Гиршон». На многие стихи С.Т.Исмаилова написана музыка, изданы компакт диски.

СВЯТОЙ ИЕРУСАЛИМ

Иерусалим – планеты гордость,
Ты вечный зов, носящий мудрость,
Народам трех религий дан –
Ты наш бесценный талисман.

Твоя земля, одна из древних,
Творцом дана нам в вечный дар.
Стена на западе там плачет
Паломников к себе влечет.

+Друзья земли прекрасной этой,
Вражду гоните на покой.
Прошу народы – помиритесь!
А за Иерусалим молитесь!

Иерусалим, единый Храм,
Не подчинится он врагам.
Его старейшие просторы,
Ласкают взглядом наши взоры.

Святыню эту берегите,
Благословеньями храните.
Там камни золотом сверкают
Народ наш вечный охраняют.

ЗЕМЛЯНАМ

Земля – творишь ты чудеса,
В объятия нас приняла.
Над нами Бог и небеса
Народам ты любовь дала.

Создав отцов и матерей,
Детей – сынов и дочерей,
Ты научила нас любить,
Семейным счастьем дорожить…

Когда родители дружны,
Покой порядок всем важны.
Лишь только ссора и раздор,
Усугубляет детский взор …

Родители растят детей,
Не спят по множеству ночей
И душу, и любовь свою,
Они всецело отдают.

Земляне, всем мой Вам завет –
Ценить Родительский совет,
А если мудрым хочешь стать,
Старшим долг сумей отдать!

Всевышний всем нам разум дал,
Чтоб каждый сам им управлял.
Умей уважить, ценить, любить,
Отцовской честью дорожить.

Дороже матери родной,
Не может быть никто иной.
За ласку и за имя Мать –
Не сможешь долг ты свой отдать…

И лишь тогда твоей судьбой,
Всевышний будет рулевой,
В счастливый путь уйдешь ты плыть,
Душой с родителями жить.

Ирина Михайлова – врач-ревматолог родилась в 1963 году в Дербенте. Окончила Дагестанский медицинский институт. Работает врачом-ревматологом в городской поликлинике. С 2004 года занимается общественной работой, создала клуб, куда приходят еврейские женщины. Совместно с подругами собрала экспонаты для музея горских евреев. В настоящее время экспозиция хранится в здании синагоги «Келе-Нумаз» Дербента. Увлекается журналистикой. Публикует статьи в газете «Ватан», печатающейся в Дербенте, в журнале «Товуши», издающимся в Нью-Йорке. Как сообщает горско-еврейский центр "Исроиль", на горско-еврейском языке написала пьесу-шутку - пародию на передачу «Давай поженимся», которая транслируется каждый вечер на российском телевидении.

Увлечение историей своего народа привело к тому, что начала собирать сведения об участниках Великой Отечественной войны, об актерах горско-еврейского театра, выдающихся людях своего народа. Итогом этой работы стали пять книг, изданных автором. Первая книга «Евреи Дербента в ВОВ» вышла в свет в 2013 году. Рукопись стала победителем конкурса на издание работ на русском языке по истории еврейских общин на территории СНГ в 2012 году, объявленного комитетом «Джойнт» совместно с центром «Сефер». На следующий год в 2014 году была опубликована книга «Самородки Дагестана», посвященная истории горско-еврейского театра Дербента.

2015 год был годом, когда вся Россия праздновала 70 лет Победы над фашистской Германией. И.Михайлова впервые создала книгу памяти горских евреев, погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне. В книгу вошли также более 200 фотографий погибших, рассказы о Героях Советского Союза, о награжденных орденах Ленина и простых офицерах и солдатах, достойно защищавших свою Родину от врага. Книга И.Михайловой, изданная в 2017 году, «О чем молчат дома», рассказывающая об истории некоторых еврейских домов Дербента, стала победителем творческого конкурса на премию им. С.И.Вайнштейна в номинации «Историческая и научно-популярная литература», объявленного благотворительным фондом СТМЭГИ.

В 2018 году автором издана брошюра «Возвращенные имена».
В своей последней работе И.Михайлова затрагивает одну из самых наболевших тем, на которую много лет люди боялись говорить вслух. Она надеется на то, что ее исследование станет толчком для рассказов людей о своих близких, подвергшихся репрессиям.

Ирина Михайлова не только публицист, она пишет и на родном языке: у нее опубликована пьеса-шутка «Давай поженимся» («Биё эвленмиш бошим»), есть и

рассказы, которые пока не изданы. В мае 2018 года состоялась премьера документального фильма «На родине предков», съемки которого проходили на территории южного Дагестана. Съемочная группа побывала на месте проживания горских евреев в селах, прилегающих к Дербенту: Нюгди, Маджалис, Рукель, Янгикент, Мугарты, Карчаг, Араг, Джерах. Сценарий научно-популярного фильма написан Ириной Михайловой.

Много лет Ирина сотрудничает с медиа-холдингом СТМЭГИ, она написала более 300 статей и очерков на разные темы. В течение трех лет была главным редактором журнала «Товуши» («Свет»), издававшемся в Нью-Йорке.

Ирина Михайлова – врач-ревматолог, руководитель женского клуба «Очаг», корреспондент сайта STMEGI.com. Дербент, Республика Дагестан, Россия. Книга: Трудно выбрать одну. Наверное, все-таки – «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова. Фильм: Можно сказать то же самое, что и о книгах. Фильмов очень много, и в разные периоды жизни нравятся разные. Не могу назвать один. Фильмы советского периода нравятся больше всего. Время года: Весна. И не потому, что 8 Марта весной. Потому, что всё обновляется, природа оживает. Цветы: Розы. Духи: Magie Noire. Блюдо: Хоягушт. Хобби: История горских евреев.

Считаете ли Вы, что женщины достигли равноправия с мужчинами?

Смотря где. В России и Дагестане – нет. В некоторых странах мира у женщин превосходство. Их мужчин мне даже жалко.

Как Вы оцениваете участие женщин в жизни нашей общины? Женщины наши пока еще только пробуждаются, как природ весной. В этом случае надо бы уже давно проснуться. Но пусть простят меня мужчины – это результат их поведения. Мужчины нашей общины по-прежнему хотят всё решать только сами, не только хотят, а так и делают. Женщин в общественной жизни они всерьез не воспринимают. Причем этот момент во всех наших общинах одинаков. Так не только в России, но и в Америке, и в Канаде. Люди-то у нас одни и те же, независимо от места проживания. Еще есть стереотип: общественной работой занимаются только женщины-неудачницы, которые одинокие, не имеют семьи, детей и т.д. Но будем верить, что наши женщины, успешные в семье, работе и бизнесе, сумеют себя проявить и в общественной жизни

Диплом суьрхи

Возисохдегоргьо

Саадье, бебей эн кук – чуьл сале мерд, песде 45 сале

Шохоту, дедей эн кук –35-сале зен, песде 40 сале

Ирмиё, кук- 17 сале гъэил, песде 22 сале

Рэхьбер Имту – 50 сале мерд,

Дуьмуьн рэхьбер Хизгъиё– 60 сале мерд

Зимро, бебей эн гIэруьс - 45 сале мерд

Зулпо, дедей эн гIэруьс - 40 сале зен

Хисибо, гIэруьс – 18 сале духдер

Раби Соломон– 60 сале мерд

Суьфдеи перде

Хуней жуургьои. Нуьшди бебе, деде, не кук. Эдет гоф сохденуьт.

СААДЬЕ: Э кук, имбуруз туь э кумеки Худоревоз, у кумеки бебе-дедеревоз, э жофойтуьревоз варасдей ишкулере. Туьре дори аттестат. Имогьой чуь воисде сохде туьре, гIэзизе ферзендме?

ИРМИЁ: Мере воисдени рафде дарафде эри хунде э шегьер Махачкала э художественно-графический факультет.

СААДЬЕ: Песде ки биренини туь?

ИРМИЁ: Шекуьлкеш.

СААДЬЕ: Ки?! Шекуьлкеш. И гьумолет иму э шекуьлшеш не бири. И чуь гIэлемете кори. Шекуьлкеш бегем сенэгIэти?

ШОХОТУ: Диворгьоре мурдал мисохи. Гьемме хоригьо-гьовогьо билесмол мибу ки.

СААДЬЕ: Ме э хьовиргьо, хьэрмэхгьо, гьуншигьо, чуь мигуюм? Кук ме художник биренини. Тен бирехьнегьо зенгьоре эдей нувуьсде? Тьфу. Гьич небугьо кори. Кук эн дусде хьэрмехьме эн Итом бироргилитуь э юридический эдей дарафде. Кук эн Шолум –гъуншиму э экономический эдей дарафде. Угьо мегиру дипломгьой суьрхире, мибу парчо.

ШОХОТУ: Эри, эри, балайме. Э бебе-дедерево бэхьс мепой, хуьжет месох. Имуре воисдени э дес туь диплом суьрхи дарав, екем туьш пул гьэзенж мисохи. Иму келете биренге, э иму дениш, э курорт фуьрс э пире вэгIдогьойму.

ИРМИЁ: Жон, деде, шекуьлкешгьо пул амбар гьэзенж сохде. Эри е шекуьл филангъэдер пул, доллар доре угьоре. Туь не дануьсде бегем? Э шекуьл эз одомигьо бэгьэй нуьвуьсде оморени гьуьндуре догъо, ковре дергьё, раче доргьо, угь шекуьлгьоре нум исти пейзаж. Мере воисдени гъэдимие гьэле эн Дербенте нуьвьсде, дерьге эн Каспий, куьгне тенге кучегьой эн мэхелеймуре, раче емишгьоймуре. Ер-емиш вебиренигьо шекуьлгьоре нум исди натюрморт.

СААДЬЕ: Чуь, чуь? Натурморд? Гуфдурум морд эн екиш герек нисди имуре. Бура, дара э институт, бош гереклуье специалист-юрист.

ИРМИЁ: Гъейсегъэт гьееме гьеки юристгьо, не экономистогьи. Песде эже кор сохде гьемме энугьо? Э базаргьо туьм хурде, нуьшдени э тукугьо денишире ки чи восдоге, жегьисдени э такси. Эри шекуьлкеш кор хьуькмети герек нисди. Нуьшдени, хьевес гьисдики э куче нуьвуьсдени шекуьл хуьшдере. Мере эз и кор лаб хьэз оморе. Гьемме гьеки не дануьсде бире шекуьлкеш. Эри эну кор бие талант бу.

СААДЬЕ: ЕгIни туьре гьисди? Чуькле одомигьо келе ховгьо дире. Комини чешмиш, комини овом мосдону шекуьлгьойтуьре? Шекуьл кире гереки эчетине

вэгъдогьойму. Хэлгьэ воисдени хуб хурде, раче парталгьо вокурде, э тозе жигегьо рафде гешде.

ИРМИЁ: Жон, Бебе, э гьемме земонгьош хэлгь доребу пул эри шекульгьо не раче чигьо. Туь дуз нисди.

СААДЬЕ: Туь беберe эгъуьл доре? Гьэлем эз хори не вероморей, эз гъэриш хое жив эдее зере. Куксег. Хое эдее кергъе эгъуьл доре. Ме гуфдирере мисохи. Варасд гоф. Гьемме экире хуно мидарай э юридический эри хунде.

ШОХОТУ: Эри, эри, гьич фикир мекеш. Бебе кумеки мисоху, пул мидуь, мидешенуь туьре э институт. Вир сох у везифере, у думитгьойтуьре. Песде э кумекн беберевоз э кориш мидарай. Бебе туьре мидору.

Дуьимуьн перде

Гирошди пенж сал. Кук екем келе бири, деде-бебе екем пир бири. Кук варасди институте. Эдей дипломе э бебе доре.

ИРМИЁ: Ини, диплом туь. Гьемме коргьо бегьем мибу имогьой. Дуьл туь э жиге омори?

СААДЬЕ: И чуь гофгьо эдей гуфдире туь? Юрист – гьеммише э гьэриш хэлгь хуьрметлуье одомини. Сер гьемме еки эдее гьуз бире э пушой судья, прокурор, следователь, нотариус, адвокат.

ШОХОТУ: Жун согьи гердо туьре! Хундере бегьем сохдей. Имогьой е раче духдериш михогьим эри туь. Э хуней гIэрусьиш дарафдеки мугую юрист эдее хосде духдер имуре.

ИРМИЁ: Келе кори. Юристиш бисдо, туристиш. Ишму э песини земонгьо эдейт зигьисде. Сенгь шендиге имбурузине руз э юрист ненге э экономист мирасуь.

ШОХОТУ: Сенгь расгьо э мазале дуьшмегьойту. Туь чуь гуфдире. Худо дур сохо сенгьэро эз сер туь.

ИРМИЁ: Мизигьим – мивиним чуь бирениге.

СААДЬЕ: Тейте ме зинде гьисдумгьо, гьемме коргьо э кифлет ме хуб мибу!

Вежегьисдени дипломе э дес гирде.

Сеимуьн перде

Хуней эн гIэруьси. Бебе не деде омори эри хосде духдере.

ЗИМРО: Диройт, гьуногьо. Нуьшим, е пейле шороб вешеним, ихдилот сохим.

СААДЬЕ: НэгI, имуре е гофи еки туь. У гофе туь бегьем сохдиге, умогьой минуьшим михурим.

ЗИМРО: Гу гоф туьре, гьэзизе гьуногь.

САДЬЕ: Туь хуб дануьсдеиики, мере е куклеи. Институте хунде бегьем сохди (*Эдей дипломе бирмуьнде*). Диплом суьрхи дарафди э дес у. Имогьой мере воисдени зеш хогьим эри эну.

ЗУЛПО: Худо метлебгьошмуре веровуно!

ШОХОТУ: Э ишмурево!

ЗИМРО: Э зенгьо, дит и куьнде хьэрмехьмере е ду гоф гуфдире. Руригьойме эдее сухде. Гу чуь дериге э дуьл туь.

САДЬЕ: Иму и ченд сал хуб шинохденим екире. Имогьой биё гьэбилегьо бошим.

ЗИМРО: Иму биё думит сохим, э духдеревоз гоф сохим, песде жогьоб дим.

САДЬЕ: Гьечу буге иму рафдим. Песде миём, эри жогьобире дануьсде.

ЗИМРО: Е пейле шоробиш не хурде э меревоз?

САДЬЕ: НэгI, туь гьэдотоймуре не дануьсде? Гьергой буриримге, бестимге, умогьой э хьэрекетиревоз минуьшим, михурим, межегьим.

ЗИМРО: Пой, пой, мевирих. Гьэй си минут духдере огьол мизенуьм. Жогьобо мидуьм. Э духдер, (*чаруьсдени э лой доруку утогъ*), ведиро инжо е дэгьдэгьэ. Гофи мере э туьрево.

ХИСИБО: *(чумгьоре зофру гирде)* Чуьни, э бебе? Эри чуь огьол зерей мере?

ЗИМРО: Ижире кори, хьэлефмейме. Имбуруз омори кугьне хьэрмэхьме Саадье э зен хуьшдеревоз. Угьоре кук исди Ирмиё. Туьш шинохдени лелей Саадьёре, холей Шохотуьре, Ирмиёре.

ХИСИБО: *(чумгьоре зофру гирде)* Эри бебейме.

ЗУЛПО: Туь чуьклеле нисди, варасири ки эри чуь омори и лоигьэ, гIэсуьллуье одомигьо имбуруз экиму. Угьоре воисдеиики туь, бикелейме, боши гIэруьс эн ишу, зен эн Ирмиё. Иму биё жогьоб дим ишуре.

ХИСИБО: *(чумгьоре зофру гирде)* НэгI, ме не рафденуьм э шуьвер, ме биё варасум хундеире.

ШОХОТУ: Хундеитуь кире гереки? Лелей Саадьё хуьрметлуье одомини, имуре е куки. Бебе-писер кор мисоху, мидору имуре. Иму миёрим эри туь тебэгьо э раче чигьорев, сурхгьоревоз э сер тебэгъ. Мисохим гIэруьси. Туь мизенди эри му раче невегьо. Иму э еки миденишим э балалагьо.

ЗИМРО: Дузи гьофойтуь, Шихотуь. Иму разиним духдере эри доре. *Духдер гирисдени. Гъэбилегьо вежегьисдени. Мердгьо вешендени пейлегьоре, гьенжирени шороб. Ведироморени домор, хундени мэгIиире. Гьеммееки хундени э уревоз.*

Свадебная народная песня.

I

Э гъэрей е десте гъуьл

Вихдем ме е гьуьзуьргъуьл!

Деде, бебе рази нисд,
У духдере гьич той нисд . - 2р.

Сервори:

Ай, эшугъ, бие гъэриб ди и гIэруьсе,
Ой, бирордомор,
Кур сохди чуьм альбуьсе.
И раче шори амбарак бу те эхир,
ГIэруьс не хьэтон
Гердо э еки пир-сир.

II

Имишев шев гIэруьси,
Месох чуьмгьоре гIэрси.
Э и хуне оморе,
Дегесуьнде шегIмгьоре – 2р.
Сервори:

Чормуьн перде

Гирошди экем вэгIдо. Бебе бирени нечогъ. Э хьэлов дери. Пулгьо бебе эдей варасде.

ИРМИЁ: Э, бебе, туь чуьтам гуфдирейге институте варасдем, зен хосдем. Ме биё э кор дарам. Эже бурам геш не дануьсденуьм. Имогьой туьш нечогьи, имуре эз екIш кумеки нибу. Эже бурам?

САДЬЕ: Мере гьисди кугьне хьэрмехьойме. Ме кин энугьо зинг мизенуьм, угьо кумеки мисоху.

ИРМИЁ: Бошгу, ме рафдум.

Оморени эки хьэрмэхь э н бебе.

ИРМИЁ: Руз ишму эхэйрбу, лелей Имту.

ИМТУ: Гьибет туь эхейрбу.

ИРМИЁ: Бебейму зинг зери эришму. Ю хушдению оморе нидану, кефсуьзи. Мере воисдени э кишму э кор дарафде.

ИМТУ: Чуь сэнэгIэти туьре?

ИРМИЁ: Юрист.

ИМТУ: Туь э гьержей бисдо кор сохдей? Туьре стаж гьисди?

ИРМИЁ: НэгI.

ИМТУ: НэгI, бэхшлемиш сох. Имуре ужире корсохгьо герек нисди. Эри бебе шолум ди, гу хуб бугу, э сер пой вэхизугу.

ИРМИЁ: Согьбоши.

Кук ведарафдени.Рафдени э е жигейге

ИРМИЁ: Руз ишму эхьэйрбу, лелей Хизгьиё.

ХЬИЗГИЁ: Гьибет туь эхейрбу. Чуь пуьрсуьши туьре, гу зурузури. Мере минкил нисди.

ИРМИЁ: Мере воисдени э кор дарафде.

ХЬИЗГИЁ: Механд мере. Кор эз же омори мере? И корсохдегоргьоре чуьтам ведекуьнуьмге не дануьсденум.

ИРМИЁ: Бэхшлемиш сохит мере, инжимиш сохдем ишмуре.

ХЬИЗГИЁ: Гъэйгуь нибу. Гьоммон туь хубе гьэили. Э бебейтуьре ме амбар нуьшдем, шороб не эрэгъи хурдем. Ме э туь эдем е нэсигъэт доре: вэгьдоре пуч э неогьи месох. Кор эри жогьиле специалистгьо офд не оморе. Гешд е кориге эри туь.

Кук оморени э нумаз э ки раби.

ИРМИЁ: Руз ишму эхьэйрбу, раби Соломон.

РАБИ: Гъибет туь эхейрбу.

ИРМИЁ: Ме институт варасдем, оммо кор не данусденуьм офде. Чуь сохугме не дануьсденум. Е весиет дит мере.

РАБИ: Имуре гереки хазан, шойхет, милосохдегор (моэль). Биё фуьрсуьм туьре е ешива, мегъини дестуьр. Миёй э Кумеки Худоревоз э нумаз кор мисохи.

ИРМИЁ: Бошгьу. Ме думит мисохум. Песде жогъоб мидуьм.

РАБИ: Худо кумек эри туь!

ИРМИЁ: Эришмуш. Согьбоши!

РАБИ: Согь гердош!

Хуней эн куки. Бебе дегешди э хьэлов холсуьз.

СААДЬЕ: Чуь хэбери?

ИРМИЁ: Гьичиш. Э ченд жиге рафдем имбуруз кор нисди. Екире стаж воисде, екиге не дануьсде, чуьтам корсохгьо хуьшдере ведекуьнуь, екиге эдей мере эри хунде э ешива фуьрсоре.

ШОХОТУ: Имогьой чуь мисохим? Бебере дермугьо гереки. Пулгьо варасди. Гьемме рафди эри хундеи, диплом, эри гъэруьси. Чуь хуби эри му?

ИРМИЁ: Себэхь мирам э бонк, мегируьм кредит, э гъэрд мосдонум мошин. Мибошум – таксист. Евош-евош мидуьм пулгьой бонке, мундигьо мимуну эри хурде-вегирдейму.

СААДЬЕ: Мере воисдембу туьре сохде юрист, а туь биренини - таксист-юрист?

ИРМИЁ: Гьемме хьэрмехьойме бири юрист – машинист, экономист-предприниматель, экономист-кобобчи. Чуь биё сохде биёв? Пенж сал пушгьо ишму не ишдейт мере рафде хунде бире шекуьлкеш. Имогьой мизигьим гьеме екире хуне, кепикеро мишуморим.

ШОХОТУ: Герек нисди э бонк рафде. Веги истигьо суьрхьойме (*векендендени эз герден хуьшде зенжил бебеире, гушворгьоре, энгъушдеригьоре, гъулбогъе дорени э кук*), фурух, восто мошине.

Оморени бебей эн гIэруьс, не дедей эн гIэруьс.

ЗИМРО: Шев ишму э хэйр бу.

ШОХОТУ: Хош оморейт, софо овурдейт! Хьэйр гердо? Биёт нушим, е пейле чой хурим.

ЗУЛПО: Иму оморейм эри гуфдире: иму духдер имуре эдей ведеберде.

ШОХОТУ: Эри чуь?

ЗИМРО: Духдер имуре хостейт эри юрист э диплом суьрхиревоз. Имогьой домор иму бири, корсуьз, биё пою э базар фэхьлеи, кор гешду эри хуьшде. Ме духдере э фэхьле э шуьвер не дорем. (*Огъол зерени духдере*) Э Хисибо, ведиро инжо. (*Ведироморени духдер).* Кеш бурайм э хуне. Ме туьре эри таксист-юрист не дошдем. Ме туьре э парчо мидуьм.

ШОХОТУ: Пой э гьэбиле, пой, Хисибо! Иму бегем зобу бирейм эри туь? Шуьвер ме хуб мибошуь, эри кук иму хубе кор миофим. Эже рафденит ишму? Бегем э четине мэхьел зен шуьвер хуьшдере шендени?

ГIэруьс гирисдени. Бебе не деде кешире-кешире бердени уре. Э сэс хъэрой оморени кук.

ИРМИЁ: Чуь бири инжо? Хисибо эже рафди?

ШОХОТУ: Деде-бебе ю ведеберди бэхдевере гIэруьс имуре. Вой эри ме бири.

СААДЬЕ: *(э гъэрсеревоз, эки кук чаруьсде)* Чорей ме бисдоге у шекуьле, нум комики гьисди диплом эз гьемме шекуьлгьойтуь зуте мифурухтум. Норемгьо пулгьореш нидануьм ведешенде. Хэйф э у кеширо жофогьойме. Диплом суьрхиму чаруьсди э диплом когьози, э диплом пембеи. Ноогьсуьзе диплом, э е копикиш не верзире (*шендени дипломе э хори, хуьршлуь*). Э жэгьмет, *(чаруьсдени э ки томошесохдегоргьо)* кими вэгьдо денишит э гофгьой жогьиле! Иму пир бирейм – пешму бире!

Гъэребечи (Кучер)

Детство, детство... Через много-много лет всплывают в памяти картины из детства. Иногда, кажется, что это приснилось, или виделось в каком-то кинофильме. А иногда думаешь: а было ли это?

И вот несколько дней не отпускает такая картина. На нашу центральную улицу приезжает повозка, которую везет старая лошадка. Управлает ей кучер с вожжами в руках, приговаривая; "Гель, гель". Не только азербайджанцы, но и все в городе знают, что означают эти слова; "Пошла, пошла!" Повозка – то не простая, а украшена шариками, еще какими – то фонариками. Вокруг повазки всегда много детей. Они тоже кричат; "Гель, гель!" Потом дети старабтся

первыми успеть сообщить домашним новость: Ахмед "Гель, гель" приехал! Все зовут кучера Ахмедом. А вот взрослых запрмнилось еще одно слово: Гъэребечи. Домохозяйки выходят ему навстречу. Так кто же Ахмед? И почему его так любят дети? Да это старьевщик, который меняет старые вещи на дефицитные игрушки: шарики, жвачки с удовольствием избавляются от не нужных вещей, но, правда, торгуются,чтобы доставит радост детям, выменятьпобольше игрушки для своих ненаглядных

Детство закончилоась, как, впрочем, и юность, и, увы,...молодость. Наступила зрелость. История получила продолжение. Много лет спустя я узнала, что Ахмед , "Гель, гель" был вовсе не Ахмедом, а звали его Манахим. Родился он в Кубе, ушел воевать. На войне попал в плень: выжил, а потом отсидел в Сбири много лет в лагерях. Может быть, в плену он назвался "Ахмедом"? И таки оставил себе это имя. Затем уехал в Израиль, жил в городе Беэр-Шева. Говорят, что уже в Израиле, он только стал рассказыват кое-что о своей жизни. Прожил Манахим целый век. Жив ли сегодня? Не знаю. Но хочу, чтобы и вы узнали о нем.

Виктор Кардашов – родился в Хасавюрте на Северном Кавказе в 22.12.1940. Доктор физико-математических наук. В 1957году поступил на механико-математический факультет Саратовского университета, а в 1963 г. и аспирантуру Московского университета. До1994 г. работал доцентом на математическом факультете Дагестанского университета. В 1994г. репатриировался вместе с семьёй в Израиль. С 1996 по 2009 г. работал старшим научным сотрудником отделения биомедицинской инженерии Тель-авивского университета (Рамат-Авив). Сейчас – пенсионер, но продолжаю разработку очень важного для здоровья людей прибора, позволяющего контролировать уровень давления и сахара в крови (без уколов) с помощью мобильного телефона. В 2015 году написал и издал книгу "Технологии долголетия и... бессмертия". Это сборник остросюжетных рассказов об изобретателях и их необыкновенных виртуальных проектах. Подготовлена к изданию следующая книга такого же содержания.

Четверо взрослых сыновей, работающих в сфере высоких технологий.

ЖИЗНЕННАЯ ПАРАДИГМА АСПИРАНТА САШИ КОВАЛЕВА, ЖИЗНЕТВОРНЫЙ ЛАЗЕР И «ШНОБЕЛЕВСКАЯ» ПРЕМИЯ ОТ ФИМЫ ЗАРЕЦКОГО

Главный корпус Московского университета на Ленинских горах - довольно-таки величественное здание, которое в свое время было самым высоким в Москве. Великолепные залы, отделанные мрамором, паркетные полы, высокие потолки с большими и яркими люстрами оставляют яркое впечатление. Кроме всего этого, здание, как говорят архитекторы, отличается большой функциональностью. В нескольких корпусах, отведенных под общежитие для студентов и аспирантов, проживает около 10 тысяч человек. При этом все необходимое для жизни, начиная со столовых, великолепного дома культуры и заканчивая поликлиниками и спортзалами, находится в одном огромном и очень удобном комплексе строений.

Мне тоже довелось быть одним из обитателей МГУ в бытность мою аспирантом механико-математического факультета. Мы жили в одном из блоков зоны «Б» на 22 этаже общежития вместе с моим соседом, аспирантом Сашей Ковалёвым. Наш небольшой жилой блок был разделен на две маленькие комнатки с общей душевой и туалетом. В комнатах было все необходимое для студенческой жизни — книжный шкаф, небольшой письменный столик и кровать. Другими словами, это была небольшая келья, располагающая к каждодневному постижению «хребтов знаний и науки». Сосед мой был, что называется, настоящим русским богатырем. Высокий, косая сажень в плечах, он напоминал мне чем-то Михайло Васильевича Ломоносова, именем которого называется этот храм науки и образования. Только он не происходил из семьи северных поморов, а был

потомком династии кузнецов из города Брянска. Сашины неугасимая жажда знаний и золотые руки экспериментатора давали большую надежду на успешную реализацию его научного и технологического замысла.

А замысел у него был, нужно сказать, нешуточный. В отличие от меня, математика, Саша являлся представителем более «живой» науки - биофизики. Его научный руководитель, профессор А.С. Давыдов, один из основателей так называемой нелинейной биофизики, вошел в историю этой области биологии как главный идеолог применения в исследовании сложнейших процессов, происходящих в клетках нашего организма, современной нелинейной динамики и вычислительного эксперимента.

Так называемые «давыдовские солитоны» представляют собой очень полезную и перспективную математическую и биофизическую модель сложнейших процессов передачи энергии и информации в клетках нашего организма.

Саша, мой сосед, не будучи очень сильным в математике, поставил перед собой практически невыполнимую, с моей точки зрения, задачу — построить генератор таких световых волн, который даст возможность ему, как экспериментатору, общаться с клеточными структурами нашего организма и, конечно же, воздействовать на них в нужном направлении. А таких направлений было много, например, успешное сопротивление вирусным атакам, которые в первую очередь «стараются» перекрыть каналы коммуникаций клеток между собой. Другой жизненно важной задачей было своевременное выявление и уничтожение тех генетически «ущербных» клеток, размножение которых приводит к началу роковых онкологических заболеваний. И, конечно же, очень важным было постоянное «омоложение» клеток путем резонансного возбуждения клеточных стенок — мембран, что давало им возможность лучше усваивать глюкозу — этот энергетический эликсир, питающий наш мозг, дающий силу мышцам и т.д.

Саша был полон энтузиазма и с большим рвением взялся за реализацию этой полуфантастической идеи. Я предложил ему сконструировать «генератор солитонов».

Я был знаком с теорией так называемых солитонных волн. *Солитоны-это одиночные, само-организованные колоколообразные бегущие волны,обладающие удивительной способностью проникать друг через друга без изменения своей формы и обмениваться энергией и в какой-то степени информацией.* Возникновение солитонов в неживой природе - явление случайное. Первое описание солитонных волн на мелкой воде было дано морским инженером Расселом. Он обратил внимание на то, что при резкой остановке баржи от нее отделилась часть воды и с большой скоростью побежала вперед, приняв форму единичного гладкого возвышения, которое продолжало движение вдоль канала без изменения формы и скорости.

Наш организм, который на самом высоком уровне синтезирует все законы и явления неживой природы, конечно же использовал для своего функционирования и эти чудесные волны. Наш пульс, представляющий собой волны давления и кровотока, бегущие от сердца по артериям и капиллярам во

все органы и клетки организма и обратно, есть не что иное, как поток солитонов, беспрерывно курсирующих от сердца на периферию и обратно. Это уже «живые» солитоны, то есть био-солитоны, которые управляются нашими центральной и автономной (периферической) нервными системами.

Но я сразу попытался охладить пыл своего соседа. Солитоны - это волны, которые уникальным образом могут переносить энергию и информацию от отдельных клеток практически по всему телу, но производить эту энергию и информацию должны сами клеточные структуры различных органов. И тут нам на помощь пришла почти фантастическая и безоговорочная уверенность Саши (да и моя тоже) в том, что наш организм есть самый совершенный в мире биокомпьютер, вобравший в себя все физические законы, действующие в Природе и Вселенной. Элементарные частицы, согласно квантовой механике, при определенном их возбуждении испускают элементарную частицу света — фотон, переходя на более низкий энергетический уровень. Свет, который посылает на Землю наше Солнце в результате невообразимо мощных ядерных реакций, и тот, который нам дает обычная электрическая лампочка — это все потоки фотонов. Клетки нашего организма, конечно же, используют и это замечательное явление для своего функционирования. Они также при определенном возбуждении испускают теперь уже био-фотоны, причем различные по частоте, характерные для данных клеточных структур. Этим объясняется, что некоторые растения и живые организмы обладают свойством слабого свечения, которое можно наблюдать в ночное время.

Так вот, решили мы с Сашей после основательного изучения этих понятий с помощью могучей поисковой системы "Google" в интернете, что этот прибор должен быть генератором, который станет поддерживать и усиливать производство клетками «умных» био-фотонов, которые будут разноситься по всему организму. Такой обмен энергией и информацией между клеточными структурами может усилить иммунную систему и сопротивляемость организма вирусным атакам и даже генетически передаваемым заболеваниям. Сказано - будет сделано. Саша с огромным энтузиазмом взялся за реализацию этой нашей полуфантастической идеи.

Прошло примерно полгода. Я занимался своими делами, готовился и сдавал так называемый кандидатский минимум, а также готовил к печати свои статьи в «Вестнике МГУ». Саша тоже не терял времени даром —встречался с инженерами-разработчиками медицинских приборов, физиками-лазерщиками и еще с кем-то. Я набросал ему несколько формул, которые могли бы помочь в конструировании его, как он выражался, жизненной парадигмы - прибора по обновлению всей клеточной структуры человека. Пару раз Саша обсуждал со мной некоторые детали написанных мной алгоритмов, в которых я, честно говоря, не особенно был уверен.

И каково было мое удивление, когда Саша в один прекрасный день принес мне прототип своего прибора — небольшую металлическую коробку со встроенным экраном и специальным «облучателем» с оптической линзой, соединенной с коробкой множеством коротких проводов-кабелей. «А ты знаешь, —

восторженно заявил Саша. «На вид он неказистый, но свою функцию выполняет». И, подключив прототип к электропитанию, он нажал на какую-то кнопку. И действительно, облучатель начал испускать волнообразное свечение с каким-то особым голубоватым оттенком. «Я облучал этим полудохлых мышей, — заявил Саша с гордостью. «После этого они не только не подохли окончательно, но и наоборот - пытались убежать. Не знаю почему, но на кафедре это восприняли как надувательство».

«Таких приборов в любом физиотерапевтическом кабинете куча. Так что на Нобеля твой приборчик не тянет. А вот на «шнобелевскую», вполне может претендовать» -заявили некоторые из его коллег. Как известно, такая премия присуждается за самые несуразные и глупые проекты, это- антипод Нобеля, придуманный очень несерьезными господами для разрядки. Я успокоил Сашу, сказав, что на кафедре еще об этом пожалеют и что я очень восхищен его изобретательским талантом.

Конечно, этот экспериментальный прототип прибора должен был пройти большую медицинскую апробацию и тестирование, на что нужны были солидное финансирование и сотрудничество с медиками. Ни того ни другого у Саши не было. Поэтому он загрустил и решил немного «оторваться», то есть отдохнуть от трудов праведных. Красавец, обладающий богатырским сложением, он не был обижен вниманием прекрасной половины человечества. Надо отметить, что Саша не относился к числу «Дон Жуанов», но некоторые из его подруг довольно часто посещали нашу «келью». Особым успехом у него пользовалась Лариса - студентка последнего курса, девушка небольшого роста, хохотунья и «щебетунья», говорившая скороговоркой с очень милым оканьем. Навещая Сашу, она первым делом наводила порядок в нашей «келье», а потом кормила нас всякими вкусными вещами типа пирожных, каких-то особенных конфет и т.п. Сама она была маниакальной сладкоежкой - и часу не могла прожить без сладкого. Я часто говорил Ларисе, чтобы она проверила уровень сахара в крови, но это ее не особенно волновало.

В один из вечеров мы втроем, как говорится, «крепко оторвались», то есть хорошо выпили и закусили, и разошлись по своим «кельям». Был поздний вечер, и Лариса осталась в комнате Саши. Где-то ближе к утру в мою дверь настойчиво постучали. Это был до предела встревоженный Саша.

«Послушай»- сказал он мне прерывающимся голосом, «что-то Ларка «не того», дергается и храпит. Все было хорошо, пока я случайно не прикоснулся к ее голове, а она какая-то холодная. Руки и ноги начали почему-то дергаться».

Я с большой тревогой осмотрел Ларису - глаза закатились, дыхание редкое и прерывистое, руки и ноги периодически подергиваются. У меня был небольшой опыт в этом и я сразу сообразил, что у нее, скорее всего, так называемая диабетическая кома. У Ларисы сильно упал уровень сахара в крови, а поскольку глюкоза в первую очередь питает клетки мозга, они, не получая питания, вызвали шок и паралич всего организма. Нужно было срочно накормить ее чем-то сладким или влить ей глюкозу через вены.

«Где твои сладости?» - заорал я на Сашу.

«Ты знаешь, у нас ничего не осталось, вчера мы ели и пили без сладостей» - ответил он.
«Срочно вызывай «скорую» - кричал я.
Саша побежал к телефону и скоро вернулся совсем расстроенный.
«Они говорят, что все машины на выезде» - заявил он. «Смогут приехать не раньше, чем через час».
«Через час она умрет или в лучшем случае станет пожизненной идиоткой» - кричал я на совсем растерявшегося Сашу.
И вдруг меня осенило:«Включай быстро свою «бандуру» — свой прототип».
Саша без лишних слов подключил прибор к электропитанию и его маленькую комнату заполнило голубоватое свечение. Мы стали облучать Ларису. начиная с головы до самых пяток. Где-то через полчаса мы заметили, что судорожные движения рук и ног девушки прекратились, лицо начало приобретать свой обычный вид с нормальным розовым оттенком, дыхание стало более ровным и глубоким. Конечно же, нашей радости не было предела.
Еще минут через двадцать приехала «скорая помощь». К этому времени Лариса уже открыла глаза и пыталась что-то говорить. Медбратья со «скорой», быстро уяснив ситуацию, влили Ларисе через вену глюкозу и инсулин и сделали еще какие-то нужные в таких случаях процедуры. Еще через десять минут они уже увозили Ларису в больницу.
Мы с Сашей некоторое время приходили в себя, потом вздохнули с облегчением.
«Ну что, брат, я тебя поздравляю» — сказал я Саше. «Первое испытание в боевой обстановке твой прибор прошел».
«Не мой, а наш, — поправил меня Саша. «Без твоих солитонов и фотонов он бы точно не заработал».
На это я ему уже не ответил, а пошел в свою комнату, чтобы попытаться немного поспать.
После обеда нас позвала к телефону уже вполне ожившая Лариса.
«Заберите меня отсюда, пожалуйста» — щебетала она со своим милым оканьем. «Я хочу домой или еще куда-нибудь».
К вечеру, когда мы приехали в больницу, уже не было смысла оставлять ее там. Наша барышня была вполне здорова и даже чересчур разговорчива.
«Вот что, ребята?» - заявил я, когда мы вышли из больницы. «Здесь недалеко ресторан «Арагви». Поедем-ка и отметим Ларисино спасение».
Там официантом работал мой знакомый и я позвонил ему насчет свободных мест.
«Для вас всегда найдется» — сказал он, и через час мы уже сидели за уютным столиком, попивая сухое вино и закусывая цыплятами табака.
«Что это со мной случилось?» - щебетала Лариса, с большим энтузиазмом уплетая жареную цыплячью ножку.
«Меньше сладкого нужно тебе лопать» — наставительно ответил Саша, тоже с большой охотой расправляясь с жареным цыпленком.

«Ты сегодня родилась заново, — торжественно заявил я. «Благодари Бога, твоего спасителя Сашу и его чудесный прибор».
«Не мой прибор, а наш. Если бы я был один, я бы ни за что не справился».
За соседним столиком сидела довольно-таки яркая компания - полненький и лысоватый парень небольшого роста и с «блатными» замашками, сильно накрашенная девица и огромного роста грузин со свирепым взглядом профессионального вышибалы. Стол их просто ломился от всяких яств — тут были и море шампанского, и черная икра, и лососина в неограниченном количестве, и, конечно же, несколько видов кавказского шашлыка.
«Мы на их фоне выглядим, как люмпен-пролетарии, — подумал я про себя. Скорее всего, этот маленький, толстенький - профессиональный картёжный «катала» со своей крашеной «шмарой» и свирепым телохранителем-грузином. Видимо, он сегодня сорвал крупный банк и теперь празднует на всю катушку».
И, словно угадав мои мысли, маленький «катала», раскрасневшийся от шампанского, встал и подошел к нашему столику.
«Что празднуете «кореши»?»- спросил он, без обиняков разглядывая нас шустрыми глазами.
Я решил отвечать ему в том же духе:
«Пьем за здоровье нашей куколки, которая чуть сегодня «коньки» не отбросила, и все потому, что она у нас большая сластёна».
И я вкратце рассказал ему чудесную историю ее спасения. Фима, как нам представился наш новоиспеченный «братан», с интересом выслушал мой рассказ и небрежно заметил:
«Ну, разве так празднуют, братки? Такое раз в жизни бывает». Он привычным жестом подозвал официанта.
«Пару бутылок шампанского, икорки и побольше шашлыка, — дал он указание официанту. «Ты, девочка держись крепко за этих пацанов. Они клёвые ребята, тебя никогда не подведут».
Сказав это, Фима пошел за свой стол, а нам ничего не оставалось, как пожинать плоды его доброты и наедаться до отвала икоркой и шашлыками. Ну а дальше - больше. Под конец, хорошо разогретые выпитым, Фима и его «шмара» стали лихо отплясывать «Семь сорок», а грузин-великан, все с тем же свирепым выражением лица, танцевал лезгинку.
В гардеробной, когда мы, наевшиеся под завязку, уходили из закрывающегося «Арагви», Фима неожиданно подошел к Саше, взял его за пуговицу и спросил, глядя на него снизу - вверх:
«Чего ты хочешь, бык?»
«Неужто Фима под конец решил затеять разборку?» - подумал я, с тревогой оглядывая пудовые кулаки и свирепую физиономию грузина-великана. «Нам тут не поздоровится. Но почему? Все было так классно».
А Фима тем временем продолжал расспрашивать Сашу.
«Ну что тебе для полного кайфа надо? Есть у тебя какая-нибудь хрустальная мечта?»

«Я был бы счастлив получить Нобелевскую премию» - мечтательно проговорил Саша. «Ее дают за самые крутые изобретения и открытия».
«А что она дает, сколько пудов весит?» - допытывался Фима.
«Миллион долларов» -ответил Саша и засмеялся.
Я добавил для «хохмы»:
«А есть ещё «шнобелевская» премия». За самое крутое «фуфло». Дают 20 тысяч баксов».
«Вот это- уже «по-нашински2» - сказал Фима, отпуская Сашин пиджак.
Он полез во внутренний карман, вынул солидную пачку «зелененьких» и сунул её в карман оторопевшего Саши.
— Бери, братан. Это тебе «шнобелевская» от Фимы. Сделай свою чудо-машинку и вспомни как-нибудь добрым словом Фимку Зарецкого.
Мы не успели опомниться, как Фима и его «команда» вышли и, погрузившись в поджидавшую их иномарку, укатили.
«Ну и дела. Сегодня на самом деле день чудес», - подумал я.
Гардеробщик, выдавая нам куртки, одобряюще сказал Саше:
«Бери «бабло», парень. Все равно он завтра все пропьет или проиграет».
Вернувшись в свои кельи вместе с Ларисой, мы первым делом пересчитали «бабло» - Фимкин подарок. В пачке оказалось более 10 тысяч баксов.
«Этого тебе хватит, чтобы купить прибор для измерения слабых излучений и начала биомедицинских испытаний. Одно такое испытание оказалось довольно успешным» - сказал я, указывая на Ларису, сладко спавшую со счастливым выражением на лице.
«Спасибо тебе, братан» - ответил Саша, и я почувствовал, что встреча с Фимой Зарецким подействовала на него благотворно.

Профессор Виктор Кардашов әз Рәхбәр нүвүсhо – Әлдар Гуршумов әдәј вәсигәј э Чәhм нүвүсhој Чүhүрhој-доги гобул бирәрә вәкүдә.

Курашин Игорь – член Союза писателей Израиля, член Союза художников горских евреев. Родился 13 мая 1975 в Махачкале. Служил в пограничных войсках Северной Осетии. Окончил Зеленоградский МДИ. По образованию – юрист. В 2000 году репатриировался в Израиль, живет в городе Хулоне.
Занимается боевыми искусствами. Творчеством увлекается с юности. Поэтические произведения Курашина Игоря можно прочесть на интернет порталах: Стихи.ру; Проза.ру. Игорь – мастер поэтического слова, его стихи и поэмы, такие как «Великие поклонники», «Один обычный день», «Заблудшие», «Путь воина» и др. имеют много отзывов. Поэтический сборник находится в печати.

Путь

Я жизнь себе продлил, как мог.
Я рвал рубаху на корню,
И плакал, как ребенок мог,
Рыдать, испугавшись темноту.
Мне каждый день, как каждый час,
Давался томно, с мерзлотой,
Как будто вечный мой огонь угас
Протекший талою водой.
Лебезят вокруг мои враги,
И ждут тот вверенный мой час,
Когда могу сказать им
Жрите! На, возьмите кости, даже глаз!
Возьмите тело бренное мое,
И разорвите в клочья в раз.
Напейтесь кровью, дьявольской слюной,
И успокойтесь в тот же час.
Но дать вам съесть мой дух святой,
Который жив еще внутри.
Который говорит со мной:
Сынок ты мой. Терпи еще, живи!
Не так страшна та смерть с косой,
Что забирает во мрак.
В душе ты нежность сбереги,
Не будь ж себе ты враг.
Забудь про зло, обид и жуть,
Не будь подобие им.
Они и так найдут свой путь,
Прости ты им грехи.
Свои же тяжкие грехи.

Ты отпусти на дно.
Тогда пройдешь свой верный путь,
Как воину дано!

Четверостишие

Четверостишие, как писать, как удается им!?
В четыре строчки выставлять,
Весь смысл глубинны.
Зачем тирады, много слов
Пустая трата, зря,
Одна цитата из двух слов,
Меняет жизнь, тебя.
С одним лишь словом можно жить,
И покорять моря.
С одним лишь взглядом усмирять,
Взбесившего коня.
Зачем же много угождать,
И ублажать зевак.
Не проще просто помолчать.
И думать только так!

Мой старый двор

Когда не вечен, старый двор,
Прокуренный до слез.
До сажи, черноты волос
Надежный там порог.
Голубоглазая вдова,
С желанием помочь,
Найти мне мирный уголок,
И пролежать с ней ночь.
Старик с ладонью как наждак,
Он протирает стол.
Поставив чертовый шмурдяк,
Напьюсь, и будет толк.
На картах крап, и парень тот,
играет словно Бог,
Но знаю шанс ему уйти,
С пером лишь только в бок.
Менты с вороньим взором, черт.
И ждут они подвох.

Я не забуду тот отдел,
Где был избит я в кровь.
Мои друзья в тюрьме сидят,
назначенный вердикт...
И круглый год посылки шлем
Хотя у них лимит.
И клубы дыма, я с утра косяк курю.
Сегодня мне семнадцать лет,
И я еще живу!

Трудно быть богом

Ах, мне бы голос, как свет благой
Я бы небо перевернул!
Достучаться до райских ворот,
Где уж разум теряет свой ум!
Положился бы на Бога и Дух!
Как на ставку, на большую игру.
Я бы смело рискнул на миг,
Я б поставил бы все на кону!
Что ж рискнуть, не смотря на страх,
Превозмогая жуткую боль.
Я бы солнце руками бы взял,
Я бы обнял как шар земной.
И ветром пронесся насквозь,
Сжигая чужие сердца.
И прошепчет мне путник босой:
Ты меня обогрей!
Нет, испепелю я тебя наглеца!
И вырву с недра земли.
То живое – магма, нектар.
Размешаю с песком и золой,
Разотру их руками до ран,
Кровью смою я пепел и смог,
И молитвой я бы душу святую вложил.
Но оставил бы горстку песка,
Вместо памяти, где он ожил.
Положил бы глазами наверх,
Чтобы сердцем, он Бога узрел.
В тот же миг, я б покорно сгорел,
Положившись на Божий Удел!!!

Один обычный день

Не нужный холод.
Не нужная портянка.
Российский дворик,
Черна как коммуналка.
Моя девица, клюнула на столик.
Не буду пить, от водки только колик.
Сосед нажрался. Знает мужик меру.
Еще стоит и говорит с манерой.
На встрече собутыльников в полоску,
У каждого из них задача, напиться в доску.
Стаканы бьются, одно лишь развлечение,
Кричать и драться, для них лишь умиление.
Своею жизнью обязаны страной.
Живут и ждут – старушенцию с косой.
Пусты глаза, животное стремление,
Рвануть рубаху, иль скинуть черный плетень.
Взмахнуть рукой, найти окурок в полутемном свете.
От дыма, опьянев, закрыв глаза
И сморщив от ожога, под треснутой губой,
Сжимать обиду, черной копоти от смога.
Найти собаку, на серо-мерзком полустанке,
И в дать в бока, от визга пса и получить экстаз
На привокзальной схватке.
Пойти во двор, присесть на отсыревшую скамейку.
И зарыдать душой, уставившись, с тупой улыбкой,
На чью-то женскую планшетку.
Сидеть, и отвернуться от всей мути
Пригреть промозглого котенка,
Мурлыча, что-то о своей кошачьей сути.
Эх! Пойду сыграю я, лучше на Макаронку.
Поймаю я там фраера и дам ему вдогонку.
И получу свое, что обещали его братья
Четыре выстрела в упор – сейчас лежу я на асфальте.
Мое дыхание проживает три секунды.
Прощайте Мама, Папа!
Ну, что Вы смотрите, врата откройте!

Заблудшие

Заблудшие поклонники,

Ничтожные знамена.
Отъявленные разбойники,
Предсказывают знамения.
В устах молитвы радости,
Надежда на спасение.
Играют в Бога с завистью,
Хватают души с рвением.
Бегут по райской лестнице,
мечтая о блаженстве.
С зеркальным отражением,
Глаза горят в невежестве.
Летит, увидев жертву,
Стервятник рвет добычу.
Душа в когтях у дьявола,
Сменившее обличье.
Когда не слышишь сердцем
Сознание утрачено
Ты ищешь во спасение
Лукавым словом: славь меня,
Тогда поймешь, что небо
Ты видишь только в клетку,
Как узник в темной камере
Вцепившийся в решетку.
Не воздуха, не запаха,
Лишь только дым дурмана,
Сжимая волю, душит
петлею из обмана.
Над этой мрачной бездны,
Вокруг кишащих тварей,
Лишь только искру веры
припрячь себе в кармане.
Пригрей ее молитвами,
Добавьте ветошь знания,
И ветками свободы ты разожги желание:
Желание быть свободным
Желание быть счастливым
Желание ошибаться, самим
Желание быть любимым
Желанием любить
Желанием страдать
Мечтать, писать, кричать
От радости кричать!!!
Не сладка похвала, от мнимого святого,
Нет слаще горькой правды, от отца родного

Кукулиева Инна (Алхазова) поэт, писатель – публицист. Член Российского Союза Писателей. Член Союза Писателей Государства Израиль. Номинант национальных литературных премий «Поэт года 2015», «Писатель года 2015». Номинирована на национальную литературную премию «Поэт года 2016» и национальную литературную премию «Наследие».

Широко известна читателям под псевдонимам Энжела Полянски, по таким произведениям как: «Вальпургиева ночь или моя НЕ Божественная комедия», «Дождливое настроение», и, конечно же, по стихотворению «О, ты божественна прекрасна». Равно как и по историческим рассказам: «Магда. Насмешка судьбы», «Русская княжна французского престола», «Не судите, да не судимы, будите», стоит отметить, последний, вошел в альманах «Писатель года 2015». На ее произведения написаны замечательные песни, уже так полюбившейся многочисленным слушателям.

Инна, родилась (1975 г.) в городе Грозном Чечено – Ингушской АССР, в семье инженера Алхазова Леонида Исаевича достойного, и довольно уважаемого человека, известного в городе, своими золотыми руками. Мать Инны Рива Лазаревна в свое время работала воспитателем в детском саду. Именно родители привили маленькой Инне бесконечную любовь к прекрасному: музыке, живописи, литературе. С самого детства Инна впитывала в себя произведения Пушкина, Гейне, Шиллера. Вместе с Гомером, она путешествовала по страницам эпических поэм «Илиады» и «Одиссеи», древнейшим литературным памятникам европейской культуры. Пробиралась по дебрям «Божественной комедии» Данте Алигьери, оставивших неизгладимое впечатление в юном уме и сердце девочки. Великие поэты – мудрецы и стали ее лучшими не только друзьями, но и учителями, собственно у них Инна и по сей день учится Слову.

В апреле 1991 года Инна с семьей репатриировалась в Израиль, ее жизнь протекала тихо и незаметно, а в 2013 году по настоятельной просьбе младшей сестры – поэтессы, Инна опубликовала одно из своих произведений на просторах интернета, которое нашло отклик у читателей. С этого, и начался ее творческий путь. Важно отметить, что семья Инны, в особенности ее супруг – Исак и сын Азарий, оказывают немаловажную поддержку любимой жене и матери. Произведения Энжелы Полянски можно прочесть на интернет порталах: Стихи.ру; Изба – Читальня; Проза.ру ; Дом Солнца; Дом стихов; МиРСтихоff; Жемчужины мысли ; Парнас . Произведения Энжелы Полянски опубликованы в альманахах «Поэт года 2015» том 15, и «Писатель года 2015» том 20, издательством ООО Литклуб. 127006. Москва, ул Малая Дмитровка д 29 стр 1.

Задумчиво смотрит пастушка

Задумчиво смотрит пастушка
В багровую даль поднебесья,
Где ельник разлился рекою
Как старая, добрая песня.

Вереницей стадо простерлось,
Бубенцы звенят в тишине
Все печальней и однозвучней,
Словно сердце живое оне

В сонных сумерках меркнет деревня,
Смолкла в роще трель соловья,
И туман с росою садятся
На горящие златом поля.

За высокой травой притаился
Журчащий в безмолвии ключ,
В серебристой воде отражая
Прощальный солнечный луч.

Всее слились меж землею и небом
В безмятежности волшебного вечера
И печальный звон бубенцов,
И природа, и хрупкая женщина.

И снова вихрем вьюга

И снова вихрем вьюга замела следы,
Над снежною пустыней вьется белый дым,
И поет молебны словно бы в рожок;
С сизых туч на землю опустился рок.

Кружит, кружит вьюга над скованной рекой
Стелет лед хрустальный мерзлою слезой,
Рассыпает снежные забытые мечты;
Где – то в поднебесье дремлют две звезды.

И во тьме дремучей веселиться смерть
Опрокинув небо на земную твердь,
И в полях беснуясь ищет всё следы,

И трубит задорно в трубы Сатаны.

Разгулялась вьюга, а за нею смерть
Мчится да не может костлявая поспеть.
А где – то в поднебесье дремлют две звезды,
Не ворваться смерти в голубые сны.

В царстве сна, в покое вечном

В царстве сна, в покое вечном
Среди мертвой тишины,
Голос слышен благозвучный
Из кромешной темноты.
Голос старого поэта,
Одинокого певца,
Мог проникнуть бы вглубь сердца
Гордеца и мудреца.

Но как летом не доходит
Солнца теплый, яркий свет
До гробов уже истлевших
В реке долгих мрачных лет,
Так и пение пиита
Не тревожит слух рабов,
Жизни светлой ропот легкий,
И восторги, и любовь.

Разве пение не для счастья,
Ни для горести и слез?
Разве душеньку не тешут
Струны сладких, нежных грез?
О, в груди ль не затрепещет
Всеотзывчивый цветок,
На лету ловя поэта
Драгоценный вольный слог?

Так зачем поешь ты старче
Среди тех, кто слеп и глух,
Кто во тьме лишь различает
Неминуемой смерти дух?
Разве можно ждать триумфа
В царстве вечной тишины,
Где пока еще живые
Жажды жизни лишены.

До гробов уже истлевших
В реке долгих мрачных лет,
Так и пение пиита
Не тревожит слух рабов,
Жизни светлой ропот легкий,
И восторги, и любовь.

Разве пение не для счастья,
Ни для горести и слез?
Разве душеньку не тешут
Струны сладких, нежных грез?
О, в груди ль не затрепещет
Всеотзывчивый цветок,
На лету ловя поэта
Драгоценный вольный слог?

Так зачем поешь ты старче
Среди тех, кто слеп и глух,
Кто во тьме лишь различает
Неминуемой смерти дух?
Разве можно ждать триумфа
В царстве вечной тишины,
Где пока еще живые
Жажды жизни лишены.

По+лет Валькирий

Богровым рубином безмолвно луна
Сияет над грешной в лохмотьях - землей,
Грудь Ее полая телами покрыта,
Оружие воинов кровью омыто.

Слава Героям
В миру и на небе!
Зевса сыны уснули навеки....

Но с эфирной долины стремглав словно тени
Валькирии мчатся, и враг уж в смятении.
Оглушающим свистом шумят их одежды
Недругам смерть, не оставит надежды!

Прозрачные крылья режут воздух как меч
Страшитесь! Страшитесь!
Головы не сберечь!

,,,
Неистово девы Валгаллу летят,
Сотрясаясь чертоги словно улей гудят.
Звуки трубы возвещают победу,
Светочи тлеют, подобно рассвету.

Валгаллу подруги! Валгаллу! Вперед!
Мечи и щиты холодны будто лед.
Валгаллу подруги! Там пир неземной
И Боги с рабами пьют мед золотой.

Когда жизнь кончится земная

Когда жизнь кончится земная
Нас ожидает мир иной,
Где все исполнятся желанья,
Где мы найдем душе покой.
Но здесь пока в нас сердце бьется
Мы безысходности полны
К трудам, заботам и страданьям,

И искушеньям Сатаны.
Однако тем, кто духам чист
Уж на земле дано блаженство,
И тем не менее человек
Увы, не знает совершенства.
Живем мы в праздной суете,
Враги и камни преткновения,
Скупая немощь и соблазн,
Ввергают в грех нас без сомненья.

К несчастью добродетель здесь
Хромает словно бы калека,
Зато пороки и изъян
В бессмертной славе век за веком.
Все люди смертны на земле
Что горемычный, что богатый...
Ни чужды слезы нам порой
И слабости судьбы горбатой.
Здесь ищем мы, но там найдем
Умиротворенности блаженство,
И только там нам в торжестве
Господь предстанет в совершенстве.
Там до скончания всея
Хвалу воздвигнем в песнопеньях,
Во славу нашего Отца,
Во славу чудного спасенья.

И этот день откроет вдруг
Что тайно на земле,
Что скрыто пологом от глаз
В неведомой нам мгле.
И преклоняясь перед сим
Постигнем мы всю суть,
Того что создано Творцом,

Весь пройденный Им путь.
К престолу Господа припав
Воскликнем: «Боже Свят!
Благослови о, Отче Наш
С головы до пят!»
И Он сияньем осветит,
Нежной теплотой,
А Серафимы за персты
Нас уведут с собой.
О, там, в Раю средь чистоты
Мы будем равны им,
Простится нам земная скорбь
И тяжкие грехи.
Мы станем целое с благим,
Мы станем часть небес,
Мы будем звезды и луна,
Частицею чудес!
Тем паче встретим мы восторг
Когда уведем вновь,
Того кто веру подарил
Нам в первую любовь.
Еще бы встретить и того
Кому спасли мы жизнь,
Кого коварно не предали
Забвению и лжи.
И вот тогда мгновенья жизни
Растают как туман,
Как сон худой в грозу ночную
Или трава – дурман.
Или видение во тьме
В кошмарной тишине,
Что неприкаянно бредет
Безмолвно по земле.

ЛЕСОВОЙ ВАЛЕРИЙ (СИМХАЕВ) (21.05.1944) – член Союза писателей горских-евреев в Израиле. Мастер спорта СССР. Поэт, музыкант и вокалист по призванию, математик по профессии. Родился в городе Баку поселок Сабунчи. Работал на машиностроительном заводе Ю.Касимова с семнадцати лет. После службы в армии поступил в Азербайджанский университет им. С.М.Кирова на физико-математический факультет. Жил с семьей в г. Тернополь (Украина), в Тува г. Чадан (Сибирь) и в Белоруссии. Преподавал математику и музыку. В 1991 году репатриировался с семьей в Израиль. Поэзией увлекается с юности. Печатался в Бакинских газетах – «Бакинский рабочий», «Молодежь Азербайджана»; в журнале «Улуг Хэм» (Сибирь); в альманахах Израиля «Талисман Пустыни» (Беер Шева), «Начало» (Ашдот), и в других изданиях.

1

Гимн Вознесшихся (Алим)

Я родился в Баку а сегодня Ашдод
Между ними Века Моей Жизни
От родных Сабунчей до Голанскихи высот
Вся планета Земля-мне Отчизна!
С каждым днем все Светлей и Прекрасней Мой Путь
С каждым Часом ясней Пребывания Суть
В Этом дивном краю под названием Рай
Здесь где в Душах людей Счастье бьет через край
Мы родились в Баку а сейчас Нетивот
Между ними Века Нашей Жизни
От родных Гюняшлей до Голанских высот
Вся планета Земля Нам Отчизна!
Если завтра уйду из физических сфер
Сила Тонких Миров притяженья
Увлечет за собой-я оставлю в Душе
Человеческих глаз Изумленье...
Мы родились не здесь а сегодня Сдерот
Между ними Века нашей Жизни
От родных добрых мест до Голанских высот
Вся планета Земля Нам Отчизна(2 раза)

2

Так старатели моют песок уповая найти золотинку...
Безнадежность рисует картинку до подробностей..Ломит висок
И сомнения царствует вновь - ведь Сознанье не Это хотело...
Скольких Мы пропускаем сквозь тело чтоб Душа отыскала Любовь!!!
Так старатели моют песок уповая найти золотинку...

3
Я столько Счастия стяжал –
Любил и был Любим -
Что всех невольно обижал
Отсутствием своим...

4

Я смотрю на Себя и знакомлюсь с чужим человеком
Кто-то Взрослый Седой и как будто Уставший слегка
Кто Ты - странник пришедший конечно из прошлого Века?
Вот моя не остывшая в сумерках Жизни рука...
Я смотрю на себя и знакомлюсь с чужим человекрм...

5

Бакинский блюз

Мы забыли сьесть арбуз
Видно что-то слаще было
То что сняло с сердца груз
От которого щемило...

Мы забыли сьесть арбуз
И не вспомнили про это
Так обменивалось Лето
На Сентябрьскую грусть

Мы забыли сьесть арбуз
Неужели это значит
Сабунчинская Удача
Дарит нам Бакинский блюз

Мы забыли сьесть арбуз
Он другим доставит радость

Нам же сладкую усталость
И стихи - подарок Муз...
Мы забыли сьесть арбуз...

Я когда-нибудь в Землю вернусь

Я уеду когда-нибудь к Морю
И аернусь в свое Тихое Детство
В Балаханские душные зори
Где скрипит Белодворская дверца...

Я уеду когда-нибудь в Горы
И вернусь в Мою чистую Юность
В уносящие ввысь разговоры
Где Надежд и Тревог Обоюдность...

Я уеду когда-нибудь к Лесу
И вернусь в свою Мудрую Зрелость
Где грибы сквозь дождинок завесу
И листвы и волос Облетелость...

Как слеза оброненная кем-то
Но для Солнца ничтожен сей груз
Над усталым паря континентом
Я когда-нибудь в Землю вернусь.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Уходит солнце, унося с собою
Тепло и свет подаренного дня,
И то, что он пронизан, был тобою
Небесным счастьем стало для меня.
Подносит губы алые светило
К усталой глади стынущей груди
Морской стихии... Где-то это было...
А может есть? Иль, может, впереди...

Казалось, всё идёт ко сну и мраку,

Но поцелуй настолько был глубок...
Из-под воды взорвался алым маком,
Пожар ударил в неба потолок.
И облака, застенчиво зардевшись,
В начале самом ..., а потом, забыв
Про стыд (пред кем, за что?), вдруг разогревшись,
Возникшим ветром, чующим призыв.

Слиянья трёх стихий: воды и ветра
И отблесков далёкого огня
Златыми куполами, полных света,
Летели с моря, глядя на меня.
Протуберанцы, радуги и смерчи
Смешались в танце пламенном и вдруг,
Исчезло из сознания о смерти
Всё, что известно..., захватило дух...

Неужто жизнь и вправду бесконечна?
Конечно же! Ну, как я мог забыть?!
Энергия живая быстротечно
Меняет формы. Только надо быть...
Внимательней и ты постигнешь тайну
Бессмертия и радости такой,
Что греет твою нашу беспрестанно...
Лишь ты счастливчик и никто другой.

И заново рождался добрый праздник –
Бульвар Бакинский, пушки и салют...
Страх красоты и красота боязни
Пригоршнями доселе счастье пьют.
Стихала страсть, переплавляясь в нежность.
Накрыла ночь, прохладна и тиха.
Наш городок... Любви моей безбрежность
Перелилась в энергию стиха.

МИХАЙЛОВ ЭМИЛЬ– **(19.01.1955)** член Союза писателей горских-евреев в Израиле. Родился в городе Дербент, республика Дагестан. Стихи начал писать в школьные годы. Издавался в местной периодической печати. Репатриировался в Израиль (город Натания) в 1979 с семьей. Окончил институт искусств имени «Шлома Дрор». Работает на пластиковом заводе «Эльго» в отделе технического контроля. Публикуется в израильской русскоязычной газете «Новости недели», «Успех», в альманахе «Мирвори». Свои произведения пишет на языке горских евреев, на русском и на языке иврит. Готовится к изданию книга стихов.

Ожидание

Багряно небо над морем.
Пливут, не спеша облака.
Лебединая стая клином
Возвращается издалека.

А на мысе, у самого края,
В легком платьице голубом.
Красавица молодая
Машет радостно птицам платком.

И птицы над ней пролетая,
Крыльями машут в ответ.
Будто из дальнего края
Несут ей от друга привет.

А женщина тихо смеется.
И хочется верить ей,
Что скоро любимый вернется.
Как этот косяк лебедей.

***

Мы бежим за золотой монетой
Где бы выиграть, и как не опоздать.
Деньги! Всё мы мерим меркой этой,
И манеры нам свои не обуздать.

А жизнь уходит быстро, в бездну
Ей дела никакого до нас нет.
Уйдем и мы и потому же следу.
Увы, но только без монет.
***
Заученными фразами
Норовит говорить мой друг.
Да, в книгах все указано
Ясно ему всё вокруг.

Суть человеческой сущности
В научных видит он трудах.
А свод философских мудростей
Так постоянны в его устах.

---- Древних знать философов
Наверно очень важно.
Но множество есть вопросов,
Что на них ответить сложно.

Ведь с книгой не пройдешь по жизни.
У жизни свои трактаты.
И когда на душе тошно
Вряд ли помогут ученых

МАТЬ

1
Мерцают свечи на столе
В субботний вечер. Пред ними мать.
И молится о мире на земле,
Чтоб жизнь могла светлее стать.
2
Луна плывёт уж в вышине
В вечернем небе одиноко.
Молитва женщины в тиши
звучит, как будто зов к пророку.
3
В тревожном сумраке ночном
Слова её летят высоко.
На что надеется она?
Что глас ее дойдет до Б-га.
4
Искрятся добрые глаза,
А в глубине их боль таится.

И вот нежданная слеза
На нежную ладонь ложиться.
5
Проходит незаметно ночь,
И свечка в доме догорает.
Но всё ещё не спит она,
Слова молитвы повторяет.
6
На утро, не сомкнув глаза,
Мать над детьми уже склонилась,
И на лице её краса
Опять, как солнце, заискрилась.

ВЕТЕР В СТЕПИ
(стихотворение в прозе)

В необъятной степи, распростёртой меж каменных гор, словно дикий зверь, мечется и воет ветер.
Его прерывистый вой эхом раздается в скалах.
Вихрем кружась, он бьется о каменные выступы, стремясь преодолеть преграду. Но скалы
неприступны.

Ударяясь о них, ветер с неистовым ревом откатывается назад и, кружась по степи, вновь
прилагает невероятные усилия, чтобы вырваться на волю, Но тщетны все его попытки. Ветер в отчаянье бросается на деревья, с корнем вырывая их из земли.

А с неба за обезумеем ветра следят нависшие над степью тяжелые тучи. Изо всех сил они ударяют стрелами молний, а затем бросают на землю крупные капли дождя.

Ветер, будто ища укрытия, снова начинает метаться по степи, но, постепенно сдается, успокаивается и припадает к земле, признавая свою покорность.

Успокоив разбушевавшийся ветер, исчезают и тучи. Уходя,
они уступают место солнцу, и вся степь озаряется ласковым светом.

Сочные травы, мокрые от дождя, сбрасывают с себя серебристый покров и, освободившись от страха и уныния, льнут к влажным степным цветкам, чтобы вместе насладиться теплом небесного светила.

А вот и птицы! Они притаились во время дождя, а теперь вылетают из своих укрытий и игриво порхают над степью.

МИРЗОЕВ ГАСАН (ГОД) БОРИСОВИЧ (11.12.1947) – член Союза писателей России и Израиля, доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист России, член Совета при президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, президент Гильдии российских адвокатов, ректор, академик и председатель Ученого совета Российской академии адвокатуры и нотариата (РААН), председатель президиума коллегии адвокатов "Московский юридический центр", член Экспертного Совета МВД РФ по законотворческой работе. Автор более трехсот научных статей, публикаций, ряда литературных произведений (в том числе 20 монографий). Имеет ряд государственных, ведомственных и общественных наград. Член правления Национальной Ассоциации офицеров Вооруженных Сил РФ: "МЕГАПИР", первый вице-президент Ассоциации правоохранительных органов и спецслужб, полковник юстиции, генерал-майор милиции.

МОЙ ЗАВЕТ

Роман Г.Б.Мирзоева "Мой завет" – органичное продолжение многоплановой художественно-публицистической книги автора "Презумпция справедливости". В ней отражено переплетение личного и общественного, единение веры и гражданского долга. В живописных картинах рассказано о неповторимом аромате ушедшей эпохи, глубокой древности и трагических изломах современности, а автор предстает перед нами в образе мудреца, размышляющего о справедливости, вечном противоборстве добра и зла. Каждая страница его новой книги – его Завета, озарена немеркнущим светом любви к Богу и к людям, особенно к своему народу. Эта книга для автора – повествование, своего рода нравственный кодекс, свод высоких духовных правил, завещанных им своим детям и близким, друзьям и всем людям именно потому, что он сам никогда не оставался равнодушным к любым проблемам, стоящим перед человечеством. Автор на опыте собственной жизни раскрывает смысл пребывания человеческой души в материальном теле, ее самосовершенствования на пути к Богу. Книга дается в сокращении...

ВСТУПЛЕНИЕ
ПЕРЕВАЛ

«Одомирə əз гофсохдеjу мидану». (По разговору узнается человек)
«Воистгə турə одомирə хундə, суфтə хуштəрə хун».
(Хочешь людей учить, сначала выучи себя).

Нет, не в преддверии юбилейной даты возникла идея написания этой книги. Не ради желания прослыть мудрецом и богозаступником. Не ради того, чтобы снискать себе, глубоко верующему человеку, высшего святого благоволения

Шел я путем сложным, трудным, но прямым. Не сворачивал. Рос, любил своих родителей, братьев и сестер, учился, овладевал профессией, вел за собой людей, женился, воспитывал детей, обеспечивал семью, строил нужные людям здания защиты от несправедливости, стремился не кануть в бытие, не стать неведомой безгласной песчинкой в океане человеческих душ. И был, и есть со мною Всевышний. Была и остается со мною вера. Это вера моих предков, духовный опыт моего горского народа, исповедующего иудаизм.

Жизнь шла своим чередом. Я строил эту жизнь, и Всевышний помогал мне. А я все это время осваивал Его премудрость, Его всеобъемлющую истину, делал свои выводы, претворял в жизнь Его правила и повеления. Что из этого получилось? Получился тот внутренний духовный стержень, на который нанизаны все мои достижения, все лучшие события моей жизни, все мое духовное богатство. Хотелось бы мне поделиться этим духовным опытом? Хотелось бы мне, чтобы мои дети, мои внуки, правнуки повторили мой путь, почерпнули из веры наших предков все то, что поможет им правильно прожить свою жизнь? На этот вопрос ответ можно дать лишь один – для достижения этой цели и написана книга, лежащая перед вами.

Ведь не только хлебом единым жив человек. И, прежде всего не хлебом, а духом. И вот я подумал: если мне мой духовный опыт помог стать тем, кто я есть, дал мне возможность и силу вести за собой не одну тысячу людей, давать им надежду и защищать их, то может быть, опыт моей души, моя личная вера помогут еще кому-то самозабвенно служить Богу, семье, отечеству.

Когда-нибудь наступит это время, о котором Господь сказал:

"И дарующий жизнь да оживит и удостоит в тот день, когда уже не будет надобности в том, чтобы друг друга поучать, ибо все тогда познают Меня, ибо наполнится Земля знанием Бога. Аминь".

"Да будет воля Твоя". Это время я даже вычислил. К сожалению, сейчас начался новый этап противостояния цивилизаций. Начался он чудовищным терактом в Манхэттене, когда самолеты - камикадзе врезались в здания Всемирного Торгового центра. Грядет и пик противостояния, его предсказал еще Нострадамус. А потом будет и то время, о котором говорилось выше, время, когда все будут понимать друг другу и Господа.

Наши потомки доживут до этих благословенных дней. Для многих из нас, живущих свято, эти времена уже наступают. И я хочу, чтобы любой, кто возьмет мою книгу, понял, что это не просто воспоминания или частное послание детям, а освященное Богом издание. Когда берешь писание, понимаешь, что это священная книга.

Пусть и эта книга согреет душу читающего.

Меня зовут Гасан Борисович Мирзоев. И я дошел до перевала. И этот перевал еще труднее, чем тот, помните, у Давида Самойлова:

Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал.
Я любил, размышлял, воевал.
Кое-где побывал, кое-что повидал,

Иногда и счастливым бывал.

Гнев меня обошел, миновала стрела,
А от пули – два малых следа.
И беда отлетела, как капля с крыла.
Как вода, расступалась беда.

Взял один перевал, одолею второй,
Хоть тяжел мой заплечный мешок.
Что же там – под горой?
От высот побелел мой висок.

Сорок лет. Где-то будет последний привал?
Где прервется моя колея?
Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал.
И не допита чаша сия.

До нынешнего перевала я шел на двадцать лет дольше тогдашнего сорокалетнего Давида Самойлова. Теперь мне шестьдесят. Отсюда многое видно, потому что это одна из вершин. А когда ты находишься на вершине горы – о, далекие, милые сердцу предгорья Кавказа! – тебе не только видней, что осталось позади, тебе видно не только то, что открылось впереди, еще ты в данный момент ближе к Нему. Ты можешь разговаривать с Ним, перепроверяя свое понимание жизни, мироздания и миропорядка, и у тебя есть шанс расслышать ответы.

Каждое утро, просыпаясь, вот уже долгие годы я произношу утренние благословения и благодарность Творцу:

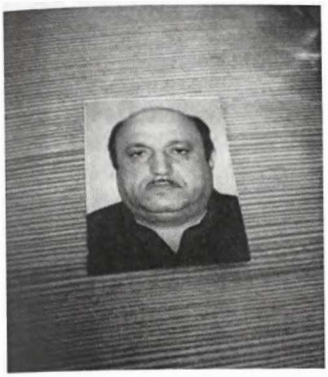
"Царь живой и вечно сущий! Благодарю Тебя за то, что по милости Своей Ты возвратил мне душу мою. Велика верность Твоя..."

Я встаю и смотрю в окно, радуясь тому, что могу видеть этот мир: весенние ли кружева на березах, белые ли сугробы. Никто не заходит ко мне в комнату, все знают – время молитвы.

"Бог мой! Душа, которую Ты даровал мне, чиста! Ты сотворил ее. Ты сформировал ее, Ты вдохнул ее в меня и Ты сохраняешь ее во мне, и Ты в будущем заберешь ее у меня, а затем вернешь ее в мире Вечном, в мире Грядущем.

Все время, пока душа в теле моем, благодарю я Тебя, Господь, Бог мой, и Бог отцов моих. Владыка всех творений, Властелин всех душ, Благословен Ты, Господь, возвращающий души в тела умерших".

Продолжение следует...

Я, Нафталиев Мардахай Нафталиевич, родился 25 апреля 1947 г. в пос. Красная слобода Кубинского района Азербайджанской ССР, проживаю по адресу: Израиль, г. Акко, ул Кфар Иври, 6.

В 1965 г. окончил среднюю школу с золотой медалью, в этом же году поступил в Азербайджанский Государственный университет имени С.М. Кирова. Окончил университет в 1970 г.

В 1970-1972 годах служил в Советской армии в звании лейтенанта.

В 1972-1989 годах работал учителем, зам. директором и директором в школах Красной слободы. Член Союза писателей Израиля.

В 1980-1990 г. работал представителем Исполнителем Власти Кубинского района в Красной слободе.

Разведён. Имею три сына и дочь.

Отец Нафталиев Нафтали Мардахаевич и мать Нафталиева Зоов Биняминовна уроженцы Красной слободы, умерли соответственно в 1989 и 2006 годах в Израиле.

ОТ-СОСТАВИТЕЛЯ

В последние годы возрос интерес к евреям Кавказа, их истории, быту и языку. Изданы многие книги, в том числе и словари. В этих работах евреи Кавказа и их язык именуются по разному: «горские евреи», «кавказские евреи», «джууро», «таты» и соответственно: «горско-еврейский язык», «язык джуури», «татский язык». Евреи Восточного Кавказа наименование (определение) «горские» получили в XIX веке, как и все другие кавказские народности. В этот период в русских официальных документах, как все кавказские народы назывались горскими народами, поэтому и евреи назывались «горскими», а их язык горско-еврейским.

С конца XIX века в русской литературе закрепилась этноним «тат» применяемый к трём различным, но родственным в языковом отношении этническим группам: горским евреям, ираноязычным мусульманам и небольшой группе татоязычных христиан армяно-григорианского вероисповедания. Ни один из этих народов не пользовался и не пользуется словом «тат» в качестве самоназвния.

В 30-е годы прошлого столетия идея о татском происхождении горских евреев получила широкое распространение при поддержке Советской Власти и при участии в этой политике некоторых представителей горских евреев.

Между татами и горскими евреями, однако, существуют значительные антропологические, лингвистические, культурные и пр. различия.

Антрополог К. М. Курдов, исследователи языка М. Я. Агарунов, Е. М. Назарова и другие авторы в своих работах подтверждают что, таты и горские евреи разные этносы, а татский язык и язык джуури - это два разных и

самостоятельных языка. Уверен что, это рано или поздно найдёт поддержку и среди тех, кто и ныне указывают на идентичность татов и кавказских евреев. В названии словаря использован термин «джуури». Так евреи Кавказа называют свой язык.

Носители языка джуури говорят в основном на трёх диалектах: южном (губинском - *qybəji)*, среднем (дербентском - *dərbəndi*) и северном (кайтакском - *qəjtoqi*). Ширванский и варташенские говоры не изучены.

Настоящий словарь составлен на языковом материале губинского диалекта языка джуури и является переводным и толковым, т. е. совмещает в себе два подхода в описании лексических единиц языка. С одной стороны, словарь переводит слова с джуури на русский язык, является переводным двуязычным, а, с другой стороны, дает в большей части слов обширные толкования слов языка джуури, т. е. является и толковым словарём. При переводе слова с джуури в Словаре дается сначала его краткий перевод на русский язык, т. е. эквивалент данного слова на русский язык, а затем дается лексические пояснения. Это продиктовано стремлением предоставить читателям возможно более точное понимание значение слова или значений, в случае его многозначности, в какой то определенной мере автор ставил перед собой задачу восполнить пробель, имеющиеся в ранее изданных словарях, ограничивающихся в основном только переводом слов без последующего разъяснения их значений.

В языке джуури некоторые слова занимает две или больше синтаксических позиций в предложении Например, 1.слово *xub* занимает две позиции: при существительном (*xubə kitob* хорошая книга) и при глаголе (*xub xundə* хорошо учиться; хорошо петь; хорошо читать). В первом сочетании это слово имеет все признаки прилагательного, а в другом признаки наречия; 2.слово myrdə занимает еще больше – три позиции: как прилагательное (*myrdə odomi* мертвый человек), как глагол (*ə nəkumi myrdə* умереть внезапно) и как существительное (покойник, мертвец). В данном словаре такие слова даются как одна лексическая единица (лексема); т. е. один раз, но подразделяются при описании значений на разные части речи. Это позволяет более точно раскрыть морфологическую и семантическую природу слова в языке джуури, показать его сложность как языковой единицы.

Значение «делать, сделать» в дербентском и кайтакском диалектах выражаются как «*soxtə*», в ширванском говоре как «*kərdə*». В губинском диалекте используются оба варианта. В Словаре использован вариант «*soxtə*» как основной. Слово «*kərdə*» приводится в отдельной словарной статье с отсылкой к слову «*soxtə*»: kərdə то же, что soxtə.

Несколько слов о графике словаря. В Словаря нами используется азербайджанская латиница, которая позволяет, как мне представляется, более адекватно отобразить звуковую природу языка, его фонетику. Звук «ж» основательно вошел в язык джуури. Но поскольку в используемом нами алфавите эта буква и соответственный ему звук [ж]не обозначены , для восполнения недостатка применена буква «ç». В данное время горские евреи,

проживающие в разных странах, применяют разные системы письма: латиницу, русскую кириллицу, азербайджанскую кириллицу. Думаю, назрела необходимость исследователям языка джуури собираться и прийти к единому мнению, составить единый алфавит на одной графической основе и придать ему официальный характер.

С 199 г. явел непреривную работу над словарем. Прочитал много книг, исследовательские работы о языке джуури. (перечень использованной мною литературы указан в разделе «Лексикографические источники»). Но неоценичую помощь оказал мне основной источник лексической информации – люди, носители этого языка, жители Красной слободы. Благодарю всех, кто содействовал мне в работе по составлению этого словаря.

Перед вами моя первая работа по родному языку. Не исключено, что в ней окажутся какие-то пробелы, недостатки, недоработки. Прошу всех, кто не безразличен к функционированию и развитию языка джуури, указать мне на них, написав по электронной почте: mardakhay @rambler.ru – я буду вам очень признателен и благодарен.

популяризатор родного языка, автор популярных среди горско-еврейской молодёжи «Уроков языка джуури», которые транслируются как видео-уроки на сайте www.stmegi.com. Сайт создан как общинный проект Благотворительного Фонда горских евреев «СТМЭГИ», президент Фонда Герман Захарьяев.

Так в чём же состоит примечательность именно данного словаря, в чем он заслуживает внимания? Об этом мы и собираемся говорить ниже.

Сначала немного истории. До недавнего времени лексикография языка горских евреев (джуури) в научной литературе по иранскому языкознанию считалась мало разработанной областью языка.

Первым известным памятником письменности на еврейско-татском языке лексикографического характера является рукописный труд «Оцар ha-миллим шел ha-сафа ha-татит-йехудит» («Тезаурус слов еврейско-татского языка») раввина Яакова Ицхаки (1848–1917), составленный в г. Дербенте (Дагестан) в древнееврейской графике во второй половине 70-х гг. – начале 80-х гг. XIX в. (в первой редакции) и содержащий около 1900 слов дербентского диалекта еврейско-татского языка с ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы держите в руках Еврейско(джуури)-русский словарь - словарь нового поколения для лексикографии языка горских евреев, примечательный во многих отношениях, о чем будет сказано дальше. Составитель словаря Мардахай Нафталиев - учитель из г. Губы, из района Красной Слободы (Азербайджан), - делу составления словаря родного языка посвятил более 16 лет своей жизни, и проделал большую и серьёзную работу. В последние годы Мардахай Нафталиев приобрел известность в горско-еврейской среде г. Москвы как пропагандист и переводом на иврит[1]. Как известно, рабби Яаков Ицхаки сделал и вторую

[1] Занд М. Рабби Яаков Ихаки как лексикограф и лексиколог // Материалы Международного научного симпозиума «Горские евреи Кавказа» (24 – 26 апреля 2001 г., Баку – Куба – Красная Слобода). Баку, «Элм», 2002. С. 140 – 147.

редакцию данного труда, однако она не была завершена. Рукописи обеих редакций были сохранены сыном рабби Яакова Ицхаки – Ицхаком Ицхаки (1885 – 1980) и даже подготовлены к печати в конце 1920-х гг., однако по причинам технического характера, к большому сожалению, так и не вышли в свет. В начале 2000-х гг. известный иранист Михаэль Занд подготовил к изданию сводный текст труда Яакова Ицхаки по его первой и второй редакциям, который в настоящее время, оставшись неизданным, находится в архиве Научно-исследовательского Института им. И.Бен-Цви (Израиль).

На протяжении длительного времени, начиная с конца XIX в., когда началось научное изучение этого языка с появлением работ известного востоковеда-ираниста Вс.Ф. Миллера[2], единственным словарем языка горских евреев, изданным в России, являлся небольшой словарик, прилагавшийся в виде приложения к одной из работ Вс.Ф. Миллера[3].

Однако в середине 90-х гг. XX в. и в первое десятилетие XXI ситуация стала меняться к лучшему. Из печати один за другим стали выходить различные словари языка горских евреев. В 1991 г. – «Татско-русский иллюстрированный словарь для детей» И.И. Ифраимова (Нальчик); в 1995 г. – «Словарь татского языка с картинками для учащихся начальных классов школ» Э.Б. Изгияевой (Дербент); в этом же году - «Орфографический словарь татского языка» Б.Г. Гаврилова и Э.Б. Изгияевой (Махачкала). Перечисленные словари представляли лексику дербентского диалекта языка (положенного в основу литературного) и кайтагского диалекта (махачкалинско-нальчикского).

Бесспорным событием в культурной жизни горских евреев стал выход в 1997 г. первого переводного объемного (ок. 9 000 слов) двуязычного Татско(еврейско)-русского словаря Я.М. Агарунова и М.Я. Агарунова (Москва), в основу которого был положен губинский диалект языка. В 2005 г. были опубликованы еще два переводных двуязычных словаря: «Язык горских евреев: Книга 1. Еврейско-русский словарь. Библиографический указатель» М.Я. Агарунова (ок. 11 500 слов и словосочетаний; Баку) на базе губинского диалекта языка и «Татский язык горских евреев Кавказа (татско-русский и русско-татский словарь» Э.Б. Изгияевой (по 10 000 слов в каждой части словаря, татско-русской и русско-татской; Махачкала) на базе дербентского (положенного в основу литературного) и кайтагского (махачкалинско-нальчикского) диалектов языка. В 2006 г. вышел из печати еще один словарь, составленный на лексическом материале дербентского (литературного) диалекта языка – «Русско-татский (горско-еврейский) словарь» М.Б. Дадашева (ок. 20 000 слов и словосочетаний; Москва). И в 2010 г. М.Я. Агарунов, продолжая многолетнюю работу над

---

[2] Миллер Вс.Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты, словарь. СПб., 1892; его же. Очерк фонетики еврейско-татского наречия // Труды Лазаревского ин-та вост. языков. М., 1900. - Вып. 3; его же. Очерк морфологии еврейско-татского наречия. М., 1901.

[3] Миллер Вс.Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты, словарь ...

лексикой языка, выпустил очередной том – «Большой словарь языка горских евреев джуури: Джуури-русский. Русско-джуури», составленный на базе губинского диалекта (ок. 14 000 слов; Баку).

Все указанные словари как переводные двуязычные, так и орфографический, внесли большой вклад в лексикографическое изучение языка горских евреев. Они выполнили основную функцию первого этапа большой и многообразной лексикографической работы: зафиксировали для настоящих и будущих поколений носителей языка и исследователей лексическое богатство данного языка, представили национальную картину мира горских евреев через призму их словаря.

Рассматривая перечисленные выше переводные двуязычные словари с точки зрения их содержания и структуры, становится очевидным то, что их объединяет система подачи материала по формуле «слово – перевод (или набор переводов, в случае многозначности слова)», отсутствие грамматических, стилистических или специальных помет, речевого иллюстративного материала языка, что свойственно словарям национальных языков первого периода описания лексики, когда перед составителями стоит задача по сбору, систематизации и сохранению словарного фонда языка. И составители указанных словарей с этой задачей справились. И мы безмерно благодарны им за эту работу. Кстати сказать, аналогичную мысль, но более эмоционально, высказал Илья Урилов в предисловии к «Русско-татскому (горско-еврейскому) словарю» М.Б. Дадашева: «Словарь будет первым шагом, за которым последуют внимание и заинтересованность, желание сберечь для себя, своих детей, для мировой культуры язык нашего народа. Он не может оставить всех равнодушными и безучастными. После выхода словаря в свет автор, наряду с сердечной благодарностью, получит массу пожеланий и замечаний, предложений и поправок.... Вот почему мы сознательно готовы быть сопричастными к «ошибке преждевременного издания». А наградой будет то, что язык будет жить, а словарь приносить пользу»[4]

Сегодня перед вами Словарь языка горских евреев нового поколения, снабженный настоящим лексикографическим аппаратом, когда в каждой словарной статье приводится не только слово и его перевод, но и грамматическая характеристика слова, его принадлежность к той или иной части речи, а в необходимых случаях и информация о том, как меняется значение слова в зависимости от его синтаксической позиции, что имеет существенное значение в языке горских евреев – языке аналитико-агглютинативного строя, когда положение, синтаксическая позиция слова в предложении определяет его значение. Создание подобного словаря является значительным шагом вперед в деле освоения и описания лексики языка.

Данный словарь характеризуется и рядом других особенностей. Он содержит свыше 14 тыс. слов и словарных статей современного языка горских евреев –

[4] Урилов И. Подвижник (вместо предисловия) // Дадашев М.Б. Русско-татский (горско-еврейский) словарь. Москва, 2006. С. 6.

джуури с подробной разработкой их значений и оттенков, словосочетания, идиоматику, пословицы и поговорки. В словаре отражена современная лексика языка. Несмотря на то, что он основан на лексике губинского диалекта языка, при этом в нём широко представлена общеупотребительная лексика и других диалектов языка[5], специальная терминология, а также устаревшие слова и выражения, встречающиеся как в разговорной речи носителей языка, так и в литературе. Иными словами, впервые столь широко будут представлены стилистические пласты лексики.

Настоящий словарь станет первым Еврейско (джуури) – русским словарём столь значительного объема (более 50 а.л.) и самым полным по охвату словарного состава языка. В числе отличительных особенностей словаря надо указать и на богатство и разнохарактерность иллюстративного лексического материала: тут и разговорные фразы из живой речи носителей языка, и литературные примеры из текстов произведений горско-еврейской литературы. В языке горских евреев ударение в непроизводных словах всех частей речи, как правило, падает на последний слог, однако в производных именах и, в особенности, в глагольных формах правила ударения значительно сложнее. И в этих случаях составитель словаря даёт указания на ударный слог, что является нормой в словарном деле и отличает этот словарь от остальных, раннее вышедших.

Основной отличительной особенностью данного словаря является то, что он является не только переводным, двуязычным джуури-русским словарем. Автор поставил перед собой более широкую задачу: не только дать переводы слов горско-еврейского языка на русский язык, т.е их эквиваленты, но и шире представить многозначность слова языка, дать толкование значений слов.

Поэтому словарь можно определить как переводной и толковый одновременно. Крайне важно обратить внимание на термин «джуури», применённый составителем словаря в качестве названия языка горских евреев - «Еврейско (джуури) – русский словарь». Как известно, существует официальная номенклатура языков России, с одной стороны, и научная генетическая классификация языков мира, с другой. И не в одной из них нет официально признанного названия джуури для языка горских евреев. Однако составитель словаря М. Нафталиев, как и М.Я. Агарунов, который сделал это впервые в 2010 г.[6], привел в названии словаря этническое название языка. Так, этноним - самоназвание горских евреев – губ. *çuhur*, дерб.-кайтаг. *жугьур «еврей»*, а название языка – лингвоним губ. *çuhuri (zuhun çuhuri)*, дерб.-кайтаг. *жугьури (зугьун жугьури) «*еврейский язык*»*. Звук *ç/ж в языке* является аффрикатой, т.е. передается как согласный, представляющий собой слитное сочетание смычного согласного с фрикативным, а именно как «д» + «ж». Поэтому при передаче слова *çuhuri / жугьури «*еврейский язык» по-русски происходит транслитерация

[5] Дербентского и кайтагского диалектов языка горских евреев.

[6] Агарунов Я., Агарунов М. «Большой словарь языка горских евреев джуури: Джуури-русский. Русско-джуури». Баку, 2010.

горско-еврейского слова - точная передача знаков одной письменности знаками другой письменности – джуури.

И М. Нафталиев, и ранее М.Агарунов воспользовались для названия своих словарей этническим, официально не признанным названием языка в силу сложной терминологической ситуации с названием языка горских евреев с целью более точного определения языка своих исследований.

В соответствии с официальной номенклатурой языков России и с научной генетической классификацией язык, на котором говорят горские евреи, называется татским. Однако фактически под названием «татский язык» науке известны не одна, а три языковые единицы: мусульманско-татский язык или группа диалектов, распространённая в Азербайджане и в России (Южный Дагестан);
еврейско-татский язык, распространённый в местах проживания горских евреев: в Азербайджане, России, Израиле, Германии, Канаде, США, Австрии; армяно-татский язык, распространённый в Закавказье у татоязычных армян.

На протяжении более чем вековой истории научного изучения эти языки всегда терминологически разграничивались в соответствии с этническим принципом - посредством употребления уточняющих слов в названии языков, т.к. носители каждой из языковых единиц были представителями разных народов: носители мусульманского-татского языка – таты-иранцы, носители еврейско-татского языка – горские евреи, субэтническая группа евреев Восточного Кавказа; носители армяно-татского – татоязычные армяне. Эта, и без того не простая терминологическая ситуация с названиями трех языков, была использована в конце 70-х гг. XX в. в Дагестане для создания «татского» этнического мифа[7].

Для этого, в конце 70 – начале 80-х гг. XX в. наблюдалось кратковременное, в нескольких лингвистических работах (статьях проф. А.Л.Грюнберга и исследователя Л.Х.Давыдовой[8]), употребление других терминов - «северный диалект татского языка» и «южный диалект татского языка». В данной паре терминов для определения названий самостоятельных языков использовался

---

[7] Куповецкий М.С. Причины и последствия формирования татского этнического мифа среди горских евреев // Горские евреи: С Кавказа в Израиль. Тезисы докладов международной конференции. Иерусалим, 2002. С. 11 – 12; Назарова Е.М. Языковые аспекты татского этнического мифа: о терминологической ситуации с названием языка горских евреев // Горские евреи: С Кавказа в Израиль. Тезисы докладов международной конференции. Иерусалим, 2002. С. 9 – 10; Семенов И.Г. Горские евреи. Некоторые аспекты этнической идентификации (конец XIX – начало XXI века) // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. 2003. № 3 (27). С. 191 – 200.

[8] Грюнберг А.Л., Давыдова Л.Х. Татский язык. // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: юго-западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. С. 231-286; Давыдова Л.Х. Язык татов Северного Кавказа: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982; Давыдова Л.Х. К вопросу о простых гласных фонемах в вокализме татского языка (На материале языка татов Северного Кавказа). // Исследования по адыгским языкам. Нальчик, 1977.

безликий территориально-географический принцип и производилось изменение статуса языков – с языков на диалекты.

Термин «южный диалект татского языка» использовался для мусульманско-татского языка, термин «северный диалект татского языка» – для еврейско-татского языка. Данная пара терминов, а также появившийся в указанных работах этноним «таты-иудаисты» выполнили в них функцию табу на традиционные, использовавшиеся до того времени, термины «горские евреи» и «еврейско-татский язык», в структуре которых содержались слова «евреи» и «еврейский». Термин «южный диалект татского языка» вместо термина «мусульманско-татский язык» был введен лишь для создания соотносительной пары северный диалект//южный диалект, хотя он и не содержал никаких «запретных» слов. Эта малоинформативная закамуфлированная терминология появилась в годы процветания политики партнийно-государственного, аппаратного антисемитизма. Как стало известно позднее, авторы данных научных публикаций были вынуждены в то время заменить традиционные термины нейтральными, лишенными этнической информации, несмотря на то, что новые термины не удовлетворяли требованиям науки: не были однозначными и понятными, вызывали различные толкования, требовали уточнений, оговорок и затрудняли определение предмета исследования.

Мусульманско-татский язык – это исконный, этнический язык татов-иранцев. По языковому материалу, по данным фонологии и по особенностям грамматического строя, данный язык в историческом аспекте продолжает иранскую линию преемственности, является результатом спонтанного развития исходной праязыковой системы и восходит к одному из диалектов среднеперсидского языка (юго-западная подгруппа иранских языков индоевропейской языковой семьи).

В то время, как еврейско-татский язык – является в историческом аспекте вторичным, аллогенетическим языком, результатом языкового контакта двух культур, возникшим в процессе перехода этноса с одного языка (семитского) на другой язык, произошедший, по данным лингвистики, в среднеиранскую языковую эпоху. Еврейско-татский язык является контактным языком, на формирование которого оказал влияние семитский субстрат, как и в случае с другими еврейскими языками – идиш, ладино, бухарско-еврейским и др.

Целью «татского» этнического мифа было изъятие еврейского этнического элемента из названия языка (из лингвонима). Язык с названием "татский" был выдвинут на роль этнического символа в рамках данной мифологической парадигмы, т.к. планировалось внедрить в сознание народа, что горские евреи это вовсе не евреи, а таты. Основная цель подобной политики была направлена на деформацию этнического самосознания горских евреев и фальсификацию его этнической истории.

Поэтому использование этнического названия языка для словаря горских евреев М. Нафталиевым разумно и оправданно.

И в завершение хочется сказать несколько слов о составителе словаря - Мардахае Нафталиеве. С самого рождения и по сегодняшний день, т.е. на

протяжении всей своей жизни Нафталиев М. живет в г. Губе, где до настоящего времени компактно проживают горские евреи. Как известно, именно Красная Слобода - самое крупное в мире место компактного проживания горских евреев вне исторической родины. Язык джуури здесь, в отличие от других мест его функционирования, употребляется повсеместно – и во внутрисемейном, и во внутриобщинном общении. Таким образом, составитель словаря с детства был погружен в языковую среду. Он всегда отличался стремлением познать родной язык, сохранить его. Общался на джуури с представителями старшего поколения, родными и соседями, и по крупицам собирал языковой материал как сокровищницу своего народа. Как научный редактор могу сказать, что Нафталиев М. является хорошим знатоком родного языка, его отличают не только глубокие и разносторонние знания языка, его лексики, но и языковое чутье. Уверена, что Словарь М. Нафталиева, подготовленный с лингвистической точки зрения грамотно и добротно, будет востребован и полезен многим, как носителям языка горских евреев, так и исследователям, а также просто интересующимся.

Назарова

Әз тараф чәп бәс. Год Михајлов, проф. Михајил Агарунов, шоһир Хајват Нхајев, шоһир Ашир Јагубов (ә сәр пој поисди), шоһир Антон Агарунов, шоһир Нфрәим Рәһимов, шоһир Әлдар Гуршумов (Рәһбәр нувусһо) нә шоһир Симәх Шеjда

НИЖИНСКАЯ ГУЛЬНАРА (19.07.1976) – член Союза кинематографистов России. Родилась в Пятигорске (Россия). Живет в Москве. Образование: ВГИК мастерская А.В.Ромашина (специальность - актриса кино); SMDA (Serguei Melkonian Drama Academy) американская театральная академия (специальность-продюсер театра и кино); ВТУ им. Б.В.Щукина мастерская А.А.Ширвиндта (драматическая актриса театра и кино); ВКСР мастерская В.В.Меньшова (режиссер игрового кино). Снималась в популярных фильмах «Пассажир без багажа», «Бальзаковский возраст или все мужики сво...», «Моя прекрасная няня», «Всегда говори всегда» и многие другие. В 1996 г. организовала с мужем антерпризный театр «НИЖИНСКИЙ-театр», успешно гастролировавший в разных странах, участник многих фестивалей за рубежом. Работала на фрилансе, как креативный продюсер в компании «PPPCINEMA» (картины: с участием Ани Жирардо «Воротилы», Пьер Ришаром «Парижане»). Организатор ежегодной премии Ф.Н.Плевако (Адвокатский Оскар).

***

Платье из желтых заплаток
Закажу у портнихи – осени.
Растворю горький осадок.
Не возвращайтесь, коль бросили.

Меня пожалеет облако,
Улыбнуться нагие деревья.
А вы не ходите около,
Я плотно закрыла двери.
И нам нечего больше хранить.

***

В жилетку плачет дождь по стеклу,
Оно смиренно принимает слезы,
Я немой диалог их ловлю,
И вдохновенья расцветают розы.

***

Я грешница, мне Бог судья.
И неотступна мысль -
Убийца своего дитя -
Звенит в ушах.
Песок в глаза -
Осколок черного стекла
Порез на перепонке пальца.
Малыш мой не рожденный,
За твой безмолвный крик
Я заплачу сполна,

А время: тик, да так, так да тик...

***

Твой взгляд, как солнечная искра,
Рассыпанная на множества лучей,
Как яркое цыганское монисто,
Пронзает сердце тысячью мечей.

***

Рассвет - явление обычное.
Его встречаю каждый день.
Синева прозрачная привычна,
Спит моя холодная постель.

***

Стоит одна на морозе судьбы
Снежинки, как холодок, глотает.
Снеговая баба моей любви
Ладошки снежные потирает.

Мы с тобой, моя снежная,
В вальсе метели закружим,
Заискримся звездами нежными.
Дед Мороз станет нам мужем.

***

Ребро Адама – женщина,
Но ты мужчина без нее?
Да, я первая грешница,
А ты грешник вторым числом.
Ну и что? Что значит женщина вас?
Любовница? А может быть палас?
Горькая смоковница?
Хозяйка или банная шайка?

Поверьте герои времен
И те, кто женский пол
Воспевает пером,
И те, для кого она вол,
Вы без нее, как без ребра -
Калеки.
Она ваша правая рука.
Во все десятилетия века.

НИСИМОВ НИСИМ ГИЛИЛОВИЧ – родился 1950 г. в поселке Красная Слобода Кубинского района Азербайджанской республики. Председатель муниципалитета поселка Красная Слобода. Автор многих стихов и поэм. Поэт, по призванию – педагог и музыкант, певец народных песен на азербайджанском, русском и горско-еврейском языках. Работал директором муз школы, преподавал в Кубинском филиале Сумгаитского муз училища им. С.Гаджибекова. Создал и возглавил музыкальный ансамбль "Губа", который гастролировал в городах США, Канады, Швеции, Бельгии и Германии. Коллектив участвовал во Всемирном фольклорном фестивале во Франции, где завоевали звание лауреата и дипломанта престижного конкурса

ДУСТҺО

Хубә руз динчирә вәкирлү хостә
Шори дү-јәкирә шиношит, дустһо.
Хушбәхтә һәјилһо рач кәлә сохтә,
Һәриси һәммәрә виношит, дустһо.

Бәбәһо куфди ки, ә руј ән хор
Хуби сох – ә дәстү чәнгәдә дәри.
Кәлмәһој сәррафһо һә јәдикори;
Ә һич кәс хәрәбкәш мәбошит, дустһо.

Ә пишој кәләтә нитајм куфдирә,
Ә һәрмәх вокундәјм сурруһој софирә.
Әз пулһо, әз сүрхһо тә офдә чорә,
Әз һәммә гимәтлү кәрдошит, дустһо.

Дуст уни – чум нәнү ә амбар нә кәм,
Дуст уни – дур бијлү әз һәнкор нә гәм,
Дуст уни – сәдиг бу ә зилдор нә бәм,
Ә гозонч һәлоли дәбошит, дустһо.

Ковләдор нивоју ховһој вәһширә,
Дүлһошу тәмизһо рәһмһо бәхширә,
Әз бинә парундә чычһој тәхсирә,
Нәфәсә мәлһәмлү вәкошит, дустһо.

Сабурһош әз Худо, ә һәгг гонун дә,
Рабиһош ә һәсрәт Тиро домундә,
Дүшмәһош дустһосүз әри нә мундә,
Кушһорә ә Нисим докошит, дустһо.

ЈАДДАША ҺӘКК ОЛАН КҮНЛӘР

Ушаглыг илләрим јадыма дүшүр,
Гар-јағыш олмајан хош анлар иди.
Ана нәвазиши јадыма дүшүр,
Өпүб јанағымы әзизләјәрди.

Ојнајыб, јорулуб кәлиб гачараг,
Ана ачымышам, бир шеј вер јејим.
Кәл, вер јејим, дејән дилинә гурбан,
Әлини, отур, мән јемәк верим.

Чөрәјин үстүнә јахыб мүрәббә,
Анам ширин-ширин јдирәр мәнә.
Ләззәтлә једијим ширин мүрәббә
Јағлы хөрәкләри хатырлар мәнә.

Нағарам – газанча, нағарам – ведрә
Һеј чалар, охујар, далај дејәрдим.
Ушаглары јығыб һәјәтә бәзән,
Көзәл маһныларла консерт верәрдим.

Мәктәбә келәндә анам севинчәк,
Парчадан мәнимчүн чанта тикәрди.
Гүррәли-гүррәли дәрсә кдәндә,
О, архамча бахыб дуа едәрди.

Һардасыз ушаглыг, кәнчлик илләри
Һич сизи унудуб, атмаг олармы?
Гајғысыз күнләри, ширин илләри
Јаддашлардан силиб данмаг олармы?

Аг сачлы көрүнүр јенә Шаһ дағым,
Мән кетдим кәнчлијә, анам гочалды.
Бејнимә һәкк олан ушаглыг чағым,
Ширин хатирәтәк архада галды.

МУШАИЛОВ АСАФ (29.05.1952) – член Союза писателей горских-евреев в Израиле. Родился в г. Дербент (Дагестан). Окончил Дагестанский Пединститут – Художественно - графический факультет. Жил и работал в г. Махачкала, преподавал в школе изобрази-тельное искусство и черчение. Печатался в газетах «Знамя коммунизма», «Комсомолец Дагестана». С 1990 г. в живёт с семьей в Торонто. А.Мушаилов автор цикла загадок «Килитлеме» для детей на родном языке, общин-ных календарей - калейдоскопов – «Великие люди маленького народа», очерков «Люди и время» – о наших земляках. Публикуется в газете «Русский экспресс», журналах «Бонус» (Торонто) и «Товуши» (Нью-Йорк). Он издатель журнала «Зори Кавказа», автор ее рубрики «Клуб весёлого Шими» из серии «Дербентские портреты». Готовит к изданию поэмы – «Юность», «Поднять глаза к высоким небесам» и стихи из цикла «Посвящение».

Из цикла: «По залам художественных
галерей» - Нико Пиросманошвили.
(В народе: Нико Пиросмани. Художник –
примитивист начало хх-го столетия.)

На Малаканской двадцать девять*
в подвале и в болотном чаде,
как капли времени измерив
кровинкой кашля, в слёзной влаге
лежал безмолвный человек.
Тифлис, принявший новый век.
Легендой растворил в народе
стереотипы: он безродный,
нищий художник и судьбой
бродяга с чистою душой.

Что некий друг – Кирил Зданевич*,
собрав работы Пиросмани,
привёз в Москву, в душе надеясь,
что век разбуженный мечтами
«внедреньем авангарда в быт»
знал, надо только изъяснить
идеи – века футуризма
и избегать натурализма,

и вычеркнуть изящность форм:
« чем проще жизнь, тем слаще сон».
Тогда не думал Пиросмани,
что будет день и распахнуться

с величием дворцы и залы.
Народы мира соберутся,
чтоб тайну жизни рассмотреть
искавших мук. Перетерпеть
судьбы их жёсткие гоненья
и в детство впасть, и в утешенье,
найти надёжный свой покой
от биографии чужой.

В Тифлисе он снимал коморку
и в ней, за жизнью наблюдая,
он заготавливал клеёнку,
на ней заказ изображая.
Используя их чёрный тон,
как цвет одежды, или фон.
Он белой краской добавлял
наитья в слогах и писал:
«Здесь хлебосольный человек

На Малоканской двадцать девять.
В подвале и в болотном чаде
как капли времени измерив
кровью из кашля в слёзной влаге,
лежал чахоточный больной.
Он умирал. Он слышал свой
(в морозной тишине подвала)
свой детский голос и звучала
та песенка, что пела мать,
когда укладывала спать.

«Последние виденья»

«...Ты скачи моя лошадка прыг-
скок, прыг- скок,
К дальней речке Алазани прыг –
скок, прыг – скок ....»
(Детская грузинская песня).

Он ждал и слышал спуск дыханья.
Он думал, в нём любимый голос.
И голос шёл вне ожиданья,
но это был обычный возглас,
весёлый смех свой - донося
и лишь усталость, принося

избытком радости случайной,
затем известием печальным,
изведав разом: то и сё
он уходил в своё бытьё.

(Голос из ниоткуда)
Эй Нико, Ты меня узнаёшь?
Это я – на осле нарисован.
Ослик умер, давно – не вернёшь.
В Мизраани, со мной похоронен.
На картине твоей - я живой,
а осел, не сожран шакалом.
Моя жизнь возродилась тобой,
А твою – будет Грузия славить.

Лежал обманутый художник,
от сквозняков прижав дыханье.
Как ночи гибельной заложник
и ожидающий свиданье.
Он, молча Маргариту, звал,
и часть дыханья расточал
на то, что б вызвать это имя
с той щедростью, что так наивна,
как детский взгляд, как да и нет,
вдруг снизошедшие в ответ.

(Голос из ниоткуда).
Эй Нико, почему ты лежишь?
Здесь, в подвале, как под чинарами.
Словно женщина плачет – хрипишь.
Пастухи возвратились с отарами.
У них можно купить, на шашлык,
сколько хочешь свежего мяса.
Ждёт извозчик – укутан в башлык*.
Мы друзья, из духана Бегоса*.
Ты узнал нас? Ты всех рисовал.
Ну, а эти кенто с Аглабара*
а вот мальчик – рыбак, он устал.
Ведь без сетки ловить не пристало.

А вот женщина из Ортачалы*
молоком тебя угощала.
А вот князь без забот и печали
ухватил рукоятку кинжала.

Эй, Нико. Узнаёшь ты его?
То олень с твоими глазами.
Говорят, что ты любишь его,
написав краской – нежной лафани*.
Он знал, что в жизни не бывает
вообще случайных совпадений.

И даже там, где совпадает,
есть сто услужливых сомнений
возникших так, из ничего
и где давно приведено
неповторимое условье.
Случайность - это предисловье
к той продолжительности дел,
где случай – ум, а труд – предел.
Неслись картины перед взором
где – то в пространстве застывая.

И голоса своих героев
под звук чонгури* обольщая,
сплетали в хор, на все тона.
И вся Грузинская земля
многоголосием свободным
в напевах радостных и скорбных
всегда, как любящая мать
сможет напеть и всё принять.

И вдруг всё стихло. Буд-то вышел
сокрытый мукой мозг остылый
искавший звук, который слышал
лишь только жалкий юродивый,
живущий в нём. Крестясь один,
он уходил из тех чужбин,
где голос рвал, всю, грудь на кашель.
Где был он счастлив и несчастлив,
где жизнь была его светла,
как та – последняя луна.

А поутру, Арчил – сапожник
подвал, от снега очищая,
накрыл замёрзший труп рогожей,
слезу прощальную роняя,
он вызвал пристава. И тот,
зевая сонно, спрятал рот.

На труп в уме перекрестился,
зрачками, двигая, простился,
быстро заполнил протокол,
в пролётку сел и был таков.

Э п и л о г.

Как много музыки в природе.
В её рассветах и закатах,
в их красках и в самом народе
ах, музыка есть даже в камнях.
Её нашествие подчас
так жадно пробуждает в нас
одно, лишь наше пораженье,
за ним плененье – наслажденье,
затем, как раб, избитый в кровь -
мы получаем в дар любовь.
И человек живёт при этом,
живёт, почти, слугой природы.
Она ему даёт приметой
соитье со своим народом,
кисть и перо, талант и ум,
и время расхожденья дум.
Увидеть суть простых предметов
спешить с разгадкой и ответом.
Ведь наша жизнь, так коротка,
чувствительна и глубока.

Тбилиси 1985. Торонто. Декабрь. 2011год.

*Малаканская 29 - Название улицы в Тбилиси.
*Кирил Зданевич - Художник авангардист (1892 – 1962гг).
*Футуризм - Одно из течений русского авангарда в начале хх – го столетия.
*Духаны - Грузинские традиционные заведения общественного питания.
*Шулавери - Грузинское село , ныне село «Шаумян» .
*Мацони - Грузинский и армянский –кефир.
*Сигнахи, Телави, Мукузани, Цинандали - Грузинские винодельческие города Алазанской долины.
*Рогожа - Грубая ткань из рогозы.
*Башлык - (тюрк.) Шерстяная накидка на голову с длинными полами.
*Друзья Бегоса - Название картины. худож. Нико Пиросмани.
*Лафани - Сказочное дерево выдуманное груз. Класс. Важа Пшевелла (1896г).
*Чунгури - Грузинский музыкальный инструмент - лютня.

Масандилова Аснат-Агнесса Изгияевна – родилась в Дагестане 14.09.1948, живет в Москве, член Союза писателей Израиля, врач – психолог, профессор.

Научно-исследовательским институтом медицинской биофизики, Аснат признана лучшим энергоинформатиком и специалистом по традиционным системам оздоровления I класса Германии и Болгарии. Член Международного агентства одаренных людей. Аснат включена в каталоги – «Знаменитые женщины Москвы», «Знаменитые люди России», «Золотые женщины России». Имеет много наград – орденов и медалей. Самая главная награда - «Знак отличия I степени», которой была награждена Мария Тереза.

С Аснат Изгияевной я познакомился более 5 лет назад. Это знакомство переросло в крепкую дружбу – встретились два творческих человека. И когда порой выпадали минуты общения, они переходили в долгие часы бесконечных разговоров. Это удивительная женщина, мудрая, талантливая, разносторонняя, необыкновенно активная и мобильная, дающая заряд энергии всем, кто в этом нуждается. При общении – контактна и с пониманием относится к окружающим её людям.

Аснат Изгияевна не сразу пришла к делу своей жизни. Тем дороже ей сейчас то, чем она занимается.

- Сколько себя помню, всегда была очень активным человеком, постоянно искала себя, все время училась чему-то, – рассказывает Аснат Изгияевна. - Еще будучи школьницей вечерами работала санитаркой в больнице и ученицей-печатницей в областной типографии, подрабатывала корректором в областной газете «Дагестанская правда» и «Комсомольская правда». Там же печатались мои статьи и стихи. У меня было прекрасное детство, я родилась в чудесной семье. Все мои родственники занимались достойными делами: военные, врачи, инженеры – мне было с кого брать пример. Папа работал в Наркомате главным инженером-диспетчером по распределению боеприпасов по фронтам во время войны, затем был послан на восстановление Ашхабада после землетрясения на должность градостроителя. Был директором, основателем фабрики «Цветных кинофильмов» в Москве, архитектором многих объектов в Москве, один из которых Институт Гнесиных, а также главным проектировщиком. Работал Председателем Совнархоза, преподавал в ВУЗах. Именно отец настоятельно мне рекомендовал стать врачом, постоянно говорил: «Твое будущее - врач. Профессия настоящая и необходимая». Но я в тот период была упряма и сама еще не знала, кем хочу стать. Но в итоге всех моих исканий именно гордость и любовь к близким, к семье, в которой я родилась и выросла, и придали мне жизненную силу для того, чтобы идти по пути самоотдачи и помощи людям.

Окончив школу, Аснат поступила в Московский Полиграфический институт, одновременно с учебой работала в Полиграфии Дагестана инженером-технологом, директором городских и областных типографий, техническим редактором в ведущем Учебно-педагогическом издательстве республики. Но душа все-таки стремилась к чему-то другому. И тогда Аснат Изгияевна, будучи уже в декрете со вторым ребенком, приняла решение сменить свою специальность. В 1976 году поступила в Дагестанский Политехнический институт, по окончании которого стала ведущим специалистом инженером-технологом-микробиологом в Минпищепроме Дагестана, а затем, в 1986 году, была переведена в Минпищепром г. Москвы.

- И вот тут судьба все-таки заставила меня пересмотреть все мои взгляды на свое предназначение в жизни, - говорит Аснат Изгияевна. - Так получилось, что в 1988 году мне пришлось уйти из Минпищепрома. Минздрав предложил вести практику в качестве энергоинформатика и диагноста в Поликлинике №197 г. Москвы. И я поняла, что по воле судьбы и предназначения я выбрала правильный и необходимый по жизни путь... В 1990 году я окончила медучилище и занялась делом всей своей жизни. Ко мне обращались и взрослые, и дети, и я почувствовала, что могу помочь даже тем, от кого традиционная медицина уже отказалась. И так работаю на протяжении 25 лет.

В настоящее время Аснат Изгияевна руководит Центром физического здоровья для детей дошкольного возраста. Но на ее занятия приходят не только дети, приходят все, кому нужна помощь, потому что она по-прежнему помогает больным при заболеваниях опорно-двигательного аппарата и спасает малышей с тяжёлыми заболеваниями.... Восстанавливает иммунную систему: в начале 90-х годов она была приглашена в Белоруссию, где лечила детей, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС. Проводит омоложение организма на 10-15 лет.

Аснат Изгияевна сама была и остается чрезвычайно спортивным человеком. В детстве и юности занималась спортивной гимнастикой, была в большом спорте, главным консультантом была чемпионка по спортивной гимнастике Полина Астахова. Участвовала во Всесоюзных соревнованиях, в командных и личных соревнованиях в Махачкале, Киеве, Воронеже, Москве. Будучи студенткой, участвовала в первенстве институтов г. Москвы. Но после рождения дочери и полученных серьёзных травм во время выступлений и тренировок вынуждена была оставить спорт. Тем не менее, параллельно с основной работой, вела тренировки с малышами-дошкольниками. Работая в поликлиниках, два раза в неделю вела занятия в Домах Офицеров в Монино, Чкаловском, Звёздном городке, так как жила в военном городке им. Ю.А. Гагарина, в Монино. Своих детей Аснат Изгияевна воспитала достойными людьми: дочь - юрист, сын - главный менеджер Сборной России по регби, мастер спорта, работает в Федерации по спорту.

- Я горжусь тем, что работаю по призванию, к которому так долго шла. Я горжусь своими детьми, еще больше горжусь моими любимыми внуками - внучка занимается вокалом в музыкальной школе, внук уже два года серьезно увлечен хоккеем, а самый маленький, по всей видимости, будет известным футболистом, - говорит любя Аснат Изгияевна. - Я люблю своих близких и родных. Вероятно, гордость и любовь к близким, в семье которых я родилась, и придали мне жизненную силу, поэтому я и пришла к своему пути - пути самоотдачи и помощи людям. Когда я вижу счастливые глаза моих пациентов, освободившихся от тяжелых болезней, когда рождаются долгожданные малыши в семьях (у Аснат Изгияевны 60 «крестников»!), которые их долго ждали, когда все говорят искреннее «спасибо», я говорю себе: «Живу не зря».

Аснат Изгияевна Масандилова - автор многих научных статей, сборников стихов. На три ее стихотворения написаны песни: «Добро - начало всех начал», «Наваждение» и «Просто слова». У Аснат Изгияевны есть звезда в небе в созвездии Девы под названием «Агнесса». Люди, которые лечились и общались с Аснат Изгияевной, пишут ей письма с благодарностью и очень тёплыми словами. Она счастлива, что помогает людям, и поэтому влюблена в жизнь...

Автор статьи – Исай Иллазаров

ВЛЮБЛЕННАЯ В ЖИЗНЬ

Хотелось бы мне знать:
«В кого я влюблена?»
В мужчину, в жизнь,
Детей или в саму себя?

В мужчину? Нет!!!
В них не влюбляются,
А любят любовью страстной,
Нежной и несчастной!!!

Я в жизнь влюбилась?
Да, с рожденьем я влюбилась -
В жизнь!
И день и ночь
Я с вожделеньем принимаю.
Ведь я живу,
А значит жизнь я ощущаю!!!

В себя саму влюбилась?
Да, себя до крайности люблю!
И не позволю ненавидеть,
Не допущу я злых страстей,
Чтоб, кто-то смог меня обидеть,

Благодаря, влюбленности моей
В себя и в жизнь -
Природа подарила мне детей.
И в них я влюблена до боли.
До боли в сердце и в душе,
Я всю себя им отдаю,
И жизнь, которую люблю
И счастье и любовь свою!!!

ОТВЕТ ЖЕНЩИНЕ, КОТОРАЯ РАССТАЛАСЬ С МУЖЕМ

Да, трудно быть слабой,
Но ведь женщина ты!

Да, трудно быть грубой,
А ты не груби!

Да, трудно бывает дышать,
А ты задыши!

Да, трудно догнать,
Ну, а ты догони!

Порой очень трудно смеяться,
Ну, а ты рассмеши!

Как трудно любить,
А ты люби и греши!

Да, трудно быть глупой,
А ты не глупи!

Бывает и трудно, и больно,
А ты в люди иди!

Невозможно дождаться,
Не жди, а беги!

Тебе трудно подняться,
А ты поднимись!

Что, больно прощаться!?
А ты рукой помаши!

Если трудно шутить,
Не шути!.. Помолчи!..

Не хочешь служить,
Ну, а ты не служи!

Что, так трудно признать,

Не глупи и судьбу не вини!!!

***

Счастье — это когда тебя понимают,
А еще счастливее, когда тебя обожают.
А еще и еще счастливее, когда тебя любят.
А пик счастья, когда ты любишь…!

***

Я не знаю к чему я иду...
Так как все я просто живу.
Но только душу свою отдаю,
Всем кого я очень люблю
И врагам, которых терплю
И даже тех, кого я не знаю
И всем, кого обожаю..
И все так же терплю и люблю...
И...иду... и живу
Я не знаю пока к чему я приду.

***

Я помню маленьким ребенком,
Резвясь у папы на руках,
Я чувствую тепло и счастье
И добрые слова в его устах:

«Дочурка, умница, родная,
Смешная девочка моя,
В командировку уезжая,
Беру твой смех я
В дальние края».

Отцовское тепло добро и радость
Живут во мне – мне силы придавая,
Увидеть жизни свет, любовь и слабость
Тернистый жизни путь мне облегчая.

Вот так я и живу энергией «страдая»
То вверх взлечу, себя не ощущая,
То крылья опущу, куда лететь не знаю,
И каждый раз себе твержу:
«Благодари судьбу за то, что людям помогаю».

Иосиф Самуилович Матаев родился в 1940 году в Махачкале.

С детских лет учавствовал в ансамблях народного танца. С 1955 года - на профессиональной сцене. Солист балета Государственного ансамбля песни и танцы Дагестана. Затем солист балета и ассисент балетмейстера Государственнго Академического заслуженного ансамбля танца Дагестана "Лезгинка".

С 1982 года - художественный руководитель и главный балетмейстер ансамбля "Лезгинка". В качестве хореографа поставил десятки танцев, автор балетной сюиты "Думы матери",автор либретто, хореограф и режиссёр-постановщик балета "Парту-Патима".

Выпускник ГИТИСа им. А.В.Луначарского.

Народный Артист Российской Федерации и Дагестана, лауреят Государственной премии им. Гамзата Цадасы.

29.12.2015 11:49

Иосиф Матаев: «Я шел на большой риск»

«Я считаю себя счастливым человеком, хотя бы потому, что всю свою жизнь посвятил любимому делу, отдавая всего себя без остатка. И хоть путь к успеху был тернист и непредсказуем, я ни о чем не жалею. Если бы можно было бы прожить эту жизнь заново, то я с удовольствием прожил бы ее так же».

Этот год для выдающегося хореографа, народного артиста России профессора Иосифа Самуиловича Матаева – юбилейный. Маэстро хореографии исполнилось 75 лет. По этому случаю он дал газете «STMEGI.com за месяц» эксклюзивное интервью.

– Иосиф Самуилович, известно, что, когда обсуждали вашу кандидатуру на присуждение звания «Заслуженный артист ДАССР», кто-то
– Да, действительно. Мне было всего 19 лет, когда после выступления на возмутился, ссылаясь на ваш слишком молодой для этого звания возраст.Декаде литературы и искусства Дагестана в Москве в 1959 году многих солистов Государственного ансамбля песни и танца представили к званию «Заслуженный артист ДАССР». У кого-то из членов комиссии это, видимо, вызвало возмущение. И тогда первый секретарь обкома КПСС Абдурахман Даниялов вступился за меня, сказав, что лично видел, как я танцую, и считает, что, несмотря на молодость, я это звание заслужил.
– Это было в период вашей работы в Ансамбле песни и танца. А как вы пришли в «Лезгинку»?
– Танхо Селимович неоднократно предлагал мне перейти в его коллектив, но я как-то не решался, поскольку коллектив Ансамбля песни и танца стал для меня родным и оставлять коллег мне было как-то неудобно. Но со временем я понял, что работа бок о бок с таким мастером, как Танхо, будет в творческом плане намного интереснее, и со временем принял решение перейти в его коллектив. Надо сказать, практически сразу Танхо Селимович взял меня к себе в ассистенты, и вместе мы занимались постановкой самых различных танцевальных номеров.
– В своей книге «Маэстро Танхо и его «Лезгинка» вы пишете, что по количеству своих гастролей ансамбль «Лезгинка» вполне мог бы попасть в Книгу рекордов Гиннесса.
– Именно так. Поверьте, легче перечислить страны, в которых мы не были, чем те, которые объездили с гастролями. Кстати говоря, в те далекие годы нам удалось побывать даже в Израиле – при всём при том, что дипломатических отношений между нашими государствам тогда не было.
– Можно ли утверждать, что музыка танца «Харс», поставленного Танхо Селимовичем, является горско-еврейской?
– Конечно. Ведь эту мелодию напевала мама Танхо – Хаечим, подыгрывая себе на гармошке:

Геделей кук сеге дирейге
Геделей кук сеге дирейге,
Биё, биё, раче духдер
О хуней му кес не де…

А маленький Танхо танцевал под нее и запомнил эту мелодию на всю жизнь.
– С уходом из жизни Танхо Израилова ушла и былая слава ансамбля. А спустя несколько лет вы удостоились чести вновь открыть занавес большой сцены для ансамбля «Лезгинка». Кто был инициатором вашего возвращения, теперь уже в качестве руководителя ансамбля?
– Тогда я жил в Пятигорске, работал с танцевальными ансамблями разных республик. Вел размеренный образ жизни, который в один прекрасный день нарушил

телефонный звонок. Это был Расул Гамзатов. Он со своей женой Патимат находился на отдыхе в Пятигорске. Мы были старыми кунаками, и я, конечно же, пригласил его к себе в гости.

Разговор он начал издалека, спросив, что я думаю по поводу сегодняшнего состояния ансамбля и как давно видел его выступление. Я сказал как есть – что ансамбль потерял свою прежнюю форму. Изменилась нюансировка, да и в целом хореография заметно ослабла. Тогда он спросил, болею ли я сегодня за «Лезгинку». Я сказал – конечно. И душой, и телом. «А что тогда мешает вернуться и возглавить коллектив?» – стал возмущаться Расул Гамзатович.

Я говорю: понимаете, я уже здесь как-то обустроился, у меня свой дом, я выращиваю цветы… Он посмотрел на меня и говорит: «Цветы и в Дагестане можно выращивать, Иосиф». Мы посмеялись, и я пообещал, что в ближайшие дни поговорю с женой и дам ему ответ. А моя супруга Майя отреагировала на происходящее коротко: «Я – жена декабриста. Куда ты, туда и я». И через некоторое время я переехал в Махачкалу. Так, можно сказать, открылась новая страничка моей биографии.

– Знаю, вам нелегко было возрождать ансамбль. Многие солисты разъехались. А из тех, что остались, далеко не все были рады вашему возвращению. Но тем не менее вы вернули «Лезгинке» былую славу и признание. Более того – превратили ансамбль народного танца в настоящую балетную труппу. Как вам это удалось?

– Думаю, не последнюю роль сыграло то, что я не поленился и в возрасте 42 лет поехал учиться в ГИТИС, учеба в котором принесла свои плоды. Знания, которые приобрел там, добавил к многолетнему опыту…

– Плюс талант, без которого не было бы такого результата. И всё это в сумме позволило вам силами фольклорного ансамбля поставить настоящий классический балет «Парту Патима», который тогда стал сенсацией для всего Северного Кавказа.

– Да, но, поверьте, я шел на большой риск…

– Верю, но, возможно, именно благодаря этому риску вы, Иосиф Самуилович, стали первым дагестанским балетмейстером. И в заключение вопрос: что для вас танец лезгинка?

– Пожалуй, отвечу стихами Расула Гамзатова:

Ну, скажи, с каким же танцем
Мне лезгинку, друг,
сравнить?
В исполненье дагестанца
Лучшего не может быть.

В перебое барабанном
И в напеве зурначей
Мчатся быстрым ураганом
Парень, девушка, ручей!

Иосифа Матаева по праву можно считать родоначальником нового стиля в хореографии, основанного на синтезе дагестанского танцевального фольклора и школы классического танца. Будут у него продолжатели или нет – покажет время, но свой след в истории он оставил.

Мигиров Иосиф

Уважаемый Эльдар, здравствуйте! Рад знакомству с Вами. Посылаю информацию, которую Вы просили.

Родился в г.Нальчике, в России. (30. 06. 1951). Служил в армии. После демобилизации поступил в 1982г. окончил Литературный институт имени А.М.Горького. Член Союза писателей СССР.
Занимался еврейским фольклором. В 1996г. эмигрировал в США. Гражданин США.
Книги:
Талисман, Москва; До встречи брат, Нальчик; Век откровения, Нальчик; Исчерпанный чкловек, Нальчик; Свобода Иври, Нью Йорк; Оставленные жить, Нью Йорк; Царица Израильская, Израиль, Избранное в двух томах, Нью Йорк.
Премия "Литература года 2014" Нью Йорк.
Эльдар, прилагаю подборку коротких рассказов для Вашего аль-манаха. Всего Вам самого доброго! С уважением Иосиф Мигиров.

ДУША В ДУШУ...

...-Миша, принеси два мешка муки, а потом можешь идти получать деньги- и домой,-молодая завмаг протянула связку ключей и весело подмигнула.

Миша вышел из магазина, развернул стоявшую рядом тележку и покатил ее к складу. Большие замки склада хорошо видны с улицы, и, прежде чем открыть их, он смотрит на прохожих, слегка откидывает назад голову, и что-то гордое поднимается в нем: прохожие ведь не знают, что он обыкновенный рабочий магазина, а поэтому должны думать о Мише как о начальнике. И он дольше возится с большими замками, связкой ключей и уже сам верит в свою особую причастность ко всему этому, а значит, и к еще чему-то более важному...

-Все могут короли!-напевает Миша, возвращаясь к магазину,-Душа в душу!-думает он предстоящей зарплате-своих постоянных 90 рубчиках, и прохожие кажутся родственниками, которых он давно не видел.

Перетаскав мешки, Миша вручает ключи завмагу и, как бы, мимоходом небрежно сбрасывает:

-Все в порядке...-он скосился глазом на пышное богатсво, выпиравшее из-под блузки завмага.

-Ты молодец, Миша,- рука молодой заведующий легла на его плечо и он на секунду замер, чувствуя как половина того богатства прильнуло к нему. В голове запрыгало много добрых слов, и Миша растроганно подумал, что за свои

тридцать с лишним лет он еще не видел такого «душа в душу» начальника. Когда Миша получил зарплату и пришел домой, было самое «пивное» время.

-На!..-протянул он жене деньги,-ни копейки не потратил...-шелест девяти красных бумажнек наполнял его магической силой.

-Дай мне два рублика..-повертевшись возле жены, протянул он руку.

-Пить будешь

1-Да я... пиво...

-На пиво и рубля хватит...-отрезала она и, вздохнув, полезла в карман халата.

-Ну хоть мелочь еще дай...

-Сейчас и на пиво не будет...

-Ну что, не имею права что ли?! Я зарплату получил!-прозвенел Мишин голос.

-На, на!-жена сунула ему в руку несколько монет.

Миша по дороге посчитал деньги. Кроме как на бутылку вина, выходило еще и на кружку пива. Небогато, но Миша представил наполненный до краев стакан и веселее потопал к пивной. Да накатывало самое пивное время

-Здорово, братишка! Душа в душу!-приветствовал он встречных. Это было небольшое местечко и здесь все хорошо знали друг друга, а каждый о другом больше. Народу вокруг пивнушки собралось-будто все в этом мире получили зарплату: длинная очередь, шум-гам, да счастливые физиономии за стойками-эти уже вкусно отхлебывали из больших кружек.

Мише никакая очередь не указ и через пару минут, вкусно потирая руками, он стоял за высоким столиком:

-Душа в душу!..

Первый стакан разлил по душе сладостную легкость и вокруг за столиками гомонило славное пивное братство.

-Миша, спой!-вдруг крикнули ему. Он увидел как повернулись в его сторону головы и замерли руки еще мгновение назад кромсавшие воблы.

Миша сотворил мастерскую паузу: вырвал еще пару приглашений-Миша, давай!- поднял стакан в котором еще оставалось вино и тонко вывел:

-Абарагум! А-а-а!- и это было покруче, чем у самого Радж Капура.

Ну а когда он тряхнул черными, с сединой, кучеряшками, куражисто резанул свободной рукой, да, извиваясь тонкой фигурой, пошел меж столиков,- плакало индийское кино.

-Абарагум! А-а-а! Судьба моя, мечта моя, иди ко мне люблю тебя!...

2-Мужчина, Миша!

-Бродяга, давай!-сыпались аплодисменты. Миша изредка останавливался, ершисто подбивая кого-то худым плечом, снова бросал рукою кверху:

-Абарагум! А-а-а!..

С выползшей из брюк рубашкой, тонкий, он казался двадцатилетним парнем. А к пивной подкатывали, уносились и снова подъезжали машины... Мишу угостили. Потягивая пиво, поблескивая черными кнопками глаз, он понимающе

кивал: -Жизнь-это душа в душу! Кто нас не поймет, тот враг народа! А денег мне надо!

-А если миллионнчик?..- подбросили со стороны.

-Миллион душу портит!-знающе отрезал он.

-Ты гений!

-Я гипноз! Я все знаю!-как бы, что-то пообещал Радж Капур.

-А что ты знаешь?- подъехали снова.

-Душа в душу!.. Моя душа со мной в душу!

Подошли еще двое. Их Миша знал еще с детства. Вадим с массивным перстнем и Федя со стеклянным глазом. Поздоровались.

-Бродяга говорит, что миллион ему не нужен!-кто-то продолжил прерванный разговор.

-А зачем ему деньги? Он наскладе работает! У него... мука, сахар, лимонад...-Вадим повернул на пальце перстень. Миша повел взглядом по лицам. Жирные и тощие-они кривились, расползались в довольных улыбках. Мише показалось, что его загнали в темный лес.

-Братишка, ты надо мной смеешься?-Миша посмотрел на Вадима.-Ты надо мной не смейся. Я тебя не обижал.

-Пусть тот и дня не проживет, кто смеется над тобой. Ты же артист! Радж Капур! Вокруг катил смех.

3-Я не артист...-как бы невзначай заметил Миша.-Это вы артисты. Я что? Я на свой склад прихожу, бабе своей копеечку приношу. Я своей бабе, он - твоей...-он кивнул на приятеля Вадима-стекляннноглазого.

Накатила тишина. Остро запахло рыбой и подсоленным пивом.

-Сука!-стекляннноглазый, схватив Мишу за ворот, резко толкнул его. Тот, споткнувшись, плюхнулся лицом в асфальт. Пивное братство у столиков выжидающе замерло-ждали ответа Вадима, но тот кажется если чего и хотел, то забыть, что на свете существуют деньги. Миша медленно встал:

-Душа в душу...-как бы для себя пробормотал он, вскинув ладони соединил их над головой и поплелся от пивной. Уже пройдя метров двадцать, услышал за спиной крики. Повернулся. На том месте, где еще пару минут лежал он сам, теперь барахтались два человека. Кажется, это были Вадим и его друг стекляннноглазый. Миша провел рукой по лицу, глянул на красную от крови ладонь, но почему-то ему было очень спокойно. Он снова неторопливо потопал по улице. Наплывал теплый нешумный векчер с улыбающимся большим лицом луны. Миша протягивал к ней руки и, казалось, она слышит его:

-Абарагум, а-а-а!.

Прохожие поворачивались в его сторону, подтрунивали, но Радж Капур протягивал к ним ладони, пел и через припев бросал руками вверх:

-Душа в душу!..

СТАРЫЕ КАРТИНКИ

...Горские евреи уже лет триста как жили в Нальчике, наладили торговлю в Кабарде и сами кормились тем, что могли прекрасно выделывать и красить

кожу, шить обувь. А еще они ездили по селам да аулам-торговали красным товаром, иголками-нитками и были в самых добрых отношениях с кабардинским народом.

4 Торговали по одиночку и парами, вот в такую пару соединились два приятеля Бэбэ и Охрон....Однажды случилось так, что не успели они возвратиться к вечеру в Нальчик. Уже поблескивали в ночном небе холодные ясные звезды, а арба друзей еще только въезжала в далекое от города село. И лишь тускло мерцавшие огоньки домов, да разносивший в ночи лай собак, встречали громыхавшую по сельской дороге арбу друзей. Но на душе у приятелей было спокойно и уютно, ибо знали они, что горцы-народ гостеприимный и всегда рады хорошим людям.

-Попросим к ним...-Охрон показал на светившееся справа окно, потянул вожжи, и верный осел Хар, которму не терпелось поскорее добраться до порции сена, и, почуяв что они уже у цели, послушно повернул и остановился у плетенного забора. Звяканье цепи и матерый лай рвались в сторону арбы. Охрон несколько раз крикнул хазяина, но голос его был заглушен лаем пса. Но вот со двора послышался мужской окрик, собака повиновалась ему-лай сменился звуком волочившйся по земле цепи.

-Кто в такой час?..-приблизился голос.

-Свои,-ответил Охрон.

После коротких переговоров арба друзей въехала во двор. Хар нашел пристанище, сено и на ночь простился со своими друзьями. При свете лампады, сидя за низеньким столиком, наблюдали приятели за горбоносым широкоплечим сатриком-тот неторпливо собирал такой поздний ужин.

-Извините меня, дети мои,-говорил он.-Вы так поздно... все что есть...

-Что ты, отец, это ты извини нас за беспокойство!-воскликнул Охрон.

Старик положил на столик три лакума и три яйца, поставил стаканы, чайник и сел к друзьям.

-В Нальчике живет один такой Амирбек. Может слышали о нем?-спросил он, сцепив грубые пальцы работяги.

Друзья удивленно переглянулись, и быстро шепнул на джуури Бэбэ:

-Кажется, он моего отца имеет в виду. В селениях его так называют. Но только не говори, что это мой отец. Вдруг что-нибудь такое... Уж лучше пусть он не знает...

5 Охрон легко кивну: мол, это останется тайной до самой могилы и глянул на старика: -Знаем Амирбека, а как же не знать! Это мой отец.

-Какая встреча! Сынок, как ты вырос! Ты наверное меня не помнишь... Я не один раз бывал у моего друга и брата Амирбека!- растроганно заговорил старик и поспешил прижать щеку парня к своей колючей бороде. Охрону пришлось рассказать все последние новости об отце своего приятеля:

-Я горжусь своим отцом!-закончил он, сдерживая выпиравшую улыбку: хмурое лицо Бэбэ в тусклом свете лампады казалось еще более мрачным. А когда счастливый старик придвинул к Охрону еще один лакум и еще одно яйцо, лицо Бэбэ скисло и вовсе.

А в довершение всего «сыну» Амирьека была постелена мягкая, с высокими перинами, постель. Гордо, по-ханьски, взирал он он со своей высоты на приютившегося на полу Бэбэ.

Утром, когда арба друзей весело тряслась по дороге, уходящей из села, Охрон, хитро сощурившись, почесал в переносице , и, как бы невзначай, проронил: -Да-а, я никогда в жизни не был благодарен моему родному отцу Амирбеку. -Ничего,-как бы пригрозил Бэбэ.-Моего отца знют не только в этом селении. И сбылись его слова.

Через несколько дней снова застала их ночь на краю одного села. И в этот раз получили ночлег приятели. А когда на стол была поставленна еда, Бэбэ, с усмешкой глянув на приятеля, у хозяина спросил:

-Вы может быть слышали о таком Амирбеке из Нальчика?.. Это мой отец!

Победно блеснули в тусклом свете его глаза, но через мгновение и потухли, ибо встретились с хмурым взглядом хозяина.

-Слышали мы о таком из Нальчика...-глухо бросил он и почти всю еду подвинул к Охрону. Кроме этого, и на этот раз уплыла от Бэбэ мягкая постель...

Утром, когда арба друзей весело тряслась по уходящей из села дороге, Охрон, глянув в усталые глаза приятеля, обнял одной рукой и невольно рассмеялся: -Не расстраивайся, брат мой, просто в этом мире всем не угодишь...

СИНИЙ ГОЛУБЬ.

6 Не стало у Асэфа бабушки. Умерла Дэдэй. Ушла спокойно. И даже когда глаза ее уже ни чего не видели, а светились, как два светло-карих озерца, на глади их словно было сказано: то,что могла сделать я-маленькая горская женщина-сделала. И имя у Дэдэй теплое-мама. Асэф никогда не называл ее бабушка, Ба, Ба-буль-и вот только так и никогда по-другому. И все вокруг любили ее. Выйдет она, бывало, посидеть у калитки, не пройдет и минуты, как к ней подсядет соседская женщина или даже девочка.

Дэдэй никогда не говорила много. Больше слушала. И только изредка, поправив темную, повязанную к затылку косынку, скажет два-три слова, но тебе покажется, что все объяснено и подсказано.

Лицо ее выписано чистыми долгими морщинами. Такие же суховатые, с заметными венами ее руки. И душа... душа ее похожа на усталую реку: течет река, а вот появляется еще одна, поменьше, и впадает в большую реку. Так и люди. Раз появились они в жизни ее, значит, несут свои годы вместе...

Провели ее тихо, без суеты, даже старики, окаменевшие сердца, которые к чужой смерти с годами относятся с безразличием, и те, кажется, забыли свои разговоры, да каждый на могилку бросил по горстке земли.

Приехали с кладбища. У ворот стояли ведра с водой и большими кружками. Мужчины умывались, хлопками бросая в лицо воду.

Ворота уже были закрыты, а в дворе, вдоль забора протянулся длинный, заставленный едой, стол. Вода, зеленые овощи, рыба, яйца, хлеб. Асэф прошел в дом узнать готова ли остальная закуска. Глянув из окна кухни, увидел, как поднялся рабби, поднес «Писание» к глазам и медленно, кивая в такт головой,

стал читать. Асэф вышел. Над столами звучал равномерно-носовой голос равина и в промежутках поднималось густое мужское «Омин»! В стороне сидела группа женщин, в черных платках, о чем-то говорили. Рядом с одной из них вертелся мальчуган лет шести

Раби вел молитву, и звучало всеобщее -«Омин»!

Лица, лица, лица за общим столом. Разные, но в незримом все чем-то похожие друг на друга.

7 Асэф попался на взгляд своего друга Коли, добродушного молодого человека с широкими усами. Тот кивнул-подойди. Асэф прошел к столу. Товарищи развдвинулись, освобождая ему место. И снова стало тепло оттого, что в этот день друзья пришли сочуственно пожать ему руку, были с ним на кладбище, бросили по горстке земли на могилку бабушки. Налили водки. Неожиданнно в начале двора раздался громкий плач. Это был разлохмаченный пятидесятилетний Адам-всегда в одном и том же замусоленном пиджаке, бесцветных брюках. Он, по обыкновению, без приглашения ходил по свадьбым, поминкам; танцевал и плакал. Танцевал оттого, что свадьба, плакал оттого, что так полагалось. Он прошел к столу. Прежний осторожный говор, стоявший над двором, стал перекатываться в осуждающий гул. Вдруг, над головами раздалось хлопанье: хоп-хоп-хоп. Двор замер.

Хоп-хоп-хоп.

Лица обратились к небу, к осеннему синему небу-над двором бил крыльями голубь. Голубь стал опускаться, он был белым, но он опускался с синего неба словно малая часть безбрежной синевы. Синий кусочек синего неба.

Голубь опускался и вдруг порхнул на плечо седовласого мужчины. Тот застыл с растерянной улыбкой. Его рука так и осталась лежать на столе, прижав вилку.

Все смолкло.

Секунда-другая и кусочек синего неба порхнул на стол, ткнул клювом в тарелку и снова взлетев, сел на другое плечо. Почистил крылья и вновь взлетел.

Асэф смотрел в лица людей. Кто-глуповато улыбался, другой старался скрыть улыбку. А голубь снова садился на чье-то плечо, и снова никто не решался его прогнать, но и никто не смел брать на руки.

-Голубь!-вдруг радостно рванулся маленький мальчик, но женская рука остановила его. Асэфу подумалось, что во всем этом есть что-то особенное, ему захотелось взять птицу, приласкать, но вокруг были люди и ему на мгновенье показалось, что у него связаны руки.

8 Но вот голубь поднялся с застывшего плеча, поднялся, забил крыльями. Он взлетал выше и выше, с каждой сееундой становясь меньше и меньше. Синие крылья сливались с синей безбрежностью.

Поднялся рабби, за ним встали все сидевшие за столом. Звучала молитва, но взгляды людей невольно уходили ввысь, где с синими небесами слился маленький синий кусочек...

МАШИЈАХОВ ЈАША (1938-2001) Ә

республикаЈАзербаЈчан, ә шәһәр Гүбә, ә Гирмизи Гәсәбә әз дәдәј бири. Школара варасда бәгдә рәссам-ранксаз кор сохди. Әз нүјмүн класовоз шәјршо нүвүсди.

Јәкимүн нүвүсдә широшоју ә дувор гәзити ән школа вәдиромори. Бәгдәтәшо ә шәһәр Мохочкала рафди. Ә унчо вәдирәнбуһо журнал "Ватан Советиму" широју Вәдиромо. Ән амбар ә нүвүсдәкор Михајил Дадашововоз әлагә јаратмиш сохдәнбу. Јә кәм вәхт кирошдә бәгдә нүвүсдәһоју ә шориһо-никиһо , ә консерто хундә оморәнбу. Бәгдә ә шәһәр Боку кирошдә бәгдә ә гәриш ән хәлг јә хубә шоһирә хуно нуму вадарафт.Чәндд салһо ә Боку зиһисдә бәгдә амбара чуһурһојмурә хуно әри кор сохдә ә шәһәр ән Москов күчмиш бисдо. Һә кәнәш ә унчо әз широ нүвүсдә нәс појисдәнбу. Һә јә бирдән сәс вәдирәмо ки, Јаша Машијахов ә Гүбә рафданки дүнјоһ хүшдәрә дәкиш сохди. И зулумлүјә бәдә хәбәр һәм хәлгә, һәмикә мәрә лап амбар ә курунә фикирһо, хәолһорәвоз гисмәт сохд. Јә данандаја кук хәлг ә 2001-мүн сал пәрәстишкорһо нә дусдһо-тонишһој хүшдәрә ә тәлатүмә дәрд дәшәнд.

Јаша Машјахов ә соги хүшдә китоб нә вәдәшәнд. Широшојурә кура сохдә китобә кукју вәдәшәнд. Бәгдә һәмин китоб ә 1917-мүн сал тәкрор вәдәшәндәнки ә товнәју шоһирһо нүвүсдә широшорәш әлвә зијод сохдүт. Јәкикәјкә шоһир Симах Шејда 7 широјүрә ә зуһун мусулмунәји чарунди ә и китоб дәшәнди. И 179 сәһифәлик тәкрор китоб әри хәлг, әри оморә нәсилһо әз шоһир Јаша Машијахов јорәвурдә јодикори.

ДӘДӘЈ

Чү кујум дәдәјмә салһо зу кирошд,
Јә һәјил бисдорум ә коф куш нәдошд.
Дүлмә залум бисдо, дүлтү зу вокошд.
Дәдәјмә-дәдәјмә һәзизә дәдәј,
Әз овһој билоги тәмизә дәдәј.

Нәгарәт:
У кирошдә рузһо фурмиш нәс бирә,
Әјормә офдорә һәр түрә дирә.
Хубә рузһош нисдкә ә јор овурдәм,
Сипрә мујһојтүрә мә курбу кәрдом.
Дәдәјмә-дәдәјмә һәзизә дәдәј,
Әз овһој билоги тәмизә дәдәј.

Дүл дәдәј, дүл һәјил еки нәс бирә,
Ә вәхтү нә күрдәм мә кофһој түрә.

Вәһт бири вир сохдәм чофоһој түрә.
Дәдәјмә-дәдәјмә һәзизә дәдәј,
Әз овһој билоги тәмизә дәдәј.

Сәрмә дорд дорикә шәв нә хисирәј,
Дурә сәбәһһорә тү ә чум дирәј.
Мәрә кәлә сохдәј, түллә пир бирәј.
Дәдәјмә-дәдәјмә һәзизә дәдәј,
Әз овһој билоги тәмизә дәдәј.

Јшајүм нүвүсдә кофһојмә расди,
Гәрдтүрә нә дорум мә човон һисди.
Имоһој һүмүрмә-рузмәш варасди
Дәдәјмә-дәдәјмә һәзизә дәдәј,
Әз овһој билоги тәмизә дәдәј.

ДУХДӘР ДӘРБӘНДИ

Ә зуһун һәсәл зәрәј,
Ә ловһо шәкәр зәрәј.
Мујһорә ә бәнд норәј,
Рачә духдәр Дәрбәнди.

Әримә һәсрәт нори,
Дүлмә онкурә дори.
Әки тү лүкә нори,
Рачә духдәр Дәрбәнди.

Нәгүли гәләј Дәрбәнд,
Бүркһојтү чәнд ухһо шәнд.
Ә чумһојтү бирәм бәнд,
Рачә духдәр Дәрбәнди.

Әзмә әрчү дурр бирәј,
Мәрә ә рәһһо норәј.
Бәлкә кәсә коф дорәј,
Рачә духдәр Дәрбәнди.

И дәрд мәрә дәрму нисд,
Хиникини кәрми нисд.
Кофһо ә ловмә бәјисд,
Рачә духдәр Дәрбәнди.

Гошһојтү һәрәлүни,
Һовојмә һоволуни.

Дүл Јша јралуни.
Рачә духдәр Дәрбәнди,
Рачи духдәр Дәрбәнди.

Түрә-түрә дирәнки

Зүм-зүм сохдә билоґһо,
Түрә-түрә дирәнки.
Думон вир сохдә доґһо,
Түрә- түрә дирәнки.

Шәх никәрә ләс бирә,
Әгәд вәлкһо сәс бирә,
Һәммә ә ћәвәс бирә,
Түрә-түрә дирәнки.

Әвир ћилом рач бирә,
Түрә-түрә дирәнки.
Рач рачһош бирач бирә,
Һәрбој түрә дирәнки.

И ћилом һәммә ән тү,
Түрә хәбәр нисд әзтү,
Ки ошуг нибу ә тү,
Түрә-түрә дирәнки.

Һич вәхт дәрдлү мәбош тү,
Јашар хосдәни түрә.
Тү һәмсолә ди мәрә,
Түрә-түрә дирәнки.

Түш данусдәни

Ә ћисоб нә күрдә кирошди, рафди,
Мә әз тү лап дурум, түш данусдәни.
Ә мичәј чумһојтү чәнди-чәндиһо
Јәкүмүн мә бүрүм, түш данусдәни.

Мәпүрс әзу рузһо чәнд салһо кирошд,
Васалһо гәд бирә тамузһо кирошд.
Кәј ки, рачи рујтү ә рујмә докошд,
Мә ә болә дәрүм, түш данусдәни.

Әһилом јә руз дәрд, јә руз кәјф бирә,
Јә руз воруш бирә, јә руз вәрф бирә.
Јә дәрдтү һисдикә дәрдтү ди мәрә,
Мә ә сәхтә сур дәрүм, түш данусдәни.

Бијо зимисдујмә, һәминонмә тү,
Сәнгә шән әз дүлтү ә чононмә тү.
Худојмә - тү, Тиројмә – тү, чунмә – тү,
Түсүз хүшкә дорум түш данусдәни.

Әвир рачә күлһо ә мујтү вәри,
Шәјһој гүзүркүлһо ә рујтү вәри,
Зу бијо, ә Јашар һәлә чун дәри,
Нәбукә мүмүрүм, түш данусдәни.

Кирошдә рузһој ћәјили

Ә салһој ћәјили, рузһој ћәјили,
Әз сәрмә лүнк шәндә чү зу кирошдит.
Әзу тәлћә рузһо, ширинә рузһо,
Әримә чәнд гәдәр јәрәвуш һишдит.

Ә доғһој ән Гүбә, ә боғһој Гүбә,
Әришму руз-бә-руз дүлмә кирисдә.
Ә сәр лүкәј палуд, ә вәлкһој вәләс
Мәрә воруш бирә рихдә војисдә.

Куләһој бәғәлү әчәјит ишму,
Чикәһој тәлүшмү ә дәсһојмә вә.
Ә хиникә билог, ә вәрфлүјә дог,
Һәлә сәринишму ә гәд дүлмә дә.

Дү диглә ћәрс рихдә у духдәр һишд рафд,
Ә никәрәј Гуџјол тү шоһид бири.
Јогин у ћәрсһорә тү һәмишәлуг
Бәлкә ә мирвори чарундәнбири.

Мијом, садбо мијом, һозорбо мијом,
Ој Гүбә, һич мәћәл нишәнүм түрә.
Әз сәр ән куләһо, әз гәриш боғһо,
Мијом әри кәшдә Рәјили мәрә.

Тейло Нисанова - прозаик и публицист, член Союза писателей Израиля. Родилась и выросла в горном Дагестане, в городе Буйнакске.

"Тейло" на древне-еврейском языке звучит, как "Теилим", что в переводе означает - псалмы. Окончила инженерно-технологический факультет Дагестанского Государственного Университета. Долгое время проработала в Махачкале, в Дагестанском Рыбопромышленном Объединении, в компьютерном центре. Иммигрировала в Канаду с семьей.

С 2005 года занимается общественной деятельностью, является заместителем президента Центра Общины Кавказских Евреев Канады - Jewish Caucasus Community Centre of Canada, руководителем женской организации и директором программ для женщин и детей. Автор и руководитель многих общинных проектов: "Международный фестиваль детских талантов 2007 года", "День общины" и др. Делегат Генеральной Ассамблеи Всемирного конгресса русскоязычного еврейства, делегат Конгресса Горских Евреев, проходившего в Кнессете в мае 2008г., участик многих конференций и съездов горских евреев, проходивших в Америке и Израиле. Начала свой творческий путь с публикации статей для общиного печатного издания "Зори Кавказа" в Торонто. Являясь летописцем жизни горско-еврейской общины Торонто, написала более 100 статей, посвященных различным аспектам жизни и деятельности общины. Публикуется на сайтах stmegi.com, juhuro.com, gorskie.ru и в русскоязычных газетах и журналах Канады, США, Израиля и России. Первые рассказы были опубликованы в газетах "Кешер" (Пермь, Россия), "Секрет" (Израиль) и в литературно-публицистическом альманахе "Мирвори" (Израиль). Тейло – автор книги «Лабиринты судеб». В настоящее время автор книги продолжает сотрудничество с популярным в мире горско-еврейским сайтом stmegi.com. В Канаде проживает с семьёй, работает в компьютерной индустрии, имет троих детей. Любит свой народ и пишет о нём в новых рассказах, привлекая внимание простотой изложения сюжета и пытаясь найти дорогу к сердцу читателей.

Старое фото, или Солдаты Родины

Моему дяде Ильясэфу Измайлову посвящается. К 70-летию Сталинградской битвы.

И будет жизнь твоя висеть на волоске, и будешь пребывать в страхе день и ночь, и не будешь уверен, что выживешь. Утром скажешь: «Настал бы уже вечер!» А вечером скажешь: «Настало бы уже утро!» – от страха в сердце твоем, которым ты будешь объят, и от зрелища, которое увидят глаза твои... Дварим, 67 Китаво 28:65-67

Вспомни обо мне, Г-споди, когда благоволишь к народу Своему, вспомни обо мне помощью Твоей... Теилим 106-4

В то необычное утро легкий ветерок лениво, с легким шелестом шевелил перистые листья пальмы. Ее ветки тянулись вверх аж до самого второго этажа высотного здания, пытаясь скрыть от ярких лучей южного солнца сидевшую на балконе худенькую старушку. Сжав в кулаки сухие руки, она суетливо оборачивалась в сторону открытой

двери, прислушиваясь к звукам орущего в квартире телевизора. Не сдержавшись, Томор вошла в комнату и уселась на привычное место напротив экрана, на драпированном узорным велюром горчичном диване.

Удобно прислонившись к спинке, она устремила взгляд на стену, где в скромной коричневой рамке висело старое черно-белое фото. Из-за стекла на нее смотрел молодой парнишка в солдатской пилотке – и весело улыбался, будто хотел подбодрить ее словами «Не волнуйся, сестренка! Ведь все хорошо!». Она нетерпеливо посмотрела на будильник, стоявший в посудном шкафу у телевизора, и снова спросила внучку:

– Элина, скоро начнется?

Старушка, как и все израильтяне, в то утро находилась в напряжении, ожидая телетрансляции очень важного события.

– Скоро, скоро! – ответила та и, удивившись, спросила: – Что с тобой, ба? Ты что, плачешь?

– Это мой брат, Ильясэф Измайлов, – смахнув с лица слезу, тихо сказала женщина, указывая пальцем на стену, – мы звали его Илюшей.

– Бабушка, ты часто говорила, что за каждой фотографией скрываются судьбы людей, но никогда не рассказывала о своем брате. Может, расскажешь о нем? – придвинув кресло поближе, попросила Элина.

– Сейчас?! А мы успеем?

– Конечно успеем! До передачи еще сорок ми-нут! – уверенно протянула девочка. Она уже приготовилась слушать интересную историю.

– Верно, внучка, – кивнула Томор, начиная свой рассказ. – Каждый снимок хранит собственную историю, каждая фотография имеет свое прошлое, а вот это фото пришло с фронта. В ту пору я была девочкой, такой же, как ты сейчас. Страшное началось время. Костер войны, который разожгли тогда нацисты, заставил вздрогнуть весь мир. Его пламя очень скоро перенеслось на восток и захлестнуло Россию. Известие о войне застало врасплох жителей огромной страны.

Илюша – первый, кто принес в наш дом эту страшную весть. В тот день он торопился на обеденный перерыв и, как всегда, по пути домой должен был пересечь бывшую Соборную площадь, где находился бывший Андреевский военный собор. После революции он был закрыт, а потом в его здании устроили кинотеатр «Ударник» и площадь переименовали, назвали именем И.В. Сталина, так же как нашу Темир-Хан-Шуру переименовали в город Буйнакск. Обычно на городской площади по вечерам гуляли горожане, и здесь почти всегда громко звучала музыка из двух огромных черных репродукторов. Они висели на высоких столбах, стоявших у здания кинотеатра и неподалеку от входа в парк.

Приближаясь к площади, Илюша услышал мужскую речь, гулким шипением исходившую из репродукторов и разносившуюся по окрестным улицам. Прохожие останавливались, прислушиваясь к диктору. Скоро площадь заполнилась людь- ми. Испуганные и настороженные лица были направлены в ту сторону, где находились громкоговорители. Напряженный голос Молотова сообщил жителям небольшого горного городка о вероломном нападении Германии на СССР и объявил о начале войны.

Брату шел 18-й год, в то лето он работал учеником в швейной мастерской. В ней же наш отец, известный на весь город мастер по пошиву мужских костюмов, он руководил закройным цехом единственного в городе швейного ателье. Илюша раньше часто захаживал в мастерскую после школы. Здесь всегда было оживленно и многолюдно. Он любил наблюдать за тем, как руки отца управлялись с огромными ножницами за раскройным столом. Ножницы двигались по расчерченным мелом контурам на

добротной габардиновой ткани, ловко вырезая на ней рельефы и выкраивая детали для будущего изделия. Илюша видел, как потом на готовые выкройки ложились ровные строчки шумно стрекочущих швейных машин и шились новенькие, не знающие износа мужские костюмы. В ателье все уважали Илюшу за то, что он был хорошим помощником, аккуратен и скор в работе. Возможно, парень стал бы, как и отец, отличным закройщиком, если бы не эта проклятая война, которая всем изменила жизнь.

Война стучалась в каждый дом. Молодежь приходила в буйнакский военкомат с просьбой принять их добровольцами в ряды Красной армии. Мой брат попросился на фронт. Мог ли он тогда знать, что жизнь повернет в другое русло?

Старушка вдруг замолчала. Она всхлипнула, стараясь остановить слезы, но не выдержала и тихонько заплакала.

– Что же было потом, бабуля? – спросила Элина, обняв бабушку за плечи.

– Его направили в Бакинское военное пехотное училище, а потом на фронт. Всего три письма пришло с фронта, – сказала она и, осторожно достав одно из них, хранившееся за рамкой, добавила: – Это его последнее письмо. Вот что он написал: «Дорогие мои родители, любимые братья и сестра! Получил от вас несколько писем, которым был очень рад. Из них я узнал о том, что Белу забрали рыть окопы, и о том, что за ударный труд она получила благодарность от военкома. Она молодец! Незаметно пролетел год с тех пор, как началась война. За это время я прошел уже немало дорог. Наш полк стоит под Сталинградом. Мы освобождаем нашу землю от фашистов. Враг упорно сопротивляется, но мы его победим. Скоро наши разобьют немцев, закончится война, и все мы обязательно будем вместе. Пару слов я хотел написать о себе: жив и здоров, обо мне не беспокойтесь! Берегите себя. Посылаю вам свое фото. До свидания, мои дорогие. Целую вас много раз, и с нетерпением буду ждать писем из дома. Ваш сын и брат Илюша».

Дочитав письмо, старушка бережно сложила пожелтевший от времени ветхий листок, придав ему прежнюю форму треугольного конверта.

– До конца войны писем больше не было, – произнесла она, укоризненно покачивая головой. – Все думали, что он погиб на фронте или пропал без вести. Но Илюша вернулся спустя полгода после войны. Когда он вошел в дом, всех домочадцев охватил ужас – мы узнали его с трудом! Вместо улыбчивого, крепкого, пышущего здоровьем парня перед нами стоял истощенный до крайности, исхудавший подросток весом около 40 килограмм, похожий на живой скелет, обтянутый кожей. Его бледное осунувшееся лицо не выражало никаких чувств, а глубоко запавшие глаза были задумчивы. Вот что он успел тогда рассказать:

– Под Сталинградом нас ожидали тяжелые бои. Был приказ – отстоять город. Падение Сталинграда открыло бы дорогу к Майкопу и Грозному, к нефти... а Гитлер мечтал захватить Кавказ. Для Сталина битва за город была вопросом престижа. Сражение развернулось на тысячи километров. Солдаты показывали чудеса храбрости и героизма. Я был дважды награжден боевой медалью «За отвагу». Немцы бомбили нас днем и ночью. Город пылал в огне. Много народу полегло, много страшного я повидал там... Осенью после беспрерывных ожесточенных боев началось отступление. Наш отряд пробирался лесом. Бойцы, не спавшие несколько суток, еле двигались. Мы сделали вынужденную остановку, разбив в лесу лагерь. Ранним холодным утром раздались выстрелы, не умолкая била вражеская артиллерия. Меня оглушило и тяжело контузило от разорвавшегося рядом снаряда. Сколько я там пролежал – не помню. Очнувшись от злобного собачьего лая, я не понимал, что делается вокруг меня. Стоял дым, овчарки бегали по трупам, вблизи слышалась немецкая речь. С трудом приподняв веки, я увидел

над собой собаку и рядом с ней солдата в немецкой форме. Он смотрел на меня с явным презрением, насмешливо размахивая ружьем перед моим лицом. Мое сердце дрогнуло, веки снова закрылись. Ударив сапогом по груди, фриц заставил меня встать и поднять руки вверх. В голове шумело, я попытался выполнить его приказ, но руки не слушались и опустились вниз. Немец шел вслед за мной и, подталкивая автоматом в спину, кричал: «Хенде хох! Шнель, шнель!» Он конвоировал меня до железнодорожной станции. Там у длинного состава толпились наши солдаты из пересыльного лагеря военнопленных, который располагался под Сталинградом. Немцы загнали всех в грязные товарные вагоны для скота, и эшелон, набитый до отказа, отправился на запад.

Состав прибыл в Польшу, и военнопленных из нескольких вагонов погнали в лагерь пешком. Моя жизнь в концлагере началась с нового имени – Ильяса Исмаилова. Немец-переводчик, записывая на слух мое имя по-немецки в какие-то списки, ошибочно изменил его. По этой причине никто до конца войны так и не узнал о том, что я еврей. Сначала мне показалось, что я избежал той страшной участи, которая постигла многих несчастных узников, попавших под решение «еврейского вопроса».

Те дозы несчастья, которые пришлось пережить людям в аду немецких лагерей, нельзя назвать иначе, чем преступлением против человечества. Эсэсовцы клеймили нас несмываемыми номерами на левой руке. Они жестоко избивали заключенных за малейшую провинность, сажали в карцер и подвергали издевательствам и пыткам, лишали воды и пищи. За то, что я пытался сохранить наше семейное фото, лагерный надсмотрщик жестоко избил меня металлическими прутьями...

Томор, не сдержавшись, жалобно хныкнула в носовой платок:

– Когда мать дала брату чистую одежду, он разделся до пояса и пошел к рукомойнику, чтобы помыться. Мы с ужасом увидели, что вся спина была покрыта чудовищными шрамами от кнута и следами побоев, а на левой руке стоял вытатуированный шестизначный номер.

– Что еще говорил твой брат? Ты помнишь? – не отставала девочка.

– Переодевшись и отдохнув немного, Илюша продолжил свой рассказ:

– В конце осени бригаду узников из нашего барака повезли на грузовой машине на каменоломню. У объекта грузовик остановился, конвоировавшие немцы приказали заключенным сойти на землю. Я должен был спрыгнуть последним, но эсэсовец, стоявший в кузове, дернул меня за рукав, подавая знак, чтобы я остался. Мы проехали еще несколько километров и прибыли в польский поселок к дому, где располагался немецкий штаб. Конвоир подвел меня к сараю и, направив дуло ружья на груду валявшейся по двору древесных поленьев, что-то пробурчал по-немецки. Я понял, что надо было наколоть дрова и сложить их в сарае. К вечеру, когда всё было сделано, я набрал охапку дров, принес их в дом и снова пошел к сараю. За мной следом бесшумно шла пожилая женщина-полька, которая прислужи- вала в доме.

– За дровами я спрятала сверток с хлебом. Возьми его. Мой сын, как и ты, где-то воюет и, может быть, тоже голодный, – тихо прошептала она мне в затылок. Я подошел к указанному месту и, обнаружив сверток, быстро спрятал его за пазуху. Когда вернулся в барак, развернул льняную салфетку, в которую аккуратно были завернуты три нарезанных бутерброда с очень тоненькими пластинами вкусно пахнущего голландского сыра. С приятелем мы нарезали бутерброды на крохотные кусочки по числу обитателей барака и раздали всем. Получив свою порцию, каждый из них долго вдыхал дразнящий аромат неожиданного угощения, а потом, направив кусочек в рот, неторопливо перемещая его из стороны в сторону от одной щеки к другой, с большим удовольствием наслаждался давно забытым вкусом хорошего свежего продукта. Ежедневно в лагере по

несколько сот человек умирало от голода и истощения, от болезней, тяжелой работы и побоев. Страшно вспомнить, сколько узников было брошено в душегубки или «зондермашины», как называли немцы ими же изобретенные газовые камеры для массового умерщвления людей. Оттуда трупы отвозили в крематории для сжигания. Фашистские негодяи отделяли детей от родителей и живыми бросали их в печи. Дым, валивший из печей, и детский крик, доносившийся из зоны смерти по всему лагерю, приводили заключенных в леденящий ужас. Каждый из нас знал, что следующим может быть он сам.

В конце 1944 года меня вместе с другими военнопленными перевезли в другой лагерь, в котором было много мастерских по изготовлению боеприпасов. Узники здесь страдали, мучились и умирали так же, как во многих других концентрационных лагерях. Скоро эсэсовцы почувствовали конец войны. Они знали, что немецкие войска терпят поражение, что фронт быстро приближался. Нацисты, боясь возмездия за совершенные злодеяния, спешно пытались замести следы своих преступлений. Газовые камеры и печи стали работать круглосуточно, чтобы уничтожить как можно больше людей.

До рассвета вооруженные эсэсовцы окружили наш барак и вывели группу узников на лагерный двор. Объятые дурным предчувствием, мы молча глядели друг на друга. Я ждал смерти изо дня в день. Бежать было некуда. Лагерь, обнесенный колючей проволокой с током высокого напряжения, днем и ночью патрулировали эсэсовцы с собаками. Под конвоем мы пошли к тому месту, где стояли закрытые три невысоких здания без окон. Сообщив узникам, что они сейчас будут мыться, нас заставили раздеться и бросить одежду в тележку у стены. В темном помещении раздевалки я понял весь ужас безнадежного положения. На изнуренных лицах солагерников читался страх. Это был конец! Забившись в угол, я хриплым шепотом молился, просил Всевышнего о спасении. Перед глазами живо проплыли знакомые лица друзей, любимой Дестэгюль, родителей, наша улица. Я вспомнил, как в Судный день меня, маленького шестилетнего мальчика, отец впервые вел за руку на соседнюю улицу, на которой стояла синагога. В битком набитом зале храма прихожане целый день были погружены в чтение молитв, они с исступлением, как и я сейчас, просили Всевышнего о спасении, просили сохранить жизнь!

Видение исчезло в тот миг, когда в полутьме со скрипом распахнулась тяжелая дверь, открывая вход в зловещую газовую камеру, которая, как пасть прожорливого чудовища, жадно заглатывала толпу голых полуживых людей. Я с трудом оторвался от стены и, еле передвигая ноги, пошел за сбившимися в кучу узниками навстречу дикой смерти. Один-единственный вопрос в ту минуту жег мой мозг: почему? Вдруг цепкие руки схватили мое безжизненное тело и быстрым движением бросили в тележку с одеждой заключенных. Чей-то голос почти беззвучно шепнул: «Живи!» На меня рухнула груда вонючей одежды, тачка с грязным бельем покатилась. Ее вывезли и оставили у дверей прачечной. Спустя несколько минут я прислушался, кругом было тихо. Убедившись, что за мной никто не следит, я кое-как оделся в лагерный костюм и осторожно выполз. Озираясь по сторонам, мелкими перебежками я добрался до своего барака.

К счастью, смерть почему-то всегда обходила меня стороной, но забыть тот страшный день я не смогу никогда... Он стал самым черным днем в моей жизни... Выжив, я понял, что война – это самый страшный ад, какой только могли придумать люди, – закончил Илюша свой рассказ, печально опустив голову.

Из глаз старушки снова полились слезы.

– Не надо, бабушка, не плачь. Успокойся, прошу тебя, – просила Элина и, увеличивая звук телевизора, напомнила, что наступило время передачи.

Ведущая телепрограммы сообщала о возвращении домой из более чем пятилетнего плена израильского капрала Гилада Шалита, которого обменяли на 1027 палестинских заклю- ченных. Диктор напомнила о том, что практика обмена солдат используется в еврейском государстве многие годы на протяжении его существования, и сказала, что Израиль постоянно добивается обмена заключенных арабов на своих солдат – живых или мертвых.

– Ох, какой же он худенький, какой молоденький... – охала Томор, прищурившись, словно пытаясь получше рассмотреть мелькавшие на экране кадры, и потом, бросив быстрый взгляд на стену, где висел портрет брата, сказала: – Замучили парня...

– ...На базу Тель-Ноф доставлено большое количество медицинского оборудования, включая стоматологическое и рентгеновское... Шалита доставят на военную базу Тель-Ноф, откуда он вместе с семьей будет направлен домой, в поселок Мицпе- Хила, – звучал дальше голос диктора.

– Ты только посмотри, как пленника встречают! А он даже и не сын президента, – комментировала Томор.

– Бабуля, а при чем тут сын президента? – спросила Элина.

– Что ты, дочка, можешь об этом знать? – грустно усмехнулась она и сжала губы. – Ведь вождь Советского Союза Иосиф Сталин пленного сына своего, Якова, не захотел на немецкого генерала обменять.

– Ну так это же Сталин... – возразила девочка, протестующе сверкнув глазами, – а тут видишь, сам премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху прибыл на военную базу встречать Шалита.

– Всего за 54 года Израиль обменял около 12 500 заключенных палестинцев на 15 своих солдат, – снова удивленно повторила старушка слова диктора.

– Ты слышала, что сказал премьер-министр? – спросила внучка и сама ответила: – Он сказал, что «выполняет обязанность вернуть домой каждого солдата, который был послан защищать наших сограждан».

Томор, глубоко вздохнув, кивнула головой в знак одобрения.

– Бабушка, ты так и не закончила свою историю: кто такая Бела, о которой написал в письме твой брат? И почему ты сказала: «Вот что он успел тогда рассказать»? Почему «успел»? Что случилось с ним дома? – тараторила Элина, без остановки задавая ей самые разные вопросы.

– Мою старшую сестру звали Бела. Вместе с бригадой девушек ее мобилизовали в Ставропольский край на строительство оборонительных рубежей – рыть окопы. Домой Бела вернулась только в конце войны с медалями и благодарственными грамотами. – Томор сделала паузу и подчеркнула, глядя девочке прямо в глаза: – Верно, внучка, ты не ошиблась! Илюша успел всё рассказать, потому как через день к нам домой пришли из органов НКГБ, чтобы арестовать его. Брату предъявили обвинение в измене Родине и отправили в лагерь в Магадан.

- Как же так? Он выжил в концлагерях, воевал на фронте, должен был получить благодарности, а вместо этого – снова в лагерь? – удивилась девочка.

– Конечно, пройти войну и снова в лагерь – это как-то глупо! – согласилась старушка и заворчала. – От них дождешься благодарности, как же... Сталин не мог простить солдатам возвращения из немецкого плена.

Она судорожно вздохнула и с едким сарказмом, адресованным Сталину, добавила:

– Рябой палач считал советских солдат, побывавших в немецком плену, врагами народа. После войны этих несчастных ждали советские лагеря заключения, которые как грибы росли в стране, строившей коммунизм. Разве ребята плохо воевали? Нет! Они мужественно сражались за Родину и защищали страну от фашистов, рискуя жизнью, но «Родина-мать» бессердечно предала своих сыновей.

– Что же было дальше? Кто такая Дестэгюль и где она те- перь? – нетерпеливо наклонившись вперед, спросила Элина.

– Долгие 10 лет брат просидел в советском лагере. Когда энкэвэдэшники забрали его и стал известен срок тюремного заключения, родители голубоглазой красавицы Дестэгюль объявили нам о том, что помолвка расторгнута. Ведь до войны она была обручена с Илюшей. Через три года после тех событий Дестэгюль вышла замуж за Шабатая из нашего города, а мой брат, отсидев свой срок, в Дагестан больше не вернулся. Он уехал вместе с медсестрой Анной, лагерной подругой, в Ставропольский край, женился на ней и остался там жить. Сегодня ровно год, как Илюши не стало, он достойно закончил свой тяжелый земной путь. Наверно, совпадение, – тихим голосом сказала Томор и, поднявшись с дивана, медленно направилась к балкону, за которым привычно шумели зеленые ветки пальмы, зазывая посидеть рядом и насладиться теплым солнечным днем

«Да-а, совпадение, – подумала Элина. – Сегодня освобождают Шалита, солдата встречают родные, врачи и даже сам премьер... В этот же день ровно год назад, говорит бабушка, умер Илюша... А когда он возвратился из плена, Родина от него отвернулась...

Әмәчлис Тәҗлә Нисанова кәшірә омори. Әз тараф расд 2-мүи пәҗисли.

Поэт, прозаик и журналист **Роман Анатольевич Бадалов** родился в 1936 году в г. Махачкале. Член Союза писателей Израиля. Имя Романа Бадалова достаточно хорошо было известно любителям поэзии на родине исхода. Хорошо известно оно и здесь, на новой родине, в Израиле. Он автор ряда интересных книг, прозы и поэзии, среди которых наиболее известны «Иду на огонь», «Живу на войне», «Кавказские тосты» и «Похищение Семендера». В свое время две книги автора были представлены на соискание государственных премий в области литературы. На родине исхода это «Иду на огонь», здесь, на новой родине, «Живу на войне».

На литературном поприще Роман Бадалов дебютировал как поэт. Это было еще в начале 1960-х годов. Но уже где-то к 1970-1980-м гг. поэт заговорил, что называется, во весь голос. Это были тонкие и толстые, литературно-художественные и общественно-политические, отечественные и международные журналы и, конечно же, поэтические книги. И был успех, было читательское признание.

Он был самым юным делегатом на Первом съезде молодых писателей Дагестана. Его стихи печатались в литературном альманахе «Форум», имевшем статус международного издания, а также в известных журналах, таких как «Звезда востока», «Москва», «Нева», «Октябрь». Как публицист печатался в «Литературной газете» и «Известиях», «Комсомольской правде», «Российской газете» и во многих других изданиях.

Репатриировался Р. Бадалов 1995 году, у него две дочери - Галина и Марина, и двое внуков - Роман и Ева. На протяжении 17 лет проживания в Израиле он активно работает как писатель и как журналист. В каком-то смысле он автобиографичен. Его стихи и проза - это своеобразная исповедь человека, живущего среди людей, человека, знающего цену добру и слову, и человеческому достоинству. В них ярко и четко обозначен кавказский темперамент с его открытостью и теплотой.

Роман Бадалов - интернационалист по духу и своему мировоззрению. И, тем не менее, кавказская тема остается для него главной. Свидетельство тому названия самих его книг: повесть о матери «Марусэ. Не умирай раньше солнца», «Кавказские тосты», «Кавказские хроники», «Анджи-наме», «Папа выходит замуж». Это рассказы о горских евреях, хроника человеческих судеб, взлетов и борьбы за место под солнцем. А еще и летопись. Летопись из жизни людей, давно ставших легендой...

Хана Рафоил

НЕ СТАНУ Я

. .. Не стану я последним снегом,
Дохщем последним и грозой,
Последним добрым человеком,
Последней горькою слезой.

Не стану я последним бродом,
Последним красочным мостом,

Последним в жизни Дон Кихотом,
Последним с дерева листком.

Не стану я последним морем,
Последним в погребах вином,
Не стану я последним горем,
Последним в закромах зерном.

Не стану маком и тюльпаном,
Последней ключевой водой, -
А буду призрачным туманом,
Сплошным, невидимым обманом,
Навек легендою живой.

Я не живу

Какое крепкое вино,
А жизнғ моэ покрепче даже.
Я не живу уже давно:
Не жизнь - одна сплошная лажа .

Какая муза суеты!
Уходит прочь опять удача,
- Другому все опять цветы,
А я смеюсь, а я не плачу!

Какая страшная молва,
- Она живуча, как куранты,
- Набиты ядом все слова
- Летят в меня не бриллианты.

Какая скорбная стезя,
Какие траурные розы,
Куда умчались все друзья,
Откуда эти все угрозы?

Какое крепкое вино,
- А жизнь моя покрепче даже,
- Я не живу уже давно:
Она бела совсем, как сажа

БЕЛОГОЛОВЫЙ МАЛЬЧИК

Мальчиком белоголовым
- Не старцем седым
Я умру нежданно для всех,
- Но будет долго, как в ливень гром,

- Звучать мой Знакомый смех.
Мальчиком многознающим,
Из красок серебра
Удивлю я собою свет

- И огнем, полыхающим
Этой ночью костра,
Превращусь нежданно в рассвет.
Мальчиком белоголовым

- Не старцем седым
Мир собой удивлю.
Есть на душе горечи дым и ты, о ком молю.

НЕ ЗОВИ МЕНЯ ВНОВЬ ...

Не зови меня вновь,
Чтоб взойти на Эльбрус:
Высоты я отныне,
Как смерти, боюсь.
Не зови меня в Память,
в ушедший покой,
- Не вернуть уже их никакою ценой.
Не зови меня в юности
Зной и метель,
- Стала домом печали
Моя цитадель.
Не зови меня больше
В тот розовый сад:
В моем сердце теперь он,
как остров утрат.
Не зови меня больше
взглянуть на Кавказ –
Я давно уже древней звездою погас.
Не зови, не тревожь
моих заспанных ран.
Мое сердце теперь, как потухший вулкан.
Не зови меня больше,
прошу, никуда,

- Я забыться хочу и уйти без следа.

НЕ СПОРЮ

Не спорю: жизнь моя - собачья,
Не спорю: жизнь моя скромна.
Бывает, что порою плачу,
Бывает, что и мстит она.

Не спорю: жизнь моя - тревожна,
В ней мало радости теперь,
И я с опаской, осторожно,
В безвестность открываю дверь.

Не спорю: жизнь моя - дрянная,
Безмолвный, сумрачный тупик,
В котором тихо погибаю,
- Остался лишь короткий миг.

Не спорю: жизнь моя - сомненье,
И сумашедший звездопад,
И счастье, горе, наважденье,
И горечь роковых утрат.

Не спорю: жизнь моя - собачья,
Не спорю: жизнь моя скромна,
Но не ропщу я и не плачу, -
Со мной бальзам - бокал вина.

ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ ..

Журавль в небе
Кружит тихо, плавно, -
Не самолет на взлетной полосе, -
И на душе становится так славно:

Брожу, как будто ранью по росе.
Журавль в небе, ах, журавль в небе, -
Летит легко не в роковом пике.
Как некогда, уже не верю слепо,
Что лучше быть с синицею в руке.

Журавль в небе. Затаив дыханье,
Я с завистью и нежностью смотрю, -

И будто после первого свиданья,
Я сам, как птица, в небесах парю

РАФАЭЛЬ ХАНА (МИШИЕВА ХАНА) **(07.07.1960)** – член Союза журналистов. Родилась в Дербенте (Дагестан). В 1993 г. с семьей репатриировалась в Израиль (г.Тверия). Дочь А.Рафаилова, известного писателя, члена Союза журналистов России. Публикуются в русскоязычной прессе России, Израиля, США, Канады и Азербайджана. Победитель конкурса «Журналист года – 2006» в номинации «За пропаганду идей толерантности и интернационализма» (Россия). В 2008 г. ею издана книга "Отражение души", в ней собраны не стандартные интервью, а плоды многолетнего журналистского труда, интересные повествования и Х.Рафаэль одна из составителей книг – "Евреи Азербайджана" (2008г.) и Евреи Дагестана (2009г.)

На заседании Всемирного союза горско-еврейских писателей, состоявшемся 27 апреля в старинной синагоге горских евреев «Бейт Иссахар» в Тель-Авиве, присутствовали писатели и поэты Израиля, а также гости из Москвы и Баку. Открыл собрание председатель Союза Эльдар Гуршумов на родном языке. После приветствия он передал слово своему заместителю Фриде Юсуфовой. В свою очередь, Фрида Борисовна зачитала программу заседания, подчеркнув, что ряды Союза с каждым разом увеличивается и это, безусловно, радует. Она также поздравила именинников и юбиляров и представила новых претендентов на членство в Союзе горско-еврейских писателей. Затем Эльдар Гуршумов вручил удостоверения принятым в Союз новым членам.

Затем каждый из присутствующих прочитал свои новые произведения, причем некоторые зачитывали их под собственные мелодии, что приятно удивило их коллег. Авторские песни исполнили ветеран войны Соломон Юханов, поэтессы Рита Леви и Шушанна Абрамова. Поэт Зарбаил Бабиев спел мугам из своего нового сборника «Поэма о любви», наш замечательный поэт, гость из Баку Явушва Якубов исполнил рубаи и газели, а Эльдар Гуршумов звонким мелодичным голосом исполнил несколько благодарственных куплетов в адрес всей творческой аудитории Союза писателей.

Приятным сюрпризом стал приезд на заседание президента Гильдии адвокатов России Гасана Борисовича Мирзоева – автора 20 книг. Он попри-ветствовал присутствующих, рассказал вкратце о своем жизненном пути и сказал: «Я горжусь тем, что состою во Всемирном союзе горско-еврейских писателей».

"Божественные строки" Эльдара Гуршумова

Суббота, март 10 2012

Краткая справка: Эльдар Гуршумов его творческий псевдоним Эльдар Эльдарзаде. Родился в г. Кубе поселке Красная Слобода в 1940 году. Окончил музыкальную школу

по классу "тар", а затем обучался в народной консерватории по классу композиции и вокала в городе Баку.

Эльдар выпускник Бакинского педагогического института имени Ленина, факультета физики и математики. После окончания института жил в Баку, работал преподавателем в медицинском училище, директором заочной средней школы и был назначен на должность зав. кафедрой в Бакинский институт усовершенствования учителей. Занимал должность старшего редактора в дирекции музыкальных коллективов и фондовых записей в Госкомитете Азербайджанской ССР по телевидению и радиовещанию. С 1996 года проживал в Москве и в 1998 году репатриировался с семьей в Израиль.
В 1999 году вступил в Союз кавказских писателей Израиля. С 2003 года является председателем этого Союза. Эльдар Гуршумов – поэт, бард, певец. Исполнитель произведений под аккомпанемент своего старинного тара. Э.Гуршумов автор трех сборников стихов на горско-еврейском и азербайджанском языке, в которых 2400 строк, состоящих из поэм посвященных известным людям и стихов-шэирхо: "Рубаи", "Йэ бэндэюм", "Чор-джэргэи и ду-джэргэи", "Газельхо", и др. Сейчас готовиться к изданию следующая его книга стихов из девятисот страниц.

В жизни каждого из нас основную роль в воспитании и становлении личности сыграли книги. Начиная с детских книжек, затем школьных учебников и романов. Книга как наставник – учит, наставляет, успокаивает и развлекает. Но задавались ли мы вопросом: а кто их создает? Написание и выпуск книги, весьма трудоемкий и ответственный процесс. С развитием телевизионных и компьютерных коммуникаций как-то отодвинули на второй план увлечение

чтением литературы и собранием домашней книжной энциклопедии. Люди стали меньше посещать библиотеки, приобретать и просто-напросто читать книги. Но плеяда творческих людей, несмотря на это, продолжает пополнять свои ряды. Писатели продолжают писать романы и рассказы, поэты сочиняют стихи, художники создают картины. Как журналиста меня часто приглашают на презентации книг и альманахов как в Тверии, так и по другим городам Израиля. И те проблемы, с которыми

сталкиваются творческие люди, мне хорошо знакомы. И первая, самая главная из них – это издание и распространение книги, что является одним из трудоемких процессов для каждого писателя. Обо всем этом нам рассказал Председатель Союза писателей горских евреев Эльдар Гуршумов. евреи и наша задача уважать, ценить и любить друг друга!»

В канун "Рош-а-Шана" еврейского Нового года в Хадере прошла презентация новой книги "Божественные строки Эльдара Гуршумова". Просторный зал Культурного центра выходцев из Кавказа собрал

почитателей таланта известного поэта. Среди них жители Хадеры и друзья из Союза писателей. Организатор мероприятия, руководитель музея горских евреев Хадеры Борис Едигаров поздравил присутствующих с наступающим 5770 годом и предоставил слово председателю Совета общины горских евреев Хадеры Ами Нив. Он поздравил гостей с наступающим праздником и отметил: «Мы горские

Вечер получился очень интересным и ярким. На сцене звучали не только поздравления, но музыкальное сопровождение самого Эльдара Гуршамова, играя на таре, и он исполнял песни на горско-еврейском и на азербайджанском языке. Аккомпанировал ему на барабане Захар Абрамов из Кармиэля. Даниил Мишиев исполнил несколько песен из репертуара известного азербайджанского певца Рашида Бейбутова и по просьбе

зрителей песню "Гюльбоор". Журналист Соломон Абрамов вкратце рассказал о жизни и творческом пути известного поэта, композитора, народного певца, председателя Союза писателей, выходцев с Кавказа Эльдара Гуршумова:

- Эльдар Гуршумов родился в многодетной семье. Отец Пинхас-Хаим был уважаемым человеком в Кубе, он всю жизнь занимался садоводством. Мать Шекер была домохозяйкой, посвятила себя воспитанию восьмерых детей – семь сыновей и одной дочери. Эльдар начал играть на таре с 12-летнего возраста, с тех пор он неразлучен с этим замечательным музыкальным инструментом. Ещё школьником пинимал участие в городских концертах Кубинского района. Эльдар Гуршумов автор многих известных песен, которые исполняются горскими евреями ю всему миру. Многие из них написаны более 45 лет назад, это такие популярные песни нашего народа Духтэр губэи", "Духтэр бокун", "Эрчу, эрчу нэомори", "Соворэ аильхо", "Бийо бэр", Тэмбэлэ зэн", Тирой Мишн". А "Эгигэт", Дурма, гэль", "Шабат шалом Ерушалаим" и песни, посвященные светлой памяти Талхуму и Зауру Гуршумовым – это более поздние песни.

В творчестве Эльдара Гуршумова выражается любовь к своему народу, к земле Азербайджана и Израиля, к своим родным. Семья Гуршумовых считается одной из известных в общине горских евреев Красной Слободы, в те трудные после военные годы все сыновья семьи Гуршумовых получили образование, все дети от природы наделены прекрасными голосами. Его брат Сосун, был известным врачом в Азербайджане. Сын старшего брата Илила – Тальхум основал в Москве фирму «ЗАР» и открыл фонд помощи талантливым представителям из общины горских евреев. Заур Гилалов – сын Тальхума (Благословенна память о них!) был Первым Президентом Всемирного Конгресса горских евреев. Вместе с братом Акифом они построили две синагоги, - одна в Израиле в г.Тират-Кармель, другая в Москве, названа в честь его отца «Бейт-Тальхум».

Еще в 1960 году, будучи студентом консерватории, вплоть до приезда в Израиль, Эльдар Гуршумов занимался творческой деятельностью, он выступал с оркестром народных инструментов, радио и телевиденья Азербайджана, которым дирижировал заслуженный деятель культуры Н.Азимов. Эльдар исполнял народные песни и тэснифы, песни известных азербайджанских композиторов, таких как С.Рустамов, Дж.Джаангиров, Ш.Ахундова, О.Казимов, Э.Сабитоглу. Голос Э.Гуршумова слушали с замиранием сердца тысячи поклонников его творчества. Большой толчок в творчестве Эльдара, принесла дружба народного артиста Баба Салахова и Гюлары Алиевой - заслуженной деятельнице культуры и искусства Азербайджана. Сам Эльдар Гуршумов был награжден многими грамотами и призами. Поклонники его творчества до сих пор отзываются о нем с большим уважением. Усердность и трудолюбие этого человека можно приводить в пример нашей молодежи.

В конце вечера с поздравительным словом выступила поэтесса Ш.Абрамова, она спела песни-мугамы автора, растрогав тонкие душевные струны аксакалов, сидящих в зале. Вечер, посвященный презентации очередной книге стихов Эльдара Гуршумова, прошел с песнями и танцами в теплой, праздничной атмосфере. И, конечно же, пиком торжества было поздравление присутствующих с праздником Рош-ha-Шана рабби Юноном, он закончил своё поздравление под звуки старинного «Шофара - Рога» из коллекции музея горских евреев.

Давид Хутчнекер Рыбаков (1993г. 21 августа). Родился в России, в г. Самара. В Израиле нахожусь по прогграме с2016г. Живу в г. Йерусалиме.

Женат на Яэль Бат Рафаэль, горской еврейке родившейся в г. Баку. С самого детства не любил несправедливость, бесчестие, неискренность и чрезмерный эгоизм в людях. Большинство ранних произведений посвещены теме неразделенной любви.

Есть и стихи на тему о равенстве между людьми, взаимопонимании и поддержке.

Автор более 200х сот произведений ,которые опубликованы на сайтах. Новая книга находится в издательстве.

С уважением,
Денис Рыбаков

Я слишком...

Я слишком полюбил свое одиночество.
Мне ничего не надо, мне ничего не хочется.
И пусть каждый о своем горе заботится,
В надежду вцепившись за мечтами охотится.

А для меня это уже пройденный этап.
Я слишком стар стал не по годам.
В душе ноты играют на иной лад,
И свое одиночество я никому не отдам.

Кто-то верит в прекрасное будущее.
Цели ставит и идет большими шагами.
А я походу остался слишком нищим.
Мне ничего не надо, скажу между нами.

Уста не умолкнут, я слишком честен.
Умерла личность, в глазах все блекнет.
Ощущаю себя не на своем месте.
Мир мне отныне вовсе не интересен.

Я хотел быть хорошим, правда

Я хотел быть хорошим, правда.
Помогать от чистого сердца.
Снова ошибки, снова досада.
Моя надежда гаснет и меркнет.

Да, давайте! Бейте сильнее!
Плюйте в душу мою, негодяя!
Вера в себя отныне редеет.
Толкают к самому краю...

Я хотел быть хорошим, правда.
Но попытки все тщетны, увы.
Я одену вновь маску, как надо.
Буду таким же сложным и простым.

Не хватает тебя, мама

Легкой поступью в прошлое иду - домой, домой.
Улетают беды прямо в никуда - долой, долой.
Там где моя мама зовёт меня к себе - вернись, вернись.
Как жаль сейчас иначе все - оглянись, оглянись.

Помню был такой парень непростой - юнец, юнец.
Но вот моим капризам пришёл исход - конец, конец.
Стал намного твёрже камня - возмужал, стал мудрее и познал.
Ведь тебя так часто не хватает мама - тебя я потерял.

В этом тумане нечем дышать - одиноко, одиноко.
Лень и страх забирают назад - неохота, неохота.
Свечу сквозь мрак и темноту - надежда, надежда.
Есть доброта, есть пучина зла - я между, я между.

Ты - жизнь моя

Ты - жизнь моя...Все остальное уходит в пустоту.
С обрыва мысли падают схватившись друг за друга!
Они кричат и плачат, в голове стесняя тишину,
И может быть не все поймут сей мой недуг.

Да, я больной, глупец и вовсе сумасшедший.
Но объясните мне тогда, как женщину любить иначе?
Это словно как бежать за поездом, уже ушедшим,
И при этом...Полагаться на удачу.

Любовь к другой

Снова лил дождь, я скучал по тебе.
По твоим губам, что ночью сон крали.
И эти чувства выходили словно извне,
Из неоткуда, меня в туман забирая.

Не видно ничего, слепота, апатия.
Столько вариантов счастливым стать.
А я свою душу дарю братьям,
Ведь девушкам меня, увы, не понять.

Я прост сердцем, характером сложный.
Романтик внутри, снаружи грубиян.
В голове вроде все по полочкам сложенно.
Но в тоже время мысли окутал туман.

И дай Бог добра и счастья, кого любил.
Я не ревнив уже, злость перегорела.
Мир рухнул, что однажды сотворил.
Лишь любовь к другой справится с гневом.

Чудеса случаются однажды...

Мы давно не злились друг на друга.
Ненависть ушла прочь из души совсем.
Я не знаю, как мы жили б друг без друга,
Ведь по сути остались бы ни с чем.

"Порежу вены!", "С балкона спрыгну!".
Мы за частую ходили по лезвию ножа.
Нам не оступиться в этот миг бы,
Ведь оба понимаем: "жизнь - хороша..."

Мы так похожи, будто брат и сестра.
Но не по крови, а по душ родству.
Судьба у нас уж очень не проста.
Часто думаем: "когда же я умру!"

Пройдут года, станем гораздо старше.
Не факт, что мы после вместе будем.
Я жду, ведь чудеса случаются однажды...
А если что не так, пусть Бог меня осудит.

Жизнь идет ко дну

Жизнь идет ко дну.
Краски погрустнели.
Я никак не утону,
Как враги хотели.

И смеялись, и ругались
За спиной не раз.
Как в лицо, так замолкали!
Не поверите! В тот час

Чем им жизнь моя завидна?
Не богат...Не знаменит!

У меня такое чувство,
Счастье отдали в кредит.

За него не расплатился,
Кому-то сильно задолжав...
С одиночеством я свыкся,
Через силу, челюсть сжав!

Хоть я часто улыбаюсь,
Но в душе моей печаль.
По ночам не редко каюсь
За каждый прожитый февраль!

День влюбленных...Боже! Милость!
Я прошу, убереги!
Чтобы у тебя там не таилось
Для других прибереги...

Мне хватило чувств высоких...
И каждый раз цветы даря,
Я разлетался по осколкам
В середине февраля!

Про ушедших мы молчим...
Ведь о них нельзя же грубо.
А если это бывший друг?
И по воли слов ушедший сударь.

За речью не следя,
Проронил два слова.
Он послал меня!
Ведь я друг-то непутевый!

Ну и черт бы с ним!

Ведь друзей же много!
Я найду других!
Жаль ищу их долго...

Как взаймы дать...Сразу друг.
Как помочь, то выгоду все ищут.
Сумки за бесплатно не донесут,
Лишь бы взять деньжат на пищу!

Жизнь идет ко дну.
Я все больше одинокий.
Видно скоро потону,
Будут радоваться волки!

Про февраль вообще молчу!
Мечтаю впасть я в сон глубокий,
Ведь я скоро потону,
Как пророчили те волки.

Как друзей своих найду,
В других краях далеких.
Быть может я не потону,
Обломаются те волки.

Жизнь идет ко дну,
А я все черпаю силы,
Ведь тонуть я не хочу!
Я хочу прожить красиво.

Забудь о ней, забудь совсем

Забудь о ней, забудь совсем.
Твои мечты обрезала реальность.
Хоть ты попал в ужасный плен,
Где нету радости, хотя бы малость.

Ты шаг навстречу, она два назад!
И сердце сразу тонет в пустоте...
И как порвать сей крепенький канат!?
Обращаюсь в который раз к судьбе...

В начале было все вроде хорошо.
Она смеялась...Внутри все замирало.
Вот-вот от радости почти с ума сошел,
Но холод от нее...Моя душа рыдала...

Я не верю в успех своих надежд.
Стараюсь изо всех сил, но это мало.
Где-то глубоко во мне я слышу скрежет,
И кажется, что сердце биться перестало.

Я вот-вот влюблюсь, да как-то неудачно

Я встретил девушку прекрасней многих.
С ней рядом вел себя не как со всеми.
Все жаждал отношений я взаимных, долгих,
Но оказались они вновь не теми.

Боялся первый шаг сделать неудачно.
Но страх переборов, подарил цветочек.
Все вышло как обычно очень мрачно,
И вместо поцелуя лишь пару строчек:

"Ты мне как друг, прости, я не могу.
Дай Бог тебе бы встретить ту, родную."
От этих слов когда-нибудь с ума сойду,
Ведь до сих пор не встретил я такую.

И постоянно все одно и тоже.
Я вот-вот влюблюсь, да как-то неудачно.
Внутри проходит дрожь по коже,

А после на душе все время мрачно.

Мы дети России, мы так молоды

Мы дети России, мы так молоды.
Снаружи мы молоды, а в душе старики.
Слезы скрываем за милой улыбкой,
А внутри играет мелодия скрипки.

Хочется плакать, сил больше нет!
Маску одевать уже столько лет!
Проблемы в семье, в учебе и жизни.
Любовь увядает к своей же отчизне!

Банки, шприцы, бычки и пакетики.
Мы взрослыми стали, теперь мы не дети!
Отныне тут каждый за себя в ответе!
И жить-то осталось так мало на свете...

Я терпение желаю всем матерям.
Чтобы дождались детей своих.
Чтобы они не взрослели так рано.
На этом закончу, пожалуй, свой стих.

Сударыня, Екатерина, прошу меня простить

Сударыня, Екатерина, прошу меня простить,
Но я немного приболел и не смогу придти.
Мне очень жаль, ведь я лишен прикрас,
Увидеть всю красу незабываемых сих глаз.

Увы, мадам, не знаю я, когда мы встретимся вообще,
Но знайте важную деталь, моя душа пред вами в неглиже.
И всю Вашу красоту, чтобы понять, не хватит жизни.
Я буду верен зову сердца, как солдат отчизне.

Фальшь

Я боюсь позабыть вновь себя.
Кем я стал? Позор и стыд.
Честь на слабость променял.
Во мне мужчина был убит.

А ведь в начале...манило это.
Казалось есть пути назад.

Сделав то, что было под запретом.
Я пал совсем в своих глазах.

И нету силы дальше жить.
Не будет ничего как раньше.
Я так и не смог себя простить.

Моя жизнь сплошная фальшь

Я день начинаю с молитвы...

Я день начинаю с молитвы...
Прося об одном и том же.
Чтобы мама моя не ослепла,
Ведь нет никого мне дороже!

Пусть любовь причинила боль,
И по сердцу жену не найти.
Я набираюсь большой силы воли,
Ведь Бог всех не может спасти.

Я спросил у себя однажды:
"Почему мне Он должен помочь?
Что я сделал в жизни отважного?"
Я б не стал помогать будь я Господь.

Перед сном я молю о том же,
Чтобы мама моя не ослепла.
С утра до ночи это тревожит.
Хоть зима, весна, осень, лето.

Забери зрение лучше мое!
Я и так увидел много красивого.
Прошу, только спаси ее,

И я буду в мире самым счастливым.

Дарите матерям цветы всегда!

Сегодня маме подарил цветок...
Как вдруг внутри тепло так стало.
Жаль нужных слов подобрать не смог.
Молча протянул его, а душа рыдала...

Ведь часто я хамил ей по пустякам,
И цветы дарил лишь по датам красным.
А она переживала где б я не пропадал,
Все молилась, чтоб меня обошла опасность.

Я думал только о себе и цветы дарил,
Девочкам, что моей заботы не заслужили.
Взаимность ожидая, почти всегда глупил,
А те девчонки меня просто проходили.

Дарите матерям цветы всегда!
А не только на день рождения и восьмое марта.
Ведь наша жизнь так коротка,
И никто не знает, проживет ли мама до завтра...

А ты меня любишь?

А ты меня любишь?
Ну вот, очередное молчание.
Неужели снова погубишь?
Столкнешь прямо с краю.

Я теперь стала сильной,
Прошли те надежды.
Любить...Не заставишь насильно,
Но мне не забыть, что было прежде.

Тебе с ней хоть приятно?
Ты счастлив с ней вместе?
Нет-нет, я за вас рада...
Но это будет жалкою лестью.

Ты меня ведь не любишь.
И никогда меня не любил.
Совсем скоро забудешь...
С кем много ночей проводил.

Любовь к другой

Снова лил дождь, я скучал по тебе.
По твоим губам, что ночью сон крали.
И эти чувства выходили словно извне,
Из неоткуда, меня в туман забирая.

Не видно ничего, слепота, апатия.
Столько вариантов счастливым стать.
А я свою душу дарю братьям,
Ведь девушкам меня, увы, не понять.

Я прост сердцем, характером сложный.
Романтик внутри, снаружи грубиян.
В голове вроде все по полочкам сложенно.
Но в тоже время мысли окутал туман.

И дай Бог добра и счастья, кого любил.
Я не ревнив уже, злость перегорела.
Мир рухнул, что однажды сотворил.
Лишь любовь к другой справится с гневом.

Без тебя

Переспать с тобой лучшая награда,
Только этого мне вовсе не надо.
Хочу вместе прожить остаток дней.
Счастливым не стать, проведя одну из ночей.

Прикосновение, робкое дыхание...До дрожи!
Снова ты очередной мой сон тревожишь.
Не могу о тебе не думать и секунды.
В душе пустота, словно живу я в тундре.

Я как картёжник, без козырей.
Будто без храбрости царь зверей.
Как вожак, без своей стаи.
Жизнь без тебя - сплошное страдание.

Сам не свой

Твоя улыбка, всплеск глубинных эмоций.
Я хочу дотянуться до твоей души.
Но жизнь вновь кидает новые порции,
Напоминает как бы, не спешить.

Бездействие убивает, я скучаю
По твоим глазам, что радость доставляют.
Ненависть прошла, я тебя прощаю,
Все плохое между нами, будто лед тает.

Прости, но я устал быть лишь тенью.
Хочу стать половинкой, но живой.
Пытаюсь обуздать чувство лени,
Но вечно ощущаю, что я сам не свой.

Я приеду через моря и океаны

Я приеду через моря и океаны,
Дабы до тебя лишь дойти.
К черту все минусы и изъяны,
Что встретятся на пути.

Я рискнуть готов всем,
Чтобы по ближе тебя узнать.
Не остановлюсь ни перед чем,
Ведь есть то, ради чего страдать.

Ты живи, ты только радуйся,
А мне Бог на молитвы ответит.
Как можно меньше расстраивайся,
Ибо ты всех роднее на свете.

Свобода

Я в окно дымил сигаретой,
И чуть не упал в окно.
Разум летал в облаках где-то,
А на остальное мне все равно.

Я чуть не упал со стола,
Когда спускался присесть.
Жизнь ведь так коротка,
Что не успеешь совсем поседеть.

Я чуть смысл жизни не понял,
Но это все наивные мечты.
Я курил в окно сигарету стоя,
И познал всю суть простоты.

Мы живем под чьим-то запретом.
"Не кури, делай так, и не делай то."
Но внутри мы знаем ответы,
Свобода - это дорога в окно.

РАХАНАЕВ ЮДА (ЮРИЙ) (05.05.1985) – член Союза писателей Израиля. Поэзией и графикой увлекается с детских лет. Профессиональный художник – участник многих выставок и фестивалей творчества. Родился в городе Нальчик (Кабардино-Балкария). В 1993 году с родителями репатриировался в Израиль (г. Акко) недавно закончил службу в израильской армии ЦАХАЛ. Живет в Тель-Авиве.

רחנייב יהודה

חיים זה הים

חיים זה הים
גלים גדולים
ולפעמים מכים עד הכאב
יורדים עולים ומתקרבים
וכבר עכשיו אני מרגיש
איך אנפץ על הסלעים

שחפים עפים בעננים
אני יורד למעמקי הים
אך לפעמים הים סוער
ומאלץ אותי לשחות יותר מהר
עד החופים המבטיחים

חיים זה ים
גלים רכים
גאות ושפל
קצף מתפורר
אך לפעמים פצעים פתוחים
שורפים עדיין ממלח של הים

ציפור הנפש

לפעמים נפשי רוצה להיות ציפור,
היא רוצה לפרוץ מתוך גופי כמו הרוח
היא רוצה לצאת כמו תפילת כינור
ולגעת בכל המרחבים

יום יבוא והיא תצא מתוך תוכי
תתנער מכל עפר וחטא
ותפרוש את שני כנפיה הדבוקים
ותעוף עם כל הציפורים
היא תעוף מעל גבעות ועמקים
מעל גלי הים הסוערים
היא תעוף מעל היערות הנשרפים
מעל הזיכרונות המכאיבים
מעל הזמן
היא תביט
באהבה שמימית
ותסלח לכל מי שבגד בה

המנגינה הזאת ללא מילים,
עדיין לא יצרתי לה מילים
וכנראה היא תישאר כך.

לבד,רק נעימה צנועה, כואבת היא בשקט.
כל צליל, כל תו וגם כל לב.

המנגינה הזאת היא רוח של שופך
חרישית, זולגת כדמעות, יונקת אהבה מתוך חדרי הלב.
למנגינה הזאת צלילים של עצב, כעצב בעיני יתום רעב

המנגינה הזאת היא ערומה כנפש, כסתיו עולה בלהבות שלכת
צומחת כמו שיחים שמתלחשים בשקט, עכשיו שותקת היא
היא עוד מעט תשוב לספור טיפות של גשם

במנגינה הזאת חיים זורמים כנחל
נוגעת ברכות, חובקת כאישה
ומרגיעה כל כך, תופרת את פצעי
ביד קלה נוגעת היכן שכה שורף

המנגינה הזאת כילדה צוחקת, גורמת לי לרוץ אחר הבלי ילדות
המנגינה הזאת קנתה אותי בלי כסף,
תמורת סבלי
היא לי קנתה חיים

Я Рахмилов Гемриил Исаевич

родился 19.04.1967 г. в г. Дербент ДАССР. В сентябре 2016 года мной издан сборник "Сочинения между делом". В сборник включены три книги под названиями «Очаг», «О, женщины!» и «Ущелья».

Темой первой книги является мое мироощущение, данное мне дагестанской землей, городом Дербентом, в котором я вырос, Москвой, в которой я живу с юности и очень ее люблю и государством Израиль, где живут мои близкие, моя мама. Во второй книге собрана любовная лирика. Благодарен женщинам, которые были мне музами при написании стихов, отчасти они написаны для них и в их честь.

Третья книга о жизни, о душе, о мистике, которая сопровождает наш жизненный путь.

Совсем немного о себе: родился 19 апреля 1967 года в городе Дербент Дагестанской АССР, с 1983 года проживаю в г. Москва; окончил МИТХТ; отслужил срочную службу в ГСВГ; член Российского Союза писателей с 2014 года

Мой город Дербент

Я вспоминаю улиц тишину,
Осенних ливней сочную прохладу,
Восторги от нечастых снегопадов,
И знойный день и раннюю весну,
Богатство края, соль родной земли
Во вкусе сочных ягод винограда,
Особый дух, особая отрада
Во всем вокруг, куда ни посмотри.

Нарын-Кала в объятьях горных круч,
И маяка ритмичное свечение,
Роскошной эстафетою цветение
От миндаля до алычи и груш,
Восход на море и закат в горах,
Гнездовья ласточек под кромкой окон,
Ребячливые, белые до сроку,
Щенки тюленей в Каспия волнах.

Чтоб посмотреть на город с высоты,
Взойдешь на крепость, обходя магалы,
Там где вдоль стен ковровые развалы,
И перехватит дух от красоты.

Куда не взглянешь, чудно как в раю:
В красе церква, мечети, синагога,
Вот там мой дом, в тоннель ведет дорога,
И я орлом над городом парю.

Названия всплывают чередой
Дербентских улиц, будто здесь вершилось:
Буйнакский, Канделаки, Пугин, Киров
И Кобяков, как дань эпохи той.
Таги-Заде - здесь все старо как мир,
И Ленина, что вроде годекана;
С киосками «Печать», «Лото» - стаканом,
Кинотеатром «Родина» - ампир.

У побережья запах поездов
И аромат волнующего бриза,
Когда идешь по ломанным капризным
Махачкалинской, Красною Зарей.

По вечерам, соседи во дворах
О том о сем судачат вдохновенно,
Чай в армуда'х и нарды непременно,
Пока заря не спрячется в горах.
Я помню всех: и взрослых и детей,
Новруз-байрам и пасху, угощения -
Тарелочки соседского общения,
От крашенных яиц до куличей.
Ты и сейчас прекрасен, город мой -
Почтенный аксакал, проживший вечность,
Преполнен мудрости, глядишь беспечно
На горожан, на горы и прибой.

Лезгинка

Еще с языческих времен в горах,
В сплетениях народов, поколений,
На коренных отточен мастерах
Стремительного танца мудрый гений.

Орел присев, ждет воздуха порыв,
Поймав его, вдруг воспаряет птица -
Возносит тело, на носках застыв,
Танцор, чтоб в вихре танца очутиться.

Передавая гордой птицы нрав,
Он падает, добычу настигая,
Прикрикнет: «АССА!» - вздернув вверх рукав,
Прыжком привстанет будто бы взлетая.

Он кружит в танце, и крылом своим
Партнершу нежную оберегает.
Ногами чётко отбивает ритм,
Врагов невидимых прочь отгоняет.

Свои характер предъявить и стать,
Разглядывать ведомую тобою;
Где, как не в танце, можно все сказать
О чувствах пылких горцу молодому.

Лезгинка вновь затягивает в круг,
От тактов первых будто бы пьянею,
Мне на овации не жалко рук -
Как жаль, что танцевать я не умею.

Многообразие культур роднит
И мужество и грациозность сразу.
Лезгинка - страсть , исконный колорит,
Искусство и сокровище Кавказа.

Флажочек чувств

Мечта щемящий оставляет след
На месте том, где ты ее лелеял;
Волнует память через много лет
Флажочек чувств, оставленный навек,
Что выцвел и ослаб, но все же реет.

Счастливый человек

Сегодня я счастливый человек,
Вокруг любимые родные лица,
Ячейка мира, маленький ковчег,
И, кажется, что это только снится.

Собрались вместе за большим столом,
Перипетии жизни обсуждаем,
За радость встреч и за удачу пьем,
Про трудности на время забываем.

Чтоб не случилось на моем пути,
Нет в том преграды, близко иль далёко,
Я счастлив тем, что есть куда прийти,
Где точно мне не будет одиноко.

Молю о том, чтоб не прервалась нить
Бесценных встреч в обыденной рутине,
Пусть век живет, кто может сохранить
Горение углей в своем камине.

Мой дед остался молодым

Мой дед остался молодым
Отдав свой долг стране.
Недолюбил, недолюбим
Убит был на войне.
Холодный ветер гонит смог.
Боец лежит в крови.
И только в этот день он мог
Вернуться в Аглоби.

Река, саманный отчий дом,
Погост и стон зурны,
Родник, овраг и степь кругом -
Все, как и до войны.

На годекане у реки,-
Не изменить уклад,
Сидят степенно старики,
Глядя на водопад.

Неспешно возятся в саду
Вдвоем, отец и мать:
Детей учили вы труду,
Любить, не унывать.

Отец, ты не всегда был строг,
Я помню с теплотой,
Как слез ты удержать не мог
В прощании со мной.

Гоняет обод-колесо
Подросший старший сын,
А вслед вприпрыжку голышом
Мчит маленький за ним.

И лишь теперь я разгадал
Протяжный стон зурны -
Сынок, я твоего так ждал
Рожденья до войны.

На поле собраны хлеба
Уже давным-давно,
Но ртов голодных голытьба
Здесь рыщет все равно.

Немного колосков сестра
Сыскала на земле,
Лепешку испекла с утра
В тандыре на золе.

Как ныне горько наблюдать:
В предчувствии, тайком
О чем то тихо молит мать,
Лицо прикрыв платком.

Жена идет от родника
С кувшином на плече.
Прости, что ноша нелегка
С детьми и на бахче.

Благодарю за каждый день,
Что ты вошла в наш дом,
Оберегать тебя теперь
Я буду в мире том.

Пропал Ваш безвести солдат -
Пришел с войны конверт.
Её судьба - все время ждать,
Однажды дав обет.

Мой дед остался молодым
Отдав свой долг стране.
Недолюбил, недолюбим
Убит был на войне.

РАГИМОВ РОВШАН (27.11.1970) – член Союза писателей Израиля. Родился в городе Баку. Выпускник Бакинской Художественной Академии. Участник международных выставок. Репатриировавшись в Израиль, в 1994 году, сразу включился в общественную работу общины города Хадера. 28 января 2009 года, на общем собрании горско-еврейской общины Хадеры, большинством голосов, был избран председателем общины города. Автор множества керамических панно и витражей, альбомов красок и стихов.

ИЗ РАЙСКИХ ВОЛШЕБНЫХ САДОВ

Из величественного райского сада, где пенится фонтан любви и бьет родник надежды, к нам держит путь лирическая погода. Птицы, никогда не посещавшие эти края, уже рядом. Я слышу ликование их голосов, они просят меня разрешить им ворваться в твои сны, чтобы показать тебе свои безумные танцы. В эту ночь, ночь песен, ты, хотя бы во сне, побудь со мной. Несчетное количество глубоких тайн, что во мне плывут в цветочном море нового алфавита искусства.

– Творческие птицы, передайте от меня привет стране влюбленных. Принесите оттуда приготовленные для меня объятие мелодичной любви. Донесите ее, чтобы я смог вызвать на бой даже небеса. Море волнуется... Элемент везения, растолкуй мои сны.

Цветные звезды. 06:50 утра

Я не в состоянии очнуться от самого чистого лекарства - от тебя.

Конец дня... На белый лист я ставлю только точки. Вновь обращение ангелов к тебе идет через мое искусство. Ты моя Точка со значением точки.

Утро без чая. 05:18

В душе моей настали литературные дни. Сдружившись со своим сердцем, мы вечерами долго размышляем о тебе. Мы часто спорим, чья любовь сильнее. Я утверждаю, что моя, а оно считает, что я ошибаюсь. Оно говорит мне о твоей красоте, а я молчу. Я слагаю стихи, а оно – сердце, пишет на них музыку; я пою – оно танцует; я восхищаюсь тобою, а оно, превращаясь в узоры, создает картинки. Облака моих мыслей переполнились любовью. Мы с сердцем ждем, когда эти облака упадут на нас своими узорами. Ты – цветочный мост любви между мною и сердцем

Тронь клавиши лирическими пальцами.

Молчи, не говори. Прошу тебя, еще раз, ради меня молчи. Я, тоже молча, под гипнозом, слеплю твой образ, даже если он тебе не понравится.

Я положу свои ладони на твои кисти, и наши пальцы непроизвольно воспроизведут мелодию души, даже если клавиши покроются глиной.

Симфония Понедельника. 15:43

Войди в эту ночь и останься со мной посмотреть, как слепящее солнце родится во мне. Как лист пожелтевший, осенний, "что ветру подвластен ", я вею, у милого сердца лица, чтоб время не тронуло линий улыбки твоей.

Явись, идеал мой, чтоб с мыслями объединившись, нам засиять во влюбленных глазах. Приди и своим появлением обрадуй меня.

Усевшись за рояль, поймал я твой улыбающийся взгляд с увеличенной мною фотографии. Передо мной последнее твое письмо. Читая, я играю. Слова, стекая с письма на клавиши, слились в неслыханный аккорд. От бесконечной игры танцующие

пальцы превратились в звуки. Витая в воздухе, они ласкают и оживляют цветы, посаженные для тебя. Вдруг непослушные пальцы вырывают листы из нотной тетради и бросают их в огонь из тысяч свечей, зажженных перед твоим портретом. И дым от них, гладя твою улыбку, заполняет комнату твоим голосом. Я немею перед твоим громадным портретом. *Громкая суббота. 00.05*

Однажды таинственная Богиня, проникнув в моё подсознание, похитила мои мысли и, проходя сквозь моё сердце, отняла мои тайные мечты. Она была странно прекрасна, но, едва я моргнул, она исчезла. С того дня я каждую весну буду обращаться в цветок, чтобы она дышала мною, наслаждаясь.

Загримированный, одетый в маски из сказочных цветов, я поднимался в небеса, проникая в моря, ища ключи от рая. Тогда еще она не знала, что моя жизнь написана по-другому. Этот мираж был как весенний фестиваль.

Обнаженная душа Пятницы.

Шальная ночь.

Почему-то птицы не поют...

Когда не в себе – иду в парк. Смотрю на рыб, стараюсь быть как они. А ночной город в воде свой теряет свет.

У ног странной девушки, играющей на арфе, валяется потертая шляпа. Вблизи голубки, воркуя, безмятежно клевали брошенные корки хлеба. Бросая монеты рукой прохожих, судьба дарила ей хлеб насущный. Отбрасывая краски нищеты, в наряде принцессы она брала веселые ноты. Когда же звон монет умолкал, она замирала, укутавшись в испорченную молью шаль, а арфа, опечалившись, воспевала грустные истории. Ты, как та мелодия скромна, моя молчаливая богиня.

Я часто рисую этот эпизод, а та мелодия во мне играет бесконечно.

Как только исчезает Солнце, пустеют улицы города, и наступает темнота. Остается одна лишь зыбкое свечение. Я вижу в нем твое венчание с ветром, а на твоей шее талисман, отвоеванный мною у Вселенной. Душа требует сильного ветра, чтобы он вознес меня к тебе как опавший с дерева печальный лист. Чтобы, кружась вокруг тебя, продемонстрировать Вселенной свой победный вальс.

Такая вот осенняя фантазия о невесте ветра.

Ветер, что идет по пути морскому, проносит меня над волной. С птичьего полета я разглядываю, морское дно и в большом подводном замке вижу тебя, увенчанную сверкающей короной. Ты собираешь звезды со дна и бросаешь их вверх. Чайки ловят и передают их мне. Я складываю из них в небе любовные строки.

Спустя время, они падают дождем к тебе, чтобы прикоснуться к твоим губам нежными поцелуями. Вдохни эти поцелуи и выйди на поверхность моря, чтобы станцевать со мной подводное танго на крутой волне. Под вечер я взял гитару в руки и, вынув сердце, у окна его оставил – немного охладить, но оно исчезло... Если голуби принесли его тебе, верни мне половину, чтоб свидеться нам. Я в окружении книг, и сам в романах растворился. И проходя свой путь, как сон, желания нет проснуться. Мелодия затерялась меж струн моей гитары. Мне не повторить тех звуков пустоту.

Солнце медленно скатилось с крыш домов города, и горящий воздух проплывает над землей как яркий ковер. Моя душа не забывает и, шутя, скрывает от меня секрет моего успеха. Святые чувства, прожив во мне свое детство, возмужали вместе со мной. Я эти чувства просеял до сегодняшнего дня. К сожалению, я знаю, что писать – не мое призвание, и чувствую, как голова кружиться и душа поет.

Это – не легенда, это – истина.

РАЗИЛОВА РАХЕЛЬ (05.01.1972) – член Союза писателей Израиля. Родилась в городе Дербент (Дагестан). Репатриировалась в Израиль с 1992 году. Сейчас, она мама двух детей. Окончила колледж «Онало» – факультет физичечкой культуры и спорта. Имеет вторую степень Хайфовского университета по специальности география (туризм). Живет на севере Израиля в городе Кацрин. Рахель работает в школе. Педагог по профессии. Первые стихи начала писать со школьной скамьи. Публикует свои произведения на русском, на иврите и на родном горско-еврейском языке, пишет их в дагестанской графике. Готовит к изданию сборник стихов и песен.

СОХИМ БОВОР

Ме гьэ эдем гешде туьре,
Энжэгъ туьни э дуьлме.
Воку эриме дуьлтуьре,
Винуьм, унжо деруьмгэ ме.

Мэ туьре хосде эз дуьли,
Мибэхшуьм гIуьмуьр жоhили.
Сох бовор э дуьл гIэйили
Муьгьбетме гьисд лап эз дуьли.

Лап эз дуьуьи воисдени,
Дим йекире муьгьбет дусди.
Келе ниет войгеймени
Сохим бовор э дуьрисди.

ЭРИ ДЕДЕЙМЕ

Чендгъэдер ме не биремгеш зобу,
Эзме, дедейме, хубе зен мибу.
Бигьил муйгьойтуь гьич сипи небу.
Ферзендгьойтуьш э пушойтуь кэлэ бу.

Туь мере шир доре келе сохдей,
Метлебгьой дуьлмере воровундей.
Туь, дедейме, мере хьэсуьл овурдей,
ГIэйилимереш туь келе сохдей.

Йекиш мере нихогьу зийодтэ,
Туьни эримэ эз гьемме куьндте.
Вес нибу ризгьо эри пур сохде,
Э гӀуьзет нумтуь эри нуьвуьсдэ.

Туьре, дедей, мэ эдэм гоф доре,
Сэхд эз дуьли михогьум гуфдире.
Зийодте йекиш нидану хосде,
Туь э дуьлмэ, - те дуьл поисди.

Хосдэнуьм эритуь гӀуьмуьрдурази,
Боши куфдирэ туь эзмэ рази.
Нисохум мэ туьрэ Ӏнич бирази,
Гьемише туь эзме мибоши рази.

ЭРИ ДЕДЕЙМЭ БАТУШ

Мере, туьре воисдке, гӀэйб сох.
Туь, жон дедей, лап сэхт гереки.
Йе туь мере норей э дузе рэхь,
Йе туь хуб сохдей ночогъ бireки.

Э хубе коргьо хуте сохдей,
Раче гофе э дуьл донорей.
Ӏнэмишэ саламати хосдей,
Э гьэр вэгӀде эриме бирей.

Э хубе рузгьо жуьфт хэндуьстей,
Гьэршев зийоде шори хосдей.
Кими вэхт эзме бед гирисдей,
Чуьш не бириге бовор сохдей.

Бовор сох, тейте ме мизигьуьм,
Туьре, энжэгь, товуш мугуйум.
Эз кор-бор тейте дуьл поисде,
Гьэр сэгӀэт михойум зийодте!

"""
Jə бəндəjүм Ӏə кəрдо,
Офто нə Мəнк Ӏə кəрдо.
Зу оморə Мошијəх,
ДовӀо нə чəнк нə кəрдо!

ЛЕВИ РИТА (24.08.1961) - Ә дијор Азәрбајчон һисдиһо ә Гирмизи Гәсәбәј ән рајон Гүбә ә дүнјоһ омори. Бәгдәһо Әз 1972-мүн саловоз ә шәһәр ән Боку зиһисди. Ә 1994-мүн сал ә кифләтәвоз ә Израил омори. (шәһәр Акко) Ә 3 зуһун широһој хүшдәрә нүвүсдә. Уһо ә козитһо нә алманахһо вәдирәморә. Һәрдов ә мәчлисһо шәјрһој хүшдәрә хундә, кушдошдокорһо ә јә кәлә ћәвәсәвоз чәк зәрә разилуги хүшдәрә бурбундәнүт. Чәнд салһоји нүвүсдәһој хүшдәрә кура сохдә әри китоб вәдәшәндә әдәј мүмкүнот офдә. Ә гәд ән широһојој әри дәдәј нүвүсдиһо фәлсәфијә фикирһојој ћәзизә хундәкорһорә ә ширинә хәјолһорәвоз әри мити бирә һорој зәрә. Леви Рита ә Чәћм нүвүсдәкорһој чуһурһој-доги ән Израил дәри.

Дијә ни имбу

Әри товнәј Нисим һәср сохдәм

Әз чуммә зијодтә хосдәнүм түрә,
Әз мә дур мундәји, мәкүш дүлмәрә.
Јә рузиш мә түсүз ниданүм бирә,
Ә рујтү һәсрәтбәнд мәјил чуммәрә.

Ә рәһтү чунмәрә дорумкәш гурбу,
Кирошдиһо рузһо дијә ни имбу.
Амбара дәрд, болә дори мәрә тү,
Әз сохдә корһојтү бисдори пәшму.

Никә рәһһојмәрә мәрдүмә дорум,
Бәхтһој мәрдүмирә әримә норум.
Вир сохдә хүшдәрә, кәшдә нә офдум,
Рухундә ћәрсһорә ә сәр дүш бофдум.

Чум бәсдә, хисирә нәсданүм түсүз,
Мүрдәјмә војисдә түрә, инсофсүз?
Нә духдир, нә дәрму јә чорә насдә,
Ђүмүрмә, дан, түсүз әдәј варасдә!

Чәнд сал бәгдәјкә

Әз хотур В.ЈУ. күичундәм

Имишәв ә ћилом ән бәхтәвәрүм,
Чәнд салһо бәгдәјкә түрә винирүм.
Боворим нә сохдум – дузи әз әвәл,
Домундум ә хүшдә ә фикир, хәјол.

Нә данусдум әз тү нәзник оморә,

Әри нум пүрсирә – боворим бирә.
Кәширүм хүшдәрә әз дусд, әз тониш,
Әнчәг ә чумәвоз сохдум дүндүрмиш.

Чүтам хосдәнүм

Әри товнәј Нисим күнчундәм

Јә дәдәј фәрзәндә чүтам хосдәкә,
Бово сох, мәш түрә һәчу хосдәнүм.
Јә хәһәр мунорә чүларз сохдәкә,
Һисоб сох, ә сәртү һәчу сохдәнүм.

Јә һәјил ә бәбә һүрмәт күрүһо,
Дан ки, һүрмәттүрәш һәчу күрдәнүм.
Јә зән әри шүвәр номус доруһо,
Коф нисд ки, хүшдәрә һәчу бәрдәнүм.

Һәрсһој ән чуммәрә бул рухундәјкәш,
Хәндәһој ловтүрәш ә јор мијорум.
Тәхсирбәнд ә сәрмә күл сухундәјкәш,
Һәр чүр хубитүрәш әјор мидорум.

Кәј мәһәл сәс мошин шинирә вәһдә,
Сәрсонбәнд дәнишрәм әз лој пәнчәрә.
Дирәнки тү нисди, гәм хурдә бәгдә,
Мијтүрә әз шәкил күрдәм ә һәрә.

Ә һилом әз јәкиш бовор нә дирә,
Ә түндә иһтибор түрә вәрзундум.
Сур дүлә, һәр дәрдә әтү куфдирә,
Тү һисди, бовор сох, мә түсүз мундум.

Хубирә ә хәрәб гәриш сохдәји,
Һәсәлә ә зәһәр дачарунди тү.
Мәрә ә јодәво дәкиш сохдәји,
Хунәј мәһәббәтә вачарунди тү!

Әри јә нәхүјтүш нивојум зобу,
Кәрәк нисд әз мозол чиро појисдә.
Кәј ки, ә рул мошин дәстү мивобу,
Рәһтүрәш саламат дирә војисдә!

Нидануҥ бирэ

Тҥ дуриш һисдикэ эз мэ чэнд шэһэр,
Эз һэр дүлэсдимэ күрдэни хэбэр.
Нисди шори дүлэ нэ соj, нэ гэдэр,
Дэҕэм эн дэдэjэ эримэ дирэ,
Чон хэһэр, тҥрэ тоj ниданҥ бирэ.

Һэрбоj эз телефон сэсэ шинирэ,
Тҥ эдэj гэм хурдэ, фикир кэширэ.
Ҕэлолмэнд хурдэjи эз дэдэj ширэ,
Эри дордһоj чунмэ чорэ виндирэ,
Чон хэһэр, тҥрэ тоj ниданҥ бирэ.

Амбара салһоjи мундэjм ҕэрэлҥ,
Э сурог jэкиним һоjлу, чаралҥ,
Һэр кофтҥ мэлҕэми эри jаралҥ,
Расундэ чэтини һэммэj никирэ,
Чон хэһэр, тҥрэ тоj ниданҥ бирэ.

Экэр шинирикэ - хэһэр чум бэсди,
Куj: - тэшнэ-тэмаруз рафди эз гэсди,
Ҕэриси кук-духдэр нэ дирэ чэсди,
Вэкир сох – чүнмэни мүрдэ фэгирэ,
Чон хэһэр, тҥрэ тоj ниданҥ бирэ.

Э сэрмэ рихдэjи сад чиро болэ,
Эдэм хүшк зэрэнүм эз дорд, нэ нолэ,
Эри балаһоjмэ бош дэдэj, холэ,
Рүҕмэ эз гэд чэннэт мидов гэдүрэ,
Чон хэһэр, тҥрэ тоj ниданҥ бирэ.

Шүвэрбэнд – сэрпуши ХУДОмэнд кэрдо,
Кифлэт э сэр болуш соглом дэкэрдо,
Бэхт-мозол эн Рути этҥ вэкэрдо,
Сэрмэрэш э норэ поjтҥ вэрзирэ,
Чон хэһэр, тҥрэ тоj ниданҥ бирэ.

Лия Микдашиева (Шамаилова), родилась в Красной Слободе (Куба, Азербайджан) 04.02.1961 г. После окончания средней школы, поступила в педагогический институт, на исторический факультет. Преподавала историю и обществоведение в школах Ленинграда (Санкт-Петербург). В 1991 г. с семьей репатриировалась в Израиль.

Окончила высшие журналистские курсы, сотрудничала с русскоязычными израильскими газетами. Работала в Национальном Музее Израиля, научным сотрудником департамента этнографии и иудаики. Лия Микдашиева куратор и организатор выставки «Жизнь и быт горских евреев на Кавказе и в Израиле», в вышеназванном Музее. Лия научный редактор изданий на иврите и английском языках с тем же названием «Жизнь и быт горских евреев на Кавказе и в Израиле» (2001-2002гг).

С 2003 по 2006 гг. вела на израильском радио «Коль Исраэль» передачу о культуре и истории общины на язык-джуури.

Лией изданы две книги на русском языке: «История и культура горских евреев Кавказа» (2009 г.) и «Феликс Шапиро и горские евреи» (2014 г.).

Лия Микдашиева была корректором и редактором книги «Молитвословъ» (Голос Молитвы) А. Пинхасова, переизданный в 2015г.

Защитила докторскую диссертацию по теме «Этнодемографические особенности и миграционные процессы горских евреев Кавказа». Несколько лет сотрудничала с институтом имени «Бен-Цви» (институт по изучению восточных и сефардских евреев). Была специальным корреспондентом азербайджанских каналов: «АНС» и «Lider» на Ближнем Востоке; координатором азербайджанских студентов в Израиле.

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ И ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ

Первый этап: горские евреи и Эрец-Исраэль в XIX веке

Взаимоотношения горских евреев с исторической Родиной прошли несколько этапов. Первый этап -19 в.

Стремление переселиться в Эрец-Исраэль глубоко укоренилась в *традициях* и обрядах (*адат*) горских евреев на Кавказе. Оно нашло свое отражение, как в поэзии, так и в пасхальной трапезы. Принятое у евреев диаспоры произношение традиционной формулы во время пасхальной трапезы «Бэ шана А-баа бэ Йрушалаим» – «В следующем году в Иерусалиме» -

обнадеживало их, что «придет мессия, сын Давидов, и Всевышний соберет весь народ из рассеянья так, как в древности сделал...»
В свободное время члены общины собирались в одном из домов, пели песни и псалмы, которые зиждились на мысли грядущего Избавления и переселения в Эрец-Исраэль.

Отвлеченные стремления стали более реальными по мере того, как налаживались и укреплялись связи горско-еврейских общин Кавказа с Эрец-Исрэль. Важную роль в воплощении этой связи среди горских евреев выполняли *посланцы* (*мешулахим*) из Эрец-Исраэль и паломники, возвратившиеся из Святой земли.

Посланцы из Эрец-Исраэль

Одним из наиболее очевидных выражений связи горских евреев с Эрец-Исраэль было оказание материальной поддержки еврейским общинам т.н. "Четырех святых земель"- Иерусалима, Хеврона, Тиберии и Цфата. В начале 19 в.расширилась деятельность посланников (*"ШАДАР* – арам. *"Шлиха дераббанан*)" – "(Посланники наставников наших)" из Цфата в еврейские общины стран Востока. Одним из них был Ишайа Давид Зеэв Ашкенази, который в 1810 гг. посетил горско-еврейские общины. По- видимому, после того как посланец рассказал о бедственном положении евреев Цфата, *габбаи* общины вместе с *шадаром* назначили троих ответственных, задачей которых был сбор средств для Эрец-Исраэль, и приняли решение, согласно которому составили документ:

"С Божьей помощью, да будет Он благословен, сообщить диаспоре. Поскольку мы, община села Марага, приняли и согласились от всего сердца нашего с тем, что выполняют все общины Израилевы, то будут давать половину шекеля монетой Русского царя. И всякий, кого Господь вознаградит выдать замуж девственницу либо вдову, обещает пять царских монет. А если кого наградит Господь совершить сыну обрезание, то также обещает пять монет царских. И все это согласно словам посланника рабби, Ишайа Давид Зеэв Ашкенази, да хранит его и жизнь его Всевышний. Назначаются на то сборщики (*габбаим*) Иуда бен Исраэль, Шауль бен рабби Иермия и Нахум бен рабби Цемах. Соберут они деньги или не соберут, обязуются сборщики передать упомянутые выше общинные деньги посланцам Цфата, да будет он отстроен и воссоздан.... И под сим словом правды и истины подписываемся своими именами в Дербенте, да защитит его Б-г, в новолуние месяца ияра (*апрель–май*) 5486 (1816) года..."

Во время Кавказской войны (1803-1872 гг.), когда возросли опасности и горцы досаждали горским евреям, живая связь между их общинами и Святой землей несколько ослабла. Но и в это трудное время она не прерывалась, и в 1840 г. на Кавказе находился посланец из святого города Хеврона, р. Нисим Яаков Михаэль, который занимался сбором средств для еврейского ишува в Эрец-Исраэль. По окончании Кавказской войны поездки посланцев участились.

Посланники из Эрец-Исраэль не ограничивали себя только сбором пожертвований, но и считали своей обязанностью наставлять евреев на

правильное соблюдение заповедей. Горские евреи, подобно другим еврейским общинам, признавали авторитет *шадара*. Одна из областей *Галахи*, в которых посланники высказывали свое мнение всякий раз по прибытии на Кавказ, и которая, по их мнению, осуществлялась не самым исправным образом, была *шхита*. В 1867 году на Кавказ прибыл посланник Хаим Коэн, который «привез с собой письма от раввинов Святой земли, да будет она отстроена и восстановлена, дабы проверить резников и проверяющих".

Согласно письмам, посланник был вправе не признавать некоторых резников, не придерживавшихся необходимых правил, и назначать вместо них других, а также, если нужно, обучать резников и проверяющих. Посланник побывал в Варташене (Огузе) и в селении Мого, отстранил некоторых резников и назначил вместо них новых *"шувов" (шохатим-уводким, "резников и проверяющих")*. Затем он прибыл в Кубу. Однако, этот посланник в основном заботился о собственном благосостоянии и назначал резниками тех, кто больше ему заплатит. Руководство общины Кубы было возмущено поведением Хаима Коэна и отправило письмо раввинам Дербента, дабы они остереглись и не попали в сети посланника, а также предложили написать письмо в Эрец-Исраэль, следующего содержания: "Если хотят нас проверять, пусть пришлют к нам человека честного и образованного, кошерного и богобоязненного, и пусть прибудет он и проверит, достойны мы или нет, и делает то, что соблаговолит, и мы будем признательны ему". Таким образом, горские евреи признавали авторитет посланника из Эрец-Исраэль в вопросах шхиты, вопреки горькому опыту с Хаимом Коэном.

По окончании Кавказской войны в 1872 году усилился поток посланников из Эрец-Исраэль, и горские евреи нередко попадали в сети разного рода обманщиков и мнимых посланцев, забиравших пожертвования себе. Поэтому горско-еврейские общины обратились в Эрец-Исраэль с просьбой не направлять больше представителей Святой земли, и заявили, что отныне сами будут собирать пожертвования и направлять собранные средства "безо всяких посланников". Однако, такое положение дел продолжалось недолго, и ещё в 1870 г. на Кавказе вновь появились *шадары*.

Щедрость и готовность горских евреев жертвовать деньги беднякам в Святой земле привели к увеличению числа посланцев из Палестины. Среди раввинов, побывавших на Кавказе, были р. Хаим Хасон из сефардской йешивы в

Хевроне (1884), представитель иерусалимских сефардов р. Иехезкель Моше Мирадахья (1894). Сам факт прибытия посланника из Святой земли в селения горских евреев воспринимался как особое торжество, которое проходило с участием всех членов общины. Такие поездки *мешулахим* продолжались, несмотря на ухудшение экономического положения горских евреев в начале 20 века, вплоть до начала Первой мировой войны (1914-1918).

И даже если не все собранные горскими евреями средства, в конечном счете, попадали по назначению, сам факт оказания помощи свидетельствует о том, что кавказские общины активно участвовали в поддержке старого еврейского ишува в Эрец-Исраэль. Посланцы из Святой земли посещали не только места значительного сосредоточения горских евреев, но добирались и до небольших селений, таких, как Аксай, Хасав-Юрт, Эндерей. Они приносили живую весть из Эрец-Исраэль и ее ишува. Наравне с горско-еврейскими паломниками в Святую землю, эти посланцы являли собой связующее звено между кавказскими общинами и возрождающейся еврейской жизнью в Эрец-Исраэль.

Паломники и Старый ишув

Паломничество горских евреев в Святую землю и стремление поселиться там началось с 19 в. Еще до того, как в 1806 г. шейх Али-хан осадил Кубу, в Палестину переехал р. Авраам, бывший раввином выходцев из села Кала-чарах. Рав Авраам прожил в Эрец-Исраэль несколько лет, но, не сумев прижиться на новом месте, решил вернуться назад и вновь возглавить свою общину. Можно предположить, что р. Авраам не был единственным горским евреем, пытавшимся в начале 19 века обустроиться в Эрец-Исраэль. Но с началом в 1803 г Кавказской войны, паломничество горских евреев в Святую землю стало затруднительным, и новые попытки переселения возобновились лишь после того, как установилась безопасность на дорогах.

Летом 1865 года в Эрец-Исраэль из Темир-Хан-Шуры выехал один из видных членов горско-еврейской общины Иегошуа бен р. Ханука во главе группы паломников. Накануне поездки он заказал в Слониме два свитка Торы, и провел т.н. обряд завершения («сиюм») уже в Святой земле. Привезенные с собой свитки он передал в дар синагоге в Иерусалиме. Паломники сами

раздавали *цдаку* - *(материальная и моральная поддержка)* бедным, *талмудей-тора* в *(религиозные училища)* и в различные кассы благотворительной помощи.

Перед возвращением Иегошуа бен р. Ханука на Кавказ его попросили быть "казначеем и ответственным за все благотворительные кассы в стране Дагестан" и выдали ему соответствующие грамоты.

В группе паломников Иегошуа бен р. Ханука был Шарбат бен р. Нисим Анисимов, оставивший описание своего пребывания, важных встреч, посещения святых мест и возвращения "через Бейрут, а оттуда, различными ухищрениями, в Александрию Египетскую, а оттуда через Константинополь домой".

Возвращавшиеся паломники также были своего рода посланниками Эрец-Исраэль. Они усилили связь между Святой землей и общинами горских евреев и вдохновили некоторых членов общины переселиться в "Четыре священные земли". Действительно, выходившая во второй половине 19 века в Палестине газета "*Ха Леванон*" свидетельствует о наличии в середине 1870-х гг. небольшой колонии горских евреев в Иерусалиме, у которых в основном и останавливались паломники с Кавказа. В 1876 г. паломничество в Эрец-Исраэль совершил р. Яаков бен Ицхак Ицхаки из Дербента, где он гостил у своего соплеменника Нуриэля из Темир-Хан-Шуры.

В 1887 р. Ицхаки посетил Святую землю вторично. На этот раз в сопровождении р. Хизкиягу бен Авраам Мушаилова, раввина общины. Это стало весьма важным и значимым событием, которое они помнили всю жизнь. Кое-что об этом отражено в записях р. Яаков бен Ицхак Ицхаки:

"После полуночи, я пошел к Западной стене, я не смог сдержаться, и слезы из моих глаз лились, не переставая, до встречи субботы. Мы вошли в развалины синагоги рабби Иегуды а-Хасида и молились там, встречая наступление субботы".

Во время паломничества в Эрец-Исраэль раввин интересовался, прежде всего, жизнью своих немногочисленных соплеменников – горских евреев, большая часть которых проживала в Иерусалиме. Горские евреи, которых называли "кавказцами", стремились, наподобие других общин, создать свой квартал. Однако ввиду их малочисленности и необеспеченности им это не удавалось, и они сосредоточились в предместье Бет-Шмуэль. В Иерусалиме, вне стен Старого города, неподалеку от Дамасских ворот, было в те времена немало пустырей, и там, в 1884 г. был заложен краеугольный камень синагоги, которую назвали "Бет-Шмуэль у-Зехария". Вокруг синагоги построили несколько домов, где поселились горские евреи. Со временем это место получило название "Предместье Бет-Шмуэль кавказцев" (*Шхунат Бет-Шмуэль шел а-кавказим*).

Экономическое положение горских евреев в Иерусалиме было весьма тяжелым. Но, несмотря на это, а также под влиянием паломников и посланцев из Эрец-Исраэль, число горско-еврейских переселенцев в городе росло. В итоге, начале 1890-х годов здесь проживали уже около семидесяти человек. Как и основная часть "Старого ишува", горские евреи существовали за счет поддержки, поступавшей из страны исхода. Однако, из-за кризиса, который постиг сферы торговли табаком и мареной привел к обнищанию некоторых

состоятельных горских евреев на Кавказе, сократилась и поддержка, которую получали горские евреи в Эрец-Исраэль.

Небольшую, практически мизерную, поддержку горским евреям Иерусалима оказывали барон Вильгельм Карл Ротшильд, братья Ланг из Бадена и другие частные благотворители. Однако, эти пожертвования не могли существенным образом улучшить положение общины, о чем писал Шарбат бен р. Нисим Анисимов: "Сколько из нас завершили дни свои, умерли от голода прежде времени, просто от недостатка хлеба... Жизнь наша – не жизнь.... И молельного дома нашего, который был у нас, уже много лет как нет, поскольку нет у нас возможности оплачивать съем. И теперь нет у нас молельного дома, в котором смогли бы мы молиться по нашим обрядам, того, который был бы надежной основой сохранения нашего единства, объединял бы нас в одну общину и общество. И наши свитки Торы лежат в других синагогах... ".

Для поддержки и сплочения горско-еврейской общины в Иерусалиме Шарбат бен р. Нисим Анисимов приобрел земельный надел в Старом городе, неподалеку от Львиных ворот, дабы возвести там "здание синагоги, где объединятся учение и молитва, и которая будет названа Мизрах-Шемеш, а также иешиву Тора-Ор для святой общины Дагестана". Для этой цели, равно как и для того, чтобы увеличить поддержку, горские евреи создали "Дагестанскую общину" ("*Кехилат Дагестан*") и избрали совет из восьми человек: Ш. Анисимов (председатель совета), Михаэль бен Мишаэль, Ханох бен Бенайагу, Бецалель бен Ханука, Шимшон бен Мануах, Асаил бен Ханука, Иоханан бен Шауль и Хаим бен р. Мелех. Шарбат бен р. Нисим Анисимов опубликовал в Иерусалиме брошюру, повествующую о древности горского еврейства, доходы от продажи которой предназначались исключительно для общины в Иерусалиме. Однако деятельность и обращения совета не давали результата, и горско-еврейская община Иерусалима по-прежнему пребывала в крайней нужде и голоде, тем более что экономическое положение горских евреев на Кавказе было в те времена весьма плачевным. Многие из них были готовы эмигрировать в другие страны или репатриироваться в Эрец-Исраэль. Поэтому Шарбат бен р. Нисим Анисимов написал взволнованное обращение баронам Гиршу и Ротшильдам, призывая их помочь горским евреям перебраться в Эрец-Исраэль или куда-либо еще и предоставить им возможность обустроиться в качестве колонистов либо на исторической Родине, либо на новом месте.

В конце 19 в. широкие круги горско-еврейской общественности были положительно настроены к восприятию новых - сионистских - идей, и к переселению в Эрец-Исраэль. Эти настроения основывались на традиционном стремлении к Избавлению. Они получили дополнительную поддержку в результате живого контакта с Эрец-Исраэль, который усилился с тех пор, как здесь образовалась небольшая горско-еврейская община, связанная тесными узами со многими общинами на Кавказе. Дополнительным толчком было постоянно ухудшавшееся экономическое положение горских евреев в Российской империи.

Мигиров Рахамим (Меир Рами) (11.04.1962) – Член Союза писателей Израиля. Художник, инкрустатор, ювелир художественных и чеканных изделий. Музыкант, поэт песенник. Родился в Баку Азербайджанской ССР. С раннего детства занимается творчеством.

Служил в рядах советской армии в Москве, районе Царицыно. В этот период произошли важные для становления моего творчества события. Командование в воинской части, узнав о моей специальности, отдало приказ сделать огромный герб Советского Союза. Герб был сделан. Впоследствии, была придумана новая должность – полковой чеканщик, которую я и занял. Мне выделили большую мастерскую, чтобы я продолжал работать. В итоге, за период службы, мной было сделано около 40 работ.

В юности меня посетила мысль ознакомиться с религиями разных народов и конфессий. Изучал Коран, Ветхий и Новый Завет, Тору, а также индусскую и греческую мифологию, труды Царя Соломона и Каббалу. Чтобы прочесть Святые Книги в оригинале, решил выучить древние языки. Благодаря этому, у меня появилось новое творчество, которым я стал заниматься в свободное время – написание стихов и притч.

В 1990 году с двумя маленькими детьми эмигрировал в Израиль. Началась новая жизнь. Стал получать новое образование, изучать язык, обучаться новым навыкам.

Однажды, в 2000-х годах, когда я работал директором ресторана, появилось большое желание исполнять песни на мои стихи. Попросив об этом музыкальный ансамбль, были записаны первые композиции.

Продолжаю заниматься творчеством и сегодня, я хочу поделиться им с Вами. И буду очень рад, если оно Вам придется по душе!

БЕЛИБЕРДА

Я не поэт!!!
И прав марать бумагу –
Не дали мне с рожденья моего.

Но, от жестокостей всей жизни,
Чтоб рук в крови мне не призреть,
Я искромсаю, лист сей нежный,
И остается вам стерпеть!

Зачем склонили взгляд усердный,
Чтоб разобрать белиберду?
Потратив время, вздох суетный,

Неужто я кого спасу?

Но напишу, и тут простите;
Не слышу я, что вы кричите.
Перо вам в руки – и пишите,
Да как-нибудь и я прочту!

2009

***

Ты только тень, что свет рождает,
Так создан в плоти вмиг бытием.
Ты только образ, что скрывает
В тенях всю сущность в миге том.

2003 Иерусалим

***

Холодной меди я чувства посвящал,
Чеканя в ней души своей порывы.
Рисуя красками, я небо восхвалял,
Но то – лишь крик летящего с обрыва.

Холодный мрамор руками согревал
И сотворил твой образ безмятежный.
Как оживить все это, я мечтал,
Чтоб созданы мы были друг для друга.

И если стих, хотя бы только раз,
Заставит губы приоткрыть уныло,
Я буду рад, как рад всегда тебе,
Улыбающейся нежно и красиво!

В нем радость, и печаль,
Дневные сколки и ночной кошмар.
В нем крик, что оборвался, словно нить!
Любовь ребенка и ночные слезы!

А сердце перестанет биться,
И грудь не колыхнется уж тогда;
Дневник меня, усталого, седого,
В последний путь проводит навсегда!

И если ты, мой внук, дошел до этих строк,
Разочарован и в незнании, и в творении,
Возьми огарочек свечи, зажги его

В тиши своих пороков и сомнений.

Глотнув из этих строк лишь только суть,
Избавь себя от быстрого Забвенья.
О чем подумал я: «Не много ли прошу?»
Нам сохрани лишь от забвенья только:
– Имя!

2003 Москва

Я МЫСЛЕННО С ТОБОЙ! НО ДАЛЕКО ОТ МЫСЛИ!..

Обрывки песен не услышаны в ночи,
В пустой до безнадежности квартире.
О чем ты спросишь в надорванной тиши
Совсем неслышного сонливого вокала?

Памятки памяти терзают нас с тобой
По-разному, но смешанно жестоко.
Какая красота в молчании твоем,
Какой восторг в сиянии лица!

Чтоб овладеть всем этим, нужен он,
Рояль, что посерел давно от пыли.
И пальцы пробегутся пусть на нем,
Родится жизнь в пустой моей квартире.

2003

ЕСЛИ ПРАОТЕЦ АВРААМ БЫЛ ЗАЩИТНИКОМ, В МОШЕ-РАБИНУ БЫЛ АДВОКАТОМ, ПРИСЯЖНЫМИ – ЯКОВ, ААРОН, ИИХАК, ТО НА ЭТОМ БОЖЬЕМ СУДЕ, Я ХОЧУ БЫТЬ ВСЕГО-НАВСЕГО ОБВИНЯЕМЫМ!

Вы, ненароком, на суде
Места присяжных занимайте.
Судить не вам - судья Святой!!!
Вы в трепете Судье внимайте.

Душа кричит, к суду стремясь!
«Судью мне, Высшего из Высших!»
К нему ползу я не пустой,
Карабкаюсь, но и держусь!

Мне есть за что, и я горжусь!
2000 Тель-Авив

***

И детский плач меня хмелит,
И детский смех взывает радость.
Как нужен мне ребенка крик
И видеть дней златую младость.

ЕСЛИ БЫ ЧЕЛОВЕК РОЖДАЛСЯ АБСОЛЮТНО ДЛЯ РАДОСТИ И НЕ ВЕДАЛ В ЖИЗНИ БОЛИ, ТО ОН НЕ МОГ БЫ ВЕДАТЬ СЧАСТЬЯ.

По пыльной дороге, судьбою добитый,
Уныло брожу я в неведенье дум.
Мечтами не грезил, в поклонах не битый,
Усталый, седой и печальный, как дым.

Одинокий костер разожгу я в пути,
Разъяренный огонь под луною.
И без зова девчонки сбегутся мои,
Чтобы вновь подшутить надо мною.

Четверть века в бегах от подруг пагубных,
Я тебе расскажу, позабыв о молчании.
Только ты помолчи, а я тебе помогу
.В жизни много потерь, как разорванных снимков.

Три подруги, три верные стервы
Навсегда по жизни со мной.
Та, что справа – судьбою зовется моей,
Та, что слева – мечтою моей,
А за спиною моей и спиною ко мне
Дорогая фортуна стоит.
Но я жив и, как видите, стервы, дышу,
Обогретый любовью своею.
И, быть может, еще я, конечно, взлечу,
Только б знать , под какую звездою.

Милый Бог, так не дай удалиться в пути,
Не покрой берега предо мною туманом.
За души странников в свете безродных

Я прошу, восхваляя имя Твое!

По пыльной дороге, печалью разбитый,
Я в думках своих потерялся в пути,
Где много бродило ободранных нищих,
Одинокий костер лишь дымился в ночи!
Написано 18.10.95. на высоте 11000 метров,
Самолет «Боинг-737», Тель-Авив – Москва

СОЛОМОНОВА ПЕЧАЛЬ

Когда кости стареют - укрепляется разум.
Когда теряется рассудок – заканчивается существование.

Кто суету назвал никчемной – тот и прав!
Дороги зов в который раз отнял от дома.
И зверем я, давно пораненным в душе,
По городам срываюсь из родного дома.

Безумный мир с его никчемной суетой
Дождался нас, раскрыв жестокие объятья.
Ах, почему теряя мысли и года,
Тоску любимых обретаем навсегда?

Куда бежим, кого стараясь обогнать,
мы опоздать боимся и не досказать?..
Быть может, в песне суждено нам передать,
Как от тоски стареем мы без вас опять.

От моря реки отогнать не суждено,
Не хватит слов и не насытятся глаза.
Неисправимым лишь останется порок,
И недостаток не восполнится сполна.

Как утомительно нам будет на душе
И неуместно будет нам с тобой резвиться…
Держась за поручни развратницы судьбы,
Смеяться будем в суете и веселиться.

Маме

Дитя пусть жизнь ей посвящает!!!
Слезами горе утешая,
Смерть дразня любовью и душой,

Седину руками согревая,
С колыбели, мама, ты со мной.

Вызываешь зависть у беды.
Сотни тысяч душ тебе даны.
Даже злые люди любят мать.
И любовь такую не отнять.

Мама – это в жуткой тьме звезда,
Согревая нас, дрожит она.
Но звезде упасть никак нельзя,
Всего быть выше призвана она.

Мама, я у ног твоих присел,
И, над волоском седым вздыхая,
Перебирая волосы мои,
Простишь меня, поймёшь и оправдаешь.
1978 Баку

СПИ, ОТЕЦ!..

Ты спишь, отец! Но сон ли это?
Покоем будет вечный сон.
И безотцовщина настигла
Меня отныне на потом,

Что, с пустотой в душе сражаясь,
От боли корчиться всегда?
Не понимая, но мужаясь,
Что постарели мы тогда,

Когда отцовские объятья
Уж больше не согреют нас.
И не услышать нам : «Сынок»
Из уст твоих хотя бы раз.

Как вправе мы теперь не думать,
Что слов, ласкающих сынов,
И нам когда-то не позволит
Бог досказать в прощальный вздох?

Спи, отец!.. Ведь все молчат,
Внимая всем словам в молитве,

Что я читал в который раз
С кадишом я и в черной кипе.
2003 Нью-Йорк

БРАТУ

Быть в стороне – больно.
Увидеть, соприкоснуться - еще больней.
Увидеть, соприкоснуться и потерять – больнее больного.

Жизнь догорит, но печаль не покинет меня,
И тишина злобной болью в душе отзовется.
Ну почему обходил брат семью стороной,
Постоянно стремясь отказаться от жизни?

Годы пройдут, но от грусти спасенья не будет,
И не наполнить тех дней, что прошли без тебя.
Нет, не успели порадоваться жизни родные,
Только услышь и пойми – что мы любим тебя.

Плечи родных опускаются в горе от боли,
Смят силуэт, портя образ любимых людей.
Время понять, что сберечь друг друга должны мы,
Сея любовь, как рассаду от бед и невзгод.

Мама, прости! Пред тобою мы, дети – в ответе,
Вмиг молодую покрыв сединой навсегда.
Милая, знай, что Господь не оставит в пути,
Жизни остаток – в счастливых годах проведи.
2008

К БОГУ

Быть с Тобою невозможно,
Святости в нас нет!
Без Тебя нам очень сложно…
Дай же нам ответ:
«Как молить Тебя, чтоб только
Побывать в тени,
Что от святости Твоей
Свет в ночной глуши».

Неужели докричался, Боже, до Тебя!
Слишком долго я старался,

Милый, но не зря.
Знаю, что покинут не был
Даже ни на миг.
И теперь в дороге смело
Засиял мой лик.

Дал ты мне детей красивых,
То ли не восторг!
Дал Ты мне родных счастливых,
Это ведь залог
Дней прекрасных, что поныне
Не покинут нас.
Радости небес открыты
Вечно ведь для нас!
Чаровали мы душою,
Что Тобой дана.
Чаровали наготою
Правды мы всегда.

СИЛА ВОЛИ

Удивительно не то, что добрый человек
В каждом человеке ищет доброе ,
А то, что злой – злое.
Удивительно, что оба находят. – Ефрему Амирамову

Знаю, что тебя тревожит,
И поэтому скажу:
«Все ненастья прочь уходят-
Если борешься в бреду!»

Как-то просто ты ответишь:
«Ну, не могу я, не могу», -
Что устал сопротивляться
И сидишь теперь в углу.

Сила воли, сила страсти
Помогает только жить.
Как отступишь – наказанье
Не замедлит наступить.

За что и как тебя находит,
Чтоб унизить, уничтожить,

И раздавит, и сломает,
Развлекаясь, на беду.

Проще выразить все мысли –
Не стремлюсь и не хочу.
Каждый сам имеет правду,
Только ту, что на ходу.

Вот подходит правда эта
И заводит неспроста,
Тех, кто выслушать не может –
Полилась упрек- река.

Что ты скажешь мне об этом:
Знаю я, что не смогу
Не подмяться, не подлечься,
Чтоб для каждого в мечту.

Что же ты сложил те крылья,
Что летать тебе даны,
Камнем падаешь на землю,
Разбиваясь в «не могу»?

Столкновенье столь жестоко ,
Что мечтаешь ты теперь
Потерять свое сознанье,
Эта боль невмоготу.

Склеить, сшить или пришпорить,
Чтоб больнее, чтоб сильней
Жизнь любить иль ненавидеть,
Чтоб навечно, чтоб мудрей…

Притянуть к себе бы счастье!
Знаешь ?! дельный есть совет:
«Счастлив тот, кто наполняет,
Душу радостью небес!»

2010

РАХАНАЕВ ДИМА (02–.03.1977) член Союза писателей горских-евреев в Израиле. Родился в городе Нальчик (Кабардино-Балкария). В 1995-м году с родителями репатриировался в Израиль (г. Хайфа). С 1997-99 г. служил в израильской армии ЦАХАЛ, в погранвойсках МАГАВ. Руководил литературно-музыкальной студией «РАДАР» в г. Хайфа. Занимается психологией и философией, работает в физиотерапии. Поэзией увлекается со школьной скамьи. Публикуется в местной печати Хайфы, в алманахе «Мирвори» и на интенет сайтах. Автор сборника стихов «Недопетые песни мои». В +настоящее время в Германии готовится музыкальный альбом с песнями горских евреев, в который вошли произведения Д.Раханаева на русском языке и на языке горских евреев. Соавтор двух проектов на горско-еврейском языке: мюзикл «Мегилат Эстер» и «Братья Маккавеи». Переводчик с джуури на русский, с русского на джуури. Автор стихов к песням на русском языке и джуури. Всю свою публикацию в этом выпуске альманаха посвящаю светлой памяти великой женщины, преданной дочери своего народа Ташаевой-Дигиловой Инессе Матвеевне, да будет БЛАГСЛОВЕННА её память.

Моей любимой, дорогой жене Регине

Мне тепло твое нужно, опора твоя
И советы твои, пусть и редко подходят.
И я очень хочу, чтоб глазами блестя
Улыбалась всегда и при скверной погоде.

Чтоб не знала нужды, но сама бы могла
Помогать, попросившим тебя об услуге.
Чтобы вместе мы ткали как нить и игла
наше счастье, которое ищем друг в друге.

Если б знала, как плакало сердце мое
Вспоминая о ссоре недавней, никчемной.
Мы должны прогонять эти ссоры вдвоем
И схватившись за руки лететь по вселенной.

Наслаждаться единством, Что Б-г Подарил,
Упиваться теплом, добротою, любовью.
Любоваться красою небесных светил

Жить детьми, подавая пример им собою.

Больно мне, когда грусть посещает тебя.
Страшно мне, когда ты, дорогая тоскуешь.
И, Лишь Б-га молю, чтоб союз наш храня,
Нам Восполнил все то, что сегодня г:устует.

Чтоб не думала ты, что напрасен наш брак,
Этой мыслью, губя мое хрупкое сердце
А напротив, что все испытанья – пустяк.
А любовь наша с каждым мгновением крепче.

Чтоб доверилась мне всей собою навек
И меня бы сполна всей собою принять.
Ведь почти необъятен собой человек.
Много в нем, что хотелось бы больше желать.

Не грусти, моя жизнь, не тоскуй никогда.
Будь со мной откровенней, открытее, ближе.
Ты же, что ни наесть мне родная жена.
Чье же сердце тебя так же сможет услышать?

Частушки на джуури

Рафтум ме э кин духтэр
Сэбо зэрум мэ э дэр.
Щиновустум мэ джообэ:
-Дэр эрзэи, хара сэр.

Рахтум эри зэ хостэ,
Рач галстукмереш бэстэ.
Зэ эз мэ бист сал кэлеи.
Урэ данустэм пестэ.

Рахтум мэ э кин хюсюр,
Дарафтэм гъуюмур-гъуймур.
Е литырэ хурдэнки,
Вадарафтум нимемюр.

Рачe руз э песо, э пушо , и бираче довъ
Хунэорэ ищтэй бебео, щюверьho, не куко.
Э джигей кор сохтэ э хори, нун хющтере коштэ.
Аильорэ, зеньhоре тахьнэ э хунэйщу ищтей

Al
Нарнэойму игит бирейгеш тапандже н е гирдэй.
Эз сабахь типтэ щев онгуро нэ сиборе доштей.
Имуой онгурчире гереки э танк варафтэ
Э джиге бель хущтэрэ, тюфенг э дэс вегюрдей.

Припев
Ченчи арс гирошти эз чуммой дедео
Ченд гъаде вогоштэ нэ дануст гьурбэгьур эз довъо
Ченд зенъо езуго щуверсуз мунди э хунэ.
бебеунщюре кук нэ духтэр е саат не дире. .
Al
Гиристэни дэдэ, гиристэнуьт косибэ айло .
Эри дес невери уо шор лап омбор мибисто.
Эри сухтэ суфет э щеер суфрео вокурдей
Е пои согье руз эз шори э е пой веджестэй.

Эй, Х-до! сер зеренум э пойту дие меёр довъо
Эз чумъойму арсо эз шори небуо ме ёво.
Эри hэммэ илом шолуми гердо , коврэ асму.
Эз еки эри кем не бирэ хаару, бирору.

,,,
Хандэ руйho дэнщирени э иму .
Рачe чумho эн джоилё салдато.
Эрчу Х-до уо они э осму?
Уьмюр ищу эричу кютахь бисто?
Припев:
Омборойщу элем зэнищ нэ хостэй.
Екийойщу кифлетойщюре ищтэй.
Эри her джуhур э и келе илём.
Джойле куку жун хищтэрэ вурсорэй.
II куплет
И кукурэ фирмищ ни со хим иму.
Хандэ руйho э дуьль иму мимуну.
Эз пэсейщу Х-до Дэнищ э осму.
Уho гьырбун Туь бисто эриму.

Сказка горских евреев
Курочка и петушок

Было ль, не было ль, не знаю,
Но сказать могу одно,
Что об этом в нашем крае
Слух прошел давным давно.

Дело было в день осенний.
В эти дни идут дожди.
В это время даже в сени
Без труда вам не пройти.

Заливает все в округе;
Гром гремит, тряся дома;
Весь аул, бросая плуги,
Ждет, когда придет зима.

Тут пролог свой завершаю,
Начиная сам рассказ,
О ненастье в нашем крае.
Все ,как было, без прекрас.

На краю аула, в поле
Жил красавец-петушок.
Дом он выстроил из соли,
В красоте он был знаток.

Солнце ведь, когда лучится
В день, когда цветет орех,
Соль блестит алмазом чистым,
Очаровывая всех.

Но бедняжка, наш красавец
В физике совсем был ноль -
Он не знал, что соль - не сланец.
И вода размоет соль.

И настал тот день ненастный,
И размыло дом дождем.
Нам стихия не подвластна,
Заливает все кругом.

А с красавцем по соседству
Курочка одна жила.
Златоклювая же с детства

Петушку была мила.

У соседки дом был славный,
Лубяной был дом её,
И узорчатые ставни
Прикрывали в нем окно.

Но а домику такому
Дождь не страшен, как ни лей.
Не боится он и грома,
И непрошенных гостей.

Вспомнил тут шелкобородый
О соседке в этот день
И пошел, не зная броду
К нежной пассии своей.

Ветер все сильней и стуже,
С клюва капает вода,
Лапки по колена в лужах...
Вот стихия, вот беда.

Наконец дошел бедняжка
До желанного двора.
И озябшею костяшкой
Стал стучатся в ворота.

И кричит "Пусти, соседка!
Я остался под дождем!
Дом мой смыло словно щепку!
Ведь из соли был мой дом!

А соседка отвечает:
"Дождь и совесть твою смыл?
Я не кура там какая!
Убирайся! Будь так мил!

Тот в ответ:"Ты что, родная!
Что за неуместный крик!
Неужели я не знаю,
Что чиста ты ,как родник!

То ужасная стихия
Вдруг обрушилась из вне!

Я ж теперь совсем бессилен!
Ты ж теперь - что ангел мне."

Тут и курочка смягчилась
И кудахчет словно мать:
"Не горлань тут, сделай милость,
Не оставлю подыхать.

Подымайся на крылечко,
Но не ближе и на шаг,
Да,и чтобы ни словечка,
Много сделано итак."

Прокудахтав сладкогласо,
Курочка закрыла дверь.
А сосед за мысли сразу:
Что же делать мне теперь.

И пока шелкобородый
Мысль свою перебирал,
Курочка к столу подходит
И давай лепить хинкал.

Сердце в курочке забило,
Словно бес проснулся в ней;
Запестрели перья крыльев
Яркой тысячей огней.

То вдруг челочку поправит,
То умоет клювик свой,
То еще что не понраву.
В общем не найдет покой.

И на печке оказались
Сковородки, котелки.
Затомился плов в казане,
Задымились шашлыки.

Аромат еды почуяв,
Петушок вскочил, как в бой.
И запел он песнь такую,
Искушаемый судьбой.

Златоклювая красотка,

Птица райская моя.
О, прошу, не будь жестокой.
Не губи меня за зря.

Я тебя не потревожу,
Хоть давно дышу тобой
И не стану тебе ношей,
Милая, прошу, открой.

Дверь, соседка, открывая,
Молвит петушку ответ:
"Ты петух наглец без края,
Что таких не видел свет!

Что решил себе позволить,
Как свой клюв посмел раскрыть!
О, ты горе, мое горе!
Необузданная прыть!

Как не стыдно тебе только,
Что за дерзость, что за ор?!
Заходи... и потихоньку
Забирайся на ковер."

И метнув огнями крыльев,
Златоклювая ушла,
А сосед в уме прикинув,
Стал решать свои дела.

Вдруг головку поднимая,
Гребень пикой навострив,
Он запел, как кенар в мае
На лирический мотив:

"Вижу, вот моя жар-птица,
Сказка добрая моя,
О как сердце веселится,
На душе встает заря.

И душой парю, как голубь
К милой горлице своей.
Это чудо, но не сон ли,
Опьяняет сном царей?

Мне бы рядом очутиться,
К сердцу трепетом прильнуть
Моей сказочной жар-птицы
И познал бы счастья суть."

-Что-то ты петух распелся,
Вдруг соседка говорит,
- Ладно, сядь к столу, повеса,
Уж недолго до зари.

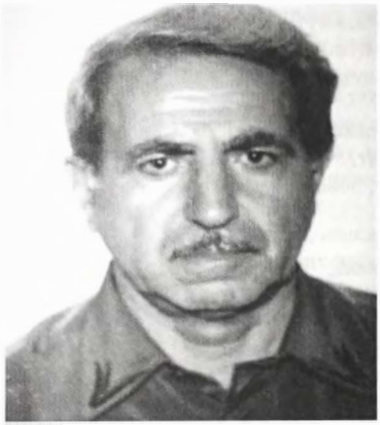
Поклевав слегка хинкала,
Молвит гость, взглянув в глаза:
"Ты вина бы не достала,
С этим же не пить нельзя?"

И достала она водки,
Слово больше не сказав,
Разлила смирено в стопки,
Отведя свои глаза.

Сколько так сидели птички,
То лишь помнят небеса,
Мы лишь знаем, что яичко
Вскоре курочка снесла.

Инессе Мотвеевне от детей и учеников

Вы не спите ночами, вы терзаете нервы и душу.
Вы и мать, вы и бабушка, вы и самый большой педагог!
Зависть, подлость, и мелочность мелких людишек вас душат.
Но любовью, теплом и умом Одарил вас наш Б-г!
Умных умные только поймут и богатство безмерной души
Могут те оценить, кто душою богатые сами.
Кто и сколько получит за все Только Он , Кто все Видит,
Решит. Вы свое отработали кровью, трудом и слезами.
Берегите себя, берегите для нас наконец!
Вы нам очень нужны, как бывает нужна сыну мать.
Принимайте лишь только тепло благодарных сердец.
Дай Вам Б-г , Дай вам силы и веры свой путь продолжать!

САДИЯЕВ НАТАН

(05.03.1941-15.08)- член Союза писателей Израиля. Родился в поселке Красная Слобода Кубинского района Азербайджанской республики. Поэт и художник по призванию. В 1991 году репатриировался в Израиль с семьей. Живет в городе Кирьят-Ата. Поэзией увлекается с юности. Свои произведения публикует в разной периодической печати Азербайджана и Израиля и на интернет сайтах выходцев с Кавказа. Готовится к изданию сборник лирических стихов – газелей и песен на горско-еврейском и на азербайджанском языке.

ТАЗА СОХДИ ҶУНМӘРӘ

Ә оморәј хүшдәровоз таза сохди ҷунмәрә,
У оморә бәгдә рәһәт әдәм хурдә нунмәрә.

Нә шәвмә бу, нә рузмә бу, у әз мә дур бирәнки,
Кәм мундәбу томом әз јор вәдәшәнүм нуммәрә.

Хотурурә хосдәнүм ки, әз мә инҷимиш нәбу,
Оммо һәрдән ә назовоз сијә сохдә хунмәрә.

Насданбүрүм ә һ,үмүрмә севки чүни, әшг чүни,
Јә дәрдсүзә, фикирсүзә рачә һ,илом бу мәрә.

Јә һ,әјбкәшә һ,әјил бүрүм ә һ,әрәј һовурһојмә,
Һә у јәкүмүн мочләјму дәкиш сохди рујмәрә.

Јә хәјли дуст-тонишһо куфдурут, ә Нәтән пүрс,
Дәрмуј әни дәрд чүникә, у мукују һәммәрә.

ХӘҶӘЛӘТИ КӘШИРӘ

Оj ширинә балаһо, ә коф кәс дәниширә,
Мәһилит дәдәjһорә хәҷәләти кәширә.
Ишму бәбә нә дәдәj Худо һишкә бирәнки,

Ә һәjилһошмурәвоз ә кучәһо кәшдәнки,
Ширинә кофләһорә әзуһо шинирәнки,
Һисоб мисохит әдәjт сүрх бурлиjант вәчирә.
Оj ширинә балаһо, ә зәбу дәниширә,
Мәһилит дәдәjһорә хәчәләти кәширә.

Әз усдоһо кор вомух, әз әгүлмәндһо әгүл,
Әкәр бог кошдикә, шәксүзки мичини күл,
Зиндәкуни һәр инсон һисд jә ширинә нәгүл,
Косиб бисдорикә тү, дүшмә мәки һоширә,
Һәjосүзиһо сохдә, нәмусә вошширә,
Мәһилит дәдәjһорә хәчәләти кәширә.

Тү ә кәрдә мәвәки, әри нәсданиһо кор,
Ә пәсәj шәфдә кәсһо мара, тәмәһтүрә дор.
Сәбәб һәрсиjә чумһо бири, тирjәк нә гумор,
Гәләт фәрзәндә дәдәj, дәрд сохдә, әдүл дәчирә.
Әри зиндәкунишму хәрәбә рәһ, вичирә,
Мәһилит дәдәjһорә хәчәләти кәширә.

Мәһ,ноj зиндәкуниму мәһәббәти, һүрмәти,
Чүлк дәс куфдирәнүтһо, данусдә бош дәвләти,
Инсонә зәвәрдәсдә сохдәниһо зәһмәти,
Кәрәк бирәниһо вәхд, әз чәтини тәрсирә,
Ниворов әз дәсһojмә, куфдирә тәмбәл бирә,
Мәһилит дәдәjһорә хәчәләти кәширә.

Чум хүшдәрә дәдәjһо ә балаһо докошдә,
Ә һинәр хубә фәрзәнд ә чоһили вокошдә.
Әгүлмәнд ә бог хүшдә буjлүjә күлһо кошдә,
Әз сәррафһо дур бирә, дусд мәки гәрәчирә,
Һинәрмәндүм, - куфдирә, кошдәрә нәвәчирә,
Мәһилит дәдәjһорә хәчәләти кәширә.

Нәтән фикир хүшдәрә һәмишә очуг куфди,
Хүшдәрә мәрдә хуно әри хубиһо коф ди.
Рәһ хәлгә дуз рафдәкор һәмишә ники офди,
Тү бурлиjант данусдә үшүг дүһо һәр чүрә,
Хубһорә әз чум шәндә, хәрәбирә вичирә,
Мәһилит дәдәjһорә хәчәләти кәширә.

ВОҠӘШД ВАСАЛА ХУНО

Әз јә кофмә инчимиш бирәј рафдәј,
Чүтар сәбәһ сохум шәвһорә түсүз?
Бәлкә әјә фикирикә дарафдәј,
Һич бовор нисохум боши инсофсүз.

Вокундум әритү суруһој дүлмәрә,
Ә һәилом ән хушбәхд мәнүм, куфдурум.
Тү казур данусди гүзүрҝүлмәрә,
Әзу фикир мә әји ћол офдорум.

Шәнди рафди әј бивәфо тү мәрә,
Бәгдә и хосдиһо дүлә чү сохум?
Чун әдәј дорд дорә, чум әдәј дирә,
Әзимбәгдә әки бовор мисохум?

Вокәшд ә һәүмүрмә васала хуно,
Бил һич кәс нәдану ки гәһри бирәјм
Кәнәш сәс хәндәјтү бијов әз хунә,
Һашданки тазалә јәкирә дирәјм.

Тнсүз рафданиһо һәр руз јә сали,
Нәтәнә ә һичрон нәмунди сабур.
И рујикәш гәһри бирә вүсали,
Омон мүһрәт, әнчәг имидә мәбур.

ВӘТӘНМӘ

Војисдәни мәрә ә хиникиһо,
Әзир воруш кәшдүм, лап нәчог бошум.
Әјә кофе дарам ә нәзникиһо,
Јә кәмләј кәрм вором, јәнчигир нүшүм.

Нәс војисдә мәрә кәшдүм сәрниһо,
Һәминон ә сәхдә кәрмә рузһојтү.
Сәһиб Вәтән бирә амбар куруни,
Бијо хутә бошум ә һәр һовојтү.

Хуб бијо дәнүшүм ә һәр дог-дәрә,
Кәнтһо-шәһәрһорә кәшдүм, кирорүм.

Ә дүлмә, ә чунмә кәшүм һәммәрә,
Хоһум ки, уш данү, мәш јә бирорүм.

Әји хори бијо мә дорһо корум,
Мәјвәһоју ширин вә ләззәтлү бу.
Ћүрмәт вәтәнмәрә ә дүлмә дорум,
Хокһоју әз тәнмә инчимиш нәбу.

Ќолут! У чәнгәдә бисдокәш ширин,
Ән кәси, урә хуб данусдә Нәтән.
Сухдәј дүлә Вәтән мисохд сәрин,
Вәтән әнимуни, иму ән Вәтән!

МӘСД БИРӘМ

Әз рачитү ә духдәр мәј нәхурдә мәсд бирәм.
Дәһәм хосдәш чүникә јәкүмүн әз тү дирәм.

Имоһој дунусдәнүм хосдә әрчү ширини,
Војисдәнүмһо күлә мә әз богчәј тү чирәм.

Әри мәтләбһој дүлмә әтүрәвоз дуз бирә,
Әз кәлә хәзинәһо бурлијантһо вәчирәм.

Мә шикојәт нисохум, әз гисмәтмәш размнүм,
Ә Худо амбар шүкүр, чүнки түрә вичирәм.

Синәмиш сохдәм түрә ә чәтинә рузһојмәш,
Бәхдәвәрүм, әрчү ки, мәш ә дүлтү дәбирәм.

Нәтәнүм, ә мәчлүс әшг разинүм никәр бошум,
Әз әшг-мәһәббәт һәләш мә сироји нә бирәм.

Ћисди мәрә

Чү хуб ки, хосдәнүмһо чүнтүни йор ћисди мәрә.
Ә түрәвоз ә ћилом ћич дәрдисәр нисди мәрә.

Әз бәдә чумһо ә дур мәрә офуррәнки Худо,
Ә хубә сәћәт хүшдә ә гисмәттү бәсди мәрә.

Ә рузи чәнбо түрә буй мисохум күлә хуно,
Тү әнмә, мә әнтүнүм, һич никуйум кәс ди мәрә.

Амбара ошугһойтү әз дәрдтү дивонә бисдо,
Уһо әзчә дану бәхд әри тү нүвүсди мәрә.

Хушбәхди у дәдәйһо ки, чүнтүни духдәрү һисд,
Ә назавоз чунмәрә бәр, һәмишә ҳәвәс ди мәрә.

Нәтәнүм, арзуймә уни әз ћилом бурамһо руз,
Сәрмә ә сәр занитү, ә чун дорә гәсди мәрә.

Дәрдлүйә дүл

Әри чун бәрдә түрә һашдан Худо гәрди дори.
Әри чунмәни фәгир йәнчигир инсоф нә дори.

Йә динчи нисди мәрә әз фикиртү дивонәйүм,
Йә бо хәнд ә руймә ки, дәрдлүйә дүл соху шори.

Чәнгәдәш ә тү ошуг бирәкорһо пәшмуш бисдо,
Зәҳм тү тәрсунд уһорә, әз иһо мәрәш хәбәри.

Кирә тобу нисдкә әкәр әри сухдә ә аташ әшг,
Нум әнуһо ә китоб «әз мәһәббәт дурһо» вәри.

Разинүм йә күл бошум ә сәр әну сипрә синә,
Әчичоһо рафда чикә ә түрәвоз мәрәш бәри.

Шәк мәсох ә коф Нәтән, нәбу куйики дуркуни,
Ә ћәрәй севкилиһош чүн әзини ћәдәт дәри.

Дәрд нәзник нийов

Әйә дүл ки тү дәри, овунчо дәрд нәзник нийов.
Бәхдәвәри у инсон ки, әзуш түрә хош бийов.

Әзини хубә хосийәт һәр кәсә нидав бирә,
Худо рачи бәхш сохдәнки, бәлкә тү бирәй сәров.

Һәммә күзәлә духдәрһо түрә хуно бисдокә,
Кәнһидин имбу и һилом, Мошийәхиш зу мийов.

Руз тә шәв әдәм чәнбо лово хосдә мә әз Худо,
Кошки мә вүнүм у рузә, пойтү әз дәрмә диров.

Бивәфойи зәмонә, пәнч рузини зиндәкуни,
Иҳтибор имбисдокә, минорум чунмәрә киров.

Ой Нәтән, фикир мәсох, рузһойтүрә хуш кировун,
Ә һилом бирәйи тү бәлкәм ә йор һич кәс нийов.

Пура румка зәрәнки

Чү хуб бирә чум нүшүһо йә дүлвәбәр бирәнки.
Зәҳмәт әз йор вадарафда, бәһәр дорә чирәнки.

Ә хәйолһо йә войкәйи әри һәммә кәнһидин,
Әзу сә бо зийод бирә мә йор мәрә дирәнки.

Куфдирәнүт әшг-мәһәббәт хушбәхдини, арзуни,
Оммо гәдүр әни корәш данусдәкор тәк-тәки.

Худо мәнкә, офдойирә һәммәрә бәхшә дори,
Хосдәнүмһо сәвкили мә әриләймәш йә тәки.

Ләйли-Мәчнун, Әслм-Кәрәм әзбәр бисдо ә гәд хәлг,
Аташ сәвки амбар бирә дү-йәкирәш хосдәнки.

Ә бушә корһош руз түрә нә варасун, ой Нәтән,
Кәйфһо-домогһош чог бирә, пура румкә зәрәнки.

Войисдәһой дүл

Һәммәмурә войисдә и һиломә виним хуб,
Фикирһө, дәрдһо, гәмһо, нәбу ә дүлиму губ.
Бийофим хубә чиһо, нәсохимиш һичиш вир,
Әчә войисдкә рафдә, әз вәхдүш нәбошим дир.

Һүмүр иму һәмишә бу йә күллүйә васал,
Хурдә чиһо әриму хуб бу әз рүгән-ћәсәл.
Балаһойму кәлә бу, ә коф иму дәнүшү,
Хәр-хәрә корһо сохдә, ә сәр иму нәнүшү.

Гоһум-гәрдәш, дусд-тониш әз дү-йәки рази бу,
Дүлһо йәки бмсдокә ћилом кәнћидин имбу.
Дү-йәкирә һәммәйму хуб офдоримкә ә сәр,
Ә дур – дуразиш нирайм әри кәшдә дүлвәбәр.

Комимурә чәтини һисдкә Худо нәсохдә,
Һич тәхсиркор нәсохим, нә гисмәтә, нә бәхдә.
Бошим әйәки кумәк, сохим ә дәрдһо дәрму,
Ә руй хубә дусдһойму үзйог бошим һәммәйму.

Әз Худо дорә һүмүр шори-шолуми виним,
Әри бийовһо нәсил хубә мәћәси биним.
Әз кирошдә рузһойму бийо вәкирим ләззәт,
Оморәй Мошийәхә кәрәк нисд сохдә кузәт.

Нәтәнүм, әри хәлгмә хубә арзуһоймә һисд;
Дүшмәһөй милләт мәрә Офуррәкор сохо нисд.
Әри оморәй хүшдә һич кәс пәшму нәкордо,
Әйи Хори Бәбәһо шори-шолуми кәрдо!

Ә мәчлис кирошдәнки кәширә омори.

Я, Симха (Семен) Мардахай (Мардахаев),

родился 12 июня 1975 года в городе Моздок, северо-осетинская аССР. Отец, Леонид Симхоевич Мардахаев, Хасавюрт. Мать, Белла Нафталиевна Нафталиева, Дербент.

Закончил 8 классов в средней школе города Моздока - №3. Далее продолжил обучение в еврейской гимназии в городе Санкт-Петербург, до окончания средней школы и получения диплома.

В 1992 году репатриировался в Израиль. В том же году поступил в духовную семинарию -(ешиву) в Иерусалиме, под руководством Р. Элиэзера Гугеля, в стенах которой провел не полных десять лет. Не прекращая учебу в ешиве, закончил колледж «Ле-Бон» по специальности техник по компьютерам.

Работал какое-то время по специальности. Затем, банальные обстоятельства заставляли несколько раз менять род деятельности. Высокотехнологичное предприятие AVX в должности проверяющего ОТКА, бригадир в фирме по чистке ковров, ответственный по проверки знака качества в иерусалимском отделении хлебозавода Анжел. В 2004 женился. Жена, Роза Нисановна Ханукаева, Дербент. Четверо детей. С момента поступления в иерусалимскую ешиву и по сей день, проживаю в городе Иерусалим.

Имею две страсти, это литература и кинематограф. Научившись в 6 лет читать, я проглатывал книгу за книгой, пока не перечитал все, что могла предложить мне домашняя библиотека. Затем я стал своим в читальном зале публичной библиотеке города Моздока и завсегдатаем в городском кинотеатре.

Писать я начал уже тогда, сначала стихи потом маленькие рассказы. Это приходило ко мне волнами, накатывало так сказать. Я всегда считал, что я не достоин, что рожденное моей рукой и сердцем не смеет претендовать на что либо. И с периодичностью уничтожалось, что бы вновь, спустя какое-то время родится в другом обличии. Человек создан по образу и подобию Господа Б-га. Создан, что бы творить

Отрывок для альманаха, из романа трилогии,

«Затерянный в пространстве». Часть вторая – Путь.

Солнце светило сегодня по особому. И ветер дул не так как всегда, приятно лаская кожу касанием теплого воздуха. Певчие птицы услаждали слух сельчан дивными, мелодичными звуками. И даже дикие звери понимали, что это утро отличается от всех остальных. Ведь сегодня особый день. День, к которому девочки всего селения готовились с самого рождения. Время, когда невинность и целомудрие уступали свое место зрелости и ответственности. День, когда на свет появлялась новая жизнь. Потому как, так было заведено. Одни уходили, чтобы на их место пришли другие. Никто не задавался вопросом, кто это придумал, и почему все должно работать именно так. Просто так оно было и все тут. Каждые восемнадцать лет устраивался этот праздник. Все девушки, рожденные в предыдущий праздник, собирались в храме богини Асгирды, чтобы

получить в дар, новую жизнь. Не все девы удостаивались подобной чести, и тех кого отвергла Асгирда ждала печальная участь аутсайдеров в родном селении. Проклятые – как их после этого называли, не могли рассчитывать на то, что когда-либо смогут завести семью и стать полноценными членами общества. Поэтому девушки страшно боялись этого дня и вместе с тем с трепетом ждали его прихода. Ведь тогда они становились полноценными женщинами, в глазах своих матерей их мужей и односельчан.

К празднику готовились все без исключения. Мужчины забивали скот для пиршества, кололи дрова и разводили костры, над которыми висели огромные котлы. Матери и бабушки, распевая гимны, корпели на кухнях, готовя всевозможные яства и угощения. Старики грелись на солнышке, сплетничая и перемывая друг другу косточки.

Группа специальных женщин повитух, тщательно готовились принять несколько сотен младенцев. Великий грех и страшные испытания падали на село, если повитухи теряли хоть одного младенца – дар великой богини Асгирды. Если это происходило, то неудачи и несчастье преследовали селение на протяжении целых восемнадцати лет, до следующего дня жизни. Но виновниц торжества это не касалось, они безмятежно ликовали – наряжались, вкушали сладости, плясали и пели. Однако более умных девушек, охватывал страх и опасения в преддверии этих событий. Ведь могло произойти так, что богиня Асгирда кого-нибудь не заметит или нарочно обойдет вниманием, и тогда кто-то из их подружек станет проклятой, а может быть это будет она сама. Именно этими мыслями и была забита голова милой Зары. Черные как смоль глубоко посаженные глаза обрамляли тонкими дугами брови, кончики которых немного загибались к верху, они были похожие на взмах птичьего крыла. Маленький, но прямой чуть вздернутый носик говорил, о том, что девушка осторожна и не доверчива и вместе с тем любознательна и упряма. Пухлые чувственные губы были сжаты в тонкую нить от испытываемых чувств неопределенности и страха. Изящные, но сильные руки перебирали мамину шаль, а ноги обутые в высокие сапожки из мягкой замши отбивали в так доносившиеся с улицы музыки, ритмичную дробь, успокаивая нервы. Зара с самого утра была как на иголках. С его прелестного личика сошел румянец, и кожа приобрела бледный цвет. Последние несколько месяцев ее не отпускало чувство, что должно произойти, что-то не хорошее, не просто нехорошее в целом, а именно с ней. Она была уверена, что не поучит от богини дар жизни. И от этого перепуганное девичье сердечко билось часто, словно пытаясь нагнать упущенное время. А ведь ей так нравился красавец Румин, с которым она хотела разделить свою жизнь. И если она выйдет из храма с пустым чревом, то ей никогда не войти в дом Румина и не стать хозяйкой его очага.

Слезы отчаянья сами брызнули из глаз, стекая по щекам капая на вытканную собственными руками красивую сорочку. Паника и страх сковал девушку, ей захотелось убежать и куда-нибудь спрятаться. Боль когтями сдавила горло, стало тяжело дышать. Зара испугано посмотрела по сторонам ей почудилось, что в комнате кто-то есть. Подул легкий ветерок, от которого стало

только хуже. Она вскочила и с силой захлопнула ставни. В комнате стало темно и тихо, и только звук собственного сердца колоколом пульсировал в голове.
- Зааараа! - послышался девочке тихий зловещий шепот исходящий отовсюду. – Зааараа!
- Кто здесь? Кто? Отвечай! – севшим голосом прокричала она.
- Зааараа! Зааараа!
- Перестань! Хватит! – схватившись за голову, зажав уши руками, через слезы взмолилась девушка. – Уходи!
- Зааараа! Зааараа! – неумолимо продолжал нашептывать загадочный голос.
Она решила, что сошла с ума от переживаний и излишних мыслей о предстоящем испытании. Ей все чудится и все это не настоящее. Но вновь возникший из неоткуда голос убедил ее в обратном.
- Зааараа! Зааараа! – она упала на пол и свернулась калачиком, и крепко зажмурилась моля о том, чтобы голос прекратил ее звать.
Прям как в детстве, когда ей казалось, что за ней пришел злой Пишкенду потому, что она не слушалась маму, и она молила оставить ее в покое обещая впредь быть послушной.
- Зааараа!..
- Зара, Зара! Девочка моя, что случилось? – вдруг схватив ее за плечо, в страхе прокричала ее мама, увидев лежащую на полу дочь, которую била сильная дрожь. Голос исчез.
- Мама мамочка, родная что-то должно произойти, - бросившись на материнскую грудь, запричитала и заплакала навзрыд девушка. – Что-то не хорошее. Со мной.

Ее мать прекрасная Шинар, крепко обняла девочку, которая из-за всех сил ее обхватила, будто боясь, что она исчезнет, пропадет.
- Девочка моя, ничего плохого не случится. Сегодня ты станешь матерью. Вот что должно случится, - лаская дрожащее от страха дитя по голове, сказала она. - Это очень серьезно. А поскольку ты у меня девушка серьезная, поэтому ты принимаешь все близко к сердцу. Так и нужно. Не обращай внимания на подружек, которые беззаботно скачут и поют. Они не осознают той ответственности, что их ждет. Ты другая и поэтому богиня должна отличить тебе своим благословением. Она дарует тебе особое дитя, которое принесет удачу и радость в наше селение. – и отстранив дочь от себя поправляя выбившийся локон и посмотрев той в глаза, добавила, - Посмотри на себя. Ты красива как сама богиня Асгирда, - улыбнувшись, сказала она. – Мальчики будут танцевать до упаду, пытаясь привлечь твое внимание, а Румин будет стараться больше всех, - заставив Зару покраснеть, прошептала ей на ухо мама. – А теперь вставай, забудь все страхи и иди к подружкам. Пой, танцуй, веселись и жди момента, когда ты выйдешь из храма с гордо поднятой головой, неся в своей утробе новую жизнь. Как это было со мной.

Зара проводила мать благодарными глазами. Ей всегда удавалось успокоить и настроить ее на нужный лад. Целительница Шинар – так ее называли в селении. Все кто болел душой шел к ней за успокоением и надеждой.

И никто не уходил от нее с «пустыми руками». Зара оглядев комнату, прислушалась к звукам. Но никакого зловещего голоса так и не услышала. Уговорив себя в том, что это все ей почудилось, она встала, привела себя в порядок и побежала к подружкам.

Нарядные, полные радости и в предвкушении грядущих изменений девушки, стайками носились по деревне. Кто-то водил хороводы, кто-то сидел на полянке под тысячелетним друскалом – деревом хранителем поселения. Плодоносящее раз в восемнадцать лет, таким количеством плодов, которое приходилось по одному на каждую девушку. Тайну плодов друскала не знал никто. Знали только, что дева которая выйдет из храма с плодом внутри должна отведать от плода друскала. Остальные же плоды, которые не могли быть вручены, моментально гнили, на глазах превращаясь в прах. Другие же девушки сидели у ног старцев, в кое раз выслушивая истории о предыдущих праздниках, и о днях былых. Парни же петухами ходили вокруг девушек, щеголяя обновками и блестящими сапогами, засматриваясь на будущих матерей и жен.

Дым от костров, на которых в котлах варилось мясо, стоял коромыслом и чудесные запахи праздничной стряпни, терзали ноздри. Мелодичные звуки лютней и кимвал, разливающиеся в воздухе еще больше настраивали народ на праздничный лад.

За всеми этими приготовлениями как обычно и бывает, незаметно наступил тот момент, которого ждали все без исключения. Наступил вечер, зашло солнце, сверкнув напоследок словно салютируя, а за ним на небо выплыла гордая луна, осветив все в округе приятным серебристым светом. Все собрались на главной площади у храма богини Асгирды. Притихшие сельчане трепетно ждали знака Асгирды к началу торжеств.

Никто не знал кто построил храм. Поговаривали что это сама Асгирда спустила его с неба. Он разительно отличался от всех остальных строений в поселке. На фоне хоть и добротных, но деревянных домов возвышался над всем селением храм, сложенный из огромных отполированных камней черного цвета с прожилками из белого и желтого. Высокий шпиль храма уходил высоко в небо, а на кончике шпиля горела красная рубиновая звезда.

Народ замер в ожидании чуда, и оно пришло, как приходило каждые восемнадцать лет вот уже много и много тысячелетий. Храм начал слабо светится, постепенно наращивая свою силу, и вот уже яркий ослепляющий свет бил во все стороны, осветив деревню, превращая ночь в день. Звуки колокола обозначил начало празднества. Ворота храма широко раскрылись, приглашая войти - Асгирда дает свое согласие. Жизнь будет дарована. А значит, селение будет жить и процветать. Народ все как один, подняв руки вверх, вторили колоколу криками радости и смеха.

Сто семьдесят три девушки выстроились в ряд, готовые войти в святилище. Матеря, стояли рядом со своими дочерями, подбадривая их и легко подталкивая в сторону храма. Первой решилась пойти известная, на все село своим веселым нравом Ниана. Оглянувшись на товарок, она мигнула обоими глазами и решительно пошла к входу в храм. Еще раз но уже на пороге храма

она остановилась, чтобы посмотреть на мать и после того как та подбадривающие ей кивнула, вошла внутрь, и ворота закрылись вслед за ней. Оказавшись внутри святилища, Ниана стала испуганно озираться. Но на не увидела ровным счетом ничего, кроме яркого света исходящий от центра большого зала. Девушка почувствовала, что надо идти дальше внутрь зала. Пройдя довольно большое расстояние, она стала различать в этом ярком сиянии некий силуэт, подойдя еще ближе она явственно увидела фигуру высокой женщины, и тут же пала ниц решив, что сама Асгирда во плоти предстала перед ней, простушкой Нианой. Стоя на коленях и уткнувшись головой в пол, Ниана не видела как из глаз женщины изошел луч голубого света ударив по девушки он будто изучал ее на наличия каких то дефектов. А потом у нее заболел низ живота. Боль становилась все сильнее и сильнее, яростно терзая бедную девушку, она держалась из последних сил, будучи на грани обморока. Странно, что мама ничего не рассказывала ей об этой части обряда. С ужасом Ниана наблюдала, как его плоский красивый животик, резко стал увеличиваться в размерах. Кожа буквально рвалась от напряжения. В ней что то росло и росло быстро.

«Это и есть новая жизнь?», с ужасом подумала бедная девушка.

Тем временем старшие мужчины завели песню, дабы скоротать время в ожидании. Через очень короткое время ворота открылись, выпуская девушку наружу. Все затаили дыхание. Благословила ли Асгирда своим поцелуем девушку или нет. И дружно выдохнули, увидев как со ступенек сходит преображенная Ниана, держась за спину одной рукой и за перила другой, неся впереди себя большой выпуклый живот.

-Слава Асгирде! Да будет жизнь! – вскричал радостно народ.

Тут же подбежали повитухи и ухватили под руки, готовую упасть в обморок девушку. Быстро увели ее в один из рядом стоящих шатров, где уложили ее на специально подготовленный лежак. Спустя минуту раздался душераздирающий крик боли, который вызвал разную реакцию. Девушки стоящие в очереди вздрогнули от страха хоть и много раз слышали о том что должно произойти, старцы удовлетворительно качали головами, матери только сильнее прижали дочерей к себе успокаивая. И только парням и мужчинам было все равно. Вдруг крик страдающей девы оборвался, и сменился криком младенца. Из шатра все еще не ровной походкой вышла бледная но счастливая Ниана, держа на руках ребенка.

- Мальчик! – оповестила она слабым голосом, и все закричали, восхваляя богиню и поздравляя молодую мать. Затем из толпы вышел и торжественно прошествовал старейшина, чтобы вручить ей сочный плод дерева друскал, с наилучшими пожеланиями счастливой жизни. Тут же из толпы юных ухажеров выскочила пара парней и стала исполнять завораживающий танец любви и покорности матери и хозяйке очага. Только одного выберет Ниана, чтобы стал он ей мужем и отцом ее ребенка, чтобы быть рядом, до самой ее смерти пока не уйдет она в мир подвластный великому королю Усмун-Даар-Зит-Нага. Подойдя к рыжему улыбчивому парнишке, она кинула ему не выпуская из своих рук

платок и не оглядываясь пошла дальше уверенная в том, что тот, ухватившись за другой конец платка, покорно пойдет за ней.

Словно завороженные, девушки наблюдали за всем этим процессом. Когда новая пара скрылась за деревьями, все разом как будто проснулись от сна и на перегонки помчались в храм. И стали выходить одна за другой с большими животами, в которых находился ребенок, готовый появиться на свет. Зара со страхом наблюдала, как подходила ее очередь. Ковылявших из храма девушек с животами уводили в шатры повитухи, там же после короткого визжания и громких стон рождался малыш, девочка или мальчик, как придется. Потом танец кавалеров и дамы с дитем на руках уводили своих мужей держащих их платки. Красавец Румин кидал косые взгляды на Зару и глупо улыбался. Он еще ни разу не выходил на танец. Он ждал свою возлюбленную. Только это удерживало Зару от того, чтобы не сбежать с этой площади, да и мама конечно, которая крепко держала дочь словно пытаясь передать ей уверенность в том, что все будет хорошо. И вот наконец подошла ее очередь. Зара оглянулась в надежде, что еще остались девушки, которые не прошли через это. Но увы, она была последней.

-Давай моя дорогая, - шепнула мама. – Иди и ничего не бойся.

Кивнув головой, Зара посмотрела на Румина, тот махал ей рукой, подбадривая. На этот раз обошлось без одной проклятой. С чего бы это вдруг ей открывать счет. Асгирда благосклонна сегодня ко всем своим дочерям. И Зара медленно ступая босыми ногам по влажной траве, смотря строго вперед, шла к храму. Уже на пороге переступив его, она вновь услышала страшный голос.

- Зааараа! Зааараа! Мы идем! Мы уже тут.

От неожиданности и страха она оступилась о высокую ступень и не вошла в храм, а просто влетела вовнутрь, больно ударившись о пол. Быстро оглянувшись, Зара увидела уже закрытые двери. Первым побуждением девушки было вскочить и броситься к запертым дверям открыть их и бежать из храма как можно дальше. С другой стороны подумав немного, она понимала, что если опасность и была, то исходила она не от храма. Опасность поджидала ее там – снаружи. Как и в случае с претендентками, перед Зарой стояло зарево огня – яркий свет. Она шла на него не оглядываясь и не озираясь. Дойдя, как и все остальные до определенной точки, она увидела фигуру женщины. Это была статуя молодой женщины без глаз и без рук. Так Асгирду никто не описывал. Кому принадлежала статуя, Зара не знала и если честно, ей было все равно. Она хотела лишь одного – чтобы все это побыстрей закончилось. Она почувствовала тяжелый взгляд пустых глазниц статуи. Он давил, заставляя преклонить колени. И ей бы упасть ниц, как это сделали все девушки до нее, но в Зару будто, что-то вселилось, она совершенно потеряла страх. Пересилив себя, девушка, гордо выпятив грудь, в упор посмотрела на статую. И тогда глазницы странной статуи загорелись синим пламенем, и сноп голубого огня ударил в Зару.

Симонова Ирина (Свира Пейсахова) – родилась в Дагестане 27.05.1958 г. в городе Дербент. Детство Ирины прошло в России в г. Воронеже, а в 1973 г. переехала в Чечню, откуда в 1990 г. с семьей репатриировалась в Израиль (г.Пардес-Хана, где живет по сей день).

До переезда в Израиль, Ирина работала – дамским мастером в "Салоне Красоты". Труженица, преданная супруга, мать трех красавиц-дочерей, она хозяйка большого гостеприимного дома.

Пристрастие к литературному творчеству у автора осознанно проявилось уже в зрелые годы. В 2010 г. начала писать стихи и рассказы и помещать их на сайте - www.proza.ru.

В ее творчестве Ирины Симоновой отражается колорит различных культур, и звучат русские, еврейские и восточные мотивы. Для поэзии Ирины характерна трепетная влюбленность и мягкая женская нежность, а проза повествует о нелегком жизненном пути. Ее произведения пронизаны оптимизмом и любовью к близким людям и вновь обретенной Родине. Поэзия и проза Ирины проникнуты духовностью, что характерно для ее личности. Результатом этого стала книга –
«Нет границ для любви».

Еврейские традиции

Странная, однако, история получается, прямо таки загадочная. Ещё задолго до приезда в Израиль, не зная местных законов, я успешно пользовалась ими в детстве. С чего бы это, неужели зов предков? Естественно, что все еврейские традиции, в моей семье соблюдались, но то, о чём хочу рассказать, мои родители, а тем более я, не знали. Когда я была маленькая, мама уехала на Камчатку и на целый год оставила меня жить у бабушки. У бабушки была большая дружная семья, три мамины сестра и два брата. Не смотря на разницу в возрасте, я обращалась к своим дядям и тётям на – Ты или просто по имени. При этом я уважала и почитала старших, так как была воспитана в еврейском духе, старикам - уважение и почёт.

И вот будучи уже гражданкой Израиля узнаю, что в иврите нет обращения к старшим на – Вы. В школе учителей, дети называют по имени и обращаются только на – Ты. Поскольку вся наша жизнь - это одна большая школа, школа знаний и удивительных открытий – это стало для меня приятным открытием. Не скрою, конечно, я была удивлена и ещё долго не могла привыкнуть. Израильские традиции учат воспринимать детей, как дар Бога, а значит считать детей и взрослых – равноправными.

Но одно дело, когда я общалась со своими близкими мне людьми на Ты, но к посторонним и тем более к старшим, откровенно говоря, было не привычно... Как мама троих детей я знаю, что в Израильских общеобразовательных школах, дети в одном классе изучают разную базовую программу. Этот метод образования, эффективно помогает развиваться индивидуально каждому ребёнку, учитывая возможности и способности каждого ученика. Я считаю, что это замечательно, но когда мои дети, возвращаясь со школы, рассказывали, как прошёл день, при этом отзываясь об учителях, как о сверстниках, первое время для меня, мягко говоря, это было странно.
По-прошествии многих лет, я конечно уже привыкла, да и выбора у меня нет, разговаривая на иврите, получается, что все равны потому, что в иврите обращение на Вы в единственном числе - не существует. Не зная этого, я успешно пользовалась этим правилом в детстве. Случайностей не бывает, я это прекрасно понимаю, но не это главное, главное открытие для меня - это то, что еврейские традиции тесно переплетены с древней мудростью Торы.

Вишнёвая наливка

Моё детство прошло под Воронежем. Там я провела десять счастливых лет. Я была старшим ребёнком в семье, ещё у меня была сестрёнка Светочка, которая родилась в Воронеже и была моей любимицей.
Родители моей мамы, жили в Грозном. И вот на летние каникулы мы поехали в гости к бабушке, в город Грозный. Бабушка Мира и дедушка Маёрчик жили в посёлке Кирова.

У них было своё хозяйство: куры , индюшки и огромный, вишнёвый сад. Вишнёвый сад был таким огромным, что дом утопал в этой красоте и казался сказочным чудом. Вишен было много и бабушка Мира, делала из них не только варенье и компот, но и вишнёвую наливочку.

Взрослые пили эту наливочку, а нам, детям, доставались от неё вишни. Ну и за это спасибо. Вкуснятинааа....

Ну вот приехали мы в гости, все рады, а я так больше всех, очень любила я свою бабушку. Бабушка готовила очень вкусно и была рада нас потчевать. Приготовила всяких вкусностей и наливочку не забыла. И вот под вечер, после обильного застолья, бабушка попросила мою маму загнать кур в курятник, вышла мама во двор и видит такую картину: куры без признаков жизни разбросаны по всему двору. Мама, конечно же, испугалась и позвала бабушку посмотреть на любимых хохлаток. А бабушка так спокойненько, без истерики о сгинувших родимых, стала собирать их. Берёт кур за ноги и закидывает в курятник. Относит курочек, складывает и ругает их а мы шокированые необычным зрелищем, наблюдали в недоумении за происходящим. Когда бабушка заметила наше удивление, рассмеялась пояс-нила: "Пьяные они, чтоб им пусто было, косточками объелись, но ничего, до утра проспятся".

Вот так НАЛИВОЧКА, долго мы ещё смеялись, вспоминая пьяных хохлаток. А утром протрезвевшие курочки важно прогуливались по саду в поисках косточек от наливочки. Давно это было, я была ребёнком, но запомнила этот случай на всю жизнь, и вкус наливочки тоже, до сих пор помню.

За ночью придёт рассвет!

В небесах задремала вечность,
Век за веком – седая ночь,
Раздувает огонь из пепла,
Разжигает мерцанье звёзд.

Ночь накинула покрывало.
Над прозрачной вуалью тьмы,
Звёзды рыжие разбросала.
И зажгла бледный свет Луны.

А Луна, не спеша по кругу,
Совершает вальяжный обход.
Наблюдая за спящей Вселенной,
Охраняет ночной небосвод.

Звезды, с небес улетая,
Несутся в земную даль.
Щедрая ночь посыпает,
Блёстками звёзд – вуаль.

В небе ночном комета,
Оставит зелёный шлейф.
Ветер задует звёзды,
Солнце подарит свет.

Как бы тьма не старалась,
За ночью придёт рассвет.
Заря – небосклон раскрасит,
В ультрамариновый цвет.

Единственный!

Грустит усталая сирень,
Под проливным дождём.
Нам весело сидеть вдвоём,
Мы в школу не пойдём.

Нам весело встречать рассвет,
Носиться босиком.
По лужам шлёпать... ТЫ и Я.
Под проливным дождём.

Гроза промчалась чередой,
Грустит в саду сирень.
А мы счастливые с тобой,
Из школы ждём детей.

Дрожит зажжённая свеча,
В камине яркий свет.
А мы счастливые с тобой.
И нам... не двадцать лет.

Промчалась юная капель,
Посеребрила след.
А для меня ты, как всегда,
Единственный на век!

Ода Омар Хайяму

Мы цель создания, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира - перстень драгоценный,
А мы в том перстне - вправленный алмаз.

Омар Хайям.

Однажды прочитав Хайяма,
Я была удивленна.
Есть слова, что в них реально.
Наша жизнь - отражена.

Мудрый был он, видел то,
Что простому - не дано.
Сквозь века знал наперёд
Что, когда произойдёт.

Рубаи его прочтешь.
На сердце выльется бальзам.
Глубина его стихов,

Берет за душу - мудрость там.

Царь философов Востока.
Ученый, лирик и поэт.
Видел наперёд далеко,
Знал он мудрости секрет.

Любовь, познав и вкус вина,
Повеса знатный и мудрец.
От женщин пьяный и вина,
Создал лирический букет.

Вершин твореньями достиг,
Он в лирике искал ответа.
Звезда Хайяма и сейчас горит,
Всё ярче - лирика поэта.

Летняя жара

Золотые горы,
До ночи с утра,
Плавит солнце рыжее,
Ле-т-н-я-я жара.

Плавятся дороги,
Зелени листва.
В море расплываются,
Рыжие глаза.

Замерла природа,
Не щебечет лес.
Под палящим солнцем,
Мир не ждёт чудес.

Не видать прохлады,
С ночи до утра.
Ночью не отступит,
Ле-т-н-я-я жара.

Растеряло лето,
Зелени красу.

Нарядилось в золото,
Осень на носу.

Золотыми нитями,
До ночи с утра,
Шьёт наряд без устали,
Летняя жара.

Утро

Час соловья настанет,
Песней зарю встречать.
Ветер ночной устанет,
Люстру луны качать.

Стражи ночи задуют,
Звёздные фонари.
Утро им салютует,
Алым клинком зари.

Любовь или судьба?

Моему мужу: Беньямину Симонову.

Что такое судьба?
Говорят просто так?
Говорят, чтоб себя успокоить?
Может это слова?
Может правда судьба?
Может, что-то ещё? Колдовское?
Но умом не понять,
Только сердцем принять,
Суждено, нам послание свыше.
Повенчала судьба навсегда нас с тобой,
"Мендельсона"- исполнил Всевышний.
Может это судьба? Может это любовь?
Может миф? Или может - быть, правда?
Только знаю я точно, что в сердце моём,
Поселилась любовь – не напрасно.

Јушвајев Симах Шејда (02.06.1936) -ə дијор Азəрбајчон һисдиһо рајон Варташин (Огуз) əз дəдəј бири. Ə Бөку ə нум С. М. Киров бириһо университетə варасди. Əз човони ə зуһун мусулмунəји нəн дəдəји амбара широһо һəм əри һəјилһо, һəмикə əри кəләтəһо ə гөзитһо чап сохди. Ə Азəрбајчон зиһисдиһо дəвр хүшдə шəш китоб вəдəшəнди. Ə 1997-мүн сал ə Израил ə кифлətəвоз омори . Ə Чəһм нүвүсдəкорһој Азəрбајчон нəн Израил дəри. Шəш китоб вəдəшəндə бəгдə, ə 2003-мүн сал əри зүһүсдə ə Германија рафди. Ə шəһəр Мјунхин зиһисдə. Ə гəриш əни дəһ сал дəһ таза китобһој вəдиромори. Јə китобу əнчəг əз зуһун мусулмунəји ə зуһун чуһуһој-доги тəрчүмə сохдиһо широһоји. Ə амбара шəјрһој мусиги нүвүсдə омори. Нүвүсдə гəзəлһој нə хубə широһој инсонһорə мəлһəмлүјə зүвг дорəји чикə шоһирə салбəсал дијəштəј ədəj ə зијодијо точлүмəндəјə һүрмətбəндиһо вəбəрдəни.
Ə 2016-мүн сал əз тараф рəһбəрлик Азəрбајчан ə Əмəкдор мədəнијət хадими лојиг бири.

Гəзəл

Шејхислам Аллаһшүкүр Пашазадəнин ана-дан олмасынын 60 иллији мүнасибəти илə

Мəһəббətлə охујурсан Гураны сəн, Шејхим мəним,
Хош күнləрə сəсləјирсəн инсаны сəн, Шејхим мəним.

Гəлбиндəки аллаһтала ешги илə јаша-јаша,
Сев даһа да бу дүнјаны,Чаһаны сəн, Шејхим мəним.

Шан-шөһрətин ағызларда, додағларда кəзир бу күн,
Шанлы Ислам дүнјасынын султанысан, Шејхим мəним.

Бир заманлар Бухарада тəһсил алдын мəһəббətлə,
Даһа да чох ешглə севдин Худаны сəн, Шејхим мəним.

Азəрбајчан фəхр еjləjирсəнин кими оғлу илə,
Зəһмət илə газанмысан ад-саны сəн, Шејхим мəним.

Симах Шејда алтмыш нədир, јүз ил өмүр диләр сəнə,
Сев гəлбиндə Вətəн ешги һəр јаны сəн, Шејхим мəним.

Офдори

Əри 70 сали хубə шоһир Əлдар Гуршумов

Шоһирлик јə гисмəти, Худо түрə бəхш дори,
Чуһурһој догимурə ə һəрəјү фирсори.

Ә Гүбә чум вокундәј зомон-зомон нүвүсдәј,
Дирәкорһо куфдири и Гуршумов Әлдари.

"Хдолујә Нимазһој Тәлһүм"ә мә хундәнки,
Дүлмәрә у шәјиоһо әдәј дорәни шори.

Нүвүс-нүвүс у күзәл шәјирһо, мәһниһорә,
Вәки ә дәс зән тараш сәс дәшән ә руј Хори.

Пәхүрһо, наданһорә дүлү бијору губор,
Әгүлмәндһо һәмишә әз дәс уһо бизори.

Симах Шејда данусдә нүвүсдә шәјирһојтү,
Бирор, ә чәнд зуһунһо, ә ләһәһо офдори.

Гардашым

Шејхислам Аллаһшүкүр Пашазадәнин аиадан олмасынын 60 иллији мүнасибәти илә

Күл-чичәкли Ләнкәранда доғулдун,
Чох сафалы бир мәканда доғулдун.
Милјон-милјон инсанлара Шејх олдун,
Аллаһшүкүр Пашазадә, Гардашым!
Ај меһрибан гәлби садә, Гардашым!

Анан сәндә динә инам бәсләди,
Шејхислам дүнјасына сәсләди,
Динә олан инамыны кәсмәди,
Аллаһшүкүр Пашазадә, Гардашым!
Ај меһрибан гәлби садә, Гардашым!

Мәһәбтлә охујурсан гураны,
Ибадәтә чағырырсан инсаны,
Шан-Шөһрәтин тутуб бүтүн һәр јаны,
Аллаһшүкүр Пашазадә, Гардашым!
Ај меһрибан гәлби садә, Гардашым!

Үрәјиндә аллаһталла ешги вар,
Бу ешг сәнин јолларына нур сачар,
Истәр өмрүн даим олсун бәхтијар,
Аллаһшүкүр Пашазадә, Гардашым!
Ај меһрибан гәлби садә, Гардашым!

Азәрбајчан сәнин шанын, шөһрәтин,

Билирәм вар Гарабағ тәк мөһнәтин,
Шәфа тапар көрән сәнин бу дәрдин?
Аллашүкүр Пашазадә, Гардашым!
Ај мећрибан гәлби садә, Гардашым!

Симах Шејда һүзурунда баш әјир,
Сәнә хошбәхт узун өмүр диләјир,
Үрәкләрин ифтихары ол дејир,
Аллаһшүкүр Пашазадә, Гардашым!
Ај мећрибан гәлби садә, Гардашым!

Рашбил Захарјајев күчәси

Журналист Рашбил Захарјајев үчүн

Јохдур үрәјимдә нә гүссә, нә гәм,
Рашбил Захарјајев күчәсиндәјәм.
Кәзирәм ешг илә, мәһәббәт илә,
О бөјүк инсана мин һөрмәт илә.

Гајыдыб кәлибдир догма Губаја,
Чаны тәк севдији елә-обаја.
Шаһдағы, Гудјал да севинир буна,
Көзүн ајдын дејир оглу Кермана.

Севинир бөјүк дә, ушаг да бу күн,
Бирчә ад сәсләнир додагда бу күн,
Јаша Захарјајев күчәси, јаша
Ач кениш гојнуну доста, јолдаша.

Бател балам

Мәнәшнрова Бателә нтһаф еднрәм

Сән Аллаһын гызысан,
Аллаһ сахласын сәни.
Бир дәстә күл-чичәк тәк,
Көрән гохласын сәни
Ај мәним Бател балам,
Севин балам, күл балам.

Балачасан сән һәлә,
Күнү-күндән кәл чала.
Бах ишыглы дүнјаја,
Бағлан ата-анана,
Ај мәним Бател гызым,

Севин гызым, күл гызым.

Нәнән Бәсди ханымын,
Дашыjарсан адыны.
Она охша һәр заман,
Шән кечир һәjатыны
Аj мәним Бател балам,
Севин балам, күл балам.

Гардашына гардаш ол,
Өмрүн бир баһар олсун.
Азад, хошбәхт боj ат сән,
Һәjат сәнә jар олсун
Аj мәним Бател балам,
Севин балам, күл балам.

Кәнчәрә

Нә дирәjкә биjо виниш Кәнчәрә,
Ә һәр боги, парки дәниш Кәнчәрә.

Әз "Шихдүзү", әз "Богбонһо" шор кирор,
Әз чум нәил гәриш-гәриш Кәнчәрә.

"Таза Кәнчә" таза jә шәһәр бири,
Ә һәсму вә хунәһоиш Кәнчәрә.

Чавад хони, Исрафили амбари,
Мүһточу нисд дан әjә чиш Кәнчәрә.

Зәһмәткеши духдәрһои, кукһои
Һәр тарафи бири дәкиш Кәнчәрә.

Jә тарафи, Һачыкәнди, Көjкүли
Сәфалүни нисди тоjиш Кәнчәрә.

Данусдәнүмамбар севмиш сохдәни,
Әз дүл, әз чун, оj Симах, түш Кәнчәрә.

Бах аллаһа

Хәjалынла jашамағым кифаjәтдир, бәсдир даһа,
Кәлирсән кәл ша дет мәни, гоjма дүшүм дәрдә, аһа.
Күнләр, ajлар илә дөнүр учур дурна гатары тәк,

Үмид илә баханмырам, күлүм, артыг һәр сабаһа.

Һичранының, һәсрәтини чәкә-чәкә гочалырам,
Ешгини мән бинәваја кәл бу гәдәр сатма баһа.

Јохам сабаһ-сабаһ илә чох ачылыб бу сабаһлар,
Пејгәнбәрләр торпағында батма, а јар, сән күнаһа.

Симах кими бир шаирин гәлбиндәсән ахшам-сәһәр,
Ону хошбәхт етмәк үчүн Мүнһенә кәл, бах аллаһа.

Мијофум түрә

Наз нә сох әмә,
Буз нә сох әмә,
Кәшдә һүломә,
Мијофум түрә.

Түни сәвкимә,
Руји мәнкимә,
Әрәбзәнкимә,
Мијофум түрә.

Бош әчә хостә,
Әчә воистә,
Јор, кәнә кәшдә,
Мијофум түрә.

Ај васал дүлмә,
Јә дәстә күлмә,
Муји сүнбүлмә,
Мијофум түрә.

Симах вомундкәш,
Ә рәһһо мундкәш,
Лап офдо мүрдкәш,
Мијофум түрә.

Ә јормә офто

Боку у күзәл шәһәр,
Кәнә ә јормә офто.

Кoh хəзри, кoh килавар
Кəнə ə jормə офто.

Обог ən jор дарафтүм,
Күл чирə-чирə рафтүм,
У сијə гош, коврə чум
Кəнə ə jормə офто.

Əз ənор кекчај əчи,
Огуз сərмərə тачи,
Чироггала, Дəвəчи
Кəнə ə jормə офто.

Нист əз вассал Лəнкаран,
Чон əритү, ə Салjан,
Ənчир, шани Мərдəкан,
Кəнə ə jормə офто.

Мə əчə Мүнхен əчə,
Инчо рачи hər кучə,
Күj-күл, сəфалы Кəнчə,
Кəнə ə jормə офто.

Ə бинəj дог күл бирə,
Ə боrhо бүлбүл бирə,
Гуджол чənд-чənд никərə,
Кəнə ə jормə офто.

Дүл бистокə мəhрибон,
Микуjу, мишинү чон,
Оj Симах, Азərбајчан,
Кəнə ə jормə офто.

Бəбəhо

Бинəбору хунəjи,
Бəбəhо!
Həшданки пərвонəjи,
Бəбəhо!

Əз пəсəj кор вирихдə,
Ərəг пишони рихдə,
Динчи, рəhəти нəсда,
Бəбəhо!

Короглу гәjрәтлүни,
Дәрдлүни, һәjрәтлүни,
Вәтән мүһбәтлүни,
Бәбәһо!

Хуби, зәбуни дирә,
Әри еки вәрзирә,
Гинәг мәнк, офтов бирә,
Бәбәһо!

Симах, Фәрһад бирәнүт,
Ә дог күлүнк зәрәнүт,
Хубә нум-сан норәнүт,
Бәбәһо!

Мүһбәтә ә рәһи

Гүссә бирә, гәм бирә,
Мүһбәтә ә рәһи.
Рачә чумһо нәм бирә,
Мүһбәтә ә рәһи.

Мәчнун сад чофо кәши,
Ә руj нә хәндүст һәшги,
Гәми ошугә бәхши,
Мүһбәтә ә рәһи.

Короглу әз Никар хунд,
Хан Кәрәм Әслисүз мунд,
Шеjх Сәнаниш хук чарунд,
Мүһбәтә ә рәһи.

Һәрәбир шориш бирә,
Әнчәг зу фурмиш бирә,
Вәрф бирә, воруш бирә,
Мүһбәтә ә рәһи.

Ә Симах, сәбурлу бош,
Әз бог сәвки түш кирошд,
Һичрон jетим муно кош,
Мүһбәтә ә рәһи.

СЕМЕНДУЕВА ЗОЯ ЮНАЕВНА (20.10.1929) – член Союза писателей горских-евреев Израиля и Дагестана. Родилась в городе Дербенте (Дагестан). Училась в Махачкале. Работала главным техническим редактором в Дагестанском книжном издательстве. Первые стихи издала в 1960 году. В 1992 году репатриировалась в Изриль. Автор книг "Войгей дуьл", "Мэрэ воистэни", "Мозоллуье духтэр догьи", "Бовор сохит э мэ", "Астараймэ", "У обелиска", "Духтэр ду бэбэ" и многие другие. Ее произведения публикуются в разных изданиях Дагестана и в литературно-публицистическом альманахе "Мирвори".

Васал биренге

(Когда приходит весна)

Парандегьо э лулешу,
Чуьн э Ватан вогошденуьт.
Шоре мэгIни угъо, хунде,
Э сер доргьо паруьсденуьт.

Чуьшмэ сохдэ гэрм хорирэ,
Гьэр тарафэ вараюндэ,
Хьэвес дорэ инсонгьоре,
Эри коре пушо берде.

Мэрэш васал эшгьлуь сохде,
Эй гуфдирэ раче гофгьо.
Эдем шоре мэгIни хундэ,
Эри васал эн инсонгьо.

Комуне

(Радуга)

Думон асму кура бире,
Рихунд сайлов+ воруш юре.
Песде хьофдранг, тегьер куьрпи,
Комуне рач бисто веди.

Мере воисд верам, гешдуьм,
Эз ранггьою халагьэ бахш дуьм.
Ве гьемиге, тегьер комун,
Очугь бугу дервозейму.

НесигIэт деде

(Наставления матери)

Данустэнуьм туь, кук ме, гьисд гIэзизи.
Дедей миё эз овлод бу сэхд рази.
Игид Ватан кук бисдоге гьисд мозол,
Хурде шириш э туь мибу ниш - хъэлол.

Тейте туьре келе сохдэ дуьль деде
Михосд лово: невини дерд, довгIо де,
Дан туь гъадуьр шолумире имбуруз,
Хэлгьгъо дие небу дердлуь, серегьуз.

Э гIуьмуьр туь бисди зиёд расирей.
Руй бебере туь, гIэил ме, недирей.
Согь могошдге мидо туьре несигIэт.
Дедей норе эри туь рэхь исэгIэт.

Тегьер дедей, ширдор бала Ватани.
Гьич вэхд эзу журо бире нидани.
У гьем гъувот, гьеми эшгьи эй игид.
Э гьер женггьо э Ватан бош туь имид.

Данусденуьм туь, кук ме, гьисд гIэзизи.
Дедей миё эз эвлод бу сэхд рази.
Игид Ватан кук бисдоге гьисд мозол,
Хурде шириш э туь мибу ниш - хьэлол.

О, дедей! (О, мама!)

О, дедей, тегьер сурьх э пембе.
Э гьэчу мидошди ферзенде.
Кеме шев туь ховсуьз не мундей
Те себэхь ненуйгьо туь хундей.

О, дедей, бири в++эхд четини
Э хуьшде хорундей хьижрони.
Имуре не гьишдей туь гисне.
Мидошди э герми эн сине.

О, дедей, серлеш дорд мидоге,
Э хьэлов нечогьи миофдоге,

Хуьшдере э гьер ло мизери,
Чоресох баларе миофди.

"О, дедей!" - кимигьо гуфдире,
Э дуьль ю е гоф-чи оморе,
лап омбор гешденуьт дедере,
Вокурде, бэхш сохут дердгьоре.

О, дедей, ченд овлод туь гьишдей,
Гьемере э е чум туь дошдей.
Песг эйчуь балагьо имбуруз,
Кимигьо э шир туь нисдуьт дуз?...

Фурмиш нисе сохде

(Не забыт)

Э гIуьзет С. Изгияев. В память С. Изгиева

Чуь зу рафди эз кин иму,
Туь имурэ гьишди пешму.
Бегем шогьир гьич муьрдени,
У ки хэлгьэ дусд хосдени.

ГIуьмуьр комос эйчуь биё,
Бурав хубгьо эзи дуьньёгь.
Бегем усдош вир бирени,
Шогьир усдой эн гофини.

Эй шолуми ве эй дусди,
Дестонгьой туь кумег гьисди,
Бегем дусдхогь фурмиш бире,
У э дуьльгьо гье дебире.

ГIэзизе кук эн хэлгь бири,
Хэлгьэ туь лап хосдембири.
Бегем хэлгьхогь, хэлгъэ гьишдэ,
Мирав эри невогошде

Э сер лэгIэ мугуьм вери,
Э хундеки шоре мэгIни.
Эйчуь биё эз кор пою,
Дуьль мэгIнихун кор не соху.

Нимелитуьт у дестонгьо,
Туь нуьвуьсде сер гирдейгьо.
Гене угьо гьич нимуьруьт.
Гьемишелуьг гье мизигьуьт.

Нум эн шогьир гьисди одлуь,
Хэлгь э у нум гьисд имидлуь.
Шогьире хэлгь гIэзиз дошде,
Гьич вэхд фурмуш нисе сохде.

"Тэхьное суьмуьргъуш"

Гъенетгъой хуьшдере лов сохдэ суьмуьргъуш,
Э тегьер эн нешдер буррани эвире.
Чуьниге у гешде, нибисдо гьич хомуш,
Э сер догь нен више согьэ руз пар зере.

Е ченд бо ме сохдем у гъуше синемиш,
У жевлон зереки фегьм мисохд гьер лоре.
Э тэхьно бireи белкем гьисд у ёхмиш
Ве гъэрол негирде, гешдени гьоворе.

Эхирки суьмуьргъуш бирени селт хэсде,
пардушгьой хуьшдере гьееки фушенде.
ГIуьмуьриш тэхьнои эй эну пучини.
Э тегьер суьмуьргъуш, инсониш гьечуни.

Эшгъ эн муьгьбет

Эдей сухде э дуьл гIэтош,
Нисе бире дие евош.
Уре муьгьбет дегесунди,
Э и хьолиш у расунди.

Учмиш бире, тегьер серсон,
Вир бирени сабуьр инсон,
Э сер догьгъо, е э дере
Эдем жесде, гъэнет зере.

Расде дусди - уни муьгьбет.
Небисдогеш белкем гьисмет,

Энжэгъ бесде, сэхде имид
Ве женг беруь, тегьер игид.

Дусдгьо

У вэхд немунди э ёрме.
Шохьонгум бу, ненге руз,
Кейки бирден э ёнме,
Дусд ме омо дим - бедуз.

Гъул эн екире гирде
Дуразе рэхьэ рафдим
Шоре мэгӀни хунде - хунде
Бэхд имуре гешде - офдим.

Эзу вэхдгьо те имбуруз,
Омборе салгьо гирошдет,
Серме гьич небири гъуз -
Дуьлгьойму э еки расд оморет

Соймиши

Ме шор бирем туь оморей гуфдире
Эйчуь гьечи зу вогошде, соймиши?
Еровурди эдем доре дуьл мере
Дерде зиёд месох гьони, соймиши.

Эйчуь гьишде мере дерд - гъэм кешире,
Шевгьо - рузгьо э фикиргьо пичире,
Гьер гоф туьре чуьн дерд э дуьл вечире
Негьогь месох гъисмете дур соймиши.

Дануьсденуьм муьгьбет гьер вэхд гӀэзоби
Дуьл ме эй туь де нисоху битоби.
Вогошдигешш, ме мигуюм туь ёди.
Де сур мереш э туь нидуьм, соймиши.

Шауль Симан-Тов — один из активистов международной ассоциации «Азербайджан-Израиль», руководитель Центра «Sholumi».

Родился 17 мая 1971 году в городе Баку, Азербайджан.

Проживает в Израиле в Тират Кармель.

Видный деятель общины горских евреев.

Пишет для самого популярного горско-еврейского сайта sinegi.com.

С 1989 года Шауль Симан-Тов начинает печататься в бакинской прессе. В 1990 году выпускает самиздатовский журнал «Прок», а в 1992 году, официально, «Меломан».

В январе 2000 года Шауль Симан-Тов репатриировался в Израиль. Печатается в «Кавказской газете», в которой с сентября 2007 является членом редакционной коллегии, и альманахе «Мирвори».

В январе 2004 года Шауль Симан-Тов основал сайт Druzya.com.

В мае 2007 года Шауль Симан-Тов принят в Союз писателей горских евреев Израиля, в июне 2008 года избран секретарём этой организации.

С июля 2007 года Шауль Симан-Тов стал членом правления комитета по культуре и искусству Международной ассоциации Израиль-Азербайджан «АзИз».

В октябре 2007 года вышел CD «Райский сад» с песнями на стихи Шауля Симан-Това в исполнении Мануэля Исакова.

С 2009 года Шауль Симан-Тов начал выпускать «Аудио антологию горско-еврейской литературы».

ГДЕ ЖЕ ТЫ СЕЙЧАС...

Ночь на город опустилась,
И ты снова мне приснилась,
Вижу я тебя как наяву.
Твои длинные ресницы,
Словно взмах, какой то птицы,
Как же я сейчас без них живу.

Моя милая родная, где же ты сейчас,
Губы кто твои целует в этот поздний час.
Всё судьба за нас решила нам не быть вдвоём,
Только в сердце остаёшься навсегда моём.

Снова я рассвет встречаю,
И глаза я открываю,
Только рядом вижу не тебя.
Лет прошло наверно десять,

Как с тобою мы не вме+сте
Но тебя забыть не в силах я.

Моя милая родная, где же ты сейчас,
Губы кто твои целует в этот поздний час.
Всё судьба за нас решила нам не быть вдвоём,
Только в сердце остаёшься навсегда моём.

Хайфа. Февраль 2004 год.

ПЛЕННИК

Где-то только одной ей,
Еле слышно поёт песню гор соловей
Может, вновь увижу ту,
Что отняла мой сон, мой покой, наяву
На ушко ей прошепчу:
«Родная, навеки в твоём я плену…»

Верю, что увижу вновь
Нежный взгляд, озорной, из-под тонких ресниц.
Стаей величавых птиц
Долетят до тебя, все слова, все стихи,
Что сложил для тебя я -
«Родная, я в плен твой попал навсегда…»

Тират Кармель. Март 2004 год.

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Однажды весною, пришла к Нему Осень,
«Привет, дорогая, что ж, милости просим...
Входи, не стесняйся, не стой у порога,
Я знаю, не скоро - обратно дорога.
Что? Ты не одна, там и Ветер с тобою?
- Постой, я сейчас ему окна открою,
Пусть и этот молодчик, в дом мой влетает,
И мысли, и чувства мои забирает.
И он не один? Ах, летает он с другом...
Дождём его кличут, бежит он по трубам...
И он пусть заходит, пусть смоет остатки
Того, чего ветер, унёс без оглядки...»
Уж полночь пробило. На улице тихо.
Вернувшийся ветер, шумит в доме лихо,
И дождь не смолкает, он льёт без просвета,

Смывая все мысли... и душу Поэта...
Тират Кармель. Февраль 2009 год.

ЮНАЯ

Встретил тебя юную, раннею весной,
Сразу понял что, люблю, милый образ твой.
Ты такая юная, я ж почти седой,
Я прошу красавица, ты побудь со мной.

Ну, давай поедем же, к озеру сейчас,
И сравню я цвет воды с цветом твоих глаз,
Ты такая юная, я ж почти седой,
Буду любоваться я, бездной голубой.

Прожито не мало мной на земле годков,
Повидал не мало я в жизни городов,
Ты такая юная, я ж почти седой,
Не встречал по жизни я красоты такой.

Где ж найти волшебника, чтоб вернул туда,
В молодость беспечную, в юные года,
Ты такая юная, я ж почти седой,
Не видать наверняка, мне любви с тобой...
Хайфа. Июль 2001 год.

ИЗМЕНА

Осенний вечер и один,
Твои я письма вновь читаю,
И вспоминая о тебе,
Вина в бокал я наливаю.

Мне очень хочется узнать,
С кем вечер этот ты проводишь,
Кого ласкаешь ты сейчас,
И в мир любви с собой уводишь.

Увы, но не смогла простить,
Моей измены и теперь,
Меня любя мне, будешь мстить,
А для меня, закрыта дверь...
Баку. Январь 1999 год.

РАЙСКИЙ САД

Когда ушла ты, хлопнув дверью,
Разбились все мои мечты,
Где каждый день сияло солнце,
Где были райские сады.

Там было озеро большое,
В котором лилии росли,
А рядом с озером тем дом был,
В нем жили только я и ты.
Припев:
Ты надежды и мечты,
Все разбила вдребезги.
Ты хотела сразу всё,
Но не вышло ничего.

Нависли тучи над тем домом,
В саду завяли те цветы,
На юг все птицы улетели,
Ни с чем остались все мечты.

Как жаль, что сад спасти не смог я,
Пришла зима в наш райский дом.
Всё здесь покрыто белым снегом
И воют вьюги под окном
Припев:
Ты надежды и мечты,
Все разбила вдребезги.
Ты хотела сразу всё,
Но не вышло ничего.
Баку-Хайфа. Август 1999-2002 год.

НОЧЬ В ДЕКАБРЕ

Это было лет двадцать назад,
Но со мной до сих пор этот взгляд.
Не планируя, встретились мы,
В тёплый вечер, в начале зимы.

Была после прекрасная ночь,
Когда всё отодвинулось прочь.
За окном нам светила луна,
Ты на ухо шепнула мне: Да!

Твои пальцы, сжав пальцы мои,
Всё сказали за нас о любви.
Не заставив тебя долго ждать,
Твои губы я стал целовать.

В эту ночь не смогли мы уснуть,
Бог любви показал нам свой путь.
Насладились друг другом сполна,
Были пьяными мы без вина.

Не заметили мы как рассвет,
В окна нам передал свой привет.
Расставаясь, не знали тогда,
Эта ночь была свыше дана.

После, видел тебя я не раз,
Всё глазами искал твоих глаз.
Но вела себя так ты всегда,
Что знакомы с тобой мы едва...

Хайфа. Август 2002 год.

ТЫ

(стихотворение в прозе)

Когда я смотрю на тебя, я вижу самое прекрасное создание на свете. Когда я прикасаюсь к тебе, твоя теплота переходит ко мне, и я переполняюсь счастьем оттого, что мне дано прочувствовать всё это. Движенье твоих губ напоминает шелест листьев в весеннем лесу. Прикосновенье к ним равносильно глотку холодной воды для заблудившегося в пустыне. Твои глаза, как зеркало, отражают всю прелесть и глубину твоей загадочной души А волосы ... Ах, что говорить! ... Если бы я был ветром, я бы только и делал что играл с ними, с начало бы взъерошивал их, а потом, распутывая, аккуратно укладывал каждый волосок. А тело! Твоё тело идеально, оно совершенно, к нему нельзя ничего прибавить или убрать. А его аромат можно сравнить разве что с запахом райского сада весеннем утром. Сколько тепла и радости дарит оно мне при каждом своём прикосновении. Ты. Ты можешь быть холодной как лёд, а можешь быть горячее солнца. Ты можешь быть необыкновенно строгой и серьёзной, а можешь радоваться и быть беззаботной как маленький ребёнок. Ты. Сколько раз я повторял твоё имя? Десятки, сотни, тысячи раз, но, сколько бы я не повторял – с каждым разом всё больше и больше убеждаюсь, что слова, которые я тебе когда-либо говорил, меркнут перед одним единственным словом, словом, обозначающим твоё Имя. Твоё имя – выше всех человеческих благ, и я не смогу выразить больше чем оно есть. Оно говорит само за себя.

СЕМЕНДУЕВ АЛЕКСАНДР

(09.05.1916 – 13.08.1999) родился в г. Дербенте. Его стихи начали печатать в газете "Захметкеш" в 1934 г. В июле-августе 1934 г. Александр был делегирован на 1-ый съезд советских писателей Дагестана от Дербентского лит. Объединения вместе с Манувахом Дадашевым.

По окончании двух курсов рабфака НКПС (Москва-Мичуринск), в сентябре 1936 г. Александр ю Школу Вооруженных сил и продолжал работать в СА в различных должностях. Награжден орденом "Боевого Красного знамени", у него по два ордена "Отечественная Война" и "Красная Звзда",, пятнадцать медалей. Инвалид войны 11 группы. В 80-тые годы его стихи регулярно печатались в альманахе "Ватан Советиму".

По поручению он перевел с азарбайджанского на языках горских евреев стихи его отца Шаула Симанду. В 1991 г. вышел в Махачкале его первый творчсборник. "Моя время"

Там же и были впервые опубликованы стихи Шаула. В 1993 г. появился второй сборнік "Волны жизни". В последуюшие годы были его стихи и в журнале "Говлеи". Он ушел от нас в августе 1999 г.

ДЕРБЕНД

Зевер ю – догь, зофру – дерьёгь руьгъ-руьгъи,
Улогьойге – гуьлишон богъ онгури.
Миноreюш эз дуригьо ведини,
Нарын-Гъэле э сер Дербенд тож вери.

Е душ шегьер – Або-Сово, Жогьлуни,
Э душиге – СэгІбуново гуьрд бири.
Гъэдимие кучегьо ю серини,
Муьлкгьой Хочи, чул Кофори –
шегьери.

Гьони Дербенд фирегьуни, келеи,
Тебэгьэгьой хунегьоюш гьуьндуьри.
Игидгьой кор, орденлуьгьо омбари,
ГІэдетгьоюш дегиш бири, хуб бири.

Куьгьне Бору гоф мисохдге, мугуфди –
Ченд гъэдер муьрс кешириге могьлугъме.

Угьо гьердуь сигьде тойгьой екини, -
Эри еки чутам гьэлхэнд биретге.

Азад сохди Ватанмере Октябрь.
Бирор бирет ченд миллетгьо, дуст
бирет.
Шегьер Дербенд бири изму бэхдевер,
Торе хэлгъ ю товушире винирет.

Дербендинуьм! Гуфдиренуьм гьемише.
Дуре рэхьгьой эн довгIоре рафдемге,
Ченд шегьергьо, улкегьореш диремге,
Бинеймени, гъисметмени шегьерме.

Раче догъгьой шегьермере ме гешдем,
Сипре шаргьой дерьёгье гьэл ме гуьрдем,
Лезет бегьер тенгьенг юре ме дирем,
Эри Ватан гьэлхэнд бирем, кук бирем.

АСТАРАЙМЕ

Астарайме шеви-рузиш товуши,
Э гIэрейму лап омбаре рэхь дери...
Рачи юре гьэдер нисди, евоши,
Эз буьвергьо сечмиш сохде мидани.

Кура бире догъгьой думон нис гьишде,
Дуре дусде кими мэхьэл винире,
Очугъэ шев э энтигьэ чарусде,
Е карасдиш герек нисди эй дире.

Жовогьиле шэгIм асмуре гьемише
Черх товуши эз гьеме ло гьэл гуьрди.
Эзу зевер нисд э гIуьлом томоше,
Гуйге гIэруьс тозе партал вокурди.

МуьгIуьжуьзи рачи инсон э дуьньегь,
Ни домуну эз астарай гьовои.
Дуьл муьгьбетме фиретьуни чуьн дерьегь,
Хунширини, назуьшменди, гьенои.

Куьнде дусдме гьеме лезет дорени:

Э вэхд васал – тозе гуьлгьой догьини.
Гьеминонгьо – ширинигьой дорини,
Э поизи – шороб, дуьшов богъини.

Гоф сохдеки – хьэеменди, назлуьни,
Э ловгьо ю, гуйге гӏэсел гье вери,
Е кемсуьги эз ю офде нидани,
Гъилигьгьо ю эз хубе гоф зевери.

Рач хорини гӏэсуьлменде хъуьриме,
Дирегоргьо э ю севгил биренуьт.
Имидмени, келе бэхди эри ме,
Хубигьо ю э сер зугьун гье веруьт.

Гьич эзуни сараф, темиз де нибу,
Пар пел-пелуь – мижегьо ю жегьисде.
Ужире дусд гьемишелуьг бие бу,
Ковре чумгьо – гузгигьой жун, эй дире.

Ме вихдемгьо эз гуьзелгьо гуьзели,
Гъисмет юни, э у е гоф неверии.
Эри дусдме у лап келе мозоли –
Гьердуь бэхшгьо селт эри ю омори.

Шэгӏм гьовои не муьбетме екинуьт,
Бугьолуьни хосденуьмгьо дениле.
Гӏэтош онор – пейлегьоре декунит,
Зенггьо зенит рачи гьисди гуфдире.

Веровунит шоригьре эз дуьли,
Енебуге э дуьлесди мичарут...
Дуьл мундеи – тиже хурей эн жуни,
Гӏуьмуьр кеми, салгьой инсон мипаруьт.

Астарагьой ковре асму омбаруьт,
Екишуреш хэбер нисди эз хори.
Денилегьой эн хориму лап рачуьт,
Севгилиме эз раче гоф зевери.

Астарагьой пире дуьньегь гье бирет,
Инсонгьре мэхьтел сохдет гьемише.
Энтигъэе денилегьош зигьисдет...
Межнун сохдет, бендлуь сохдет э хуьшде.

ХАНУКОВ БЕНЬЯМИН (**30.04.1983**) – член Союза писателей Израиля. Родился в Азербайджане городе Баку. В 1990 году с родителями репатриировался в Израиль. Окончил Тель-авивский университет – координатор молодежи (раказ ноар), в настоящее время студент Хайфовского института (по специальности – сохен битуах вэ ашкаот). Женат, живет в городе Кирьят-Ям (Хайфа). Стихи и песни пишет с юности. Печатается в ивритаязычной периодической печати и на интернет сайтах.

בנימין חנוקוב
שיר אהבה קווקזי

בין ענני התה ראיתי מבטך
בריכוך הסוכר נזכרתי במגע ידך
בעוגית החמאה נגעתי בלחייך
בעוגה האגוז בצבע עינך
בשולחן הקווקזי חשתי בקרבתך
בחום המרק כחום חיבוקך
בהרים הירוקים ראיתי את ילדנו ברבות הזמן
בטעם הדובדבן היו שפתותייך איתי כאן
את האבטיח האדום נשבע לך אני היום
ואני הגבינה המלוחה ועם הלחם היא כל המלוכה
כאן באה ההוכחה לאהבתנו ישנה ממלכה
בלחם המתיקות והמליחות ברוך נרקמת
בטעם הלחם תהא אהבתנו בטעם החיים נרקמת
מי ייתן מאותו רגע אהבתנו תהא לעד מתקיימת
אל מול השולחן הקווקזי תחל להיות מתגשמת
בין היין האדום והוודקה
כמו בשטיח הקיר ובתמונה
עוצמת האהבה כה איתנה
ואני אט אט למחר משתומם דווקא
ואומר זאת בטוח ובגאווה
נכנע אני לח שתכיני בלהבה
רק שאחוז אותך בקרבי
רק שאדע שלא תהמרי על ליבי

כאן בעת זו שאת איתי
בשם השולחן הקווקזי
מצהיר לך על אהבתי.
את חייה כחולמת

חולמת אהבה

תמיד אותו החלום בחלומה
על חורף קר תחנת רכבת וקרון ריק
על תור ארוך מעיל ירוק וגלגל שבמסילה משקשק
אוחזת בידיה את הנובלה
ולא יודעת מה מצפה לה
בידיה נפתח ספרה ובלב הסערה
הנה הוא מתיישב מולה
והיא מאדימה כולה
שולח לה חיוך בלאט
והיא בסומק לחייה מחייכת בחטף
ובגופה רוחות ספרה רוחות הסערה
ושום דבר קרה
והיא חוששת
כי אל פניו שוב נגררה
גופתה רוגשת
והנה היא עינה בעינו אט אט
וכל שלה למה היא לא איתו לבד
והנה שוב מתכסה כולה בעלטה
שוב הוא טמון במבטה
למה למה למה
גם ככה בליבה הכל בבעיה
כולה מלאה בתהיה
ואולי זו אשליה
ושוב אמת או רק בדיה
והיא כולה
עם כל ליבה
שוב באותה הבעיה
ועדיף ליבה יהיה פנוי ושלא יחוש שוב דחוי
הרי אותה הוא לא אוהב הרי אף פעם לה לא כותב
והנה עפים ציפורי הזמן
ושוב לא יפגשו
לא עוד תראה אותו שם כאן
ושוב הכל נכלם נעלם

Хаимова Виолетта Семёновна, родилась 7/11/1980 г. в городе Грозном, ЧИАССР. Там окончила 5 классов и репатриировалась в Израиль в 23/09/1992 г. Проживаю в г. Нетания. Здесь уже окончила 12 летние образование, а затем прошла курс по компьютерной графике и веб дизайну - с дипломом. Работала по специальности в большой типографии в г. Петах Тиква (клиентами которой были банки Израиля и муниципалитеты разных городов) 2 года, пока типография не обанкротилась. Затем проработала 6 лет в колледже высоких технологий в г. Герцлия в должности : заведущей экзаминнационного центра. В 2009 вышла в декретный отпуск – после которого вернувшись на роботу, поняла что лучше посидеть ещё дома с ребёнком. На сегодняшний день работаю секретарём в одной крупной фирме в г. Нетания. О себе – люблю хорошую музыку- на разное настроение : разные стили- начиная от классики – и кончая роком. Люблю хорошие фильмы , сатиру , живопись... Ещё в возрасте 10-11 лет начала писать рассказ, но к сожалению во время переезда в Израиль потерялась тетрадка. Затем в 14 лет гостив у подруги в г. Хайфа – начала вместе с ней писать стихи в шуточной форме. И так д сегодняшних дней... Пишу стихи, песни, прозы, пишу по настроению и состоянию души. Редко пишу о себе, но часто пишу о близких мне людях и даже порой от ихнего же лица , могу увидеть фильм , сон или услышав историю могу вдохновившись и сопереживая написать стихи- даже от мужского лица к женскому (кстати очень часто). Пишу на русском, иврите, английсском, начинаю писать на испанском....

Снег!

Тает снег, размыты лужы,
Снегери уж не поют.
К нам в окно весна стучится,
Зиму я остановлю!

Я соскучилась по снегу,
По морозу на щеках,
По метели, что кружится
За калиткой и в лесах.

Я живу ведь в тёплом крае-
Там мне снега не видать.
Ну, а тут я погастила
У зимы минут на пять.

Буду стужу помнить долго,
Как в былые времена
Свои варежки на полке

У камина грела я.
Снег мой милый, белый, чистый
Ни за что не променять
Мне тебя на пальм выси
И на морских волн рать.

Что ж поделать это-участь
Иль судьба лишь знает БОГ.
Хоть и редко, но я буду
Навещать тебя мой снег.

Пусть далёк ты от меня
В странах дальних-холода
Там бывают, ну а здесь
О тебе лишь память есть.

Снег мой нежный и родной
Будешь ты всегда со мной
И во сне и наяву
Я тебе не изменю!

Дети Грозного!

Город Грозный был город весёлых детей,
Маленьких детей с большими надеждами.
Со множеством мечтаний о будущем людей,
Но война запретила всё, сделав детей жестокими!

Счастливого детства почти не помнят они.
Лишь война, да убийства пред глазами ихними.
В настоящих зверей превратились они,
Без жалости к живому и ненависти к ближнему.

Почему началась война,
И почему до сих пор не кончается?
Почему невинные гибнут?
И кому то всё это нравится...

Неужели те прошлые дети-
Людьми обратно не станут?
И мстить будут всем на свете-
За то, что их детство отнято.

Хотелось чтоб всё прекратилось

Проснувшись утром прекрасным.
Вокруг чтобы всё изменилось
И расцвело бы как раньше!

5/09/19 г.

Этот стих был написан во врем действий военных в Чечне.

Не прикасаясь ко мне устами твоими-
Я чувствую нежность твою.
Не прикасаясь ко мне перстами твоими-
Я чувствую силу твою.

Мне не нужны слова и поцелуи,
Лишь взгляд достаточен один.
Я знаю так, что меня ты любишь
И я готова для взаимности.

Не говори мне о любви,
Лишь на меня смотри-смотри.
Словам нет веры у меня,
И лишь глазам твоим доверяю я.

Я знаю, что ты любишь
И ты знаешь, что я люблю.
И знаю то, что будешь-
Верность мне хранить свою.
Тебя я люблю..
*** *** *** ***
Однажды при закате солнца
Ты подошёл и сел со мной.
Ты на меня смотрел не долго,
Как вдруг сказал: "идём за мной"
.
И вдруг сама не ожидая
Я встала и ушла к тебе.
И так три года пробежало,
Но вдруг война тебя взяла к себе.
Тебе тогда я обещала,
Что буду ждать тебя всегда.
Как будто я предугадала,
Что вечно мне придётся ждать тебя.

Война уж кончилась давно, а я-
Все жду тебя и верю,
Что всё-равно вернёшся ты назад
И заживем с тобой как прежде.

Не уставая буду ждать-
Когда вернёшся ты с войны.
Я верю, знаю ты живой
И буду ждать тебя всю жизнь.

В канун нового года!

Как трудно в это верится,
Четыре дня осталось
И где то уж метелица
В дома к людям забралась.

И ёлка есть и дед мороз готовится
И все не в силах его ждать,
И лишь у нас в Израиле, не верится,
Но нам его нельзя справлять?!

Мы раньше ждали этот день и уповали на него,
А тут теперь мы будто тень лишь видим от него.
А в этот год тем более, не новый год один
И новое столетие и даже тысячелетие справлять должны.

Но к сожалению нам нельзя справлять
И лишь во снах мы будем видить
Как снегурочка и дед мороз опять
Под ёлку нам подарки будут ставить .

Ну, что ж и это мы переживём
Ведь мы народ такой!
Мы избранны, не стоит унывать
В миленниум большой!

С новым годом с новым счастьем
Всех нас!
Чтоб мы жили в мире и согласии,
Веселясь

ХЕЙЛИ МИРЬЯМ (24.03.61) – член Союза писателей горских-евреев Израиля и Азербайджана. Родилась и выросла в Баку. Выпускница мехмата Азербайджанского госуниверситета им. С.М.Кирова. Писатель по призванию, математик по профессии. В 1990 году репатриировалась с семьей в Израиль (Тель-Авив). Работает в муниципалитете города. Мирьям увлекается прозой. Она публикуются в периодической печати и в русскоязычных газетах Израиля "Секрет", "Кавказская газета", в Нью-йоркской газете "Новый рубеж", в альманахах "Мирвори" и "Русское слово". В 2007 году в Нью-Йорке, при финансовой поддержке предпринимателя, доктора наук Жанны Азарьевой и при содействии Московского благотворительного фонда СТМЭГИ, вышла в свет ее первая книга "Душа народа"

ПРОСТ

Ночь моя стала тоской, горя нет страшней без тебя,
Нет конца скорби моей, муки моей без тебя...

Низами Гянджави. (отрывок из стихотворения "Без тебя")

За окном бушевала вьюга. Зима в этом году была на редкость суровой. В доме, несмотря на полыхающие в печи дрова, было достаточно прохладно. Шаботай не ощущал холода. Он лежал в своей постели укрытый несколькими одеялами и смотрел невидящими глазами в потолок. Он чувствовал, что Ангел Смерти витает буквально рядом с ним.

- Почему же он не забирает меня?- думал он.- Я уже готов покинуть этот мир.

Жена склонилась к нему:

- Ты что-то хочешь?

Старик покачал головой.

- Может, ты хочешь что-то сказать? - ее всегда суровый взгляд повлажнел.

- Сказать? Что-то я должен был сказать...- он прикрыл глаза.

Он прожил долгую жизнь. Вроде бы правильную и честную. Он вырастил семерых сыновей и дочерей. Слава Богу, все они порядочные, уважаемые люди. Да и сам Шаботай слыл среди людей человеком достойным и справедливым.

- Что же я хотел сказать? Господи, помоги мне вспомнить! Пока я не вспомню, Ангел Смерти не примет душу мою. Я уже устал...

Чей это смутный образ видится мне вдали? Это Она. Она давно меня ждет.... Моя Адаса....

Память умирающего услужливо перелистывала назад книгу его жизни, переворачивая одну за другой страницы , запись каждой из них соответствовала прожитому году.

- Остановись! Здесь. 1914 год...

Он впервые увидел ее в Нисону (так кавказские евреи называли Песах по названию месяца нисана).

По обычаю со второго дня праздника, после праздничной трапезы юноши и девушки одевались в лучшие одежды и выходили на центральную улицу

Еврейской слободки. Они прогуливались небольшими группками, медленно двигаясь вдоль центральной улицы и обратно. Такова была традиция. Это был единственный день в году, когда им разрешалось открыто смотреть друг на друга и даже перекинуться парой фраз. Даже самые шебутные парни вели себя в этот день достойно, и самые языкастые девушки старались выглядеть скромными. Ведь от этого дня часто зависела их будущая судьба.

Он шел с ватагой лучших друзей, с улыбкой слушая рассказ одного из них. Навстречу им медленно приближалась группа девчонок. Он бросил взгляд на них. И вдруг... Словно молния пронзила его с головы до ног. Он остановился и за ним, как по команде, остановились идущие рядом друзья. Девушки тоже остановились. Он ошеломленно смотрел на Нее. Теплые, светло-карие, цвета цветочного меда глаза, которые она тут же прикрыла длинными загнутыми ресницами, прямой с горбинкой нос, нежные розовые губы. Голову покрывал светлый тонкий платок, из-под которого виднелись тяжелые каштановые косы. Одета она была в красивый коричневый "габо" (национальный костюм жителей Кавказа), отороченный серебряным кантом и застегнутый посередине на серебряные пуговицы. "Габо", видимо, был материнский, потому что был ей немного великоват. Старинной работы серебряный пояс стягивал тонкую талию, подчеркивая хрупкость телосложения девушки. Шаботаю казалось, что от нее исходит теплый, нежный свет. Такой и запомнил он ее на долгие годы.

Девушки засмеялись и двинулись дальше.

- Кто эта красавица?- спросил Шаботай друзей.

- Это ж Адаса. – удивился друг. Ее сестра вышла замуж за нашего соседа, и она часто приходит в наш махалле навестить ее. Неужели ты до сих пор не видел ее?

Шаботай покачал головой. Ему больше не хотелось гулять. Зачем просто так слоняться по улицам, ведь отец ясно намекнул ему, что пока он не закончит службу в русской армии, о женитьбе пусть и не думает. Он попрощался с товарищами и пошел домой.

- Пока я вернусь такую красавицу точно отдадут замуж!- думал он дорогой,- чем быстрее я ее забуду, тем лучше.

Через неделю наступило время сбора в армию. Юноши Еврейской слободки призывались в ряды русской армии сроком на три года. По обычаю в дом призывника в день отъезда заходили соседи, друзья, родственники и прощались с ним. Старики говорили напутственные слова, женщины плакали. Шаботаю уже немного надоело вскакивать и встречать очередного гостя во дворе, как вдруг.. Калитка приоткрылась, и маленькое солнышко тихонько проплыло во двор. Адаса! Она была в светлом ситцевом платье и светлом платке. Он поспешно подошел к ней.

- Адаса! Спасибо, что ты пришла проводить меня!

Она подняла на него медовые глаза. В волнении взяла в руки свою косу и начала теребить ее:

- Я была у сестры. Она сказала мне, что тебя забирают в армию.

- Не волнуйся, служба в армии - эта ли опасность для настоящего мужчины. Тем более, сейчас нет войны.

Она опустила взгляд и прошептала.
- Береги себя. Ты нам очень нужен... Мы будем ждать тебя...
Она легко повернулась и поплыла в сторону калитки. Когда она уже открывала ее, к нему вернулся голос:
- Кто это – мы? – спросил он.
Но в ответ увидел только нежную улыбку с легкой укоризной.
Он ошибся. Через несколько месяцев война все-таки началась. Это была первая мировая. Он в составе Кавказской армии был переправлен через Черное море в Турцию. Их задачей было блокировать Босфор. Он посылал домой письма, написанные на иврите, где большей частью расспрашивал о доме, чем рассказывал о себе.
Там в Босфоре Шаботай встретил земляка и, сфотографировавшись с ним на память, послал две фотографии домой с просьбой отдать вторую фотографию семье земляка.
Шаботай вздохнул. Он вспомнил рассказ своей сестры Рахели об этих фотографиях.
Рахель возвращалась к себе домой. Отец прочитал ей письмо брата и просил передать фотографию земляка его родителям, которые жили по соседству с домом ее мужа. Вдруг прямо на улице к ней подошла девушка и поздоровалась. Она ее не сразу узнала.
- Здравствуй, Адаса.- удивленно сказала она.
- Ты была в доме родителей? Как они поживают?
- Слава Богу, хорошо,- Рахель удивлялась все больше и больше.
- А как братья и сестры, все здоровы ли?
- Божей милостью, все в порядке. Брат из армии фотографию прислал, где он снялся вместе с Исроилем, соседом мужа. Вот несу его родителям отдать.
В глазах девушки вдруг вспыхнул желтый огонь:
-А можно посмотреть?
- Конечно! Вот она.- Она вытащила завернутую в вышитую салфетку фотографию. Девушка почти вырвала ее из рук , с любовью открыла салфетку, вынула фотографию и не смогла отвести от нее завороженного взгляда. Рахель поймала этот взгляд и все поняла.
- А он возмужал, повзрослел,- сказала Адаса, не отрывая от фотографии глаз
- Кто,- улыбаясь, спросила Рахель,- Исроил?
- Да нет, Шаботай, конечно, - она подняла взгляд от фотографии и увидев улыбающееся лицо Рахели вспыхнула.
- Кто-нибудь знает об этом? - в задумчивости спросила Рахель.
Девушка покачала головой.
- Если будет на то Божья воля, когда брат вернется, я скажу свое слово матери.
- Я прошу тебя, ты только до времени никому не рассказывай.
- Не волнуйся.
Шаботай опять вздохнул. Господи! Неведомы пути твои! Почему ты своими руками даешь и своими же забираешь?

Что было потом? Он мысленно перевернул еще две страницы в книге своей жизни.

Шел февраль 1917 года. Когда стало известно об отречении царя, большая часть Кавказской армии была перевезена через Черное море в Одессу. И оттуда, не дожидаясь приказа, они стали потихоньку разбегаться по домам, прихватив с собой оружие.

Через несколько недель он уже был дома. Отец давно ждал приезда сына и не удивился его внезапному появлению. Пока мать накрывала на шильхан (небольшой стол высотой примерно 50 сантиметров. За таким столом можно было сидеть на матрасах на полу), отец потихоньку рассказывал о жизни в слободке. А времена наступили смутные. Зажатая со всех сторон мусульманскими селениями маленькая Еврейская слободка при власти русского губернатора жила худо-бедно спокойно. После падения империи она осталась незащищенной и потому была легкой добычей для разбойников. Небольшие лезгинские отряды совершали ночные набеги на слободку, выбирая зажиточные дома. Они грабили, убивали, насиловали, а затем поджигали дома евреев и, вскочив на быстрых коней, скакали в горы. И хотя с мирным населением отношения у евреев были хорошие, разбойничьи банды никто не выдавал. Вернувшиеся с войны еврейские юноши стали собирать небольшие группы сопротивления.

- Но ты не волнуйся, - добавил отец, поднимаясь с пола.- Нас не тронут. Когда у моего отца была мельница, лезгины целыми семьями приезжали к нему молоть муку. И всем им он оказывал уважение и давал приют в своем доме. Такое не забывается. Ты немного оглядись, начни работать и вскоре надо бы тебе женится. Негоже мужчине быть неженатым, не достоин такой мужчина кинжал носить, да и по законам нашим это нарушение завета Божьего. Но к этому разговору мы еще вернемся

Отец ушел в синагогу, а мать села возле сына и стала расспрашивать его о войне. Но он быстро перевел разговор о поселке. Потихоньку расспрашивая о соседях: кто умер, кто родился, кто женился, кто вышел замуж, он как бы невзначай спросил, не вышла ли замуж Адаса, сестра жены соседа. Мать засмеялась:

-Не бойся, не вышла. Тебя, видно, ждет.

А через месяц они сыграли свадьбу. Свадьба была скромной: время было тяжелое. Не до гуляний. Перед свадьбой сказала мать Адасы Шаботаю:

- Вот парень. Отдаю тебе дочь мою в жены. Пока тебя не было, в дом ко мне за ней не одна сваха приходила. Но мы ее не отдали. Все для тебя держали. Редко у наших по любви и согласию молодых женят, не хотели мы с мужем мешать счастью дочери. Дай мне слово, что будешь беречь ее, солдат.

И он обещал. Если бы знать, что будет! Видно на то была воля Божья.

Жить становилось все труднее и труднее. Все чаще мужчины приходили домой, не зная, чем кормить завтра семью. Народ нищал. Выходить в мусульманскую часть города становилось все опаснее и опаснее.

И только они вопреки всему были счастливы. Шаботай не мог налюбоваться на молодую жену. Она, как будто, не ходила, а плыла по земле. А когда она что-то делала казалось, что делает все спокойно и медленно, но работа почему-то продвигалась очень быстро. Когда она возилась на кухне, не было слышно грохота посуды. Создавалось впечатление, что она не касается ее руками, а кастрюли и горшки тихо и бесшумно сами моются в тазу и становятся на место. Дети и животные сами ластились к ней.

А главное, легкая, нежная улыбка почти всегда искрилась на ее лице. "Увидеть твою улыбку с утра,- говорила старуха-соседка, - сулит удачу на весь день".

Вскоре у его жены стал потихоньку расти живот, и Шаботай уже подумывал, где они поставят гуфора (люльку), когда все вдруг переменилось.

Однажды отец, придя из синагоги, не зашел в дом, а вбежал. Шабтай с удивлением посмотрел на него.

- О горе нам, сын мой, страшное горе пришло к нам. Сегодня в синагоге раби сказал, что турецкая армия входит в Азербайджан. Они идут по приглашению мусульманских лидеров. Раби сказал, что они обещали обратить всех евреев в мусульманскую веру, а кто не пожелает, уничтожить. О горе нам! Разве для того мы столько веков в муках и страданиях берегли свою веру, чтобы вот так потерять ее в один миг. И нет нам ниоткуда помощи.

Шаботай бросил взгляд на женщин, начавших рыдать. Только Адаса стояла, молча теребя уголок платка.

- Что же будем делать, отец?

- Люди рассказывали, что в Дербенте власть взяли большевики. Никто не знает точно кто это. Но достоверно известно, что они хорошо относятся к евреям и к беднякам. А мы как раз и те и другие. Да к тому же Дербент, это не Азербайджан, и турки туда не доберутся.

Он строго посмотрел на женщин:

- Перестаньте выть. Готовьтесь. Через два дня выходим.

- А как же дом, добро, нажитое годами? – закричала мать.

- Молчи, женщина! Наша единственное добро – наша вера, а тряпки и горшки можно купить новые! Собирайтесь!

Через три дня они вышли из дому, их было семь человек: родители, Шаботай с Адасой, старшая сестра, которая после того, как овдовела, вернулась в дом отца, младшая сестра-подросток и больной младший брат. Часть жителей поселка также как и они пошли в Дербент.

И потянулась цепочка беженцев на север. Они шли в надежде найти защитника веры их отцов, как будто в этом сошедшем с ума безумном мире кто-нибудь мог защитить кого-нибудь. Добравшись до Хачмаса, они долго ждали поезда на Дербент. А когда дождавшись, уставшие сели в общий вагон и заснули, не замечая ни разноязычного шума в вагоне, ни тесноты, ни запаха табака, перемешанного с запахом пота, ни августовской духоты.

Их высадили из поезда, не доезжая до Дербента, в сам город их не пустили, а поселили за чертой города вместе с другими беженцами в вагонетках, стоящих прямо на рельсах на запасном пути. То в одной, то в другой семье начали болеть

старики и дети. Люди сначала объясняли это жарой и усталостью Но когда один за другим стали умирать больные, они догадались, что пока скитались по дорогам, не заметили как старая, костлявая старуха незаметно примкнула к ним. Имя ее было холера

Сначала умер младший брат, затем мать. Их похоронили на еврейском кладбище Дербента. Когда Шаботай читал кадиш над могилой отца, он чувствовал, что болезнь подобралась и к нему.

Адаса возилась возле него, когда вдруг не в силах больше терпеть, она легла на полу барака рядом с ним.

- Не бойся, мы умрем вместе,- прошептал он, взяв ее за руку.

Она вырвала свою руку из его :

- Нет, ты должен жить!- и вдруг, схватившись руками за живот, она прошептала: "Бедное мое дитя", вскрикнула и замолчала.

Когда он очнулся, то долго не мог понять: кто он, где он? Подняв голову Шаботай увидел сидящих на полу прижавшись друг к другу сестер.

- Где Адаса? - Спросил он слабым голосом.

- Два дня назад приходили в дом еврейские мужчины,- сказала старшая сестра осипшим голосом. Ее опухшее от слез лицо уже не отражало никаких эмоций кроме усталости.- Они сказали, что солдаты велели на завтра собрать все трупы и сжечь. Нам больше не разрешают хоронить на городском кладбище. Но евреи не хотели, чтобы их родных сжигали как мусор. Эти мужчины забрали Адасу и похоронили с остальными в степи. Мужчины прочитали над ними кадиш и погребли по нашим законам.

- Где она? Я хочу видеть ее могилу! - Шаботай встал, качаясь.

Сестра равнодушно пожала плечами. События последних недель отняли у нее последние силы.

- Я знаю,- маленькая Шифра вскочила с пола.- Нам не разрешили идти. Но я все равно побежала за ними. Я все видела.

Старшая сестра, обхватив колени, равнодушно следила за тем, как Шаботай, напившись воды, пошатываясь, вышел из дому, опираясь на Шифру.

Когда они подошли к месту, она неожиданно остановилась.

- Кажется, я забыла. Там было несколько деревьев, а здесь одно. Там был один холмик, а здесь несколько. Я не знаю, где это.

Она села на землю и заплакала. Шаботай поднял голову к небу и мысленно вскричал:

- Господи, ты забрал ее у меня и не оставил даже могилы, у которой я смогу склонить колени. За что, Господи?

И тут к нему подошел один из поселковых.

- Ты слышал, говорят, что народ в городе ропщет, что мы несем им заразу. Говорят, что солдаты решили сжечь всех, кто остался жив вместе с бараками, все равно всем помирать. Надо убегать, Шаботай.

Он ушел. Шаботай задумался.

- Куда-то снова идти.. Зачем? Разве есть смысл в жизни?- И вдруг взгляд его упал на сестренку, с испугом смотревшую на него. Его смерть ведет за собой

смерть сестер, так как некому будет о них позаботиться. Он должен жить, ведь он теперь им вместо отца.

А как же могила Адасы? Что ж, если Господь скрыл ее от меня, то я построю ей могилу в глубине души моей. Я буду навещать ее, когда захочу, и никто не сможет помешать мне.

В этот момент, как и каждый раз, когда он мысленно возвращался к этим воспоминаниям, в голове Шаботая прозвучал волшебный голос Бюль-Бюля, поющий знаменитый романс Узеира Гаджибекова на слова Низами "Сан-сиз" (Без тебя):

Поверь, красавица, мне, клянусь я встречей с тобой.
Горит в разлуке душа, боль все сильней без тебя,
Хоть за меня спокоен будешь, родной мой цветок,
Нет покоя Низами, мир все темней без тебя,

Говорят, великий Низами написал это стихотворение на смерть своей любимой жены Рены.

Он взял сестру за руку и пошел прочь. Через несколько часов они втроем уже вышли на железнодорожную полосу. Он решил добираться поездом до Хачмаса. Денег у них не было. Где могли они ехали зайцем, когда их высаживали, шли пешком.

Голод и разруху видели они на своем пути. Причем плохо было всем: горцам и евреям, русским и азербайджанцем, бедным и богатым Хорошо было только воронью поганому, что питалось падалью на дорогах, да лихим разбойникам, которые не боялись совершать разбои.

В октябре они добрались до Хачмаса. Здесь в одном из селений Шаботай познакомился с местным баем, который предложил ему поработать на сборе урожая. Шаботай согласился. Только попросил разрешения отвезти сначала сестер в родную слободку.

Старый дом встретил их угрюмо пустыми глазницами окон, покосившейся крышей. Внутри были только пустые стены. Сестры принялись приводить в порядок дом, когда зашедшая к ним соседка, опустив глаза, сказала.

- Зайди в дом родителей твоей жены, Шаботай. Там ждут тебя.

Она сидела с несколькими женщинами на матрасах на полу. Все женщины были в черных платках. Увидев его, женщина ударила себя по коленям и запричитала:

- Меньше года назад самый лучший цветок из своего сада дала я тебе, но ты не уберег его. Почему ты бросил в чужом краю жемчужину мою? Разве не обещал ты хранить и лелеять ее?

Женщина била себя по груди, а потом поднимала руки кверху, как бы призывая Господа в свидетели. Он слушал, опустив голову, а затем повернулся и вышел. Недостойно мужчины спорить с женщиной! Тем более, что эта женщина права..

Одна за другой переворачиваются страницы его жизни. Вот он отдал замуж сестер. Но негоже мужчине оставаться неженатым, такой мужчина недостоин носить кинжал! И он женился.

Шаботай вздохнул.

Сразу пошли один за другим дети. Жена его была прекрасной хозяйкой. В доме всегда было чисто. Дети ходили ухоженными и опрятными. Соседки часто приходили к ней за советом или помощью. И всем она помогала. Но...

Редко, ой как редко, улыбалась она. Всегда строгое лицо ее часто выражало только недовольство. А недовольна она была всем: детьми, мужем, правительством, погодой. А что-то не по ее: нахмурит брови, тонкая морщинка ляжет меж бровей, домашние стараются ей на глаза не попадаться, быть грозе. Каждое утро, когда она возилась на кухне и во дворе, стоял такой звон и грохот, как будто она старалась вылить на бессловесные предметы свое недовольство жизнью.

Память вновь листала книгу жизни его. Одна страница, другая, третья.- Остановись!

Война. Весна 1945 года. Поселок жил по законам военного времени. Шаботай работал тогда сторожем в пекарне. Сюда привозили муку, Здесь же пекли и раздавали жителям хлеб по карточкам.

В тот день муку не привезли, и потому охранять особенно было нечего. Ночь была холодной, и Шаботай решил из своей будки не выходить, обход по территории не делать- воровать все равно нечего. Он сидел на табуретке и грел руки над небольшим мангалом, в котором тлели угли. Он немного задремал, как вдруг услышал стук в дверь. Шаботай встал, открыл дверь. Что за чудо? Перед ним стояла молодая женщина, одетая во что легкое и белое. Светло-карие, медовые глаза... Адаса?! Он хотел подойти к ней, но она остановила его жестом руки.

- Шаботай, выполни мою просьбу, пожалуйста. - Ее голос! Такой забытый и такой до боли знакомый!- Пойди к моей матери, сделай то, что она попросит. И помоги ей, в чем можешь. Сказав это, она повернулась к нему спиной, сделала пару шагов и растворилась в ночи. Он очнулся сидя на стуле, угли в мангале почти остыли. Но дверь не закрыта на замок. Значит, кто-то приходил? Или ему все приснилось? Он подождал до рассвета и пошел домой. Не заходя в дом, он вызвал жену во двор и рассказал о своем видении.

Она слушала молча, потом сказала только одно слово: "Подожди!"- и вернулась в дом. Через несколько минут она вышла уже одетая и пошла впереди него, сделав знак, чтобы он шел за ней. Всю дорогу они шли молча. Только у самого дома бывшей тещи, она произнесла:

- Женщины говорили, что при смерти старуха. Значит, не просто так дочь ее приходила

Дверь открыла невестка женщины:

- Шаботай? Так это тебя мать столько времени зовет! А мы всех родных перебрали. О тебе совсем забыли! Иди к ней.

Он подошел к постели.

- Шаботай? Ты пришел. Она передала тебе! Я не могу уйти, не сказав тебе " Прости!" Ты был прекрасным мужем и зятем, и не твоя вина, что Господь забрал мою дочь. Прости меня.

Женщина вздохнула и отошла... Он закрыл ей глаза и позвал женщин.

- Господи!- запричитала невестка.- Вот и мать умерла вслед за отцом. А у нас и ткани в доме нет, чтобы пошить саван!

Шаботай посмотрел на жену. Они до войны еще покупали ткань на простыни. Жена его тогда заставила купить по случаю на базаре в Баку.

- Подождите, - сказала она. Морщинка привычно легла меж бровей,- у меня есть. Я сейчас принесу.

Что же я хотел сказать? Не помню..

Смутный образ вдали все ближе. Вот уже проступают знакомые черты. Адаса. Она в том же наряде, что он впервые увидел ее, только голова плотно покрыта платком, как и полагается замужней женщине.

- Ну что, дождался?- голос жены вернул его в этот мир. Он открыл глаза. Лицо ее было прямо перед ним. Морщинка меж бровей давно превратилась в глубокую борозду.- Все люди с радостью живут и с грустью умирают. А ты с грустью жил и с радостью умираешь. Что могла сделать тебе молодая девчонка, с которой ты и года не прожил, что имя ее ты шептал по ночам во сне. Почти пятьдесят лет мы вместе, сколько прожито, сколько пройдено,.. Почему же до сих пор ты, когда стонешь, в забытьи имя ее зовешь? Разве не я родила тебе таких славных детей, разве не я отдала тебе всю свою молодость и жизнь?

Что это? Слезы льются из ее глаз? Сколько раз она плакала в жизни. Два? Я вспомнил! Что я хотел сказать!

- Прости меня!

Прости, что, отдав тебе дом свой, сердце оставил другой,
Прости, что, отдав тебе разум, мысли оставил другой,
Прости, что, отдав самого себя, душу оставил другой!
Прости меня!

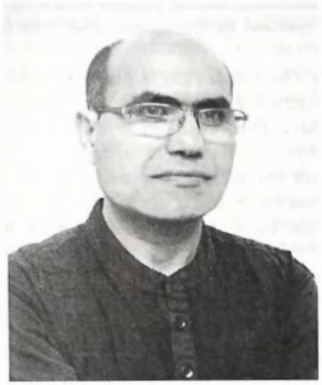
Он закрыл глаза.

- Я иду к тебе, Адаса!

У меня сил больше нет, мне ли искать счастья с другой?
Ты же сказала мне, что "Нет счастливых дней без тебя"

Әз тараф чәп: Мәрҗәм Хәҗли, Марина Агарунова, Шабтай Агарунов, Фрида Јусуфова нә Иветта Симантов.

Борис Ханукаев (22.12. 1952) – родом из Дагестана (г. Дербент), видный деятель культуры, известный поэт и прозаик. Окончил Краснодарский институт культуры и Хайфский университет. Автор 5 книг и большого количества песен.

Среди известных шлягеров - "Джон дедей", "Сизде сала", "Зенит ширин".

Две родовые ветви - по материнской линии Фараджевы из Баку и Ханукаевы из Дербента.

Оба любимых города упоминаются в творчестве Бориса Ханукаева.

В 1988 году создал культурный центр горских евреев, благодаря которому возродилось преподавание джуури в Дагестане.

В 1999 году создал Союз писателей горских евреев в Израиле и был его первым председателем.

В нынешний альманах вошли несколько произведений из книги "Из чистого истока", созданной в 2014 году по мотивам горско-еврейского фольклора.

ВОРОНА, СОЛОВЕЙ И ОСЁЛ

На вершине стройного ветвистого дерева сидел певец по призванию Соловей. На таком же стройном и кудрявом дереве, что стояло напротив, расположилась чёрная от рождения Ворона. Пению Соловья радовались земля и небо, ибо нельзя было не радоваться такой сердечной и в то же время негрустной мелодии. А карканье Вороны напоминало сухой кашель из нескольких звуков, повторявшихся вновь и вновь после коротких пауз.

Вороне было не по душе такое отношение к Соловью. И, решив изменить ситуацию, она обратилась к певцу:

- Что ты так радуешься своему пению? Вот я пою лучше тебя, но не хвастаюсь ни перед кем.

- Да нет, - ответил смущённый Соловей, - и я ни перед кем не хвастаюсь, просто все говорят, что мой голос – самый красивый из птичьих голосов и что песни мои - самые красивые.

- Никто такого не говорит, - прокаркала уверенно Ворона, - ты сам о себе это возомнил. Мой голос красивее твоего, и я пою лучше тебя.

Ворона сорвалась с ветви и начала летать прямо перед Соловьём. Соловью надоело её мелькание, и он попросил:

- Перестань, пожалуйста, ты мешаешь мне петь.

Однако Ворона продолжала летать перед ним, повторяя:

- Мой голос красивее твоего, и я пою красивее тебя.

Понял Соловей, что Ворона не оставит его в покое, и решил предложить ей соревнование:

- Послушай, давай сделаем так: полетим вот к тем деревьям, что видны издалека, и спросим у первого, кто встретится нам, чей голос лучше и кто красивее поёт.

Ворона немедленно согласилась, ведь именно этого она и ждала.

Полетели они к деревьям, что были видны впереди, и встретился им Осёл.

Рассказала Ворона Ослу о соревновании между ней и Соловьём, и согласился Осёл быть их судьёй.

- Поднимитесь оба на это дерево, - сказал Осёл, - спойте каждый отдельно, а я послушаю и оценю.

Полетели Соловей и Ворона, каждый выбрал себе ветку, и показали они по очереди своё певческое искусство.

- Ну что ж, очень легко решить, - с видом большого мастера произнёс Осёл, -

Ворона поёт намного лучше!

- Я ж говорила! – каркнула радостно Ворона. – Я победила!

Она подлетела к Соловью, сидевшему в оцепенении из-за неожиданного проигрыша, и ловко выдернула у него из хвоста несколько перьев.

Упорхнул Соловей с ветки своей неудачи и вернулся на то дерево, где любил сидеть и петь радостные песни. А Ворона полетела праздновать в вороньей стае.

Через несколько дней победительница вновь прилетела туда, где обычно сидел Соловей, и услышала грустную мелодию.

- Что это ты всё грустные песни поёшь? – обратилась она к бывшему сопернику. – Не потому ли, что я вырвала из твоего хвоста несколько пёрышек? Или ты всё ещё горюешь, что проиграл в соревновании?

- Нет, - вздохнув, ответил Соловей, - я грущу не из-за потерянных перьев и не потому, что проиграл соревнование по вокальному искусству, а потому, что решение о победителе было принято ослом.

ЛЕКАРСТВЕННЫЙ ПЛОД

В одном из аулов Кавказа жил вдовец, и у него был один единственный сын. В саду у этого вдовца росло много разных деревьев, но одно из них – яблоня – было необычным. Каждой осенью эта яблоня приносила один плод. И хотя на других деревьях вырастали десятки плодов, ни один из них не мог сравниться с этим единственным яблоком. Вдовец срывал его, съедал, и все его тело очищалось от болезней.

Каждую осень днём и ночью сын вдовца охранял дерево с чудесным плодом. Но, к сожалению, в одну из ночей он слегка вздремнул, а когда открыл глаза, то заметил, что на ветви яблони сидит златокрылая птица. Она быстро спрятала чудесный плод под крыло и улетела.

Забежал сын домой, разбудил отца и сообщил недобрую весть. Вздохнул тяжело отец, не зная, что сказать. Зато сын, успокаивая его, проговорил:

- Джон бебе*, не беспокойся, я верну твоё лекарство.

Долго ходил сын по горам и по равнинам, проверил он и берег морской, но не встретилась ему златокрылая птица. И пошёл он по предгорью. Шёл немало дней, и вошёл однажды в густой лес. Вскоре сын увидел очень уставшего волка, который еле волочил ноги, приблизился к нему потихоньку, достал из своего хурджина еду и положил на землю. Съел волк предложенное угощение и спросил у юноши, куда он идёт. Рассказал молодой человек историю с деревом и златокрылой птицей. И сказал волк:

- Птица, которую ты ищешь, живёт во дворце Повелителя Рек. Садись на меня, и я доставлю тебя, куда надо.

Сел юноша на волка, они поскакали, а когда прибыли к месту назначения, волк произнёс:

- Слушай внимательно: во дворце есть комната, где находится златокрылая птица, а рядом с ней стоит золотая клетка. Как зайдёшь туда, схвати птицу, но смотри, не коснись клетки.

Зашёл парень во дворец, схватил птицу, положил её в свой хурджин, но случайно его рука коснулась стоявшей рядом клетки. И зазвонили-зашумели тревожные колокольчики. Услышав их звуки, прибежали слуги, схватили вора и повели его к Повелителю Рек.

- В чём дело? – строго спросил Повелитель. – Что ты здесь делаешь?

И рассказал ему юноша об отце, о лекарственном плоде и златокрылой птице, которая унесла этот плод.

- Я отдам тебе эту птицу, - сказал Повелитель Рек, - но с одним условием: ты приведёшь мне златокрылого коня, который принадлежит Повелителю Озёр.

Вышел парень из дворца, пришёл к волку, рассказал, что случилось. Волк недовольно покачал головой и всё же сказал:

- Не послушался ты меня, но я помогу тебе ещё раз. Садись на мою спину, и я доставлю тебя, куда надо.

Прибыли они к дворцу Повелителя Озёр, и стал волк наставлять юношу:

- Зайдёшь в конюшню, подойдёшь к златокрылому коню, шепнёшь ему на ухо, что он самый красивый, самый быстрый из коней, и попросишь пойти за тобой. Рядом с конём на столбе висит уздечка, смотри, когда будешь выводить коня, не коснись её.

Зашёл парень в конюшню, прошептал на ухо коню те слова, которым учил его волк, начал выводить коня, но при этом его рука случайно коснулась уздечки, висевшей на столбе. Зазвучали тревожно сотни колокольчиков, прибежали слуги, схватили вора и привели к Повелителю Озёр.

Допросил парня Повелитель Озёр, узнал всю правду и сказал:

- Я подарю тебе златокрылого коня, если принесёшь мне золотую рыбку, принадлежащую Повелителю Морей.

Вернулся герой сказки к своему доброму другу волку, рассказал и про это приключение. Покачал головой волк, выразил недовольство, что опять парень не послушался, но отвёз всё же своего молодого друга к месту назначения, а там начал поучать:

- Я сейчас войду в эту сеть для ловли рыб. Ты опустишь меня в воду. И когда ты почувствуешь, что сеть дёрнулась три раза подряд, ты должен понять, что я поймал золотую рыбку, и надо нас немедленно поднять. Договорились?
Парень кивнул и опустил волка в воду. Когда сеть дёрнулась трижды подряд, он поднял её и увидел волка, держащего золотую рыбку.
Радостно блеснули глаза волка:
- Ну вот, в этот раз ты выполнил всё, как надо!

Принёс юноша золотую рыбку Повелителю Озёр, получил от него златокрылого коня, привёл коня Повелителю Рек, получил от него златокрылую птицу, положил её в свой хурджин, и волк доставил его к выходу из леса. Там юноша поблагодарил волка за дружбу, и отправился домой.

Войдя в дом, он застал больного отца, лежащего на тахте с закрытыми глазами. Парень достал из хурджина златокрылую птицу. Она взлетела, и выпустила из-под крыльев заветный лекарственный плод. Юноша разбудил отца и накормил его чудесным яблоком. Встав на ноги, отец произнёс:
- Э Худо шюкюр**, что у меня есть такой сын. Я горжусь тобой, мой дорогой. Однако я вижу, что ты не только мне, но и себе привёз драгоценный подарок!

Юноша посмотрел туда, куда указал отец, и обомлел: там, где опустилась златокрылая птица, теперь стояла чудесная девушка с золотыми волосами.

ай Бог, чтобы и у вас, мои уважаемые читатели, были такие дети! Дай Бог, чтобы и вы, как этот достопочтимый отец, в здравии дожили до того момента, как ваши дети встретят своё счастье.
*бебе - отец
**Э Худо шюкюр – слава Богу

ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА

Это случилось в те давние времена, когда считали, что красивых, умных и хозяйственных девушек жалко отдавать чужим. Родные братья и сёстры договаривались между собой и женили своих детей. Такая история случилась и в нашей сказке: двоюродный брат был помолвлен с двоюродной сестрой. И, надо заметить, что парень и девушка с удовольствием ждали дня свадьбы. Но…

Однажды довелось шаху увидеть эту красавицу, и велел он отцу девушки готовить её ему в жёны. Сгорая от нетерпения, шах назначил свадьбу на следующий же вечер. Тогда обратилась красавица к двоюродному брату с такими словами:
- Если хочешь быть со мной всю жизнь, продай то, что можешь продать, купи хорошего коня, остальное обменяй на золотые монеты. В хурджины положи самое необходимое, что нужно в дорогу, и не забудь несколько пар мужской и женской одежды. Завтра, когда наступят сумерки, и меня начнут готовить к свадьбе, будь на коне у шахского дворца. Я выберусь, и мы с тобой убежим.

Так и получилось: когда невесту одели в свадебное платье, красавица сослалась на боли в животе, взяла кувшин, как полагалось в таком случае, и вышла во двор. Ловко пройдя по тропинкам двора, она выбежала за ограду и увидела своего жениха. Юноша подхватил её на коня, и влюблённые ускакали.

Добрались до моря. Девушка переоделась в мужской костюм, и они пошли к хозяину баржи, который у своего прибрежного домишки дожидался пассажиров. Договорившись с ним о переправе на другой берег, влюблённые вместо оплаты отдали ему коня, а, кроме того, жених попросил один из хурджинов оставить в доме.

- Пусть будет у тебя, - сказал он, - однажды мы вернёмся и заберём его.

Корабль вышел в путь, и счастливые влюблённые, стоя на палубе, смотрели на спокойное море и голубое небо. Вдруг парень вздрогнул:

- Платок, мой носовой платок, подарок отца. Я обещал ему, что платок всегда будет со мной, но забыл его в оставленном хурджине.

Юноша умолял хозяина баржи повернуть назад, но тот наотрез отказался, ведь поворачивать назад это дурной признак, и он никогда такого не сделает.

Тогда парень решил, что он сам поплывёт за платком и быстро вернётся, только пусть баржа стоит до тех пор на якоре. Но не прошло и пяти минут, как начал дуть сильный ветер, постепенно превратившийся в грозу. Баржу сорвало с якоря и понесло по морю. Порыв ураганного ветра сдул с головы девушки шапку, и на плечи упали собранные под ней волосы.

Поняв, что перед ним писаная красавица, хозяин баржи задумал недоброе, и как только шторм утих, начал подкрадываться к девушке, но та была начеку. Схватив с палубы металлический прут, она сказала:

- Не подходи, иначе убью или тебя, или себя. Знай, я не против стать твоей, но с одним условием: ты приведёшь меня в родительский дом, сыграем свадьбу, и я стану тебе законной и послушной женой.

Увидев, что девушка не из робкого десятка и что насильно ему не овладеть её изумительным телом, хозяин баржи согласился и взял курс на родной город. Пришвартовавшись, он оставил девушку на корабле, а сам отправился домой, чтобы поговорить с родителями и начать приготовления к свадьбе. Тем временем девушка, успевшая подглядеть, как управляют кораблём, сняла его с якоря, и вышла в открытое море.

Через несколько дней ей пришлось причалить у одного из прибрежных городов, чтобы купить еды и питья. А на берегу в тот момент оказался местный принц, вышедший на прогулку в сопровождении сорока наложниц. Увидев необыкновенную красавицу на борту корабля, принц сразу предложил ей стать его женой. Девушка сказала, что не возражает стать женой принца, но пусть он сообщит родителям и приготовит всё необходимое для свадьбы.

Обрадованный принц оставил своих наложниц с красавицей, а сам со своей удивительной новостью помчался к родителям. Девушка пригласила наложниц располагаться удобно и угощаться приобретённой едой и питьём. Когда же они приступили к трапезе, красавица вывела баржу из порта.

Долго они плыли по дорогам морским тихо и мирно, но однажды их покой был нарушен – на судно напали пираты. Захватили баржу, разбойники начали приставать к наложницам, а главарь бандитов норовил заполучить саму красавицу. Но девушкам удалось напоить незваных гостей вином до бессознательности и выкинуть в море.

Через некоторое время корабль наскочил на мель, которая была совсем близко от другого прибрежного города. Пришлось красавице, переодевшейся в мужскую одежду, вместе с наложницами пешком войти в город. А в это время все жители собрались на выборы нового царя. Выбирали здесь по-особому – подбрасывали голубя, и царём становился тот, на кого садился голубь. Волею случая голубь сел на плечо красавицы, и она была провозглашена царём.

Как-то раз красавица позвала к себе художника, завела его в отдельную комнату, дала мешок с деньгами и приказала хранить её тайну под страхом смерти. Потом она переоделась в женскую одежду и попросила написать свой портрет. Затем приказала сделать несколько копий и повесить их у всех входов в город. А охранникам было приказано арестовывать и помещать в тюрьму каждого чужестранца, который вздохнёт при виде этого портрета.

Через месяц "царь" приказал всех арестованных из-за вздохов у портрета привести на площадь для вынесения приговора. Каждого спрашивали, кто он и почему вздыхал. Первым оказался шах, который хотел жениться на красавице, несмотря на то, что она была помолвлена. "Царь" приказал его повесить.

Вторым был хозяин баржи, домогавшийся красавицы на корабле. "Царь" приказал и его повесить. Третьим стал принц, оставивший с красавицей своих наложниц. Ему "царь" сказал, что он получает прощение и возможность поискать себе другую девушку из этого царства.

Четвёртым привели главу пиратов. Ему тоже даровалось прощение с условием, что вместо пиратства он со своей командой войдёт в царское войско.

И только пятым оказался двоюродный брат, рассказавший, как он с трудом спасся от грозы и всё время, не теряя надежду, искал свою любимую.

Услышав эти слова, "царь" снял со своей головы корону, распустил волосы, и все узнали красавицу с портрета. Со слезами она бросилась в объятия жениха. И через некоторое время они отправились домой, чтобы увидеть заждавшихся родителей и сыграть долгожданную свадьбу!

Ханукаев Чинар (03.02.1977) – претендент в члены Союза писателей. Талантливый поэт, художник – член Союза художников горских евреев Израиля.

Учился в творческой студии известных художников экспресионистов Михаила Когана и Яшара Нисимова.

Родился в городе Баку (Азербайджан) в творческой семье. Имеет троих детей. Работает в сфере службы безопасности Израиля. Занимается боевыми искусствами.

Поэзией и живописью увлекается с юных лет, с его замечательными стихами, можно ознакомиться на сайте – stihi.ru. В 1993 году с семьей репатриировался в Израиль. Живет в Бать-Яме.

БЕЗДНА И ТЬМА

Когда-то царили, бездна и тьма,
В бездушном пространстве одна пустота.
Не знаю, что было, но знаю одно,
Мы краски с палитры наш мир, полотно.

Одним лишь мазком проводя по холсту,
Мы приняли душу и нашу судьбу.
Желаньем родится в миллиарды частиц
Творенью свыше нету границ.

Мы, благодарны Б-гу за всё –
За душу, за землю, за то полотно,
За голую плоскость, из бездны она
Палитра цветная земная моя.

Смешался там красно-алый мазок,
По венам кипящим хлынул поток.
Как солнце над миром восстал я опять,
Лучами прожёг я демона вспять ....

Творец наградил нас чувством любви,
Взывая Адама и Еву к пути.
Любите и пирствуйте, вот ваш парад,
Пройдя этот бурный во снах маскарад.

Испытывая чувства подобье к Творцу
Я взялся за кисти, за холст и мечту.
Не лёгкое дело творить чудеса,

Мы в муках страдаем, смотря в небеса.

Там звёзды сияют как много огней,
Там добрая фея и гнусный злодей.
Там облики страж мерцают опять,
А муза как скрипка всё манит играть.

Вот так ты родная, ты муза, горя,
Всем жизнь подарила, ты Ева, придя.
Адам молчаливый всё смотрит на нас,
Слагая о будущем долгий рассказ.

Ведь он породил в нас творческий пыл
И тайны завеса пред нами раскрыл.
На сцене почётной теперь мы стоим,
Холсты мы эдемские краски – наш грим.

И смех, и печаль в одном лишь лице,
Мы души единые в нашем Творце.
О Б-же, прости нам погрешность в раю,
Соблазном затронул, увидев змею.

Мы корни эдема и путь наш велик,
В том садике слышан детский наш крик.
И пусть во вселенной светится наш лик,
Вспыхая, погаснет и вновь загорит.

Душою мы с Б-гом, за всё и всегда,
Вс-вышний поможет, познать нам врага.
Врагом, прикрываясь из тьмы сатана,
Не сможет разбить нам веру в Творца.

Вот так вот слагает сказку артист,
То гений, то лекарь, то трубочист.
Но в сказках вся истина скрыта от нас –
Волшебные карты, ларец и алмаз.

Разгадка не трудная можно найти,
Всё в прошлом ребёнка – в следах на пути.
Сквозь бремя мы видим, что след наш живёт,
Как тени в грядущее с нами бредет.
Подходит уж время, закончить рассказ,
В сознании образном, долгий показ,
Песчинка последняя падая вниз,

Исполнит свой дерзкий, прощальный каприз.

***

ШЕДЕВР КРАСОЧНОЙ СУДЬБЫ

Я бросил взгляд на холст бездушный,
На плоскость белую во мгле.
Придумав вдруг сюжет цветущий,
Запахло пряностью везде.

Палитру я достал цветную
И стал заложником кистей.
Не избежать мне ни в какую
В душе заложенных страстей.

Я принял стойку дирижёра
И замахнувшись кистью вверх.
Вдали увидел я озёра:
Журавль кружит – белый Стерх.

Цвета смешались на палитре
Развеяв время суеты.
Душа творит, творит как прежде –
Шедевр красочной судьбы…

***

ЗАЙКА НА МЕТЛЕ

Лежу я, как-то на траве,
И вижу Зайца на метле,
Зайчонка по небу летит,
Во все дыхание свистит,
И злостно Заинька кричит:

«Я самый сильный на планете,
Я выше всех зверей на свете,
Орлы и Коршуны как Блохи,
А Львы и Тигры, словно лохи.
Послушай-ка, Волчара битый,
Ведь ты, трус сердитый.
Учуяв Зайца, ты на нюх,
Кричишь как резаный Петух.
А ты, Лисица рыжая,
Хитрющая, бесстыжая,

При виде Зайца ты кума,
Со страху выжила с ума.

Ах, вот ты, глупая Змея,
Лазейку ищешь, как швея,
В иголке ты торчишь как нитка,
Я твой портной, а ты ворсинка.

Ну что ж зверюшки милые,
Пугливые, плешивые,
Я всем Акулам и Китам,
Урок серьёзный преподам.

Теперь я стану королём,
Легенду в пыль сотру, со Львом.
Ну, где ж ты Лёвушка мохнатый?
Ты царь зверей, иль чёрт рогатый?

***

ГОРЯЩИЕ СЛЁЗЫ

Горящие слезы, сползая по воску
При ярком огне свой блеск отражают.
В неволе глядит зека сквозь решётку,
И свечи в бараках года прожигают.

Где голубь наш вольный? Где друг арестантов?
В когтях гримуары веками несущий,
Ты символ свободы и яркость закатов
Возвысь эти строки в небо зовущий.

Когда небо мраком покрыто над нами
Клыки злых собак повсюду видны.
Под мушкой конвоя бредём с мужиками
И вой волков таёжных слышны.

Я срок отзвоню, я вырвусь на волю.
Подобно орлану, я вмиг прилечу.
Вспорхнув над горами, промчусь я по полю
И к матери в дом я к коленям примкну...

Худодот Юсуфов 19 декабря в Москве в амфитеатре Московского еврейского общинного центра состоялся творческий вечер поэта Худодота Юсуфова, родом из Дербенда. Среди участников вечера было много узнаваемых лиц: поэт Евгений Исаков – ведущий этого вечера, композитор Гарик Канаев, раввин Авраам Ильягуев, старейшина общины горских евреев Красной Слободы Исаак Хаимович Нисанов, Владимир Гаврилов – сын педагога и просветителя Бориса Гаврилова, Маргарита Даниловна Анисимова – внучка этнографа Ильи Анисимова, поэтесса Агнесса Масандилова, Светлана Авшалумова – дочь дирижера Юно Авшалумова и другие.

Данил Ильич Данилов, организатор мероприятия, представил поэта и лирика Худодота Юсуфова. Публика исключительно тепло приняла поэта. Раввин Авраам Ильягуев открыл вечер теплыми словами в адрес Худодота. Свое поэтическое посвящение Юсуфову прочитал Евгений Исаков. Агнесса Масандилова, со своей стороны, в поэтической форме пожелала Худодоту встретить ту музу, которая привнесет в его поэзию больше любовной лирики. Композитор Гарик Канаев дополнил творческую атмосферу вечера поэта игрой на рояле. Свои первые поэтические пробы озвучил юный поэт Эфраим Якубов.

Выдержки из произведения "Блуждающий еврей" Худодота Юсуфова:

Кто он, блуждающий еврей,
Не признающий цепь кумиров?
Он есть основа всех корней,
Кормящихся в чертоге мира.

Кто он, блуждающий еврей ?
В любой судьбе первопроходец,
Всегда у творческих дверей,
Будь он бедняк иль царедворец

ПОЖЕЛАНИЕ

Пусть во имя Детей, не стреляют Отцы.
Пусть разумнее станут бойцы – гордецы.
Да пребудет Любовь в домах Мусульман,
Чтобы их не окутал кровавый дурман.
Да пребудет Любовь в домах Христиан,
Дабы их, не завлёк самосвятства обман.
Да прибудет Любовь в Иудейских домах,
Дабы в них, не иссяк Созидания взмах.

Дабы в Разуме не было мутных углов,
Дабы Разум обрёл просветлений улов;
Дабы в каждом Народе зрели Творцы,
Пусть во ИМЯ СОЗДАТЕЛЯ зреют слепцы.

От разных конфессий, систем иль узлов,
Мир хочет узреть Созидательность слов;
Где бы, царил Обще-Мудрый Завет,
Где б, Отцы для Детей берегли этот Свет.

Нет резона во благах не безгрешных Отцов,
Погрязших в различных раздорах глупцов.
Жизнь Священна для Всех, кого создал Творец,
Хоть Ты, Власть при дворе, хоть идейный Борец.

Не стремись занести над Живущими смерч,
Не стремись с вожделением сверху налечь.
Не спеши полагаться на силу меча –
Эта сила сгорает, что та же свеча.

Кто б, Ты, ни был мой Брат я, Тебе буду рад,
Не поддельному братству не нужен парад.
Мусульманин ли Ты, Христианин, Иудей –
Берегись быть во власти тщеславных идей.

Что из праха взойдет, в тот же прах и сойдет;
По Законам Природы покой обретет.
Равным БОГУ, не будет никто всё равно,
Ведь об этом известно Живущим давно.

Перед НИМ, Все бессильны куда б ни взойти,
ОН над Временем Жизни у Всех на пути.
Безграничен лишь ДУХ, … СОВЕРШЕНСТВО ЕГО,
Но хоть, что-то в Душе, есть и в Нас от НЕГО?!

Если есть, так к чему Нам, коварство копить;
Совращать или стращать, ядовито вопить;
Подстрекать, ненавидеть, Надежды крушить,
Злорадным терактом Людей… потрошить?!

Деловитость в Тебе иль умелая речь,
Этикой Общей нельзя пренебречь.

Не тревожь *клеветой* Чести Ближнего, нерв,
Ибо сам же, опустишься ниже, чем червь.

Не глумись над Святыней с ехидным смешком,
Клеймя чью-то Веру, смертным душком.
Посмеешь чувства Людей оскорбить,
Безбожный дашь повод Себя же убить.
Нам бы Мудрости *Всем* не мешало б добыть,
Но в начале от плесени Сердце б отмыть;
Ибо Сердцем кто чист, тот увы, не глупец,
Ибо ведает Всё, АБСОЛЮТНЫЙ ТВОРЕЦ.

Пусть у ДУХА ЕГО, шанс получит наш МИР;
Все ... ничтожны пред НИМ, что палач, что кумир.
БОЖИЙ раб, Худоодотгиля Салом иль Шалом,
Верит в Милость ТВОРЦА под Небесным Крылом.

***

Эй, поэт, ответь: Кому ты, нужен,
Больше нормы, если ты загружен?
Может, слишком близок силуэт,
Что бы кто-то распознал в нём свет?

Эй, поэт, ответь: Где смысл высший,
Сам-то ты, всего лишь просто нищий?
Может, слишком мыслишь необычно,
Чтобы жизнь вести свою прилично?

И ответь: На чьём ты попечении,
Когда дышишь песней в отречении?
Может, слишком рабство ты поносишь –
Тот же жребий, что со всеми носишь?

Эй, поэт, ответь: Кого ты любишь,
Чувством тем, что жизнью не притупишь;
Может, слишком мир эгоистичен,
Чтоб любить, кого бы был привычен?

Эй, поэт, доколь сносить всё будешь
И когда удачу ты разбудишь?
Может, слишком твой зарвался дух;
Раз в устах живущих бродит слух?

Эй, поэт!.. Тебя Судьба избрала
Стать лучом во мраке завещала?
Может, слишком мечешься под плетью,
Чтобы Слово пригвоздить к бессмертью?!

198?г.

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЮ «РОСТКИ» ПОСВЯЩАЕТСЯ.
Г.Дербент. Республика Дагестан.

Моим собратьям по перу,
Что спорят так о форме
Я, так отвечу – «Вы, в жиру,
А вы, попробуйте петь в шторме».

Ещё попробуйте слагать
Стихи, что в тряске создаются,
Когда стремятся оболгать
Те вороны, что рядом вьются.

Не через крылья дифирамб
Поэт идёт к вершинам строк.
Он строит дух из стойких дамб,
Чтоб отвращать бесчинств поток.

Стандарты пошлые презрев,
Поэт в слова играть не будет,
Его надорванный напев
Хоть что-нибудь в умах разбудит.

И Он обязан Честь не сдать,
Тем, кто желает продаваться,
Тем, кто хотят Его сломать
И над надеждой надсмеяться.

Законы волчьи поправ,
Поэт обязан быть не трусом,
Ни перед чем, не спасовав,
Не подыграть кровавым вкусам.

Все игры озверевших лиц
Поэт обязан не приемлить,
Из лика творческих зарниц
Сияньем прочности ответить.

Вы, мне смешны мои собратья
В своём желании зудеть,
Вы, форме возжелали сдаться,
В трубу безликости пыхтеть.

Зачем меняться на года?
Ответьте Вечности на вызов,
Как неподдельная звезда,
Что затмевает блеск капризов.

Забвенье ждёт того творца,
Кто по шаблону Слово лепет,
Ибо такого молодца
Народ фиговиной отметит.

Но коль Его, Пегас – гонец
Заказам НЕБА окрылён,
То лишь такой Судьбы творец,
Венцом бессмертья наделён.
198?г.

Ә шәһәр Батјам, ә мәчлис нүвүсдәкорһој Чуһурһој доги кәширә омори.

Рашбил Бен Шəмəj (17.09.1935)

Я, Шамаев Рашбил Шамаевич (Рашбил Бен Шамай) родился в 1935 году в поселке Красная Слобода Губинского района Азербайджанской республики.

В 1953 году там же окончил среднюю школу и поступил в Институт Иностранных языков в гор. Баку на факультет английского языка.

В 1957 году окончив институт, получил направление в город Девичи преподавать английский язык в средней школе. В период моей работы с 16-го декабря 1957 года призван в ряды Советской армии, где служил до августа 1961-ого года.

После армии работал учителем азербайджанского и английского языков в разных школах районов Девичи и Губе. В 1967-68 учебном году назначен завучем средней школы №l пос. Красная Слобода Губинского района и проработал там на этой должность до 1974 г. В 1974 году по собственному желанию оставил должность завуча и продолжил преподавательскую деятельность. В 1973 г. был участником ВДНХ по интернациональному воспитанию школьников. И ещё создал КИД в школе.

В 1974 г. под моим руководством дети школы стали участниками Всесоюзного фестиваля школьников в городе Антрацит Ворошиловградской области. Эта была единственная группа из республики Азербайджан, которая участвовала в этом фестивале. За хорошую воспитательную и преподавательскую деятельность среди молодёжи награжден разными наградами и поощерениями, в том числе значком «Отличника Просвещения» Республики Азербайджан.

С 1995 г. живу в США в городе Бруклине. В 2003 г. избран председателем правления синагоги Кавказских евреев Америки, где проработал в течении 3-х лет. В настоящее время являюсь председателем Совета Старейшин при этой же синагоге. На протяжении 13-и лет (с 2003 по 2016 г.) активно занимаюсь журналистикой, являюсь членом редакционного совета газеты «Новый Рубеж». Занимаюсь также публикацией своей поэзии, рассказов, очерков на горско-еврейском, русском, английском и азербайджанском языках. Выпустил книгу на горско-еврейском языке «Овурд Таза Бахархо» и драма «Духтэр Бетулия» и одновременно вышел диск моих песен в исполнении горско-еврейского певца Юсифа Бен Юхая. Готовлю к изданию новый сборник стихов и рассказов. Занимаюсь литературными переводами. Перевел афоризмы поэм великого Азербайджанского поэта Низами Генджави, рубаи Омара Хайяма, драму Самеда Вургуна «Вагиф», несколько стихов Бахтияра Вагабзаде, Выпустил второю книгу –«Ветка с каждого дерево» ("Əz hər dor jə lügə"). И ещё перевел «Пословицы» Мудрого Соломона из 31 части с английского на горско-еврейский язык. Так же в 2013-году вышла моя книга стихов и рассказов «ЗИНДЭГУНИ НЭГУЛИ» (Жизнь- сказка) в Америке.

А в 2015 году издание BAKU-ŞİRVANNƏŞR выпустило мою книгу на Азербайджанском языке «SİZDƏN UZAQ YAŞASAM DA...". Презентация моей последней книги прошла в городе Баку и в средный школы пос Красной Слободе Кубинского района Азербайджана. Обо мне и о моём творчестве было написано в разных газетах и журналах в Америке Газета " Восток" (С 2001 по 2003 г) Новый Рубеж (с 2003 год) и до сихпор печатаеть мои стихи , расказы, и статьи. На 4-х языках. (горско --еврейском, русском, английском и азербай-джанском) Журнал

«Адасо» и газета "Jewish Press" на английском языке. Газета «Фо-рум» и «Бухарский Евреи» и «Новое русское слово». Кроме Америки в Израиле газета «КГ». В Азербайджане газета «Эхо», "Ədəbiyyat", "Ədalət", Təzadlar" "Günəşli Sabah" «Бирлик-Единство», Журналы «Гудяльчай» и "Naxış". В России « Еврейская газета» и международная иллюстрированная газета горских евреев "STMEGI».

С 2007 года являюсь членом Союза Писателей Израиля, а с 2009-го года почетным членом Союза Писателей Азербайджана.

В течении 20 лет моего нахождении в Америке я занимаюсь волонтерской деятельностью на благо своего народа.

Баллада әри дәдәjho

Нәнуj-нәнәм хундә-хундә,
Шәвho нә хисирә мундә,
Тә ђәjилә нә хусундә,
hич, hич нихисү дәдәjho.

Ђәjил ночог бисдокә,
Jә чкәjү дорд докә,
Ә болушиш офдокә,
hә митәрсү дәдәjho.

Jү бисдокә сад сала,
Кук-духдәр ђәшдод сала,
Годо вәкүрдә әз бала,
Ђол импүрсү дәдәjho.
Нәнуj-нәнәм ән дәдәjмә
Чикә күрди ә мувәђмә.
Әргил күрдә кирисдәjмә,
Нәнуj-нәнәм ән дәдәjмә
Мәлђәм бири әри чунмә.
Мәшши-мәдиноj куфдирә,
Рач ә куфәрә дәбәсди.
Нәнуj-нәнәм хундә-хундә,
Borhoj гиндогмәрә бәсди.
Koh хәндүсди, koh кирисди,
Әз мә hич дурр нә поjисди.
Инсофсүзә бала бирәм,
Koh руjjүрә гәрмог бәрдәм.
Әз муjhojү сәхт кәширәм.
Нәнуj-нәнәм хундә-хундә,
Borhoj гиндогмәрә бәсди.

Нәнуј-нәнәм хундә-хундә,
Богһој гиндогмәрә бәсди.
Коһ хәндүсди, коһ кирисди,
Әз мә һич дурр нә појисди.
Инсофсүзә бала бирәм,
Коһ рујјүрә гәрмог бәрдәм.
Әз мујһојү сәхт кәширәм.
Кәнә јә коф нә сохди у,
Дәсһојмәрә моч сохди у.

Әз гичог ә хори нә нори мәрә,
Моч сохдә ә сәр дүл вәнори мәрә.
Јә чикәјмә дорд дорәнки,
Мәрә һәм киснә бирәнки,
Һә кирисдәм әргил күрдәм.
Зуһунсүзә ҳәјил бирәм.

Дәдәј бири дәрмуј гәммә,
Дәдәј бири јем шүгәммә.
Мә дәдәј хомуш бирәм,
Әри әну товуш бирәм.
Зуһунмә лол нә данусдәм,
Јә сог боши кујум дәдәј.
Һим-һүм сохдә нишон дорәм,
Түш хәндүсдәј, түш шор бирәј.

Дүјәкирә варасирәјм,
Әз дүјәки рази бирәјм.
Мәрә тә хов нә вокундә,
Әз мә чиро нә бирәј тү.
Ә ховмә шәкәр докундә,
Дүләпәсә хисирәј тү.
Јә үнт мәрәш шинрәј, дәдәј!

Тә зуһун вокундә, тә ә поj кәшдә,
Рәһәти нә дирәј нә шәв, нә јә руз.
Әз кәрми, хиники тү мәрә дошдә,
Воjкә сохдәј, кәлә бошум рузбәруз.
Һисдими ә дүнjоһ јә әзуни куч,
Әз тү гувотлу бу, әз тү кучлу бу?
Әз тү мүһкәм нибу нә полад, бүрүнч,
Түсүз ә јә хунәш товуш нидобу.

Түсүз бог-богчәһош бәһәрсүз имбу,
Рузһојмуш шәв имбу, шәвһојмуш һә шәв.
Түсүз ә хурдә чиш ләззәт нидобу,
Түсүз вәшәрг нидү нә кук, нә духдәр.
Гартал ә сәр догһо кәшдә һәмишә,
Догһо әри гартал ҕәзизи, дәдәј.
Әз тү буј вкүрдә чәнд күл, бәнәвшә,
Ә пишојтү һәммә ҕочизи, дәдәј.

Виниш! Тү чү кукһо дорәј дүнјорә,
Овроһом, Исог, Јаакүш ән түни.
Хилоскор милләтмә Миши Рабину,
Шоулиш, Довидиш, Шәлмүнш ән түни!
Кәлә философһо Рашби нә Рашиш,
Агвоји, Рамбоми,Рамбан нә Ариш.
У кәләдәдәјму Сараш ән түни!
Мәрјәм, Двора, Истир, Ћәнош ән түни!

Дәдәј, тү үшүг чүм, гувот ән дүли,
Дәдәј, тү шоһ-шоһо, куп-куп ән дүли.
Ловоһојтү нәфәс дорә дүнјорә,
Тү зиндокунини, һовош ән түни!

Худоји дүнјорә ә рәћ бәрдәкор,
Уни дуз сохдәкор, варавундәкор.
Түрә дори һәммә У Офуррәкор,
Бовор сох, ә дәдәј, Тирош ән түни!

Тү дорә јарашуг рачә ҕиломә.
Ән түни бәдәнмә, ән түни чунмә.
Һәмишә гәрхундум, дәдәј, әз тү мә,
Офуррәкор имуш — Худош ән түни!
Һәр руз шинрәјм ширинә кофһојтүрә,
Ћәлол сохдәј ә иму чофојтүрә,
Ә һәр чикә дирәним вәфојтүрә,
Тү әриму әз ховһојмуш ширини!

Түсүз ә гүчморов сугдә балајтү,
Түсүз гуј мизәнүт ә гәд сарајтү,
Әз јор јәкиш нивадарај тү,
Тү әриму әз чун имуш ширини!

Һисди нәдүрүстһо әз тү дур кәшдә,
Чәнд кукһо, духдәрһо түрә нәс дошдә,

Бәһзи пәшму бирә, лап зу воқошдә,
Қуфдирәнит кәнә дәдәј ширини!

Бәбәш чун имуни, чикәр имуни,
Ә дүнјоһ оморәјм гисмәт әнуни,
У дәвләт имуни, ҹојкәһојмуни,
Дәдәјиш ширини, бәбәш ширини!

Вир сохуһо зәһмәттүрә нәнкури,
Һәмишә ә пишојтү у ҝәнкори,
Офуррәкор түрә чү сабур дори?
Түјә дори, иму лүкәјим, дәдәј!

Хубә војкәһојтү мијов ә чикә,
Һәмәшү појисдәт чәркәбәчәркә,
Түвәшәрг миди һәр шори бирәнкә,
Түдүнјоһи, иму војкәјим, дәдәј!

Түјарашуг хунә, товуш хунәји,
Түнәфәс дорәјһо сәһиб чунһоји,
Бинәборуј ән јә кәлә бинәји,
Түсәдәфи, иму сәрмәјим, дәдәј!

Шори кук-духдәрә дирә, шор бирә,
Әз хәрәбә фәрзәнд пәришон бирә,
Јәбо мәгбун бирә, јәбо пар зәрә,
Түгартали, иму гәнәдим, дәдәј!
Дүлтү зу воқошдә әри балајтү,
Нәбири ки, јәбош ә зил варај тү,
Әз бүрқһо ә бүрқһо һә мидарај тү,
Түофтоји, иму сојәјим, дәдәј!

Залумә тү зијодијә бәхш дорә,
Дүл назукә бәлкә тү һич нәс дирә.
Кирә хәндә дорә, кирә зүлзүлә,
Јәкиш нәсда һәлә и сурһојтүрә.
Әрчү бәдһәмәли һәчи тү дүнјо?
Бәкә нәшәрһи дә ә түш ә дүнјоһ?

Војкәј јәкирәш нә дорәј тә әхир,
Қуј, киһорә нә дәшәндәј тү ә гир.
Әз тү һәлә јәкиш рази нә рафди,
Нә ҳошир, нә ҳони, нә икид, фәгир,

Әрчү бәдһәмәли һәчи тү дүнjoh'?
Бәкә нәшәрһи дә ә түш ә дүнjoh?

Jәки һәсб хүшдәрә әдәj һәj сохдә,
Пojhошү ә сәнгho hич нә вохурдә.
Jәкикә вирихдкәш бәхтү нәс күрдә,
Пишово нәс рафдә hә пәсә мундә.
Әрчү бәдһәмәли һәчи тү дүнjор?
Бәкә нәшәрһи дә ә түш ә дүнjoh?

Тү дәр гили сохдә, тү дәр вокундә,
Ширини дорә, бәгдә, зәһәр докундә.
Тү коh тимор сохдә, коh гәмчил зәрә,
Кумәксүзә дог дорәни сухундә.
Әрчү бәдһәмәли һәчи тү дүнjoh?
Бәкә нәшәрһи дә ә түш ә дүнjoh

Иму әчәш рафдим ә гәлтү дәрим,
Ини, түрә jә руз сокит нә дирим.
Худо чү дорикә урәш мивиним,
Чәһти сохдә әз тү ләззәт мәкирим.
Чәнгәдә бәдһәмәл hисдкәш тү дүнjoh!
Чәнгәдә нәшәрһи сохдикәш дүнjoh!

Чувоб нәсда дорә әгүлмәнд хәрә,
Әрчү ки, у әгүлмәндә нәс дирә.
Чүкләрә ә кәлә нә мунди һүрмәт,
Әрчү ки, амбарho нәс дирә зәһмәт.
Бәбәho, дәдәjho ә фикир дәри,
Әрчү ки, кук-духдәр әз yho дури.
Ки ә jә үлкәji, ки ә jә шәһәр,
Jәки хуб зиһисдә, jәккә jә тәһәр.
Бирорho, хәһәрho әзjәки дури,
Әки куji дәрдтүрә, әхи дүл пури.
Ә зиндәj гоһум-гәрдәш дур бирә.
Jәки мүрдә бәгдә, һәммә күрд бирә,
Ә зиндәji гилинч-гәлхон дә ә дәс,
Мүрдә бәгдә әз чүм тиji бирә һәрс.
Ки ә jә үлкәji, ки ә jә шәһәр,
Jәки хуб зиһисдә, jәккә jә тәһәр.
Бирорho, хәһәрho әзjәки дури,
Әки куji дәрдтүрә, әхи дүл пури.

Ә зиндәј гоһум-гәрдәш дур бирә.
Јәки мүрдә бәгдә, һәммә күрд бирә,
Ә зиндәји гилинч-гәлхон дә ә дәс,
Мүрдә бәгдә әз чүм тији бирә ҳәрс.

Хубә шоһир

Әри хоһмолүјә кук хәлг – шоһир Әлдар Гуршумов

Әлдар бирор, ә дүлмә чәнд хубә воjкә дәри,
Рузһојтү хош кирошдә домунош ә гәд шори.

Нүвүсдәjһо широһо әдәj кәшдә дүнjорә,
Әз вәкирә кукһоj хәлг, тү әдәj хәбәр дорә.

Ә Исроил оморәj нум jүрәшҳәзиз дошдәj,
Нә шоһ дог, нә Гудjоләш әзjор нә вәдәшәндәj.

Тү кошдәjһо дорһорә нисди ә дүнjоһ гимәт,
Ә бәһәрһоj әнуһо дәри севки нә мүһбәт.

Тү jә чиро фәлсәфәји, һәр кофтү jә хәзинә,
Данусдәj варавундә, зиндә сохдәj зуһунә.

Ә дүл амбарһо дәри хундәjһо мәҳәниһо,
Тәҳәриф тар зәрәjтү домунди ә зуһунһо.

Чун соги – саламати әз хосдәjмуш винош тү,
70 чүни, оj Әлдар, сади бисдәш зиһош тү!!!

7 декабр, 2010 сал, Америка

Көзәл Бакы-мәһәббәтим Азәрбаjчан

Мән бу ики шери диаспорда jашаjан азәрбаj-чанлылара вә доспарына һәср елирәм.

Азәрбаjчан торпағынын сәхавәтли баласысан,
Көнүлләри шадландыран өвладларын анасысан.
Үрәjимин күшәсиндә һәмишәлик галасысан,
Сиздән узаг jашасам да, дүшүнүрәм сизи һәр ан,
Көзәл Бакы шан-шөһрәтим Азәрбаjчан, Азәрбаjчан!

Көj Хәзәрин бәрәкәтли, гара гызыл мә'дәнидир,
Оғлун-гызын сәдагәтли, мәрһәмәтли, мәдәнидир,
Бир чаным вар лазым олса архаjын ол, о сәниндир,
Сиздән узаг jашасам да, дүшүнүрәм сизи һәр ан,
Көзәл Бакы-сөз-сөһбәтим Азәрбаjчан, Азәрбачан!

Уча дағлар зирвәсиндән учасан сән ана Вәтән,
Шејр-сәнәт дүнјасындан гочасан сән јаша Вәтән,
Арзум будур, арзуларын баша јетсин, баша Вәтән,
Сиздән узаг јашасам да, дүшүнүрәм сизи һәр ан,
Көзәл Бакы-мәһәббәтим Азәрбајчан, Азәрбајчан!

Вәтән һәсрәти

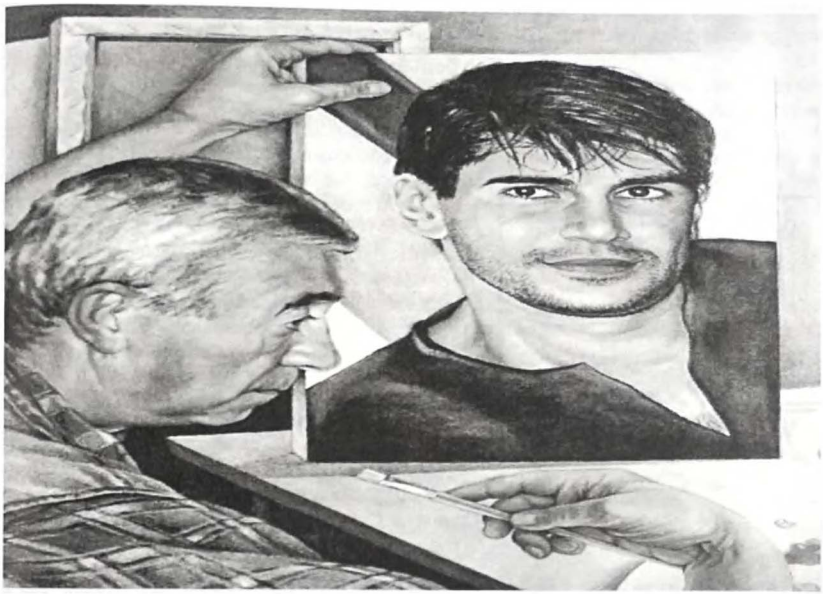
Талеһ мәни ајры салды Вәтәндән,
Дәниз-дәниз узаглара дүшмүшәм
Көнлүм анчаг илһам алыр Вәтәндән,
Һәсрәт јүклү бу чағлара дүшмүшәм.
Узун јолун дәрд јүкүмү ајрылыг?
Һәгигәтми, бир јухуму ајрылыг?

Кәдәр мәни һәм јандырыр, һәм јахыр,
Бир очағам түстү, думан ичиндә.
Јад дијарда үрәк јаман дарыхыр,
Јашајырам нечә күман ичиндә.
Узун јолун дәрд јүкүмү ајрылыг?
Һәгигәтми, бир јухуму ајрылыг?

Үмид илә јашајырам һәр заман,
Вәтән ешги гәлбимдәдир әбәди.
Өвладынам сәнин еј Азәрбајчан,
Сәнсән мәним үрәјимин мәбәди.
Ајрылығын мүвәггәти ады вар,
Анасына говушандыр өвладлар.

Әз чәп: Г. Михаилов, Ј. Јуханов, А. Агарунов, И. Рәһимов нә Симах Шејда

Автопортрет... Фрагмент

ШАЛУМОВ ШАЛОМ АВШАЛУМОВИЧ

родился в 1939 г. в г. Дербенте.

Окончил в Москве: художественное училище, художественный институт, курсы художест-венной графики кинематографии.

Работал художником на предприятиях и кинотеатре г. Москвы. Занимал администра-тивные должности (на предприятиях художественной промышленности по производству
ковров ручной работы.) – начальника цеха, главного инженера, директора. Являлся организатором и руководителем Дагестанской Художественной научноисследова-тельской лаборатории.

Был участником многих выстовак. Впервые – в 1970 г. в Москвев Манеже. Далее Все-союзные и Международные выставки в странах народной демократии и в Египте.

Две работыявляются собственностью музеев: Дагестанского республиканского худо-жес твенного музея в Махачкале и Всероссийского музея декоративно-прик-ладного и на Родного искусства в Москве.

Его перу принадлежат книги, вышедшие: в 2009 г. – "Легендарный Мардахай Овшо-лум Сибири", в 2013г., - "Поят-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири", в 2015г. – "Горско-еврейские художники в культурной жизни Дербента

Шалум Шалумов

«Для борьбы не умрёт моя вера в добро...»

Из стих. Мардахая Овшолума Сибири «Благодарение».

«Среди замечательных представителей народно-песенного творчества горских евреев XIX-XX вв. выделяется Мардахай Овшолум, имя которого стало символом национально-поэтической традиции».

Манашир Якубов, журн. "Народы Дагестана", №1, 2002г.

«Термин «классик» действительно узаконивает его (Мардахая Овшолума) роль в развитии новых демократических черт нашей литературы».

Из письма-отзыва литературоведа, к.ф.н., ст. науч. сотр. ИЯЛИ ДНЦ РАН Г. Б. Мусахановой на книгу Ш. Шалумова «Легендарный Мардахай Овшолум Сибири (1860-1925). Израиль, Мирвори, 2009г.

История древнего малочисленного талантливого и трудолюбивого горско-еврейского народа, как в прошлом, так и в настоящем, знает множество замечательных имён, прославившихся своими выдающимися достижениями во всех областях человеческой деятельности. Все они известны, и благодарные соотечественники отдают им должное и без наших усилий.

А каковы достижения нашей общины в музыке, танцах, литературе, народно-прикладных и т.д. искусствах, которыми так богаты окружающие нас мусульманские народы, в тесном соседстве с которыми мы веками пребывали - это вопрос отдельный.

Мы же поговорим о впервые зародившейся в нашей общине в середине XIX века, собственно, нашей литературной культуре, о которой до сего дня нигде не упоминалось, будто бы ни её, ни её носителей никогда и не было.

Нет сомнений, что говорить о зарождении горско-еврейской литературы необходимо не с начала первых советских десятилетий XX в., как это делалось до настоящего времени, игнорируя досоветский период. О зарождении горско-еврейской литературы надо говорить, начиная с середины XIXв. Когда с возникновением письменности на основе ивритского алфавита впервые зародилась и получила своё успешное развитие и горско-еврейская литература, творцами которой были наши замечательные Первые Поэты - Мардахай Овшолум Сибири (1860 – 1925), Шоул Симанду (1856 – 1939), Айболо из Тарки (даты жизни и смерти не известны).

Творчество этих поэтов должно было быть базой, фундаментом, отправной точкой для всего последующего развития нашей литературы. Однако с наступлением советской

власти в г. Дербенте первые коммунистические лидеры горских евреев зачеркнули, предали забвению все достижения наших основоположников.

Почему они так поступили? Может быть, потому, что так поступили другие дагестанские народности?

Вовсе нет! Наоборот! Все окружающие нас дагестанские народности, как и другие малые народы Советского Союза, бережно отнеслись к творческому наследию своих основоположников и, сохранив истоки национальных культур, назвали их имена. А лидеры горских евреев этого не сделали. Почему? Должны же быть какие-то причины! А если были причины, то какими они должны быть вескими, чтобы можно было так опустить культуру своего народа и обезличить её среди других?

***

Достоверно известно, что свои произведения наши первые поэты творили на тюркско-азербайджанском языке (языке межнационального общения того времени). Возможно, и на языке джуури – родном языке горских евреев. А записывали их древнееврейским алфавитом, что доподлинно подтверждается сохранившимися записями стихов Шоула Симанду, так как в те времена никакой другой, кроме религиозной письменности, ни у нас, ни у других народностей Дагестана не было

Советская власть за короткое время дважды поменяла наш алфавит: в 1929г. древнееврейский заменила латиницей, а в 1938г. латиницу - кириллицей. Такие же коррективы были внесены и в графику письма всех окружающих нас соседних мусульманских народов. В 20-30 годы у горских евреев, как и у всех народов Дагестана, начинают стремительно развиваться национальная литература и журналистика. Надо отдать должное советской власти, которая бросила огромные силы на ликвидацию безграмотности и одним из своих приоритетов сделала просвещение и образование.

С 1928 года начала выходить газета «Захъметкеш» («Труженик») на горско-еврейском языке и издаваться разнообразная литература. Но ни на страницах этой газеты, ни в первом обширном советском издании горско-еврейской антологии «Шогьиргьой тати» («Татские поэты»), вышедшей в 1934г. под редакцией Первого главного революционного лидера и идеолога горских евреев при новой советской власти в г. Дербенте Ехиила Мататова, ни Мардахаю Овшолуму, ни Шоулу Симанду, ни Айболо из Тарки места не нашлось. Как писала Г. Мусаханова в своём письме-отзыве на книгу Ш. Шалумова «Легендарный Мардахай Овшолум Сибири», Израиль, 2009 год: «...нашим поэтам была посвящена лишь одна фраза, вычеркнувшая их из рядов советских литераторов и отнёсшая к фольклору».

Понятно, что поначалу неоднократные изменения график письма принесли огромные проблемы. Но, чтобы издать произведения народных классиков, их предлагалось предварительно переписать новым алфавитом, как и поступили все дагестанские народы. Они сохранили культурное наследие своих предков и назвали имена поэтов-классиков национальных литератур: даргинца Батырая Омарова (1831-1910), кумыка Ирчи Казака (1830-1879), аварца Махмуда из Кахаброссо (1873-1910), лачки Шаза из Куркли (1875-1939), лезгина Етима Эмина (1838-1898), ставших затем признанными классиками литературы Дагестана и основоположниками поэтической культуры своих народов. Их именами назвали улицы городов, предприятий, учреждений, областных районов и т.д., творчество их и по сей день изучают в учебных заведениях Дагестана. А наши лидеры, во главе с Е. Мататовым, этого не сделали. Поэтому не менее талантливые горско-еврейские поэты сиротливо выпали из обоймы народных поэтов Дагестана.

Какие основания могли быть у Е.Мататова, осуществлявшего руководство и контроль за коммунистической «кошерностью» всей горско-еврейской литературы,

позволившие ему так умалить значение своей общины и отказаться от наследия наших поэтов, являвшегося несомненным народным достоянием? Может, причина и вправду была в том, что он в предисловии своей антологии поэзию наших поэтов, как ашугскую, отнёс к фольклору? Но почему-то ашугская поэзия поэтов других народностей Дагестана не помешала им стать основоположниками своих литератур. А если причина была в простой занятости или другой невозможности переписать произведения наших поэтов новым алфавитом, как того требовалось при перемене алфавитов, ведь это были времена сложные, занятые, свершений новых грандиозных дел?! Однако у соседних народов таких же дел было не менее, но они нашли для увековечивания своей досоветской литературы и время, и терпение, и финансирование. Или иудейская община была настолько самодостаточна, в отличие от соседних, что смогла (по каким-то неизвестным нам причинам) поступиться своими культурологическими достижениями без какого-либо ущерба для себя? Или наш лидер вынужден был отказаться от поэзии первых поэтов ввиду их низкого качества? Такая постановка вопроса излишне и поэтому просто не состоятельна.

. А может дореволюционная поэзия горско-еврейских поэтов, записанная ими ивритским алфавитом, отличалась еврейским колоритом и не вписывалась в издания, где печатались «татские» советские писатели? Тогда почему досоветские поэты других народностей, точно также писавшие свои произведения арабским (то есть религиозным) алфавитом, также отличавшиеся своим национальным (или религиозным) колоритом, прекрасно вписывались в печатаемые ими советские издания?

Неуместна здесь и возможная ссылка на «особость» иудейского выживания в мусульманском окружении в связи с чрезмерным антисемитизмом в отношении горских евреев в советское время. Хотя традиционный антисемитизм, как вечный спутник каждого еврея, всегда будет идти рядом с ним, но курс на интернационализацию, взятый советской властью в многонациональном Дагестане, практически устранил тот официальный государственный антисемитизм для горских евреев, который процветал в отношении ашкеназов по всей России. Здесь было всё иначе. Если в царское время численность нашей общины, подвергавшаяся гонениям, насильственным ассимиляциям, в том числе и физическому истреблению, всё более убывала, то в годы советской власти, наоборот, всё более увеличивалась. Как нечто само собой разумеющееся: составляя 20% населения Дербента, более чем большинство самых важных командных постов города всегда занимали горские евреи. Являясь одним из 5-ти литературных языков и одним из 10-ти древнейших коренных народностей Дагестана, в отличие от ашкеназов, которые ни в одном регионе СССР не могли считаться коренным народом, мы, как носители иудейской религии, не только не подвергались каким-то ограничениям, наоборот, могли даже пользоваться привилегиями представителей малого народа.

Горско-еврейская община, как одна из равных, практически ничем не отличалась от других дагестанских общин. Никаких трений, препятствий, запретов со стороны новых советских властей в отношении горских евреев, могущие вынудить, заставить её лидеров вырезать и выбросить из истории нашей культуры весомую её часть, не было и быть не могло.

Ни одна из выше предполагаемых причин не даёт ответа на поставленный вопрос.

Может быть, вопрос заключался в нетерпимости к личности Мардахая в связи с его защитительной деятельностью? Не секрет, что клановая месть, бытующая и в нашей общине, настолько же огромна, насколько и доминантна во всех проявлениях семейной, социальной и общественной жизни горских евреев, и пока её ещё никто не отменял.

Факт остаётся фактом: Е. Мататов, в отличие от лидеров других дагестанских народов, не захотел продолжения и развития дореволюционной литературы. Он и его команда создавали свою новую литературу, ориентированную на внедрение концепции «татизма» в иудейское самосознание горских евреев, с тем, чтобы основоположниками литературы затем также назвать самих себя, что впоследствии и было озвучено его последователем Х. Авшалумовым в статье «Самое большое достояние народа – язык матери»: «...Ехиил Мататов был главным советским и партийным работником, а также одним из первых наших поэтов».

Для реализации концепции, ставшей приоритетной в нововведениях этих лидеров, им необходимо было, прежде всего, переделать историю происхождения горских евреев. Взяв на вооружение идею, бытовавшего тогда лженаучного вывода о том, что мы не евреи, а таты, принявшие иудаизм, они могли ради продвижения этой идеи принести в жертву, в том числе, и нашу литературу вместе с именами её основоположников. Ради того, чтобы в будущую историю нашего народа не перешло из прошлого ничего еврейского, созданного древнееврейским алфавитом, для того, чтобы, лишив наш народ иудейских корней, увековечить за нами мусульманское происхождение.

Но насколько могло творчество первых поэтов быть помехой их видению задач построения новой жизни для горских евреев, в которой не было места иудейскому происхождению нашей общины? Если и могло быть, то только лишь косвенной.
А насколько сама «татизация» и ивритская графика письма наших поэтов могли повлечь за собой изъятие досоветской литературы из истории нашей общины возможно ответить только с учётом понимания взаимоотношений между защитником народа Мардахаем Овшалумом и авторами «татизиции», то есть власть предержащими того времени...

И всё же, игнорируя успешно зачинавшуюся горско-еврейскую литературу, они создавали свою. И, как писала к.ф.н. Г.Б.Мусаханова в своём письме-отзыве: «заменили высокую поэзию наших Поэтов на конъюнктурную поэзию политических агиток и призывов»

Естественно, можно возразить, что это было велением новой, всё сокрушающей на своём пути, антисемитской коммунистической идеологией, или: «татизация» горских евреев якобы была необходима для их физического сохранения.

Именно так продолжают утверждать и сегодняшние защитники фальсификаторов. Их, как ни парадоксально, к сожалению, немало даже здесь, в Израиле.

И хотя антисемитизм властей существовал всегда, однако не секрет, что нанося удары по самим носителям иудаизма, официальная советская власть никогда не покушалась на иудейское происхождение горско-еврейского или какого-либо другого еврейского субэтноса. Как яркую иллюстрацию отношения советской власти, в том числе и к нашей горско-еврейской идентичности, можно привести цитату из книги И. Сталина: «Марксизм и национальный вопрос» (М., 1946 г., стр. 12-19), где он говорит о том, что различные еврейские общины в силу превратностей истории «...разобщены и живут на разных территориях, говорят на разных языках и т.д. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи... упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладывать на их национальный характер печати; если что осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера».

В своё время на основе капитальных исследований о признании нас горскими евреями окончательную точку также поставил такой корифей науки, как, одно время

возглавлявший Институт Этнографии Академии наук СССР, академик Ю. В. Бромлей. Наоборот, это наши лидеры отстаивали перед властями право переименовать горских евреев в татов. «Татизация» была инициативой тех, кто стремился, прежде всего, скрыться от своего личного иудейского происхождения под сомнительными лозунгами «радения за благо народа». Увы! Ещё при И.Сталине над евреями СССР, в том числе и над горскими евреями, нависла угроза депортации на Дальний Восток. И депортировать нас собирались не как татов, и даже не как горских евреев, а просто как евреев. Только смерть злодея (1953г.) помешала осуществлению отправки нас в подготовленные в Хабаровской тайге лагеря.

Однако, манипулируя целым народом, в большинстве своём безграмотным и простодушным, лидеры общины нас неоднократно «переименовывали». То мы – таты, то мы - горские евреи, то опять – таты. Простые люди не нуждались в своей личной деиудаизации, просто не было необходимости в этом. Неужели, переименовав себя «татом», мусульманский сосед переставал считать того джухьудом, то есть, евреем? Горскому еврею, с его более чем 2-тысячелетним еврейским самосознанием, прошедшему за свою древнюю историю через тяжелейшие испытания, гонения и насильственные ассимиляции, сумевшему сохраниться в мусульманском мире как еврейский этнос, теперь предлагалось забыть то, что является его определением перед Б-гом - его веру, стержневую основу еврейства, свою личную самоидентификацию. Забыть особенности своего языка, культуры, свои традиции - весь уклад жизни.

Такие манипуляции привносили свои результаты. То, что не смогли за тысячелетия сделать гонители еврейства, смогли за считанные годы сделать лидеры горских евреев. Определённая, слабая духом часть народа, в создаваемой психологической атмосфере на фоне всеобщего антисемитизма, стала терять уважение к своей национальной самоидентификации, стала чураться родного языка и старалась скрыться от своего еврейства. С лёгкостью обрывая связи с древними еврейскими корнями, чего у горского еврея ранее не наблюдалось за всю историю своего существования, они теперь без какой-либо угрозы для жизни стали записываться татами, татарами, лезгинами или азербайджанцами, чтобы стать незаметными, как им казалось, среди представителей других народов СССР, и сами превращались в антисемитов.

И в результате уже в 1959(!) году по переписи населения народов СССР видно, что 24,6% горских евреев, т.е. - четверть всего нашего этноса, считают своим родным языком русский. И происходило это вовсе не за счёт тогдашней дани моде, как утверждают иные. А теперь, учитывая реалии сегодняшней интеграции малого народа в больший, эти процессы, естественно, получили ускорение благодаря тогдашних бесконечных «татизаций» народа, потерявшего чувство национального самосохранения в надежде на приобретение навязываемых иллюзорных преимуществ и безопасного существования в антисемитском мире.

Известно, что не менее антисемитскими были времена и в эпоху наших первых поэтов.

Но если коммунистические лидеры горских евреев, прогибаясь под власть, тыча в горячечном революционном угаре в лица своих соотечественников «революционным наганом», ломая судьбы и отнимая жизни у своих сородичей, отрабатывали себе карьеры и благополучия, то поэт-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири, бесстрашно выступая со своей гражданской поэзией и своими героическими деяниями на благо тех же сородичей против власти царя и его режима, претерпевал гонения и мучения и в 1925 году погибает от рук недруга, представителя этого режима, затаившего на него злобу со времён царизма...

Возможно, кто-то посчитает «излишним смакованием» такие подробные рассуждения о фальсификациях истории происхождения горских евреев для нашей темы. Но ведь ничего не закончилось. Прошлые деяния фальсификаторов тянут за собой череду пагубных для нашего народа последствий. Бациллы пренебрежения к своей самоидентификации в сознании народа настолько живучи, а сегодня приняли такой масштаб, что поставили нашу древнюю общину перед опасностью окончательного исчезновения как горско-еврейский этнос. Даже в такие невиданно благоприятные для всего еврейства времена по последней переписи населения 2010 года на территории России только 762 человека назвали себя горскими евреями! Горские евреи проживают во многих регионах мира. Где-то их проживает много, где-то - меньше. Но именоваться татами захотелось только лидерам горских евреев г. Дербента, откуда эта бацилла не замедлила распространиться по всему нашему этносу.

И вдруг, ошеломляющая новость!

Когда писались последние строки данной статьи, конец свистопляске с унизительной «татизацией» горских евреев положил, наконец, глава администрации г. Дербента Имам Музамудинович Яралиев – лезгин по национальности и мусульманин по вероисповедованию! Он подписал Постановление №116 от 28 марта 2013г., в котором в том числе объявил:

«Учитывая исторические факты и самоидентификацию абсолютного большинства жителей городского округа «город Дербент» иудейского вероисповедания не как татыиудеи, а как горские евреи, а также в целях восстановления правильного лингвистического наименования горских евреев, постановляю:

1. В официальной документальной терминологии городского округа «город Дербент» использовать только наименование «горские евреи» вместо использовавшегося ранее «таты»...

Но, к сожалению, даже несмотря на этот мужественный поступок человека, имя которого с благодарностью будут помнить в нашей общине (речь здесь не о правовом аспекте этого документа), последствия пагубной деятельности «татизаторов» нашей общины на этом вряд ли прекратятся в народе, уже вкусившего от запретного плода навязанного им «избавления» от антисемитизма. А в России процесс «татизации», судя по статистике последней переписи населения 2010 года, получил очередное дыхание, и этот процесс, как видно, истребить до конца уже не так просто.

***

В результате такой деятельности наших лидеров из творческого наследия Айболо из Тарки на сегодня ничего, кроме имени, не сохранилось и нет никакой возможности что-либо сказать о его поэзии. Из творческого наследия Шоуля Симанду сохранились только несколько стихов. Книга Александра Семендуева «Звезда моя», изданная в Тель-Авиве в 2001г., посвящена, в том числе и творчеству его отца Шоуля Симанду. На стр.28-29 автор наглядно показывает, как беззастенчиво лидеры нашего писательского цеха планомерно, раз за разом изымают подлинники стихов у родных поэта: «...каждый раз у них находились причины, чтобы не издать стихи и не вернуть подлинники». Или: «...записная книга с толстым переплётом исчезла из отцовского дома, конечно, не без участия злых невежественных людей, которые могут перекопать всю землю, чтобы вместо роз посадить чертополох», и т. д.

Не сохранилось ни одной рукописи и у Мардахая Овшолума. Их у потомков Мардахая в двух пухлых тетрадях забрал в 1939г. некий (якобы?) гость из Москвы, назвавшийся столичным писателем, который пообещал опубликовать его стихи и сделать кинофильм о нём. Забрал и навсегда исчез вместе с ними.

Что же вынудило столичного писателя на такой неблаговидный для учёного-собирателя поступок, если, конечно, он таковым был? Нагрянувшая вскоре война? Стечение обстоятельств? Перипетии жизни? А может и здесь необходимы какие-то параллели с сохранностью стихов Шоула Симанду? Может, (что, скорее всего!) заинтересованные лица в Дербенте склонили его на вышеупомянутую «посадку чертополоха», и это злой умысел? Действительно, если загадочный посетитель и вправду был столичным писателем, то кто-то же привёл его к родным поэта и «помог» им доверить рукописи Мардахая чужому человеку? Вопросов много, а ответы, скорее всего, рядом с пропавшими стихами Шоула Симанду.

Однако, как говорил в своём знаменитом романе Михаил Булгаков: «Рукописи не горят». И рукописи Мардахая не сгорели. Они были записаны изустно в разное время восторженными почитателями его творчества известными горско-еврейскими поэтами и писателями разных поколений: Д. Атниловым, С. Юсуфовым, Б. Гавриловым. Поэт, прозаик и собиратель Амалдан Кукуллу (1935 – 2000), объединив всё это вместе с произведениями, записанными им самим с уст людей, ещё помнивших Мардахая в г. Дербенте в 1965г., обозначил основной корпус произведений Мардахая Овшолума, сохранив их для потомков. Казалось бы, записывали стихи поэта-бунтаря, судя по их же воспоминаниям, и Хизгил Авшалумов, и Миши Бахшиев, и Манувах Дадашев, и Юно Семёнов, и Сергей Изгияев, но эти стихи в печати так и не появились...

Конечно, можно предположить, что дошедшие до нас стихи в сравнении с оригиналом претерпели большие изменения. Но все записанные по памяти стихи имеют определённый единый почерк, отличаются своей адресностью и, как в истинных поэтических произведениях, в них присутствует личность автора. И главное: отличительная суть произведений Мардахая - это их ярко выраженный социальный протест против существующего строя, его бесстрашная гражданская позиция, ставившая под угрозу саму жизнь мятежного автора, чего ни у одного из наших литераторов ни в прошлом, ни в настоящем не наблюдалось.

Во времена моей молодости (60-70-е годы) в Дербенте, пожалуй, мало было людей, которым не было известно имя легендарного поэта-бунтаря Мардахая Овшолума Сибири, кто не слышал бы увлекательных историй из жизни защитника народа - Дербентского Робин Гуда. Кто не слышал бы о его умении увлекательно рассказывать свои бесконечные сказки, кто не восхищался бы его короткими меткими словами, интересными пословицами, и, конечно, кто не слышал бы о его замечательных стихах-песнях.

Однако, как мы уже говорили, горско-еврейская досоветская литература, вместе с творчеством его основателей, была отвергнута первым горско-еврейским главным идеологом советской власти в г. Дербенте Е. Мататовым. Одним из главных его последователей, бессменным до конца существования советской власти, был Хизгил Авшалумов. Будучи изначально верным и последовательным сторонником Е. Мататова, а затем одним из главных отрицателей нашего иудейского происхождения, он в 70-х годах XX века окончательно на законодательном уровне завершил работу по «татизации» нашей общины, конечно, не без молчаливого одобрения Правительства Дагестана.

Должно быть, это обстоятельство, в ряду причинно-следственных связей, вряд ли могло его подвигнуть на публикацию собранного им материала по творчеству Мардахая Овшолума, хотя бы в том объёме, в котором это сделал в 1947г. Даниил Атнилов.

Вызывает много вопросов позиция Х. Авшалумова, проявившаяся ещё при издании им в 1940г. книги «Фольклор тати» Институтом ИЯЛИ ДНЦ АН СССР, где он тогда

работал научным сотрудником. Хотя в самом конце досоветского раздела этой книги он всё же поместил 15 четверостиший Мардахая Овшолума, одного из основоположников горско-еврейской поэзии, однако в обширном предисловии, где идёт полная информация обо всех авторах сборника, о Мардахае он никакую информацию не даёт. Очевидно, будущий народный писатель Дагестана, будучи реалистом, не может пройти мимо творчества поэта-бунтаря и всё же, перешагнув запрет Е. Мататова, робко публикует его стихи в своей книге, но до конца дело почему-то не доводит. С такой неопределённостью Х. Авшалумов не поступает ни с одним другим автором, а только с Мардахаем Овшолумом.

В чём тут дело? К этому времени он уже не был зависим от Е. Мататова, арестованного в 1938г. Так что же ограничило смелые намерения молодого успешного писателя-исследователя? В самом деле, если он так поступает, то видимо какие-то причины у него всё-таки были?

И как результат, этой публикацией поэтической судьбе Мардахая Овшолума Сибири с этого времени был вынесен окончательный приговор.

Действительно, в дальнейшем произведения Мардахая, но теперь якобы под причиной негласно определённые под запрет советской властью, не печатали ни в одном печатном издании. Х. Авшалумов на просьбы родственников и поклонников поэзии Мардахая опубликовать его произведения всегда объяснял этот запрет тем, что он опасается «гнева» советской власти, которая якобы считает народного поэта «бандитом». Не увенчались успехом и двукратная попытка А. Кукуллу опубликовать сборник стихов Мардахая на джуури – языке горских евреев. Но, в виду большой популярности поэта-бунтаря в народе, не печатать его вовсе было невозможно, поэтому, хотя и изредка, появлялись публикации о героических деяниях Дербентского Робин Гуда.

Но с чего бы советской власти считать народного поэта, деятельность которого отвечала всем критериям этой власти, своим врагом? И если уж публикации о героических деяниях Мардахая, могущие ещё как-то юридически быть расценены как «бандитские» (ведь наш защитник народа, говоря современным языком, занимался рэкетом), всё же беспрепятственно появлялись в печати, то каким образом Х. Авшалумов нашёл проявления «бандитизма» в его стихах? Если Мардахая советская власть действительно считала «бандитом», то цензура относилась бы на всю его деятельность: и на поэтическую, и на защитительную. То есть, цензура не позволила бы о нём публиковать вообще ничего.

А как, в таком случае, понять, что горско-еврейский поэт Даниил Атнилов, напечатавший в 1947г. в своём сборнике стихов «Шогьиргьой тати» пять произведений Мардахая, никакими репрессиями со стороны властей подвергнут не был? Примечательно, что он, являясь жителем Москвы, издал свою книгу в Махачкале именно (вряд ли это совпадение) в отсутствие нашего лидера, ушедшего на фронт в 1941г. (Х. Авшалумов вернулся в Дербент в 1953г.).

И Кази Казиев, главный редактор лезгинской газеты «Коммунист», почему-то позволяет себе в 60-е годы прошлого столетия в своей повести о лезгинском народном герое Кири Буба с большой теплотой рассказать и о горско-еврейском «герое-борце Мардахае Овшолуме - большом друге лезгии». Значит, для лезгинской газеты «Коммунист» и для Д. Атнилова Мардахай чист перед советской властью, а Х. Авшалумова эта же власть уполномочивает объявлять Мардахая «бандитом», но только для горских евреев, и только для проживающих в г. Дербенте. В общем, всё так же, как и с «татизацией». Возможно ли такое?

Шоула Симанду и Айболо из Тарки никто «бандитами» не объявлял, но их постигла та же участь: если о Мардахае Овшолуме хоть что-то публиковали, то о них самих вообще ничего не писали. В книге «Звезда моя» на стр.10 Александр Семендуев отмечает, что поэзию его отца Шоула Симанду, как правило, отказывались публиковать по причине того, что они якобы «полны вредной религиозной мистики». Здесь речь идёт о 60-70-х годах.

В этой связи представляют определённый интерес запоздалые сожаления Х. Авшалумова, помещённые А. Семендуевым в предисловие своего сборника «Дэврме» - «Моё время» (Махачкала, 1991г., стр.6): «...несмотря на то, что Шаул Симанду был очень авторитетным и известным поэтом среди нашего народа, до сих пор его произведения не печатались. Ни по поводу самого достойнейшего человека, ни о его поэзии нигде, хотя бы немного, не написано до сих пор. К сожалению, поэзия его в своё время не была полностью записана, собрана и сохранена, многие его стихи пропали...». Так писал Хизгил Авшалумов, но уже в 90-х после перестроечных годах.

Что здесь можно сказать? Один - «бандит, другой - «религиозный мистик»...

Остаётся только напомнить, что никакого другого цензора, кто бы мог разрешить или запретить публикацию произведений горско-еврейских литераторов во времена советской власти, кроме него самого, не было.

***

До сих пор поэзия Мардахая практически никогда не публиковалась, кроме 15-ти четверостиший, опубликованных в 1940 году Х. Авшалумовым в «Фольклоре тати» и 5-ти стихотворений, опубликованных Д. Атниловым в 1947 году.

Впервые, после крушения СССР, в 1995 году в Москве выходит в свет книга поэта-прозаика Амалдана Кукуллу (Амала Даниловича Кукулиева) «Мардахай Овшолум – песни, стихи, хвалы, эпитафии». В ней автор впервые публикует полный объём всего собранного и изустно записанного в разное время известными горско-еврейскими писателями, а также и им самим, произведений Мардахая, в том числе десять пословиц и поговорок, связанных с именем поэта, и одну горско-еврейскую народную сказку «Справедливый Мардахай». Но самым сенсационным в этой книге оказалось то, что Амалдан не только вновь напоминает своим соотечественникам о факте убийства(!) поэта-защитника, но он впервые делает это в прессе! Так же впервые в прессе он называет Мардахая «классиком и родоначальником горско-еврейской литературы»!

Амалдан Кукуллу видимо и предположить не мог, что словом «отравлен» вызовет такой переполох у двоих писателей - Х. Авшалумова и М. Дадашева! Эти откровения его, как гром среди ясного неба, настолько встревожили их, что тут же в ответ на эту книгу вначале появляется обширный очерк Х. Авшалумова «Поэт-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири». (Дербент, газета «Ватаи», №№ 98-104, 1995г.), а затем, через 12 лет, в ответ на одноимённую статью в Кавказской газете появляется и очерк М. Дадашева «Нет, я не умер, я – живой». (Израиль, альманах «Мирвори», №3, 2007г.).

Для непосвящённого читателя - это великолепные очерки и ничего, кроме благодарности к памяти выдающего соплеменника, вызывать они, казалось бы, не могут. Но это в том случае, если бы читатель не знал о причинах, по которым эти писатели были вынуждены в спешном порядке опубликовать свои статьи.

За всю свою долгую творческую жизнь эти писатели никогда ранее не написали ни одной строчки о своём легендарном соотечественнике. Даже во времена его громадной популярности в народе. Как ничего не написали ни о Шоуле Симанду, ни об Айболо из Тарки, будто бы они и не знали о существовании Первых Поэтов.

«Возможно, целью этих авторов действительно было, - как заметила в своём письме-отзыве Г. Б. Мусаханова, - «застолбить» свои имена в ряду первых исследователей жизни знаменитого классика, а не показать поэзию Мардахая во всю мощь». Несомненно - и это тоже.

Однако в 1995 году задача старейшего, тогда 82-х летнего, писателя Х. Авшалумова (1913-2001), отягощённого к тому времени всё более нарастающими последствиями результатов своей «татизации горских евреев, состояла не в том, чтобы возродить былую популярность Мардахая Овшолума в народе, тем более увековечить его поэзию, а в том, чтобы прежде всего увести непосвящённого читателя от действительной причины его смерти.

Амалдан Кукулиев пишет, что в 1990 году он посетил в Махачкале Х. Авшалумова. Об этом посещении он рассказывал при встречах и автору этих строк. Амалдан ознакомил лидера горско-еврейской писательской организации с текстом своей будущей книги о Марадахае Овшолуме, где впервые называет его «поэтом-классиком» и «родоначальником горско-еврейской литературы» и собирается впервые в печати конкретно озвучить причину смерти народного защитника: «отравлен недоброжелателем». Отравлен, значит, существует отравитель-убийца! И, естественно, посетовал о своих тщетных попытках опубликовать стихи Мардахая Овшолума.

Всё это, конечно, Х. Авшалумова не устроило. Однако видимо вполне и успокоило. Он видит, что А. Кукулиев до сих пор ничего не смог сделать с собранным ещё в 1965 году в Дербенте материалом, то ничего все эти годы не предпринимает и сам. Но как только узнаёт, что Амалдан, наконец, в 1995 году всё же опубликовал свою «самиздатовскую» книгу, как в ответ на неё, в том же 1995 году, Х. Авшалумов, в надежде на свой непререкаемый авторитет, спешно публикует свою статью, но уже в официальном издании. Необходимо было немедленно опровергнуть все определения Амалдана, особенно по части смерти Мардахая, пока они не утвердились в сознании читателя и снова не всплыло имя убийцы. Ведь к тому времени не только факт убийства, но и имя самого Дербентского Робин Гуда, благодаря их стараниям, уже мало кто, особенно из молодого поколения, помнил.

Х. Авшалумов в своей статье утверждает, что богатырь Мардахай умер, сломленный многочисленными недугами, нажитыми на царской каторге. Он об этом пишет таким тоном, будто бы именно он присутствовал при последнем вздохе Мардахая, а не его родственники и весь честной народ - гости горско-еврейской свадьбы, на которой в 1925г. народный кумир, как всегда тамадой веселивший гостей, был отравлен недругом, затаившим на него злобу ещё с царских времён. Хотя имя убийцы мгновенно распространилось в народе, он проигнорировал всем известный факт, видимо, в расчёте на ослабевающую за давностью лет человеческую память. В своём очерке он заявляет, что Мардахай Овшолум умер от болезней, нажитых на сибирской каторге, стараясь отмести даже саму мысль о чьей-либо виновности в смерти Мардахая. Какая-то причина должна была вынудить уважаемого лидера писательской организации горских евреев к такой неправде? А если значительное место этой статьи он уделяет непомерной хвале достоинств миллионера, никакого отношения к повествованию о Мардахае Овшолуме не имеющему, то для чего он вообще вводит туда эту персону?

Далее. Давая подробную оценку стихам Мардахая, ни один из них почему-то не опубликовал их в своих статьях, хотя бы для того, чтобы дать читателю возможность соучастия в этой оценке. А ведь они оба прекрасно знали поэзию Мардахая и имели её в своих архивах. Помнится, как на одной из встреч в 1987году А. Кукуллу, готовивший к изданию книгу о Мардахае, мечтательно говорил автору этих строк: «Даст Бог, мы

объединимся с Михаилом Дадашевым, у него много материала есть, и выпустим одну большую книгу о Мардахае...». А Г. Мусаханова вспоминала: «Х. Авшалумов знал все его (Мардахая) произведения наизусть, в чём я убедилась в середине 70- х годов у него дома, когда он весь вечер с большим вдохновением декламировал их мне».

Х. Авшалумов в своём очерке подчёркивал, «что сам собирал и записывал стихи Мардахая». И, отдавая должное поэзии поэта-бунтаря, пишет, что: «...по его песням мы видим безусловный талант поэта-песенника», что «...песни, которые писал Мардахай Овшолум, были как народные»; говорит о громадной популярности, как самой личности народного защитника, так и особое внимание уделяет повсеместной популярности его поэзии в народе. « Я помню, - пишет он, - ещё в 30-е мои молодые годы, куда бы я не ходил: на свадьбу, в гости, в места общения людей - как старшие, так и молодые люди в Дербенте с воодушевлением читали стихи-песни Мардахая Овшолума. Люди постарше, прочитав его песни, давали пояснения, рассказывали молодым людям о жизненных перипетиях Мардахая, какой он герой народа, как он любил бедных людей, как те гордились Мардахаем». И добавляет: «Жаль, ни один наш композитор ни разу не обратился к его песням и не написал музыку к ним. Ни один из наших драматургов ни одной пьесы не написал о его жизни».

Понятно - это действительно справедливая оценка творчества Мардахая Овшолума.

Непонятно другое: а где он был сам? К чему вся эта лирика с откровенным цинизмом? Не он ли со своим лидерским положением должен был быть главным лицом недопущения всех теперешних его сожалений в отношении сохранения истоков горско-еврейской литературы, если, конечно, действительно сожалел, и был заинтересован в сохранении популярности поэзии и имён зачинателей горско-еврейкой литературы? Если это и в правду не лукавство, то о какой музыке на песни и о каких пьесах о жизни Мардахая он говорит, когда из-за объявления якобы советской властью поэта-защитника «бандитом» личной цензурой Х. Авшалумова и его компании были перекрыты все пути–дороги Мардахаю-поэту. Из предыдущих строк читатель помнит, что практически все известные поэты и писатели (судя по их личным воспоминаниям) изустно собирали и записывали их, естественно для того, чтобы опубликовать и сохранить для потомков. Но если эти писатели не смогли их опубликовать, то понятно, что они этого не смогли сделать по причине установления жёсткой цензуры на поэзию Мардахая.

Многоопытный Х. Авшалумов, спровоцированный на ответ публикацией А. Кукуллу, прежде всего пытался продемонстрировать свою лояльность к Мардахаю Овшолуму. Он даёт достойную оценку его творчеству. По другому это сделать народному писателю Дагестана и уважающему себя профессионалу было бы и не солидно, и не правильно. Да и давно назревшее справедливое отношение к творчеству поэта должно было быть наглядно им продемонстрировано, если уже взялся за эту тему. Кроме того, он, прекрасно понимая значимость своей оценки, и без опаски давая её, предполагает, однако, что раз уж «поезд давно ушёл», то теперь никто с его оценкой в пользу Мардахая предпринять не сможет. Но всё же, на всякий случай, резко разворачивает свои рассуждения и разбавляет эту высокую оценку сомнительной ложечкой дёгтя, заявляя, что: «Эти песни свои он (Мардахай) писал только в Сибири...и больше он песен не писал – ни до высылки в Сибирь, ни после возвращения из Сибири», и тут же в следующей строке продолжает: «Но полностью покончить с этим сомнением, выяснить настоящее положение дел, думаю, очень сложно». Что он этим хотел сказать, для чего нужно было вводить читателя в сомнение, теперь это не столь уж и важно. Важно то, что могущие возникнуть сомнения на этот счёт тут же отметаются, хотя бы стихотворением:

«Письмо из царской армии домой», которое по устной народной памяти в разное время каждый в отдельности записали и сохранили уважаемые горско-еврейские писатели С. Юсуфов и Б. Гаврилов. Оно написано Мардахаем во время нахождения на русско-японской войне после возвращения из Сибири. А стихотворение «Каменные лица», записанное из уст народа А. Кукуллу в 1965 году, написано поэтом во время службы чаушем – городовым в Дербентской жандармерии ещё задолго до высылки его в Сибирь. И таких примеров много!

Насколько правомочно такое сомнение в отношении поэта, восприимчивая душа и горячее сердце которого отзывалась на народную боль поэзией не иначе, как в тандеме дополняющих друг друга составляющих - духа защитника и духа поэта? Эти два воедино переплетающиеся вида деятельности были основой его существования на протяжении всей его активной жизни. И вообще, не бывает так: «там писал, а тут не писал». Творческая личность, подобная Мардахаю, существовать без творчества не может! А многие прекрасные хвалы и эпиграммы разве не раздумья поэта о прожитой жизни, которые могли быть написаны им уже во времена советской власти, в том числе и в самом Дербенте?

Так что всё-таки помешало Х. Авшалумову, продолжавшему оставаться лидером писательской организации горских евреев, хотя бы теперь, после крушения советской власти, опубликовать произведения Мардахая, когда, казалось бы, уже нет никаких препятствий со стороны этой власти. Он прекрасно понимал, что за давностью лет такого объёма произведений, как сохранилось у него, больше ни у кого нет, и если не опубликовать их сейчас, то они будут навсегда утрачены. Но он всё-таки стихи народного поэта не опубликовал, и судьба записанных им по народной памяти стихов Мардахая не известна.

...Проходит 12 лет после издания А. Кукуллу своей книги. В 2007г. в издательстве «Мирвори» «Кавказская газета» в Израиле публикует статью о Мардахае Овшолуме по следам книги Амалдана Кукуллу с теми же определениями героя-поэта. Теперь точно так же поступает и М. Дадашев. В том же издательстве в альманахе «Мирвори» за тот же 2007г. он в ответ на эту статью тут же немедленно публикует и свой очерк, в котором, как под копирку повторяет все суждения Х. Авшалумова.

При всей общности их «интересов» в отношении личности Мардахая Овшолума другая задача у М. Дадашева. У него - ученика, последователя и единомышленника всех деяний своего учителя: «татизации» горских евреев, сокрытия действительной причины смерти Мардахая и всего того, что связано и с этим именем – это «наведение тени на плетень». Его цель – оправдать разрушительную работу своего учителя, начатую Е. Мататовым в отношении народного поэта. Для этого он реанимирует все измышления своего учителя по части смерти поэта, акцентируя внимание читателя предполагаемые его «хвори». Введя в статью о Марадахае, по примеру своего учителя, абсолютно чуждую персону того же самого миллионера, точно также многословно восхваляет того, явно пытаясь оградить от чего-то.

Если искажение правды о причине смерти Мардахая, скажем так, Х. Авшалумовым хотя бы как то нивелируется запоздалой справедливой оценкой его поэзии, то иначе поступает М. Дадашев. Он, в отличие от народного писателя Дагестана, смело берёт на себя роль безапелляционного судьи и всякими несостоятельными домыслами беспардонно низвергает художественную значимость творчества Мардахая Овшолума.

Своими фантазиями М. Дадашев пытается убедить неискушённого читателя в том, что Амалданом Кукуллу «была попытка приписать ему (Мардахаю Овшолуму) некоторые хвалы и эпитафии» лишь только для того, как он пишет, «чтобы таким

образом «полнее» представить его (Мардахая) классиком дагестанской литературы». Слово «полнее» он специально, для усиления значения этого слова, даже берёт в кавычки. Ярко выраженной адресности стихов Мардахая и присутствия в них духа автора, конкретной автобиографичности в них он почему-то не видит. Не видит или не хочет видеть объективного процесса естественного перехода поэта от песенного творчества к авторской лирике. Несмотря на все критические рассуждения по поводу качества стихов Мардахая, он, вслед за Х. Авшалумовым, сам же называет его поэзию народной. Но все же считает, что народного поэта нельзя представить классиком дагестанской литературы по причине того, что «поэтическое наследие его совсем невелико, около 90 четверостиший». Так ли это на самом деле? Хотя многие, очень многие стихи Мардахая Овшолума утрачены, то так ли мало сохранившееся его поэтическое наследие? И даже без учёта «некоторых хвал и эпитафий»! Почему-то окружающие нас соседние мусульманские народы не вели поштучный пересчёт произведений классиков своих литератур. И, наконец, разве значение поэта определяется большим объёмом «наработанной макулатуры», а не её значимостью? Аналогов тому в истории множество. А эти «90 четверостиший», о которых он говорит, не из числа ли тех, что были обещаны А. Кукуллу для выпуска общей книги о Мардахае? А если говорить о том объёме стихов Мардахая, которые бескорыстно записали в разное время и сохранили для народа известные писатели нашей общины, то они никак не были заинтересованы чего-либо приписывать Мардахаю. Его сохранившееся наследие вполне могло обойтись и без всяких приписок. Поэтому всё измышления М. Дадашева излишни. Разве что им двигала необходимость любым путём оправдать пагубную работу своего учителя, так беспощадно разрушившего творческую судьбу Мардахая Овшолума.

Всё это, вместе с лживой трактовкой причины смерти Мардахая, и всей той ложью в отношении народного защитника, накопившейся за многие годы, не могут оставаться без реагирования. Да и историческая правда, наконец, взывает к справедливости. Ведь было и такое: в одной из публикации 70-х годов в сноске пояснений внизу страницы читателю сообщалось о том, что «Мардахай Овшолум умер в 1925 году на сибирской каторге. То есть, молодому поколению ещё тогда внедрялось в сознание, что Мардахай Овшолум умер на каторге, как «бандит» советской власти.

Однако, проследив за их «исследованиями» в очерках причины смерти Мардахая - с одной стороны, и одновременным расхваливанием здесь же достоинств миллионера - с другой стороны, ясно видно, что их заботило не столько желание показать историю жизни Мардахая Овшолума, (хотя очерки всё-таки о нём!), сколько главенствуют усилия обелить этого миллионера, оправдать от чего-то. Они вынуждены были создать эти очерки для того, чтобы, акцентировав внимание читателя на причину смерти Мардахая, якобы по болезни, исключить убийство и, стало быть, возможность существования самого убийцы как такового. Это было для них важно! Для достижения этой цели и была ими посвящена значительная часть очерков назойливой хвале миллионеру – антиподу Мардахая, никакого отношения к очеркам о народном защитнике не имеющему. Эта хвала миллионеру в них настолько же излишня и неуместна, насколько многословна и доминантна, что невольно возникает вопрос: о ком больше пекутся авторы этих очерков - о Мардахае Овшолуме, ради которого они были созданы, или об этом миллионере?

В итоге своей чрезмерной хвалебной риторикой они добились того, что получили обратный результат, подставив того самого миллионера по принципу «на воре шапка горит»!

Изначально у наших лидеров не могло быть причин отказываться от истоков своей литературы и вряд ли бы они от неё отказались. Но если досоветская литература всё-таки была ими вычеркнута из нашей истории, то это было сделано не из-за гипотетического антисемитизма в отношении горских евреев г. Дербента, а по вполне определённым причинам.

То есть, даже если Г. Мусаханова утверждала, что «Е. Мататов вычеркнул наших тюркоязычных Поэтов именно из-за их ивритского алфавита», то этого, на мой взгляд, было бы явно недостаточно, хотя косвенное значение для такого шага и могло иметь. А вот присутствие в досоветской литературе Мардахая Овшолума, вместе с другими Первыми Поэтами, автоматически ставило его в ряды классиков дагестанской литературы. Однако это обстоятельство, при популяризации биографии классика, рано или поздно привело бы к официальному оглашению имени его убийцы. Конечно, можно было бы убрать из неё имя поэта-бунтаря, и на этом успокоиться, но они прекрасно понимали, что существование досоветской литературы горских евреев без Мардахая Овшолума невозможно, поэтому они просто убрали досоветскую литературу вместе с их родоначальниками от греха подальше.

А если к тому же заглянуть в родословную так горячо расхваливаемого ими миллионера и увидеть, какое место в этой родословной занимают Е. Мататов, Х. Авшалумов и ещё некоторые из руководства общиной, то становится очевидным: ради кого и кому понадобилось вычеркивать досоветскую литературу из истории горских евреев, ради чего и кому было необходимо объявлять Мардахая «бандитом», а Шоула Симанду – «религиозным мистиком».

Так что вопрос заключался не просто в неприятии личности Мардахая Овшолума, как предполагалось ниже, и не просто в недопущении присутствия имени Мардахая в досоветской литературе, а прежде всего в сокрытии имени могущественной персоны самого убийцы.

По всем этим причинам, и в целях опровержения всех других выводов и определений, сделанных А. Кукулиевым в отношении героя своей книги - Мардахая Овшолума Сибири - и появились на свет эти очерки.

Если бы не книга Амалдана, то очерки этих двоих писателей никогда не появились на свет!

Н и к о г д а!

Но и если бы не появились на свет указанные очерки, в которых целенаправленная ложь их авторов служат единственной цели – цели сокрытия истины и дезориентации, введении в заблуждение молодого поколения общины, то вряд ли бы появилась необходимость и для данного исследования... Молчать об этом не только невозможно, но и преступно!

***

Никакого давления по отношению к Мардахаю Овшолуму со стороны советской власти никогда не было, точно так же, как никогда не было желания у советской власти отделить горско-еврейский народ от иудейства. Все эти фальсификации были осознанно инициированы ими самими для собственных целей.

Сам Х. Авшалумов в своей статье объясняет, что в царское время «бандитом» Мардахая называли богачи в ответ на его защитительную деятельность с целью осуждения того на сибирскую каторгу, что, естественно, так и было. Но о том, что после революции была такая же установка и от советской власти - считать народного защитника «бандитом, а Шолула Симанду, ещё чуднее - «религиозным фанатиком» (и это среди сплошной религиозности населения?!), он ни в этой статье, ни где-либо ещё не

упоминает. Как будто бы никогда по этим причинам и не отказывал в публикации их произведений! Как это понять? Опять же расчёт на людскую забывчивость за давностью лет?

А не сам ли автор знаменитого «Шими Дербенди» единолично ярлык «бандита» перенимает у дореволюционных недругов Мардахая и с успехом узаконивает теперь от имени советской власти. В дербентской глубинке всё возможно. А почему: «с успехом»? Да потому, что по «их милости» и в настоящее время, даже в Израиле, некоторые люди старшего возраста, в том числе довольно просвещённые, грамотные люди нашей общины (не в укор!) искренно верят, что именно советская власть была инициатором объявления Мардахая «бандитом».

***

Очевидно, что Мардахая Овшолума «бандитом» объявляла не советская власть. Таковым его представляли властям вначале дореволюционные богачи-мироеды, а в советское время – сородичи тех же богачей и их лизоблюды, проникшие во властные структуры и продолжавшие определять судьбы простых людей и при новой власти. Они, будучи в идеологических, родственных и клановых связях, объединённые общей ненавистью с тем, кому сама память о Дербентском Робин Гуде была костью в горле ещё с дореволюционных времён, скорее всего и были первопричиной всех бед народного поэта-защитника. Они являлись и основой и следствием всех вышеперечисленных причин, приведших в начале к смерти, а затем к забвению одного из замечательных представителей нашего народа - Мардахая Овшолума Сибири.

Но несмотря ни на что, поэзия Мардахая пережила годы своего официального забвения. Она сохранилась и живёт в народной памяти уже почти 150 лет, потому что близка и понятна народу, потому что народом любим он сам, как человек с болью и пониманием воспринимавший его страдания.

«Велика роль Мардахая Овшолума Сибири в развитии новых демократических черт нашей литературы... Обозначив начало новой письменной культуры горских евреев, он соединил в своих произведениях национальные черты и общекавказские традиции, отражая пробуждение личности трудового человека, втянутого со своим Дербентом в общекавказские и общероссийские исторические процессы конца XIX - начала XX веков, создав интересные образцы высокой поэзии того времени», - писала в своём письме Г. Б. Мусаханова.

Мардахай Овшолум – национальное достояние своего народа! Он – явление! Явление в социальной, общественной и культурной жизни горских евреев.

Послесловие

Бурные исторические процессы XIX и начала XX веков явились следствием появления на литературной арене певцов из простого народа, поэтов-бунтарей, зачинателей национальных культур многих дагестанских народов, в том числе и горско-еврейского. Трагические судьбы их во многом схожи с трагической судьбой нашего поэта-бунтаря. Своими свободолюбивыми стихами они, также как и Мардахай Овшолум, подвергались гонениям со стороны царизма и беков-стяжателей, ссылкам на каторжные работы в Сибирь, в том числе, убийством. Но благодарные потомки не вешали на них клейма «бандита», как это делали недруги Мардахая Овшолума, а справедливо объявляли родоначальниками своих литературных культур.

Передо мной подарочный сборник стихов «Строки горской лирики» (Махачкала, 1972г.) со стихами «прославленных певцов дореволюционного Дагестана: Батырая Омарова, Махмуда из Кохаброссо, Ирчи Казака, Етима Эмина, Щаза из Куркли...» в переводах таких опытных переводчиков, как Ю.Нейман, С.Липкин, Э.Капиев, переводивших в те годы и произведения великого Расула Гамзатова...

Читаю их произведения, затем возвращаюсь к поэзии Мардахая Овшолума... Горько и обидно сознавать, что из-за корысти и злопыхательства одних, из-за безграмотности и безразличия других Мардахай Овшолум Сибири, достояние и гордость нашего народа, не только не был включён в этот ряд народных поэтов Дагестана, но и был на многие десятилетия вычеркнут из нашей истории.

Хадера, Израиль – 2013

II. ПИСЬМО-ОТЗЫВ НА ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ ШАЛУМА ШАЛУМОВА «ЛЕГЕНДАРНЫЙ МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ СИБИРИ», 2009г. И ПОЖЕЛАНИЯ НА ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ЭТОЙ КНИГИ «ПОЭТ-БУНТАРЬ МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ СИБИРИ», 2013г. ЛИТЕРАТУРОВЕДА, К.Ф.Н., СТ. НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ДНЦ РАН Г.Б.МУСАХАНОВОЙ. *(В сокращении).*

Дорогой Шалум Авшалумович! Ваша книга оказалась для меня психологически очень трудной, нежданно трудной, своими пронзительными эмоциональными акцентами, проникающими в душу. Прежде всего, примите моё искреннее соболезнование в связи с Вашей Великой утратой! Храни Вас Бог, чтобы Вы смогли посвящать светлой памяти Вашего Сына ещё много новых своих работ!

А эта Ваша книга заслуживает большой благодарности! Воспринимаю её как свежее слово в нашей культуре в целом! Это интересное исследование, отмечающее все сложные перипетии судьбы поэта-бунтаря из Дербента, выразителя народных интересов горских евреев, Мардахая Овшолума, и свидетельствующее о Ваших глубоко научных принципах, что для меня стало неожиданным открытием.

Мне не приходилось читать такой яркой работы, свободной от наших комплексов «единомыслия» по истории нашей литературы и в частности очерков о её ведущих фигурах, обретающих пока всё ещё формы стандартных жизнеописаний. Пожалуй, из всех предшествующих (ещё малочисленных) работ, посвящённых персоналиям, выделяется книга Амалдана Кукуллу, изданная в Москве в 1995г., с которой перекликается Ваша работа. Помню в 1990г. в Москве восторженный рассказ Амала о своих Дербентских записях и его удивление любовью земляков и их доброй памятью о своём поэте.

Наверно, Ваш рассказ о знакомстве с Амалом в Москве у книжного магазина и о том, как в Израиле попало Вам в руки подлинное фото Классика, было, как говорится, Божьим промыслом! Воистину: «Кто ищет, тот всегда найдёт»!

Мне очень понравилась Ваша высокая оценка его вклада в сбор, изучение и публикацию произведений нашего Поэта, восторженным почитателем которого он стал. Ваша же работа, опубликованная почти через 15 лет после его книги, естественно, уже выполнена на другом уровне. Вы от начала до конца своего труда выдерживаете этот уровень, о чём свидетельствует Ваша полемика с двумя, как Вы их назвали, нашими «литературными авторитетами» (вполне узнаваемыми). При всей Вашей тактичности, она получилась очень поучительной и определяющей с самого начала своеобразие Вашего труда.

Вся система приведённых фактов из жизни Героя книги, подлинного Поэта-Гражданина, страстная убедительность Ваших доводов, опровергающих суждения этих «авторитетов», необычность способа исследования, его композиции, привлечение ценных материалов, которые до этого не были столь глубоко осмыслены с научной точки зрения, не говоря о своеобразии языка и стиля изложения и прекрасном художественном оформлении

и многое другое, наглядно убеждает о том, что на современном этапе лучше Вас никто не разбирается в истории жизни и смерти нашего Поэта, обозначившего своим творчеством рождение новой письменной культуры горских евреев конца XIX - начала XX вв., вплоть до 20-х советских годов. Вам удалось проникновенно рассказать о его величественной и трагической судьбе, внося много необходимых уточнений.

Несмотря на пропажу рукописей Поэта, о чём Вы рассказываете с болью, и отсутствие некоторых звеньев и подробностей его биографии, Вы сумели создать живой и объёмный образ подлинного Героя, мужественного человека, чьи произведения жили и живут и в устном виде в нашем народе вот уже почти 150 лет.

Действительно, богатырское здоровье, сила духа и любовь к своему народу и к жене Нергюз, которой посылал пламенные строки, позволили ему пережить многократные ссылки в Сибирь, откуда он умудрялся вырываться домой, за что был прозван «Сибирским» (Сибири) и принять участие в 1919г. уже немолодым человеком в борьбе за народную власть, как ему (и нам всем потом) казалось.

Горько сознавать, что в этот период, когда наступал для него этап вдохновенного творчества, он был предательски убит!

Ваш термин «классик» действительно узаконивает его роль в развитии новых демократических черт нашей литературы.

Все разделы книги хорошо отражают новаторскую сущность Вашей работы. Остановлюсь на последнем разделе исследования, кстати, самом большом, теперь представляющим «Золотой фонд» творчества Мардахая Овшолума, где собраны все произведения его, записи которых были осуществлены в разные годы восторженными почитателями его таланта, нашими известными поэтами разного поколения: Даниилом Атниловым (1915-1968), Амалданом Кукулиевым (1937-2000), Борисом Гавриловым (1908-1961), Семёном Юсуфовым (1914-1985). Светлой им памяти! А Вам низкий поклон! Этот исторически значимый раздел вновь подчёркивает принципиальное различие в осмысление жизни и гибели нашего известного Поэта Вами и теми двумя «авторитетами»!

Вы стремитесь к истине, к восстановлению Правды о жизни и гибели Классика, самое главное - стремитесь восстановить основной «корпус» его произведений с возможной полнотой! А они стремятся «застолбить» свои имена в исследователях знаменитого Классика, интерес к которому не пропадает в нашем народе.

Вы не задумывались, почему старший в этом «тандеме» авторитетов так и не опубликовал собранный им материал по творчеству Классика, работая в нашем Институте до войны, хотя бы как это осуществил Данил Атнилов после возвращения с фронта?

Любопытна в этом отношении его позиция, проявившаяся при издании Институтом его книги «Фольклор тати» (Эн жугьурун догьи) в 1940г. В книге 193 стр. После его очень обширного предисловия «Пушой гофи», представлены большие разделы наших сказок, колыбельных песен, пословиц и поговорок, приводятся и азербайджанские «доброжелания», бытующие в нашем народе. Значительную часть сборника составляют материалы досоветского периода. В самом конце книги без названия приводятся 13 четверостиший Классика, известных теперь как цикл «Перед судом», затем после трёх точек публикуются ещё 2 четверостишия той же темы, но без внятной информации об авторе.

В предисловии, где даётся полная информация о составе книги и её авторах, которыми записаны публикуемые произведения, Мардахай Овшолум вообще не упоминается! В «Комментариях» в конце книги читаем опять безликую последнюю фразу: «Метелегьо, мэгІнигьой хэйтогьии, эз мэгънигьой Мердэхей, ве хубо воегьо нуьвуьсте омо-

рет эдестин М.Дадашев ве Хь.Авшалумовевоз», с.193.

Здесь явная попытка скрыть свою связь с этим автором, хотя он знал все его произведения наизусть, в чём я убедилась в середине 70-х годов у него дома, когда он весь вечер с большим вдохновением декламировал их. В ту пору я очень дружила с ним и его женой, а потом «раздружилась» навсегда из-за начавшейся фальсификации им и его компанией нашей истории.

Ваша работа, обнаружившая не только Ваш исследовательский дар, ориентированный на современные методы литературной науки, но и Вашу художественную многоодарённость, стала для меня приятным сюрпризом.

Вы предстаёте не только серьёзным исследователем, публицистом, достаточно умелым переводчиком Классика на русский язык, но и талантливым иллюстратором и художником. Приложенные в конце книги снимки дают представление о тематическом и жанровом разнообразии Ваших полотен, тяготеющих и к классическим формам реализма и к модным теперь экспериментам с цветовой гаммой рисунка, порой у некоторых авторов, на мой взгляд, зашкаливающих до потери здравого смысла. Часто нельзя понять, что этими цветовыми пятнами на картине хотел рассказать автор. Их «концептуальность» до меня не доходит!

А у Вас всё понятно, при всей замысловатости сюжета многих работ, данных порой с юмором. Сюжет их можно пересказать. Интересны и Ваши сатирические типы. Впечатляют Ваши гобелены, плакаты, батик, совсем новый для меня вид искусства по шёлку, требующий огромной сосредоточённости, мастерства и терпения.

Приложенная в конце книги необходимая краткая автобиографическая справка, очень помогает знакомству с Вами, этапами Вашей жизни и пониманию Ваших художественных пристрастий, в хорошем смысле слова.

Прекрасно оформлен и титульный лист, но уже с Вашим эмоциональным обращением к читателям, которым презентуете свой труд, с добрыми пожеланиями на русском языке и на иврите, данном в замечательном символе евреев – интересно оформленном медальоне в виде открытой ладони с пятью пальцами.

Вы ушли от необходимости объяснения своего утверждения о том, что Мардахай Овшолум творил на «джуури». Этот термин действительно вошёл в современную науку, с обозначением лишь названия нашего еврейско-татского языка, в отличие от языка исконных татов (давно слившихся с азербайджанцами), подобно терминам «идиш» для названия языка европейских евреев и «ладино» - для испаноязычных евреев. Все эти термины обозначают «еврейский язык», на котором изъясняются между собой евреи той или иной общины.

Вопрос о древнееврейском алфавите, которым пользовались наши оба поэта, остался не обозначенным. Оба поэта творили на диалекте дербентских азербайджанцев, очень отличающемся от языка высокой поэзии в самом Азербайджане, заложенного корифеем тюркоязычной поэзии, великим Мухаммедом Физули (1494-1556).

И известный представитель дагестанской литературы, старший современник наших обоих поэтов, представитель Южного Дагестана, лезгин Гасан Алкадари (1834-1910), большой знаток арабо-письменной культуры и сам творивший на арабском языке, свою историческую книгу «Асари Дагестан» создал на диалекте азербайджанского языка, близкого языку наших двух поэтов. В то же время и творчество наших обоих поэтов, создававших свои произведения на диалекте азербайджанского языка, как и произведения Сулеймана Стальского, не стали фактами азербайджанской литературы.

Наши оба автора творили в традициях «ашугской поэзии», отражая пробуждение личности трудового человека, втянутого со своим Дербентом в общекавказский и общерос-

сийский процесс конца XIX - начала XX вв.

...Вдруг только сейчас поняла, почему зафиксировав этот важный аспект, Вы ограничились лишь постановкой вопроса! Не имея ни одного подлинного текста Мардахая Овшолума в связи с пропажей его рукописей, Вы не смогли продолжать эту тему!

На примере рукописей Шаула Симанду можно более утвердительно говорить о древнееврейской графике их произведений, и об их отличие в этом плане от их известного безграмотного современника, лезгина Сулеймана Стальского, получившего в начале 30-х гг. широкое признание, особенно после Первого Всесоюзного съезда писателей СССР в Москве в сентябре 1934г. Его громкая слава родилась не без поддержки первого секретаря Дагестанского обкома партии Дж. Коркмасова.

Наши оба поэта такой поддержки не имели. Более того, в изданном в июне 1934г. к съезду писателей Дагестана первом коллективном сборнике «Шогьиргьой тати» под редакцией главного лидера тех лет Ехиила Мататова (он же - автор обширного предисловия), этим двум нашим поэтам была посвящена лишь одна фраза, вычеркнувшая их из рядов советских литераторов и отнесшая к фольклору.

Тогда уже не было в живых самого Мардахая Овшолума, а Шаул Симанду, вероятно, не смог противостоять этой характеристике боевого лидера нашей народности.

Кстати, этим фактом можно объяснить и «боязливость» составителя книги «Фольклор тати», о чём я упоминала раньше.

Один перечень имён их современников чего стоит! Вместе они представляют Золотой фонд нашей культуры! И какие разные таланты! Для меня святы их имена! Это был настоящий творческий взлёт нашей письменной культуры! Ведь потом все они будут вычеркнуты из нашей истории. Поэзия будет развиваться в русле политических агиток и призывов!

Одобряю Ваше стремление сделать этот раздел типологически близким всей письменной культуре народностей Дагестана той эпохи, перечисляя подобные фигуры дагестанской литературы. Но Вашу книгу не знают в научном мире Дагестана. Надо позаботиться, чтобы она стала доступна и нашей науке. В нашем институте ЯЛИ ДНЦ РАН сейчас развёрнута большая работа по исследованию почти всех, даже бесписьменных, языков, а наш язык - один из первых пяти литературных языков, остаётся без исследователя...

Лидер горских евреев, отлучивший от литературы Мардахая Овшолума и Шаула Симанду, будет возмущаться на страницах нашей газеты «Захъметкеш» появлением на них (например, в 1933) нескольких произведений любовной лирики, по его утверждению, «отвлекавших колхозников от трудового энтузиазма накануне сельскохозяйственных работ». Ему будет вторить и молодой лидер горских евреев Азербайджана, упрекая двух выдающихся наших молодых талантливых литераторов из Дербента, выступавших под псевдонимами, в безыдейности.

И всё-таки на этом фоне доносов, изгнания свободно мыслящих людей, в нашем народе продолжала жить полная трепетных человеческих чувств поэзия Мардахая Овшолума, его лирика «разума и сердца», о чём свидетельствовал огромное количество записей его песен, собранных Амалом Кукулиевым в 1965г. в Дербенте. Я с этими записями познакомилась в начале 90-х. Поэтому повторюсь: надо обязательно все «добротные» новые труды, издающиеся там у вас, присылать сюда! Иначе они не будут фактом для научной общественности Дагестана.

Наши соплеменники из Азербайджана, живущие в Израиле, имеют более тесные творческие связи со своей Родиной, чем наши горские евреи из Дагестана. Это и понятно:
там и правительство и земляки совершенно иначе себя ведут.

Несколько человек здесь из наших соплеменников, сделавших карьеру на искажении нашей истории, рекрутирующие своих сторонников, к сожалению, до сих пор влияют на этот «микроклимат» в Дербенте и в целом в Дагестане. Остаётся ощущение, что руководители республики отдали на откуп этой «группе» нашу историю, сбросив с себя всякие беспокойства по этому поводу!

По ходу Вашего изложения встречаются отдельные моменты, связанные с проявлением нашей советской риторики. Например, что плохого в том, что наши дербентские «богачи», среди которых были не только горские евреи, но и азербайджанцы и армяне, преподнесли, посетившему Дербент в 1913г. императору России Николаю II в честь 300-летия «Дома Романовых» и окончания строительства железной дороги до Баку два великолепных здания – здание реального училища и городской больницы? Они и сейчас являются украшением города на фоне всех новостроек. А ещё «богачи» замостили четыре центральные улицы, вычистили весь

город от мусора, поставили городские часы. Но не унёс же царь эти «подарки» в кармане в Петербург!

Сожалею, что «богачи» мало сделали таких подарков. Если бы ещё и водоснабжение города наладили, какая польза была бы: ведь до сих пор, почти через 100 лет после этого события, Дербент страдает от перебоев водой!

Ваша отповедь обоим «авторитетам» в серьёзных изъянах их версий, намеренном искажении продолжительности поэтической биографии Классика и сокрытии ими причины гибели Поэта, справедливы. Я вас очень хорошо понимаю.

Вы недовольны тем, что Николай II не принял приглашения пойти на ночь в дом к полицмейстеру Дербента, где были готовы к встрече высокого гостя, а удостоил высочайшей честью одного из сыновей убийцы нашего поэта, с которым познакомился в первый свой приезд в Дагестан.

Среди богачей Ханукаевых были всякие люди – забияки, кичливые, мстительные, но ведь были и очень порядочные личности. Скажу Вам более: мы (Мусахановы) ведь тоже Ханукаевы, но на каком-то этапе нашей семейной истории предки моего отца отказались носить эту фамилию! И, тем не менее, я преклоняюсь перед светлой памятью многих Ханукаевых.

Вспоминается мне сейчас талантливый врач - Пинхас Ханукаев, первый доктор наук из горских евреев Кавказа, получивший образование в Ленинграде, бескорыстно служивший людям! В моём детстве, в конце 20-х начале 30-х гг. доктор Ханукаев лечил больных малярией доступными ему тогда медицинскими средствами, но, главное, поборол эту болезнь!

Я преклоняюсь перед именами и двух дочерей Ханукаевых, первых светских и советских педагогов: Сусанной Ильягуевной и Ханум Ильягуевной, сыгравших большую роль в преодолении безграмотности наших женщин, они явились и авторами первых учебников для нашего народа.

А имя их родного племянника, который как инженер-взрывник 24-х летним парнем должен был обезвреживать неразорвавшиеся бомбы, часто огромных размеров, которые сыпались на блокадный Ленинград? Он обезвредил сотню бомб! А его праправнучка, которая в свои неполные 17 лет стала ведущей балериной в недавно созданном в Махачкале Государственном театре оперы и балета? Открытие его состоялось в 2003г. балетом Ширвани Чалаева «Горянка», по произведению Расула Гамзатова, и наша балерина была в главной роли.

Дорогой Шалум! Всё это я пишу для того, чтобы Вы поняли, что не все Ханукаевы
Ваши враги, чтобы Вы не травили себя, не мучились Вашей необнародованной тайной! Сбросьте с себя этот «груз», отдайте его истории! Ведь многие из них, особенно молодое поколение, ни в чём не виноваты!

Если Вы будете себя иначе вести, может быть, кто-то из «них» найдёт в себе силы принять участие вместе с Вами в «открытии» этой трагедии не только за давностью лет, а из желания не передавать будущим поколениям «чувства вины». Тем более, прецедент уже был с моими предками, отказавшимися даже от своей исконной фамилии. Подумайте об этом!

Теперь о некоторых Ваших переводах. Почему-то моя душа не принимает Ваш перевод из известного письма-стихотворения Мардахая Овшолума «О моём Дербенте». Во втором четверостишии в третьей и четвёртой строках:
«Э сер ранглуье сумогъгьо – Медальоном разноцветных красивых ковров
Поисди Дербенд - Ватан ме – Стоит Дербент - древний город родной».

У Атнилова звучит гораздо поэтичнее на нашем языке. Ваш «медальон» нарушает весь ритм стиха Атнилова. Есть такие «натяжки» и в других стихах Поэта. Всё это, конечно, не с подлинников сделано, о чём Вы и все мы сокрушаемся.

Ваша работа очень нужна, особенно теперь, когда горские евреи рассеялись по многим странам на четырёх континентах Мира! Слышала, что уже и в Австралии живёт небольшая группа наших людей, сохраняя любовь и верность своим кавказским корням!..

(Далее Г.Б.Мусаханова делится своими размышлениями о поисках потомков человека, с которым она была знакома и неоднократно встречалась на различных литературных симпозиумах и который, возможно, забрал рукописи Мардахая)...

...В то же время меня поражает нравственный облик этого профессора, вернувшегося с войны и не посчитавшим себя обязанным связаться с Вашим отцом и объяснить ему о своей ситуации с полученным архивом, полагая, что война всё спишет...

...Ещё раз желаю Вам здоровья, долголетия и исполнения Ваших творческих планов! Худо кумек Вам во всём!

С глубоким уважением, Ваша Галина Мусаханова.

Шолум Шолумов э мəчлис əдəj коф сохдə

ШАБАЕВ Давид (годы жизни: 1922-2009). Историк, археограф, поэт, композитор, публицист. Родился в г. Нальчик в 1922 г. В 1949 г. окончил Московский государственный историко-архивный институт и 43 года проработал в архивных учреждениях, из которых 40 лет - начальником архивного отдела МВД, начальником архивного управления при Совете министров Кабардино-Балкарской республики.

Опубликовал 6 книг по истории Кабардино-Балкарии, является составителем более 10 сборников архивных документов по истории народов Северного Кавказа 19-20 вв. и «Книги памяти КБР» в 5 томах, опубликовал более 200 статей и очерков, многие из которых посвящены истории горских евреев. Поэт Давид Шабаев автор 6 поэтических сборников, два из которых выпустил в Израиле, куда перебрался с семьёй в 2001 г. Как композитор-мелодист создал большое количество песен и романсов на собственные стихи. Заслуженный работник культуры КБР, награждён многими орденами и медалями, его имя внесено в «Российскую еврейскую энцикло¬педию» (Москва, 1997) и «Краткую энциклопедию горских евреев» (Израиль, 2006).

Шабаев Давид Викторович - известный историк-архивист, публицист, поэт, самодеятельный композитор. Издал двенадцать научно-популярных книг и сборников архивных документов, опубликовал более двухсот статей и очерков по истории народов Кабардино-Балкарии. В 1949 году окончил Московский государственный историко-архивный институт МВД СССР. Сорок три года проработал начальником архивного отдела при Совете Министров Кабардино-Балкарии.

С детства Давид отличался своими аристократичными манерами, прекрасно пел и сочинял музыку, хотя не знал нотной грамоты, играл на рояле, мгновенно сочинял эпиграммы, юмористические куплеты и застольные песни, что было принято в кругу друзей за чарочкой. Стихи посвящал друзьям, родственникам, детям, внукам. Особое место в его творчестве занимали шуточные песни, которые он посвящал семье близкого друга и родственника Габо и его супруги Музы, в которых как бы прослеживал весь их быт. Семья была известная в городе. Дигилов Гавриил Шамраилович - директор торгово-кооперативного техникума, кандидат наук, жена - Муза Соломоновна, главный акушер-гинеколог республики. Многие помнят эту прекрасную семью и их дружбу. Каждый Новый Год Давид Викторович устраивал розыгрыши, удивляя своих друзей и близких. До чего же то поколение людей умели веселиться, устраивать себе праздники. Мы с мужем тоже попали в репертуар Давида, где значительную часть он отводил Авраааму (моему мужу), шутя говорил: «если бы ты не помогал Инессе, она не стала бы замечательным музыкальным деятелем»; и масса других примеров. Было весело, вроде капустника. В те времена капустники проводились и в педагогических и творческих коллективах, это было здорово!..

Стихи Давида Викторовича публиковались на страницах центральных и местных изданий. Ряд стихотворений посвящен Великой Отечественной войне, участником которой он был, прошел тяжелый военный путь, был ранен, но никогда на этом не акцентировал свое внимание. Его жизнь была полна ярких красок, что прослеживается в его произведениях. В песне «Мать» он выразил свое трепетное отношение к матери:

Как трудно матери поверить,
Что сын ее лежит без рук.
Кто может боль ее измерить
И глубину жестоких мук...

Самодеятельный композитор, с хорошим багажом знаний, в высшей степени грамотный и интеллигентный человек, удивительно приятный наставник, умел наводить мосты с молодежью, и его общение в любом кругу было вычерченным... В 1957 году, в дни празднования 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России, в Москве проходила «Декада литературы и искусства Кабардино-Балкарии». На сценах столицы выступали артисты республики и дети Дворца пионеров, ансамбль детского национального танца и вокальный кружок, хор школьников 10-12 лет. Будучи школьницей, я тоже выступала в Москве на Фестивале молодежи и студентов. Помню министра культуры Екатерину Фурцеву, как нам детям дарили подарочные коробки конфет и 10 рублей в конверте. Прошло столько времени, но это не забывается, фото хранятся в доме пионеров города Нальчика. Песня, написанная к Декаде, имела большой успех. Всесоюзная фирма «Мелодия» выпустила пластинку с записью песни, назвав ее «Кабарда».Автором музыки и стихов был Давид Шабаев.

В последующие годы он продолжал писать стихи, иногда публиковал их на страницах газет и журналов. Только в 1995 году решился на издание отдельного сборника стихотворений, в сборник вошли стихи разных лет. По своей натуре Давид Шабаев - лирик. Эту грань человеческой души раскрывают публикуемые в сборнике стихи, посвященные женщине. Они полны тонкого лиризма, пронизаны вдохновенным светлым чувством, возвышающим человека. Стихотворения Давида Шабаева - это не просто поэтическая летопись событий и явлений. Это раздумья о жизни, о назначении человека в ней, мысли и переживания самого поэта, за плечами которого большая и сложная жизнь. И ему было, что сказать читателю.

В сборник стихов Давида Шабаева вошли произведения, в которых звучат лирические и гражданские мотивы, а также тексты некоторых песен. «И в шутку и всерьез» - так озаглавлен основной раздел сборника. Это сатирические стихотворения, часть из них написана по мотивам народного юмора.

В центре Нальчика скульптур
Глянь на профиль и анфасНе скульптура, а халтура,
С меткой кличкой ФАНТОМАС...

Второй раздел сборника называется: «Когда я думаю о вас».

Когда я думаю о вас,
В глазах моих сияет радость,
И исчезает вдруг усталость,
Когда я думаю о вас...

Раздел «Во мне живет еще война» посвящен героям Великой Отечественной войны, 220-му стрелковому полку:

Мир покорить мечту лелея,
Он немцев призывал к насилию.
Он, ненавидевший евреев,
Носил еврейскую фамилию.

Д.В. Шабаев провел большую работу по созданию в Кабардино-Балкарии стройной системы архивной службы. Под его началом коллектив архивистов - профессионалов в 60-е-80-е годы занимал лучшие места среди архивных служб СССР и РСФСР. Особое значение Давид Шабаев придавал работе по обеспечению сохранности архивных документов, их обнародованию, принимал активное участие в составлении и подготовке к изданию двенадцати сборников архивных документов. Он автор шести книг и более двухсот статей и очерков по истории Кабардино-Балкарии. Среди них очерки о наших горских евреях: о Герое Советского Союза И. Иллазарове, народном просветителе К. Гилядове, об участниках ВОВ Х. Пинхасове и М. Дигилове, статьи о жертвах политических репрессий в Кабардино-Балкарии, об участниках войны в Афганистане. Статьи и очерки Шабаева публиковались в многотомном издании «Боевая слава Кабардино-Балкарии», в книгах «Золотые Звезды Кабардино-Балкарии» и др. Являясь членом редакционно-издательского совета, принимал активное участие в подготовке к изданию пяти томов «Книги Памяти КБР». Как крупный специалист архивного дела, он в составе делегации СССР участвовал в работе 7-го Международного конгресса архивов Москвы 1972 года.

Наряду с основной работой Давид Шабаев занимался и преподавательской деятельностью. Он преподавал в университете архивоведение и вспомогательные исторические дисциплины, приобщал студенческую молодежь к работе с первоисточниками по истории родного края. В течение многих лет Давид Шабаев изучал в крупнейших архивохранилищах страны документальные материалы 18-20-х веков, содержащие сведения о народах Кабардино-Балкарии, и стремился сделать их достоянием исторической науки. Обширные знания в области истории, архивного дела и археографии, широкая эрудиция снискали Давиду Шабаеву глубокое уважение среди научной и творческой общественности. Давид Викторович Шабаев подготовил документы и материалы «Трагические последствия Кавказской войны для адыгов». Ушел из жизни Давид Викторович Шабаев в Израиле (Светлая ему память). Давид Викторович Шабаев имеет правительственные награды, Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики.

Шимшун Сафанов родился в 1918 году в Дербенте. В семье его родителей Иното и Илюшваг Сафановых росли еще пятеро детей: брат Хануко и четыре сестры. Природа щедро наделила братьев талантом. Хануко с детства хотел играть на музыкальном инструменте, до войны он стал руководить ансамблем в городе Кисловодске. А во время Великой Отечественной войны, он пропал без вести.

В Советском Союзе были изданы несколько книг Шимшуна Сафанова, в числе которых сборники: «Пар зе, мэгIни ме» («Шимшун Сафанов родился в 1918 году в Дербенте. В семье его родителей Иното и Илюшваг Сафановых росли еще пятеро детей: брат Хануко и четыре сестры. Природа щедро наделила братьев талантом. Хануко с детства хотел играть на музыкальном инструменте, до войны он стал руководить ансамблем в городе Кисловодске. А во время Великой Отечественной войны, он пропал без вести.

Шимшун Сафанов родился в 1918 году в Дербенте. В семье его родителей Иното и Илюшваг Сафановых росли еще пятеро детей: брат Хануко и четыре сестры. Природа щедро наделила братьев талантом. Хануко с детства хотел играть на музыкальном инструменте, до войны он стал руководить ансамблем в городе Кисловодске. А во время Великой Отечественной войны, он пропал без вести.

Шимшун Сафанов обладал поэтическим и актерским даром. Вот как он сам писал о себе в своей биографии:

Я, гражданин Сафанов Шимшун Инатаевич, родился 12 ноября 1918 года в городе Дербент Дагестанской АССР. Отец мой Ината Шамуилович по происхождению горский еврей из бедных крестьян. До 1917 года он работал рабочим по найму в промыслах, в садах, и после Октябрьской Революции он тоже работал по найму включительно до 1920 года. В 1920 году после тяжелой болезни скончался. После его смерти я с четырьмя сестрами и братом остались на иждивении матери.

Моя мать Илушваг Шамаил-Сафанье работала чернорабочей, стирала белье, мыла паласы обеспеченных граждан и кормила нас. В 1934 году моя мать умерла, и наше положение стало ухудшаться. Но я решил учиться и поступил в Дербентское Национальное Педагогическое Училище, которое закончил на отлично в 1936 году.

Мой старший брат Сафанов Ханука – музыкант. С 1935 по 1943 годы работал художественным руководителем Северо-Кавказского Национального Ансамбля в городе Кисловодск. В августе 1943 года был призван на фронт, и до сего дня находится без вести.

С 1936 года включительно по 1942 год я работал учителем Неполной Средней школы №3 имени Кагановича, одновременно заочно обучался в Дагестанском Педагогическом Институте. Не закончив институт, я оставил учебу, так как увлекся искусством и параллельно с работой в школе начал работать в Дербентском Татском Национальном Театре. Когда закрыли наши (еврейские) школы, я перешёл на постоянную работу в театре.

Начиная с 1936 года, в местных газетах печатались мои стихи и рассказы.

В 1946 году я женился на Шалумовой Бильго Ишьягуевне. У нас родились четыре сына: Ината (1947 года), Сайлюм (1950 года), Саадья (1952 года) и Юнун (1955 года).

С женой мы отдавали все силы на воспитание детей. Наши сыновья, все, получили высшее образование. Эдик (Ината) – биохимик, Славик (Сайлюм) – окончил Дагестанский Гос. Университет, Саша (Саадья) – инженер-строитель, аспирант сельского строительства; Юнун – окончил Московский Авиационный Технологический Институт, моторостроение.

Много лет Ш. Сафанов отдал работе в татском театре в качестве актера и режиссера-постановщика, о чем несколько раз упоминает и писатель Хизгил Авшалумов в письмах, адресованных поэту. Часть писем Х. Авшалумова также опубликованы в книге.

Поэт Ш. Сафанов являлся членом Союза писателей Дагестана. В 1994 году он репатриировался в Израиль, где и скончался в 1996 году на 78-м году жизни. Трудно писать о поэте, рассказывая его биографию в хронологическом порядке. Поэт сам говорит о себе и своей жизни в своих произведениях.

Певец, бывший солист Дагестанского радио и телевидения, Геннадий Сосунов часто исполнял песни «Хушей онгур», «Духделей гьуншиму». И сегодня на канале YouTube звучат эти песни и набирают многочисленные просмотры, но лишь немногие знают, что автором строк является Шимшун Сафанов.

Ох, чуь ширини туь,

Хушей онгур.

Эйму шорини,

Эн Дербенд мени.

Эз богьгьоймуни

И хушей онгур.

Ох, чуь ширини,

Эн Дербенд мени.

Проникновенно звучит в исполнении Г. Сосунова и другая песня, написанная на слова Ш. Сафанова о том, почему из-за соседской девушки потерял сон и покой молодой парень. Стихотворение, послужившее словами песни «Духделей гьуншиму» носит название

«Хосдени дуьлме туьре»:

Ой, духделей гьуншиму,

Мепуьрс эз ме туь изму,

Эй чуь себэхьмунде зу

Хэбер биренуьмге сер-суь?

Мерешки гIэйб оморе,

Туь семе дерд-дуьлмере

Хунде нисе дануьсде

Эри мэлхьэм совусде...

Большое место в творчестве Ш. Сафанова занимают патриотические произведения: стихи о любви к Родине, о войне, к родному краю. Танкисту Алике Мардахаеве, отдавшему свою жизнь в битве за Москву, и похороненном в подмосковной деревне Козино, посвящена поэма.

Дигьбон Козино мунди едигор.

Инжо хисири гIэзизе сине,

Инжо гьоврей игиде бирор,

Комики дошди эйму Ватане.

Дигьбон Козино фурмуш нисоху

Мардахаеве, кук Догъистуре,

Сад фашистгьоре куьшди инжо у,

Ве зиндегуни бэхши Ватане.

Одно из своих произведений – песню Ш. Сафанов посвятил Герою Советского Союза Шатиилю Абрамову. Стихи Сафанова написаны простым языком,

хорошо запоминаются, но в то же время они полны глубокого смысла. Как у любого поэта, у Сафанова есть стихи о любви, о временах года.

Туьсуьз тэхьл гирошденуьт шевгьо-рузгьойме.

Кей гирошдге зимисду, кей миёвге гьеминон...

Асдарагьош гъэргъ биренуьт тегьер ёрме,

Сифот асмуш асдарасуьз бирени лап гумон.

Воспевает он и любимые города: Дербент, Баку, Махачкала. Стихотворение Сафанова о родном языке можно изучать. Хочется выразить надежду, что издание произведений Ш. Сафанова подарит им вторую жизнь, и они будут читаться и перечитываться следующими поколениями, наш язык будет жить, поэтому хочу привести это стихотворение полностью.

ЗУГЬУН ТАТИ

Зугьун тати гъэдимини,

Зугьун деде-бебеймени.

Чен д девргьоре у гирошди,

Сес хуьшдере темиз дошди.

Э гофгьой зугьун тати

Пури дусди, пури шори.

Лошун сес юш мугъумлуьни,

Тегьер гьовой эн «Овшори».

Зугьун тати бэхдевери,

Нум кугьой ю э гIилм вери.

Зугьуне хуб эй недануьсде,

Мере хьэрмэхь лол дануьсде.

Бигьил зугьун тати иму,

Гlэзиз бугу эри гьеме.

Гlэиллогьош хунде изму,

Шори соху шогьириме.

Зугьун тати чуькле миллет,

Гьисди мозол чуьн е девлет.

Хун асант туь, рач тек-бетек,

Гьич нибоши э гоф пелтек.

Узнав о смерти Шимшуна Сафанова, поэт Иосиф Бахшиев написал 3 сентября 1996 года в газете «Ватан»: «Вся Вселенная, кажется, служит его творческим целям, тому творческому наваждению, которое не покидает истинного поэта никогда, пока не будет полностью выражено ясными, точными, бессмертными стихами. Поэт Шимшун Сафанов навсегда занял свое место в родной литературе, как бы ни повернулась в дальнейшем судьба нашего народа. Человек Шимшун Сафанов мог умереть. Поэт – нет!» – трудно не согласиться с этими словами.

В заключение, хочу привести строки еще из одного стихотворения Ш. Сафанова, опубликованном в новой книге на русском языке:

По тропе нехоженой

Видно: много лет

Я прошел встревожено

И оставил след.

Остается добавить, след не маленький: поэт оставил наследие, которое составляют не только его сыновья, внуки, правнуки, но и талантливые самобытные произведения, которым суждено жить еще долго.

Мэхьтелуьм

Ме мэхьтел биренуьм э дуьл,
Чуьклелеи гьэдер энгуьл.
Оммо дорундени булутгьо,
Мэхьшеввогьо, догь-думонгьо.

Пэхьникие сургьош унжо.
Кими ввэхд оморени гуьнжо
Э домжи гӏов ве согъ дергьогъ.
Кутэхь гуюм – гьеммей дуьнгьогъ

Шӏимшун сафанов э чор кук хӳшдәрәвоз

Дусди

Севгил, гуюм гуюм ме,
Дусди гьисди селт чуьшме,
Товуш доре, герм сохде,
Эдуьл шори венгесде.

Севгил, мебош туь гьэгьри,
Дусдиря паргьо вери.
Екире дире сэгӏэт,
Э гьенг гъуш зере гьэнет.

Зугьун чевгил гӏэсели,
Э тегьер бол васали.
Зугьун бисдоге шелбет,
Дусдире нисди гьимет.

ШАУЛОВ ШАУЛ ГАВРИЛОВИЧ (1928-2004)

Ә 18 апрел ә 1918-мүн сал ә дијор Азарбајчон һислиһи ә Гүбә ројону ә Гирмизи Гәсәбә, әгүлмәндә чумһој ҳәјили хүшдәрә ә руј кәлә дүнјоһ ә рәһмлүјә бәхш әи ХУД(О)рәвоз шормәндлү вокунди. Ә 1937-мүн сал школәрә ә шәһәр Боку варасди вә ә мед. институт дарафди. Диплом духдири вәкүрдә бәгдә ә кәлә довһо рафди. Тә ә Берлин ларафда ә чүрбәчүрә шәһәрһо ә гәһрәмонирәвоз ә дүшмәиһорәвоз рујбәруј омори. 2 орден гәһромонирәвоз 24-рум ијул1946-мүн сал ә шәһәр Таллин ә Азәрбајчан, ә шәһәр Гүбә, ә Гирмизи Гәсәбә вокошди. 8 сал ә болнисә хирург кор сохди. Ә әһвол соги хүшдә киро әз 1954-мүн салавоз 43 сал духдир ҳәјили кор сохди вә ә гәриш чәҳмәт ә кәлә һүрмәт вәбири. Шаул Шаулов ә 1996-мүн сал ә кифләтәвоз ә Израил, ә шәһәр Тират Кармел оморәт әри зиһисдә. Ә Израил зиһисдәнкиш 3 медал вәкүрди. 2 китобу вәдиромори ә Израил. Ә гозитһој Израил шејрһоју нә мәгаләһоју чап бири. Чәҳмәтә һәмишә хубә мәсләһәтһо дори. Шаул Шаулов ә 2000-мүн сал ә Чәҳм нүвүсдәкорһој Чуһурһој Доги ән дүнјоһ гобул бири. Ә гәриш ән шоһирһо ә кәлә һүрмәт дәбири. Ә бүтүн мәчлисһо әз дүли-чуни иштирак сохди. Әгүлмәндә духдир, дананманда шоһир Шаул Шаулов ә 2004-мүн сал ҳилом хүшдәрә дәкиш сохди. Һәмишә әри нәсилһојму јорәвурд муно. Рүһү шор кәрдо!

ӘЈ Һ,ӘЗИЗӘ ДУСТҺО

Чү кујум ә ишму - һ,әзизә дустһо,
Инчо дирәһошму дијә нә мунди.
Ә тукуһо әчикәј у хубә чиһо,
Ә рафһошу әнчәг јә тоз вомунди.

Советһо лов бисдо һич нәбирәни,
Јәкиш - јәкирә човоб нәс дорә.
Вәзијјәт чәтини, нә куфдирәни,
Руз-бәруз чиһо әдәј буһо бирә.

Дүдү вирихдәни, јәки поисдә,
Сәјмун хүшдәнијү чү соху нәсда.
Ә шориһо виноҳм јәкирә иму,
Ә гисмәт дәрикә мијојм әкишму.

ДУСТ ЧИРОЈИ, ҺОВИР ЧИРО

Һовирһо амбар бирәнүт, дустһо кәм
Дуст диртә дирәнкә зу гәл мүкүрү.
Хубә һовир түрәш виникә һәрдәм,
Лап һочу ширин хәбәр ни вәкүрү.

Әсил һовири салһој һ,әјилини,
Мәһрибонишү ә дусти чарустә.

Ә бәгдәки ћовири имид кәми,
Чүнки, дүлћорә чәтини данустә.

Ћәм дуст, ћәм ћовир чәтин офдә мијов,
Ћовирирә салћо нәзник кәрәки.
Әри дусти човонтәш ћәмәл мијов,
Әз хосијәт дү-јәки рази бирәки.

Данустәј – дустум ә нәхоћтүрәвоз,
Тү нијости инчимиш бирә әз мә.
Мәрә ћәрәјмәни ә ћәммәрәвоз,
Ә тү киро ни бурум дустирә мә.

Ленинград

Прости, прощай Нева, моя родная
На бой с врагом уезжаю я.
Прости, прощай подруга дорогая
Пиши мне письма, милая моя.

Не забывай подруга дорогая
Про наши встречи, клятвы и мечты.
Расстаёмся мы теперь, но милая поверь
Дороги наши встретятся в пути.

За Ленинград, за город наш любимый
В жестоком бою с врагом ухожу.
Я о тебе подруга дорогая
С собою в битву песню уношу.

Не надо слёзы и грусти в час разлуки
Когда вернусь, врага мы разобьём.
Тогда опять пожмём друг другу руки
Счастливой жизнью снова заживём.

В боях походах, в грохоте разрывов
Когда земля горит, вся от огня.
Я знаю то, что ты из Ленинграда
Счастливой улыбкой ободришь меня.

Прощальная

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа.

Брест бомбили, нам объявили
Что начался война.

Скромный хороший парень,
Долго стоял у крыльца.
В сером костюме в сером фуражке
Слёзы стерли с лица.

Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора.
Я уезжаю, быть обещаю
Верным тебе навсегда.

Но ты смотри
Чувством своим не шути.
Выйди, подруга на поезд
Друга, на фронт проводи.

Стукнул колёса состава
Поезд промчился стрелой.
Я уж в вагоне а ты на перроне
Будешь махаться рукой.

Кончится время лихое,
С радостной вестью приду.
С ново дорогу к милую другу
Без ошибки найду.

Пройдёт война,
С ново ты найдёшь меня.
И улыбнёшься к сердцу прижмёшь,
Тогда и я расцелую тебя..

Горуjаг jенә

Jарым әср кечир о вахтдан бәри,
41-чи илин ијун ајындан.
Мүһарибә иди: бу бәд хәбәри,
Әшитдик бир сәһәр – гызармамыш дан.

Кечди сәрһәдлери дүшмән хәлвәти,
Мүгәддәс торпага о ачды ајаг.
Jерлә jексан етди кәнди, шәһәри
Кәрәк о күнләри биз унутмајаг.

Рус, күрчү, белорус галхды ајаға,
Силаһа сарылды мәрд Азрбајчан.
Анд ичдик Вәтәнә, ана торпаға,
Икидләр өнүндә диз чөкдү дүшмән.

Кәлин унутмајаг 41-45-и
Дөздүк һәр әзаба , һәр мәшәггәтә,
Гәләбә газандыг,анчаг бу јолда
Милјонлар говушду әбәдијјәтә.

Кәлин, унутмајаг олуб – кечәни,
Бу ағыр күнлрдә јенә дост олаг.
Севәк азадлыгы ана торпағы,
Инсанлыг адына биз садиг галаг!

Севәк инсанлары, севәк бирлији,
Инанаг достлуга биз дөнә-дөнә,
Кәлин әввәлки тәк әл-әлә вериб,
Бу бөјүк Вәтәни горујаг јенә!

Мама

Мама, нет слов мягче и милый,
Мама, нет глаз ярче и добрей.
Хорошо мне жить любя
Мама родная, посмотрю на тебя
Ведь ты совсем седая.

Сердце своё ты мне отдала,
Сколько ночей сон мой берегла.
Согреет теперь старость твою
Для тебя сегодня я пою.

Мама кто на свете тебе милой,
Мама, кто теплее любви твоей.
Песня колыбельная, ласки беспредельная
Радость моей юных долгих дней.

Мама как хороша, мне всегда с тобой,
Мама всюду вижу я образ твой.
В горе молчаливая, в гроздных
Милая Мама ты хлопотливая.
Если мой друг ты не далеко,

Всё мне ясной и на душе легко.
Можно вспомнит тогда,
Золотые детство, твои юные года.

Если мой друг отведёт глаза,
Тихо к губам скользнёт слеза.
Можно в жизнь скользнут,
Если в полюй счастья есть ещё и твоя детство.

Встреча трех братьев

Благодаря письму старшего брата Натана, осенью 1945 года, я нашел нашего младшего брата Ирмию, на территории Венгрии, где служил сам. Я взял его к себе в полковую сан.роту. Последние три года войны он служил десантником в системе 9-ой А.Д. Армией. написано. О нем подробно я написал в моей первой книге < Особое поручение>.

Я демобилизовался в 1946-ом году, а он годом позже.

В начале 1947 года три брата, три ветерана Шауловых, встретились и сфотографировались.

Младший брат авиадесантник Ирмия после войны 25 лет заведовал аэропортом города Кубы, имел звание лейтенанта авиации.

Натан с первых лет советской власти в Азербайджане работал в городе Кубе в системе райкома и райисполкома. Он занимал высокие посты. Трижды был зав. Поселковым советом Красной Слободы (до 1928-го года – Еврейская Слобода). За четыре года войны наш старший брат не будучи на фронте, тоже был награжден двумя медалями, как ветеран труда в тылу.

Три брата, 1947 год

Слева Ирмия, в середине старший брат, справа я. Брат совершил три боевых прыжка с парашютом, в тыл врага

ДЕВЯТОЕ МАЯ – ПОБЕДА

Первое Мая 1945 года мы торжественно отметили с личным составом сан.роты. К нам на вечеринку даже пришли девушки – медички из соседнего 874-го полка.

На следующий день вдруг была объявлена тревога, и мы двинулись вперёд. Сначала вдоль линии фронта, а затем – в бой!

Враг оказывал сильное сопротивление. Несмотря на большие потери, мы каждый день продвигались вперёд.

Места очень красивые.

8-го мая с боями взяли город Вальдебург. Стали распространятся слухи о том, что немцы вот вот объявят о капитуляции. Но бои продолжались. Вечером наступило затишье. К утру вновь началось сопротивление. 9-го мая, к девяти утра мы ворвались в город Швайднец. Бои продолжались до полудня. Было множество трупов и раненных с двух сторон. Потом вновь воцарилось тишина. Ждали приказ. Опять распространился слух, что сегодня в Берлине подписана капитуляция.

Мы получили газету (Патриот Родины) в ней красным шрифтом было написано о капитуляции. ПОБЕДА! Долгожданная Победа!

Мы обнимали и целовали друг друга. Нашей радости не было предела. Все дивизии радовались этой вести. Даже военные поляки и чехи обнимались с нами. У каждого на лице было написано неимоверное счастье.

Мы получили приказ двигаться в сторону Альпийских гор, это километров семьдесят. Продвигались без боев, однако очень устали. После кратковременного отдыха, за три часа поднялись на горы, с большими усилиями, там было очень холодно, снег.

Сосредоточилась почти вся армия. До пяти утра шли сильные бои. Силы (СС) оказывали сопротивление. Кроме самолетов и танков использовали и другие виды оружия. Только наша дивизия потеряла 12 офицеров, сотни бойцов. Мы без перерыва оказывали медицинскую помощь раненным и тут же в темноте передавали их в ближайшие мед.сан. батальоны.

10-го мая ровно к пяти часам утра воцарилась тишина. Немецкий дирижабль, у нас на глазах, поднялся в небо. Из его кабины начали передавать: (Братья – немцы! Прекращайте сопротивление, бросайте оружие, мы проиграли!) Так нам перевели, те кто знали немецкий язык. Раздалось громогласное (Ура!), которое отозвалось эхо в горах.

Начали двигаться вперед. Справа и слева стояли немецкие войска, опустив головы. К рассвету через лес Брунау вышли на дорогу. По шоссе в направлении Чехословакии, начиная с гор и по дорогам, вели пленных немцев, под нашей охраной в тыл. Многие семьи немецких беженцев возвращались назад на своих огромных фургонах, на которых были вывешены белые флаги. Наши двигались на велосипедах, на мотоциклах, на повозках и, конечно, пешком. Только быстрее вперед. Шум крики, радость, даже (пьянки). Освобожденные пленные обнимали и целовали нас. У всех на одежде, на спине были нашиты номера. Вес лагерь пленных был окружен тремя рядами колючей проволоки. Больше всего было евреев, чехов и поляков. Нас завели в один подвал, в котором были станки, на них из волос погибших женщин делали скатерти, занавесы и т.д. вес этот ужас мы увидели.

Мой старшина нашел трех лошадей и две повозки наполненных разными продуктами. Нашей сан.роте этого хватило на целый месяц.

Доехали до города Гранова. По обеим сторонам улиц в восемь рядов стояли люди, они стоят и на балконах. Нас тепло встречают в городе. Слышится <Наздар> (Приветствуем!), нам бросают цветы и сладости. На остановках обнимают и целуют.

Я спал в повозке, укрывшись трофейным шелковым пуховым одеялом. Проснулся, когда мы заходили в город, от криков <Наздар!> Вижу, что возле меня лежит медсестра Анечка. Я ее разбудил. Она проснулась, села. Народ с восхищением смотрел на русскую девушку. Стали бросать цветы и сладости. Все кричали: < Русская девушка! Русская девушка!> На одной остановке стали нас обоих обнимать, целовать, даже дети так себя вели. Нас угощали чаем, поили молоком. Когда выехали из города, на нашей повозке было множество букетов цветов и сладости. Везде было слышна музыка, на перекрестках и в деревнях. Везде нас фотографировали.

Этот не забываемый единственный День Победы – Победы Русских над Германией, удалось пережить не каждому.

Поехали в Прагу которую недавно освободили. Это древний красивый город. Мы два дня любовались городом, затем вернулись в Германию.

Ј.Кәдәрли,Ә.Гуршумов,В.Кардашов, Г. Пејсахова, Ф. Јусифова нә В. Әлијев

Юсуфова Люба

Люба Юсуфова родилась 25.01.1955 года, с 2013 года член Союза писателей Израиля, автор книги – «Публикации. Статьи. Рассказы».

Биографическая справка из «Краткой энциклопедии горских евреев»:
Любовь Юсуфова родилась в Азербайджане, г.Кусары в многодетной семье. Выпускница Азербайджанского педагогического института им. М.Ф.Ахундова, преподаватель русского языка и литературы. Родители Любы учили своих семерых детей быть усердными в учебе, с гордостью ставя в пример их дядю – Гавриила Илизарова, известного как в России, так и за рубежом хирурга-травматолога, добившегося творческих высот в медицине, благодаря его трудолюбию и жажде к знаниям. Отец Любы – Лазарь Рахамимов, будучи известным скульптором и художником всем своим детям дал высшее образование.

В конце 80-х г.г. ее семья репатриировала в Израиль. После завершения ульпана, поступила в педагогический институт при мошаве Нахалаль на Севере Израиля, окончив с отличием, преподавала в школах г.Акко (Атомер) и в г. Кирьят-Ата (Пинскир). Вела группу продленного дня в шикуне Бен-Гурион города Кирьят-Ата, помогая адаптироваться репатриантам. Работала на курсах для организации семинаров русскоязычных преподавателей. В 1984 г. Любу пригласили в США – Вашингтон работать диктором на радиостанцию «Голос Америки».

Л.Юсуфова руководитель женской организацией общины горских евреев Нью-Йорка, директор детского ансамбля «Кавказ». Она автор ряда публикаций и статей, на многих сайтах. Печатается на страницах журналов «Товуши», Нью-йоркской газеты «Ватан», вкладыша бухарской газеты «Мост», выделенного для горских евреев (так как своего печатного издания наши иммигранты тогда, ещё не имели), газеты «Восток», «Форверд», «Новый Рубеж», а с 2003-2009 год является членом редакционного совета «Нового Рубежа» и автором вкладыша «Женский взгляд». Люба Президент «Kavkaz JYC» (Executive Director Kavkaz Jewish Youth Center) – Кавказского молодежного центра с 2008 года, председатель женской организации «Натиква» и автор сайта «Kavkaz pages».

В чем тайна сохранения семьи?

На страницах сайта мы не раз затрагивали аспекты, касающиеся вопросов воспитания и развития нашего будущего поколения, нашей молодежи. Но чем больше мы углубляемся в эти аспекты, тем больше выявляются проблемы. Наряду с другими вопросами, касающимися жизни и воспитания нашей молодежи, сегодня глобальной проблемой во всем мире является создание семьи и ее сохранение. Психологи утверждают, что жизнь в браке - большой, но очень благодарный труд, это взаимное терпение, прощение, любовь, работа над собой и отношениями.

Каждый, создавая семью, надеется на то, что она будет крепким тылом, тихой гаванью в этом бушующем мире. И если надежды не оправдываются, мы задаемся

вопросом: Почему? Чего люди ищут в браке? - Спросите у любого, кто собирается строить семейную жизнь, и он ответит: - Счастья! Однако радужность отношений между молодыми супругами угасает с течением времени, и начинают возникать серьезные противоречия. Эти противоречия разъедают сердца двух когда-то любивших друг друга людей, и возникают конфликты, столкновения двух противоречивых, противоположных мнений, миров, убеждений, позиций, которые, в конце концов, приводят к разрушению семейной крепости.

На протяжении многих лет, наблюдая за жизнью новых молодых семей, можно заметить, что большинство браков, заключенных в США, распадается через короткое время. Не успев прожить и одного года, молодые расходятся. Почему? А может виновато время, эпоха свободы и демократия в отношениях? А может, виновата страна, в которой мы проживаем? А может, все-таки, семья? На эти и другие вопросы сегодня затрудняются ответить многие ученые и семейные психологи. Одно или два поколения тому назад тоже создавались семьи.

И молодые на протяжении многих лет проживали вместе с родителями, пока не обзаводились своим домом. Родители, выдавая дочь замуж, давали наставления: «С сегодняшнего дня твой дом - это дом твоего мужа, твои родители - это родители твоего мужа. Сюда можешь приезжать только вместе с мужем или с его разрешения». Бывало и такое, что несколько братьев после женитьбы с женами и даже с детьми проживали под одной крышей в родительском доме. И ничего, жили. Зато была семья более прочная, было взаимоуважение, дети были более воспитанными и уважали старших. А что происходит сейчас? Молодожены после женитьбы отделяются, снимают себе квартиры и думают, что им уже никто не нужен, и они вполне могут наладить самостоятельно свою жизнь. Но все это прекрасно, если бы через месяц-два не расходились. Получается, что девушка, выходя замуж с дипломом в руках, уже надеется на то, что она защищена и независима.

Сегодня чаще всего браки заключаются по расчету. Если раньше, выдавая девушку замуж, родители невесты спрашивали у сватов, «Кто вы и из какого роду и племени?», то сегодня многие задают совершенно другой вопрос: «Какой годовой доход у вашего сына и есть ли у него свой бизнес?».

Иногда родители сами подталкивают своих детей в объятия «капитала». Естественно, эти браки недолговечны, как и сам «капитал». Современные матери мыслят совсем иначе, чем их матери и бабушки, которые могли вынести на своих плечах все тяжести семейной жизни и терпели иногда унижения от членов семьи своего мужа ради детей и во имя сохранения семьи. Сегодня семьи разваливаются из-за пустяков, из-за отсутствия терпения, мудрости, неумения прощать и уступать друг другу, не давая возможности никому вмешиваться в свою жизнь. Всем известно, что семейная жизнь накладывает на нас определенные ограничения. Современная молодежь как бы торопится жить, не оглядываясь назад, не считаются с мнением старших, не прислушиваются к советам более опытных людей, психологов. Они иногда принимают близко к сердцу слова, высказанные в гневе или раздражении, не давая друг другу шанс на оправдание, и не имея терпения, выслушать друг друга, не имея желания, простить друг друга. Поэтому большинство браков распадается, не успев укрепиться более прочными узами семейной жизни. Как быть, или как остановить эти распадающиеся семьи? А ведь это приводит к тому, что через несколько поколений мы можем потерять и наши обряды, и наши традиции, и нашу историю? Это приводит к ассимиляции.

Весна в Нью-Йорке

С наступлением весны приходят радость, веселье, праздники. Зима со своей тяжелой шубой осталась позади. И хотя холода еще не прошли, весна уже вступила в свои права. Впереди нас ожидают теплые деньки.

Совсем недавно евреи мира отмечали веселый праздник Пурим.

Прекрасная половина человечества принимала поздравления с весенним праздником - Днем 8-го марта. А 10-го марта отметила Новруз-байрам - Праздник весны первая азербайджанская организация в Америке. Он прошел в известном в Бруклине историческом помещении Боро Холл, где расположены все офисы муниципалитета города и президента Бруклина - Марти Марковица.

Праздник был организован Томриз-ханум Азери – президентом Азербайджанской Ассоциации в Америке. Томриз-ханум Азери - лидер азербайджанской общины в Америке на протяжении многих десятилетий (недавно она приняла участие в Форуме женщин в Израиле). Благодаря её упорному труду азербайджанская диаспора завоевала симпатию американского правительства и народа.

На празднике выступили с поздравлениями лидеры общин мусульманских стран и республик, лидеры азербайджанской диаспоры в Америке, представители Азербайджана в ООН, М.Марковиц, а также многие политические деятели. Горско-еврейская община как всегда была приглашена в качестве желанного и дорогого гостя. Руководитель еврейского центра «Товуши» В.Абаев послал свои поздравления и танцевальный коллектив «Кавказ» в качестве подарка. Дети с большим успехом исполнили красивый танец под руководством Роини Маргвелашвили. Таир Эйнуллаев - известный танцор и хореограф, прилетевший 9-го марта в Америку из Баку по приглашению Виктора Абаева для обучения детей азербайджанским танцам, также исполнил два красивых танца. Публика была в восторге. Томриз Азери вручила ему благодарственный подарок.

В программе участвовали танцевальные коллективы «Крымские татары» и турецкий ансамбль «Едди тэпэ», Новруз Мамедов - певец и музыкант, Самир и многие другие.

Праздничные столы были сервированы традиционными сладостями, национальной кухней и зелеными ростками молодой пшеницы «Сэмэни» – символ прихода Весны.

К нам подошли и лидеры азербайджанской общины, пригласили выступить на празднике Новруз-байрам, который будет отмечаться 22-го марта. Детям раздали подарки. Не оставил без внимания наших детей и президент Бруклина Марти Марковиц. Он поздоровался с родителями, поздравил всех с успехом, сфотографировался с детьми на память. Также он обещал присутствовать на нашем празднике «День Общины» и сказал, что сейчас, после праздника, направляется с друзьями в один из новых еврейских ресторанов, который открылся в Бруклине на Коней Айленд, отведать блюда французской и итальянской кухни.

Где же ты мое детство, где?

Жилось прекрасно мне, не знала я забот –
Всех опекала мама, лишая нас тревог.
В семье росла я бедной – без боли и хлопот,
Семьей большой и дружной, и радужных дорог.

Не чувствуя устали, гонялись мы гурьбой,
Забыв о страшном голоде и холоде зимой,
Не думая о том, что ждет нас впереди,
Что жизнь такая сложная – несбыточны мечты.

Судьба – она жестока! Рассеяла всех нас.
И вырвала с корнями, бросив на Парнас.
Подхвачена волною – оторванный листок
Плыву против течения, ну где же тот исток!?

Гребу я горечь жизни, испитую до дна.
Ищу я места в жизни, без помощи одна.
Как хочется вернуться и снова стать семьей!
Жить радостно, без стрессов и обрести покой!

Ученье - свет, а неученее - тьма.

Вот так нам с самого детства внушали учителя в школе, а дома – родители. Нас никто не спрашивал о том, что мы думаем, чего хотим. За нас уже все решали взрослые, так было принято. «Окончишь школу, пойдешь поступать в ВУЗ, станешь «человеком», будет у тебя специальность, авторитет, деньги». Порой родители выбирали нам и ВУЗ и специальность. Ослушание считалось позором для родителей и стыдом перед товарищами по школе. Помню после окончания средней школы, в конце лета, начинались звонки с вопросами, кто куда поступил. Сколько проливали слез, когда не проходили по всем баллам, не поступали в институт. Иногда это оборачивалось трагедией. Многие упорно из года в год добивались проходного балла, пока не поступали в нужный ВУЗ.

Считалось счастьем, когда твой сын или дочь поступали в институт! Будущее было обеспечено. Почти каждый после окончания был направлен на работу по специальности в тот или иной город, район. Об этом заботились руководители ВУЗов. Честь и хвала родителям. Они выполняли свой родительский долг! Так было.

А что происходит сейчас? Высшее образование – необходимо ли оно сегодня всем?

Половина разумного человечества сегодня ломает голову над вопросами: Как правильно воспитать своих детей? Как пробить своим детям путь к счастливому будущему? Желание родителей помочь своим детям, навязывая им свои идеи, сегодня не всегда дают правильный результат. Да и жизнь уже не та, и время уже не то. Сегодняшняя молодежь не дает никому вмешиваться в свою жизнь, никого не подпускают. Сами решают все, считая, что родители и их идеи относятся к эпохе «антиквариата», не задумываясь о том, что причиняют им боль и страдания.

Приходится задумываться: Что происходит? Где мы ошиблись? Кто виноват – школа, страна или люди? А может молодежь права? Ну не хочет
он учиться, не получается сейчас. Все еще впереди! Виновата ли в этом система образования? Сегодня это не то, что было раньше. Дети нашего поколения с 1-го по 10-й класс учились в одном классе, вместе, в одной школе. 10 лет сидели рядом, за одной партой, брали пример, давали обещания друг другу. А главное – образование было бесплатное. В настоящее время, независимо от страны и места проживания, будь то в Израиле или в Америке, дети до получения аттестата зрелости несколько раз меняют школу: с первого по шестой класс, с шестого по восьмой класс, с девятого по одиннадцатый класс или 12-й класс. Они не успевают привыкнуть к одной школе, учителям, товарищам, как уже надо менять школу и привыкать к другой. Многие родители считают, что это влияет на психику детей, меняет их мечты, желания. Некоторые дети из-за этого впадают в депрессию, не находят общий язык с одноклассниками или попадают под влияние новых друзей, замыкаются в себе. Все это приводит к нежеланию дальше продолжать свою учебу, ссылаясь на усталость или на «потом». А что потом? - Армия, кругосветное путешествие и т.д. Прощай, учеба! Проходят годы, время бежит.

В настоящее время почти половина абитуриентов после окончания ВУЗов ищут работу по специальности самостоятельно. Не находя её, все больше разочаровываются, теряются. Ведь многие из них не приспособлены к жизни, не знакомы с реальностью, не могут найти себя в жизни. Они были заняты учебой, пока другие изучали жизнь. Многим приходится искать работу не по специальности. Около 50-ти процентов молодежи по просьбе родителей поступают в ВУЗы, а потом по неизвестным причинам не оканчивают их, бросают учебу. А родителям приходится расплачиваться с долгами уже с процентами. Я знаю немало таких ребят. Это приятные, молодые, умные, интеллигентные парни. Некоторые из них занялись бизнесом, а другие работают на кого-то. На вопрос о том, почему оставили учебу незавершенной, вот что они ответили: «Зачем терять время даром? Ведь все равно нет работы по специальности. Так или иначе, даже с дипломом тяжело найти государственную работу, а на кого-то работать мы не хотим. Для того чтобы сделать деньги хватит и нашего образования. Не все миллионеры имеют высшее образование».

Может, они правы? А где найти верный ответ? Как успокоить родителей и объяснить им, что не все еще потеряно и не все необразованные дети идут по неправильному пути? Нужно дать нашим детям возможность, шанс выбрать свой жизненный путь самим, а не решать за них все как раньше, считая их еще детьми. Самое главное - надо воспитывать честных и правильных граждан. Жизнь меняется, а заодно и наши дети.

Соломон Нисанович Юханов

(13.09.1925 – 11.10.2016)

(*член Союза Писателей Израиля*, участник ВОВ – участник Сталинградской битвы, председатель комитета Союза Ветеранов и инвалидов войны города Ор-Акива. Соломон Нисанович в свои преклонные годы вел активный образ жизни, возглавил «Группу милосердия», был фотокорреспондентом журналов «Голос инвалидов» и «Жизнь и память», солистом хора и артистом театра «Свет».

Он был символом нашей эпохи – добрая память о нем навсегда останется в наших сердцах.

Мне – 90!

13 сентября 2014 – мне стукнуло 90 лет

У ветерана дяди Семы
Всегда "бутылочка" в запаса.

Из афоризмов

***

Кто ставку делает на деньги и богатство,
То забывает о родстве и братстве

***

Когда в застолье и хмельно, и сытно,
Гляди, чтобы потом не стало стыдно.

***

Спасать больного, что напоить жаждущего:
человек никогда не насытится жизнью.

***

Если у человека нет друга, то в жизни его нет счастья.

***

Имя-то богатое, да котел пустой!

***

Люби жену, как душу,
Тряси ее, как грушу.

Люблю жизнь

Жизн люблю, она дает мне
Иногда удачу, радость…

Жизнь люблю я всей душой,
Но и смерти не пугаюсь.

Бог, за то тебе спасибо,
Что любой из евреев знает,
Что он еврей, и твердо верит
В, то, что он не умирает.

Вспоиним, как в народе
О свадьбе говорится:
"Кто всю жизнь боится смерти,
Тот не должен бал родиться!"
И хороших светлых дней!

Талант

Талант без труда – пустой орех,
Хвалиться им – и смех, и грех.
Талант плюс кропотливый труд
На небе звездами взойдут.

Когда талантом правит труд,
Твои дела не пропадут.
Пусть радует тебя твоя работа,
Коль о несчастных у тебя забота.

К Новому году

Пусть Новый год
Пусть Новый год
Счастливым будет годом!
Пусть горе нас
Обходит стороной.

Пусть бодрость духа
Наполнит наши души.
А ощение приносит
Радость и покой!

Без воды умрет трава.
Без мечты душа мертва.
Без души ты мертв по жизни,
Мудрость жизни такова.

Размышления

***

Сдругом счастье щедрое!
Вы прийти должны
В светлый край здоровья,
Вмир наш без войны.

***

Поработали мы на славу,
Ведь недаром в народе побт,
Что на отдых имеем мы право,
Есле с честью закончили труд.

***

Всегда следует стремиться
Кпрекрасному и светлому.

***

Говорят о нас сегодня,
Что мы умная страна –
Приспособленная к страданьям,
Ожидающая труда.

***

Утекают реки лет –
Не гляди с тоскою вслед!

***

Будет счастье, улыбнись –
Впереди большая жизнь!
Впереди рассветов много
И счастливая дорога!

***

Ты иди смелей вперед,
Пусть тебе во всем везет!

***

Жизнь идет, бегут года,
Вот такая шутка...
Встречу нам давно пора!
Это мудрая наука!

О наших женщинах

Благодарб тебя за счастье
Быть сыном женщины такой.
За то, что обладаешь властью
Творить добро твоей рукой.

За то, что помогаешь людям,
За то, что вечно полон дом,
За то, что было, то, что будет,
За жизнь с распахнутым окном.

За то, что глаз не закрывала,
Ждала, прислушиваясь в ноч.
За то, что в муках нас родала,
Когда кричать уже невмочь.

Когда терпеть уже не в силах –
О, боже мой, какая боль..
Коль эти муки мне простила,
То все простилось само собой.

Любителям афоризмов

С возрастом приходит мудрость,
Цените друг друга. Любите друг друга!
.....
С открытым сердцем и любовю
Желаем счастья и здоровья!
.....
Пусть Новый год со счастьем новым
В ваш дом хозяинрм войдет.
И вместе с запахом еловым
Вам счастье, радость принесет.
.....
Мужчина – разум дома.
Женщина – сердце дома.
Время что ты плываешь
В лодке настоящего,
Позади – туман прошлого,
Впереди – туман будущего.
.....
Иди к тому, кто в тебе нуждаются,
Капризничай с тем, кто тебя любит.
.....
Зделал добро – забудь о нем.
.....
Будь дальновидным – всегда будущее в почете.
.....
Вести беседу с неразумным – все равно,

Что лить воду на тыкву.
.....
Человек без знаний – подобен слепому.

Она и друг, и верная жена

Все женщины похожи на цветы,
Особой красотой неповторимой.
У каждой свой характер и мечты,
Желане быть единственной, любимой.

Их красота, как музыка звучит,
Как молния божественно сияет.
И сердце ранит, и к себе манит.
И жизнь огнем священным озаряет.

Для женщины любовь всего важней,
Жизнь без любви пуста, невыносима.
Любая женщина мудрее и нежней,
Когда бывает горячо любима.

И я, мужчина, горячо горжусь
Терпеньем женщин, восхищаюсь.
И как святыню ее берегу,
Как звездами на небо, любуюсь!

Когда тебя терзают люто
Беда или какой недуг,
О, как нам нужен в те минуты
Душевный, умный, чуткий друг.

Мелькнет надеждой лучик светлый,
Когда однажды ты поймешь,
Что он и есть твой друг заветный,
Советчик нежный близкий друг!

А слух ласкаю птичьи песни,
И с ними я душой пою.
Боясь утратить в миг чудесный
Немую бдительность свою.

Фрида Борисовна Юсуфова

(09.04.1949) – поэтесса, публицист, заместитель председателя Союза Писателей и Союза Художников горских евреев, член Союза Журналистов Израиля. Президент Всемирного Конгресса горско-еврейских женщин. Член Первого Съезда Всемирного Конгресса ВКГЕ. Делегат Генеральной Ассамблеи ВКРЕ от общины Горских Евреев Израиля;

Репатриировалась в Израиль из Баку в 1990 году. В 1974 г. с отличием окончила Азербайджанский политехнический техникум по специальности «Производство строительных деталей и железобетонных конструкций». Преподавала черчение в школе рабочей молодежи №106 РОНО Октябрьского района Баку, работала в Институте физики Академии наук Азербайджана во 2-ой лаборатории братьев Кахрамановых.

Фрида Юсуфова автор трех песен на джуури и нескольких сборников стихов анонсированных Н.К.Доризо: «Распахнутое сердце» (1994 г.), «Признание в любви» (1998 г.) и др. Юсуфова перевела, отредактировала, проиллюстрировала и издала пьесу в трех действиях И.Ш.Анисимова «В горах Дагестана».

Ф.Б.Юсуфова автор-составитель толкового словаря языка горских евреев и словаря (джуури-горский – иврит) однокоренные слова горских евреев созвучные с ивритом из 2-х томов «Золотые россыпи» (2009) и двух молитвенников – «За все тебя благодарю» (2010) и «Дочери Израиля» (2012). Собкор московского журнала «Российский адвокат» и «Адвокатские вести» в Израиле. В 2014 Фрида Борисовна издала в Израиле две книжки с детскими стихами - «Золотая пора» – на русском языке, английском и на иврите (перевод И.Рапопорт), а басня «Птичка-злючка» иллюстрирована автором. Свои книги Ф.Юсуфова верстает и редактирует сама.

Печаталась в литературных публицистических альманахах; «Роза ветров» (ред. М.Котлярский), «Русское эхо» (ред. проф. Г. Окунь), «Творческий Акко», «Пером и кистью» (ред. Г.Брегин), «Наша звезда – Астарайму» (ред. Б. Ханукаев и М. Гаврилов), «Мирвори» (Е.Мишиев), «Антология поэзии горских евреев (ред.Э.Гуршумов и Ф.Юсуфова. Публикуется в популярных Израильских газетах «Новости недели», «Еврейский камертон», «Секрет», «Кавказская Газета», «Новый Рубеж» и «Товуши» - «Свет» (США). До недавнего времени была инструктором молодежи выходцев с Кавказа города Акко. Член правления всеизраильского объединения выходцев с Кавказа. Является автором проекта «Культура и наследие горских евреев» («Тарбут ве морешет еудим ha hapарим») и директором одноименной переносной экспозиции. Община горских евреев Израиля в номинации «Женщина года – 2016», присвоила Фриде Юсуфовой звание «Успешная женщина» за достижения в различных сферах деятельности на благо общины и Государства Израиль.

В этом же году Фрида Юсуфова стала дипломантом Московской премии им. А.С.Пушкина, решением наградной комиссии Ф.Юсуфовой вручены дипломом I-степени и медаль имени А.С.Пушкина «За верность слову и делу».

О, ЖУРЧАНЬЕ ГУДИЯЛ-ЧАЯ – Я ТОБОЙ ДЫШУ

Каждый день тебя ищу я,
Находясь вдали,
Не могу найти покоя
Без родной земли.

Ты, как тень, тебя ищу я
Мечусь и грущу.
О, журчанье Гудиял-Чая –
Я тобой дышу.

На сирень, что у крыльца,
Я птицей прилечу.
Склоны снежного Шахдага
С любовью облечу.

Птичья трель разбудит горы, нивы и поля,
Очага коснусь родного взмахами крыла.
По покинутому дому оброню слезу,
А затем, взметну я ввысь – душу облегчу.

МОИ КАРТИНЫ И ВАШИ ЦВЕТЫ...

Какие здесь божественные краски,
Какое море чувственных цветов.
И даже Бог, глядит с небес с опаской,
Не возродиться ль грешная любовь.

Ослеплена от этого творенья,
Я в вашу книгу жалоб не пишу.
В душе моей возникло возрожденье,
Я с этим чудом новь с тобой дышу.

...Вы получили радость от прочтенья,
Моих, ещё, не ведомых стихов.
Я к вам питаю светлое почтенье,
И приношу я на алтарь, любовь.

К ДЕРЕВЬЯМ

Ствол, от зноя молча, стонет,
А от ветра он не дрогнет.
От хамсина корень сохнет,
Но пощады он не просит.

Несмотря, что время крошит
Ствол цветет и плодоносит,
То земля его растит
И Господь благословит!

КОГДА ЕСТЬ НАСТРОЕНЬЕ У ЦВЕТКА

Когда есть настроенье у цветка,
Сидит он гордо в венчике своем,
Когда цветок печалится как я,
Слезится в лепестках весенняя роса.

Бутоны роз безжизненно сникают,
Цветы, людей с тоской напоминают.
Случаются в природе чудеса.
Волнует сердце цветочная краса.

ЊӘСӘЛӘ БАЛАћО

I.

Дәдәј әри бала нәнүјә хундә,
Дәдәј әри бала нәнүјә хундә.
Ә сәр синәј хуштә, ә дәс гәрдундә,
Ә сәр синәј хуштә, ә дәс гәрдундә.

Әз нәфәс соворә, чү ћисти хубтә,
Әз нәфәс соворә, чү ћисти хубтә.
Бала әри дәдәј әз мәнг ишуғтә,
Бала әри дәдәј әз мәнг ишуғтә.

Аралуг:

ћој, ћ‚әсәлә балаћо – ћој, гүзәлә нәвәћо,
ћој, ћ‚әсәлә балаћо – ћој, гүзәлә нәвәћо.
Әз хәндәје гофћојшу – шор бирә кәләтәћо,
Әз хәндәје гофћојшу – шор бирә кәләтәћо.

II

Фәрзәнд әри дәдәј, дүл ә гәд синә,
Фәрзәнд әри дәдәј, дүл ә гәд синә.
ћәзизи балаћо ћәр вахт әз бинә,
ћәзизи нәвәћо ћәр вахт әз бинә.

Урә хуб данустә ки нәвә дирә,
Урә хуб данустә ки нәвә дирә.
Чүнки әз һәсәлиш – ширинтә бирә,
Чүнки әз һәсәлиш – ширинтә бирә.

Аралуг:

Һој, һәсәлә балаһо – һој, гүзәлә нәвәһо,
Һој, һәсәлә балаһо – һој, гүзәлә нәвәһо.
Әз хәндәје гофһојшу – шор бирә кәләтәһо,
Әз хәндәје гофһојшу – шор бирә кәләтәһо.

Һој, һәсәлә балаһо – һој, гүзәлә нәвәһо,
Һој, һәсәлә балаһо – һој, гүзәлә нәвәһо.
Әз хәндәјә гофһошү шор бирәнүт дәдәјһо,
Әз хәндәјә гофһошү шор бирәнүт бәбәһо.

Әз зәрә хәндәјишүш – ишуғ дирә дәдәјһо
Әз зәрә хәндәјишүш – ишуғ дирә бәбәһо.

ТАНГОЈ ӘН БОКУ

Ә дурһо, мәмзүлһо
Ә хориһој бәбәһо,
Е кәлә кифләтә хуно,
Зиһистәнут чуһурһо.

Бош һәзизә Јоршолојим,
Фикирсүз, гәмсүз,
Ә и ишүглүјә һәилом,
Рач бош руз-бәруз.

Һәмишә ә дүл дәри
Гүбә, Боку нә Дәрбәнд.
Кујкә әсәр точ вәри,
Әзу товнәш бирәм бәнд.

Бәһәрһојү ширини
Әз һәсәлиш зијоттә.
Булогһојү сәрини
Бүтүн салиш ә од дә.

Точијү ә һәр чикә
Һәмишә дүл вәбәрди.

Боку саламатикэ
Фэридэрэ чӳ дэрди!
Аралуғ:
Боку, Боку бэхтэвэр,
Ошуг бирэjм э Хэзэр,
Эри чэһми чуһурһо
Һэм бирори, һэм хэһэр.

Эльдару Гуршумову посвящается

Ко дню презентации книге стихов "Горькие слезы матери"

Вы, капитан нашей дружной команды,
Ведете корабль так лихо и так ладно,
Что нам не страшны ни пиратские банды,
Ни ветер, ни волны, ни рифы, ни шквалы!

Все тонкости знаете, Вы, все секреты,
Как актуально внедрить все пректы.
И с завистью смотрят на Вас конкуренты,
Что уходят под воду недруги – "кленты".

Все есть, все сбылось в Вашей жизни, что надо,
Чтоб счастливо жить нет на свете преграды.
И это Ваш день, мы все искренне рады,
Поздравить Вас коллективом, командой.

Что Вам пожелать? Чтоб мечты исполнялись,
Чтобы храброму судну моря покорялись,
И ветер был только попутный и легкий,
А Вы молодой, виртуозный и ловкий…

Вы, капитан нашей дружной команды,
Ведете корабль так лихо и так ладно,
Что нам страшны ни пиратские банды,
Ни ветер, ни волны, ни рифы, ни шквалы.

Акко, 25.03.2008 г.

НҮМТУЬРЕ ВЕГИРЛҮ СОХ» – «БУДЬ ДОСТОИН ИМЕНИ СВОЕГО»

«Человек и его имя составляют одно неразрывное целое, достаточно сказать, что Вс-вышний вывел евреев из Египта также и за то, что они сохранили свои еврейские имена», – так гласит «Танах» – «Пятикнижие Моисея».
Каждое имя у многих народов, так же, как и у горских евреев, заключает в себе глубокий смысл. Имя имеет огромное значение и в каббалистической сфере, и в нумерологии – гематрии, и в астрологии: в происхождении и значении имени все эти науки играют большую роль.

Исследовать древние танахические имена – тяжелый труд, громадная научная работа.

Наука, изучающая непосредственно зависимость судьбы человека от его имени, называется ономастика.

В Антологию имен вошли все горско-еврейские танахические имена (от которых, естественно, произошли фамилии). Важно, что в нее вошли неординарные имена горских евреев Азербайджана (Баку, Куба, Ширван, Варташен, Привольный и др.) и северного Кавказа (Дербент, Грозный, Махачкала, Нальчик и др.), а также некоторые современные светские имена. Почти каждый владелец этих имен обязательно имеет второе имя, которое ему дали при рождении, или во время обрезания, бар-мицвы, бат-мицвы и Выбор имени – сложная задача. Согласно выводам эзотерической ономастики, есть имена счастливые, приносящие удачу, а есть имена, которые мешают человеку продвинуться в жизни, достичь успеха.

По имени определяют, предположительно, судьбу и предназначение человека.

Грамотный анализ имени человека (и его рода) во многих случаях помогает найти причины болезней и неудач человека. Диагностика и способы устранения этих причин и исцеления организма, как правило, относятся к методам, применяемым в психоанализе и психотерапии.

Ономастика – раздел лингвистики, изучающий собственные имена, историю их возникновения и преобразования в результате длительного употребления в языке – источнике, или в связи с заимствованием из других языков общения. В более широком смысле, ономастика – это и собственные имена различных типов (ономастическая лексика), и раздел языкознания, изучающий эти имена с точки зрения науки антропонимики.

Антропонимика – раздел ономастики, наука о происхождении и значении имен и фамилий.

Она изучает имена, их происхождение, эволюцию, изменение, географическое распространение, социальное функционирование и т.п.

Антропонимом называется любое имя собственное, которым зовется человек: горско-еврейские личные имена (нум): Абрам (Овроhом), Шамай (Шэмэй), Мазаль (Мозол), Дина (Динор); отчества (нум бэбэ): Абрамович (бэн Овроhом), Борисович (бэн Борух), Шамаевич (бэн Шэмэй); фамилии (мишбаh): Абрамов(а), Барухов(а), Шамаев(а); псевдонимы (лэгэмhо): Э.Барух (Фрида-Эфрат Борисовна Юсуфова), Х.Рафаэль (Ханума Александровна Мишиева), А.Агарун (Арлиб Агарунов) и др.; ласкательные прозвища (лэгэмhо): дэдэйхунэ, бэбэйхунэ, дэдэйлэ, h,эрус, h,эззи, гэгэй, нэнэ, нэнэш, нэнэлэй, попошэ, и такие, как Верблюд (Дэвэ), Лошадь (h,эсб), Хромой (Лэнг), Косой (h,ир); клички животных (нум hайвон): Жучка, Рекс, Мурка, Барсик.

Данный словарь не претендует на роль энциклопедии или полного свода перечислений всех употреблявшихся когда-либо еврейских личных имен. Его цель скромнее: приоткрыть дверцу в мир еврейской антропонимики евреям и другим народностям, воспитывавшимся в среде, где имена «Хаим» и «Абрам» воспринимаются до сих пор как неприличные клички.

В отличие от горских евреев, некоторые «русские» евреи (ашкенази) и не помнят уже, что такое еврейское имя. «Еврейскими» считаются имена Петя, Боря, Лида, Алла.

Цель этой Антологии – напомнить, что такое еврейское имя, откуда оно произошло, и что означает.

Выбор имени – дело очень важное: человек и его имя составляют одно неразрывное целое на протяжении всей его жизни. Во тьме и скверне египетского

рабства евреи утратили многие духовные ценности, но они не стеснялись своих еврейских имен, и были спасены.

В еврейской традиции есть ряд правил, касающийся имен. Ребенка не называют новым именем, то есть именем, которое не носили его предки; существует древний обычай называть детей именами ближайших родственников, деда, бабушки и т. д., после их смерти. Раньше у горских евреев не было принято давать ребенку имя родственника при его жизни. Но в настоящее время стало традицией называть детей именами дедушек и бабушек при их жизни – в их честь. А дедушки и бабушки, с гордостью взяв своих внуков-тезок за руку, гуляют с ними, ведут в детский сад, в школу, празднуют их бар-мицву, бат-мицву, свадьбу, а потом, если доведется, нянчат их детей – своих правнуков. Широко распространен обычай давать детям имена праотцев и праматерей, царей еврейского народа, великих цадиков, известных раввинов. Считается, что заслуги и праведность великого человека помогают тому, кто носит его имя, идти верным жизненным путем.

У горских евреев есть один из важных признаков, говорящий в пользу их еврейского происхождения – это формирование имен. Имена горских евреев можно разделить по религиозному и языковому признаку. Наряду с заимствованными тюрко-язычными или ирано-язычными именами, у горских евреев существуют и исконно еврейские, канонические, обрядово-культовые имена, даваемые после обрезания. Их можно рассматривать как коренные антропонимы. Заимствованные же имена у окружающих народов, хоть и тюркоизированные, но по смыслу - танахические. Фамилии горских евреев (в частности, жителей Азербайджана и северного Кавказа) появились относительно недавно. Строились они по одному принципу. Изначально имя образовывается от имени отца (а позже и деда), например: сын Исаака (бэн Исоґ), сын Зарбаила (бэн Зарбоил), сын Нисана (бэн Нисон). Эти имена позже, по советскому образцу, становились фамилиями – Исаков, Зарбаилов, Нисанов и т.д.

Если говорить о фамилиях горских евреев – они уникальны, а уникальность состоит в том, что они все, без исключения, произошли только от танахических имен.

Горские евреи, представляя собой достаточно специфическую группу еврейского народа в этнокультурном плане, принадлежат к семитской этнической группе. Персидская и кавказская эпопея еврейского народа – это история сообщества людей, объединенных общей религией, кровными узами, общими законами и укладом жизни. В результате такого сообщества, в культуру горских евреев привносились элементы других культур, изначально культуры Ирана, позже – Восточного Кавказа (включая неизбежные языковые изменения). В результате чего субэтнос горских евреев представляет собой совершенно уникальное этнокультурное явление.

Евреи никогда не называли детей именами злодеев, но иногда они дают ребенку имя, не особенно вникая в его смысл, абсолютно не зная его значения. И, в результате, мальчик получает танахическое имя, например, имя Нимруд. Нимруд (Нимрод) был тираном – правителем древней Месопотамии; внук Ноаха, гонитель Авраама и «по имени, упоминающегося в Танахе царя, хотел сжечь живьем Праотца Авраама», а смысл этого имени – «взбунтуемся».

Во многих случаях Тора добавляет букву к имени человека, и это означает, что он достиг величия. Или, наоборот, в имени человека пропускается буква, если он теряет свой духов-ный статус. Например, когда Аврам и Сара (Сарра, Сарай) поднялись на большую духовную высоту, к их именам было добавлено по букве, и они получили имена: Авраам и Сарра.

Точно так же к началу имени ученика Моше – Ошеа была добавлена буква и, таким образом, он стал Иеошуа. А в другом, прямо противоположном случае, друг старшего сына царя Давида Амнона, Иеонадав был переименован в Ионадава, после того, как он дал своему другу плохой совет. В данной Антологии имен иногда встречаются новые или иностранные имена: Франк, Джон, Герман, Леонардо, Джон(ик), София, Эмилия, Этэри, и др., которыми названы мои родные и друзья (они упомянуты в дань уважения к ним). В основном же Антология состоит из исконно танахических имен, которыми во все времена горские евреи нарекали своих детей, несмотря на революции, войны и репрессии. Даже в те революционные времена, когда страсть к «разрушению до основания» в Советском Союзе привела к тому, что младенцу давали такие имена, как Ким (коммунистический интернационал молодежи), Электрификация, Сталина (в честь Сталина), Октябрина (в честь революции), Даздраперма («Да здравствует Первое мая!»), Вилен и Владлен (от имени Владимира Ленина), Леомар («Ленинское оружие - марксизм»), Феликс (в честь Дзержинского), Пятвчет («Пятилетку – в четыре года»), Лагшмивара (лагерь Шмидта в Арктике) и др.

Но горские евреи старались сохранить свои имена, принадлежащие их народу и сохранившиеся в веках.

У евреев не принято давать мужское имя женщине, а женское имя – мужчине

Пренебрежительное отношение определенной части израильтян к традициям привело к тому, что такие встречающиеся в Танахе мужские имена, как Тиква, Офра, Анат, носит в сегодняшнем Израиле немалое число женщин. Загадочную, необъяснимую власть имени над судьбой человека заметили еще древние. Например, вплоть до семнадцатого века родители держали в секрете имя, данное ребенку при крещении, пытаясь обмануть тем самым злых духов. В Азербайджане и Турции ребенку давали два имени: одно из них было ложным, второе настоящим, возможно, надеясь этим ввести в заблуждение недобрых духов. Обычай скрывать свое второе имя историки и этнографы находят почти у всех народов мира.

В древности евреи двойных имен не давали, разве что тяжело ребенку добавляли второе имя. Начиная с эпохи средних веков, этим именем является Хаим (Ћэим) – жизнь или Хай (Ћэй) – жив. Позже распространился обычай давать ребенку двойное имя. Мальчикам и девочкам к основному имени давали второе имя, которое служило для обозначения жизни и стимуляции к выздоровлению. Такое значимое имя, как Хай (Ћэй), Хаим (Ћэим), Хийо (Ћийо), Хайвот (Ћэвот) – модификация имени Хаим, Хайа (Ћэйо), что в переводе с иврита означает – жизнь, живой, живая, его добавляют к мужским и женским именам, например: Абаи-Хай (Әбәйи-Ћәй), Авраам-Хай (Авроћом-Ћәй), Бэбэ-Хай (Бәбэ-Ћәй), Данил-Хай (Донил-Ћәй), Иосиф-Хаим (Йүсүф-Ћэим), Исраэль-Хай (Исроил-Ћәй), Хаим-Миши (Ћэим-Миши), Хайа-Сара (Ћэйо-Сарра) и др. И по сей день у горских евреев есть двойные имена, и они служат не только стимуляцией для выздоровления и обозначения жизни, их дают детям в честь предков, а также называют поздних детей или рожденных после умерших детей.

Одно из таких имен – Шендэ (Шәндә), что в переводе с горско-еврейского языка означает «выброшенный».

В настоящее время у горских евреев самые распространенные танахические имена – это имена Праматерей еврейского народа: Сара, Лея, Рахиль, Ривка; и Праотцов еврейского народа: Авраам-Авейну, Ицхак, Яаков; и такие имена, как Авишалом (Овшолум), Джаваир (Човоил), которые дают в честь обозначения национального духа. Есть много имен в честь праздников: Нисан (Нисон), Песах (Писәћ), Шушан-Пурим (Шушән-Пурим) и др.

Очень часто горские евреи, наряду с именем, данным ребенку в близкого род-ственника (дедушки, бабушки, тети, дяди) при их жизни, дополнительно нарекают ребенка вторым именем, то есть дают двойное имя, например: Ицхак-Миши (Исог-Миши).

Относясь с уважением к старшему, живущему поколению, к детям обращаются, называя их вторым именем, например, Миши.

Двойные имена также давали и дают детям в честь предков, покойных дедушек бабушек, для возрождения или увековечивания памяти брата, отца, и близких родственников, например, женские имена: Хая-Сара, Шушан-Пурим, Хава-Целет, Истер-Малька; мужские имена: Йов-Натан, Йов-Юшва, Натан-Сион, Ави-Гилад, или, наряду со светским именем, давали и танахическое, например: Ян – светское, Янкель – танахическое.

И в настоящее время в еврейской среде, как в Израиле, так и за рубежом, ребенку при рождении часто дают два имени.

В различных сообществах, в том числе в социальных возрастных группах детей и подростков, очень часто прибегают к прозвищам. По сегодняшний день среди горских евреев бытуют прозвища и псевдонимы. На Кавказе и в Азербайджане часто по прозвищу, данному земляками, друзьями, соседями, можно определить статус человека, откуда он: из Баку (бокуи), Кубы (ғубэи), Грозного (сүинчғәлэи, хойтоғи), Ширвана (ширвони), Привольного (приволнэи); какой специальности: музыкант (мисканчи), торговый работник во времена НЭПа (торгсин), асфальтировщик (ғырчи), часовой мастер (сәһ,әтсаз); кто его предки: Малла-говол, Ғурамит, Сэнгэри и т.д.

Создав данную Антологию имен, я, как автор, надеюсь вызвать у своих читателей определенный интерес не только к их собственным именам, к их происхождению и значению, но и к именам, которые они дают своим детям. Поскольку в именах заключается нечто большее, чем просто согласование определенных звуков, в них еще заключается большой глубинный, порой еще не познанный нами смысл. Хочу подчеркнуть, что горские евреи на протяжении тысячелетий носят танахические имена. Благодаря имени, мы, горские евреи, сохранили себя как народ, сохранили свою самобытность, древнюю культуру и, самое главное, сохранили свой горско-еврейский язык.

Цвет имени

Собирая и исследуя еврейские имена, размышляя о них посредством Танаха, книг, публикаций, материалов, связанных с культурой имен, я поняла, что это всего лишь мизерная часть моих знаний, которые я получила в области изучения имен. Во время своей работы над именами я столкнулась с массой вопросов, и стало ясно, что «Еврейские имена» с их цветом, нумерологией – гематрией, и их значением – это неизведанная доселе мной обширная тема, которая затрагивает одну из трудных и интересных сфер.

Как вы уже знаете из «Антологии имен», у каждого имени есть свой цвет. Посмотрите, какой цвет у вашего имени! В «Антологии имен» мелким курсивом указаны цвета, которые принадлежат определенным именам. Имя – это не что иное, как серия глухих и звонких звуков, которые вместе составляют оригинальную «мелодию». Поэтому можно уверенно сказать, что вибрация звуков, из которых состоят имена, соответствует определенным цветам. Так, имена делятся на шесть главных вибраций, из них три основные: синий, красный, желтый.

Синий – цвет спокойствия, мудрости, созерцательности. Эти люди преданные и верные близким, друзьям, своим идеям и принципам. Они несколько скрытны и сдержаны.

Желтый – символизирует жизненную энергию, интеллект, рациональность логического и аналитического мышления. Люди с этими именами тверды, практичны.

Красный – цвет энергии, которая является источником жизненной силы, страсти и желания, физической активности и силы, решительности и твердости характера.

Зеленый – цвет сбалансированности, гармонии, стабильности и твердости духа. Люди, чьи имена соответствуют зеленому цвету, сердечны, отзывчивы, добры, но ранимы.

Фиолетовый – цвет духовной силы человека. Эти люди способны проникать в суть человеческой природы, жить для других, привержены высоким идеалам.

Оранжевый – цвет, отражающий творческую активность, благородство мысли, уверенность. Такие люди ответственны, тверды, сильные личности, эмоциональны.

У каждого цвета имени свой ангел, своя миссия. Цвет имени, а также одноименный цвет в одежде, в ее деталях, в аксессуарах, повышает энергию, защищает от духовных и физических опасностей, озаряет, наставляет на путь истинный, приносит любовь, исцеляет человека, очищает душу, помогает в дипломатии, в терпимости, помогает мирно разрешить проблему. Каждому ангелу принадлежит его цвет. Ангелы живут в мире Духа, небесном мире, а мы – в мире материй. По преданию, планета Земля находится под защитой семи ангелов. Вот их имена и значения:

1. **Мухоил (Михаил)** – подчиняются ангелы защиты (голубого цвета). Обращаться к ним можно о защите от духовных и физических опасностей.
2. **Ифиил (Иофиил)** – подчиняются ангелы озарения (желтого цвета). Их можно просить об открытии дара ясновидения, об успешной сдаче экзаменов, об освобождении от вредных привычек.
3. **Шомоил (Шмуэль)** – подчиняются ангелы любви (розового цвета). Защищают от чужой злобы и клеветы, помогают в поисках работы и потерянных вещей.
4. **Гэвриил (Гавриэль)** – подчиняются ангелы, наставляющие на путь истинный (белого цвета). Их можно просить о получении радости, счастья, об открытии жизненных планов на будущее.
5. **Рафоил (Рафаил)** – подчиняются ангелы исцеления (зеленого, изумрудного цвета). Просить их можно об исцелении тела и души в традиционной и нетрадиционной медицине.
6. **Уриил (Уриил)** – подчиняются ангелы мира (золотого, сиреневого, пурпурного с золотом и вкраплением рубинового цвета). Их можно просить о мирном разрешении проблем, обращаться к ним могут воспитатели, учителя и судьи.
7. **Сэдкиил (Цидкиэль)** – подчиняются ангелы радости (фиолетового, пурпурно-фиолетового, золотистого цвета). Можно просить их о терпимости и помощи в дипломатии. К ним могут обращаться ученые, актеры и певцы.

Некоторые родители старательно выбирают имена для своих наследников. Но многие не особо вникают в эту область. Исследуйте имена, в них заложен большой смысл. Будьте смелыми и решительными, выбирайте танахические имена своим детям.

И, Слава Б-гу, живя в «галуте», среди всех гонений и трудностей, горские евреи выстояли, они остались верными своим корням и традициям и, благодаря своим танахическим именам, они сохранили себя как народ.

Шушана Юсуфова

родилась в Израиле 19.02.1992 года в семье Азария и Фриды Юсуфовых, они репатриировались из Баку в 1990 году. Годы детства Шушана провела в древнем городе Акко, а затем в Ришон-ле-Ционе.

В 2010 году параллельно со школой, Шушана с отличием окончила консерваторию по классу фортепиано и вокала. В этом же году поступила в институт искусств на факультет анимации и в университет на факультет социальных и гуманитарных наук, а в 2015 году успешно окончила учебу и получила первую степень.

Мультипликационный фильм Шушаны Юсуфовой «Нэнуй-нэнэм» «Колыбельная», ее дипломная работа. В своем мультфильме Шушана написала сценарий, нарисовала классическую анимацию, создавала анимацию - 3D, и даже озвучивала мультфильм, исполнив песню на языке горских евреев – джуури.

Однако, по словам Шушаны, у нее ничего бы не получилось, если бы ей не помогли ее старшие товарищи. Аранжировку музыки к фильму подготовил известный музыкант С.Шьязафов, на кяманче играл Ц.Рабаев, перевели текст с иврита на русский, а потом на горско-еврейский язык Фрида Юсуфова и Эльдар Гуршумов. Немалую помощь в работе оказала координатор ее факультета Сарра Хатука – известный мультипликатор из Франции.

С таким творческим коллективом фильм юного мультипликатора Шушаны Юсуфовой «Нэнуй-нэнэм» – «Колыбельная», не мог не стать настоящим шедевром. (Это ссылка на мультипликационный фильмШушаны Юсуфовой - **https: www.youtube.com/watch?v=7zeDp4xJPnc).**

Шушана самый юный член Союза писателей Израиля, так как свои рассказы и стихи пишет с самого детства. Книгу «Чёрная жемчужина» начала писать в 12 лет. Эта книга, написанная в жанре фэнтези, была издана 2009 на иврите, русском и английском языках (перевод Ирины Явчуновской – члена Союза писателей Израиля, обладателя диплома МТО ДА в рамках международного конкурса "Золотое перо Руси-2008").

Сейчас Шушана замужем и живет в Манхайме (Германия) и создает новые произведения и анимации.

НЭНУЙ-НЭНЭМ – КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Мама говорит со своим еще не родившимся ребенком:

– Все готово к твоему рождению, мы ожидаем тебя с замиранием сердца, ждём твоего появления! Совсем скоро ты увидишь свою люлька, которую смастерил папа, он ждет тебя с нетерпением и уверен, что ты это – «он» (сын)! В любом случае, кто бы ни родился, *пусть Бог пошлет* здоровенького малыша -

«Успокойся малыш, послушай мой рассказ о том, как надо набраться мудрости, верить в себя и не боятся трудностей .

Я расскажу тебе чудесную сказку, которую я слышала в далеком детстве. Сказку о маленьком совсем не приметном Зёрнышке-Семени. Оно жило одно-одинёшенько в скорлупке, чувствуя при этом, свою защищённость от неведомого ему, внешнего мира. В ней, в этой Скорлупке, которая находилась на кроне самого красивого и высокого дерева, ему было тепло и уютно.

Иногда Семечко-Зёрнышко выражало свое недовольство тем, что когда ветер покачивал ветки в разные стороны, скорлупка тоже раскачивалась. Оно,

Семечко-Зёрнышко боялось ветра, высоты, и пения птиц на утренней заре. Неустанно молилось богам, желая остаться навсегда в своей скорлупке, в которой никто и никогда не причинит ему зла.

Однажды оно услышало, что его братья и сестры должны покинуть свое уютное местечко и отправится со своего любимого дерева туда, куда унесет их ветер. И тогда, они расстанутся навсегда, и как же оно будет жить без них!?

Наступило то время, когда подул сильный ветер, сорвал и расколол скорлупку. Семечко-Зёрнышко, падая в теплую почву, с печалью думало о своей скорлупке. Его ослепляли яркие лучи солнца, отчего стало грустно-грустно и оно, вздохнув, подумало: «Как же я теперь буду без моей скорлупки, ведь в ней было так хорошо и удобно».

Время шло, менялись времена года: летний зной, осенние дожди и зимние снега – всё это сильно пугало его. Погружаясь все больше и больше в почву, Семечко-Зёрнышко стало забывать, как оно туда попало.

Со временем Зёрнышко, начало прорастать, и его ростки потянулись к солнцу. И только сейчас оно поняло, что уже никогда не сможет вернуться в свою теплую и уютную скорлупку.

С каждым днем, растущие веточки Семечка-Зёрнышка все больше и больше тянулись к солнцу, к прекрасному миру.

Перед его взором появлялись горы и холмы, и виднелся далекий горизонт. Впервые после расставания со своим деревом оно почувствовало себя счастливым, и осмыслило, почему оно покинуло свою скорлупку.

Семечко поняло, что никогда и ничего бояться не надо, потому что с самого рождения его нежно оберегала **Мать-Земля,** и теперь превратила Зёрнышко в красивое и мощное дерево, чтобы оно добралось до небес и наслаждалось жизнью. И согласно тому, как Вс-вышний показал Зёрнышке-Семени, как жить и расти – и Ты подобно ему должен учиться мудрости и тогда вырастишь могучим как дерево. Теперь мой родной сыночек спи и сладких тебе снов. Да сохранит тебя, Господь!

נאנוי-נאנאם – המעשייה על השורשון הנפלא

בוא ואספר לך על סיפור נפלא ששמעתי עוד בילדותי הרחוקה, על שורשון קטן שלעולם לא יצא מהקליפה ונותר הוא לבדו בחשכה. אומנם אהב להיות סגור ומוגן, כי היה חמים שם כול הזמן. הקופסא עליו הגנה, גדלה במקום הכי גבוה על העץ הכי יפה ועדיין השורשון לא היה מרוצה. הוא פחד מהרוח, מהגובה והציפורים, שצייצו כול בוקר בהעלמות הכוכבים. ואפילו כאשר הרוח העיפה את העלים, הקליפה נותרה עומדת כהרים החזקים. השורשון התפלל כול יום לאלים שישארו אותו שם לנצח נצחים. לעיתים רחוקות הרוח ביקרה והניעה את הענף בברכה והשורשון ידע, ששום דבר לא יגרום לו לרעה.

יום אחד שמע השורשון כי יעזבו אחיו ואחיותיו את המקום, את העץ האהוב, את הענף ויעופו לאן שהרוח תשאף. והוא לא יראה אותם לעולמים, כיצד יוכל לשרוד בחיים. והנה הגיעה הזמן והרוח נשבה והקופסה החזקה נשברה. השורשון נחשף לאור השמיים, הסתנוור והתעצב כפליים. כיצד אשרוד לי מחוץ לקליפה, אליה התרגלתי כול-כך נורא. השורשון נפל לאדמה-

לתוך הבוץ תחת השמש הגדולה. אומנם חום השמש הזכיר את הקליפה, אך הוא עדיין התגעגע לה נורא. כך חלף לו זמן כה רב, חום הקיץ, גשמי הסתיו ואף השלג של החורף מעליו, הפחידה את השורשון מפניו. הוא נדחס יותר ויותר לאדמה, ואינו זכר איך הגיע לשם מההתחלה. אך אם הזמן הוא גדל במהרה ויצא מחוץ לאדמה. הוא הבין כעת כי איננו יכול לחזור, לתוך הקליפה והחום. ככול שעלה יותר ויותר, נחשף לשמש ולפאר. הוא החל לראות את ההרים והגבעות, ואת היופי של האופק הרחוק. לראשונה השורשון הרגיש שמחה, הוא הבין מדוע עזב את הקליפה. בכדי להגיע לגובה השמיים ולהנות מהחיים כפליים.

הוא הבין שעליו לא היה לפחד, הריי שמהתחלה אימא אדמה הגנה עליו

והפכה אותו למה שהוא עכשיו. וכפי שהאל הראה לשורשון שעליו לחיות ולגדול, עלייך כמוהו ללמוד באומץ לב שיש עלייך לצמוח כמו העץ... כעת

תישן ילדי היקר, ושהאל ישמור אותך מכול.

НӘНУЈ-НӘНӘМ

Shoshana Yusufov – animation

Дәдәј: – "Һәммә һәзури әри ә рача ҺИлом оморәјтү. Һич тәфә Һәт нисди ки, кук имбу јә нәбугә — духдәр. Биһил Кәлә ХУДОЈ һәг мәсләһәт данусдәниһо согломә һ,әјилә бәхш дүгу".

– "Сокит бош соворәјмә, гуш докор ә мә, чүтам әгүлмәндирә гозонч сохдә, гәрәк бијов.

Әз чәтиниһо нә тәрсирәјирә, бүтүн сог ҺүмүР ә дорини гәрмә дүл хүшдә сүрхә хуно ә гәд пәмбә дошдә, мүтләг вә мүтләг сәрраф-лүјә гәрәкини. Вә и чиро фүрсәтә, әз јор вәдәшәндә һич чиро Һәмәл нијов"!

1
Рач Һиломә вәхтлү дирә,
Астараја бәхтлү бирә,
Шинов нәгүл гәдимирә,
Нәнуј-нәнәм, нәнуј-нәнәм!

Ә гәд гобуг јә тум дәбу
Ә лүкәј дор ә гуг вәбу,
Әз дәрди-сәр сурог нәбу
Нәнуј, нәнуј-нәнәм!
2
Јә руз әз кучь ән ворвори,
Гобуг чат зә ә руј хори,
Әз тум — дор до хок ән-кори,
Нәнуј-нәнәм, нәнуј-нәнәм!

Тума -сүрхә бәхтјү һисди
Ә тәрсә кор вәхтјү нисди,
Ә сәр сад сал чәһтјү бисди,
Нәнуј, нәнуј - нәнәм!...
3
ХУДОлу вин сәр-тәнтүрәш,
Дәдәјлү дан Вәтәнтүрәш,
Шоботлу хун һәр шәнтүрәш,
Нәнәм-нәнуј, нәнәм-нәнуј!
Тәкрор:
Хис, Һәзизә балајма хис,
Әргил гүрдә, бул мәгирис,
Әз вәһш ховһо шорлу вәхис,
Нәнуј-нәнәм, нәнуј-нәнәм.

Рашбил Хагаевич Захарьяев (20.07.1939 – 16.05.1978)

Рашбил Хагаевич Захарьяев родился в 1939 году в Красной Слободе. Член Союза журналистов Азербайджанской ССР.

Окончил краткосрочные курсы журналистики Московского Государственного университета, затем окончил факультет журналистики Госуниверситета. Несколько лет работал заведующим отделом Кубинского райисполкома. С 1966 по 1978 год был собственным корреспондентом Кубинской районной газеты "Шафаг". Статьи Рашбиля Захарьяева. печатались и в республиканских изданиях. Жизни Рашбиля Захарьяева. посвящена книга "Воспоминания о журналисте".

Затем работал журналистом, писал стихи и рассказы. Мечтал опубликовать свои стихи и рассказы, но более всего перевести на азербайджанский язык произведение выдающегося еврейского писателя Шолом Алейхема "Тевье молочник". В настоящее время в Москве действует Международный Благотворительный фонд СТМЭГИ который основали шестеро его сыновей. Президентом фонда является один из шести братьев - Герман Захарьяев, который является так же и вице-президент Всемирного конгресса горских евреев и вице-президентом Российского Еврейского Конгресса.

В 2007 году при поддержке фонда СТМЭГИ, в Баку, вышла книга произведений Шалома Алейхема на азербайджанском языке, таким образом сыновья исполнили мечту своего отца.

В 2009 году улицу Просвещения в Красной Слободе переименовали в улицу Рашбиля Хагаевича Захаряева.

КӘЗДИМ ШӘН ГУБАНЫ

Кәздим шән Губаны мән гарыш-гарыш,
Чыхдым Шаһдағынын гар зирвәсинә.
Гулаг асдым Хыналыгда, Јерфидә,
Даг шәлаләләринин чошғун сәсинә.

Губа торпағында гызаранда дан,
Сәһәри Чичидә, Гәчрәшдә ачдым.
Су ичдим Гызбәнөвшә булағындан,
Орда бир көзәли көрәндә чашдым.

Кәздим шән Губаны мән гарыш-гарыш,
Һәр јердә гаршыма чыхды дуз-чөрәк.
Мәни гонаг етди нечә дост-таныш,
Севинчдән көксүмә сығмады үрәк.

АЈ ГУБА

Һүснүнә вурғунам ушаг јашымдан,
Сәндә тапышмышам чан сирдашымнан.
Елә бил ајрылыр руһум чанымдан,
Бир күн ајры дүшсәм сәндән, ај Губа.

Улу бабаларын мәскәнисән сән,
Нәнәләр лајласы, нағылысан сән,
Мөһкәм галаларын учасысан сән,
Мәрд оғуллар дијарысан, ај Губа.

Мүдрик ағсаггаллар учалығындыр,
Ағбирчәк нәнәләр өз вугарындыр,
Гыз-кәлинләр намус, гејрәт, арындыр,
Көрпәләрин сабаһымыз, ај Губа.

Пајыз кәләндә башланыр тојлар,
Гоһум олур бир-биринә инсанлар,
Јахынлашыр, гоһумлашыр обалар,
Сән дә бој атырсан даим, ај Губа.

Аг дашлардан имарәтләр учалыр,
Инсан оғлу тәбиәтдән бач алыр,
Кими чаванлашыр, кими гочалыр,
Сән исә һәмишә чаван, ај Губа.

Мән әсиријәм нәвазишләрин,
Сәнсә мәскәнисән көзәлликләрин,
Көнүлләрә бәзәкдир күл-чичәкләрин,
Чәһ-чәһ вурсун бүлбүлләрин, ај Губа.

СӘН ОЛМАЈАНДА

Јоллара һәсрәтлә бахырам һәр ан,
Беләчә ил кечиб, өтүшүр заман.
Гәлбим аловланыр, алышыр јаман,
Сүзкүн бахышларын бил олмајанда.

Беләчә күнләрә тач гојурам мән,
Сәнсиз олан күнү јас санырам мән,
Бил ки, ајрылыгда шән олмарам мән,
Сән мәним өмрүмдә бил олмајанда.

Сәни мәндән ајры салсалар әјәр,
Башыма бу фәләк кәтирсә нәләр,
Өлүм һаглајарса өмрүмү әјәр,
Көзләрәм јолуну һәр вахт, һәмишә
Өлмәрәм, өлмәрәм сән олмајанда.

Әкәр кетсәм Исраилә

Әкәр кетсәм Исраилә,
Баш гојарам, диз чөкәрәм,
торпагына, һәр дашына.
Гонуб бир гуш кими,
Сина дагын башына,
ана Вәтәни сүзәрәм.

Јерусәлим, Хајфаны,
кәзәрәм дөнә-дөнә,
Һејран оллам инсанларын
күлүшүнә, һүнәринә.

Если поеду я в Израиль

Когда в Израиль попаду,
Я на колени упаду
перед священною землей,
Я птицей на Синай взлечу, -
Глазами я обьять хочу
оттуда предков край родной.
В Иерусалиме побывать
И в шумной Хайфе погулять
зовут мои мечты меня,
Я в говор древний наш вольюсъ,
С улыбкой Родины сроднюсь
в зените лет, в зените дня.

Бир нечә сөз

Тәгвимдән гопарылан һәр бир вәрәг инсан өмрүндән .....өөтән анларын, саатларын, күнләрин, нәһајәт илләрин нишанәләридир.Хошбәхт о адамдыр ки, һәр анын гәдрини билир, даим ирәлијә кетмәја чан атыр, истәјинә наил олур.

Бәли, дүнјаја көз ачдыгым вахтдан артыг 30 ил кечмишдир. Исдәр-истәмәз 1969-чу ил ијунун 5-дә илдөнүмүм тамам олан күндә һәјатымдан өтән илләри фикримдә чанландырдым. Һәмин мүддәтдә орта мәктәби битирмиш, али тәһсилә јиҹләнмишәм. Әлбәттә, бүтүн бунлар ади шеҹләрдир.

Јери кәлмишкән билдирим ки, орта мәктәбин 6-чысинифиндә охудугум вахтдан кәләчәкдә јазычы вә ја журналист олмагы гаршымыа мәгсәд гојмушдум. Артыг журналист ихтисасына јиҹләнмишәм. Бәс индијәдәк бу саһәдә фәалиҹјәтим нәдән ибарәт олмушдур? Догрусу, 30 иллик һәјат јолума нәзәр салдыгда бу суал әтрафында хејли дүшүндүм. Нәһајәт, индијәтәк мәтбуатда дәрч олунмуш јазыларымы бир јерә чәмләшдирмәји гәт етдим.

1954-чү илдән мәтбуатда чыхыш едирәм. Бурада исә 1956-чы илин декабрындан башлајараг, мүхтәлиф гәзет вә журнал сәһифәләриндә дәрч олунмуш бир сыра јазылар топланмышдыр.

Мәчмуәни вәрәгләдикчә сиз орада јазыларын мүхтәлиф үмуми башлыглар алтында чәмләшдирилдијинин шаһиди оларсыныз. Бурада диггәтинизи истәр-истәмәз кәнд тәсәррүфатына даир үмуми башлыглар даһа чох чәлб едәчәкдир. Бу тәсадүфи дејилдир. Чүнки һәмин сәтирләрин мүәллифи әмәк фәалиҹјәтинә колхозда башламыш, рајон гәзетиндә ишә кечәркән (1966-чы ил, нојабр) онун кәнд тәсәррүфаты шөбәсиндә фәалиҹјәт көсдәрмишдир.

Хырда хәбәр, рејд материаллары вә ја имзасыз мәктублара раст кәлсиниз сизи тәәччүб бүрүмәсин. Чүнки бөјүк јазылар кими, хәбәрләр дә шәхси мүшаһидәнин мәһсулу, рејд материаллары исә башга шәхсләрин имзасы олмасына бахмајараг, јалныз әмәјимин бәһрәси, нәһајәт имзасыз мәктублар да ахтарышларымын мәһсулудур. Бунлары гәзет ишчиләри даһа әтрафлы дәрк едирләр!..

Кәләчәкдә әкәр әсәр јазмалы олсам, шүбһәсиз мәчмуәдәки јазыларын да мәнә аз көмәји дәјмәјәчәкдир. Гаршыдакы илләрдә мәтбуатда дәрч олуначаг јазыларамы илдә бир дәфә мәчмуәдә әһатә етмәјә чалышмалыјам.

Рашбил Захарјајев

1 декабр, 1969-чу ил.

Зарецкая Марина родилась в г.Москва.14.09.1972г. Репотрировалась в Израиль в1991г.в г. Хайфа ул.Мельпечей 9. Работает в издательстве "Армедиа" литературной редактор. Автор 2х книг. Супруг – Симхаев Александр – горский еврей. Являюсь членом Союза Писателей Горских Евреев выходцев из Кавказа. Новый сборник находится в издательтстве скоро выйдет в свет.

РИМ НА ЗЕМЛЕ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
(21)

Ночью майской, на улице N... Денис Новиков

А что расскажу тебе я в создавшейся ситуации? Не скрою, лекарство под названием Nocturno стимулирует меня писать. О Москве, Крылатском, "дипломатическом" районе, Чертаново, где были курсы по подготовке в Иняз... Пьяная от таблеток, которыми лечила решение об эмиграции, - я проскочила диеты, курсы, экономические предотъездные микромахинации по защите от квартирных воров при условии их (воров) попадания внутрь квартиры - смех сквозь слёзы и слёзы - - мне тогда везло. Позвонила тебе, что вылетаю в Израиль, и купила золотистую зажигалку на память. 50 рублей были хорошими для меня деньгами, могла купить, допустим, хорошие туфли...

Я любила тебя на всю жизнь, и хотела плакать, задаваясь вопросом, заправишь ты эту зажигалку потом или выбросишь. Мама ушла по делам - подсунув мне "Раковый корпус" Солженицына. И я позвонила тебе с опозданием -

Причём тут методика астролога Сениуса?

- Я просила у тебя - аудиенции, я молча взяла бы у тебя "Столичную" сигарету (я не курила тогда) и ушла.

Потом я наплела тебе, что поехала в Израиль на две недели, вернулась... Ты "посеял" меня в Москве. Потом думали, сколько стоило позвонить из Хайфы в Москву часа на два... Как много ты рассказывал, что теряешь друзей, мне, своему биографу.

Фраза "разговор обо всём на свете" как бы предусматривает увлечённость, то, что "стороны" не могут наговориться. Этого-то не было, с его стороны, но говорили мы, как стало понятно по прошествии лет, обо всём на свете.

В незапамятные те времена определённый культурный уровень предоставлял возможность - болтать - о мирах.

Смею верить, я доставала этот уровень.

Я звонила и спрашивала: в каком случае по старой русской орфографии писалось миръ, а в каком - міръ? Что такое тавтология? Что такое скальды?

Это был единственный русский поэт, на которого мне не хватало русского языка.

Который курил "Пэлл-Мэлл" и "Парламент" и не мог курить "Ротманс", это были (уже в Израиле) мои любимые сигареты. Который тогда в Москве собирался менять семинар, уходить от Анатолия Виноградова, т. к. тот путал фамилии.

У которого в под-перестроечные времена был видик - редкость. На последних партах в старших классах все сидели пьяные.

Однажды я прочитала в каком-то юношеском журнале статью об ЛСД. И заявила с умным видом по телефону: "Когда человек колет ЛСД..."
Речь шла о видении звуков и Набокове...
"ЛСД не колют", - сказал Д. Н. - "его на сахар капают".
А коробок анаши стоил 50 рублей.
А футболка на фотографии в "Вечерней Москве" была красной.
Но зато о рассказе Набокова "Условные знаки" - это я принесла новость на хвосте.
Это была единственная новость.
... Я сняла с себя кожу, вынула душу и оставила зажигалку в телефонной будке по дороге в Шереметево.
Просила ведь папу пожелать мне вернуться в Россию. Не пожелал ничего, боялся за меня.
А я буду писать книгу в дурдомовской пустой столовой. О Денисе Новикове. Мне всё равно.
(6)
Sapienti sat

Зачем заковываешь на ночь
По-каторжному дверь свою?
Пока ты спишь, Иван Иваныч,
Я у парадного стою.

В резину чёрную обута,
Ко мне идёт убийца-ночь.
И я звоню, ищу приюта,
А ты не хочешь мне помочь.

Закладываешь уши ватой
И слышишь смутный звон сквозь сон.
Пускай, мол, шебуршит, проклятый,
Подумаешь - глагол времён!

Не веришь в ад, не ищешь рая,
А раз их нет - какой в них прок?
Что скажешь, если запятнаю
Своею кровью твой порог?

Как в полдевятого на службу
За тысячей своих рублей,
Предав гражданство, братство, дружбу,
Пойдёшь по улице своей?

Она от крови почернела,
Крестом помечен каждый дом.
Скажи: "А мне какое дело?
Я крепкий сон добыл горбом".

Арсений Тарковский,
"Ночной звонок".

... Люди побогаче мелочи, положение обязывало, с эмигрантами вели себя так, как ведут себя с чужими детьми, попавшими в неприятную, неприглядную ситуацию: налить стакан кока-колы заставляет воспитание, а принимать какое-то участие... как бы чего не вышло, да и фраером-лохом сочтут... Вот если разжиться эмигрантскими деньгами... втридорога и наличными.

Самое ужасное, что эмигранты, под воздействием "шока эмиграции" и не зная, "как здесь принято общаться", воспринимали аборигенов как несчастных-невежественных, специфически воспитанных... не врубаясь, что их имеют, хотя бы словесно. Экономический процесс, ставший результатом осознания происходящего - это небольшая, но кровавая экономическая гражданская война. Победа в ней невозможна, но выгрызли место под солнцем (поэтому сейчас такая жара, наверное) - и опять: в Израиловке всё спокойно. Всё хорошо.

Не нравится - уезжай.

НЕ НРАВИТСЯ.

Купила перекусить иерусалимский бублик, который не бублик вообще, прямая палка теста, румяная и густо посыпанная кунжутом, здесь называемым сумсумом (Сезам на иврите тоже Сумсум).

В России и здесь из кунжута делают тахинную халву, а ещё тхину, универсальный несладкий соус. И поехала искать кота, второй раз сбежавшего на старую квартиру, не знаю, что с ним делать, но кормить надо специальной едой, у него панкреатит, как у человека. При этом он умный и крысолов.

Но это не кот, это козёл. Пожрал специальную жратву, развернулся и пошёл под машину, стоящую на стоянке. И тут хорошо.

Спрошу ветеринара...

Я знаю, что выгляжу смешно, странно и нелепо со своим "эмигрантством" и "русскостью". Израильские типажи выглядят намного реальнее, будь то раздутый от самодовольства "кактус" (местный уроженец), исполненный пресловутого "израильского нахальства", или высохшая морщинистая леди с аккуратной свежей укладкой и номером концлагеря на руке, или религиозное семейство, впереди жена, несущая повойник, как корону, на голове - трое-четверо малышей и муж с коляской и сумками, в чёрном лапсердаке и фетровой шляпе (всё происходит в сорокаградусную жару), или древние как Ной, но насквозь прожжённые квартирные маклеры, часами сидящие в маленьких кафетериях. На улице Бялик.

Также я знаю, что как бы я ни выглядела - это правда.

(7)

Перемен! Мы ждём перемен!
Чтобы ты жил в
эпоху перемен.
Древнее
китайское проклятие

А. Макаревич

Уже дважды на рубежах веков происходят перемены "великие и ужасные".

..."Ключ" Марка Алданова говорит об атмосфере, до пытки напоминающей мне "культурный шок" 90-го года. ("Лихие девяностые" начались зимой 91-92). В процессе перемен приходит год с двумя нулями, смутное время взбалтывает коллоидные слои, люди, оказавшись в общественной взвеси, жмутся к сохранившимся и рвущимся связям, знакомым мироощущениям, сквозные раны в вестибулярном аппарате. Если можно так выразиться.

"Меж тем, в брезгливости природной,

Меж волей царской и народной
Они испытывали боль
Нередко от обеих воль."
Блок, "Возмездие"

Собственно, и дальше, в глубь веков - после сытного относительного спокойствия матушки-Екатерины, кратковременного, смятенного Павла и тоже вроде бы спокойного с точки зрения брожения умов царствования Александра ! (внешние войны не в счёт, они укладываются в физиологию истории) - разразились декабристы, а потом Николай Палкин.

...И я помню, как лебеди плыли
По канавке по Лебяжьей,
Помню ветры метельные, злые
Над Сенатскою однажды...
(Розенбаум)

В 7-м классе эти ветры вдруг проледенили меня до костей. Не говоря никому ни слова, я одна выпустила стенгазету к дате 14 декабря. Молча принесла её в школу и молча повесила в вестибюле. Так же молча её ликвидировала в свой кабинет директриса Марго. Дух крамолы от вполне программного моего деяния исходил сильный.
Ирка Райбова по телефону сказала, что Марго недавно умерла.
"Условные знаки" - это лёгкость прощального поклона поздним советским временам - от поколения безвременья, неверующего в Бога и чёрта, но воспитанного, при определённом общем цинизме и нигилизме - на автоматической чистоте, элементарном бескорыстии и дружбе, которые исчезли в аннигиляторе 90-х, поколения молодых и страшно ранних аналитиков, неосведомлённых на практике о наркотиках, долгах, криминале рядом с тобой, не соприкасавшихся с теорией экономики и несущих ещё на языке повседневный вопрос не: сколько ты сейчас стоишь? а:что ты сейчас читаешь? Исчезнувших, как у Брэдбери, марсиан.
(9) В три часа ночи
Строки короче,
Мучительней наваждения...
Я В три часа ночи - предсонное плавание по русской литературе, жарко - хамсин на дворе, цветной иллюзион, свои и чужие versum... Лермонтов, титан депрессии...
В тридцать два года - совсем новый Лермонтов.
Вершины под звёздами, бестелесный покой.
Обгоревшую вечность ощущая уставшей рукой,
Сознавать её полную бесполезность.
(Я) Почти напоминающий Лермонтова через век - Гумилёв - некрасивый, не особо светский, путешествия ... подождите, это уже Цветаева (диалог Есенина и Маяковского) или Есть в стане моём офицерская прямость. Есть в рёбрах моих офицерская честь. - Подождите, это уже просто честность - быть расстрелянным за заговор против существующей власти, власти победившей - за власть старую - по своему мнению, чести и устоям, но это потом, подождите...

Царскосельскому Киплингу
Пофартило сберечь
Офицерскую выправку
И надменную речь...

Эту узколитературщину я слышала в 1990-м, в Системе, живой вроде до сих пор, и до сих пор "Крематорий" слушают...

Не меняю свой стиль,
Ни сейчас, ни потом,
В "Старом фото" я ела
Клубнику со льдом...

Я, 2006

Киплинговские и вообще акмеистические, живые, чуть не голография, изображения...

Мой спутник был жёлтый, худой, раскосый,
О, как я безумно его любил!
Под пёстрой хламидой он прятал косу,
Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном, о безбольном,
О вечном слагалось его нытьё,
Звучало мне звоном колокольным,
Ввергало в истому, в забытье.

Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин.
Порою казалось - идём мы годы,
Казалось порою - лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне: теперь прощай.
Нам разны дороги, твоя - святая,
А мне - мне сеять мой рис и чай...
(Гумилёв)

Понимаете --
То, что в любом, допустим, городе, месте прозрачно для - слоя власти, слоя внешнего - меняется с поколениями. Помните --
Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке,
Всё никак не мог проститься и листок держал в руке.
Свет растёкся по брусчатке. На ресницы и на мех,
И на серые перчатки начал падать мокрый снег.
Шёл фонарщик, обернулся, возле нас фонарь зажёг,
Засвистел фонарь, запнулся, как пастушеский рожок.
И рассыпался неловкий, бестолковый разговор,
Легче пуха, мельче дроби... Десять лет прошло с тех пор.
Даже адрес потерял я, даже имя позабыл
И потом любил другую, Ту, что горше всех любил.
А идёшь - и капнет с крыши: дом и ниша у ворот,
Белый шар над круглой нишей, и читаешь: кто живёт?
Есть особые ворота и особые дома,
Есть особая примета, точно молодость сама.
(Арсений Тарковский)

-- в городе, где устанавливался и закреплялся Совдеп с совслужащими, кошмарный, как у Ильфа и Петрова, у того же города Ильфа и Петрова, глубоко в щелях и недрах

оставались Елены Станиславовны с вечными любовями, живой страх (от чего же, как не от него, дали деньги на "меча и орала") перед - героями "Бега" Булгакова, были какие-то бедные сочинители ребусов, "где Бог? Бога нет!!" - не успело это умереть, как у Моисея в пустыне, не прошло ешё сорок лет...

И в 50-е оставались заповедники...

Когда я родилась, уже прошли Моисеевы сорок лет, другое селилось в недрах и щелях, Аксёнов со своей болью, Бродский с Волгой цинизма и саратовской степью декаданса, в новом, новом стиле вечная бездонная вселенная Арсения Тарковского продолжилась в Морийское царство Бахыта Кенжеева... Sapienti sat.

(10)

Міръ Мандельштама — Белое тело его - ворон клевал.
Белое дело его - ветер сказал.
Марина Цветаева

Вопиющая норма. Военные астры, и запах корицы, и asti spumante - это был мир. Такой, как его видели - и как он должен был быть. Допустим, Елены Станиславовны были мелочью этого мира, допустим, Гумилёв и Есенин были в нём акцентами. Но мир стоял, как Рим на земле, вечный, разрушимый, зависимый и порождающий зависимости. В какой-то его нише жила бабка Рахель, в какой-то - адвокат Плевако...

Но рухни Колизей - и рухнет Рим,
И рухнет мир, когда не станет Рима...
(Байрон, пер. В. Левика)

Когда мир рухнул - Пространство взяло паузу, ошалев. Пустота и пауза. И, не успев осознать происходящее, начало сочиться кровью и грязью.

Могло придавить обломками. Можно было уползать в щели, и даже - научиться питаться кровью и грязью, адаптировавшись к изменённой среде. Можно было бороться, веря или не веря в успех боьбы, или молчаливо противостоять.

А можно было - не приять. И всем видом показать - Не приемлю.

Это и сделал Мандельштам при всей своей недоразуменной внешности и неприкаянном лунатизме.

Конфликт этого Не приемлю расколол пространство, как одиночный гром, как гнев Ильи-пророка.

Бабка Рахель испугалась. Спряталась. Закляла семью стихи читать.

Я не увидела этого в упор. Я грызла Вергилия, Гёте и Данте.

До Мандельштама я доросла в тридцать четыре года. Чуть зубы не ломаю.

До сих пор. Вокруг электрические разряды и запах озона.

(3)

Нынче я гость небесный — В стране твоей.
Я видела бессонницу леса — И сон полей...
Марина Цветаева

По меркам Мёртвого моря - приятно, но холодно. И я пристроилась писать. В пронизанном ультрафиолетом воздухе. Вилами по воде.

Вчера я поехала к Кошации. Кошация болеет, пьёт антибиотики и плохо их переносит. У неё и так с утра в голове медленно проясняющаяся путаница. Я включаюсь час, а она - несколько. Как-то она с утра вымыла глаза ацетоном для ногтей (хорошо, что не открыла их). В другой раз англоговорящая подруга повезла её с утра в кафе. Кошация сидела и сыпала сахар из облатки в пепельницу. Зачем ты это делаешь? - спрашивает подруга. - Что делаю?

Я ввалилась к Кошации и тяжело опустилась на стул. - Мне плохо, - говорю я, - послушайте... - Нет, подожди-подожди, ты будешь есть котлеты? - Кошация, - говорю я,

- нет, подожди-подожди, пепельницу, кстати, я тебе покажу, что я купила, кстати, мне срочно, срочно нужен увлажняющий крем... В обычной ситуации на такую фразу я делаю стойку, как охотничья собака.
- Да не буду я котлеты, Кошация, послушайте. Мне хреново - Нет, подожди-подожди... почему?
Я же Вам объясняю на упрощённом русском языке. Мне хреново, я Вам это говорю четыре дня, потому что я узнала о смерти Дениса Новикова. Я всё время пишу, у меня "болдинская осень", я буду издавать новую книгу, меня жареный петух укусил... А Вы - котлеты...
Наконец до Кошации доходит. Она пытается сделать нам кофе. Сначала сыплет в мой кофе сахар, и выливает в раковину, т. к. я пью несладкий. Со второй попытки отдаёт мне свой слабый кофе с сахаром, залитый холодной водой, и прихлёбывает мой, крепкий, горький и тоже холодный. Его тоже выливает в раковину. - Кошация, - завопила я, - не портите зелёный "Якобс", пустите, я сделаю!
Н-да, - говорит Кошация, - это утро и антибиотики... Я пустилась в рассказы о своей книге, под вино Сангрия. Под всякую мистику...
Книгу я дам Усе на цензуру и издам в ближайший год. Стихи и куски "Рима".
"Не свой душевный произвол..."
Двенадцать часов. Рано ещё звонить Усе. Чтобы разбудить меня в пять, он вообще не ложился. Когда-то так его будила бабушка, дождившая до его свадьбы, а Уся думал, что бабушка просыпается "по заказу".
Пусть выспится. Повезло мне. На Усю.

(4)

Не нравился мне век. И люди
Не нравились. И я зарылся
в нём
в книги.
В. Высоцкий, "Мой Гамлет"

Для этого сейчас нужен компьютер.
Я органически не приемлю любую технику, и тем более компьютерный способ мышления. И она - техника - платит мне тем же. Но волей-неволей хотя бы для литературных целей она необходима, и я, страдаючи, учусь делать на ней минимум операций.
С компьютером у меня происходят уникальные процессы. Когда в порыве я пытаюсь ляпнуть "не то" с литературной или интерактивной переписки точек зрения, оно просто не достигает цели. Мистика дикаря.
Техническому прогрессу не станет хуже из-за того, что я - дикарь, поэтому будем использовать такие явления.
Давно в процессе обучения техникам продажи я поняла, что слово - всегда серебро, а молчание - всегда золото.
Но не зря люди пользуются и тем и другим.

(5)

Ты тёмная личность.
Мне нравишься ты
за академичность
своей темноты.

В тебе ни просвета.
Лишь ровный огонь
обратного цвета.

Лишь уголь нагой.

И твой заполярный
я вижу кошмар
как непопулярный
но истинный дар.
Денис Новиков
1999 (?)

(6)

Стихотворение.

В нём все темы, на которые мы говорили по телефону, как и понимание злосчастья гадкого утёнка, коим я была, как и ответ на краеугольное сомнение всей моей жизни - есть ли у меня Дар, многослойность лаконичности (повторюсь, повторяя других), которая для меня в стихах тем ценнее, чем её больше, и за которую книги не читают, в нём уважение к кошмару и точное его определение, и - полная рентгенология меня. С периферии сознания. Я могла умереть за такое стихотворение, чёрту душу продать или отдать Богу - что я, собственно, и сделала, крестившись в 90-м.

(Такого рода определяющих шагов в жизни, как и любой человек, я сделала несколько, как правило, частично жалея о них, частично - соглашаясь с собой. О крещении, католическом, я не пожалела ни разу ни при каких обстоятельствах, искренне и до сих пор.)

Термин оксюморон объяснил мне Денис Новиков, именно в такой транслитерации. И отличие миръ от міръ в старорусском, и то, что он любил Мандельштама и Диккенса... Собственно, он не намеревался меня просвещать, но я была даже не губкой, впитывающей слова, я была вакуумом с глазами от пола до потолка, я творила невозможное, говорила невозможные вещи, я очертя голову лезла в игольное ушко и ломилась голым лбом в царствие небесное Дара.

Я была вольнослушателем Литинститута.

(7)

Видимо, я всё же человек двадцатого века, по определению. На третий день я сломалась и стала попивать лориван (слабый транквилизатор). Там, в мозгах, зашевелились какие-то рецепторы, воздух прояснел, и сконцентрировались некоторые вещи... но я плаваю в открытом космосе вечности.

Скользко и холодно. И после этого стихотворения холод вечности стал меня согревать.

А если адресат у него другой, я принесу свои извинения. Я всегда была истерически исторически щепетильна.

Все эти астрономические процессы должны как-то реализоваться. Со знаком плюс, а не минус...

Из страшного гадкого утёнка выросла жар-птица.

Эта ситуация вселяет уверенность и вопрос.

Та ниша общества, в которой я нахожусь - это мир. Міръ. Толща воды, мутной, обычный толстый слой. Обывательства. Туда не доходила информация двадцать лет. И если эта толща воды, как НЕ бывало, всё-таки, раньше, не пропустила такого Поэта - у неё проходимости нет вообще.

Значит, то, что она не пропускает меня, тоже не показатель. Я-то меньше.

Значит ли это, что я что-то значу в литературе?

Или означу?

Бэлла Ягудаева – родилась 26.12.1955 в Дербенте.

- В 1978 г. я окончила Дагестанский Университет, филологическое отделение. Будучи студенткой, параллельно (заочно) училась на факультете журналистики политехнического института. Моя трудовая деятельность началась в 1973 г технолога-лаборанта "Дагконсеробъединения". Затем в школе №1 и школе-интернате №2, где я преподавала русский язык, литературу, физику и математику.

Литературным творчеством занимаюсь с 8 класса, мои стихи в те годы были опубликованы на страницах журнала "Женщина Дагестана", в газете "Знамя Коммунизма", "Дагестанская правда". Работала журналистом со дня создания республиканской газеты "Ватан".

Поначалу мы жили четыре года в г.Хадере, где с самого приезда судьба свела меня с эрудированным, справедливым, трудолюбивым человеком прекрасно знающим историю своего народа и Родины Симхой Давыдовым. Этот человек целиком и полностью отдавал себя людям, не жалея ни сил, ни времени, ни здоровья. Он многое сделал и для меня, за что ему огромное спасибо! Симха научил меня болеть народной болью, чувствовать себя счастливой от счастья других людей. В те годы он возглавлял Кавказскую общину Хадеры, я считаю его своим наставником. Довелось мне поработать с журналистом, основателем газеты "Ватан" и Кавказской газеты (Израиль) Михаилом Гавриловым. В 1996 г. мы выпускали в Хадере газету "Радуга", редактором был Менахем Ханукаев.

Шли годы, росли дети, а у меня их семеро: четверо сыновей и трое дочерей. Отслужил в ЦАХАЛе, в боевых частях старший сын Вадим. И вот мы получили амидаровскую (государственную) квартиру в г. Ришон ле-Ционе. Так десять лет тому назад мы стали ришонцами. Двое моих сыновей Вадим и Денис Мушаиловы участники Второй Ливанской войны. А третий сын Денис проходит воинскую службу в спецназе. Мальчики становятся

мужчинами, а мужчины должны защищать свою Родину, это их долг, и мои сыновья выполняют её с честью.

ПОГОВОРИ СО МНОЮ ПАПА

Какой измерить мерой, тот путь что ты прошла.
Какой великой славой венчать твои дела!

25 декабря 1995год снежное утро стою у окна любуюсь снежинками дома благодать тепло, а на улице холод дети лепят снеговика вот и я на мгновение перелистала в памяти страницы детства от нахлынувших воспоминаний меня пробудил телефонный звонок это была моя мама, она пригласила нас на чебуреки с тыквой это у нас на Кавказе готовили на праздник Хануки поблагодарив мать за приглашение я начала собираться на работу в редакцию вечером после работы я с мужем собралась к родителям дорогой

читатель немного отступлю в то время мы собирались репатриировать в Израиль папа очень радовался, что он осуществит мечту своего отца, родственники которого живут на земле обетованной с далеких 1870 годов что побудило папу ехать в Израиль расскажу в 1985году у меня родилась дочка красавица она была пятым ребенком в семье открою секрет ведь их у меня семеро все здоровые но вот беда девочка больна у нее ДЦП она не держала головку не сидела не стояла мой неугомонный в хорошем смысле слова папа возил ее везде цеплялись за каждую соломинку были в Семеновской клинике Москвы, но увы, ответ один неизлечима ходить не будет земля уходила у меня из под ног я ревела постоянно но не перед ней она все понимала но нет худа без добра начались сеансы Кашпировского по телевидению и девочка сонно потирая глазенки , спрашивала: - Мама я буду ходить? – Да, дочка, будешь. Это добрый доктор он волшебник. Идет третий сеанс, я на кухне, где может быть кавказская женщина, находясь дома. Вдруг слышу оклик мужа, прибегаю, перед моим взором такая картина: моя девочка стоит у дивана и, крепко вцепившись в него, старается делать свои первые шаги. Я издала истошный крик на который забежала соседка и, увидев эту картину, заревела. Вот, так она встала на ноги. А тут звонят с Израиля родные мужа и сообщают, что врачи готовы долечить ее. И ради этого мы стали собираться. К тому времени папа из нескольких своих каменных домов продал лишь один. Мы ждали подписи консула. В этот недобрый декабрьский день принесли оплату за дом. Папа слег. На утро мы с братиком отвезли его в онкологию, и папа говорит мне: - Доча, не вези никуда, дай мне умереть дома. Я не внимала его просьбе, ведь он никогда в жизни не болел, ему было всего 65лет. Врачи не могли установить диагноз.

Через неделю его не стало. Это были самые страшные дни в моей жизни. Мы похоронили папу 2 января. Была лютая зима, народу было – тьма. Папа был высокоинтеллигентным человеком, эрудитом; его знали все; он очень

много делал для своего народа; помогал бедным содержать семью, дать детям образование; о нем до сих пор вспоминаются добром. Папа был моим идеалом. Уже 18лет как его не стало, а я по сей день говорю с ним мысленно, прошу его совета , жду от него ответа на мои вопросы. Моя рана не рубцуется. Он живет во мне и со мной. Он был такой ласковый, такой любящий, добрый, отзывчивый. Отец не имел врагов, для него не существовало плохих людей, никогда никого не осуждал, а говорил мне, что человек не повинен в том, что Б-гу было угодно создать его таким. Я каждый день поднимаю руки к небу и прошу папу поговорить со мной, но из его холодного жилища не слышу ответа. Мне больно папа, грустно папа, что ты даже до седины не дожил, но образ твой красивый и прекрасный оставил добрый след в душевной глубине. Папочка всю мою оставшуюся жизнь ты будешь жить во мне. Я по прежнему люблю тебя. Папа, лишь об одном тебя прошу, поговори со мной. Помолимся за родителей их нам никто не заменит. Папочка, я буду всегда делиться с тобой моими радостями и горестями. Поговори со мною папа, о чем ни будь поговори.

И У ФОТО ЕСТЬ ЯЗЫК

Осень. Суммарные тучи обволокли и без того серое осеннее небо. Закончив всю работу по дому, я и бабуля Сусана сели на диван отдохнуть. Я очень любила беседовать с бабулей, которая была любима и родными, и соседями, и друзьями. Её называли матерью матерей; она всегда могла прейти на помощь и словом, и делом, оказывала большую материальную помощь нуждавшимся,- безвозмездно. Эта благородная женщина обладала даром интересного рассказчика и тактичного собеседника. Она много

знала о людях нашего города и любила рассказывать только доброе, ведь помимо всего и она, и дедушка Мушаил были из больших и уважаемых родов горских евреев : Ягудаевых и, всем известного рода Ханукаевых. Я могла часами, не уставая, слушать её интересные рассказы, так было и в этот день. На столе, возле дивана, лежал старый фото альбом, листая его, я наткнулась на интересную фотку: мальчишка – лет 12-ти с взрослым выражением лица, не по годам глубоким строгим взглядом, чистил обувь.

"Кто это?" – спрашиваю я у бабули. "О, - говорит она, - стыдно, внученька, не знать, ведь это свет души нашего народа. Это Яаков Илягуев, друг твоего деда Мушаила. Я вкратце расскажу тебе о нём, хотя о таких, как он можно говорить часами. Яаков, один из тех, кто стоял у истоков литературного
творчества евреев Восточного Кавказа. Родился Яаков в1916 году, в селении Мюшкюр, недалеко от Дербента. В двух летнем возрасте потерял отца, и семья переехала в Дербент. Мать Истир, одна поднимала троих детей. Было

тяжело, жили бедно. Шли годы, Яаков рос, в двенадцать лет пошел работать, был чистильщиком обуви, утром учился в школе, а после школы работал. Мать работала в колхозе. Но, как бы ни было тяжело, учеба была на первом месте и Яаков серьезно, взялся за учёбу. Начал писать стихи, небольшие рассказы. В1928 году в Дербенте начала выходить первая газета на языке горских евреев "Захметкеш"(Труженик). Здесь в редакции он познакомился с Борисом Гавриловым, Даниилом Атниловым, с редакгором газеты Асаилом Бинаевым. После окончания педучилища и советской партийной школы Яакоб работал заведующим сельхоз отдела редакции. Вскоре встретил верную спутницу жизни Яфу Разилову, женился. Это было за два-три года до начала Второй Мировой Войны. Война разлучила семью на долгие годы. Через несколько месяцев после начала войны Яакоб попадает в окружение к немцам. В одном из лагерей под Варшавой встречает Дагестанцев, военнопленных, как и сам их семеро, они держатся вместе в ужасах фашистского плена и только друзья знают, что Яаков еврей, для всех остальных он турок-Ильиас. В конце 1943 года их лагерь переправляют в Грецию. Здесь в горах Эллады друзьям удаётся бежать. Они вступают в отряд освободительного движения, в партизаны и сражаются с фашистами до конца войны. Но вот долгожданная победа. Яакова и других военнопленных перевозят в советский лагерь в Саратовской области. И только в октябре 1945 года Яаков попадает домой, к маме, к жене, к пятилетнему сыну. Тяжелая была его жизнь внученька, но он не отступал, одолевал все трудности. Он много писал, его произведения любили и дети, и взрослые. Много лет, почти полвека он прожил с семьёй в городе Избербаше, откуда эмигрировал в Израиль. Слышала я, внученька, что и там, на исторической родине он добился больших творческих успехов. Свой рассказ бабуля Сусанна закончила словами: - "О таких людях не забывают, они - вечны". Долго я еще листала альбом, разглядывая старые фотографии, и поймала себя на мысли, что и у фото есть язык.

БОЛЬ ДУШИ

Осенью, пусть она у нас пока безоблачная, с наступлением сумерек, на душе становится тоскливо НО НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ ДУША ОЖИВАЕТ. Вот, и сегодня, как всегда вышла на улицу подышать свежим воздухом и сама не заметила, как оказалась в городском парке. Глядя на фонтан, впала в лучшие годы детства, вдруг до моего слуха дошел диалог двух пожилых людей. Я обернулась, рядом со мной сидели обеленные сединой женщины, чьи лица избороздили морщины. Каждая с болью и обидой на детей и внуков рассказывала о своей жизни. Сердце разрывалось на части, слушая их. Слезы

катившиеся из их глаз, словно бурили землю. В тяжелые и страшные 90-е годы, продав за бесценок свои дома, они приехали на Землю Обетованную, рассчитывая на земной рай. Период адаптации был очень тяжелый и они, чтобы помочь своим детям, пошли работать. Убирали имущим квартиры, а хозяева измывались над ними, если невзначай находили пылинку, или еще какую то незначительную улику, заставляли делать все по новой, или недоплачивали. Придя с работы, надо убрать дома,
сготовить, накормить детей и обслужить мужей. Но все казалось бы позади,
прошли годы, выросли дети, у них свои семьи. И теперь им матери не нужны. Эти женщины оказались на улице. Их свела судьба, они наняли
одну комнатку на двоих, чтобы их пенсия хватила мало-мальски на еду. Больно стыдно за таких детей. Они уже тоже родители и Б-г им вернет бумерангом. Молодые, будьте бдительны. Родители подарили вам эту жизнь, как и вы своим детям. Вы вскормлены материнским молоком, вас гладили ласковые руки матерей, вас оберегали молитвы матерей, вас растили отцы, которые, не покладая рук, трудились, не жалея ни здоровья, ни сил, чтобы дать вам в жизни все. КТО МОЖЕТ БЫТЬ ДОРОЖЕ МАМЫ?! Это она может все прощать, холить и лелеять; если надо, заслонит собой, но сбережет жизнь своему чаду. БЕРЕГИТЕ МАТЕРЕЙ! Когда не станет мамы, и вы придете на могилку с цветами и слезами, да люди вам это зачтут, но мамам это уже не нужно будет. Берегите матерей при жизни, чтоб умирая, они благословили вас, улыбка осознания, что у них прекрасные дети, не покидала их милые родные лица. Тогда и ваши дети, взяв с вас пример, украсят вашу старость. Помолимся за родителей за всех живых и небожителей.

***

Я так верила в тебя,
Тобой жила, тобой дышала.
Биенье сердца замирало,
Когда тебя порой встречала.
Ты в памяти оставил след,
Порой себя я ненавижу,
-за что?
-за то что мног лет
люблю,а видеть редко вижу.
любовь-не власть минутных наслаждений.
любовь -не трепетная страсть.
любовь-не справочник объяснений
,любовь-ума и сердца власть.
любовь моя-мое богатство.
она души чистейшей царство.
она не временный обман,
она души моей коран.

ПАМЯТЬ

Отдалаб тебе я горы горы не поднять
отдалаб тебе я сердце сердце не достать
отдалаб тебе я небо небо высоко
отдалаб тебе я море море глубоко

отдалаб тебе я поле поле широко
отдалаб тебе я звезды звезды не достать
отдалаб тебе я волны волны не поймать
отдалаб тебе я тучи тучи не нужны с
частье радость и здоровье вот что для важны
милые родные дорогие оставляю вам
я память берегите ее.

Шефте Дордор

Дор эз бине шефт омоге, уре дуз сохте нибу.
Инсон эз деде шефт бистоге, уре э агуль дешенде четин мибу.

Щефте дор гуль догеш, шефтию пахни нибу,
Щефте инсон дуз бистогеш - э дузию бовори нибу .

Езуги у дор вельгою ранг не доре, гюльою зу пажире.
Хуштере овункор хисоб сохт,е э пахники арс рухунде

Щиновит гоф шоире, э у дор айб не вери.
Тахсир э биней эну вери чунки эз жиже эчу омори.

Исты инсоно э тахер эну дор, дусто сохит э гоф шоир бовор.
Эри ужире нечоги нисти дерму, энжаг э дуль эме инсоно
Х-до рахм дешену.

Фикир

Нуштебурум э гирог дерие.
Э дуль дебу ченджире фикиро.
Дульмере ошкор сохтум.
Сур дуле э ов дорум .
Зобуне короре ов беро.
Дульой исроильнуме шор гердо.
Э сер дес жагмет иму дес ме ево.
Душмеой жууро зирпой гердо.

ОБЩИНА ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ ГОРОДА РИШОН-ЛЕ-ЦИОНА ВОЗОБНОВИЛА СВОЮ РАБОТУ. ВСТРЕЧА С ЛИДЕРОМ ОБЩИНЫ ФРИДОЙ ЮСУФОВОЙ

С того далекого времени, когда Ассирийскими царями и римлянами, затем и царями персидской империи евреи были изгнаны со своей земли и переселились в Вавилон, а в последствии в Персию, а отгуда на побережье восточного Кавказа. Предков современных горских евреев не покидала вековая мечта, вернутся на свою историческую родину.

Мы воплотили мечту наших прадедов в жизнь, в реальность, собрались на нашей исторической родине, продолжаем хранить и передавать нашим детям и внукам еврейские традиции, культуру, быт, нравы и историю горских евреев Кавказа. Со времен

первой большой алии организованно работает всеизраильская община горских евреев выходцев с Кавказа. В наших общинах проводятся разные мероприятия : поездки, встречи с интересными людьми, отмечаются традиционные праздники.

После небольшого перерыва община горских евреев г.Ришон-Ле-Циона возобновила свою работу. В праздничные дни в Бейт-Оле города Ришон-Ле-Циона прошла «Ханукальная» встреча с Фридой Юсуфовой – лидером общины горских евреев. Ее открыла председатель общины Бэлла Ягудаева, вечер начался с чтением «ханукальных» молитв и зажиганием свечей. Празднично накрытые столы пестрили угощениями и были завалены разными сладостями и «ханукальными» пончиками.

Б. Ягудаева познакомила присутствующих с уникальной женщиной, одной из авторов Всемирного Форума горско-еврейских женщин, члена Союза Писателей, журналистов и художников Израиля Фридой Юсуфовой.

Ф. Юсуфова представила небольшую этническую экспозицию «Культуры и быта горских евреев». С большим интересом рассматривая экспозицию, члены нашей общины вспоминали своих мам, бабушек, им на память приходили легенды, рассказы, притчи, услышанные из уст старшего поколения.

Пословицы, стихи и рассказы Ф. Юсуфовой словно погружали присутствующих в те сказочные времена наших предков. Особенно привлек внимание ее толковый словарь «Золотые россыпи». Отовсюду сыпались разные вопросы. Всех интересовало значение прозвищ и имен. Встреча была насыщенной и прошла на дружеской нотке.

Ф.Юсуфовова подарила свои авторские книги, а также принесла в дар библиотеке Бейт-Оле свои книги и книги коллег по Союзу Писателей.

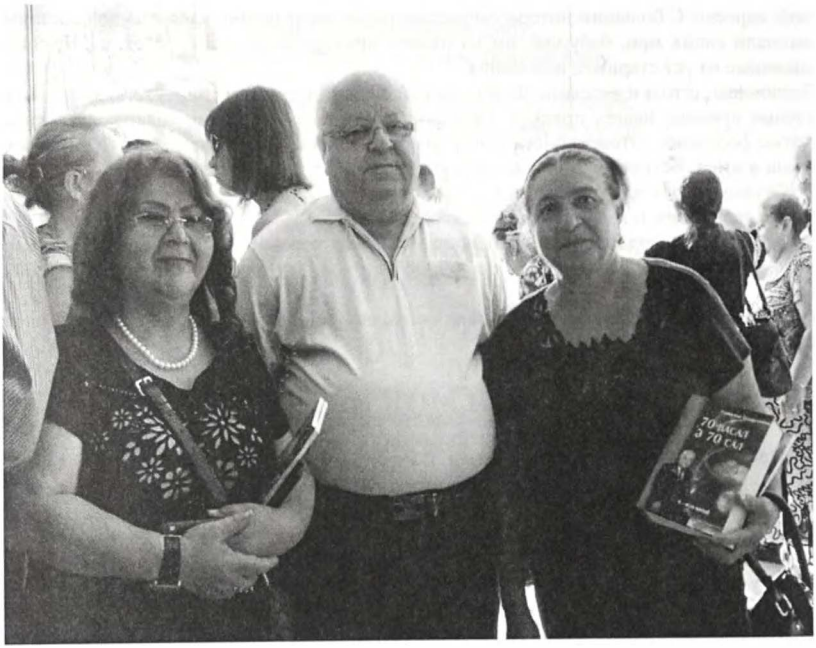
Члены общины горда Ришон-Ле-Циона выразили огромную благодарность Фриде Юсуфовой за ее интересное повествование об истории, культуре и традициях горских евреев.

Бэлла Ягудаева – председатель общины выходцев с Кавказа г.Ришон-Ле-Цион, член Союза писателей Израиля.

МОЙ ДРУГ И МОЙ НАСТАВНИК

Я репатриировала в Израиль 17 лет назад. В стране где по прибытию тебе пока еще все чужое, ты вглядываешься в лица, ищешь друзей, мучает боль о потерянном. Так было и со мной. Я по натуре оптимистка и это меня спасало. Но, когда однажды пришла в лишкат атаасука(бюро по трудоустройству от института национального страхования) и меня спросили, могу ли я хоть по-русски говорить, читать и писать, вот это был самый сильный удар. Но гордые не плачут. Что греха таить, на моем пути вскоре были такие люди, как Менахем Ханукаев, знавший и помнивший меня как поэтессу, который и пригласил работать редактором газеты, которую он хотел издавать. Радость сменилась горем. Газета издавалась недолго, та, как Ханукаев умер от тяжелой болезни, светлая ему память. Затем судьба свела меня с председателем Кавказской Общины города Хедеры, работником отдела абсорбции муниципалитета г. Хадеры Симхой Давыдовым. Это человек, который болеет душой за свой народ, знает прекрасно историю своего горско-еврейского народа, знает от а до я историю нашего еврейского государства, это общественный защитник, который за одну ночь смог доказать невиновность 30-ти человек с г. Демоны, выходцев с Азербайджана с города Кубы и добился их освобождения. С этим человеком я четыре года проработала, вела клуб госких евреев, затем переехала в Ришон ле Цион и никак не могла к чему то прийти. Наконец я нашла

себя, начала работу кавказской общины Ришона, провела несколько мероприятий. Но этого мало, а работать тяжело. Город большой, трудно собирать людей. Но вот, мне опять улыбнулось счастье. Добрые люди подсказали, что в наш город переехала жить самая прекрасная активистка. И я к ней позвонила. В трубке приятный мягкий женский голос. Я решила: вот с ней мне по пути. Интуиция меня не подвела. Три года мы вели телефонную дружбу. Подарок судьбы - мы наконец встретились. Уже провели несколько мероприятий, вместе организовали поездки. Низкий поклон ей от меня лично, пожелания сил здоровья радости за детей, душевного покоя, всех земных цветов и благ. Эту женщину знают все. А, кто не знает, желаю вам познакомиться с ней и вы обретете крылья, как я. А имя этой неустанной эрудированной женщины Фрида Юсуфова, она мой самый близкий дорогой человек, друг и наставник, СПАСИБО вам за все.

Фрида Юсифова, Әлдар Гуршумов нә нәвәј комончә зәриһо Мәлкәј-гәјиш -- Илизарова (Дәдәј һәјилһој Иосиф Ефимов) ә шәһәр Ор-Акива ә вәхт концерт кәширә омори

Якубова Инна

Родилась 3 декабря 1978 года в Днепропетровске (Украина). Закончила музыкальную школу по классу домры и вокала. В 1991 году репатриировалась в Израиль. Училась в религиозной школе. После окончания службы в армии, вышла замуж, муж родом из Баку. Закончила медицинский колледж, работа 4 года в поликлинике, потом решила сменить сферу деятельности, 3 года училась в финансовом колледже и уже 13 лет работаю бухгалтером. Увлекаюсь философией религий, преподавала религиозные предметы. Принимала участие в музыкальных конкурсах, работала редактором и корректором в литературном издательстве. Печаталась в сборниках "Русская лирика в Израиле" 3,4 "Русское слово в Израиле" 13, "Поэт Года" 2014, "Поэт Года" 2015, "Дебют" 2015, "Наследие 2015", "Русь моя". Номинант Премии Поэт года 2014, 2015, Номинант Премии Есенина - Русь Моя, Номинант Премии Наследие 2015 от Российской Федерации.

Бойтесь поэта слова

Бойтесь поэта слова,
Запрещайте мои стихи!
Я со сцены уйти не готова
Пусть меня вы зажали в тиски.

Моя песнь, что так не по нраву,
Идиотам и подлецам,
Разлетится мотивом правды
Открывая глаза слепцам.

Я кричу на разрыв аорты,
Оглушая людскую мреть.
Как же глупости много злобной,
Как же тошно на вас смотреть...

Быть отверженной – моя участь,
Средь невежественной толпы.
Нынче ценятся фальш и глупость,
Не нужна чистота души.

Я пытаюсь сорвать с вас маски,
Но под ними не вижу лиц,
Ужасающие гримасы,
Проживающие во лжи.

Если силы мои иссякнут
И я кану в борьбе со злом.
Моя песня звучать не устанет,
Разлетится по миру добром

Давай утонем в нежности друг друга

Авторский дуэт Виктор Гасюль и
Инесса Якубова

Давай утонем в нежности друг друга,
Воззвав беситься естевство стихий.
Плетётся солнце по дневному кругу,
С весной тая в себе хвалебные стихи.

Давай утонем в нежности друг друга,
Касаясь пальцами историй и времён.
Сквозь шорохи и сквозь земные звуки,
Неся мечты в руках со всех сторон....

Давай утонем в нежности друг друга
Испив до дна, сжигающий, бокал,
Вина пьянящего, дарящего округе
Любовь, несущую сердца в астрал.

Давай утонем в нежности друг друга
Запустим в небо радугу из ласк,
Разгоним, в облаках, души недуги,
Словив, дыханием, огненный экстаз...

Давай утонем в нежности друг друга
Танцуя блюз над пропастью во ржи.
Купаясь в волшебстве, поверив в чудо,
От чувств пьянеть и продолжать любить...

Давай утонем в нежности друг друга
Отдав сердцам, сполна, живую страсть...
Любить любя – совсем не лёгкая наука,
Ведь трудно так огнём не обжигать.

Виктор Гасюль, Инесса Якубова

Стена
Авторский дуэт Инесса Якубова и Виктор Гасюль.

Стоном город продрогший, мне в душу
Боль послал, как пустое письмо.
У стены стою..... Не разрушить!
Время наше внезапно прошло.

Канул в прошлое солод мгновений.
Не разбить тот бетон никогда.
Боль с обидой в душе одной тенью
Убивает любовь навсегда.

Только миг.... и стена.... каждый брошен,
В урну жизни под дряхлый забор.
Город снегом тоски припорошен.
Позабыть бы тот злой разговор.

Ледяняшего ветра порывы,
Прочь уносят с собой мою боль.
Задыхаюсь от собственных мыслей:
Нет! Не верю, что ты не со мной!

Разлетелись цветньм серпантином
Эти чувства. Всё стало стеной.
В небе слышится крик журавлиный.
Навсегда расстаёмся с тобой.

Пустотой вновь наполнены души,
И любви догорела свеча.
Страх и ресность убили в нас лучшее,
Разорвав на кусочки сердца.

У любви закончился срок

Тихий парк, грустный дождь,
Лёгкое шуршание листьев.
Безвозвратно время ушло,
Не исправив линию жизни.

Внутренняя боль сердце жжёт,
Не даёт надежды крупицы.
У любви закончился срок,
Наших чувств разорванны нити..

Лава Я рос

Где-то, на опушке леса,
Стоит одиноко избушка.
Забытая всеми навеки,
Живёт там колдунья – старушка.

Гулял я в лесу, заблудился,
Увидел я старенький домик.
В него постучал, дверь открылась,
Старушку увидев, я вздрогнул.

Глаза её странно сверкали,
Ярким, манящим светом.
Руки сильно дрожали,
В лохмотья была одета.

Простите, я заблудился,
Замёрз и устал я очень.
Дороги в ночи не видно.
Мне нужна ваша помощь.

Зайди, отдохни с дороги,
Не стоит спешить, соколик.....
Давно не бывали гости,
Забыли меня и мой домик.

Меня величать Ярослава,
А как же мне тебя звать то?

Никита - сказал, заикаясь,
Мне стало немного страшно.

Давай посидим, поболтаем,
Ешь, пей, не стесняйся.
Отведай хлеба с вареньем.
Ну что ты стоишь? Угощайся.

Утолил я голод и жажду,
Согрелся под стареньким пледом.
Начала свой рассказ Ярослава,
О жизни своей и бедах.

Мне было тогда 17,
Жила я горя не зная.
В краю, где светло и ясно,
А природа, словно живая.

Там ласточки в небе щебечут,
Вода, как слеза, кристальна,
Деревья в цветах акварели,
Шепчут друг другу тайны.

Там облака в полудрёме,
Плывут, небеса обнимая.
В краю том легко и спокойно.
А воздух тебя исцеляет.

Мы жили одной семьёю,
Нас нарекли староверы.
Мы славились добротою,
И были верны нашей вере.

Крестились двумя перстами,
Свершали крёстные ходы,
Обетали мы в Нарьян – Маре,
Купались в реке Печоре.

Но однажды беда случилась,
Как –то ночью к нам постучали,
Мы услышали выстрелы, крики,
Испугавшись, мы не отворяли
.

В дверь ворвались чужие люди,
Угрожая нам пистолетом,
Забирали кресты и иконы,
Потешаясь над Божьим зветом.

Пала ниц, я рыдая молила,
Чтоб не трогали маму и брата,
А бандиты били, глумились,
Были злы, что у нас не богато.

Мама с братом остались в доме,
А меня чужаки забрали,
Провела с этой бандой годы,
С атаманом мы были женаты.

Из невинной, прекрасной девы,
Превратилась сама я в воровку,
Я забыла Божьи заветы,
Растворяясь в мире порока.

Мужа предал его подельник,
Он погиб, но а я сбежала.
Я мечтала вернуться к близким,
Снились сны о родном Нарьян – Маре.

Но себя и судьбу не обманешь,
Предала я близких и веру,
Я молила о наказании,
И к родным прийти не посмела.

Я решила отречься от мира,
Господь милостив, милосерден!
Бог послал мне особую силу,
Наставлять на путь истинный грешных.

Ярослава слегка улыбнулась,
Цвета ночи глаза блестели,
Я увидел её молодую,
В ореоле небесной неги.

Моя жизнь пронеслась пред глазами,
Я представил себя седого,
В одиночестве и печали,
И со мной никого родного.

Я всегда гонялся за златом,
Забывая друзей и маму,
Всё бегу и спешу куда-то,
Что такое любовь, не знаю.....

Я проснулся, солнце светило,
Пробивая лучами окна,
На столе чай да малина,
Ты вернёшься..... И записка:

Прошли годы, я стал поэтом,
И обрёл спокойствие, Веру.
Я открыл для себя тайны света,
Меня приняли страроверы.

Я нашёл семью Ярославы
И привёл в старенький домик.
Но её там не оказалось
10 лет, как отправилась к звёздам.

Нас встретила девушка Злата,
Ярославы дочка родная.
Она меня сразу признала,
Никита, тебя ждала я!

Злата слегка улыбнулась,
Глаза, цвета ночи блестели.
Сердце в груди забилось,
Мы оба оторопели!

Мы живём у реки Печоры,
Наслаждаясь каждым мгновением,
Злата стала моей женою,
Ярославы благословение.

Пейсахова-Мигирова Галина

Родилась в Махачкале. С 1993-го года живет в ИЗРАИЛЕ, в городе Холон. Ее стихи были опубликованы во всех выпусках альманаха «Возвращение в Сион, в альманах «Мирвори» 4-5

О себе и о своем творчестве пишет: Бытует выражение «сочинять стихи»... А я не сочиняю, я их просто пишу и вижу между этими понятиями разницу. Каждое мое стихотворение – это изложение на бумаге моей мысли, записанная, а не «сочиненная» история. Все мои стихи проходят через моё сознание, память, душу и сердце. Возможно я пишу не на профессиональном уровне, но стараюсь это делать просто и доступно. Многие мои стихи посвящены родителям. Может быть, в силу обычаев и традиций горских евреев у меня особое отношение к ним, к памяти о них. И я рассказываю в своих стихах о самых святых, самых дорогих моему сердцу людях.

Кто же ты, человек.

Знаю, разум сейчас в невысокой цене.
Человек себя любит и холит вдвойне.
Он богат, сыт, доволен, гордится собой.
А ведь все мы не вечны под вечной луной.

И пока ты живешь, не злорадствуй, не лги.
Честь, достоинство, имя своё береги.

Кто же ты, человек.

Знаю, разум сейчас в невысокой цене.
Человек себя любит и холит вдвойне.
Он богат, сыт, доволен, гордится собой.
А ведь все мы не вечны под вечной луной.

И пока ты живешь, не злорадствуй, не лги.
Честь, достоинство, имя своё береги.
Полюби эту жизнь и поверь же ты слову.
Все поступки известны твои только Б-ГУ.

Доброта, милосердье – богатство души.
Воспринять естество этих слов поспеши.
С чистой совестью жить – жить с собою в ладу.
А иначе гореть в самом страшном аду.

Обнаженное лицо

Я иду по свету с обнаженным,
Беззащитным пред людьми лицом.
Будто голым или обожженным
Адским пламенем перед концом.

Где укрыться мне от наглых взглядов.
Зависти, предательства и зла?
Где найти защиту и ограду,
Чтоб душою не сгореть дотла.

Две Родины

Пусть с душою гойскою аида
Вечно мы несли свой тяжкий крест,
Пряча на груди звезду Давида,
Нас теперь надежда манит с мест.

Два отечества, две родины, два края.
Тот, где родилась, уж за спиной.
Горы солнечного детства покидая,
Я лечу в край дальний и родной.

Я- не целая, я- половина.
Мечется душа, не знаю почему.
Не пойму, где дом, а где чужбина.
За мечтой, за призраком лечу.

Здесь навек простилась со страною,
Там- народа моего исток.
И деревья плакали со мною,
И слезинки капали в песок.

О, Кавказ! Из сорока наречий,
Мне дороже всех та сторона

Где в мелодиях еврейской речи,
Горскою еврейкой рождена.

Бросив всё, евреи, словно птицы,
Взмыли в голубую вышину,
Чтобы снова гнёзда вить и вжиться
В новую чудесную страну.

Наши предки с этою мечтою,
Не дождавшись, в мир иной ушли.
Едем мы с надеждою большою
На радушие Святой земли.

Заберу с собой мои лекарства,
Уповаю, всей душой на них:
Личные несметные богатства-
Трёх детей и внуков пятерых.

Грешная, двух чувств скрывать не стану.
Я верна возлюбленным своим:
Пол души оставлю Дагестану.
Пол души везу в Ерусалим!

Парадокс

Когда плыву по морю парадоксов
На море истины волной уносит.

Лишь, душу я открою для добра,
В нее плюют, как в урну для плевка.
В который раз даю себе зарок –
Закрыть, замкнуть ту душу на замок.

Вновь ошибаюсь, снова зарекаюсь
То негодую, то сердечно каюсь.
Но всем душевным ранам вопреки
Спешу помочь, не глядя на плевки.

И в людях ошибиться вновь боюсь.
Хоть к этому я вовсе не стремлюсь.
Не уж то та пословица права:
Добра не делай – не получишь зла.

Ужель душевность, доброта, любовь

Тяжелым камнем обернется вновь?
От всех ошибок кто меня избавит?
Богатого могила лишь исправит.

Король танца

Посвящается народному артисту России и Дагестана лауреату многочисленных премий Иосифу Матаеву. (Худ.рук. ансамбля" Лезгинка").

Виват Король Виват! Виват Король!

Судьбой тебе дана такая роль.
Стихами говорю тебе Виват!
Сей гимн звучит за подлинный талант.
За этот дар, что свыше Б-гом Дан.
За то, что ты прославил Дагестан.
Вставал не раз заворожённый зал,
Полет орла, когда изображал.
За труд, заслуги кропотливых лет
За чудный и чарующий балет.
За танец гор, что ореолом стал
И стоя, мир тебе рукоплескал!
Планету облетая, много стран,
Ты лаврами осыпал Дагестан.
Не раз "Виват, Король"споют тебе,
Как гимн успеха на Святой земле.
Ещё дебютов много впереди,
Удач желаю на твоём пути.
Твой танец силы, грации, огня
Стал эликсиром жизни для тебя.
С тобой всегда счастливый талисман:
Твои друзья и мудрый Дагестан.
Виват, Король, Виват! Виват Король!
Судьбой тебе дана такая роль.

Маме в день рожденья

.....Мой отец был тяжело ранен на фронте. Мама, узнав отом , что отец находится в госпитале в госпитале в Севас-тополе, поехала к нему с грудным ребёнком на руках исделала всё для его спасе-ния. Я родилась после Победы. Но отец жил недолго. В сорок три года мама овдовела. Нас у неё осталось

шестеро. Всех она вырас-тила, выучила, подняла на ноги. Мои родители мечтали увидеть Святую Землю и привили нам, детям, любовь к Израилю Это сти-хотворение было написано маме ещё при её жизни..

Я обязуюсь до скончанья дней,
Любить тебя все крепче и нежней.
Ах, мама, мама, если б я могла
За счёт своих твои продлить года!

Желаю я чудеснейшей из женщин
Здоровья, счастья, радостей земных,
Чтобы жила сто двадцать и не меньше
В кругу детей и правнуков своих!

Не перечислить подвигов святых,
Свершённых той молоденькой горянкой
Я в двух словах лишь расскажу о них.
Я постараюсь быть предельно краткой.

....Год сорок первый. Наши отступают.
О том, что муж твой ранен тяжело,
Известье горькое тебе вручают.
Из Севастополя письмо пришло.

Ты без раздумий собралась в дорогу
С младенцем беззащитным на руках.
Что пережито, лишь, известно Б-гу....
Опасность, холод, голод, вечный страх.

Тебя вели любовь, надежда, жалость.
Преград не признавала на пути.
Ты не судьбе, а чувствам покорялась.
О, только бы живым его найти!

Ты пробивалась сквозь войны заслоны,
Любимый твой в беспамятстве лежал.
К нему, к нему стремились эшелоны,
Морозный ветер губы обжигал.

Ты победила смерть и все преграды.
Свой подвиг совершила ты, любя.
Три новых жизни - три твоих награды.
Благодарим, мы, мамочка, тебя.

А в сорок три, ты овдовела мама.

В наш дом явились горе и печаль.
И много лет под чёрным покрывалом
Ты плакала и пела по ночам.

От той потери нету в мире средства.
Ни что не в силах боль унять твою.
Молитвы, слёзы, песни эти с детства
Навечно в память врезались мою.

Шло время, только боль не уходила.
Скрывая горечь горьких слез своих,
Ты ношу непосильную тащила,
Одна ты нас взрастила шестерых.

Нужду преодолела и ненастье,
Опорой главной в жизни нам была.
Дарила нам покой, тепло и счастье,
С достоинством и мужеством жила.

Я обязуюсь до скончанья дней
Любить тебя всё крепче и нежней.
Ах, мама, мама, если б я могла
За счет своих твои продлить года!...

Кавказская притча

Расставание

МАМЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

А может так случиться, что затмит-
Судьба мой разум, вдруг обрету пороки...
А потому, хотя душа скорбит,
В память о тебе, спешу оставить строки!

Я - ручеёк, а ты река большая.
Ты - дерево, я - твой росток живой.
Тоскую днём и ночью вспоминаю.
Тебя уж нет, а боль моя со мной.

Живу на свете я одной мечтою...
О, как бы это чудо совершить!

Тебя с отцом забрать бы мне с собою.
И на Святой земле захоронить.

Настало время с краем мне проститься.
Уеду я - угодно так судьбе.
Над Каспием кружат тревожно птицы.
И плачут чайки в скорби по тебе.

Спешу к тебе. О камни спотыкаясь,
Среди чужих могил блуждаю я,
Снег с твоего лица смахнуть пытаюсь,
Чтоб заглянуть в любимые глаза.

Сопутствует холодной снежной вязи.
Всех гор и облаков печальный лик.
Железный клин мне в сердце вдруг проник.
Душа усопшая с моей на связи.

О, если б я кудесницей была
И волшебством, как в сказке, овладела,
Тебя с отцом я вмиг перенесла
В ваш рай обетованный без предела.

Когда воспоминанья хлынут в душу
Морским прибоем - стынет в жилах кровь.
И слёзы ностальгические душат:
Уж никогда мне не вернуться вновь!

Я уезжаю. Мы близки, мы рядом -
С тобой прощаюсь, словно навсегда.
И с мраморной плиты печальным взглядом
Мне смотрят в след... Библейские глаза.

ЯШАЕВ ДАНИЛ ХАНАНЯЕВИЧ (04.05.1941) – член Союза писателей и Союза художников Израиля. Родился в поселке Красная Слобода Кубинского района Азербайджанской республики. Окончил в городе Баку Азербайджанское художественное училище имени А.Азимзаде в 1966 год. Поэзией увлекается с юности, пишет на языке горских евреев и на азербайджанском языке. Автор издал сборник стихов «Войгәј дүл». Данил мастер по художественной росписи. В 1980 году репатриировался в Израиль с семьей, живет в городе Тират-Кармель. Пишет стихи и картины, воспевающие родину своего детства, свой исторический народ, красоту природы. Разносторонне талантливый человек – художник с большой буквы, обладающий поэтическим дарованием. Автор 3

ҠӘЛӘРӘМ

Анам ҡетди тез һәјатдан,
Мәнә олду дүнја зиндан.
Ҡүлүш донду додағымда,
Ҡөз јашларым јанағымда.
Ана, дәрдим даға дөнүб,
Бир бағбансыз баға дөнүб.

Вәтәнә ҡет дејирдиниз,
Мәни дәрдә салырдыныз.
Әһдинизә әмәл етдим,
Учуб Вәтән сары ҡетдим.
Дәрдим бир аз сакитләшди,
Фикирләрим сабитләшди.
Амма сиздән узаглашдым,
Мән Вәтәнлә гучаглашдым.

Ана, сиздән ајрыланда,
Гәлби дәрд-гәм, ајрылан да.
Санки дүшдү јерә јарпаг,
Будағындан ајрылараг.
Тәки һәр ил дөнәјдим мән,
Торпағынызы өпәјдим мән.

Чох јорулуб ганатларым,
Үзкүн дүшүб јол атларым.
Һәрдән дөнүб ҡәләрәм мән,
Торпағныза су чиләрәм.
Һичран дәрди јахыр мәни,

Нурдур чәкән пәрванәни.
Һәр нә олса учам кәрәк,
Гәбринизи гучам кәрәк.

Јахын Шәргин чырағы

Јерусәлим!.. Сән мәнимсән, нәфәсимсән,
Мәним нәгмәм, шеиримсән, һәвәсимсән,
Арзуларым, фикирләрим, кечмишимсән,
Сәһәрләрим, тач тәк галхан күнәшимсән.

Бир-бириндән көзәл олан фәсилләрим,
Һараларда билинмәјән нәсилләрим.
Сән һәм ајлы, һәм улдузлу сәмаларым,
Сән тәрәфә учуб кәлән хәјалларым,

Ушаглығым хәјалында чаванлашды,
Аһылыкдә чәмалында чаванлашды.
Оғулларын, һәм гызларын узагларда,
Учуб кәләр бүлбүл гонар будагларда,

Сәнсән мәним чох севдијим күллү чөлләр,
Сәнсән мәним гөнчәләнән гызылкүлләр.
Сән Авраһам, Исһаг, Јагуб торпағысан,
Сән Давидин, Сүлејманын чырағысан.

О чыраг да, Јахын Шәргин чырағыдыр,
Бүтүн Шәргдә јалныз сүлһүн дајағыдыр.
Мин илләрлә көзләдијим Вәтәнимсән,
Дүшмәнләри гован елим, мәскәнимсән.

Әтрафында дүшмәнләрин һәлә чохдур,
Тој-бүсатын әһримәнә ити охдур.
Доғулмусан Јахын Шәргдә күнәш кими,
Кәлиб артыг гоншуларла достлуг дәми.

Сүлһә јетиш, дүзкүн олар тәрәфләрчүн,
Сүлһү данан, үзкүн олар һәр тәрәфчүн.
Јахын Шәрги дөндәрин бир чәмәнзара,
Һәсәд чәксин ким кәләрсә бу дијара.

Гој никаран әјләмәсин мәни Вәтән,
Дүнја варкән, сән дә варсан әзиз мәскән.

Өлəндə дə хəjал кими кəлəчəjəм,
Вəтəнимə хошбəхт күнлəр диләчəjəм.

* * *

Гаранлығы гован дилбəр, көзəл чөһрə сəһəр олур,
Вəтəнимə ишыг сачан гызыл күнəш рəһбəр олур.

Јашыл бағлар, чөл-чəмəнлəр бəзəндириб һəр тəрəфи,
Көзəллиjи көрмək үчүн, севən һəр кəс хəбəр олур.

Күнлəримиз гəм ичиндə, чыхдыг нə хуб азадлыға,
Сəрт кечəлəр ишыг көрүб, өмүрлəри кəдəр олур.

Инсана Вəтəн анадыр, о бизлəрə гол-ганатдыр,
Биз көрмүшүк дəрдли күнлəр, онсуз бал да зəһəр олур.

Вəтəнини сев үрəкдəн, jүксəлт онун һөрмəтини,
Онда елин көрəр һөрмəт, о һəр jердə бил сəр олур.

Вəтəниндир, севир Данил, бу дүнjанын халгларыны,
Һəм достлуғу, сулһ күнлəри, əдаləти диләр олур

Əллəр

Нə бөjүк гүдрəти вармыш əллəрин,
Һəм гурур, һəм сөкүр, агладыр онлар.
Тутур габағыны дəли селлəрин,
Һəм вурур, һəм сəпир, сагалдыр онлар.

Һəр jердə чох бөjүк иш көрүлəндə,
Əллəрə еһтиjач чохалыр һəр вахт.
Əл илə дəрилир күл-чичəклəр дə,
Һəр заман, шəфгəтли əл кəтирир бахт.

Һəр көзəл шеир дə, нəгмə дə инан,
Үрəк мəһсулудур, əлин гүдрəти.
Көнүл дилə кəлир, əллəрдир jазан,
Онлардыр jарадан камил сəнəти.

Гоj һəр мүгавилə jазылан заман,
Сүлһə, əдаləтə бир зəмин олсун.
Чар чəкин һəр jерə, гоj билсин чаһан,
Əл вериб тəрəфлəр ғоj замин олсун

ЈАРАЛЫ (ЈАГУБОВ) АШИР (12.01.1962) Лајиг билә "Ја-ралы " онун тәхәллүсүдүр. Истидадлы шаир 1962-чи илдә Көјчај шәһәриндә анадан олмушдур вә һәмин дә Бакы шәһәринә анләси илә бирликдә көчмүшдүр. Ашир Јаралы Бакы шәһәриндә 56 нөмрәли ахшам мәктәбин битирдикдәнсонра 67 нөмрәли пешә мәктәбинин авто-електрик сәнәти-нә јијәләнмишдир. Шаир Ашир Јаралы 1995-чи илдән Израилдә јашајыр. О илк шејрини 15 јашына гәдәм гојдугу за- манда јазмышдыр. Онун шејрләринин чохү Азәрбајчандан бәһс едир. Шаир доғулдуғу, јашадығы торпағы, халғы һеч вахт унутмур, әксинә һарада јашамағын-дан асылы олмајараг, Одлар Јурдунун әдәби елчиси функсијасыны чанла-башла јеринә јетирир. Гарабағ јарасындан үрәк ағрысы илә сөһбәт ачыр. Шаир Ашир Јаралы һал-һазырда Израилдә фәалијјәт көстәрән Дағ јәһудиләри јазарлар Бирли-јинин үзвүдүр. Көркәмли шаирин јаздығы биринчи – "На-кәм мәһәббәт" китабы 1914-чү илдә ишыг үзү көрмүшдүр. Шаир һал-һазырда сәбрлә тәзә китабыны чыхармаг үчүн һазырлыг ишләрини Аллаһын сәбри илә тамамлајыр.

Шаирлик гәләмин алыб әлинә,
Илһам вер, әј Ашир, даим елнә!
Әлдар Күршүм

Ашир, јүз јаша

Ширван торпағынын чанлы сәрвәти
Шаирчүн дәјәрли сөз сәлтәнәти.
Дәјәрли әмәли чатдырыб баша,
Әллини кечмисән, Ашир, јүз јаша!

Фикирлә, хәјалла ајаглашырсан,
Бөјүкдән, кичикдән сораглашырсан.
Јазын чәләнкини бәхш едиб гыша,
Әллини кечмисән, Ашир, јүз јаша!

Һәјатда һәр анын билдин гәдрини,
Гајадан, һәм дағдан ашдын һәддини.
Һәмдәмли галараг бачы-гардаша,
Әллини кечмисән Ашир, јүз јаша!

Шаһинә нәғмәләр галсын јадикар,
Һәлә јүзүндә дә шеирләр јазар.
Бағлыбәнд олалы торпаға, даша,
Әллини кечмисән, Ашир, јүз јаша!

Мүгәддәс ана

Нечә өвлад бәхш етмисән чаһана,
Дүнјамызда јарадансан, еј ана!
Мөһнәтини ким анлаја, ким гана,
Нијјәтләрин гарышмасын үммана,
Дүнјамызда јарадансан, еј ана!

Ширин балы көздән салан дилиндир,
Ағ башына мин бир дөнән елиндир,
Гәлбим гыран јашлы олан илиндир,
Сәадәтбәнд күн кечирдиб мәрданә,
Дүнјамызда јарадансан, еј ана!

Шән күлүшлә бағбан барын дәрәндир,
Садиг бәндә һалал сүфрә сәрәндир,
Саф чаныны Ашир гурбан верәндир,
Көрпү салыб һәм шөһрәтә, һәм шана,
Дүнјамызда јарадансан, еј ана!

Адамлар

Горхум јохдур нә борандан, нә гардан,
Етибарсыз, һәм инамсыз адамдан.
Чохлу-чохлу сынаглардан чыхмышам,
Инди тәкчә Аллаһымы тутмушам.

Дүнјада јох бу гәлбимин һәмдәми,
Дүз данышан үрәјимин һакими.
Јохдур мәни баша дүшүб анлајан,
Кәдәримә ачы-ачы ағлајан.

Дүнјада вар чох ојунбаз адамлар,
Јалан сөзлә гәлбә һаким оланлар.
Бу типләрин мән олмушам шаһиди,
Јаддан чыхмаз бу адамлар ким иди.

Күман јохдур

Виранә көнлүмү кәл ара бир бах,
Нә тапа биләрсән күссәдән башга?
Һеч севинч көрмәдим күссәдән савај,
Бу өмүр јолунда гочалдым тәнһа.

Ја бүкүн, ја сабаһ көч едәчәјәм,
Мәкәрми дүнјадан әл үзәчәјәм?
Јаланым аздырса, сәһвим аздырса,
Чәннәт гапысындан мән көчәчәјәм.

Үрәјим чох дөздү дәрдә, әзаба,
Ахтарды, тапмады севки һәм вәфа.
Бәлкә һеч дөзмәди галсын сабаһа,
Ашир шеириндә дилләрдә галар.

Дүнја инсанлары

Һәрәнин өз јери вар бу дүнја мәканында,
Јахшыларын, писләрин, һәтта бабатларын да.
Чүрбәчүр адамларын дүнја чәкир јүкүнү,
Сөјлә бәс ким чәкәчәк бу дүнјанын јүкүнү?

Фикирләр мүхтәлифдир, инсанлар да мүхтәлиф,
Адамларын һәр кими, һәр адада мүхтәлиф.
Сөјлә мәнә нејнәсин чаһандакы наданлар,
Дүнјанын дүнја бојда залымлардан јүкү вар.

Сағлар бир јүк дүнјаја, өләнләр дә башга јүк,
Чәкән лазым бунлары, һәр икиси чох бөјүк.
Һисаба алмајанда ән јахшы имканларын,
Ашир удур гәмини бу чүрә инсанларын.

Чәннәтлә чәһәннәм

Мәчбур еjләдин сән ичмәjә дост дејиләп шәхс,
Ичдикчә олурам ичкидән мән сәнинлә мәст.
Канjакла ликору чырпышдырыб нуш етдикчә,
Сонра чохалыр хәстәлијим дәрд кәлир әбәс.

Бир заманлар да сән еjләдин ичмәjә мәчбур,
Ичкидән сонра меј ујудуг, олдуг хумар, нур.
Сонра кетди сәрмәjәм әлдән, һеч демәдин сус,,
Шеjтанлыг етдиз, дүшдүм борча, чох һеjиф әфсус.

Һәр jердә jалан данышыб чох пислик еjләсән,
О бири дүнjада чәһәннәмдә чүрүjәрсән.

Чүнки белədир Танрымызын һөкмү əзəлдən,
Ким ки, пислик еjləjərсə чənnət дə кедир əлдən.

Мənимдир

Еj мəним олан дүнjа, һəр шеj мənимдир, мəним.
Jер мəним, Көj мəним, Күнəш мənимдир, мəним.

Аj мəним, кечə мəним, улдузлар да мənимдир,
Дағ мəним, дəрə мəним, кен дүзлəр дə мənимдир.

Чөл мəним, чəмən мəним, jохушлар да мənимдир,
Көл мəним, булаг мəним, енишлəр дə мənимдир.

Күл мəним, чичək мəним, көj отлар да мənимдир,
Көз мəним, алов мəним, бу одлар да мənимдир.

Күн мəним, өмүр мəним, һəгигəт дə мənимдир,
Ешг мəним, севки мəним, мəһəббəт дə мənимдир.

Гыш мəним, пајыз мəним, гар, jағыш да мənидир,
Jај мəним, бahар мəним, һəр нахыш да мənимдир.

Гыз мəним, оғул мəним, сəадəт дə мənимдир,
Худамыза, əj Ашир, ибадəт дə мənимдир.

Анам

Бу һəjатда мənə дəрди версəн дə,
Күнүмү, өмрүмү зиндан етсəн дə,
Ишыглы аləми зүлмəт көрсəм дə,
Һəр ан дејəчəjəм анамсан jенə,
Нə гədəр мəн варам борчлуjам сənə!

Билирсəн Аллаһа бағлылығымы,
Һəр заман шүкр едиб инандығымы,
Əкəр бир күн алса jашамағымы,
Һəр ан дејəчəjəм анамсан jенə,
Нə гədəр мəн варам борчлуjам сənə!

Чох фəрли һəjаты шəн сүрмəмишəм,
Һəлə бу вахтачан күн көрмəмишəм,

Күнаһсыз гәлбими ган еjләмишәм,
Һәр ан дежәчәjәм анамсан jенә,
Нә гәдәр мән варам борчлуjам сәнә!

Ашир, һәр әзаба дөзмәк кәрәкдир,
Jашамаг хәтринә күлмәк кәрәкдир,
Газанан севинчи бөлмәк кәрәкдир,
Һәр ан дежәчәjәм анамсан jенә,
Нә гәдәр мән варам борчлуjам сәнә!

Талеjим

Бир мәләк көрүшә чағырыб мәни,
Билмирәм кедимми, jохса кетмәjим,
Һәр мәни көрәндә титрәjән әлин
Билмирәм өпүмми, jохса өпмәjим.

Севки дәрjасына баш вуран күндән,
Гәлбим чох дөjүнүр билмирәм нәдән.
Севмәк асан кәлир бир чохларына,
Бәс неjчүн һамы тәк севинмирәм мән?

Мәһәббәт jамандыр, тутулан биләр,
Буну өз өмрүнә тез гатан биләр.
Чохлары өзүнә губар еjләjиб,
Сонра да далынча даш атан биләр.

Мәним дә талеjим белә jазылыб,
Силмәк истәсәм дә силә билмирәм.
Бу бәхтим әзәлдән белә jозулуб,
Күлмәк истәсәм дә күлә билмирәм.

Чох адам гиптә дә етсәләр мәнә,
Сызлаjан үрәjим таб едир jенә.
Анламаз, дүшмәjән чәза һәддинә,
Тәсәлли верән jох Ашир дәрдинә.

Арил — Атам

Тәзә көз ачмысан бу дүнjаjа сән,
Гәдәмин бәхт дөзә, еj көрпә-Атам!
Севинч бәхш еjләдин бил һамыjа сән,,
Кәтирмәсин көзә пај верән адам,
Гәдәмин бәхт дөзә, еj көрпә-Атам!

Көзәл кәлишинә һамы севинди,
Үзләрә, көзләрә тәбәссүм енди.
Елә бил аләм дә һеј тәзәләнди,
Кәтирмәсин көзә паj верән адам,
Гәдәмин бәхт дөзә, еj көрпә-Атам!

Ашир арзулајыр јаша доласан,
Өз Арил адынла шән учаласан,
Вәтәнә, елинә сирдаш оласан,
Кәтирмәсин көзә паj верән адам,
Гәдәмин бәхт дөзә, еj көрпә-Атам!

Чүклә Армел

Мәкирис чүчүнтү, әj чүклә Армел,
Мухуну дәдәjтү лоj-лоjә һәр кил.
Зури кәлә бирә бил данүт һәлбәт,
Һовоjи нә рафди кәширә зәһмәт.

Бәбәjтүш әритү дүлпәсә бирә,
Тү уjог бирәнки уш нәс хисирә.
Әз һәсәл ширинтә бирәнки ховһо,
Ә әшг динчирәвоз хәндүстә ловһо.

Аширә воjисдә әз дүли, хоши,
Ә һәммә һәjилһо түш гәриш боши.
Ә салдати рафда ишколә бәгдә,
Ә гәриш ән чәһмәт сәртикиш боши!

Елдар мүәллим

Шаир Елдар Гуршумова һәср олунуб

Нәғмәләрин дүшүб дилдән-дилләрә,
Јаша, јарат, шад ол, Елдар мүәллим!
Хош авазын илһам верир елләрә,
Һөрмәтбәндли һәм Дајымсан, һәм Әмим,
Јаша, јарат, шад ол, Елдар мүәллим!

Јол јолдашын гәләм олуб, тар олуб,
Инсанлығын абыр олуб, ар олуб,
Шаирлијин кен дүнjада чар олуб,
Шеирбаздыр һәм jаддашым, һәм дилим,
Јаша, јарат, шад ол, Елдар мүәллим!

Пахылбазлар гәм удурлар анбәан,
Садыгбәндләр јеријирләр јанбәјан,
Рәһбәрлијин нурланыр һәр јазандан,
Һамы илә рәфтарын вар мүлајим,
Јаша, јарат, шад ол, Елдар мүәлли.

Сәррфлылар габағында чашыр да,
Худабәндлик Синај дағы ашыр да,
Варлығыны чарә сајыр Ашир да,
Јүз ијирми ил үчүндүр диләјим,
Јаша, јарат, шад ол, Елдар мүәллим!
***
Ашир мүкју әритү хубә шеирһо,
Әкәр дүлтү војисдкә хубә мәһниһо.
Мәчини рузбәруз булә шориһо,
Дијә дур имбоши әз һол пәһниһо.
***
Әј Миша, чатмысан сән алтмыш јаша,
Достлар, танышлар јығылыб башына,
О күн олсун биз кәләк јүз јашына,
Ашир шеир десин һүснү-һалына.

Ej Худо

Әри чәһмәт чуһур доғи бил һәмишә шолум бошку,
Ә дуркунһо, дүздһорәвоз јә Тү танош, әј Худојмә!
Бүтүн һүмүр әз тән үшү дур мунуку зулум вошку,
Мәлһәммәнди Тиро кәрдо ә хәлгәвоз һәр нубрјмә,
Ә дуркунһо, дүздһорәвоз јә Тү танош, әј Худојмә!

Әз астара бәхт чирәкор пој расдирәш соф норәни,
Ә кәләтә бәнд бирәкор Вәтәнмәндлүш коф дорәни,
Сәдигмәндә кор дирәкор ә чәннәтиш офдорәни,
Мәлһәммәнди Тиро кәрдо ә хәлгәвоз һәр нубојмә,
Ә дуркунһо, дүздһорәвоз јә Тү танош, әј Худојмә

Әз Сифирһо пак ворихдә һәсүлмәндә хундәкуниш,
Әз мозолһо шор вомухдә васалмәндә мундәкуниш,
Әз војәһој Ашир рихдә һәсәлмәндә зиндәкуниш,
Мәлһәммәнди Тиро кәрдо ә хәлгәвоз һәр нубојмә,
Ә дуркунһо, дүздһорәвоз јә Тү танош, әј Худојмә!

ЯКУБОВ ШАМИЛЬ (ШИРВАНЛЫ) (01.08.1936 – 2013

член Союза писателей Израиля. Родился в селе Ивановка Исмаиллинского района Азерб. ССР. Его родители в 1926 г. переехали с еврейского села Хафтару в Ивановку, а в 1938 г. поселились в Исмаиллы. Шамиль Якубов врач - стоматолог. В 1999г. репатриировался с семьей в Израиль (г. Бат-Ям). Свои произведения пишет с юности на трех языках. Историк, поэт, прозаик – автор книг "Немного о горских евреях из Ширвана и азербайджанцах", "Прошедшие 80 лет", "Две родины есть у меня",

"Анекдоты, пословицы и разговоры, как анекдоты", и др.

НҮМКҮРДӘЛҮ БИРӘНКИ

Рафдәнбирим ә догһо,
Ә сәринә булогһо,
Кәлә-кәлә вишәһо,
Ә бәхтәвәрә вәхтһо.

Сијимүн сали иму,
Изму пир бирәјм иму,
Тү әдәни куфдирә,
Әрчү кәрәким иму?

Һәчу мәку, тү ә зән,
Ә дүлтү фикир мәзән,
Һәлә корһо амбари,
Һәрүсиш сохим таза!

Оморәјм әзу Вэтән,
Инчикәш пис нист ә зән.
Һәчи чог бирәјм иму,
Һолов нәс бирә ә тән.

Иму һәчи бијо бу,
Корһорә кирим иму,
Хунә бијо вокуним,

Әри нәвәһој иму…

Дијә хәзәл ниҝүрү,
Богһојмурә јә ҝилиш.
Ә дәс гәләм миҝүрү,
Шоһирмәндә Шамилиш!

ИКИ ВӘТӘН

Азәрбајҹан, – биринҹисән.
Израилҹан, – икинҹисән.
Һәр икиниз мәнә Вәтән!
Шәк етмәсин гој һәр етән.

Азәрбајҹан, – ҹаванлыгсан.
Израилҹан, – заманлыгсан.
Һәр икиниз мәнә Вәтән!
Шәк етмәсин гој һәр етән.

Азәрбајҹан, – һәмдәмимсән.
Израилҹан, – мәлһәмимсән.
Һәр икиниз мәнә Вәтән!
Шәк етмәсин гој һәр етән.

Азәрбајҹан, – ад санымсан.
Израилҹан, – ал ганымсан.
Һәр икиниз мәнә Вәтән!
Шәк етмәсин гој һәр етән.

Азәрбајҹан, – јајлагымсан.
Израилҹан, – гајмагымсан.
Һәр икиниз мәнә Вәтән!
Шәк етмәсин гој һәр етән.

Азәрбајҹан, – Ширванымсан.
Израилҹан, – Шамилимсән.
Һәр икиниз мәнә Вәтән!
Шәк етмәсин гој һәр етән.

ЯГДАНОВ ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ (05.09.1936) – член Союза писателей Израиля. Родился в Махачкале (Дагестан). Получил высшее политическое и техническое образование. Более сорока лет работал в Научной лаборатории по организации труда Министерства судостроения. Ветеран труда. В 1998 г. репатриировался с семьей в Израиль (Хайфа). Поэзией увлекается с юности. Был председателем каспийского городского литературного объединения, участником съезда молодых писателей и поэтов Дагестана со своим другом Лазарем Амировым. Печатался в периодических и литературных изданиях Махачкалы, в газетах «Комсомолец Дагестана», Дагестанская, правда», «Ленинградская смена», альманахе «Мирвори» (Израиль) и др. Автор сборника стихов «Любовь и спутники».

ЛИРИКА

Я и ты, да небо голубое.
Мы с тобой в стране влюбленных где,
То, что называется любовью,
Не умеет узнавать людей.

Где совсем не нарушает звуков
Тишину в березовом лесу.
Где, как в полусне, мелькают руки
И любовь творит свою Весну.

***

Ах, какие мы оба разные…
Перепутаны будни и праздники.

Растеряли в дороге ссоры.
Заострились в беседе споры.

Перемелены боли, обиды.
Каждый что-то друг в друге увидел.
И пускай у нас разные вкусы
Мы живем беспокойным пульсом.

Перемешаны боли и радости
Неужели так будет до старости.

***

Хочется, очень хочется,
Сделать любовь искусством.
Чтобы цвело, как рощица
И не старело чувство.

РАВНОПРАВИЕ

С нею мы равны. У нас одни права.
Есть права, да видно мало толку.
Я с трудом могу найти слова,
А она болтает без умолку.

***

Твою ревность изгнать, бессилен я,
Ты цену свою назови.
Легче взять мне Крепость Бастилию,
Чем добиться твоей любви.

***

Ветер с деревьев листья срывает,
Время – с людей года.
Дерево листьями вновь обрастает,
Люди, увы, никогда.

ВСЕЛЕННАЯ

Вселенная, Вселенная,
С загадками Вселенная.

Пока еще целинная,
Но в будущем целебная.

Вселенная просто
Необитаемый остров.

Раз в Космос залетаем мы.
Он станет обитаемым.

ЯКУБОВ АЛЬБЕРТ (БЕН ИЦХАК-ЯКОВ) – родился в 1962 г. в городе Буйнакск. Окончил курс фотокорреспондентов в Башкирии и филологический факультет в Махачкале, учительский колледж в Израиле. Репатриировался с семьей 1993 г. живет в городе Беер-Шева. Член Союза писателей Израиля (иврита язычная секция). Автор литературных критических статей, публикующихся в прессе на иврите. Автор сборников стихов: «Кос афуха», «Шохав каспи», «Михтав ле малях», а сборник «Соль-ми-до», был удостоен литературной премии Союза писателей Израиля. В настоящее время готовится к выпуску пятый сборник стихов «Кцат».

אִשָּׁה הַחֲלוֹמוֹת שֶׁלִּי...

תָּאִים שֶׁל שֶׁלֶג. כַּדּוּר מִינִימָלִיסְטִי, זָעִיר.
פִּסְגַּת חֶרְמוֹן. הַקֹּר מִתְנַחֵמַד עִם הַחֹם. קָרִיר...
דְּרָמָה אֲרֻכָּה. הַרְבֵּה אֲנָשִׁים אוֹהֲבִים לִשְׁנֹא.
חֶרְמוֹן תַּחַת כִּפַּת הַקָּרַח. הַקֵּיץ נִגְמָר.
מִי רוֹצֶה לְצַחֹק עַל זֶה? אַתְּ יוֹדַעַת לְהַגִּיד: "לֹא!"
מִשְׁטָח הַשֶּׁלֶג קָפָא בַּלֵּילוֹת. קְלִיפֹּס. שַׁעַר.
הַכְּרִית מְבַד מְשַׁכְשֵׁף - לֹא כְּמוֹ שֶׁכֹּל דָּבָר.
בְּסַדָּר הַנָּגוּדִים עֲדַיִן אֶפְשָׁר לְקַפֵּא.
לֹא - זֶה לֹא! בְּמוֹלֶדֶת רוּחָנִית אֶפְשָׁר לִמְצֹא
אֶת הַשִּׂמְחָה כְּפָתָק שֶׁהָצְמַד לַחֲלוֹן... שְׁלָגִים,
אָנוּ עוֹלִים לַחֶרְמוֹן. אֲנָשִׁים עֲדַיִן נוֹפְלִים
ל..., כְּשֶׁהֵם מְדַבְּרִים עַל הַמִּשְׁבָּר הָרִאשׁוֹן.
אִשָּׁה הַחֲלוֹמוֹת שֶׁלִּי, נַעֲלֶה לַחֶרְמוֹן.

דִּילְמָה

הַרְגָּשָׁה מְתַנַּסַּחַת. עֲבָדָה מַדְהִימָה
אֲנַחְנוּ נִתְקָלִים בְּאוֹתָהּ דִּילְמָה
מְאַתְגֶּרֶת... כַּמָּה אֶפְשָׁר לְהִתְעַקֵּשׁ?
זֶה כְּמוֹ קֶטַע מֵהַמּוֹפָע שֶׁל הַשָּׁמָשׁ.
אֵין פְּנָּה לֹא מְנֻצַּלֶּת. נַסָּח נִמְחָץ.
צְנָצֶנֶת זְכוּכִית מְלֵאָה צְדָפִים. לְחַץ!
כָּךְ אֶחָד מֵאִתָּנוּ טָעָה בְּגָדוֹל...
יֵשׁ מְסֻמָּךְ אֲנוֹשִׁי - הַשְּׁאֵילָה לֹא קְטַנָּה:
"אֵיךְ זֶה שְׁאָנוּ מְתְחָרְשִׁים מַאֲהֲבָה
בַּשְּׁאֵילָה לָצֵאת מִן הַלֶּחָץ?" אֲתָמוֹל
הַדִּילְמָה פָּרְחָה כַּשְּׁאֵלָה לֹא סְתָמִית
בְּעִדָּן דִּיגִיטָלִי, בִּפְגִישָׁה לֵילִית
בְּחֶדֶר צַר שֶׁל אַהֲבָה הָעֻתֶּרֶת,

שְׁחָזְרָה מֵהֶעָתִיד לָעָבָר בְּשָׁקֵט
לֹא מוּבָן... זֶה בָּרוּר שֶׁתָּמִיד יֵשׁ שְׁאֵילוֹת
הַפְּשׁוּטוֹת שֶׁדּוֹרְשׁוֹת הַרְבֵּה אֲרָגְיוֹת.
זְכוּכִית... מְשָׁחַק מוֹקֵשׁ. אֹשֶׁר שֶׁלְּךָ, שֶׁלִּי.
אֲנַחְנוּ לֹא יְכוֹלִנוּ לְהִתְעַקֵּשׁ בְּלִי.

הָרַע רַע, הָרַע...

שְׁבַמִּטְבָּח בֵּין שְׁנֵי קִירוֹת הַמַּקְבִּילִים וּפָרָטִים מְשֻׁבָּחִים. לֹא פָּגַע
שֶׁיֵּשׁ סוּג הַחַיִּים הַשּׁוֹנֶה כַּפָּרָט, כְּדֵי לְהָצַר וְלַקְצֵר אֶת הָרַע
לִידִיעַת הָאַסְפָנִים שֶׁלֹּא אוֹמְרִים לוֹ תּוֹדָה בַּבִּטּוּי הַשִּׁמְחָה
שֶׁל מַתָּן שְׁהוּת קְצָרָה מְאוֹד... אֶפְשָׁר לְקַצֵּר אֶת הָרַע לְפָתַע
סְבִיב צַוָּארוֹן בָּעַל צָבַע מְקֻבָּל, שֶׁמְּאַתְגֵּר וּמְשַׁדֵּר הַחוּצָה
הַנְּכוֹנוּת לְהַכִּיר בַּחֲדוּשׁ וּבְמִשְׁחָקֵי הָאֲגוֹ שֶׁיֵּשׁ צָבַע
שֶׁל מוֹטִיבִים אֶתְנִיִּים בְּאַהֲבָה לְפָתַע שֶׁרוֹחֲשִׁים מַהַתְּלוּת, בְּמַגָּע
שֶׁל הָרֶגֶל לָרֶגֶל בַּשּׁוּק הָרוֹחֵשׁ. מִי שֶׁאֵינוֹ מֵבִין בַּסְּבִיבוֹת
לֹא רוֹקֵד עַד הַסּוֹף לְצִדָּהּ הַשֵּׁנִי שֶׁל הַבָּמָה הַקְּטָנָה. יֵשׁ חַיִּים
בְּלֵב שְׁפוֹעַם מַהֲאֲנַרְגְיָה שֶׁל הַשִּׁמְשׁ - וְזֶה לֹא כֹּל הַקְּטָע.
לָרַע אֵין הַסְבֵּר אֶחָד. זֶה מָה שְׁצָפוּי וּמָה שֶׁאִי אֶפְשָׁר לְמָנוֹעַ...
מִישֶׁהִי שְׁאָלָה אוֹתִי: "הֵאִם אֲנִי אֲהֻבְתִּי?!" חָשַׁבְתִּי קְצָת בָּאֶמְצַע
הַנְּדִידָה שֶׁהִתְרַחֲשָׁה בְּלֵילָה שׁוֹמֵם. זֹאת שְׁאֵילָה מְזֻקֶּקֶת
כְּסִילוּאֵט, כַּצְּלִילִית הַקַּלְסִית וּמְקֻצָּנֶת... בְּאַהֲבָה יֵשׁ מְרִירוּת.
כֹּל מָה שְׁצָרִיךְ לַעֲשׂוֹת - זֶה לְשַׁחְרֵר אֶת הָרְסָנִים שֶׁל הָרַע... תְּלוּת
מֵאֵיזוֹ מִסְבָּה הָרְחוֹקָה, כַּזּוּג הַתַּחְתּוֹנִים... "אֲנִי עֲדַיִן אוֹהֵב!"
הַקָּרַח בַּכּוֹס - לֹא כּוֹלֵב. וְכָל רַע זֶה נָשָׁף הַנּוֹצִין בְּלִי תְּשׁוּמַת הַלֵּב.
רָעַע, הָרַע...

בַּלָּק. שְׁפָתַיִם שֶׁל אִשָּׁה. הַעֲדָק וְעִמְּס

בְּכָתֵי הַמִּשְׁפָּט. הָעוֹלָם כֻּלּוֹ כְּמוֹ גֶּבֶס.
מָלָךְ שׁוֹכֵב עַל הַמַּלְכָּה וּבְסוֹף הַסֶּרֶט -
רֹאשׁ שֶׁל בַּלָּק עָשׁוּי מִגֶּבֶס... סַךְ הַכֹּל פָּסָל,
כְּשֶׁגָּעוֹן שֶׁלֹּא כָּבַשׁ אֶת הַגּוּף וּמְסַמֵּל:
"הַגּוּף מַצְרִיךְ אוֹתָנוּ. אָנוּ אִשְׁפָּה שֶׁל הָעַת."
סְבִיב הַפָּסָל אֶת הַצְּפוֹרִים. לְטוּף שֶׁל צִפּוֹר -
הַכְנָסוֹת קֹדֶשׁ. שְׁפָתַיִם. קוֹמָדְיָה הָאֱנוֹשִׁית.
מָלָךְ, מַלְכָּה, בַּלָּק, אַהֲבָה. דּוֹר... וְעוֹד הַדּוֹר
בְּלִי שׁוּם עֶלְבּוֹן חַיָּב לִהְיוֹת נִטְרָף... בְּרֵאשִׁית
הָיָה הוּמוֹר שְׁחֹר שֶׁל הַדְּכָאוֹן מְכַסֶּה
שִׁכְבָה דַּקָּה שֶׁל קֶרַח. הַגּוּף תָּמִיד מְחַקֶּה.
עַל הַגֶּבֶס חֲרָקִים קְטַנִּים. בַּעֲלֵי חַיִּים יְכוֹלִים לִשְׂרֹד לְלֹא סְפָרִים.
יְכוֹלִים! גּוּף מַצְרִיךְ. תְּפִישָׁה פָּגָנִית שֶׁל אֲגוֹ יָשָׁן. בַּלָּק. שְׁפָתַיִם

ЯДИДЯЕВ ГАВРИЛ (02.01.1947) – член Союза писателей Израиля. Родился в поселке Красная Слобода Кубинского района Азербайджанской республики. Поэт и художник по призванию. В 1999 году репатриировался в Израиль с семьей. Живет в городе Ор-Акива. Поэзией и рисованием увлекается с юности. Свои произведения печатает в разной периодической печати Азербайджана, Израиля и на интернет сайтах выходцев с Кавказа. Издал сборник стихов «Газелһо, широһо, мәһҗәһо» («Газели стихи и песни») на горско-еврейском и на азербайджанском языке.

ДӘВРОНҺО КИРОШД

Әз һ̣үмүр зу омо, дәвронһо кирошд,
Һашмидај е туфон, хәјолһо кирошд.
Васалһо гәд бисдо, у салһо кирошд,
Әз синәјмә догһо, думонһо кирошд.

Әз тү диләк хостүм, әј залум фәләк,
Дори тү һ̣әзобһо сохди тү кәләк.
Фәгирһо зүлм кәши, нә сохди кумәк,
Икидһо хок бисдо, нәсилһо кирошд.

Бәһ̣зибо гәмлүни, бәһ̣зибо ширин.
Омокәш һохомһо, һисди тү чәтин.
Әри ки аташи, әри ки сәрин,
Хәлг дәрдсүз нәбисдо, зулумһо кирошд.

Сәһәрсүз нәбисдо, һ̣үмүр сәнгимә,
Фикирсүз нәбисдо, у гәм догимә.
Хәзолсүз нәбисдо, у күл богимә,
Күзәлһо пир бисдо, у чунһо кирошд.

Мә Гәврил, Гүбәји, һисдүм киләји,
Әз дустһо тонишһо дур мундәм хәјли.
Синә доглү догһо һисди күнәјли,
Әз һ̣үмүр зу омо, корвонһо кирошд.

ГҮБӘЈМӘРӘ

Ә һ̣илом яравуш дори һәммәрә,
Һисди рачи һәмишә и Гүбәјмурә.
Наз сохдә һ̣әдәти чәјронһојмурә,

Нисди тој бәлкәмиш и Гүбәјмурә.

Һүндүри у Шоһдог, вәрфһо вәбирә,
Ә чүшмәјә булогһо маралһо бирә.
Ә ћәвәс овурдә дүлһој әшгирә,
Һисд богһо томошә и Гүбәјмурә.

Духдәрһо күл чирә васал бирәнкә,
Гушһо чәһ-чәһ зәрә сәбәћ бирәнкә,
Күзәлһо бәћс бәрдә товуш бирәнкә,
Һисди рачә маралһо и Гүбәјмәрә.

Ә васал богһојму күл очмиш бирә,
Дүлһо шор, арзуһо гәјнәмиш бирә,
Ћәрсиһо, шориһо һәј охмиш бирә,
Нисди тој ә ћилом и Гүбәјмурә.

Күлһо, бәнәвшәһо томошә бирә,
Никәрәј Гуџолиш шәх-шәхә бирә,
Сәјир сохдә Кәврилиш амбар хуш бирә,
Һисди боги күлүстон и Гүбәјмурә.

БАЈАТИһО

Ћәзизимә, сурлу дүнјоһ,
Сур нәс дорә сурлу дүнјоһ,
Инсонһорә тү бәнд сохдәј,
Бииһтиборә сурлу дүнјоһ.

Ћәзизимә, богһо рачи,
Бәнәвшә, күлһо рачи,
Ћилом һисдкәш дәрјоһ гәми,
Дәрдсүз ћилом дијәш рачи.

Ћәзизимә, саз мизәнү,
Чәнд һовоһо саз мизәнү,
Һәр оморәкор әзи ћилом
Јә руз мурав саз мизәнү.

Ћәзизимә, тү ә догһо,
Думонлүни тү ә догһо,
Губор кәширә чумһојмә,
Дәрд вәнкәсдә тү ә догһо.

Алексей Якубов (1929-2007) – поэт и человек

В 1999 году в Тель-Авиве не без труда мне удалось собрать горско-еврейских литераторов на учредительное собрание Союза писателей. Однако сама встреча была радостной и интересной – мне пожимали руку давно знакомые авторы, вовсе не знакомые и знакомые едва. К числу едва знакомых относился Алексей Якубов. Я как-то видел его в Беэр-Шеве на одном из ежегодных концертов горско-еврейской культуры, которые очень ответственно организовывал Ханух Якубов – председатель городской общины. Я регулярно приезжал на них в качестве руководителя отдела по работе с кавказской общиной, поскольку наше министерство (Министерство абсорбции) спонсировало такие мероприятия в разных городах страны.

Мне понравилось тогда, как неизвестный мне автор говорил со сцены и читал стихи. И речь его, и стихи были ясными и четкими. Заметно было, что у человека есть свое, не зашоренное видение мира, гражданская позиция и поэтическое мышление. Манера его поведения вызывала уважение и симпатию.

На учредительном собрании его предложения были точными и бескомпромиссными. Я помню, как он тогда сказал, что до сей поры не был знаком с Борисом Ханукаевым, но хорошо знал по Махачкале Романа Бадалова, и ему следовало бы выдвинуть сегодня на пост председателя знакомого автора. Однако инициатива по созданию Союза писателей была проявлена Ханукаевым, и он не считает нужным голосовать против инициатора после того, как другие назвали его хорошим поэтом.

После этого события мы встречались на заседаниях союза, и в одном из перерывов я рассказал Алексею о первом моем впечатлении о нем еще с беэр-шевского концерта. Мы подружились. Алексей часто звонил мне, а однажды сообщил о своем приезде в Ор-Акиву, и мы встретились. Оказалось, что дочь Алексея от первого брака жила в том же городе, что и я. Побыв немного у нее, мы пришли ко мне домой, и за столом Алексей рассказал о том, что был оклеветан и обвинен в хищениях, которых не совершал. Много лет провел в тюрьме, но не утратил силы духа и с удовольствием репатриировался в Израиль. Он отметил, что имел возможность поехать в США и Канаду, но предпочел жить в Стране обетованной, где надлежит жить и здравствовать его народу.

Затем в жизни Алексея начался быстрый спад. Болезни, вошедшие в него за годы заключения, начинали сжимать тело в тиски, и Алексею становилось всё хуже и хуже. Но он по-прежнему не сдавался и со свойственной ему интонацией бравого парня честил болезни и читал иронические миниатюры.

Однажды Алексей в телефонной беседе заметил, что некоторые люди действуют за моей спиной с целью навредить, но тут уже я сам отшутился.

Через определенное время всё стало явью – определились имена и их затеи. Но это тема отдельного разговора.

А с Алексеем, несмотря на болезни, мы продолжали выступать на творческих вечерах, а после них находили время для застолья и задушевных бесед. Очень жаль, что жизнь не щадила этого прекрасного человека и поэта и очень рано – 15 декабря 2007 года – смерть сомкнула над ним свои объятия.

Родился Алексей Якубов 21 мая 1929 года в Хасавюрте. Имел высшее образование – был инженером-экономистом. Относился к себе строго и поэтому выпустил всего три поэтических сборника: «Отчизны неделимы небеса», «Крик души», «И смех, и грех».

Вот несколько стихов Алексея Якубова, в которых сконцентрировались характерные для него четкость позиции, бескомпромиссность и всегда присутствовавшая рядышком ироничность:

Материал подготовил Юорис Ханукаев.

***

От тусовок шумных я устал.
Промотал в них молодость когда-то.
Избегать теперь людей я стал,
Будто люди в этом виноваты.

***

Я был добрее и честнее тех,
Которые меня судили строго.
Но если слабость к женщинам не грех,
То, значит, рай мне уготован Богом.

***

Мы говорим, что нас не любят гои,
И проклинаем антисемитизм.
Я думаю, страшнее здесь другое:
Когда еврей еврею травит жизнь.

СЫН

Философия родословной

Я на своей планете не у дел.
Мне слышится порой полет орлиный
Сыновья зоркость, меткость и прицел,
И в очаге огонь неугасимый

Живет повсюду рук моих тепло,
Принесших теплый пряный запах сена
И молодость стучит опять в стекло,
Сдвигая одиночество вселенной.

Сынок, я с жизнью был накоротке,

Я знал ее и в будни, и за жатвой.
Как крепость тайны в каждом колоске,
Так в кулаке открытие зажато.

Хотелось мне, чтоб мир царил в семье,
Чтоб радость в дом вошла с рожденьем внука
И чтоб внучок мой ерзал на скамье,
Ища поддержку дедушки, как друга.

Знаю, сынок, любовь сильней тоски
Отцовства радостей она превыше,
Но, опадая, тлеют лепестки
И ты меня, как водится, не слышишь.

Да, луч надежды в сердце зрел твоем.
Любовь выводит из житейских тягот.
Испито одиночество вдвоем,
И всходит горечь недозрелых ягод.

Упал мой сын на ржавчину дорог,
И трепетала в нем волна речная
Да, яд речей возлюбленной помог,
И вышвырнула ночь его сквозная.

Мне дождь принес гуденье тучных ссор,
И хамства тень в прохладе хмурых ставень
Разлад семейный, деньги, вечный спор,
Непониманье, что меж вами стало.

Звал дом тебя, отец и мать звала,
Звало тепло своим приятным глазом.
Занозой гнойной жизнь разорвала
И торопил тебя тревожный разум.

Вступил ты на семейную стезю,
Ее, измерив твердыми шагами,
Но зло не высечет из глаз слезу,
И ложь сотрет своими каблуками.

Ладонью солнце заслонить нельзя.
Фундамент на обмане не построить.
Поверь мне и живи не тормозя.
Решил так, сохранять семью не стоит.

Порой, сынок, мне хочется суметь

В такие дни, которых вспомнить нечем
Душой своей немножечко прозреть
И воплощаться, ожиданьем встречи.

Ты – наслажденье скользкое отца,
Шальной побег в неистовом полете.
Как колесо фортуны без конца
Игра сомнений бродит по планете.

...Скажи, к чему комедию ломать?
Вглядись родной, чтоб впредь не обознаться
Играя в прямоту, зачем роптать?
Ведь каждый жест – кривляние паяца.

Как мне, сынок, хотелось не стареть
И колесить за радостью по следу,
Прожитые невзгоды запереть,
Чтоб родниками растекались беды.

Ә мәчлис чуһурһој доги кәширә омори.

МЕЗЕНЦОВА ЛЮБОВЬ (ЯГДАНОВА) (21.01.1967) – член Союза писателей Израиля. Люба мама пятерых прекрасных детей, которыми очень гордится. В ее стихах выражается восхищение красотой природы, рассуждения о смысле нашей жизни и, конечно же, о любви к ближнему. Была вожатой, затем восемь лет проработала в детском саду воспитателем. С мужем жили на Кубани в Краснодарском крае, там работала художником в школе. Репатриировалась с семьей в Израиль 1998 г. (Хайфа). Стихи и прозу начала писать совсем недавно. Публиковалась в Хайфском сборнике стихов «Русская лирика в Израиле», «Радар», в альманахе "Мирвори".

НАШ ХУДОЖНИК

У меня растет сыночек,
Рисовать он любит очень.
Стены все нам расписал,
Стулья все разрисовал.

И еще, Артурчик любит,
У сестры наклейки брать.
И наклевать повсюду,
Нам за ним не поспевать.

Так идет борьба с порядком,
Дружно все берем мы тряпки.
Чтобы стены отодрать,
От наклеек отчищать.

А проходит день, другой,
Наш художник снова в бой.
Стены так же расписал,
И наклейки разбросал.

Не легко в борьбе с порядком,
С ним бороться в этой схватке.
Он, конечно, подрастет,
Сам тогда он все поймет.

Пусть рисует наш художник,
Может, вырастит большим.
Нарисует на мольберте,

Самых лучших нам картин.

ЛЮБИМОЙ ДОЧЕРИ

Красивее тебя, конечно, нет на свете,
Наверно, так все мамы говорят.
Но как же не любить мне глазки эти,
Голубизны такой, что не объять.
Откуда ты такая появилась,
Совсем ты не похожа на меня.
И ревностью готова я убиться,
Когда ты милая, целуешь не меня.
Скажи, как уберечь тебя - родная,
От злости, низости и лжи,
Как уберечь тебя, мое создание,
От первых слез несбывшейся мечты.
Ты ангел мой, я Богом твоим буду,
Ты растопить сумеешь снег.
Я так прошу тебя, всевышний,
Убереги ее от страшных бед.

Я НЕ ЛЮБЛЮ

Я не люблю, когда ты плачешь,
Твоих слезинок жемчуга,
Мне хочется собрать руками,
Прогнать беду, раздвинуть облака.

Я не люблю, когда ты так упряма,
И, хмуря бровки, смотришь на меня.
Ты все поймешь, когда большая будешь.
Так не упрямься, милая моя.

Я не люблю, когда тебя ревную,
И понимаю, что в судьбе твоей
Возможно будут люди дорогие,
Но кто, быть может, матери милей!

Я не люблю, когда в обнимку с папой,
Ты можешь проваляться целый день.
Пойми меня, ребенок мамин
Я не хочу делить тебя ни с кем!

Әмил Јагубов (1922-1942) Ә Азәрбајчон ә рајон ән Гүбә hисдиһо "Гиримизи Гәсәбә" әз дәдәј бири .Әз ћәјилирәвоз ә дорунә әгүәловоз ва һәзүрчовобирәвоз бүтүн шинохдәкорһорә һәјрон hишди. Ә пәнчәј дәс хүшдә гәләм вәкүрдә вәһдә ари хубә шеjрһо нүвүсдә ћәзүр бираи хүшдәрә әз дүличуни варасири.

Ә 23 сентјабр 19 сала бирәнки ә гозит "Гызыл Шәфәг" ә јә хубә мәгаләрәвоз нүвүсдәји киро, әбүтүн Гүбә хүшдәрә шинохунд.

Ә 1940-мүн сал ә Гүбә 800 сали Низами Кәнчәви киро кәлә мәчлүс кировундут. Ә и мәчлис халг шо hири Сәмәд Вургун әдкнбу иштирак сохдә.

Әмил Јагубов ә инчо нүвүсдиһо "Низами" шеjрирә хундә бәгдә хүшдәни Сәмәд Вургун ә шоһир Әмил Јагубов һәјрон нә мәһ- тәл мундәбу. Әзи товнә Әмилә јә таза костјум висло ва һәдијә до.

Китоб шоһир – "Вәтән севкиси" ә 70 салиjу киро ә 1992 –мүн сал руј үшүтә дири.

Шоһирә 19 сала бирәнки ә салдати һороj зәрәт. Ә довһо сәр күрдәнки әз јәкүмүн рузһо, гәһрәмонә хуно ә бәдә дүшмәнһорәвоз ә чәнк дарафди. Јә кәм бәгдә дијә әз шоһир когоз нә омори. У, јә икидә хуно чүн хүшдәрә ә рәһ Вәтән гурбу до. Әзини одлуја-шонлуја човонә дананмәндә Шоһир - Кук Чүһур Доги, арзүһоjу ә чикә нә оморә һүмүр хүшдәрә томом сохд. Әз шоһир 57 сәһифәлүк 33 шеjрһоjу әри халг иму һәмишәлүгә jодикор мундәнини. У, ә әдәбијәт вә мәдәнијәт ән милләт һәмишә ә јорәвурд нәсилнәсил мундәнини. Рүһү шор кәрдо!!!

Низами

Еj бөjүк Низами, еj бөjүк шаир,
О ганлы заманын шаһидисән, сән.
Елләрин көмәjи пәнаһы шаһыр.
Јахшынын, јаманын шаһидисән, сән,
О ганлы заманын шаһидисән, сән.

Гудуз вәзирләрә, шаһлара гаршы,
Өлмәз, сөзләринлә үсjан јаратдын.
Ахды, дајанмады халгын көз јашы,
Сән дә чох агладын, дәрд-гәмә батдын,
Өлмәз, сөзләринлә үсjан јаратдын.

Ше'ри сәнәти анламајан шаһ,
Сән кими шаирә гиjмәт вермәди.
Сәндәки гүдрәти анламајан шаһ,
Дилини унудуб «фарсча јаз» - деди,
Сән кими шаһирә гиjмәт вермәди.

Ej шаир, шаһлара сән әјилмәдин,
Сөјләдин үсјанкар, ити сөзүнү.
Горхмадын һеч кәсдән, горху билмәдин.
Вүгарлы дағ кими тутуб өзүнү,
Сөјләдин үсјанкар, ити сөзүнү.

Ганичән шаһларын дөвраны кечмиш,
Инди Вәтәнимиз шаддыр, Низами,
Лејлиләр, Мәчнунлар тамам дәјишмиш.
Халгыма гәм-гүссә јаддыр, Низами,
Инди Вәтәнимиз шаддыр, Низами.

Азаддыр халгымыз, азаддыр Вәтән,
Јашамаг көзәлдир, ширидир инди.
Низами, көјләрдә пола дат чапан,
Һәсрәтин чәкдијин Ширидир индии,
Јашамаг көзәлдир, ширидир индии.

Фәрһад сәрһәддәдир, кешикдә дурмуш,
Горхмур дүшмәнләрдән о кәнч гәһраман.
Сәрһәди позанын алныдан вурмуш,
Хадгын әзиз оғлу, икид пәһләван,
Горхмур дүшмәнләрдән о кәнч гәһрәман.

Сәнин ана јурдун Азәрбајчанын,
Күл ачан, сајрышан баға дөнүбдүр.
Артыг зүлмү јохдур, бәјин вә ханын.
Бу үлкә јенилмәз даға дөнүбдүр,
Күл ачан, сајрышан баға дөнүбдүр.

Сәнинлә фәхр едир бәхтијар елин,
Бөјүк һүрмәтин вар елләр ичиндә.
Вүгарлы дағ кими дурмуш һејкәлин,
Чичәкли, бүлбүллү чөлләр ичиндә,
Бөјүк һүрмәтин вар елләр ичиндә.

Ej сәнәт бағынын бөјүк бағбаны,
«Хәмсә»н бир күнәшдир әдәбијјата.
Танытдын дүнјаја Азәрбајчаны:
Бизим ше'ријәтә сән олдун ата,
«Хәмсә»н бир күнәшдир әдәбијјата.

Бүтүн милләтләрин гәлбиндә варсан,
Халгын унутмамыш, унутмаз сәни.

Шаир, нә хошбәхтсән, нә бәхтиjарсан,
Ки һәр вахт хатырлар бу Гафгаз сәни,
Халгын унутмамыш, унутмаз сәни.

Губа. 1940-чы ил

Бajатылар

Әзизинәм, вар ол сән,
Бағымызда вар ол сән.
Инчитмә кәл оғланы,
Она назлы jар ол сән.

Әзизинәм, күл шәндир,
Бүлбүл шәндир, күл шәндир.
Азәрбajчан өлкәси
Лаләзардыр, күлшәндир.

Әзизинәм, алчалар,
Чичәк ачар алчалар.
Достлүгумуз позулса,
Дүшмән күләр әл чалар.

Әзизинәм, ај көзәл,
Күнәш көзәл, ај көзәл!
Горхаг өлсә, дәрд дејил,
Гәһраманлар вар олсун!

Дүшмән jолу дар олсун,
Хаинләрә ар олсун,
Горхаг блсә, дәрд дејил,
Гәһраманлар вар олсун!

Араз үстә бузам мән,
Баһарам мән, jазам мән.
Ej мәни севән оглан,
Кәл, сән севән гызам мән.

Сабир үчүн

Вәфатын 25 иллиjи мүнасибәтилә

Jорулмаз билмәjирдин,
Ил узуну jазырдын.
Нә көрүрдүн дүнjада
Сән дүзүнү jазырдын.
Арajыб ахтарырдын

Өртүлү мәтләбләри,
Халга доғру сөјләјир,
Халга догру јазырдын.

Нифрәт едирдин һәр вахт
Надана, ганмазлара,
Ели зәлитәк соруб,
Елдән утанмазлара.
Јурдунда һагсызлығы,
Фәлакәти көрүнчә
Сәни шаһир илһамын
Онда чәкәрди дара.

Јаратдығын инчиләр
Гәлбиндәдир елләрин,
Ад күнүнү унутмур,
Бајрам едир олләрин.
Шаирләр јарышанда,
Шаирләр сынағында
Сәни ал бајраг едиб
Өндә кедир елләрин.

Гәм олубдур сирдашын,
Илләр боју гәм, шаир.
Һәр мисранда сәсләнир
Дејирәм бу гәм, шаир.
Нәғмәләрин әбәди
Јол јолдашым олубдур,
Кәрәк сәни динләјәм,
Сәнинлә динәм, шаир.

Галачаг бу дүнјада,
Даим галачаг адын.
Исанларла бирликдә
Зәфәр чалачаг адын.
Сән бәшәр тарихиндә
Ән надир истедадсан.
Дүнја илә бәрабәр
Јаша долачаг адын!

1936-чы ил, Губа.

Мошиашвили Михаил

(25. 05.1951) – родился в городе Кутаиси (Грузия) претендент в члены Союза писателей, поэт - песенник, музыкант, журналист, талантливый художник, скульптор, резчик по дереву. Творчеством занимается с юности.

Работал спортивным корреспондентом в газете «Кутаиси» и «правда». Был собственным корреспондентом футбольной команды – «Торпеда Кутаиси».

В 1992 году с семьей репатриировался в Израиль. Живет в городе Хулон. Имеет троих детей и внуков.

***

Хозяином был – с землёю тесно я дружил.
Она кормилицей была, благоухала и цвела.
Не сладко было. Но жизнь сложна и тяжела.
Вокруг была одна тоска.

Хотелось просто мне пожить
Живот набить, добра нажить.
И в шкуре богача побыть,
Мечтая, долго засыпал,
Вдруг в двери кто-то постучал,
Он земли у людей скупал.
Взамен гроши всем предлагал.
Я дом и землю потерял.
И все по городу страдал.
Не попрощавшись, убежал.
От места к месту кочевал.
И пьяный в парках ночевал,
Друзей деньгами баловал.
Гашиш курил и выпивал,
Закуской вкусной смаковал.
Да, в общем, жил и не тужил,
Народ любил и возносил,
Пока деньгами я сорил.

И вдруг пришла пора.
Когда в кармане ни гроша,
А пить так хочется. Жара.
Мечтою стала мне вода
Простая со стола еда.

Закрыл глаза и задремал,
Вдруг в мыслях кто-то мне сказал:
«Очнись»! Плечо рукою потрепал,
Стаканчик полный мне подал,
И выпить залпом приказал.
До дна его я осушил,
И полушёпотом спросил:
Да кто же ты? Сидишь со мной,
Чубатый, грязный, озорной,
Ушедший целиком в запой.
Не уж то я с тобой дружил?
С таким как ты гулял и пил?
О нет, о нет, да не грусти,
Ещё стаканчик пропусти.
От водки ты давно сгорел,
И песню ты свою допел.
А кто же я? Я – это ты. Ты – это я!
Душа твоя, судьба твоя
Смешная и печальная.

***

Давать советы не люблю,
И слушать всякую муру.
Я ненавижу клевету,
И недостойную игру.
В грязи купаться не могу,
С деньгами тоже не в ладу.
И спотыкаться не хочу.
И не хочу, и не люблю
быть на краю, держусь, стою.
Своих позиций не сдаю,
И честь мужскую сохраню.
Умом и словом все пробью,

Талантом чудо сотворю.
И много жизней проживу…

***

О беспокойная душа моя,
Как мечешься ты, в суматохе зря,
Покой душевный мне не по душе,
И сказки слушать тоже не по мне,
Но наша жизнь вся суета сует,
Толкает нас на нежеланный грех.

НЕМНОЖЕЧКО О НАС – "НАРОД БАНКРОТ"

Любил страну и обожал,
Пока кредиты получал.
Машиной новой блатовал,
С утра до вечера пахал.
Едой тележки загружал,
И все подряд он покупал.
А в это время банк не спал,
В лицо клиентов оскорблял,
Коровой дойной называл:
Машканты*, ссуды раздавал.
Народ квартиры покупал,
И молча, банку угождал.
Имея визу исракарт*, он не скучал,
Все потреблял и понтовал.
Долгов больших не замечал.
Однажды банк вдруг объявил,
Что все кредиты он закрыл.
Народ тогда глаза открыл,
Ни денег нет и нет уж сил.
Остались лишь одни понты.
Счета пусты,
Народ банкрот,
Долги, долги….

машканта – ипотека
исракарт - банковская карточка

РЕКА

Не оборачиваясь, иду вперед.
А впереди меня зовет
Тернистый путь, не обогнуть.
Вот первый вдруг колючий куст,
Мне колит ногу как укус.
А что с рекой!? Придется плыть.
Хотел я вброд, нога болит –
Неугомонная она,
Как разъяренная толпа,
Шумит, орет на части рвет.
Дышать и жить мне не дает.
Преодолев столь страшный путь,
Решил присесть и отдохнуть.
Попив водицы с родника,
Подумал я, сильна река.

ЛЕС

Тебя он манит красотой
Живой зеленой чистотой.
Тропинкой уходящей вглубь,
И пеньем птиц, пленяющим слух.
Палитрой жизни и тоски,
Проснувшись музой той любви,
В которой много красоты,
И чистоты, и глубины,
А также жизни и тоски.

ХУДОЖНИК

Зашел я друга навестить,
Хотелось с ним поговорить.
Чайку попить,
Проблемы жизни обсудить.
Рукой тихонько дверь открыл,
Мой взгляд застыл.

Решил ему я не мешать,
За ним с порога наблюдать.
Внутри той комнаты – мирок,
Сидит пророк,
Наносит кисточкой мазок,
Картину жизни создает.
Встает. Он ходит взад-вперед.
Свободу мыслям он дает.
Душа поет, то есть полет.
Подходит снова он к холсту,
Не замечая красоту.
И видя лишь одну муру.
«К чертям», – подумал – «Все сотру».
И все же продолжал смотреть,
На незаконченный сюжет.
«Но где - же цвет? И жизни нет.
Картина мрачная вокруг,
Испуг, и одолел недуг
Искал ответ. Решенья нет».
Недолго так он простоял
Сомнений тучи разогнал,
И охру с желтой размешал,
Индийской красной тон задал.
И суетливою рукой пустился в бой.
Он не дышал.
Своим полетом управлял.
В его глазах огонь сверкал.
Он каждый мускул напрягал.
Палитру красок восхвалял.
И кистью мастерски махал.
Вдруг взбунтовал....
Затем себя он вдохновлял,
И пеньем громким подбодрял,
Цвета живые создавал.
Присел. И снова помрачнел.
Весь побелел. Усталым взглядом
Посмотрел на свой удел.
Немало в жизни он терпел,
Но где предел? Рука не та.
Но все, же мыслит голова.

Закрыл глаза.
Густые брови опустил,
И кисти на пол уронил.
Он задремал.
В той дреме с кем-то воевал.
Верхом на лошади скакал.
В таверне шумной танцевал.
Под звуки банджо и гитар
Вдруг незаметно исчезал.
Мгновенно время он пронзал.
В цыганском таборе бывал.
И видел, как один цыган
Вокруг костра детей собрал.
Народ плясал и ликовал.
А он все продолжал летать.
И землю сверху созерцать.
Как по пустыне Моисей
Ведет измотанных людей.
Бредет беспомощно толпа,
Лишь Богу преданна она.
Затем он видит с далека.
Несут распятого Христа.
Вдруг капнула моя слеза,
Но жизнь не та,
Вокруг одна лишь суета.
А я стоял в дверях, и ждал,
Когда наступит сна финал.
Хотел мой друг глаза открыть,
Но, я решил не заходить.
Не стал тогда его будить,
Был сам не свой...
Дорогой длинной мостовой
пошел домой...

***

Да, ночь темна, слегка дурна,
И всякой всячиной полна,
Любви и ласки лишена,

Лишь только лунная тропа
Светла, мудра и так длинна,
Что к небу тянется она.
Мелькнула тень вдруг у окна,
Дорогой той озарена,
Поднявшись, он туда идет.
Но путь далек и в нем намек.
Луна полна и холодна,
И стала спутником она,
Где мир теней во мгле ночей.

***

Казалось, что-то он сказал,
Невнятно слово прошептал и замолчал.
Он наблюдал и понимал, что мир так пал.
То взглядом мудрым провожал весь этот свал.
Хотел привстать, дорогу жизни показать.
Никто ни дал ему сказать и доказать,
В чем был он прав.

Народ шумел, читал и пел,
Друг друга слушать не хотел.
И каждый громко говорил,
Себя хвалил и возносил.
Был сильный гул, То был разгул.
Один в загул, другой изгой
Ушел в запой, хоть волком вой.

А тот, который наблюдал,
Набравшись сил, со стула встал,
И громким голосом сказал:
«К чему весь этот ваш концерт
Стихи читать и песни петь.
Хотите в жизни преуспеть?
Сначала молитесь богам,
Затем вы служите чертям!»

ЦУНАМИ

И вот она - волна, бежим.
Бежим скорей, не устоим,
А сзади нас бежит толпа.
Толпа глуха, толпа слепа,
Она гонимая волной,
Живя, надеждою одной, кричит.
А мы стремглав бежим,
Еще немного мы спешим,
Но позади, молчит толпа.
Толпа глуха, толпа нема,
Она размытою волной,
Ушла от нас как сон дурной.

***

Один стремится создавать,
Другому хочется ломать и разрушать.
Любитель он большой приврать,
Горит желаньем куш сорвать.
А тот ворует все подряд
Орлиный нос такой же взгляд
Кто песню пел и не допел,
Он преуспел, был слишком смел.
Один кричит, другой молчит.
Устал, сопротивляться не спешит.
Тот кровожадный как вампир,
На горе всем устроил с ним
Огромный пир.
А этот мил и любит мир.
Один бежит. Другой стоит,
Но, в общем, что там говорить,
А мы и дальше будем жить.

Творческий вечер Эльдара Гуршумова. г. Хадера.

Ә мәчлис нүвүchој чүһүрһој доғи, ә јәкимүн чәркә әз тараф чәп нүшдиһо 6-мүн Рәһбәр Чәһм нүвүchој Азәрбајчон хәлг шоһири -Анар Рзајев, 8-мүн хәлг шоһири - Фикрет Гоча, 2-мүн Рәһбәр Чәһм нүвүchојчүһүрһој доғи әи ћилом Әлдар Гуршумов ә шоһирһорәвоз ә јә чикә ә 2013-мүн сал, ә Израил кәширә омори.

Консерт Әлдар Гуршумов ə 1980-мүн сал ə телевезор Азəрбајчон, Дрижор хəлг артисти Азəрбајчон – бəстəкар Нəриман Əзимови.

Хəлг шоһири Фикрət Гоча 10 касет мəһниһој хүшдəрə ə Əлдар Гуршумов бəхширəнки, ə Израил кəширə омори. Нүшдəкорһо əз чəп: Анар Рзајев (Рəһбəр Нүвүчһој Азəрбајчон, Хəлг Јазичиси) нə Шоул Симантов.

Ə шəһəр Тел-Авив ə вəхт консерт кəширə омори. коф сохдə.

Слева: Г. Рзаева, Б. Абрамова, народный поэт Азерб. Ф. Гожа, журналистка В. Доленская, М. Хейли, Ш. Агарунов и пред. СПГЕ Э. Гуршумов

Soldan: J. Mişiçev, E. Salmanova. Ə. Quršumov, G. Rzajeva, Azərb. Xalq jazıçısı A. Rzajev və Ş. Simantov

Rita Levi, Margarita Kazakova, Şušana Abramova və Frida Yusifova.

Э 75- сали профессор Михаил Агарунов шиитрак сохдэнки кэнирэ омори

Премер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху встретился с Главой Всемирного конгресса горских евреев Акифом Гилаловичем

Рәхбәр нүвүchoj Чуһуphoj-доги Әлдар Гуршумов әдәj таза шоһирhорә ә Чәһм дәстәj нүвүсдәкорhо вәкүрдәни.

Предисловие

Һәр Астара.....3
Јә дү кәлмә коф.....4
Гуршумов Әлдар.....8
Вагиф кук Сәмәд.....18
Агарунов Јаков.....21
Агарунов Михаил.....25
Авшалумов Хизгил.....31
Амалдан Кукулу.....35
Абрамаов Хананил.....38
Амиров Лазар.....41
Алиев Вагиф.....44
Алҳасова Лиора.....52
Агаронова Лиза.....58
Агарунов Антон.....61
Абрамова Батсион.....65
Абрамов Соломон.....70
Абрамова Шушана.....75
Агабабаев Владимир.....79
Агарунова Галина.....89
Абрамов Хаим.....94
Агарунов Шабтај.....100
Абрамов Борис.....107
Агарунов Петр.....115
Алҳазова Эсфир.....119
Бабиев Зарбоил.....122
Бен-Әмануэл Соломон.....126
Бунјатов Һикмәт.....135
Бинјәминов Шәлмү.....141
Бинјаминов Хәјјам.....145
Гуршумов Бәһруз.....149
Гуршумов Морик.....154
Гаврилов Борис.....158
Гаврилов Михаил.....160
Гаврилов Семен.....163
Гаврилов Владислов.....168
Полина Гили.....171
Данилов Данил.....175
Давыдов Вәчеслов.....178

Дадашов Михаил.....183
Дадашов Борис.....186
Данилова Светлана.....191
Елизаров Михаил.....195
Еевдаев Ноберт.....200
Евдаева Марија.....204
Ефимов Иосиф.....209
Илишајев Човоил.....214
Изјагиев Сергеј.....220
Ибрагимов Шаһин.....224
Исаков Владимир.....227
Исаков Евгениј.....231
Исаков Мататија.....235
Исаков Бинјамин.....238
Ифраим Доги.....241
Илја Ширин.....246
Илхасов Павел.....250
Исајев Хајват.....256
Исаев Семен.....265
Исаков Рафаел..... 268
Иҳајев Рәшид.....275
Үшвәһ Ифрәим.....283
Исмаилова Диана.....290
Исмаилов Садык.....293
Ирина Михајловна.....295
Кардашов Виктор.....304
Курашинов Игорь.....311
Кукулиев Инна.....316
Лесовој Валереј.....323
Михајлов Әмил.....327
Мирзоев Гасан.....330
Нафталиев Мардрхај.....333
Нижинскаэ Гүлнара.....342
Нисимов Нисим.....344
Мушаилов Асәф.....346
Масандилова Аснат.....351
Матаев Иосиф.....356
Мигиров Иосиф.....359
Машијахова Јаша.....365
Нисанова Тәјло.....369

Роман Бадалов.....376
Рафаел Хана.....380
Рыбаков Давид 383
Раханаев Јуда.....395
Рахмилов Гемриил.....397
Рагимов Рəвшəн.....402
Разилова Рахил.....404
Рита Леви.....406
Лија Микдашијева.....409
Мигиров Рахамим.....415
Раханаев Дима.....424
Саадијаев Натан.....432
Симха Мардрхај.....439
Симонова Ирина.....445
Симах Шејда.....451
Симандуева Зоја.....458
Симантов Шауль.....463
Семендуев Александр.....468
Хануков Бинəмин.....471
Хаимова Виалетта.....473
Хејли Мирјам.....477
Ханукаев Борис.....485
Ханукаев Чинар.....492
Худодот Јусуфов.....496
Рашбил кук Шəмəј.....501
Шолумов Шолум.....509
Шабајев Давид.....532
Шимшун С афанов.....535
Шаулов Шаул.....541
Јусуфова Љуба.....548
Јуханаев Соломон.....553
Јусуфова Фрида.....558
Јусуфова Шушанна.....568
Захарјаев Рашбил.....572
Зарецкая Марина.....576
Јагудајева Бела.....584
Јакубова Инна.....591
Пејсахова Галина..... .598
Јашаев Данил.....605
Јакубов Ашир.....608

Јакубов Шамил.....615
Ягданов Юрий.....617
Якубов Альберт.....619
Јададијаев Гәврил..... 621
Якубов Алексей.....623
Ягданова-Мезенцова Любовь.....627
Ягубов Әмил.....629
Мошиашвили Михаил.....633
Шәкиоһо.....641
Сҹр нумиһо.....647

Ә мәчлис нүвүchoj чүһүphoj доги, ә јәкимүн чәркә әз тараф чәп нүшдиһо 6-мүн Рәһбәр Чәһм нүвүchoj Азәрбајчон хәлг шоһири -Анар Рзајев, 8-мүн ҳәлг Шоһири - Фикрет Гоча, 2-мүн Рәһбәр Чәһм нүвүchoj чүһүphoj доги ән һилом Әлдар Гуршумов ә шоһирһорәвоз ә јә чиkә ә 2013-мүн сал, ә Израил кәширә омори.

Чүһүphooj Доги ә Нимаз "Бејт Талхум Гуршумов" кура бирәт, Израил.